

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Поль Фор

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Уже более двух тысячелетий идут споры о жизни и свершениях этого человека, прожившего на свете недолгую, но необычайно яркую жизнь, полную победоносных битв, лишений, страданий от ран и невзгод, пиров и всяческих усад. Одни говорят о нем, как об Александре Великом, другие — как о жестоком и жалком пьянице-тиране. Несомненно одно: он оставил неизгладимый след в истории человечества.

Автор книги, известный французский исследователь Поль Фор сам прошел маршрутом походов Александра Македонского. Он попытался приоткрыть завесу тайны, окутывающей личность этого то ли героя, то ли полубога, и поведал о своих открытиях читателю.

Перевод осуществлен по изданию:

Paul Faure. Alexandre. Paris, Librairie Arthème Fayard, 1985.

- [Фор Поль](#)
 - [ОТ ПЕРЕВОДЧИКА](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава I](#)
 - [Детство](#)
 - [Царь Македонии](#)
 - [Царь Азии](#)
 - [Царь Тира](#)
 - [Царь Верхнего и Нижнего Египта](#)
 - [Освободитель Вавилона](#)
 - [В Персии](#)
 - [В сердце Афганистана](#)
 - [Край света](#)
 - [Отступление через Гедросию](#)

- [Царский мир](#)
- [Пир в Вавилоне](#)
- [Глава II](#)
 -
 - [Наследие](#)
 - [Нетерпеливый и покорный](#)
 - [Что значит быть первым](#)
 - [Царские обязанности](#)
 - [О воле](#)
 - [«Приказывать великое»](#)
 - [О соблазнительности и благодати](#)
 - [От опьянения физического к опьянению нравственному](#)
 - [Мера и чрезмерность](#)
 - [Портреты Александра](#)
 - [Сгорающий от жажды и любви](#)
- [Глава III](#)
 -
 - [Рождение полубога](#)
 - [Чудесное рождение и великодушная юность](#)
 - [Милости неба](#)
 - [Подобно Гераклу — от победы к победе](#)
 - [Героические романы](#)
 - [Одиноким герой](#)
 - [Дальше и лучше Геракла](#)
 - [Преданный герой](#)
- [Глава IV](#)
 -
 - [Зловещие тени прошлого](#)
 - [Карикатура на Ахилла](#)
 - [«Удачливый разбойник»](#)
 - [Цель войны](#)
 - [Безумный царь](#)
 - [Жалкие победы](#)
 - [От жестокости к тирании](#)
 - [Царь во хмелю](#)

- [Суждение моралистов](#)
- [Грязь власти](#)
- [Глава V](#)
 -
 - [Любимец небес](#)
 - [Подвиги и чудеса](#)
 - [Идеал и образец — даже в смерти](#)
 - [«Роман об Александре»](#)
 - [Блаженный герой иудеев и христиан](#)
 - [Последний языческий бог](#)
 - [Божественный вестник мусульман](#)
 - [От Аравии до Явы](#)
 - [Священное тело Александра](#)
- [Глава VI](#)
 -
 - [Завоевания — заслуга Филиппа](#)
 - [Армия](#)
 - [Символ народа, который в пути](#)
 - [Завоевания — заслуга инженеров](#)
 - [Сила экономических интересов](#)
 - [О золоте, пурпуре, самоцветах, благовониях](#)
 - [Греки — предшественники Александра](#)
 - [Люди делового мира](#)
 - [Роль флота](#)
 - [Символ единения или империализма?](#)
 - [Символ эллинизма](#)
- [Глава VII](#)
 -
 - [Первый негативный итог](#)
 - [Отцовское наследство](#)
 - [Строить на суше и на воде](#)
 - [Новая форма колонизации](#)
 - [Большие города, торговые столицы](#)
 - [Много народов, единое государство](#)
 - [Один человек](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
-

Фор Поль
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Цитаты из античных авторов (кроме двух-трех малодоступных источников) переведены заново. Ссылки на Арриана без указания произведения относятся к его «Анабасису». Ссылки *Плутарх* «Александр» указывают на Плутархову биографию Александра. Никак не оговорено исправление неточностей в ссылках на античных авторов и датах. В нескольких местах, где автором допущены явные ошибки, сделаны соответствующие исправления. Так, автор постоянно называет Каллисфена двоюродным братом Аристотеля, хотя принято считать, что он был его племянником. При первом упоминании о Клите говорится, что он был братом Ланики, кормилицы Александра, а впоследствии он несколько раз назван его молочным братом. Утверждается, что император Деций был убит в парфянской войне, хотя в действительности он погиб в Мезии на Дунае (очевидно, подразумевался император Валериан, плененный парфянами). В одном месте мы позволили себе глубже вмешаться в текст и поправить ряд огрехов в изложении содержания трактата Лукиана «Александр, или Лжепророк». Здесь, например, говорилось, что Александр (герой Лукиана) родился в македонской Пелле (на самом деле в Пафлагонии в Малой Азии), что его покровительница, которую некоторые современные исследователи, а за ними и автор, почему-то сближают с Олимпиадой, «воспитывала змей» (в тексте Лукиана ничего подобного нет).

Поскольку владение арабским пока остается для нас недостижимой мечтой, обширную цитату из Корана мы перевели с французского. Перевод И. Крачковского был нами учтен, но, на наш взгляд, он непригоден по причине буквализма, а уж утверждение в ст. 84 (86), что

солнце «закатывается в зловонный источник», и вовсе кажется сомнительным с мировоззренческой точки зрения (в переводе Г. Саблукова (1907) говорилось о «грязном» источнике, в переводе М.-Н. О. Османова (1999) он — «мутный и горячий»). Разумеется, с французского переведена и клинописная закладная таблица, найденная в основании дворца Дария I в Сузах.

В книге часто упоминается «талант», служивший мерой веса (первоначально 26,196 кг, в позднейший период, уже во времена Римской империи — 20,47 кг; впрочем, наш автор исходит из величины, встречающейся чаще в англоязычной литературе — 25,8 кг) и счетно-денежной единицей. Поскольку в таланте, таким образом, 842 тройские унции, а на мировом рынке серебро ныне стоит приблизительно 5,10 доллара за унцию, можно оценить талант (не забывая об условности такого перевода) в 4294 доллара. Таким образом, к примеру, стоимость гробницы Гефестиона (10 тыс. или 12 тыс. талантов) можно оценить в 43 или 51,5 млн долларов, а храмы, которые собирался возводить Александр по Средиземноморью (1500 талантов), — в 6,5 млн долларов. Чтобы читатель осознал неисчислимость этих сумм и понял также, как огромен даже и один талант, скажем еще, что средняя семья в Афинах могла прожить на 2–2,5 драхмы в день (в таланте 6 тыс. драхм), что означает примерно 1,4–1,8 доллара в день (впрочем, ведь и многие российские семьи имеют сейчас примерно такой бюджет).

Не считая дискуссию с автором прерогативой переводчика (особое неприятие вызывает эпилог, в котором Александр предстает каким-то издерганным эротоманом; кроме того, во всей книге уделено чрезмерное внимание гомосексуализму Александра, хотя ничего определенного на этот счет неизвестно) и дабы не перегружать книгу, мы ограничились минимальными примечаниями лишь там, где, по нашему

разумению, большинству читателей требовались пояснения. Постоянно встречающиеся в нашем переводе «товарищи» и «друзья царя» почти всегда подразумевают вполне определенные придворные македонские должности ἑταῖρος и φίλος. Во французском тексте (в том случае, если речь действительно идет о должности) они даются даже с прописной буквы, но мы от этого отказались ради удобства чтения. Следует отметить, что текст в круглых скобках внутри цитат из античных источников, как правило, принадлежит автору книги. Это, безусловно, несколько сбивает с толку. Еще читатель должен иметь в виду, что даваемые автором для привязки места действия современные географические названия далеко не всегда снабжены упоминанием о том, что в античности они именовались иначе (если речь идет об Азии, древние названия чаще всего к тому же неизвестны). Кое-где мы такое упоминание внесли, но поскольку этих случаев очень много, было бы неразумно делать это повсюду, поскольку чтение превратилось бы в бег с препятствиями.

И. И. Маханьков

Введение

ТАИНСТВЕННЫЙ АЛЕКСАНДР

Попробуйте объяснить лучезарность — напрасный труд. Откуда берется свет, излучаемый изваяниями и самой личностью Александра, ореол славы, окружающий сиянием наималейшие из его деяний на земле? От чего или от кого все это зависит?

От Бога, как полагал он сам и как могли полагать некоторые из его современников, вслед за Пиндаром, поэтом, столь ценимым Александром, распевавшие в разоренных Фивах: «Человек — всего только тени сон. Но когда падет богоданный луч, яркий свет озаряет людей и сладостная вечность» («Пифийские оды», VIII, 96–97). Это — метафизическое утверждение, и доказать его невозможно. Историк его отвергает, потому что это ему ничего не дает. И кем бы он ни был, учеником ли Аристотеля, наставника Александра, или провиденциалистом, как Боссюэ, он не может не признать, что не в состоянии отыскать тому разумных объяснений, ни исключительно через материализм, ни через мистику. Человек, отмеченный судьбой, излучает некий невидимый глазу свет!

Однако тогда, выходит, и вопрошать-то об исходящем от Александра сиянии некого, кроме него самого. В таком случае какие же проявления его личности помогут ответить на этот вопрос? Его характер, поведение, совершенные им деяния или то, что он лишь намеревался совершить? Едва ли ответ обозначится через наиболее важные этапы его жизненного пути, те тринадцать лет, что привели его из Пеллы, столицы Македонии, в Вавилон, где он умер. Но что можно сказать, какое предположение сделать в

отношении участия его собственной воли в тех блестящих свершениях?

Ни один человек не становится тем, что он есть, в одиночку, не добивается признания в пустоте. В Греции признание приходило к Александру — при его жизни — с немыслимым трудом и невозможно было тогда найти человека, которого бы так осмеивали и даже презирали, а его заслуги оспаривали бы так яростно. Три наиболее могущественных греческих полиса — Фивы, Афины и Спарта — отказывались признать за Александром какую бы то ни было славу, всякую добродетель, любое величие. Известны слова Диогена: «Не заслоняй мне солнца», насмешки авторов комедий, изображавших его пьяницей, полный презрения отзыв Демосфена: «Этот юнец... жаждет алтарей — так пусть ему их воздвигнут! Какие пустяки!» Между тем как демократическая партия в Афинах выступила против обожествления Александра, когда его уже не было в живых, спартанцам даже не достало терпения дожидаться его смерти. Они восстали против его власти еще при его жизни и увлекли за собой соседей. Что до направленных лично против него заговоров как в Македонии, так и в Азии, они наглядно показывают враждебное отношение к Александру даже со стороны самых близких к нему людей.

Вместе с тем, если Александр своим величием обязан не только своим личным заслугам, сможем ли мы дать надлежащую оценку его удаче, его славе, которые, как известно, что угодно оправдают? Следует ли нам оставить без внимания мнение тех, кто все это напрочь отрицает под тем предлогом, что Персидская империя рассыпалась сама, стоило ему сделать к ней лишь шаг, а дыхание пустыни «заглушило тот шум, который производила Великая Армия»? И лишь затем уже (вслед за современниками) в поисках причин такого числа славных побед обратиться к иррациональному, неизъяснимому, необъясненному и необъяснимому, к

тому, что принято называть счастливым стечением обстоятельств? Не к Року — покорности богов законам, которые они сами установили, не к случайности, этому самопризнанию человеческого неведения, но к Фортуне, Ἀγαθή Τύχη^[1]? Вопрос этот тысячекратно служил темой риторических упражнений еще в античности, пока около 95 года н. э. не появился трактат Плутарха «Об удаче или доблести Александра». Но это значит, что языковой оборот привел нас к теологическому объяснению, поскольку греки эллинистического периода почитали Фортуну как верховное божество. Мы предпочитаем думать так, как полагал другой завоеватель, Фридрих II, а именно что Небо, как правило, принимает сторону могучего воинства. Но кто из тех двоих, мистик или материалист, может претендовать на обладание истиной? Да и слова «как правило» оставляют нас в полной неопределенности.

Славу Александра, саму по себе, можно в расчет не принимать. То величественное сияние, которое от него исходило, напоминает свечение жаровни — чистый эпифеномен. В данном случае, можем мы сказать, эту жаровню наполнили топливом и зажгли царь Македонии Филипп II, отец юного царя, его военачальники, инженеры, финансисты, борзописцы или льстецы, его жены и солдаты, вернувшиеся из великого похода живыми. Мы далеки от того, чтобы отказывать Александру в мужестве, одаренности, политических и военных талантах. Однако иметь заслуги — это одно, а быть знаменитым — нечто совсем иное. Творцы, герои и святые живут и умирают в неизвестности. Среди многих прочих неясных моментов один представляется мне совершенно несомненным: при жизни Александру кадили куда меньше, чем после смерти. Он обязан славой не обширности своих завоеваний, не своему гению, не непонятно откуда снизошедшей мистической благодати, но исключительно всем тем, кто

поддерживал его культ. И главным образом сочинителям, склонившим общественное мнение в его пользу. Тем, кого в античности называли глашатаями, пророками, вестниками, панегиристами, и кто выполнял функции наших журналистов и средств массовой информации, предваряя составление официальных коммюнике и царских посланий, историкам или авторам хроник, тем софистам, которые были, в сущности, создателями мифов. Вот уж более века нам хорошо известно, сколь весомы могут быть дезинформация, контрпропаганда, клевета, неустанно повторяемые и распространяемые измышления, равно как пропаганда и неумеренные восхваления. Мы знаем, как опасно, даже в научной сфере, покушаться на раз установившиеся представления. Тем в большей мере это относится к эпохе, когда информация передавалась из уст в уста. Признание пришло к Александру, как нестройный шум, перекрывший все прочие звуки.

История обратила на эти звуки должное внимание много позже, огрубив и исказив их в угоду людской приязни и антипатиям, чаяниям и мечтам; однако при этом никогда не переставали слышаться критические голоса. Я был свидетелем того, как через 23 столетия после смерти Александра в Тегеране оспаривали его славу, говоря о нем исключительно как об «Александре Малом». Понятно, что персы предпочли гигантскую империю Дария раздробленным царствам завоевателя. Это, однако, не помешало прославлению Александра от Грузии до китайского Туркестана, и от Черного моря до слияния Белого и Голубого Нила — как Искандера Зуль-Карнайна, «Александра Двурогого», сверхчеловека и даже нечеловека. Из века в век ореол славы продолжал сиять в двойном кольце тьмы: с одной стороны, на него падала тень очернения, с другой — размывала легенда. За нападками противников и циников последовали хвалы поклонников, фантазии обожателей, «Роман об

Александр», написанные александрийским стихом поэмы. Все взгляды сосредоточились на царском венце, так что люди в конце концов позабыли, на чьей голове он красовался. Мы позволили увлечь себя суждениями последующих поколений, ходульными представлениями, предрассудками. Но если слава Александра зиждится лишь на них, тем более не стоит основывать на том наше исследование. Скорее следует писать историю становления Александра, отталкиваясь от того, каким он был, и приходя к тому, каким он представляется современности.

Такова цель настоящего труда. Не точное изображение лика государя, но многочисленные маски, которые последовательно надевало на него потомство. Величие или слава Александра зависят исключительно от избранной точки зрения. Если мы ограничимся той, которую предполагает наше образование, наш взгляд окажется ложным как в силу того, что мы — европейцы и наследники греческой культуры, так и из-за предвзятости позднейших наших источников, а в особенности из-за романов об Александре, необычайно многочисленных и популярных в Средние века. Повлияет на него и незнание текстов восточных авторов, а также тот элементарный факт, что тамошним обитателям по сути не было позволено высказать свое мнение об Александре — они разделили участь всех побежденных.

Наши методы исследования прошлого, преимущественно книжные, как правило, упускают из виду данные археологии и этнографии, даже когда мы таковыми располагаем. Еще в большей мере это относится к «легендам», на которые столь богаты те края, где до сих пор не утратила своего значения устная традиция. Представьте лишь, что ни в одной из сорока двух Александрий, основание которых приписывают самому «Искандеру», еще не проведены систематические раскопки, и что самые известные среди

них, в том числе семь несомненно подлинных, покоятся под земной толщей неизвестно где — то ли под наслоениями нынешних городов, то ли под речными наносами. К эпохе завоеваний Александра можно отнести едва ли дюжину кратких надписей. И все наши усилия извлечь хоть сколько-нибудь истины из доступных нам свидетельств наталкиваются на неполноту, предвзятость, вымысел, недостоверность, затейливость и противоречивость.

За этим стоит еще одна иллюзия: представление, что свет можно объяснить через тень, блистание духа — через косность или тупость материи, или, говоря конкретно, разум и смекалку греков — тяжеловесной глупостью их противников. Я посоветовал бы сторонникам такого дуализма (чтобы не сказать манихейства), наследника схоластики, отправиться в музеи Каира, Багдада, Тегерана, Кабула или Лахора, где они быстро усвоят, что оригинальность не заключается ни в противопоставлении, ни в синтезе противоположностей, но в даре изобретательности. Обращение к разнообразным источникам, несомненно, наделяет пониманием относительности всякого, у кого его прежде не было. Здесь мы усваиваем также и то, что произведения искусства и духа в изобилии заряжены символизмом, что в представлении людей Востока и африканцев, живущих в Александрии, всякая вещь — это она сама, а сверх того — и другая вещь. Всякая победа в известном смысле оказывается поражением, а всякое поражение чревато плодами. Победитель кончает тем, что объявляет себя побежденным. И все это предостерегает нас от потуг структурализма, претендующего на то, чтобы выработать классификацию или получить характерную для древних систему противоположностей. Александр не вписывается в множественность предметов или личностей, для

которых в большей или меньшей мере характерна неопределенность: он резко выделяется на их фоне.

Вот почему — а также чтобы разом преодолеть как скудость наших источников, так и чрезмерность наших предрассудков — я избрал иной подход. Разумеется, я проштудировал греческих и латинских авторов, а также персидские, сасанидские и иранские тексты, Коран и современные исторические сочинения, которые не менее чем на дюжине языков превозносят подвиги или клеймят недостойные поступки завоевателя. Я был избавлен от необходимости (имея в виду читателя, подзуживаемого эрудицией) вновь заняться критическим анализом источников, что после Сен-Круа (1804) делалось уже не менее сотни раз. Такому читателю достаточно знать, что, если говорить о Западе, практически вся наша письменная традиция покоится на трудах греческих авторов-уроженцев египетской Александрии. Это относится и к так называемой «Вульгате», которая зависит от сохранившейся фрагментарно истории Клитарха Александрийского¹ (в 13 книгах?), посвященной походам Александра и возникшей между 320 и 300 годами, и к «Анабасису» Арриана, основанному на утраченных записках Аристобула и египетского царя Птолемея I (между 305 и 283 гг.). То же можно сказать и о «Романе об Александре», ложно приписанном Каллисфену, а на самом деле принадлежащем александрийскому ритору, жившему во времена Севера Александра (222–235 гг. н. э.)^[2]. Итак, все попытки реконструкции образа Александра, исторические или литературные, вдохновлялись Египтом, где на протяжении более чем шести веков хранилась мумия завоевателя.

Несомненно, всякий исторический труд представляет собой реконструкцию. Помимо этого, в наши дни от него требуется опора на многочисленные свидетельства, причем они должны быть разными и

даже противоречивыми. «*Testis unus, testis nullus* (один свидетель — не свидетель)», — говорили в Древнем Риме. Вот уже на протяжении сотни лет профессиональные историки предпочитают «Анабасис» Арриана² анекдотам или назидательным историйкам Клитарха, потому что, будучи сформированы в старой школе, они рассматривают историю как цепь дипломатических и военных событий. Новейшая же школа и широкая публика интересуются скорее массами, чем отдельными личностями, а в каждой личности — скорее характером и нравом, чем поступками и их хронологией. В том, что касается Александра, они обращаются преимущественно к Плутарху, Квинту Курцию и Юстину то есть предпочитают солдатские рассказы повествованию царя Птолемея и его военачальников.

Несмотря на неприятие или скрытое недовольство университета («некритично, ненаучно»), для того чтобы хоть что-то понять в том необычном предприятии, какое представлял собой поход Александра, я счел за благо прибегнуть к этнографическим методам, отправиться на место событий, заново проделать, отчасти пешком, долгий путь армии Александра от берегов Дуная до берегов самой дальней реки Пенджаба, расспрашивая по пути местных жителей относительно их нравов и повседневной жизни, непрестанно сравнивая местности, климат и людей. И хотя сравнением ничего не докажешь, во всякой реконструкции важное значение имеет неизменность географических условий, а также связанных с ними экономического и социального укладов. Житель зеленеющей равнины действует и реагирует на окружающее совсем иначе, чем обитатель пустынь, и то же самое можно сказать о несходстве горца и обитателя болот. Древний конфликт пастуха-кочевника Авеля и оседлого землепашца Каина продолжается у нас на глазах. А что происходит, когда

беспорядочно перемещавшаяся с места на место толпа принимает оседлый образ жизни?

История Александра и войска, с которым он составлял неразрывное целое, связана с действиями и движением балканских горцев, столкнувшихся с неслыханными климатическими условиями и непостижимыми людьми. Мы неправы, когда негодуем по поводу огромного числа зверств (сильно преувеличенных легендой), которые совершил завоеватель. Отправимся-ка лучше на Ближний Восток, чтобы разузнать, как большинство тамошних обитателей представляет себе человеческую жизнь и ее ценность, что они думают о потустороннем мире, об истине, вере... И возможно ли, чтобы человек, который питается исключительно мясом и молоком, мыслил и чувствовал, как вегетарианец, рыбоед или постник? Чего только не вытерпели солдаты Александра в пустынях Белуджистана! Как объяснить предшествовавший смерти запой Александра, если не столь же древним, как сам индоевропейский мир, обычаем ритуальных попоек?

Биография — это литературный жанр, почти ничего общего не имеющий с экономической и социальной историей, с историей техники, историографией, да и просто с историческими размышлениями. Мы не отрицаем, что воля и пример вождей всегда брали верх над общественной организацией, что они стимулировали изобретателей, затмевали и ослепляли критический дух повествователей. Одни, особенно на Западе, называют Александра «Великим». Но мне пришлось слышать и других, на Востоке, которые вслед за Лукианом Самосатским называли его «Малым» или просто «Македонским». Биограф не должен задаваться вопросом о том, в чем состоят величие и незначительность, понятия целиком и полностью относительные, как и о том, не является ли его герой,

как и прочие люди, всего-навсего продуктом экономики и способа производства. Не стоит также увенчивать кого-то лаврами, а уж тем более их отбирать; задача заключается в том, чтобы, подобно Диогену, современнику Александра, искать человека и чтобы человек не застил нам солнце, то бишь характер.

Чтобы этого добиться (после того как поступки Александра будут изложены здесь с максимальной объективностью), я прибегну к четырем или пяти источникам, которыми часто пренебрегают: это суждения современников, последствия принятых решений, поведение после победы, иконография (скульптура и нумизматика), а также свидетельства архитектуры и городской культуры. Основание городов — таких, как семь или восемь Александрий, появившихся с 331 по 323 год, и возведение таких гробниц, как предназначавшаяся Гефестиону в 324 году, не меньше, чем о вкусе, свидетельствуют об устремленной воле этого человека, намного превосходившей технические возможности искусных мастеров. От статуи к статуе, и чуть ли не от монеты к монете лицо завоевателя, обращаясь к нам, позволяет проявиться другим аспектам его личности. Возвышаясь, человек меняет характер. Наконец, совершенно не имеет смысла выносить нравственное суждение. И тем более необходимо отметить произошедшую эволюцию. Как встретил смерть молодой человек, который никогда не переживал неудач и который в конце жизни заставлял называть себя «непобедимым богом», θεός ἀνίκητος? Быть может, свое суждение могли бы высказать здесь и врачи. Вообще говоря, все допускают, что на природные задатки, унаследованные от родителей, оказывают влияние воспитание, жизнь в обществе, всяческие потрясения, любовь, честолюбие. Кто, как не психолог, поможет в них разобраться? Я не в состоянии избавиться от мысли, что личность Александра составляла целая

чередой персон, то есть масок в латинском смысле этого слова (persona).

Однако стоило Александру умереть и превратиться в набальзамированный труп, как в воображении потомства его скрыло от глаз еще большее число масок. Всякий народ, даже всякий рассказчик почитал себя обязанным толковать тени, пробежавшие по этому бесстрастному лицу, которое можно было наблюдать на изваянном из хрусталя смертном ложе, под сводами небольшого мавзолея в Александрии до самого конца язычества. Для Птолемеев и их придворных это был живой бог, сын и дальний потомок богов. Его присутствие было гарантией законности и авторитета новой династии, тридцатой по счету в Египте. Отсюда — двойственная и неясная ситуация, наблюдаемая нами ныне.

Для Арриана из Никомедии, который около 140 года н. э. писал свой «Анабасис» или «Поход Александра» к глубинам Азии, «Птолемей и Аристокл более достойны веры: Аристокл потому, что проделал кампанию с Александром, а Птолемей — потому, что не просто следовал за ним, но потому, что такой царь, как он, больше кого-либо другого постыдится лгать. А поскольку писали они уже после смерти Александра, они не были связаны каким-либо обязательством, и никакая нужда в деньгах не побуждала их к искажению действительности» (I, 1, 2). Неплохое определение объективности — или изящный софизм, дошедший до нас из середины II века н. э., явившегося свидетелем возрождения греческого риторического искусства! «Это произнес и даже записал царь по божественному праву; таким образом, это правда».

Но для толпы, для человека улицы, для путешественника, в глазах которого Александр — это преставившийся бог, или полубог, за двенадцать лет покоривший мир, все становится возможным, — даже за

пределами реального, чувственно воспринимаемого и осязаемого. Немногочисленные македонские солдаты, избежавшие парфянских и скифских стрел, пережившие ужасы пустынь и морских глубин, повествуют о своих любовных похождениях, о покоренных ими вавилонянках и персеполянках. Нет нужды прибегать к услугам какого-нибудь Клитарха, чтобы уложить в постель к Александру всех азиатских царевен, в том числе и амазонских... даже тех, которых никогда не было на свете. Ему приписывают даже то, что было лишь замыслом или мечтой, — покорение Аравии, завоевание Запада, всемирное царство, усвоение всей мудрости, и это происходило в то время, когда диадохи, наследники, буквально рвали друг друга на части; тогда-то и получили хождение всякого рода вымыслы: тенденциозные мемуары, анонимные сочинения, подложные письма, вымышленные посольства (такие, как посольство римлян, якобы явившееся в Вавилон), рассказы о вымышленных путешествиях (паломничество Александра в Иерусалим). Все великие завоеватели, от Пирра и до Марка Аврелия, которые, будучи не в состоянии сохранить трезвость мысли и вдохновляясь идеей всемирного господства, внесли свой вклад в создание нового образа Александра. «Роман об Александре» (если быть точным, «Книга о достославных деяниях и жизни Александра»), безосновательно приписываемый Каллисфену, начал писаться в людских умах и сердцах с самого начала эллинистической эпохи³.

И все же образ Царя царей, который возник у нас благодаря этому роману, не более неправдоподобен, чем тот, которым мы обязаны кисти Птолемея и Аристобула. Правдоподобие — не критерий истины. Я не понимаю, почему мы считаем правдивой одну-единственную неясную картину, созданную этими писателями, и ложными — все яркие и живые портреты последующих поколений. Всякая эпоха имеет право на собственное

представление об истории. Быть может, это же относится и ко всякой стране. Хотя книга Клитарха входила в программу преподавания во всех школах Италии по крайней мере до конца I века, римляне, весьма ревностно относившиеся к своему величию, вволю чернили образ македонского царя, подчеркивали его преступные деяния, ставили под сомнение его военные заслуги, отказывали во всякой действительности македонской фаланге. Или же они старательно фиксировали баснословные утверждения, содержащиеся у исследователей Азии, сопровождавших Александра или прибывших туда вслед за ним — Онесикрита, Даимаха, Мегасфена. Они не принимали во внимание того, что люди эти всего лишь переводили персидские или индийские тексты либо отыскивали доказательства того, что действительность способна превзойти всякую фантазию, как это видно из их сообщений о пигмеях и циклопах, о поразительных способностях факиров, о добывающих золото муравьях, о первобытных племенах. Позитивистский дух Запада отвергал как неумеренную лесть в отношении властелина, так и читательскую страсть ко всему чудесному. Даже честный Курций Руф⁴ (возможно, бывший консулом в 43 г.) счел себя обязанным заявить: «Я записываю более, чем верю сам» («История», IX, 1, 34), причем было это за целое столетие до того, как Лукиан посвятил подобным рассказам два трактата⁵.

Я не настаиваю на их истинности. Однако они обнаруживают состояние ума, представление о человеке, которое достойно того, чтобы занять свое место в историографии Александра. Тем более что мы, даже против желания, уже в конце XX века, восхищаемся им куда больше, чем того желали авторы «Романа об Александре» от Юлия Валерия до Ламбера из Шатодёна, авторы стольких александрийских стихов. Мы видим его иначе, нежели его собственные

современники. Мы всегда называем его «Великим», и горе тому, кто осмелится сказать, как некоторые современные критики, что это был всего лишь человек, как и прочие, со своими слабостями и родимыми пятнами! Нельзя забывать о запретах, связанных с тем, что сделалось священным. Последующие поколения героизировали и даже обожествили Александра. Они сделали из него персонаж эпоса (в античности насчитывалось по крайней мере шесть «Александриад»), бесчисленного числа романов, героя апофеоза, чьи приключения изображены на миниатюрах христианского, мусульманского и даже монгольского Средневековья, а также высечены в камне соборов.

Не обращаться к таким свидетельствам, как Псевдо-Каллисфен, согласно которому Александр являет собой воплощение мудрого и добродетельного принца, значило бы предать историю. Пятьдесят поколений людей после Псевдо-Каллисфена были столь несокрушимо убеждены в том, что этот молодой человек являет собой образец мужества и благочестия, что стало почти невозможно настаивать на обратном, особенно в эпоху, когда уже и комиксы превозносят героя. В конце концов биограф, как и романист, отождествляет себя со своим героем и всегда раскрывает нам лишь одну какую-то сторону, грань Человека. Как говорят священные индийские тексты, мудрец и герой являются порой аватарами, воплощениями божества в человеческом образе. Одно из таких воплощений — яркий образ Александра в ряду прочих прославленных имен: образ витязя, короля-паладина.

Хотя мы не в состоянии достоверно и окончательно установить день, когда появился на свет Александр III Македонский, а также то, что он совершил от своего рождения, 6 (?) октября 356 года, до смерти, последовавшей 10 июня 323 года до н. э., то по крайней мере сравнивая немного, что известно о его

деятельности, с тем, что сохранили в памяти и прославили последующие поколения, мы можем составить представление о том, кого же человечество склонно признать «великим человеком». И хотя современные критики, начиная с Сен-Круа, пытаются совлечь с Александра роскошные одеяния, в которые облачила его традиция, рассеять воскуряемый ему фимиам, так и застилавшие его миазмы, биографы, пускай всего лишь из сочувствия, продолжают твердить, что он гений, исключительная личность, напоминая о его несравненной судьбе и рискуя приписать ему идеальные качества героя иного, своего времени. Для Дройзена он романтик, для Ницше — сверхчеловек, для Крафта — рационалист, Тарн же видит в нем духовного предтечу Лиги Наций. Я настаиваю на том, что эти образы завоевателя, «увлекшего за собой все сердца», столь же истинны, как и те, что оставили нам античность, Средние века и эпоха Людовика XIV. Или те, которые могут одновременно создать, глядя на один и тот же пейзаж, разные художники. Обреченные воспринимать лишь кажимость и жить исключительно становлением, мы прекрасно знаем, что «увековечивающее» искусство — это всего лишь индивидуальное выражение коллективной веры. И я сочту истинной удачей предлагаемого «альбома», если мне удастся представить вам ряд художественных образов, а не клише.

Изложенные воззрения на наши источники, наши методы и наше представление о многообразии или, так сказать, стереоскопическом изображении истории приходят в столкновение с одной из наиболее явных тенденций современной историографии, которая заключается в том, чтобы вообще удалить из истории личность, с тем чтобы заменить ее, как во времена Тэна — расой, средой, эпохой. Таким образом мало-помалу возникают история цивилизации или история нравов и

при этом совершенно упускаются из виду пастыри племен, изобретатели, — все те, кто принимает на себя ответственность, кто обладает сильной волей. Нет такой биографии Александра, которая не начиналась бы с нескончаемой характеристики положения дел в Македонии перед 336 годом до н. э. либо не содержала бы биографии его предшественников, известных и неизвестных. Еще его превращают в эпигона, в человека, который покорно плелся за Филиппом II и собственными советниками: министрами, инженерами, финансистами, торговцами. Поведение Александра пытаются объяснить или оправдать давлением со стороны окружения, материнской наследственностью, чрезмерным доверием бездарным, или наоборот, слишком ловким помощникам, а также всем тем, что нам неизвестно. Так, царя изображают хозяином положения вплоть до битвы при Гавгамелах (1 октября 331 г.), а после нее — увлеченным и поглощенным своим завоеванием — или ничтожеством вакуума. Но История, как и Природа, не терпит пустоты.

Александр наполнил собой всю вторую половину своего столетия, всю эллинистическую эпоху. Риму с его проконсулами и императорами оставалось лишь следовать его примеру. Завороженные этим образцом, они отправились на завоевание обитаемого мира — вплоть до того момента, когда их германские и романские наследники переправились уже и через Реку Океан. Александр никогда окончательно не уходил из жизни, ибо он никогда не переставал вдохновлять глав западных государств, в том числе трех Александров — российских самодержцев, поскольку он никогда не переставал быть любимым поэтами и сказителями. Для того чтобы продолжать жить или просто выжить, усопшие нуждаются в том, чтобы их любили. В противном случае:

Как тело в воду канет, так память имя съест.

Не может быть воскрешения прошлого без любви, интереса, сочувствия, а также и без веры в возможность совершенствования человеческой натуры.

Вот почему на нижеследующих страницах читатель, пожалуй, найдет меньше материалов о жизни Александра, чем о том, каким он запечатлелся в последующие эпохи. Человек этот вышел за пределы своих возможностей не только в эпоху, в которую жил, но и вне ее. Люди мучительно ищут ответа на вопрос, не был ли он богом и не случилось ли так, что, перестав сомневаться в том, что его славе, равно как его образам, на пути к бессмертию суждено переходить из эпохи в эпоху, он полностью отдался собственному посмертному существованию. Нет ничего более поучительного, чем последние дни Александра, какой бы ни была по сути его физическая кончина: истощение, самоубийство или отравление. Он превратил свою участь в судьбу. Преобразил ее в момент осуществления.

В такую сквозную (во временном аспекте) перспективу всецело укладывается план настоящего труда. Вначале голые *факты*, по крайней мере те, что позволяют выделить критичный взгляд, а также сопоставление текстов с посещенными мной краями и с наличными там социальными структурами, — от рождения завоевателя и до его смерти. Затем *человек*, то есть личность и характер, по крайней мере те, какие можно в нем предположить судя по его воспитанию, его образам, свершениям, его кончине и нереализованным замыслам, коли уж, как утверждает Ж.-П. Сартр, человек — это лишь итог того, что он сделал. Далее *герой*, тот полубог, какого вылепили диадохи, их наследники, и прежде всего Птолемей I и писатели, получавшие у него жалованье; впрочем, под влиянием

литературного мира, сосредоточенного прежде всего на человеческих слабостях, на протяжении почти пяти столетий Александр, оказавшийся в центре споров, слыл *антигероем*. Фактически он стал *богоравным*, идолом, лишь в тот момент, когда легенда о нем упрочила свою жизнь в человеческом духе в самых разнообразных формах, подпитываемая желанием позабыть и свидетельства очевидцев, и достижения науки, и доводы рассудка. На протяжении пятнадцати веков то был Александр сказителей и поэтов, благовествовавших (на всех европейских и половине азиатских языков) его псевдоевангелие. В шестой же главе я постараюсь показать, что случилось с Александром после века Просвещения: он сделался *символическим царем*, и образ его расцветивался теми цветами, которые излучали направленные на него осветительные приборы, высвечивавшие его национализм и отображавшие различные взгляды на философию истории. Наконец, финальная глава посвящена обсуждению того, что же от Александра *осталось* — не с тем, чтобы попытаться подыскать ответ на неразрешимый вопрос, неизменно возникающий в подобных случаях: кто же все-таки движет историей? — а с тем, чтобы определить значение и смысл такого ряда биографий или по крайней мере сориентировать дальнейших исследователей.

Завоеватель, персонаж, герой, антигерой, бог, символ и, возможно, в самую последнюю очередь — деяния. Таковы, по крайней мере на данный момент, семь ликов таинственного Александра.

Глава I

ФАКТЫ

Между 10 и 15 октября 356 года до н. э. к Филиппу II, царю Македонии, воевавшему тогда против пеонов на севере, явились один за другим четыре гонца. Они сообщили о том, что лошади одной из его конюшен 27 или 28 сентября одержали победу на скачках Олимпийских игр; одно из иллирийских племен, обитавшее к западу от Охридского озера, сдалось полководцу Филиппа Пармениону; что в конце того же сентября или начале октября на свет появился его третий сын, тот, которого мы зовем Александром Македонским; и, наконец, о совершенном безумце поджоге одного из семи чудес света (я имею в виду храм Артемиды в Эфесе, Малая Азия). Новости эти перечислены мной в порядке убывания их отрадности для царя, ибо лишь впоследствии узнает он у гадателей, в какой связи они находятся друг с другом и как их толковать.

Первая новость означала для всех греков, что Филипп, молодой тогда военачальник (ему было 26 лет) — абсолютный чемпион среди коннозаводчиков. Вторая принуждала их взирать на него как на опасного соседа. Третья делала из него озадаченного папашу-государя. Ибо у него уже было два сына от разных женщин. Кто же станет царем: Каран, сын благородной македонянки, Арридей, которого родила Филиппу годом позже благородная фессалиянка, или Александр, произведенный на свет царевной Эпира, полугречанкой Олимпиадой? Что до пожара в великом азиатском святилище, то у какого грека, у какого эллинизированного македонянина, у какого верующего,

у какого художника достало бы духа радоваться подобным событиям?

Детство

Мы озадачены не менее Филиппа, ибо не знаем, когда, где и как Александр появился на свет. В Пелле, — утверждают современные историки, ибо там находился дворец, в котором царь Филипп иногда принимал послов. Был ли он расположен на холме по соседству со Старой Пеллой, поскольку название это, кажется, означает на македонском диалекте «скала», или в нижнем городе, возле обширной заболоченной равнины, сообщающейся с морем? Мозаики и прочие элементы убранства обширных развалин на равнине указывают скорее на преемников Александра, чем на его предшественников. Вокруг же базилик, которые были построены семью-восемью веками позже рассматриваемых событий на вершине верхней Пеллы, раскопки только начались. Я склонен полагать, что Олимпиада не пожелала бы дать жизнь своему первому ребенку здесь, посреди этого пейзажа, образованного стоячими водами и невзрачными холмами, с куда более резкими, чем в самой Греции, погодными контрастами при смене времен года. В молодости Александру удалось уберечься от распространенной в этих местах малярии, которая станет смертельной для столь многих солдат, сражавшихся вблизи Салоник в ходе Первой мировой войны. Скорее всего, Олимпиада осталась рожать в горах близ Верии: совсем недавно в Палатице, местечке, называемом Вергиной, что соответствует древним Эгам⁶, столице и некрополю первых царей Македонии, была обнаружена царская резиденция.

«Он прожил 32 года и 8 месяцев, — пишет Аристобул, один из штабных офицеров Александра, — а царствовал 12 лет и также 8 месяцев» (*Арриан*, VII, 28, 1). Поскольку завоеватель умер 10 июня 323 года⁷, а

взошел на престол в октябре 336 года, это означает, что Александр родился в октябре 356-го. Плутарх, процитировав несколькими строками выше математика Эратосфена, пишет: «Александр родился шестого числа (афинского) месяца гекатомбеона, который македоняне называют „лой“» («Александр», 3, 5). Эта дата должна была бы соответствовать 20 июля 356 года, с тем, правда, допущением, что в тот год афинский календарь не подвергся радикальной переделке, а также если бы мы не прочли у Демосфена («Речь о венке», 157), что македонский месяц лой соответствует афинскому боэдромиону, то есть, грубо говоря, сентябрю. Сколько сомнений, сколько колебаний уже в вопросе о том, какому месяцу — июлю или октябрю — отдать предпочтение!

Но следует ли выбирать? Я буду придерживаться версии об одновременности сообщения о победе на Олимпийских играх и о рождении ребенка. Литературная традиция настаивает также на том, что роды имели место во время осенней бури. Но если оставить в стороне благочестивое нагнетание знамений — ослепительные вспышки молнии, раскаты грома, потоки дождя и, естественно, Зевсовых орлов, усевшихся на крышу царских покоев, и принять во внимание, что бури в Верхней Македонии нередки именно в первые недели октября, я, пожалуй, отнес бы столь громоподобные роды примерно на 10 дней после начала или окончания Олимпийских игр 356 года, то есть на период с 6 по 10 октября⁸. Разумеется, гонцам понадобилось время, чтобы преодолеть несколько сотен километров. Утешимся же относительно того, что мы не знаем точно день и час: ведь даже о рождении Иисуса Христа мы можем судить лишь приблизительно, с разбросом в 3 года.

Македония и Греция.

Но здесь, в Македонии⁹, — никаких чудес, никакой небывальщины. Самое большее, о чем можно говорить, так это о гнетущей атмосфере. Третий брак Филиппа имел под собой более политических соображений, чем сердечных. В его время уже не женились на наследнице трона пастушеского края, да к тому же сироте, без определенных видов и расчетов. Царь познакомился с царевной несколькими годами ранее, когда она была совсем еще юной девушкой. Это произошло в святилище на Самофракии, одном из центров античного мистицизма, а сверх того — еще и панэллинизма. Но едва прошли свадебные торжества и первые излияния чувств, что имело место зимой 357/56 года, как Филипп предоставил супругу своим благочестивым занятиям, а

также ревности, а сам погрузился в пучину политических амбиций.

Дипломатия, административная деятельность, завоевания, охота, рыцарские попойки — все это интересовало его куда больше, чем громадные ужи, которыми окружала себя его супруга и которых она чуть ли не приносила на царское ложе. Не будем даже пытаться себе представить отвращение, которое должен был испытывать муж, вынужденный разделять ложе со змеей. Одно несомненно и засвидетельствовано историками: Филипп официально выказывал Олимпиаде те знаки внимания, которые полагались ей по рангу, но любил ее все меньше и меньше. И если уж ей довелось родить от него сына, ему следовало как можно скорее лишиться мать возможности воздействовать на ребенка. Похоже, что рождение сына никак не отразилось на Филиппе. Он завершил кампанию, которую вел против пеонов в области нынешнего Титова-Велеса в Югославии и высокогорной долины Вардара, и явился на него поглядеть и признать месяцем или двумя позднее^[3]. Против ожиданий Филипп назвал его не Аминтом в честь своего отца, но Александром — явно из политических соображений, поскольку так звали другого македонского царя, правившего в 498–454 годах знаменитого любителя греков (его даже прозвали «Филэллин»), который был олицетворением союза Македонии с греческим миром, союза неизменно желательного и столь же неизменно откладываемого на будущее.

Бессобытийное, ничего не объясняющее детство. Младенца поручили кормилице по имени Ланика (усеченная форма от Гелланики?), замужней женщине из высшей македонской знати. Ее младший брат, Клит Черный, возглавил в будущем царский эскадрон, спас при Гранике царя и стал его доверенным лицом, а впоследствии — жертвой. Можно полагать, учитывая

необычное имя этой дамы, а также то, что царь иногда переходил на местный диалект, что первые свои слова он произнес по-македонски¹⁰, хотя вскоре сделался двуязычным. При дворе Филиппа изъяснялись (это касается и самой Олимпиады) на смешанном греческом языке, с сильной примесью аттического диалекта. Однако со своими солдатами, пастухами и крестьянами, а также, возможно, и между собой знать изъяснялась на языке, достаточно близком к фессалийскому диалекту, где краткое начальное греческое а становилось долгим h, безударное ai — простым а, а звук и переходил в ou. Хлеб здесь называли «драмис», а воду — «ведес». Когда в 328 году Александр, обуянный вином и яростью, намеревался умертвить брата своей кормилицы, он обратился к своим телохранителям по-македонски (*Плутарх «Александр», 51, 6*).

До шести- или семилетнего возраста Александр играл со своими сводными братьями, кузенами и другими малышами из рода Аргеадов, которые обитали во дворцах Эг, Эдессы и Пеллы, в игры греческих детей того времени — в шары, мяч, шашки, кости, прятки, классы, бегал, лазал... Он уже тогда полюбил баню, но зато так и не научился плавать. В один прекрасный день, или, если угодно, в один ужасный день Александра отдали воспитателю — Леониду, «человеку сурового нрава и родственнику Олимпиады». Плутарх, которому мы обязаны этим сообщением, предполагает, что Леонид все сделал для того, чтобы умерить горячность, даже вспыльчивость мальчика, предписывая ему физические упражнения спозаранку, суровое благочестие (и никаких благовоний, пригоршнями бросаемых в курильницы), легкий завтрак, постоянное исполнение домашних заданий, послушание. «Тот же Леонид, — рассказывал впоследствии Александр своему биографу (Каллисфену Олинфскому?), — даже открывал сундуки с моими покрывалами и одеждой, чтобы

проверить, не положила ли туда моя мать что-то из роскошных или лишних вещей» (*Плутарх «Александр»*, 22, 10).

Уже одна эта черта позволяет опровергнуть утверждения тех, кто приписывает Олимпиаде определяющее влияние на поступки и даже политику сына. С семилетнего возраста Александр был избавлен от порывистых и неистовых излияний материнской нежности. Полудюжина преподавателей обучала его и нескольких других юношей, принадлежавших к македонской знати, всему тому, что должен знать и уметь образованный афинянин¹¹. А это, если перечислять по порядку, гимнастика для тела (борьба, бег, метания, прыжки в длину), музыка, и вокальная, и инструментальная, — для души (покоритель Азии утешался впоследствии в тяжкие минуты, пощипывая струны кифары), и, наконец, чтение нараспев гомеровских поэм. Преподавание поначалу велось только устно, оно было скорее художественным, чем литературным и атлетическим, чем интеллектуальным. Позже Александр научился читать, писать и считать на абаке (счетной доске).

Нет сомнений, что воспитатели, и прежде всего старый Лисимах, прозванный Фениксом, указывали Александру в «Илиаде» на образец для подражания — на великого Ахилла, потомками которого желали считаться правители Эпира и сама Олимпиада. Отправляясь в поход, Александр захватил с собой Гомера. В десяти известных нам эпизодах молодой царь, за которым следовал Лисимах, обращался к Ахиллу с молитвой, призывал его, сознательно или бессознательно ему подражал. Оказавшись в Азии, Александр первым делом обежал обнаженным вокруг гробницы своего царственного предка. Когда в июле 346 года Демосфен и другие афинские послы вновь прибыли в Пеллу для переговоров с Филиппом о мире, Александр

во время устроенного торжества читал Гомера, а потом разыграл с одним из своих товарищей, которому, как и самому Александру, было тогда 10 лет, сцену из Еврипида. Позднее афинский оратор говорил, что нашел сына царя в одно и то же время любознательным, прилежным и уморительным, как «гомеровского Маргита». Несомненно, ненависть к Македонии ослепляла Демосфена, который знал о претензиях правящей династии возводить свое происхождение к полубогу, исполинскому Гераклу (в Риме его стали звать Геркулесом). Подумать только, этот десятилетний ребенок полагал, что происходит по женской линии от морской богини и от Зевса, бога-громовержца — через своего отца Филиппа, этого окривевшего колченогого пьяницу!

Есть ведь и еще одна разновидность воспитания, и ее-то наши источники от нас скрывают, — это воспитание примером. Воспитатели Александра годами прилагали усилия к тому, чтобы избавить его от влияния окружения Филиппа, от тех, кого тот называл своими «настоящими» друзьями, «гетайрами» (ἑταῖροι), его спутников и товарищей по оружию, которые и пировали, и бражничали с царем, деля с ним ложе, оставаясь рядом и в беде, и в радости. По словам Феопомпа, среди них были откровенные подлецы и беспринципные негодяи, прибывшие к царю со всех концов Греции, которых, однако, Филипп зачислял на службу именно по причине отсутствия у них предрассудков или за дерзость и предприимчивость. Воспитатели же юного Александра старались привить царевичу традиционные представления и взгляды.

Прежде всего это были семейные ценности: воспитатели напоминали Александру о пелопоннесском происхождении его предков, несмотря на то, что род Аргеадов, к которому он принадлежал, был отмечен только в Аргосе (что означает «Белгород») на озере

Кастория, а не в Аргосе аргивском лишь в VII веке до н. э., а вовсе не в XIV. Затем аристократическая традиция: македонские цари избирались на трон криками одобрения вооруженного народа, то есть собранием воинов-крестьян, что было признанием их заслуг и воинской доблести (ἀρετή), они являлись гарантами сохранности религии и справедливости, точного соблюдения обычного права. То есть речь шла о народной традиции, восходящей к весьма отдаленной эпохе, когда различные индоевропейские племена пасли стада и возделывали землю между Доном и Дунаем, о традиции завоевателей, у которых идеи «брать» и «давать» выражаются одним и тем же отглагольным корнем nem-, что указывает в одно и то же время на мужество и щедрость, но также на гостеприимство с его правами и обязанностями и на взаимную искренность и доверие. Очевидно, речь здесь идет лишь об идеале коллективной морали в служащем образцом и жестко структурированном обществе¹². Предполагается, что стоящий во главе этого общества лидер или монарх подает окружающим пример, обладая всяческими добродетелями и всеми мыслимыми харизмами. Царь не царствует, но, как это выражает само слово rex (царь), направляет^[4]: он говорит и делает то, что является правом, что соответствует правилам. В противном случае народ его смещает, изгоняет или казнит. Все вместе это составляет единую традицию, тем более живучую, что она не писана, а выстрадана самой жизнью, воспета и переложена в эпические стихи. Это — преимущественно нравственная традиция, мораль, которая имеет мало общего с поведением Филиппа II, менявшего жен по малейшей прихоти. Где здесь место постоянству, честности, верности данному слову?

В возрасте с десяти до четырнадцати лет мальчик учился верховой езде — разговаривать с лошадьми, ухаживать за ними, подчинять их себе, резким прыжком

взлетать на неоседланную лошадь, пускать ее всеми тремя аллюрами на парадах или при езде по кругу. Одна из наиболее знаменитых бронзовых статуй в археологическом музее в Афинах (она относится к той же эпохе) изображает совсем юного наездника на колоссальном коне, летящем галопом. Будущий кавалерийский офицер, самой судьбой предназначенный к тому, чтобы во главе царского эскадрона бросаться в атаку, будущий конный охотник никак не мог дожидаться наступления совершеннолетия, чтобы воспользоваться привилегиями своего сословия, просто для того, чтобы исполнять свой долг. Александр никогда не был атлетом, способным соревноваться с рядовыми гражданами на международных состязаниях, зато он стал замечательным наездником.

В этой образованной мужчинами и юношами среде, из которой женщины и девушки всецело исключены не только потому, что живут в гинекее, но и потому, что в жизни им отведена совсем иная роль, у Александра завязывались отношения с первыми друзьями, он познал первые мужские привязанности. Оказалось, что невозможно бороться обнаженным, с телом, блестящим от умастившего его масла; невозможно спать, тесно прижавшись друг к другу, с людьми одного с тобой пола; невозможно воспевать в песнях любовь Ахилла и Патрокла, Ореста и Пилада, Геракла и его любимцев — без того, чтобы чувства твои не взволновались, особенно тогда, в век, когда гимнасии, палестры, даже скалы по берегам рек сплошь были покрыты любовными надписями.

Гомосексуализм, процветавший не только в образованных кругах, но и в самых воинственных армиях, в особенности в фиванской «Священной дружине», хорошо знакомой Филиппу, имел с точки зрения древних одно преимущество: в бою он превращал любовников в настоящих львов, поскольку

каждый из них сражался, желая защитить и спасти объект своей любви, или отомстить за него, если тот ранен или убит. Потомок Ахилла не мог отстать от своего великого предка. В самом цвете юности Александр раз и навсегда влюбился в красавца Гефестиона, сына Аминта из Пеллы. «Он вырос, — говорит Курций Руф (III, 12, 15–16), — вместе с царем и был посвящен во все его тайны. Из всех друзей он был ему самым дорогим. Никто другой не пользовался большей свободой высказывания... Он был ровесник Александра, но выше его ростом». Я добавил бы к этому, что Гефестион был наделен воистину мужским изяществом, особенно если сравнить сохранившиеся скульптурные изображения того и другого. Нет почти никакого сомнения в том, что Александр, который последовательно отвергал все предлагавшиеся ему партии вплоть до весны 327 года и чью половую воздержанность превозносят историки, был любовником Гефестиона.

Зимой 343/42 года или весной 342-го Филипп начал проявлять интерес к воспитанию самого справного из своих сыновей, которому исполнилось тогда четырнадцать лет. Он принял решение определить его в Нимфею в Миезе, своего рода питомник наместников и чиновников, который обосновался в большом парке на лесистом склоне горы Бермий в Левкадии, в двух километрах от современной Наусы. У македонской аристократии было заведено отправлять ко двору, как бы в «пажеский корпус», юношей тринадцати-пятнадцати лет, одновременно как заложников, телохранителей и кандидатов на производство в чины. Но этих юношей следовало соответственно воспитать. Нововведением Филиппа явилось то, что он не поскупился на большие траты, вызвав к себе сына врача Никомаха и зятя атарнейского тирана Аристотеля, которому и было поручено возглавить в Миезе школу.

Аристотель явился из Митилены, где ранее открыл собственное учебное заведение. Аристотелю не было необходимости преподавать все предметы подряд, поскольку у него были помощники. Как это бывает на высших литературных или общекультурных курсах, он занимался исключительно с юношами старшего возраста. Вместе с другими знатными отпрысками, прежде всего Марсием из Пеллы и Гефестионом, Александр, сколько можно судить, углубил здесь политическое и нравственное понимание «Илиады» и «Одиссеи», уяснил смысл стихов наиболее прославленных и в то же время темных греческих лириков Пиндара, Стесихора и Филоксена, а также великих афинских трагиков, овладел некоторыми начальными сведениями в области ботаники и, следовательно, азами практической медицины, присутствовал во время прогулок при создании Аристотелевой «Метафизики», то есть на обсуждениях, по сути эзотерических, вопроса о Высшем. Ученик долго лелеял в душе восхищение перед учителем и выражал ему в письмах признательность за то, что тот посвятил его не в эллинизм, как нередко слишком поспешно полагают, но в литературную и научную критику. А быть может, и за то, что он пробудил в Александре вкус к исследованиям и новизне. В это же время Александр ускоренно прошел военную и атлетическую подготовку.

Вообще говоря, обучение у Аристотеля продолжалось пять лет. Но в 340 году Филипп вызвал сына Александра, которому было тогда шестнадцать, к себе в Пеллу. Два других сына Филиппа страдали тупостью или эпилепсией. Филипп растолковывал сыну принципы функционирования государственной машины, объяснял, кто такие «стратеги», или военные коменданты, «схойды», или управляющие, «таги», или нотабли, главы больших семейств, которые вместе с «пелигонами», или старейшинами, управляли восьмью

областями древней Македонии. В то время Филипп был занят подготовкой похода против Перинфа и Византия, что означает, что Александр оказался в курсе всех финансовых и социальных проблем, которые возникают в связи с мобилизацией армии и флота. Филипп окружил царевича опытными советниками, такими, как Антипатр. В свое отсутствие он доверил Александру управление государством и царскую печать.

ФИЛИПП II, царь Македонии в 359—336, по- следовательно женится (или вступил в связь):	Фила (ок. 360?)	Каран (ум. 336)	
	Аудата (358)	Кинна (или Киннана), жена Аминта, сына ПЕРДИККИ III (царь Македонии в 365—360)	
	Филинна (358)	Арридей (ФИЛИПП III 323—317)	
	Олимпиада, дочь Неоптолема, царя Молоссии (357)	АЛЕКСАНДР III (царь Македонии в 336—323), муж Роксаны с 327	АЛЕКСАНДР IV (323—310)
		Клеопатра, с 336 жена АЛЕКСАНДРА , царя Молоссии	НЕОПТОЛЕМ II , царь Эпира
	Никесиполида из Фер (353)	Фессалоника, жена КАССАНДРА (царь Македонии в 316—298)	Антипатр
	Меда, дочь царя гетов КОТЕЛА (339)		
	Клеопатра, племянница Аттала (337)	Европа (ум. 336)	

Жены Филиппа II и их дети.

Вероятно, по такому случаю Филипп приобрел у фессалийского коннозаводчика пугливого Буцефала, великолепного гнедого жеребца, на лбу которого было белое пятно, похожее на бычью голову. Александр укротил его и превратил в своего неразлучного спутника на охоте и на войне. Такой подарок отца предполагает, что юноша уже прошел испытания и получил посвящение в соответствии с обычной практикой македонской аристократии. Кодекс чести предусматривал, что молодому человеку нельзя участвовать в пирах знати, возлежа на ложе, если он еще не уложил рогатиной дикого зверя, в данном случае — кабана. А это никак не зависело ни от воспитания Леонида, ни от знаний, сообщенных Аристотелем. Что касается сексуального просвещения Александра, то даже такая профессионалка, как красавица Калликсена, потерпела с ним полную неудачу.

В конце того же 340 года Филиппу пришлось на время оставить свои планы относительно проливов. Ему не удалось овладеть ни Перинфом, ни Византием, которых поддерживали персы и союзники Афин. Тогда он повел войска и флот западным берегом Черного моря, в направлении греческих городов Аполлонии, Месембрии и Эдессы. Здесь, в районе Добруджи, он натолкнулся на степных всадников, известных под наименованием скифы или геты, и заключил с ними соглашение. По условиям договора македонский царь должен был шестым браком жениться на Меде, дочери Котела, царя гетов (часть приданого обнаружена в гробнице в Палатице); он добился признания своего протектората над Фракией, приблизительно соответствующей нынешней Болгарии, которая таким образом вышла из-под номинального владычества Персидской империи. Западные фракийские племена подняли восстание, и

когда весной 339 года Филипп, вознамерившийся господствовать над всей Грецией, вернулся в Македонию, он велел Александру подняться вверх по Стримону (современная Струма) с несколькими тысячами пехоты и кавалерии и, как говорит Плутарх («Александр», 9, 1), «покорить тех медов, что восстали». То была первая военная кампания Александра.

Македонское войско продвигалось вперед по широкому, образованному наносными породами коридору между двумя грядами лесистых холмов, протянувшихся приблизительно на 200 километров с севера на юг. Экономические выгоды такого предприятия сомнительны: Македония не нуждалась ни в древесном угле, ни даже в рудах. Однако политические и чисто человеческие аспекты очевидны: необходимо было обезопасить тылы Филиппа, прикрыть границу и помешать в основном пастушескому населению, переживавшему период бурной экспансии, к тому же еще и воинственному, вслед за своими стадами лошадей и крупного рогатого скота осваивать южное направление. Нам известно об этом походе, сильно напоминавшем набег, лишь то, что он увенчался разрушением туземного поселка, принуждением к оседлости нескольких «варварских» племен и размещением македонского гарнизона, помимо греческих торговцев и ремесленников, в колониальном поселении, получившем величественное название «град Александра», Александрополь, близ современного Станке-Димитрова, к северу от Рилы, мощного горного массива (2925 м). Это было похоже на то, что сделал Филипп II семнадцатью годами раньше, в 356 году, когда на склоне Пангея он основал Филиппы, крепостные стены которых объединили три категории населения — туземное, македонское и греческое. Такая модель послужила образцом для всех Александрий, которые впоследствии были основаны Александром и

его преемниками. Этот поход знаменателен тем, что он способствовал превращению юноши в опытного воина, к тому же Александр смог установить контакт с Лангаром, царем агрианов, лояльного македонянам фракийского племени с верховьев Стримона.

Царь Македонии

Александру не было еще восемнадцати, когда его можно было видеть на поле битвы при Херонее, в 8 километрах к северу от современной Левадии (в Беотии). Здесь, на левом крыле македонской армии, он возглавил илу (эскадрон) из 225 тяжеловооруженных кавалеристов. Филипп, к которому совет амфикионов в Дельфах обратился с просьбой покарать совершивших святотатство жителей Амфиссы, должен был сначала уничтожить тех, кого выставили против него Афины и их фиванские и фокидские союзники. Мы не имеем детального описания этого сражения на берегах Кефиса и Гемона. Но представляется несомненным, что македонская кавалерия, составленная из гетайров (конные спутники царя или же люди, привязанные к нему узами личной преданности), решила исход дела, охватив правое крыло греческих союзников и опрокинув фиванские фаланги (приблизительно 12 тысяч пехоты), в том числе знаменитый «Священный отряд». Кавалерии Филиппа, которая стала у него основной наступательной силой, было поручено нащупать фланги противника, обогнуть их и осуществить стремительную атаку, рассеивая и уничтожая противника в ходе безжалостной погони.

На этот раз армия признала юного Александра своим настоящим командующим, достойным наследовать царю. Он, так сказать, получил погоны и завоевал доверие македонян. Но можно ли верить следующей фразе Плутарха («Александр», 9, 4): «Все это, естественно, заставляло Филиппа еще больше любить сына, так что он радовался даже тому, что македоняне называли Александра царем, а Филиппа — военачальником»? Скажем лишь, что Александр стал

довольно популярным в народе юным царевичем, однако ему еще многому следовало научиться у своего отца.

После битвы Филипп отправил Александра в Афины вместе с двумя лучшими военачальниками, Антипатром и Алкимахом, поручив им передать афинянам тела павших на поле битвы сограждан и согласовать условия почетного мира. Афины отказались от своих претензий на Херсонес Фракийский (нынешний полуостров Галлиполи) при входе в Дарданеллы, распустили Морской союз, который они возглавляли, и поклялись вечно оставаться союзниками македонского царя. Это дало им возможность сохранить свои старинные владения — Лемнос, Имброс, Самос и Делос, а также вернуть область Оропа к северу от Аттики. Мир был принят благодаря усилиям сторонников, которых Филипп приобрел в Афинах своей умеренностью, а также благодаря тому шуму (и даже ужасу), который вызвало здесь поражение при Херонее. Специальным постановлением афиняне объявили Филиппа своим гражданином и возвели на агоре его статую. Неизвестно, задержался здесь Александр после обмена клятвами или совершил с отцом поездку по Пелопоннесу, поскольку на статуе в Олимпии он изображен вместе с ним, либо вернулся в Македонию к матери, у которой были все основания опасаться своих соперниц и которая очень нуждалась в поддержке сына.

Стоило, однако, вернуться из поездки Филиппу, как разразились сразу два скандала. Филипп принял решение отвергнуть Олимпиаду, чтобы жениться на Клеопатре, племяннице его родственника и одного из военачальников Аттала. Ей было пятнадцать или шестнадцать лет, а Филиппу — больше сорока пяти. Главным, очевидно, было то, что она принадлежала к македонской знати, между тем как Олимпиада оставалась в Пелле иноземкой. Она всегда считалась лишь седьмой официальной супругой государя, не

говоря о его любовницах, наложницах и наложниках. «В темноте все женщины одинаковы», — скажет одна из них. В то же самое время Филипп вел с сатрапом Карики Пиксодаром переговоры о женитьбе своего второго сына, слабоумного Арридея. Надо сказать, что престолонаследие в Карики могло осуществляться и по женской линии, и вот уже на протяжении двух лет Пиксодар прилагал усилия к тому, чтобы стать полностью независимым от персидского царя. Можно было предполагать, что супруг его дочери станет царем не только в Азии, но и в Македонии. Возможно, именно к этому времени следует отнести происки Олимпиады, ее сына Александра и их друзей с целью расстроить этот брак. Отправленный тайно в Галикарнас трагический актер Фессал выставил Арридея в невыгодном свете и предложил, чтобы честолюбивый сатрап заключил союз с Александром. Об этом узнал Филипп, прилюдно упрекнул младшего сына в столь низком и недостойном поведении и изгнал из Македонии по крайней мере четверых сторонников Александра: Гарпала, Непарха, Эригия и Птолемея.

Филипп находился тогда на вершине могущества. Собравшиеся в Коринфе весной 337 года представители всех, кроме Спарты, греческих городов и государств постановили заключить в Греции всеобщий вечный мир и учредить конфедерацию или союз во главе с Советом (Συνέδριον), формируемым по принципу пропорциональных выборов. Совет, в свою очередь, решил начать против Персии «войну возмездия» — «чтобы отомстить за святотатства, которые совершили варвары по отношению к греческим святыням» — шестьдесятю годами ранее. Каждое государство должно было выставить воинский контингент. Филипп был назначен главнокомандующим (ἡγούμενος) и облечен неограниченными полномочиями как на суше, так и на море. Ни одному греку, под угрозой изгнания и

конфискации имущества, не позволялось служить против царя или оказывать помощь его врагам. Разве Александр, который вел тайные переговоры с персидским сатрапом, не подлежал такому наказанию?

Буря разразилась на свадьбе Филиппа зимой 337/36 года. Когда были спеты венчальные песни, принесены жертвоприношения, произведено ритуальное разрезание хлеба, исполнены танцы, начался большой пир, в котором участвовала вся свита Филиппа. Здесь достаточно привести рассказ, имеющийся у Плутарха («Александр», 9, 7-11) и основанный на утраченном сочинении Сатира («Жизнь Филиппа»), неоднократно цитируемом Афинеем (250f; 557d-e): «Аттал, дядя невесты, напился на пиру и стал призывать македонян просить богов о том, чтобы от Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Вспылив, Александр сказал на это: „Так что, выходит, дурная твоя башка, я по-твоему незаконнорожденный?“ — и швырнул в Аттала чашу. Тут Филипп схватился за меч и поднялся с места, чтобы броситься на сына, но, к счастью для них обоих, от ярости и вина поскользнулся и упал. Александр же стал над ним глумиться, говоря: „И этот-то человек, мужи, собирался переправляться из Европы в Азию, а сам с ложа на ложе не может перебраться, не растянувшись!“». После этой пьяной сцены Александр переправил свою мать Олимпиаду в Эпир (в Пассар, в 9 км севернее Янины?) через Катарский перевал Пинда, а сам отправился к иллирийцам (в Корчу, Албания?).

Ссора не могла длиться долго. По просьбе коринфянина Демарата, посредника и друга македонян, возможно, отряженного советом Коринфского союза как раз с этой целью, Филипп призвал к себе сына, который был ему нужен по ряду причин. Во-первых, Александр должен был оставаться наместником Филиппа в Европе, в то время как сам царь во главе союзных войск отправлялся в Малую Азию, а кроме того, на Александра

возлагалась задача набрать и организовать экспедиционный корпус, который весной 336-го должен был создать плацдарм на другой стороне проливов. Еще он должен был заручиться нейтралитетом Эпира, где плела интриги его мать Олимпиада, подбивавшая противников Македонии на выступление. После своего демарша, расстроившего карийскую партию сводного брата, Александру следовало поучиться дипломатии. Неизвестно, что происходило в семействе вдали от посторонних глаз. Как бы то ни было, после нескольких месяцев переговоров было решено, что Филипп отдаст сестру Александра, еще одну Клеопатру, в жены эпирскому царю Неоптолему, брату Олимпиады. Тем самым он намеревался обеспечить эпирской династии новые права на македонский трон, устранив повод для острого беспокойства Александра и его матери и упрочив на время восточной кампании западный тыл.

В конце весны — начале лета 334 года армия в 10 тысяч человек под предводительством Пармениона и Аттала легко переправилась в Малую Азию и, не встретив сопротивления, продвинулась вдоль берега до области Магнезии на Меандре, в 40 километрах к северу от Смирны. Сатрапы, больше занятые проблемами престолонаследия в Персии, чем обороной морского побережья греческой Ионии, в тот момент им не мешали. К тому же они содержали в греческих городах и даже в самой Македонии столько соглядатаев и сторонников, что не могли не сомневаться в действительном разрыве Анталкидова мира 387 года.

Аттал, дядя новой царицы, оставил столицу, восстановив в ней против себя немало недовольных, среди которых были и настоящие враги, в том числе молодой Павсаний, сын Кераста, наместника области Орестиды, который входил в число телохранителей Филиппа. Диодор (XVI, 93, 3–94) подробно повествует о том, как, желая поглумиться над Павсанием, Аттал

напоил его и велел конюху его изнасиловать. Царь, выдавший и не такое, от души над этим посмеялся. Указываемая дата происшествия — 344 год — делает мотив мести Павсания, совершенной восемью годами позже, в высшей степени сомнительным. Античные источники обвиняют то род Линкестов, то персидский двор, то Олимпиаду и даже самого Александра в том, что они возбудили в Павсаний ненависть к Филиппу и вложили в его руки оружие. Больше доверия вызывает куда менее романтический рассказ Аристотеля, современника этих событий («Политика», V, 8, 10, 1311b 1-3): Павсаний пронзил царя кинжалом у входа в театр в Эгах, куда царь отправился в конце августа 336 года по случаю брака своей дочери с царем Эпира, и сделано это было по личным мотивам, а не в результате заговора. Когда пятью годами позже Александр вопрошал оракула Амона относительно истинных виновников преступления, он знал об этом не больше нас с вами.

Мы не в состоянии даже сказать, был ли Павсаний убит стражей на месте или его схватили, пытали и приговорили к смерти на войсковом собрании, после получения показаний. Рассказ, имеющийся в «Вульгате», приходит в противоречие с тем, что повествуется в Оксиринхских папирусах (XV, 1798, 1, строки 6-8) и у Юстина (IX, 7 и XI, 2, 1)¹³. Как бы то ни было, новое царствование началось кровавой баней: по крайней мере семь смертей. Но что толку тому удивляться, а тем более возмущаться! Во-первых, такова была обычная практика монархий Ближнего Востока, в том числе и Македонии, родовое же правосудие ничего общего не имеет с нашим правосудием, а во-вторых, многоженство всюду влечет за собой неизбежные конфликты между матерями возможных престолонаследников либо между единокровными или самозванными братьями. Стоило Олимпиаде, гордо облачившейся в траур по убитому супругу, вернуться из Эпира (160 км), как она тут же

отдала распоряжение умертвить младенца последней царицы, ее соперницы, а саму ее принудила повеситься, потребовав смерти и ее дяди и опекуна Аттала, а затем наказав Александру как примерному сыну «отыскать и покарать виновников покушения», что фактически означало устранение его соперников: Карана, сына Филиппа от первого брака (*Юстин*, IX, 8, 2; XI 2, 3), Аминта, сына прежнего царя Македонии Пердикки III и мужа одной из дочерей Филиппа (*Лолиэн*, VIII, 60; *Арриан* «История после Александра», 1, 22), а также Аррабея и Геромена из правящей семьи в Линкестиде, обвиненных в причастности к покушению на Филиппа. Александра из Линкестиды, брата двух упомянутых царьков, пощадили — да и то на время — лишь потому, что «он оказался одним из первых среди друзей Александра, кто встал рядом с ним и, облаченный в панцирь, сопровождал его в царский дворец» (*Арриан*, I, 26, 1). Последняя подробность свидетельствует о поспешности, с какой Александр стремился завладеть атрибутами власти: троном, оружием, печатями, казной... Курций Руф (VII, 1, 6), основываясь на «Вульгате», добавил еще более символическую деталь: «Поскольку (Линкест) первым приветствовал Александра как царя, он избежал если не обвинения, то наказания». Дабы подчеркнуть преемственность, до 328 года Пелла продолжала чеканить золотые и серебряные «филиппеи», выпуская в добавок серебряных «александров» с выбитым орлом¹⁴.

Говоря по правде, царского титула Александр удостоился лишь целый месяц спустя после смерти Филиппа. И не потому, что ему еще не исполнилось двадцати, а потому, что наиболее высокопоставленный и прославленный человек при дворе, Антипатр, исполнявший роль регента, должен был созвать собрание вооруженных македонян, которому, по традиции (*νόμος*), и принадлежало право назначать государя. Можно себе представить, какой эффект

произвел приказ о всеобщей мобилизации, разосланный из трех дворцов — в Эгах, Эдессе и Пелле и обращенный ко всем свободным мужчинам Македонии, которые были способны носить оружие и которые обитали на землях, простиравшихся от истоков Чрны и озера Преспы на западе и до устья Неста напротив острова Фасос на востоке, то есть на территории площадью 30 тысяч квадратных километров, на три четверти гористой и фактически лишенной дорог, где было всего восемь округов и двенадцать присоединенных или находящихся под протекторатом Македонии областей. Если подлежащий мобилизации контингент действительно составлял, как утверждает «Вульгата» (*Диодор*, XVII, 17, 3-5), 24 тысячи пехотинцев и 3300 кавалеристов, и если плотность населения, согласно данным топонимии и археологии, аналогична той, какая была в конце прошлого века, общая численность населения Македонии могла находиться в пределах от 520 до 550 тысяч человек. В 336 году почти половина македонских армий была занята в Малой Азии (*Лолиэн*, IV, 44, 4), и поскольку их действия были весьма успешны, не было оснований их отзывать. После тщательной агитационной обработки, проведенной военачальниками и людьми из свиты Филиппа, около 10 октября 336 года войско, численность которого составляла самое большее 10 тысяч человек, принимая в расчет кампании, в которых Александр уже принял участие, а также отсутствие достойных соперников, шумными выкриками провозгласило Александра «царем македонян».

Поскольку настоящего выбора не было, речь здесь идет о чем-то принципиально отличном от выборов как таковых. Царь принял на себя обязательство исполнять национальные религиозные культы и гарантировать их отправление, вести своих солдат к победе, быть справедливым в дележе добычи и завоеванных территорий, возвеличивать свою страну, постоянно

заботясь о ее процветании. Распорядитель култов, верховный судья, главнокомандующий, щедрый жертвователь, он должен был оставаться на посту благодаря своим успехам и благосклонности судьбы, делая подарки, а в случае нужды прибегая к строгости. Если государь не исполнял своих обязанностей, собрание могло отказаться отправиться в поход, исполнять его распоряжения и приказы, а в крайнем случае — и сместить. Однако после того как воины давали личную присягу своему провозглашенному царю, эта присяга накрепко связывала их с главнокомандующим, а торжественные жертвоприношения подчеркивали священный характер такого назначения.

Александру оставалось лишь дать высшим греческим учреждениям возможность утвердить свое назначение, в то время как собранные со всех концов греческого мира мастера и художники возвели вечное пристанище для праха умершего царя. Это был колоссальный (высота 14 м, диаметр 120 м) курган (τύμβος) в Палатице к югу от Вергины, где в октябре 1977 года в ходе раскопок, которые проводил Манолис Андроникос, были обнаружены две великолепные погребальные камеры с преданными огню останками и утварью Филиппа II и какой-то молодой царевны, быть может, Киннаны, его дочери, выданной за Аминта в 337-м и убитой в 316 году (*Диодор*, XIX, 52, 2).

Немного найдется месяцев в жизни Александра, которые были бы так наполнены положительной деятельностью и решительными поступками, как осень 336 года. Стоило вести о смерти Филиппа разнестись по Греции, как повсюду к власти снова пришли враждебные Македонии партии. Пример здесь подали Афины со стоящим в их главе Демосфеном, которые вели агитацию в Фессалии, Фивах, на Пелопоннесе. Оставив на земляных работах наименее обстрелянных из своих

солдат и забрав с собой всю легкую кавалерию и копейщиков, Александр, обогнув горные массивы Оссу и Пелион, внезапно оказался на юго-востоке Фессалии и принудил местную знать, собравшуюся в Фарсале, подтвердить звание македонского царя как правителя и защитника (ταῦός) фессалийцев, некогда присвоенное его отцу. Не встречая сопротивления, он прошел Фермопильское ущелье и в местечке Антела, где сошлись на осеннее собрание амфикионы, представители Священного союза в Дельфах, заставил их подтвердить свое звание «Предводителя», или «Вождя» (ἡγεμῶν) Греции.

Александр проследовал в Коринф через Фивы, македонский гарнизон которых не сдался восставшим. Здесь, на конгрессе, где отсутствовали только спартанцы, он добился возобновления договора от 338 года: ему, как и отцу, было присвоено звание главнокомандующего с неограниченными полномочиями (στρατηγός αὐτοκράτωρ), которому было поручено вести войну с персами. Главная идея политики покойного царя находила новое подтверждение. Она выражалась в двух словах: «всеобщий мир» (κοινὴ εἰρήνη) между европейскими и малоазийскими греками, что предполагало их солидарность в противостоянии варварам, силившимся их поработить, и единство командования. Отсюда и произошли три звания, присвоенные юному македонскому государю: таг, гегемон и стратег. На него была возложена задача набирать войско и вести его в бой. Напуганным афинянам не оставалось ничего другого, кроме как специальным постановлением назвать Александра «благодетелем» города, и те самые граждане Афин, которые в сентябре решили наградить венком убийцу Филиппа, почли за благо несколькими месяцами спустя наградить двумя золотыми венками Александра. Как тут не посмеяться вместе с Диогеном, старым киником,

который именно в тот год средь бела дня разыскивал по городу с фонарем настоящего человека и, как передают, попросил Александра не застить ему света. «Что я могу для тебя сделать? — сказал ему царь. — Отойди-ка чуточку от солнца» (*Плутарх «Александр», 14, 4; Арриан, VIII, 2,1 и др.*).

В начале 335 года Александр вернулся в Эги. Вооруженные македоняне и делегации союзных или покоренных государств сопровождали юного государя, облаченного в расшитый плащ, когда он предавал огню набальзамированное тело Филиппа и его украшения на вершине гигантского кургана, который насыпали тысячи рук в низменной долине Галиакмона (совр. Альякмон). На пол подземелья Александр опустил тяжелую шкатулку из декорированного звездами золота, куда были заключены прах отца и его диадема. Александр укрыл все это пурпурной, расшитой золотом тканью, которая еще и сегодня кажется наполненной живыми токами той эпохи. Тут же он устроил погребальные игры: они состоялись в Дионе, у подножия Олимпа; в программу входили скачки и мусические состязания. А чтобы подчеркнуть преемственность в политике, в ожидании приготовления союзных соединений к вторжению в Азию Александр готовился принудить балканские народы принять участие в освобождении греческого мира от персов. Подобно тому как он заставил замолчать своих противников на юге, ему следовало подавить в зародыше всякое помышление о независимости от Македонии или нападении на нее у народов, обитавших на северо-востоке и западе, — трибаллов, фракийцев, иллирийцев, «поскольку он был убежден, что, если ослабит хватку, все на него набросятся» (*Плутарх «Александр», 11, 4*).

Весенняя кампания 335 года готовилась — как на суше, так и на воде — тщательно и со знанием дела¹⁵. Ее ход известен нам лишь на основании нескольких

параграфов «Анабасиса» Арриана (I, 1–6) и «Географии» Страбона (VII, 3, 8), причем оба ссылаются на воспоминания Птолемея I, составленные сорока годами позднее описываемых событий. Отметим здесь лишь три эпизода, которые будут повторяться в следующих кампаниях: овладение перевалом с боя; форсирование крупной реки; достижение успеха с помощью артиллерии (метательных машин). Кампания, которую провел Александр с марта по май 335 года, — быть может, самая блестящая и стремительная за все его царствование. Она привела его от Амфиполя, сборного пункта македонян и их балканских союзников, через долины Струмы, Месты, Марицы и Осыма — через Дунай к современной Александрии в Румынии, что составляет по прямой с севера на юг примерно 400 километров. Ущелья, леса, горные потоки, горы, степи были пройдены менее чем за месяц.

Целью кампании было усмирение и покорение независимого фракийского племени, кочевавшего между Плевной и Тырновом на севере современной Болгарии. Но чтобы сюда добраться, необходимо было переправить через центральный Балканский хребет, Стару-Планину, вблизи самой высокой его точки (г. Ботев, 2376 м) 15 тысяч фалангистов и лучников, полторы тысячи всадников и чрезвычайно тяжелый обоз. Троянский перевал (1051 м), который варвары перекрыли двух- и четырехколесными повозками, был атакован фалангой с фронта и легкими вспомогательными соединениями агрианов, скатившимися с окрестных вершин. По равнине Александр следовал во главе своей кавалерии. Через высоко поднявшийся Дунай переправлялись ночью, на участке между Белене и Свиштовом. Полторы тысячи всадников и 4 тысячи пехотинцев переплыли реку на плотам, изготовленных из челноков, которые были связаны между собой досками, а также на нескольких греческих судах, пришедших из Черного

моря; некоторые плыли на бурдюках. Затем Александр поспешно перебросил армию на иллирийский фронт в современной Албании. Этот обратный путь войска проделали по долине Искыра, через область нынешней Софии и югославскую Македонию (от Титова-Велеса на Битолу), а также перевал Полоске, после чего с помощью машин начали осаду горной крепости Пелион (находившейся, вероятно, на холме возле современной Корчи). Македоняне, которых, в свою очередь, окружили иллирийцы-тавлантии, вырвались из непрочно замкнутого кольца, лишь прибегнув к своим скорострельным метательным машинам, катапультам и баллистам и двигаясь вдоль рек Деволи и Семани, которые вытекают из озера Микри-Преспа. Обманным маневром Александр заставил рассредоточившегося противника спускаться с господствующих высот, благодаря чему смог легко перебить вражеских воинов.

Это позволяет сделать следующие выводы: 1) метательные машины были переносными; 2) кампанию сопровождал крупный инженерный корпус; 3) юный Александр, не имевший рядом с собой ни Пармениона, ни Антипатра, смог добиться от этих разнообразных родов войск превосходных дисциплины и маневренности. Кроме того, мы видим, что Александр был одаренным тактиком. Итоги кампании, которая являла собой генеральную репетицию похода в Малую Азию, таковы: она придала уверенности воинам, привлекла в войско значительный контингент фракийских, пеонских и иллирийских наемников, а также пополнила казну в результате продажи тысяч обращенных в рабство пленников греческим торговцам с Черного моря. Филипп дал сыну прекрасные уроки того, что война способна оплачивать всевозможные счета: это касается и политики, и дипломатии, и экономики.

Александр так далеко продвинулся на север навстречу скифам и кельтам, что по Греции пронесся

слух о его смерти. Как и в прошлом году, государства, входившие в Союз, больше не чувствовали себя связанными договором, заключенным с «гегемоном», «стратегом-автократором». Демосфен даже представил народному собранию в Афинах воина, лично видевшего, как погиб Александр. На самом деле Александр был ранен камнем, выпущенным из пращи, а также ударом палицы. Фиванцы убили двух военачальников, оставленных им царем, и осадили в своей цитадели Кадмее македонский гарнизон. Враждебные «тирану Греции» афиняне и фиванцы вели переговоры с персидским царем, предполагая заключить с ним направленный против Македонии союз: «всеобщему миру» они предпочитали «царев мир», предполагавший отказ от греческих интересов в Азии и постыдные персидские подачки, которые за истекшее столетие способствовали обнищанию греческих государств и заставляли их враждовать друг с другом.

Новости о восстании в Фивах, а также о происках Демосфена и проперсидских сил достигли Александра в августе 335 года, когда он принимал изъявления покорности от иллирийцев, побежденных в долине Деволи — Семани близ Адриатического моря. Меньше чем за тринадцать дней он с 15 тысячами воинов, лошадьми и всем обозом осадных орудий пересек горы, которые отделяли его от пределов Беотии. То был небывалый подвиг, который так и остался невоспетым публицистами, поэтами или риториками по той причине, что македонская канцелярия к тому времени еще не организовала регулярный выпуск коммюнике, отчетов и победных реляций. Это произошло лишь год спустя, после освобождения побережья Малой Азии. В настоящий же момент маршевая колонна поддерживала ежедневный темп в 32 километра — несмотря на жар раскаленных известняков, непроходимые леса предгорий, пыль фессалийских равнин, многочисленные

препятствия в виде не имевших переправ рек, горных перевалов высотой от одной до двух тысяч метров, усталость людей и вьючных животных, которые сражались и терпели лишения без отдыха вот уже 120 дней. В безводных теснинах хребтов Грамма, Пинда и Отриса, не говоря уже о Фермопилах, дорога бывает такой узкой, что четыре человека едва могут следовать в один ряд¹⁶.

Александр оказался в Онхесте, в 15 километрах от Фив. Восставшие предпочитали думать, что имеют дело с тезкой, одним из трех враждовавших с Филиппом линкестидских царьков, или с регентом Антипатром. Трагическое заблуждение. Главнокомандующий посылает к ним гонцов, пытается вести переговоры, за добровольную сдачу предлагает прощение (и получает отказ), после чего строит свои полки в фалангу фронтом к двойному укреплению, прикрывающему небольшую крепость к югу от города, участвует в штурме и в уличных боях и позволяет своим воинам и союзникам — беотийцам, платейцам и фокейцам, пеонам, фракийцам и фессалийцам — грабить, насиловать и убивать. «Всех фиванцев Александр продал в рабство, за исключением жрецов, всех гостеприимцев македонян, потомков Пиндара, а также тех, кто голосовал против отложения. Всего было продано около 30 тысяч. Погибло же свыше 6 тысяч человек» (*Плутарх «Александр»*, 11, 12).

Не будем доверять этим цифрам. Слишком уж они красноречивы. На самом деле Александр поручил грекам, собравшимся в Коринфе, непростое дело — решить дальнейшую судьбу фиванцев. «Принявшие участие в этом деле союзники, которым Александр поручил определить, что будет с Фивами, решили разместить в Кадмее гарнизон, а сам город снести до основания и поделить его земли, за исключением святыниц, между собой. Всех же остальных продать в рабство — детей, женщин и уцелевших мужчин, за

исключением жрецов, жриц, гостеприимцев Филиппа и Александра, а также поверенных в делах Македонии в Фивах. Говорят, Александр, высоко ценивший оды Пиндара, сохранил дом поэта и пощадил его потомков» (*Арриан*, I, 9, 9–10). Больше милосердия Александр проявил к Афинам: от них он потребовал лишь отправить в изгнание одного оратора^[5]. Аристобул из Кассандрии, принимавший участие в походе, рассказывает, что великодушие Александра дошло до того, что он помиловал сестру фиванца Феагена, командовавшего греками, разбитыми при Херонее. Ее обвиняли в том, что она столкнула в колодец одного из нападавших — своего насильника фракийца.

Все античные авторы утверждают, что приключившаяся с Фивами в сентябре 335 года катастрофа заставила задуматься прочие греческие города. Лишь немногие говорят о том, что ни македоняне, ни их царь не принимали решения о частичном сносе мятежного города под аккомпанемент флейт и барабанов, ибо решение это приняли их ближайшие соседи, так что Александру вменяется преступление, о котором он никогда и не помышлял. Отметим, что Александр повелел пощадить святилища Диониса, бога, который родился или же вырос в Фивах, и Геракла, своего предка. Вновь заселенный город так быстро набрался сил, что уже через несколько лет снова восстал против Македонии. Это — не что иное, как прямое вероломство, единственное, чего юный царь никогда не мог постичь и чего никогда не прощал.

Царь Азии

В октябре 335 года Александр вернулся в Македонию. Сомнительно, чтобы, как сообщает Плутарх («Александр», 14, 7), он прошел из Коринфа через Дельфы, с тем якобы, чтобы спросить у пифии совета о намеченном походе, причем было это в запрещенные и неблагоприятные дни, и та ему ответила: «Ты непобедим, сын мой». Однако можно допустить, что, как пишет Арриан (I, 11, 1), в Эгах, столице древнемакедонских царей, Александр принес Зевсу Олимпийскому грандиозное жертвоприношение, а в Дионе у подножия Олимпа устроил в честь Зевса, а также в честь муз торжественные игры. Сюда были приглашены все греки и союзники, что давало им возможность наметить детали предстоящего выступления, величину соответствующих воинских контингентов и цели, которых следовало достичь.

За год лишившийся своих прежних командиров македонский экспедиционный корпус, которому противостояли состоявшие на службе у персидских сатрапов греческие наемники, был вынужден совершать то одно, то другое стратегическое отступление, оставляя «освобожденные» им города в Азии. Однако македоняне цепко удерживали территорию между Приапом на Пропонтиде (современное Мраморное море) и мысом Сигей (современный Кумкале) в Троаде, на восточном берегу Дарданелл. Была достигнута договоренность, что войска Коринфского союза соберутся в долине Стримона будущей весной почти в равноденствие (21 марта 334 г.), после чего приблизительно 160 военных и 400 грузовых кораблей перевезут людей, лошадей и мулов, а также снаряжение и продукты на малоазийский плацдарм. Союзники,

оборонявшие подходы к Азии, а именно Византии, Халкедон, Кизик, Сест и Абидос, должны были помешать находившемуся на службе у персов флоту, если ему вообще удастся собраться воедино, перекрыть проливы. Организация отправки была доверена лучшему военачальнику Филиппа, в высшей степени методичному и осмотрительному Пармениону.

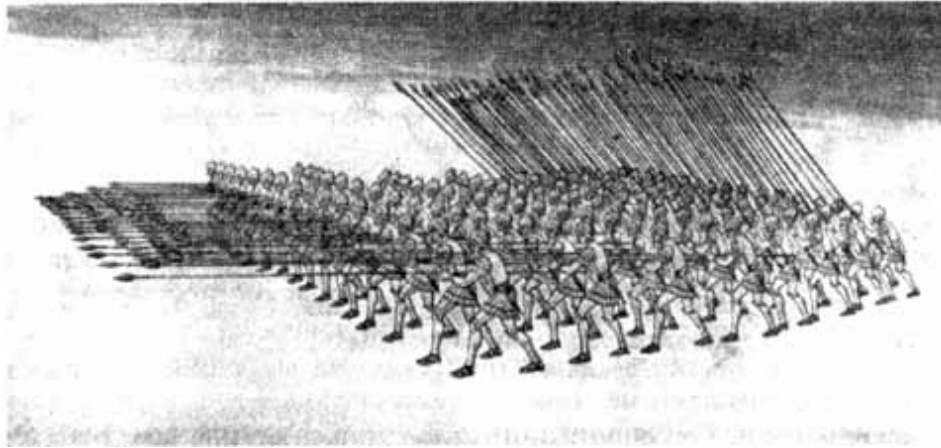
Численность экспедиционного корпуса дошла до 32 тысяч пехотинцев и 5200 кавалеристов. Более двух третей из общего числа воинов происходили из Македонии и покоренных ею балканских стран; свежие и юные, они заражали своей энергией всю армию. Прочие относились к контингентам, представленным греческими союзниками. Командование делало ставку на 9 тысяч образовавших фалангу воинов, которые были вооружены длинными копьями из кизила или каменного дерева, на восемь ил (эскадронов) конных гетайров, первым из которых являлась царская гвардия («ὑπὸ ῥά ἄρχῃ»), и наконец, на элитные части, которые были составлены агрианами, уроженцами верховьев Стримона и горного массива Витоша: искусные метатели дротиков, скалолазы в сапогах и кожаных плащах, егеря и разведчики, они участвовали во всех вылазках и погонях. Когда эти пехота и кавалерия соединятся в Малой Азии, между Абидосом и Лампсаком, с оперативным корпусом Калланта, армия Александра будет насчитывать 43 тысячи пехотинцев и 6100 кавалеристов, то есть иметь общую численность, если прибавить сюда отставших, около 50 тысяч воинов¹⁷.

Следует также принять в расчет корпус метательных машин, во главе которого стояли ученики Полиида, инженеры Диад из Пеллы и Харий, инженерный корпус, на который была возложена задача возводить мосты и осадные машины, обоз в несколько тысяч повозок, медицинскую и интендантскую службы, кассу, а также целую толпу сопровождавших армию людей, не

принимавших участие в боях: художников, ученых, торговцев, финансистов, домашнюю челядь и рабов, женщин и барышников всех мастей. Когда после трехнедельного марша от Амфиполя к Херсонесу и продолжавшейся неделю переправы через Геллеспонт вся эта людская масса высадилась в Азии, ее численность можно было оценивать приблизительно в 100 тысяч человек.

Не следует также забывать о флоте, которым столь незаслуженно пренебрегают историки. Общегреческий военно-морской флот, Ἑλληνικόν ναυτικόν, как официально он назывался, объединил в Амфиполе все военные суда, которыми союзники Македонии владели в Эгейском и Черном морях. В нем насчитывалось от 160 до 182 военных судов (*Арриан*, I, 18, 4; *Юстин*, XI, 6, 2), а это значит, что для укомплектования его командой требовалось от 32 до 37 тысяч моряков, гребцов и воинов, то есть почти столько же свободных людей, сколько было пехотинцев в сухопутных силах. Флот принимал участие в операциях по высадке войск и их сопровождению, а также в боевых действиях не всегда, а лишь в период с 334 по 332-й и с 325 по 323 год, то есть всего на протяжении половины срока. Однако он сыграл в кампаниях Александра чрезвычайно важную роль.

На содержание всех этих войск у командования при выступлении имелось лишь 70 (или 60) талантов и провиант на 30 дней. 200 (или 800) талантов пришлось занять. Вот почему так важно было победить, чтобы продолжить войну.

Македонская фаланга.

При высадке в «гавани ахейцев» близ мыса Сигей Александр первым делом метнул копье в землю. Тем самым он символически обозначил, что овладел землей Азии. С юридической и религиозной точки зрения земля, завоеванная копьем, принадлежит победителю, со всем ее населением и богатствами. Остается лишь определить, что понимал Александр под Азией. Несомненно, не луг при впадении Каистра в море, как у Гомера («Илиада», II, 461). Вероятно, в это понятие не входили и соседствующие с побережьем территории, на которых после микенской эпохи обосновались греки, как и основанные или колонизованные греками города, которые платили дань персидскому царю. Скорее Азией для Александра было то, чего требовал ритор Исократ у Филиппа двенадцатью годами раньше: «Выгородить как можно бóльшую территорию и отделить себе то, что принято называть Азией, а именно область от Киликии до Синопы. Кроме того, следует основать на этих землях города и поселить в них тех, кто ныне шатается по недостатку средств к существованию и обижают кого ни попадя» («Филипп», 120), то есть практически все Анатолийское нагорье, от Анкары до залива Искендерун.

Однако эта цель, или, если быть более точным, эти цели слишком неопределенны, так что впоследствии они

непременно должны быть либо ограничены, либо, напротив, расширены — в зависимости от побед и божественных знамений. Проявляя благочестие, Александр отправился за советом к гробнице Ахилла на равнину возле Трои, где через жертвоприношения добился расположения местных божеств, в качестве талисмана забрав из илионского храма Афины щит этой богини. Затем, после того как Парменион произвел у Арисбы перегруппировку войск, как-то днем, во второй половине мая 334 года Александр вышел на левый берег Граника (ныне р. Коджабаш), небольшого прибрежного потока, впадающего в Мраморное море. Вопреки мнению, высказанному советниками и в первую очередь Парменионом, Александр выстроил свою кавалерию на левом крыле вдоль мелкого ручейка и принял решение в тот же день атаковать персидскую кавалерию, поджидавшую его на противоположном берегу¹⁸. Царь переправился первым, вплотную за ним последовали тринадцать ил и фаланга. Более многочисленная кавалерия персов не сдержала напора македонян, уступив прежде всего длине их копий. Александра легко было узнать по двум белым султанам на шлеме; его окружили враги и, нанеся множество ударов, выбили из седла. Спасся он лишь благодаря Клиту Черному, одному из своих товарищей-гетайров, который отсек Спитридату, сатрапу Лидии, руку с боевым топором, уже занесенным для удара. Греческие наемники сатрапов отступили на близлежащий холм; они отказались сдаться, и наемная пехота македонян всех их перебила.

Победа эта знаменательна не числом убитых врагов (несколько тысяч) и пленных (несколько сотен отправлено в рудники), но тем, что за ней последовало: победными реляциями Антипатру, бывшему тогда регентом Македонии, и государствам, входившим в Греческий союз, отправкой в Афины щитов с горделивой посвятельной надписью, установкой бронзовых статуй

в честь знатных македонян, павших на поле битвы, возбуждением надежды и отваги в греческих эолийских, ионических и дорических городах Малой Азии. «Результатом этого сражения было то, что соотношение сил резко изменилось в пользу Александра», — пишет Плутарх («Александр», 17, 1).

Большей части персидской кавалерии, а также азиатских наемников-пехотинцев удалось спастись, и они отступили к Милету, переведенному Мемноном Родосцем на осадное положение. Передвигаясь ускоренным маршем, войска Александра заняли между тем берега Ионии, избавив здешние города от иноземных гарнизонов и предоставив свободу и автономию изъявившим покорность городам; Александр заменил ненавистные подати (φόροι) персидскому царю «взносом» (σύνταξα) на общее дело союзников. Для туземных городов, поскольку они являлись «царским уделом», подать была сохранена, но теперь ее следовало выплачивать главе Союза. Мифрен, комендант персидского гарнизона Сард, сдал Пармениону городскую цитадель и хранившуюся там казну. Союзники отважно завладели островом Лада близ устья Меандра, несколькими судами блокировав вход в порт Милета и «непрерывно (на протяжении июля 334 года), сменяя друг друга, штурмовали городские укрепления» (*Диодор*, XVII, 22, 1).

После того как город пал, что было заслугой прежде всего примененной здесь военной техники, 500 наемников, находившихся на персидской службе, влились в ряды греков. Для Александра стало очевидным, что у его флота нет никаких шансов одержать верх над флотом противника, прежде всего финикийским, который численно превосходил его собственный в два с половиной раза. Поскольку Александр, кроме того, видел, что не в состоянии нести расходы по содержанию флота, он распустил корабли по

домам. Впредь он сражался на суше, вовлекая в свой союз все побережье Малой Азии, с которого Дарий набирал себе на службу суда и их экипажи. Соппротивление Александру оказали лишь Галикарнас в Карий, крепость племени мармарийцев над Фаселидой в Ликии и Термесс в Памфилии. К осени все они были осаждены, взяты штурмом и разрушены. Правда, овладеть двумя галикарнасскими фортами удалось несколько позднее, и сделал это Птолемей. Зимой того же года Александр взял под стражу и поместил в темницу по подозрению в предательстве своего тезку, вельможу из Линкестов, командовавшего у него фессалийской конницей.

Предполагается, что, именно пересекая Ликию, Александр близ города Ксанфа совершал религиозные обряды в святилище богини Лето, матери Аполлона, и услышал здесь предсказание о «разрушении персидской империи греками» (*Плутарх «Александр», 17, 4*). В ходе проводившихся французской экспедицией в 1976–1977 годах раскопок деталей обустройства священного источника было обнаружено посвящение «Александра, царя», однако ничто не доказывает, что оно относится к данной кампании¹⁹. Как и посвятельные надписи в Приене, Эресе на Хиосе и в Калимне, эта надпись вполне может оказаться изготовленной много позднее даты предполагаемого посещения Александром здешних мест. Кроме того, такая титулатура не была принята ни в персидской, ни в македонской канцеляриях. Эта табличка — словно реклама благочестия на потребу туристам, но, как бы то ни было, она является свидетельством покорности местных властей и проявлявшегося Александром почтения к культам покоренных им стран. Кроме того, она предполагает, что начиная с конца 334 года Александр почитался здесь как «царь Азии» в ограничительном смысле этого географического термина.

Зима прошла в работе по обеспечению тылов греческих городов по берегам Памфилии вплоть до Сиды, изменению статуса мятежного Аспенда: из автономного города он сделался подвластным центральной власти, и по умиротворению Писидии. Тогда Александр назначил своего друга Неарха наместником новой сатрапии Ликия-Памфилия. Весной 333 года армия, совершив от прибрежной области через заснеженные горы и степь марш в 750 километров, через Пергу, Сагаласс и Келены во Фригии прибыла на север, в Гордий, столицу Фригии на реке Сангарий (ныне Сакарья). Антигон Одноглазый был назначен сатрапом Великой Фригии, а Каллант — Фригии Геллеспонтской. Царь вел себя так, словно ему уже принадлежала вся Малая Азия от ее западного берега до Галиса (ныне Кызыл-Ирмак).

В мае Каппадокия, даже не будучи завоеванной, была преобразована в сатрапию и отдана Сабикте, а Пафлагония объявлена свободной от подати при единственной возложенной на нее повинности выставлять воинский контингент. Все это означало, что Александр полагал сам и хотел заставить поверить в то остальных, что он уже осуществил завоевательский план Филиппа, а также что он действительно силой овладел всеми землями, лежащими между Синопой, греческим городом на севере, на берегу Черного моря, и расположенными напротив Кипра южными берегами, а также и всей территорией, заключенной в излучине Галиса.

В самом деле, коли вместо того, чтобы следовать далее по южному берегу Малой Азии, Александр поднялся на центральное нагорье в направлении Гордия, это произошло не в силу тех легковесных, магических или религиозных причин, которые изобрели потомки: «Тот, кто развяжет узел царя Гордия, станет царем Азии». На самом деле это — байка, рассказанная

через тридцать лет после смерти завоевателя (*Аристовул*, *Fragmente der Griechischen Historiker*, далее — F.G.H., 139, 7 и 7B). И что бы ни произошло в один прекрасный день в Гордии — был ли шкворень, которым ярмо повозки присоединялось к дышлу, высвобожден с помощью удара меча или сложный узел разрублен, — все это относится скорее к фольклору или, в лучшем случае, подразумевает нечто иное. В те места Александр прибыл по вполне очевидным стратегическим причинам: здесь он присоединил к своему войску новобранцев, которых привел к нему Парменион, готовясь к обороне своих западных территориальных приобретений, которым угрожали сохранивший свою мощь флот Мемнона и персидские сатрапы, и, наконец, здесь он перекрыл две дороги, по которым из Персии на запад империи доставлялись воины, припасы и золото, эта кровь войны. Кроме того, Гордий был столицей древнего (македонского?) царя Мидаса, прикосновение которого все превращало в золото, и многие предпочитали называть его сердцем, пупом или центром Азии.

К счастью для македонян, в мае 333 года Мемнон заболел и умер, не оставив во главе персидских войск и кораблей командующего, который был бы ему под стать. Александру предоставилась возможность совершить краткий набег на территорию Каппадокии к востоку от нынешней Анкары, и он принял решение достичь юго-восточного предела своего нового азиатского царства. Это значит, что, насколько позволит рельеф, он намерен был следовать по меридиану, проходящему от Синопы к Тарсу, то есть идти вдоль теперешнего 35-го градуса восточной долготы, крайней границы своих завоеваний, о которых мечтал его отец Филипп.

От Ирмака до Тарса 450 километров, то есть целый месяц пути, особенно тяжелого среди лета. Приходится идти и вдоль еще одного моря в безводной степи — озера Салоз. Это — 90 километров пути вдоль

теперешнего озера Туз в восьми днях к югу от Анкары. Горе всякому, будь то человек или лошадь, кто станет слишком неспешно ступать по обрамляющей озеро ослепительно белой соляной кайме, которая подходит к самой дороге! Соль и сода разъест им и кожу, и копыта. Дальше начинается подъем на склоны Тавра, главная заснеженная вершина которого вздымается здесь по правую руку на высоту 3585 метров. Мы попадаем в Киликию. Главный перевал через хребет Гёлек Богаз (966 м) известен также под названием Киликийские ворота (Κιλικίαί πύλαι). Здесь может проехать только одна повозка либо пройти в ряд четыре человека. Оставив тяжеловооруженных воинов и обоз у северного входа в теснину, царь глубокой ночью с отрядом егерей продвинулся вперед обходными тропами, застал обороняющихся врасплох и рассеял их.

С рассветом вся армия преодолела перевал и пятью днями спустя прибыла в Таре, без боя оставленный сатрапом Арсамом. Таре расположен на влажной и знойной равнине, и летом здешний климат бывает особенно изнурителен. В это время здесь властвовала так называемая киликийская лихорадка. Задыхаясь от жары, Александр бросился в ледяные воды Кидна (ныне Тарсус-Чай), став жертвой самого яркого из всех описанных в античности случаев водного удара (*Курций Руф*, III, 5, 1-9; *Арриан*, II, 4, 7; *Плутарх* «Александр», 19, 2; *Юстин*, XI, 8, 3). Неизвестно, как врачу Александра Филиппу из Акарнании удалось в три дня поставить царя на ноги. Упоминаются всевозможные средства — слабительные, микстуры, припарки, отвлекающие, растирания, а также различные возбуждающие средства. Видимо, выздоровление продолжалось более двух месяцев (август — сентябрь 333 г.).

В Тарсе Александр уверился наконец в том, что стал безраздельным государем Малой Азии, и принялся

чеканить свою монету. Пармениона, которому было тогда 67 лет, Александр послал занять находящийся в 180 километрах юго-восточнее проход Белен, или, как его еще называют, Сирийские ворота, в горном массиве Аман (2262 м) в 10 километрах к югу от теперешнего Искендеруна. Сам он между тем отправился прибрать к рукам полугреческие прибрежные города к западу от Тарса Анхиал и Сола (город, давший название «солецизмам», погрешностям в речи). На города была наложена громадная контрибуция — 200 талантов, сверх того они должны были поставить у себя македонские гарнизоны. В течение семи дней Александр вел боевые действия против горцев в Киликии Трахейской (ныне Торос-Даг), в конце концов принял от них изъявления покорности и устроил в Солах большой парад войск, а также атлетические и художественные состязания. Затем он вернулся в Таре и, миновав Малл, древнюю аргосскую колонию, к концу октября соединился с Парменионом, достигшим Сирии южнее Искендеруна.

«Дарий, который пересек горы, пройдя так называемые Амановы ворота (Арсиан-Богаз и Топрак-Кале к северу от залива Искендерун, близ современного Османие), двинулся на Исс и незаметно зашел Александру в тыл» (*Арриан*, II, 7, 1). «Дарий шел в Киликию, между тем как Александр направлялся в Сирию. В ночи они разминулись, и тут же повернули обратно» (*Плутарх* «Александр», 20, 4-5). И в самом деле, та и другая армия преодолели Аман по разным проходам, одна сделала это дальше на северо-востоке, а другая — на юге. Теперь македонская армия полуразвернулась в северном направлении и с тяжелой фалангой,двигающейся в голове колонны, и следующими за ней легкой кавалерией и союзными войсками преодолела за два дня 23 километра, отделявших ее от пересохшего потока Пинара²⁰ (Дели-Чай). 50 тысяч человек и лошади постепенно

разместились здесь, пока узкая прибрежная равнина не оказалась перегорожена сплошной стеной. Обоз и подкрепления разместились близ нынешнего городка Пайас. Сражение получило название по равнине Исса, города в самой глубине залива Искендерун, самого южного в современной Турции. Бросив взгляд на карту, мы заметим, что, форсировав реку в Тарсе, Александр далеко зашел за 35 градусов широты, который годом раньше определил в качестве предела своим завоеваниям.

Превосходившая численностью персидская армия выстроила в центре свои лучшие войска, составленные главным образом из наемников-греков и тяжеловооруженных пехотинцев. Упиравшееся в море правое крыло было образовано крупным кавалерийским корпусом под командованием *хазарапатиша*, или Великого Визиря, перса Набарзана. На левом крыле, смыкавшемся с горами, были расставлены, судя по всему, легкие пехотинцы и лучники, которые должны были атаковать противника с фланга. Армия Греческого союза, во главе которой стоял Александр, остановилась на диспозиции, неоднократно проверенной как при Филиппе, так и после прихода к власти его сына. Итак, на левом фланге, то есть над морем, позицию должен был удерживать Парменион во главе фессалийской и пелопоннесской кавалерии с приданными ему также фракийскими частями (всеми наличными в войске, как пешими, так и конными), критскими лучниками, отборными стрелками. В центре была выстроена напоминавшая стального ежа тяжелая фаланга сариссофоров (копьеносцев), в которую были сведены шесть полков локоть к локтю выстроенных воинов. На правом крыле, которым командовал Александр, размещались восемь ил (эскадронов) македонской кавалерии, егеря-пеоны, летучие отряды агрианов.

Около середины дня молодой царь, которому только что исполнилось 23 года, объехал на коне тщательно выровненный на значительном расстоянии от реки фронт своего войска и обратился к военачальникам с громкими словами ободрения, а затем занял позицию на стыке правого фланга и центра, напротив колесницы Дария. Александр начал атаку с места в карьер. Несмотря на утверждения Харета Митиленского, управлявшего двором Александра, сомнительно, чтобы тот мерился силой непосредственно с Дарием и чтобы Царь Царей, превосходный стрелок из лука, собственноручно ранил молодого и порывистого македонянина. Наделе же «в письме с рассказом о сражении, которое Александр направил окружению Антипатра (регента Македонии)... говорится лишь, что он получил удар мечом в бедро и что эта рана (уже третья после его восшествия на престол) не имела тяжелых последствий» (*Плутарх «Александр», 20, 9*). Тяжелая македонская кавалерия решила успех дела: уже при первом соприкосновении левое крыло персов было опрокинуто. В центре македонская фаланга, на мгновение разорванная в связи с необходимостью преодолеть водную преграду, вступила в затяжную схватку с греческими наемниками Дария, пока на этих последних не обрушился с фланга Александр. У воды фессалийские конники между тем мало-помалу подались под натиском персов, однако бегство Дария и его людей вынудило кавалерию Великого Визиря выпустить добычу из рук. За сражением последовала продолжавшаяся до ночи погоня, захват стана Дария и дележ добычи. Пленниками Александра стали мать Великого царя, его жена, сестра, двое дочерей и шестилетний сын Ох; по отношению к ним Александр проявил немалую предупредительность, ведь они были куда более ценным приобретением, чем найденное в шатрах царское золото.

Но эта битва, столь шумно воспетая впоследствии и изображенная в красках Филоксеном Эритрейским (копией его картины является мозаика из Помпеи, находящаяся в Неаполитанском музее), была успешна лишь наполовину. Дарию, который бросил на равнине Исса и в ущельях Амана свою колесницу, обоз и несколько тысяч убитых, удалось спастись от победителя бегством. С ним ускользнули от погони по меньшей мере 4 тысячи персидских всадников под командованием наиболее деятельных военачальников, среди которых, возможно, был и Набарзан. Пустившись по северной царской дороге, они обосновались в Каппадокии и Пафлагонии, то есть в областях, расположенных в центре Анатолийского нагорья, к северу и востоку от него, — в тех, которые в ноябре 333 года все еще оставались по сути вне сферы македонского контроля. Здесь они начали набор войска и через несколько месяцев оказались во главе значительных сил, готовых отвоевать обратно всю Малую Азию к западу от Галиса, между тем как в Европе спартанский царь Агис спланировал антимакедонскую коалицию. Оставшиеся в живых после Исса греческие наемники предпочли Александру Дария.

Все, что осталось от македонского флота и флота союзников, призванных в 333 году, чтобы освободить проливы и спешно прикрыть берега Фракии и Македонии, не могло противостоять громадному кипрофиникийскому флоту перса Фарнабаза, который овладел Милетом и островами Хиосом, Андросом, Сифносом. На протяжении осени 333 года три главных полиса Греции — вновь отстроенные Фивы, пощаженные Афины, независимая Спарта — отправили посольства в Дамаск. Они хотели объединиться с Дарием против Александра. То был критический момент: македонское командование находилось в полном смысле слова на перекрестке четырех дорог — следует ли повернуть обратно,

двигаться на юг, преследовать Дария или идти выручать Грецию? Был избран путь на юг.

Царь Тира

Самой первой заботой победителя при Иссе в ноябре того же года было отправить Пармениона с надежной охраной по долинам Оронта и Бекаа пятьюстами километрами южнее, в сирийский Дамаск, где предатель должен был выдать ему сокровища Дария. Между тем сам Александр с основными силами двигался вдоль берега в направлении финикийских портов. Принадлежавшие им корабли представляли постоянную угрозу для греческих флотов и торговли. Новость о победе Александра, назначение Менона, под командованием которого находилась вся союзная кавалерия, сатрапом западной части Сирии, Ливана и Иудеи, кары, примененные к тем городам, которые отважились противиться преимуществам, предоставляемым тем, кто пошел на сговор, побудили кипрских царьков (три четверти из них — греческого происхождения) и значительную часть более или менее эллинизированных царей финикийских городов отправить к Александру свои посольства. По прибытии послы заявили, что не желают впредь подчиняться персам, но готовы соединить свои силы с войсками освободителя, при том условии, что их свободы и автономия будут гарантированы. Стратон, сын царя островного города Арада (нынешний Руад на севере Ливана) передал Александру свой город, а также города Мараф, Сидон, Мариамну «и все прочие земли, на которые распространялась его власть» (*Арриан*, II, 13, 8). Шел декабрь 333 года. Корабли более не могли оставаться в открытом море, а навигация должна была открыться лишь в апреле. До весны надлежало обеспечить контроль над всем берегом вплоть до Газы.

В начале зимы к Александру в Мараф явились послы Дария. Они доставили письмо царя: Дарий предложил Александру договор о союзе и дружбе и выкуп за своего сына и взятых в плен вельмож, а также за своих мать, жену и дочерей. Александр ответил недвусмысленным и резким отказом, чему разные авторы дают различные обоснования исторического, нравственного и политического характера. Если верить Арриану (II, 14, 8–9), Александр, взбешенный тем, что в послании он не был назван царем, написал Дарию буквально следующее: «Явись ко мне как к господину всей Азии, каковым я являюсь... Впредь, когда будешь присылать ко мне послов, отправляй их как к царю Азии, а не как к равному себе, и проси у меня о чем-либо как у господина всего того, чем ты владеешь. И если ты этого не сделаешь, я буду считать тебя преступником. Если же ты желаешь еще побороться за царство, оставайся на месте и не спасайся бегством в случае битвы, ведь я пойду на тебя войной, где бы ты ни был». Стиль послания, которое приписывает Александру римлянин Курций Руф (IV, 1, 14), еще лапидарней: «Когда будешь мне писать, помни, что пишешь не просто царю, а твоему царю». Но стоит ли принимать в расчет эти слова, когда нам доподлинно известно, что античные авторы имели обыкновение с величайшим прилежанием переиначивать все речи и все послания?

Из Дамаска Парменион прислал Александру часть сокровищ Дария и наложницу, благородную Барсину, прежде жену или сожительницу Ментора, брата Мемнона, а также отправил к нему греческих послов, которые прибыли к Дарию для заключения мира перед битвой при Иссе. Александр освободил их всех за исключением Эврикла, посла спартанцев, находившихся с Македонией в состоянии войны. Это был скорее политический расчет, чем дань сентиментальности.

Следуя вдоль берега нынешнего Ливана, Александр принял в январе 332 года изъявления покорности от городов Библа и Сидона. В последнем друг царя Гефестион посадил грекофила Абдалонима вместо давнего вассала персов Стратона. Свой торговый флот Абдалоним предложил Александру, как из признательности царю, так и из ненависти к Тиру, городу-сопернику, которому предстояло выдержать достопамятную семимесячную осаду (февраль — август 332 г.). В саркофаге из Сидона, украшенном навеянными жизнью двух царей героическими сценами охоты и битв, одной из жемчужин коллекции Стамбульского археологического музея, обычно именуемом «саркофагом Александра», возможно, были погребены останки Абдалонима²¹. Посольство от Тира во главе с наследником царя Абдимилка, который сам в это время находился в Эгейском море в составе персидского флота, попыталось с помощью даров добиться благосклонности Александра, надеясь, что ни македоняне, ни персы в город не войдут. То есть, выражаясь дипломатическим языком, жители Тира рассчитывали на гарантии своей безопасности, сославшись на нейтралитет.

Однако Александр, который верил в собственное происхождение от Геракла-Мелькарта, «царя города Тира», выразил желание совершить жертвоприношение предку, а для этого высадиться на острове, на котором стояли город и оба его порта. Знать и жречество Тира царю в его просьбе отказали. Тогда Александр собрал своих военачальников и изложил им военные, политические и экономические аспекты той опасности, которая грозит македонянам в случае, если они оставят за своей спиной самую мощную морскую державу Средиземноморья. Флот, которым обладал Тир, был способен отовсюду угрожать завоеванным территориям. Инженерам и механикам саперного корпуса необходимо

было решить, как овладеть укрепленным островом, не имея эскадры. Вся армия была брошена на строительство начинающегося от материка мола длиной 700 метров и шириной 60 метров, который должен был связать сушу с островом. По молу подтаскивали осадные машины и выдвигались штурмовые колонны. Александр лично руководил работами. Когда буря разметала часть дамбы, пришлось ее перестраивать, подпирая толстыми стволами деревьев. Несмотря на неприятельские брандеры, перестраивались также парапеты и башни. Во время этих осадных мероприятий, покуда все союзные армии понемногу собирались вокруг Тира, Александр предводительствовал краткой экспедицией, даже набегом против обитавших в Антиливане сирийцев, которые угрожали линиям коммуникаций с Алеппо (ныне Халеб). Вернувшись из рейда, Александр узнал, что подошло пополнение: 4 тысячи греческих наемников и 190 боевых кораблей, которые готовы были сражаться вместе с ним. Александр потребовал присяги на верность и денежных средств от иудейского первосвященника в Иерусалиме, расположенном в 250 километрах от Тира, и получил и то и другое.

Наконец древний остров был взят штурмом со стороны моря. Когда два его порта, на севере и юго-востоке, оказались заблокированными греческими, кипрскими и сиро-финикийскими эскадрами, на многих кораблях которых, с четырьмя и пятью рядами гребцов, были размещены метательные машины, со стороны «сидонского» порта на севере и через арсенал на юге одновременно начался штурм, в то время как со стороны дамбы на востоке внимание осажденных отвлекала пехота. По перекидным мостикам, переброшенным с высоты деревянной башни, которая была установлена на двух сцепленных кораблях, гвардейцы Адмета, а за ними и сам царь перепрыгнули на крепостную стену вблизи арсенала, после чего их примеру последовали другие

воины с корабля. Штурмующие овладели городом улица за улицей, дом за домом, этаж за этажом. Наконец жрецы из храма и городские власти изъявили желание сдаться на милость победителя. Число убитых при штурме обитателей Тира составило 6 тысяч при населении в 30 тысяч человек. Судя по всему, 2 тысячи мужчин были распяты, а 5 тысяч женщин и детей проданы в рабство.

Осада и взятие Тира дали повод разыгаться воображению историков²², прежде всего потому, что эти сражения ознаменовали конец финикийского могущества и отдали греческой торговле абсолютное господство над восточным Средиземноморьем. Курций Руф пишет (IV, 4, 18): «Александр пощадил послов Карфагена (те находились тогда в Тире с паломнической миссией), однако добавил, что объявляет Карфагену войну, которую в связи с теперешней занятостью откладывает на более позднее время». И в самом деле, захват западного Средиземноморья отнюдь не был его первоочередной задачей.

От Тира (нынешнего Сура) и вплоть до самого юга страны все порты и крепости филистимлян направили победителю свои поздравления, верноподданнические пожелания, отослав венки и благословения. В их числе был и Иерусалим, куда Александр так и не попал, разрешив ему, однако, сохранить теократическую форму правления, а сверх того, судя по всему, освободив жрецов Храма от податей, которые они платили персидскому царю. Но одновременно в конце осады Тира от Дария из Вавилона прибыло второе посольство. Обращаясь к Александру «как к царю», Дарий сделал ему новые предложения. Сверх выкупа Александр мог теперь получить руку дочери Дария Статиры (названной так в честь матери), в приданое которой входила «вся территория от Геллеспонта до Галиса» (*Курций Руф*, IV, 5, 1). Согласно Арриану (II, 25, 2), Парменион стал

уговаривать Александра принять это предложение, добавив при этом: «Если бы я был на твоём месте...», на что юный царь будто бы ответил: «Я тоже, будь я на твоём...» Несомненно, двойной отказ македонянина объясняется фиктивным характером делавшихся ему уступок: давая такое приданое пленной дочери, Дарий не желал расстаться со своей властью над страной, которая на самом деле больше ему не принадлежала.

Будучи уверен теперь в своих тылах, Александр продолжил путь на юг. Единственным портом, оказавшим ему сопротивление, была Газа, называвшаяся в античности также Миноей, столица филистимлян, которую постоянно оспаривали друг у друга финикийцы, евреи, критяне и египтяне. В сентябре 332 года Газу удерживал состоявший из персидских военачальников и арабских наемников гарнизон под командованием деятельного перса Батиса. Вначале Александр попытался овладеть городом с помощью поставленных на колеса башен и подкопов под стены. В ходе одной из стычек царь был ранен. Тогда осаждавшие насыпали вал, высотой почти равный стенам, взгромодили на него башни и увеличили число подкопов. Наконец стена обрушилась, и союзные воины проложили себе дорогу через брешь. Здесь царь снова был ранен (уже в пятый раз), что привело его в такое исступление, что он повелел умертвить всех защитников, в том числе градоначальника, а мирное население обратить в рабство (октябрь 332 г.). Победителям досталась богатейшая добыча, прежде всего множество благовоний (*Плутарх* «Александр», 25, 6–7; *Плиний Старший* «Естествознание», XII, 62). Город был заново заселен окрестными туземцами и превращен в крепость или, скорее, в базу для ведения последующих операций, между тем как македонский флот снова овладел Милетом и островами Хиос и Лесбос, в предыдущем году захваченными персами.

Царь Верхнего и Нижнего Египта

В октябре 332 года Александр узнал, что после получения Дарием второго ответа на послания, пленения в Эгейском море и последующей казни персидских полководцев, а также захвата всей семьи Дария персы начали подготовку к решающей битве: они привлекли в войско боевых слонов, погонщиков верблюдов, конников, копейщиков и лучников, которые всегда составляли костяк армии Персидской империи. Между тем надвигалось время ненастий, когда в прибрежной полосе обычно идут ливни, а в пустынях бушуют песчаные бури. Как одному, так и другому противнику крайне опасно было пускаться в путь в течение ближайших шести месяцев. Между тем непосредственно к югу от Газы начинался Египет, номинально находившийся под властью персов. Македонянин Аминт только что осуществил здесь безумную вылазку, кончившуюся провалом²³. Александру было известно также, что египетские жрецы пребывали в состоянии перманентного бунта против угнетателей. Армия Греческого союза располагала приблизительно шестью месяцами прохладного времени года на то, чтобы осуществить старинную мечту греческих моряков, начиная с «критянина» Одиссея^[6] и до афинянина Кимона: открыть для греческой торговли обширный египетский рынок. Финикийский флот, недавний противник греческого, частью влился в ряды армии победителя, частью был потоплен близ Тира.

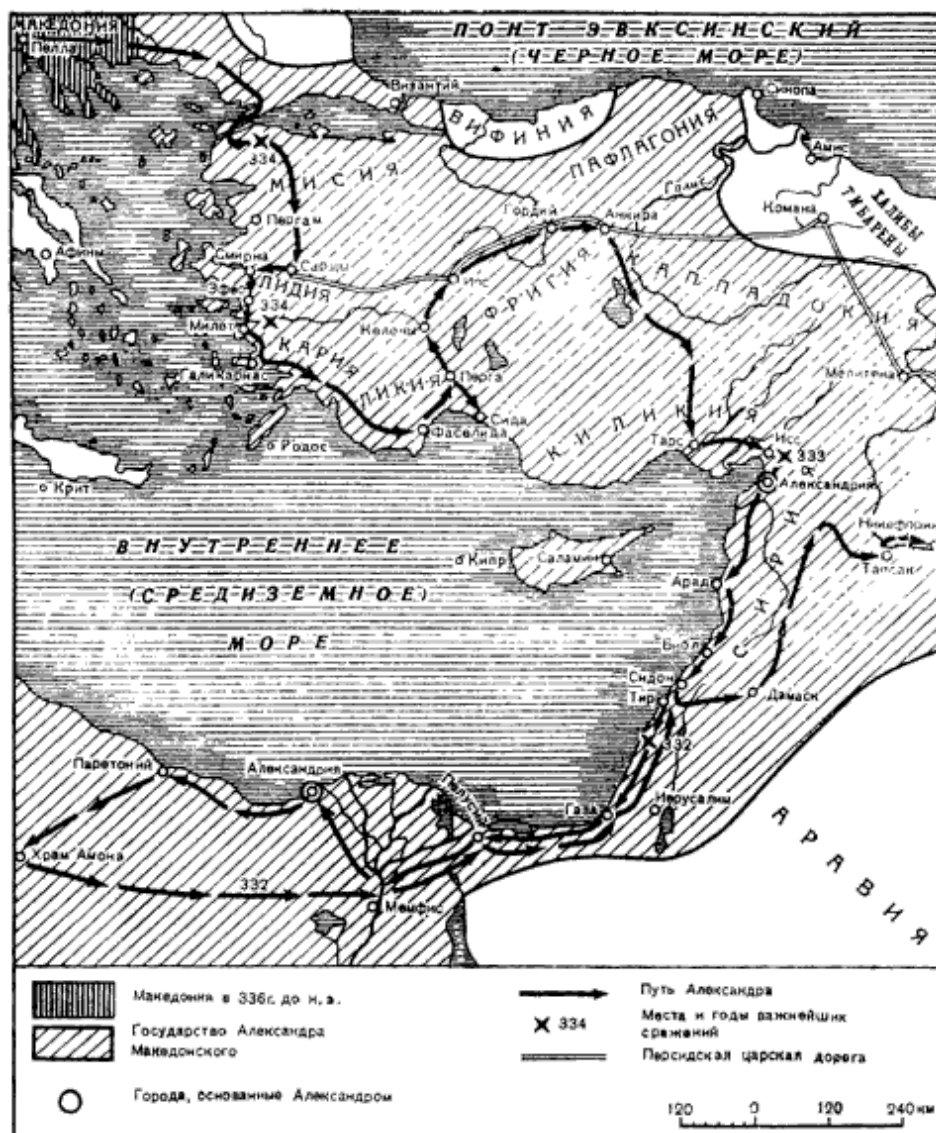
В сопровождении флота, которым командовал Гефестион, за семь дней Александр дошел до Пелусия. Здесь он разместил свой гарнизон. Его корабли, на борту которых находились войска, поднялись до Мемфиса. Сам Александр отправился туда в сопровождении своей

грозной кавалерии — сначала вдоль пелусийского рукава дельты, затем вдоль самого Нила. Сатрап Мазек противостоял грекам лишь на словах, сам же вскоре передал свои полномочия их командующему. Царь тут же вступил в переговоры со жрецами, вернул им древние привилегии, принес жертвы богу Апису и другим египетским божествам, повелев восстановить великие святилища в Карнаке и Луксоре. В начале декабря 332 года Александр был торжественно признан фараоном, «Высокими Вратами», царем Верхнего и Нижнего Египта, возлюбленным Амона и предпочтенным Ра, Сыном Ра²⁴, то есть его признали одновременно братом и сыном богов, а также верховным владельцем всей пригодной для возделывания земли и ее богатств, суверенным подателем всех благ в Египте и пр.

После египетских церемоний по интронизации греки и македоняне, дабы сохранить свою религиозную самостоятельность и показать, что они не какие-нибудь «народы моря» времен XIX династии или грубые персы, устроили в Мемфисе мусические состязания, театральные постановки и атлетические игры. Все это можно было бы назвать самой сутью эллинизма, тем, что мы теперь назвали бы явлением культуры, однако содержащийся во всем этом религиозный компонент противопоставляет их чисто египетскому празднованию коронации. Во время пребывания Александра в Египте он совершил еще два деяния, носящих религиозный характер. Во-первых, в полном согласии со всеми ритуалами на месте, называемом Перао, Фараон, по-гречески Pharos, вблизи канопского устья Нила он заложил город со смешанным населением, а во-вторых, совершил паломничество к богу-отцу фараонов, Амону-Ра, в оазисе Сива в 250 километрах к юго-западу от Мерса-Матрух.

В каком-то смысле можно утверждать, что, пока Александр продвигался к Египту, а затем к Киренаике и

даже к Вавилону и Персеполю, Верховный Глава или Вождь, ἡγεμὼν, Греческого союза исполнял возложенную на него миссию: принести избавление грекам всюду, где их угнетали, несмотря на то, что пройдя в октябре 333 года Сирийские ворота, освободитель стал подменять коллективную волю личными амбициями, постепенно превратившись из полководца в завоевателя.

Малая Азия, Сирия, Финикия и Египет.

Город, который был основан 20 января 331 года до н. э., 25-го числа египетского месяца тиби, в первый год

правления Его Величества Александра, не был похож на обычный греческий город. Скорее, то был город человека, который обрел божественную сущность, Ἀλεξάνδρεια πρὸς τὸν Αἴγυπτον²⁵, то есть «Александрия по соседству с (рекой) Египет», обителью бога Птаха, подобно тому, как Пер-Рамсес (библ. Раамсес) во времена Моисея носил имя Рамсеса II, а Бубаст — имя Бастет, богини-кошки. В то же время местоположение города определяло его предназначение: стать столицей, «главой» великого тела, членами которого были отдельные населенные пункты, центром, из которого воля царя в силу божественного права могла эффективнее всего расходиться по всем направлениям, по «девяти дугам» фараоновой империи, точка в пространстве, в которой коренилась власть. В абрисе этого города не было ничего личного. Это была шахматная доска, — идея, подсказанная отцом геометрии и математических пропорций Пифагором (572–492 до н. э.), гражданином Навкратиса в Египте.

Все, что нам определенно известно об основании города, предпринятом Александром, которому помогали архитектор Динократ Родосский и военные инженеры Диад и Харий, укладывается в несколько фраз. В начале января 331 года окрестности Мемфиса покинул отряд, состоявший из нескольких тысяч кавалеристов и пехотинцев, как македонян, так и охотников-греков; в него входили также художники и предприниматели. Отряд направился к западной оконечности дельты Нила, пополняясь по дороге греками и египтянами, жившими по соседству с озером Мареотидой, нынешним Марьют, а под конец — обитателями местечка Ракотида напротив острова Фарос. Основанный город стал моделью всех «тройственных городов», «триполисов» античного мира. За советом Александр обратился к жрецам и прорицателям. Были совершены ритуалы, гарантирующие благосклонность земных и подземных

богов, добрых демонов, 'Αγαθοί Δαίμονες? которые являются в виде змей, и небесных и водных богов, которые принимают облик птиц. Было отдано распоряжение оставлять для них повсюду понемногу крупы или каши. Александр пешком прошел вдоль будущей городской стены, линию которой указал ему Динократ, повелевая время от времени обозначать свой путь колышками или расставлять хорошо заметные меты. Александр одобрил план города в форме развернутого плаща, 30 стадий (5340 м) в длину, от 7 до 8 стадий (ок. 1325 м) в ширину, а также соединение острова с материком дамбой длиной 1260 м, разбивку города на пять кварталов, идею оставить в нем место для двух рыночных площадей и обустроить парки. Александр возложил ответственность за дальнейшие работы на градоустроителей, землемеров и глав общин трех представленных здесь народов, после чего, держа путь на запад, исчез в песках в сопровождении кавалькады лошадей и верблюдов.

Если верить рассказам, возникшим на основе «Истории» Клитарха (*Диодор*, XVII, 49, 2; *Курций Руф*, IV, 7, 9; и, возможно, *Арриан*, V, 25, 4; VII, 9, 7), в Паретонии (ныне Мерса-Матрух) Александр принял посольство греков из Киренаики, которое доставило ему почетный венок и богатые дары. Весьма вероятно, что «он заключил с ними договор о дружбе и взаимной помощи», но это никоим образом не означает, что республика Кирена признала Александра своим царем. Вылазка в пески продолжалась немногим менее двух месяцев²⁶, но они пришлись на лучшее время года, когда иногда выпадает дождь.

Не принимая в расчет всевозможные байки, обратим внимание читателя лишь на свидетельство Птолемея, который сопровождал Александра в его паломничестве к храму Амона-Ра, отца всех фараонов: «Александра охватило желание отправиться к Амону в Ливию, с одной

стороны, для того, чтобы спросить его о будущем, поскольку оракул Амона считался непогрешимым, а с другой — потому, что Амона вопрошали Персей и Геракл (его предки!)... Ведь и сам Александр некоторым образом возводил свою родословную к Амону, поскольку мифы указывают на Зевса как на родителя Геракла и Персея» (*Арриан*, III, 3, 1-2). Так как два эти героя считались бесспорными сыновьями Зевса, нет никакого сомнения в том, что Александр явился сюда узнать, чьим сыном был он сам, и после этого визита он ясно давал всем понять, что и в самом деле является сыном Зевса.

По крайней мере со времен Пиндара («Пифийские оды», IV, 16; 462 г. до н. э.) отождествление греческого Зевса и египетского Амона было общепринятым, в первую очередь в Кирене, ближайшем к оазису греческом городе. Плутарх, который, подобно прочим, сообщает, что прорицатель из оазиса Сивы приветствовал Александра, обратившись к нему как к сыну бога, цитирует письмо, подтверждающее временное замешательство и сдержанность получившего прорицание царя: «В письме к своей матери сам Александр пишет, что он получил тайные откровения, которыми по возвращении поделится с ней одной» («Александр», 27, 8). Это достаточно ясное признание для всякого, кто считает, что понимает последующее поведение завоевателя. Но у нас нет доказательств, что уже тогда, в феврале 331 года Александр желал, чтобы македоняне признали его богом. Собственные колебания Александра в этом вопросе продлились по крайней мере вплоть до индийской кампании 327–326 годов.

Освободитель Вавилона

«А услышав, как говорил он сам, то, чего желала его душа, он вернулся в Египет... и, как утверждает Птолемей, сразу прибыл в Мемфис» (*Арриан*, III, 4, 5). Чтобы за три недели преодолеть путь в 550 километров, который пролегал через впадины Каттара и Бир Абу Харадыг, следовало двигаться по ночам, а днем прятаться от самума в шатрах. Вот несомненный повод для того, чтобы заставить говорить о себе как о боге — преуспеть там, где, как утверждают, Камбиз потерял 50 тысяч человек! В Мемфисе Александр реорганизовал управление прежней сатрапией. Он предложил посты наместников Верхнего и Нижнего Египта Долоаспису и Питису, египтянам по происхождению, контроль же за финансами и сбором налогов поручил греку из Навкратиса Клеомену. Военными губернаторами, командующими войсками и флотом Александр назначил греков. Он не желал доверять управление богатой и стратегически неуязвимой страной одному человеку. 21 марта Александр ступил на понтонный мост в Мемфисе. Вдоль Нила он спустился до Пелусия, где было назначено место сбора войск самого Александра, прибывших из Греции и Малой Азии наемников и их сопровождения, то есть всего около 7 тысяч кавалеристов и 40 тысяч пехотинцев, что очень близко к тому количеству, которое отправлялось в поход изначально.

Двигаясь навстречу армиям Дария, по крайней мере до Тира Александр следует тем же пролегающим вдоль берега маршрутом, которым прибыл в Египет. В Тире в мае 331 года были устроены празднества в честь Геракла-Мелькарта и Диониса. Но прежде Александр принял три важных решения. Во-первых, дабы,

отправляясь в поход, привлечь к себе сердца афинян, он вернул им сограждан, взятых в плен в сражении на Гранике тремя годами прежде. Чтобы подавить волнения на Пелопоннесе, Александр отдал приказание 100 кипрским и финикийским кораблям, стоявшим на якорях в двух заново отремонтированных портах Тира, отправиться на Крит и присоединиться к македонскому флоту. Наконец, он произвел финансовую реорганизацию Передней Азии. Ведать сбором налогов и дани в Финикии, в Тире он назначил Койрана из Береи (ныне Верия в Македонии), а в Малой Азии, в Сардах — Филоксена. Друга своего детства Гарпала, который перед битвой при Иссе бежал в Грецию, Александр снова назначил на пост казначея и контролера по финансам. Гарпал заведовал армейской кассой на протяжении семи лет.

Выплата жалованья войскам, закупка провианта и средств передвижения тесно связаны с жесткой системой управления, что не следует смешивать ни с управлением, которое осуществляют новые сатрапы, ни с системой военных македонских наместников. Как раз одного из них, Андромаха, самаритяне захватили в плен и сожгли заживо в 55 километрах к северу от Иерусалима; Александр тут же добился выдачи убийц и казнил их (*Курций Руф*, IV, 5, 9; 8, 9-11). Когда же попросили пощады тираны с Лесбоса, перешедшие на сторону персов, он выдал их собственным гражданам на пытки и казнь. Главное было — оставить замиренными земли, омываемые водами Средиземного моря к западу от продвигавшейся вперед армии.

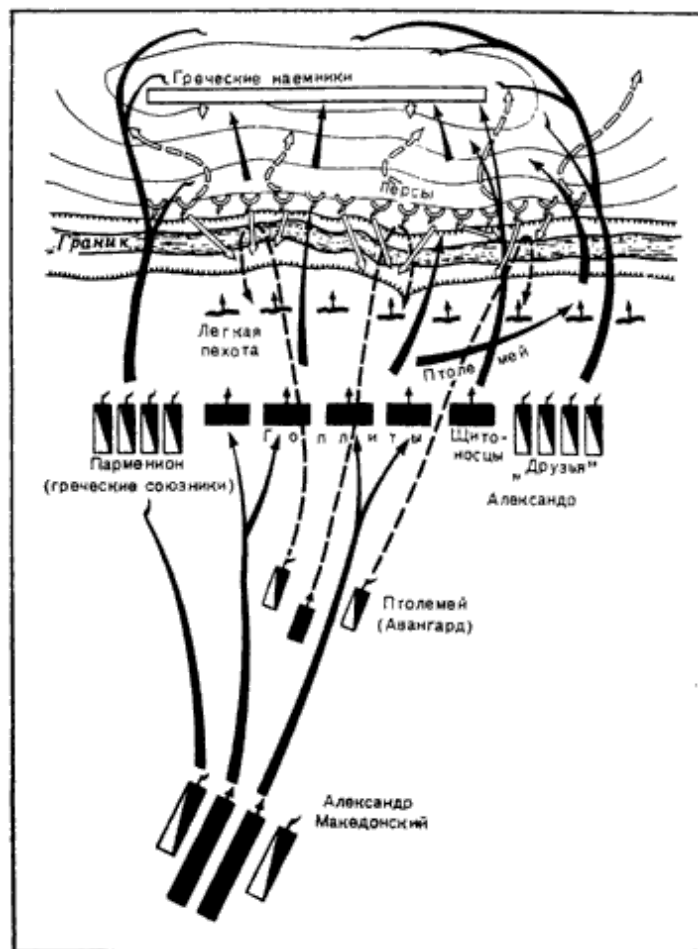

Схема битвы при Гранике.

Армия, которой предстояло в третий раз помериться силами с воинами Дария, двигалась в два раза медленнее, чем всадники и погонщики верблюдов, недавно сопровождавшие Александра к оазису Сива²⁷. Ее движение затрудняло огромное число сопутствующих армии людей, шедших с обозом в 3 тысячи повозок. От Тира до Тапсака (ныне Джераблус) на Евфрате в северной Сирии немногим более 600 километров, если двигаться через Сидон, Бейрут, Дамаск, Хом, Хаму, Алеппо, а также по усеянным мертвыми телами степям. Всего 51 день хода, с 10 июня до 31 июля, в самый разгар лета, то есть 12 километров в день, при том, что движение осуществлялось в основном на рассвете и в

сумерках. За время пути они всего одиннадцать раз разбивали лагерь (*Курций Руф*, IV, 9, 11).

При таком изматывающем темпе движения самые слабые падали и умирали. Так случилось со Статирой, женой Дария, находившейся среди пленников. Александр устроил ей (предположительно в Алеппо) торжественные похороны. Очень сомнительны свидетельства о том, что персидский царь, узнав от одного состоявшего в свите царицы евнуха о достохвальном поведении Александра, отправил к нему третье посольство с предложением царствовать на трети империи — от Средиземного моря до излучины Евфрата. То, что сообщают об этих предложениях и об отказе Александра Курций Руф (IV, 11) и Юстин (XI, 12, 9-16), дает основание предполагать, что этот сюжет всего лишь дублирует историю с посланиями, которыми цари обменялись годом раньше. Единственное, в чем можно не сомневаться в этих краях, кишущих лазутчиками, двойными агентами, осведомителями и просто переводчиками, — так это в том, что оба государя были точно информированы о местонахождении и намерениях друг друга. Александр отправил саперные части навести понтонный мост через Евфрат в 120 километрах к северо-востоку от Алеппо; прикрывать его должна была батарея катапульта. Дарий же, со своей стороны, поручил начальнику штаба Мазею с 2 тысячами наемников-греков и 3 тысячами кавалеристов охранять все пути, ведущие в Месопотамию. Силы были слишком неравны. «Когда Мазей узнал о приближении Александра (от Тапсака), он бежал со всем своим отрядом. Тут же два моста были доведены до противоположного берега, и Александр с войском переправились по ним» (*Арриан*, III, 7, 2).

И вновь потянулись степи или пустыни и, несмотря на незначительную изрезанность местности и наличие водных источников и караван-сараев на участке от

Кархемыша до Тигра, несмотря на несколько редких передышек, армейской колонне потребовалось как минимум 43 дня на то, чтобы преодолеть 440 километров, которые отделяли ее от второй реки²⁸. Немногим более 10 километров за день в самый знойный период года проходила армия по этой местности, в которой Крассу суждено было потерять свои легионы, а с ними и жизнь, где попал в позорный плен император Валериан, а император Юлиан вел тяжелые бои, в которых нашел свою смерть. От разведчиков Александру стало известно, что персы собрали все свои силы на равнине в 80 километрах к северо-востоку от древней Ниневии и в 80 километрах к северо-востоку от Арбел (ныне Эрбиль в Ираке). В ночь с 20 на 21 сентября 331 года кавалерия гетайров и фаланга не без труда перешли Тигр по броду Джезират в 160 километрах к северо-востоку от современного Мосула. Дав воинам два дня передышки (на это время выпало полное лунное затмение), Александр начал неспешно выдвигать войска и обоз в направлении поля битвы при Гавгамелах²⁹ (античные авторы переводили это название как «Дом верблюдов», однако, очевидно, правильнее было бы толковать его как арамейское «габ гамела», «верблюжья спина») и прибыл сюда днем 30 сентября. На то, чтобы преодолеть последние 40 километров, потребовалось полных восемь дней.

Дарий распорядился выровнять здесь холмы, чтобы дать возможность своим боевым колесницам, по бокам которых были прикреплены лезвия кос, расстроить плотные ряды фаланги, а также чтобы позволить персидской кавалерии и слонам подавить сопротивление неприятеля. Несомненно, здесь на стороне Дария было не только численное превосходство, но и характер рельефа местности. Но Александр имел преимущество в вооружении, тактике и боевом духе. Ночью он выстроил войска, растянув, насколько

возможно, их фронт: фаланга — в центре, по флангам под тупым углом — союзники, за ними, чтобы избежать окружения, по косой линии выстроилась кавалерия. Обоз вместе с пленниками, среди которых находились мать и дети Дария, расположился на холме на значительном расстоянии от поля битвы.

Наутро 1 октября, после совершения молитв, обетов и жертвоприношений Зевсу и Афине Нике, богине победы, после того, как прозвучали трубы и улеглись беспорядочные шумы предшествующей всякому сражению суматохи, войско лицезрело, как одетая в красные плащи царская ила вытянулась вперед вслед за царем (которого можно было узнать по тройному султану из белых перьев и конского волоса) и Клитом Черным. Несмотря на многочисленные обстоятельные описания, мы знаем об этой битве лишь два несомненных факта. Первый заключается в том, что острые сариссы, которыми были вооружены македонские кавалерия и фаланга, вывели из боя возниц, правивших боевыми колесницами, а также скифских и персидских всадников («Целить в лицо», — повелел солдатам Александр). Второй — то, что плохо охранявшийся и оставшийся без поддержки греческий обоз едва не захватили персы. Раздосадованному Александру пришлось отправить несколько эскадронов пикинеров на выручку своему наполовину окруженному левому флангу. Парменион дважды просил прекратить наступление на правом фланге и прийти на помощь лагерю у него в тылу. Эти затруднения помешали Александру превратить свой успех в полную победу. Он никогда не мог простить Пармениону то, что из-за него не захватил Дария в плен.

На этот раз потери греков были весьма значительны. Согласно Арриану (III, 15, 6), в ходе битвы при Гавгамелах и преследования союзники потеряли одну тысячу всадников. Общие людские потери можно

оценить в диапазоне от 4 до 5 тысяч человек, что составляет десятую часть общей численности. Здесь не приняты в расчет раненые, большинство из которых умерли в последующие дни. Несомненно лишь то, что едва мародеры очистили поле битвы, а греки похоронили погибших, как в европейской армии и ее обозе вспыхнула эпидемия (холера?), между тем как Александр не мог праздновать победу: потери, понесенные армией, не были компенсированы, Дарий бежал в Мидию, в укрепленных местах еще не были размещены македонские гарнизоны, а непокорные сатрапы не приведены к повиновению.

Расстояние, которое разделяет Мосул и восточную границу Пакистана, крайнюю оконечность империи, вдвое превышает то, что преодолели победители, двигаясь от последних греческих городов Малой Азии до Мосула. Этим можно объяснить равно усталость и раздражение балканских войск и принятое Александром решение пополнять армию за счет населения Среднего Востока, местной администрации и ее казны. Уже несколько часов спустя после битвы первой его заботой было «как можно быстрее прибыть в Арбелы с тем, чтобы завладеть казной и прочим обозом Дария. На завтра (3 октября) он сюда явился» (*Арриан*, III, 15, 5). Выйдя из Арбел, Александр не бросился в погоню за Дарием на север, к Каспийскому морю, а собрал свои войска и их добычу, всех больных и экипажи и направился в противоположном направлении — на юг.

Расстояние в 400 километров от Арбел до Вавилона армия, не встретив никаких препятствий, преодолела в боевом построении по царской дороге за 34 дня. Предосторожности оказались напрасными: местное население было настроено враждебно по отношению к персам; кроме того, в Вавилоне, колоссальном космополитическом образовании, имелись греческие,

финикийские, египетские кварталы, которые всей душой радовались появлению «освободителя». Здесь 21 октября 331 года Александра провозгласили «Царем вселенной». Поднявшись на колесницу, подобно прежним государям, он совершил триумфальный въезд в город. Гражданские и религиозные власти передали ему город, крепость и сокровища. Александр отдал распоряжение восстановить храмы, которые разрушил Ксеркс в 479 году, прежде всего Бэла-Мардука, главного вавилонского божества. Он принес Мардуку жертвы в соответствии с ритуалами, к которым приобщили Александра халдейские жрецы, и таким образом добился своего признания законным царем «четырех частей света». Поддержка жреческой касты, как прежде в Египте, позволила Александру с легкостью установить в Вавилоне македонское господство.

Чтобы оправиться от тягот похода, войску был предоставлен месяц отдыха и увеселений. В начале декабря 331 года Александр вывел солдат из города и, разместив их в лагере между Тигром и Сузианой, заставил ежедневно упражняться: новым завоеваниям должны были предшествовать атлетические занятия, манёвры, смотры, парады. В скором времени в штабе стало известно, что Антипатр, регент Македонии, одержал верх над коалицией спартанцев и восставших греков близ Мегалополя в Пелопоннесе, в том же октябре, в котором армия союзников сокрушила персидскую при Гавгамелах. Преодолевая по 50 километров ежедневно по северной царской дороге, македонские гонцы около двух месяцев терпели тяготы и лишения, чтобы доставить эту весть Александру и успокоить его. Он же, имея в своем распоряжении, помимо Греции, весь Благодатный Полумесяц^[7], мог уже помышлять о том, чтобы одновременно быть как «царем македонян» (βασιλεύς τῶν Μακεδόνων), так и «господином Азии» (κύριος τῆς Ἀσίας) (Плутарх

«Александр», 34, 1), на этот раз понимая под Азией весь континент.

Именно в Вавилоне осенью 331 года Александр принял решение, имевшее далеко идущие последствия. Он назначил перса Мазея, недавнего своего противника, на должность сатрапа только что покоренного Вавилона. Что касается управления Персидской империей, Александр опирался на местную знать, дублируя персидских сатрапов, назначенных в период с 331 по 327 год, специальным «командующим» или «надсмотрщиком» (στρατηγὸς ἐπίσκοπος) из числа македонян, которому поручалось командование оккупационными войсками; хранение же казны и управление финансами возлагались на еще одного македонянина. Подтвердив функции сатрапов, этих своего рода вице-королей, Александр, во-первых, сэкономил, а во-вторых, продемонстрировал вечно склонной к возмущению знати, что в ее интересах отмежеваться от династии Ахеменидов. Сразу же после своего вступления в должность Мазей начал от своего имени чеканить монету по греческому образцу, показывая тем самым, что установившийся здесь режим является переходным. Кроме того, чтобы поощрить мужество и преданность македонян, Александр награждал наиболее отличившихся воинов, назначив их командирами новоорганизованных полков в тысячу бойцов каждый. Кроме того, он поделил пополам кавалерийские илы и назначил этим новым подразделениям командиров, подчинив им также по тысяче всадников. Таким образом высшая македонская знать отчасти лишилась своего авторитета, уступив его монарху, который намеревался править завоеванными землями иначе, чем Македонией.

Около середины декабря 331 года Александр, ἡγεμὼν, то есть верховный главнокомандующий войсками Эллинской лиги на протяжении вот уже

четырёх лет, мог считать свою двойную миссию исполненной: он отомстил за святотатства, совершенные Дарием и — пятью поколениями ранее — Ксерксом в отношении греческих богов, и освободил греков Малой Азии от подати, которую они обязаны были выплачивать ахеменидским государям, — впрочем, с риском подменить, в рамках все той же благородной задачи, освободительную войну реваншистской. Не будем забывать, что Александр, царь македонян, не распустил в Вавилоне греческие войска по домам, и они имели полное право потребовать обратно забранные у своих предков трофеи, которые украшали теперь персидские дворцы, а также свободы для своих угнетаемых (?) в столицах империи соотечественников. И хотя назначенный Союзом мститель все больше путал коллективные интересы со своими собственными, волю греческих и македонских воинов — со своей личной властью, общую добычу — с царской казной, Александр был вправе теперь, в наиболее прохладное время года, дать приказ пуститься в погоню за Дарием, который продолжал настаивать на своей непобедимости и именовать себя Царем царей, «хшаятия хшаятиянам».

В Персии

Армия, которая получила подкрепления от Антипатра, должна была преодолеть 370 километров от Вавилона до Суз (нынешнего Шуша в иранском Хузестане) за три недели. «Войдя в город (ок. 25 декабря 331 г.), Александр завладел казной в 50 тысяч талантов серебра и прочими царскими богатствами (9 тысяч золотых дариков), а кроме того, многими предметами, которые Ксеркс вывез из Греции, в частности, бронзовыми статуями Гармодия и Аристогитона» (*Арриан*, III, 16, 7). Ничто так не порадовало афинян, как возвращение этих статуй. В выразивших Александру свою покорность Сузах, где он восседал на царском троне, не было грабежей, зато устраивались игры, атлетические состязания, а также жертвоприношение греческим богам. Полномочия сатрапа Абулита были подтверждены, и он остался здесь править под контролем двух македонян. Войско отдыхало в Сузах 34 дня (*Юстин*, XI, 14, 8).

В конце января 330 года армия переправилась через судоходное русло Каруна приблизительно напротив Шуштара и вступила в провинцию древнего Элама, в область уксиев, через которую надо было пройти, чтобы попасть в собственно Персию. Обитавшие на равнине и распаханых холмах уксии тут же признали власть Александра. Те же, кто жил на южных отрогах Загра, претендовали на то, чтобы всякий направлявшийся в Персеполь чужеземец платил им за право прохода. Около нынешнего Пазанана (50° восточной долготы, в 40 км от Персидского залива) Александр с боем овладел первой тесниной, между тем как отряд под командованием Кратера осуществил охватывающий маневр прямо через горы.

Эта македонская тактика окружения, доказавшая свою эффективность во Фракии и на всех полях сражений в Азии, была применена еще раз в 200 километрах восточнее, напротив Персидских ворот, или ограждающих Сузиану скал, современного Котал-и-Сангара между Бештом и Фахлиюном, которые перегородил сатрап Ариобарзан. Тут уже сам Александр ускоренным маршем взобрался ночью по самым опасным, заснеженным горным тропинкам к востоку от Мулла Сусан (через перевал Больсорн высотой 2400 м). Персидский отряд был обращен в бегство, пленники на этот раз перебиты, и в четыре дня македонские кавалеристы достигли небольшой долины города Парсай, административной столицы Персиды, нынешний Тахт-и-Джамшид. Прежде чем в разгар зимы 330 года, после Суз, достигнуть центра Персидской империи, македоняне менее чем за месяц прошли 590 километров, разрушили крепость, сожгли уйму горных деревень на высоте от полутора до 3 тысяч метров, захватив множество стад.

При подходе греческой армии местный правитель Тиридат дал знать, что готов передать Александру царскую казну и цитадель, которым угрожали местный гарнизон и остатки персидской армии. Отряды Филота и Койна, первыми вышедшие на берег Пульвара, навели через реку мост, по которому перешли союзники и их громоздкий обоз. Александр тут же завладел сокровищами, которые скопились здесь после Кира I, и подстрекаемый жалобами греческих ремесленников и пленников, обитавших в нижнем городе, а также стараясь оправдать ожидания греков, которые называли его верховным вождем, повелел провести тотальное разграбление Персеполя с передачей всей добычи в армейскую казну. Набег на Пасаргады (близ современного Моргаба в долине Шадкама), совершенный в марте 330 года, прибавил ко всему

золоту и серебру, захваченным в Персеполе (120 тысяч талантов?), еще 6 тысяч талантов золота. Все это было погружено на тысячи повозок.

Полных два месяца простояло греческое войско лагерем близ столицы, и вот однажды, 25 апреля 330 года, над дворцом Ксеркса начали подниматься клубы дыма. Пожар не был случайным³⁰, хотя он и возник во время грандиозной попойки с последующей оргией, которыми заправляла опьяневшая танцовщица из Афин Таида. Поджог был совершен обдуманно и, вопреки мнению Пармениона (что такой разор бесполезен грекам и только вызовет враждебные чувства у персов), Александр его желал и даже подводил под него политическую и нравственную базу: «Мой долг перед греками — совершить эту месть» (*Арриан*, III, 18, 12; *Курций Руф*, V, 6, 1; *Страбон*, XV, 3, 6). Следует отметить, что в оставленной нетронутой части верхнего города с этого времени разместились македонский наместник и его гарнизон, которые осуществляли присмотр за новым сатрапом-персом Фрасаортом.

В наше время мы видим здесь, посреди руин одного из самых величественных дворцов-святилищ мира, барельефы, изображающие *яванов*, то есть греков, некогда данников Царя царей, а на обожженных в огне пожарища табличках произведен подробный учет их давних приношений. Находящиеся в Национальном музее в Тегеране золотые пластинки рассказывают нам о том, какое участие в возведении и оформлении дворца приняли греческие ремесленники, состоявшие на службе империи. Греческий мир был не в состоянии превратить воспоминание о порабощении греков персами в повод для самовозвеличения. Лучше уж схоронить позор под пеплом, пылью и песком, чтобы все это не оскорбляло взор македонского царя.

«Освободив» 800 (?) греков и уничтожив дворец в Персеполе, «гегемон» наглядно продемонстрировал, что

достиг целей, поставленных перед Греческой лигой, и не собирается превращать этот кровоточащий город в свою столицу. Взяв за основу официальные реляции, Плутарх («Александр», 37, 3) сообщает: «Здесь была устроена большая резня пленников. Сам Александр пишет, что повелел перебить этих людей, поскольку счел, что это будет ему на пользу». Очевидно, в политическом смысле. Те же соображения толкали его подавить все без остатка очаги сопротивления, овладеть всеми сокровищами и взять в плен последнего Великого царя, дав самое последнее сражение... даже если всякая новая война всякий раз будет считаться последней.

Дарий, говорят, находился в Экбатанах (ныне Хамадан) и с помощью Набарзана и сохранивших верность сатрапов собирал конников, колесницы и наемников. Александр не стал ждать ни того, чтобы ему отрезали путь домой, ни того, чтобы на него напали в разоренной и лишенной провианта стране. Семьсот километров от сожженного Персеполя до Экбатан, нетронутой столицы Мидии, он преодолел за 44 дня, миновав попутно Аспадану (ныне Исфахан) и Паретакену, которая заявила ему о своей покорности и где он назначил нового сатрапа.

Когда до Экбатан оставалось три дня пути, Бистан, сын Оха, царствовавшего в Персии непосредственно перед Дарием, сообщил Александру, что четыре дня назад Дарий, захватив с собой казну Мидии, бежал в северо-восточном направлении в сопровождении небольшого отряда в 3 тысячи кавалеристов и 6 тысяч пехотинцев. Во время остановки во дворце в Экбатанах Александру стало ясно, что для того, чтобы передвигаться быстро и побеждать, у него нет нужды в тяжеловесной свите своих союзников. И тогда он распустил греческие войска, в том числе и фессалийцев, выплатив им жалованье в полном объеме и добавив 2

тысячи талантов из царской казны. Он оставил лишь тех, кто вновь попросился на службу. В то же время Александр поручил Пармениону разместить в крепости Экбатан вывезенные из Персеполя сокровища и, прежде чем передать Гарпалу, обеспечить их охрану с помощью 6 тысяч македонян.

Затем Александр с частью армии (это были элитные, наиболее мобильные войска) бросился в погоню за Дарием. Надо было любой ценой догнать его прежде, чем он со своими сокровищами, колесницами, наложницами и греческими, кадусийскими и скифскими наемниками отправится поднимать в северных сатрапиях Персии восстание и собирать новую армию. Македонская кавалерия и легкая пехота ускоренно прошли 310 километров от Экбатан до Раг в 8 километрах к юго-востоку от современного Тегерана. Наиболее быстрые, в их числе и сам царь, стремительно заняли Каспийские ворота (нынешние перевалы Сиалек и Сардар) в 82 километрах к востоку от Тегерана, в отрогах Эльбурса, через который перевалил Дарий, после чего с поразительной быстротой преодолели за шесть дней 300 километров, немного не дойдя до современного Дамгана в Парфиэне, где и обнаружили тело персидского царя, убитого (1 июля 330 г.) по приказу предводителей туранцев. Бесс, сатрап Бактрианы, Сатибарзан и Барсаэнт бросили Дария в крытой кибитке — за то, что он трижды опозорил себя, пустившись в бегство при Иссе, Гавгамелах и Экбатанах. Сами же они отправились дальше — поднимать на борьбу свои бесчисленные сатрапии в глубине Азии. «Александр отправил тело Дария в Персию, распорядившись, чтобы он был похоронен на царском некрополе, как и те цари, что правили прежде него» (Арриан, III, 22, 1).

Доказательством того, что завоеватель не имел намерения останавливаться в своем продвижении

вперед, являются два приказа, отданные Александром в Экбатанах месяцем ранее. Именно Пармениону, после того как он доставит сокровища в Экбатаны, следовало с половиной армии перевалить через хребет Эльбурс на западе (через Казвин и Гардание-Кухин) в направлении Каспийского моря. Клит же, начальник царской илы, должен был, поправившись, явиться из Суз в Экбатаны и, взяв с собой всех имевшихся в наличии македонян, присоединиться к Александру в Парфии восточнее того же хребта. Речь шла о том, чтобы окружить уцелевшие силы Дария и заставить их признать Александра победителем. Однако Бесс, поддержанный бактрийской конницей, провозгласил себя главой сопротивления и спасся бегством в северо-восточном направлении, готовый поднять восточную половину империи против явившихся с запада захватчиков: *яванов* из Ионии, *скудров* из Гетии и Фракии, *яванов широкошляпных*, или греков и македонян из Европы. О мерах, которые принимал Александр начиная с лета 330 года, в то время как ему было почти 26 лет и он, сам того не зная, находился в зените своего царствования, можно сказать, что они в одно и то же время были продиктованы сложившейся ситуацией и предшествующими событиями, во всяком случае тем, что происходило после входа войск в Сузы шестью месяцами ранее. Ничто не говорит о том, что со смертью побежденного царя была перевернута какая-то новая страница. Сами факты цеплялись друг за друга с железной необходимостью.

Приблизительно в 380 километрах к востоку от Тегерана, у подножия Эльбурса, между современными городками Саидабад и Дамган, в течение нескольких дней Александр ожидал отставшие в ходе погони войска и затем, сделав еще два перехода в северо-восточном направлении, «разбил свой лагерь вблизи города, именуемого Гекатомпилами („Стовратным“»)» (Диодор, XVII, 75, 1). На деле этот город был основан позднее

Селевком I (Кумыс, в 32 км к востоку от Дамгана?). По моему мнению, дело происходило в самом Дамгане. «Царь устроил здесь свой лагерь, куда отовсюду подвозили провиант. Тут-то и стал распространяться неизвестно откуда взявшийся слух, этот бич праздного солдата, что будто бы царь, удовлетворившись совершенными им деяниями, постановил тут же вернуться в Македонию. Солдаты как безумные стали забегать в палатки и собирать вещи в поход... Поскольку царь дал каждому всаднику (из союзников) по 6 тысяч денариев и по 1 тысяче — каждому пехотинцу, то и они (то есть македоняне) решили, что срок окончания службы настал также и для них» (*Курций Руф*, VI, 2, 15–17). Это был первый случай бунта, с которым пришлось столкнуться Александру. Он собрал свой штаб и убедил его принять ответные меры, а затем, созвав воинское собрание и играя на чувствах чести, посулах и надеждах, переубедил солдат в свою пользу. Однако всем понятно, что с этих пор «азиатское царство» стало делом в большей мере личным, чем общемакедонским, династическим, чем общегреческим, тем более что Александр, взяв на вооружение обычаи своего предшественника, потребовал, чтобы персы падали перед ним ниц, а при его дворе начали вести дневник его деяний и поступков³¹, аналогичный тому, что вели при Дарии.

Чтобы овладеть берегами Каспийского (Гирканского) моря, Александр поделил армию на три колонны. Первая, самая мобильная, которую вел он сам, пустилась по самому краткому и самому тяжелому пути — от Дамгана к берегу через перевалы высотой почти 3 тысячи метров. Дорога эта проходила вдоль северного края массива Эльбурс с востока на запад вплоть до Сари, где царь получил от мардов заверения в покорности и зачислил в свое войско греческих добровольцев из прежней армии Дария. Вторая колонна,

состоявшая главным образом из пехоты, направилась средним маршрутом из Шахруда в Астерабад (в древности Задракарта) через Таш и ласкающую глаз долину Горгана, который назывался в древности Гиркан. Этой колонне было поручено покорить тапуров. Третьей колонне, состоявшей из наемников и обоза, был назначен наиболее длинный маршрут, который пролегал еще восточнее, через Бестам и Тильбад, с преодолением перевала высотой всего 2079 метров. В середине августа все они встретились в Задракарте, столице Гиркании. Здесь были вновь устроены атлетические игры и совершены жертвоприношения греческим богам.

Стремясь обеспечить преемственность управления, Александр, который впервые надел здесь персидское платье, подтвердил полномочия персидских сатрапов, которые правили областями мардов и тапуров, Парфией и Гирканией, Арией и Дрангианой. В свою кавалерию он включил отборных восточных всадников и повелел обучать новое поколение азиатских воинов по македонскому образцу. Непрерывная стена, связывающая между собой 36 фортов, была возведена вдоль всей долины Горгана лишь через сто лет, при Селевке II, — чтобы защищать крестьян от набегов, которые совершали с севера конные дахаи и саки. Это так называемая Садд-э-Искендер, или «Стена Александра», осыпающиеся развалины которой тянутся более чем на 150 километров, от Каспия до Кара-Кузи на границе Туркменистана³².

В сердце Афганистана

В конце августа 330 года Александр из персидских донесений узнал, что Бесс, сатрап Бактрианы, увенчал себя царской диадемой и под именем Артаксеркса провозгласил себя законным наследником Дария. Но у Азии не могло быть двух государей, тем более коли один так предательски себя повел. Между тем Бесс собирал силы в Бактрах (ныне Балх) на севере Афганистана, в 1400 километрах от Каспия.

В соответствии с македонской тактикой, согласно которой необходимо всегда опережать противника, Александр двинулся вперед, хотя ему пришлось провести в седле три месяца без перерыва. В Тосе (ныне Туш близ Мешхеда на северо-востоке Ирана), после 500 километров марша по долине Атрека меж двух высоких хребтов Копетдага, стало известно, что сатрап Арии Сатибарзан перешел на сторону Бесса и собирает войска в своей столице Артакоане (близ Герата?). Тогда Александр с кавалерией бросился в погоню, за два дня покрыл почти 110 километров, захватил крепость Нарату и стал налево и направо крушить тех, кто, как ему донесли, принял участие в мятеже. Затем, после того как в конце сентября 330 года к нему присоединились основные силы, Александр прошел через Герат (будущая Александрия Арианская) и долины Адрасканта и Герута и обратил в бегство сатрапа Дрангианы Барсаэнта, убийцу Дария.

К концу октября 330 года армия стала лагерем во Фраде (ныне Фарах) юго-западнее центрального горного массива Афганистана, немного севернее болотистой впадины, называемой озером Зарангай, то есть Дрангианским, Хамун-и-Пузак³³. Здесь около 10 ноября Александр узнал нечто такое, что заставило изменить

название Фрады на Профтасию («Предвосхищение» по-гречески): Филот, один из самых блестящих штабных военачальников, сознался, что был осведомлен о существовавшем среди товарищей-гетайров заговоре против Александра и ничего ему об этом не сказал. Его отдали под суд воинского собрания и осудили на смерть вместе со всеми, кто принял участие в заговоре. Александр отдает приказ умертвить во дворце Суз Пармениона, отца Филота — прекрасно сознавая, сколь крепки родственные македонские узы. Но эта история, помимо июльского бунта, стала знаком того, что македонская верхушка больше не понимала, чего желал ее государь. Прибавим к этому, что персидские жрецы, только что состоявшие на службе у ахеменидских царей, те, кого называли магами, не признали Александра своим законным повелителем, и после пожара дворца-святилища в Персеполе они поощряли антимакедонскую пропаганду. Последователи Заратуштры, религиозного реформатора племен на севере Персидской империи в VII веке до н. э., изображали Александра «разрушителем религии», «захватчиком» и приспешником проклятого Аримана, источника всяческого зла.

После открытия заговора Лимна и Филота гетайров поделили на два корпуса, поставив во главе каждого командира. «Александр произвел среди македонян отбор. Все те, кто произносил враждебные ему речи, кто был возмущен смертью Пармениона, а также таких, кто в направленных в Македонию письмах к родственникам и друзьям написал нечто неугодное царю, были сведены в одно подразделение, которое сам Александр назвал „дикой дивизией“ (ἀτάκτων τάγμα), поскольку не желал, чтобы их неуместные высказывания и откровенность в речах развращающе действовали на прочих македонян». Эти описанные Диодором (XVII, 80, 4) меры дисциплинарного характера, которые подтверждают Курций Руф (VII, 2, 35-36) и Юстин (XII, 5), были

дополнены казнью Александра, главы македонского клана Линкестов, также обвиненного в заговоре против царя.

После того как для подавления всякой внутренней оппозиции были приняты такие энергичные меры, царь снялся с места и направился на юг, решив обеспечить верность себе сатрапов Дрангианы, Гедросии (иранский Белуджистан) и Арахосии (столица Кандагар). Ариаспы, обитавшие в низовьях Этимандра (ныне Гильменд), доставили армии, тащившейся по снегу, 3 тысячи повозок с провиантом. За это им был пожалован почетный персидский титул «благодетелей» (Οροσάγγαι), они были освобождены от подати и получили иные привилегии. Армейские землемеры (βηματοστάι) насчитали от Герата до Фрады, близ теперешнего Тараха, и оттуда до Кандагара и Газни в окрестностях Паропанисады (Пара Упари-Сена), горы «столь высокой, что орел Сена не может через нее перелететь» (нынешний Гиндукуш), 1010 километров, которые были преодолены за три месяца на средней высоте над уровнем моря в 2 тысячи метров.

В декабре 330 года армия вместе с Александром прибыла в Ортоспану близ современного Кабула в таком потрепанном, изнуренном холодом и голодом виде, что царь принял решение основать здесь, зимой 330/29 года, в 68 километрах к северу от Кабула, между Баграмом и Чарикаром, Александрию, получившую название Кавказской³⁴. Он поселил в ней 4 тысячи увечных воинов, 3 тысячи гражданских лиц из обоза и 7 тысяч жителей Гандхары. В первую очередь этот город должен был быть укрепленным пунктом на пути из Индии в Бактриану и Персию. Ведение работ по устройству колонии — возведение укреплений, общественных зданий, прокладка путей сообщения, водоснабжение, заготовка провианта — было возложено на одного из гетайров-македонян Нилоксена, который являлся также

военным губернатором непокорной сатрапии Паропанисада. Соседняя сатрапия Арахосия была тогда же вверена другому македонянину Менону, которому было придано 4600 человек. Действия, которые предпринял в это время царь, более характерны не для ведущего войну полководца, а для администратора, озабоченного обеспечением коммуникаций с наиболее удаленными владениями.

В октябре 330 года Александр отдал войскам, расквартированным в Экбатанах, приказ присоединиться к нему на пути в Индию. Преодолеть 2 тысячи километров до подножия Гиндукуша они смогли лишь глубокой зимой. Как обычно, большая часть воинов Александра разместилась в соседних с Кабулом долинах, причем и люди, и лошади обитали в сельских хижинах, у которых из-под снега выступали лишь островерхие крыши. В начале апреля 329 года, как только снег начал таять, все, что осталось от армии Александра, а также те, кто ее сопровождал, пустились в путь, но не в направлении Индии, а на север современного Афганистана, чтобы покорить Бактриану и ее самозванного царя Бесса. За 16 или 17 дней войско с мучительным трудом перевалило через Гиндукуш по высокогорной долине Панджира и перевал Хавак (3548 м), причем Александр, как и все прочие, шел пешком, прорубаясь через снег и лед. Далее, спустившись вдоль бурного Сурхаба, колонна пополнила свои припасы в Драпсаке (ныне Кундуз) и в июне овладела Авараной, «крепостью», которая прикрывала столицу. Это была уже широта Таш-курмана в 70 километрах восточнее Бактр (ныне Балх).

Перед тем как бежать, Бесс распорядился опустошить предгорья, чтобы лишить армию противника припасов, однако это ему не удалось. Данные промеров расстояний, переписанные нашими источниками,

говорят о 400 стадиях (72 км) между Бактрами и бурным потоком Оксом, который в древности назывался Вахш, «Кипящая вода» (ныне Амударья). Как раз такое расстояние отделяет Вазирабад от Термеза (некогда Тармиты) на границе Узбекистана. Впрочем, Бессу удалось уничтожить все паромы и лодки. За неимением моста через эту реку, которая напоминает Нил в половодье и имеет в июле ширину 1100 метров, приходилось переправляться на поплавах. Это вовсе не набитая соломой ткань шатров, как пишут историки, но бурдюки, сделанные из необработанных шкур коз, яков или буйволов, надутые воздухом, соединенные по четыре, шесть, восемь или шестнадцать и имеющие настил из бамбука и камыша³⁵. Итак, за шесть дней лошади и тяжелые повозки из обозной колонны пересекли полноводный речной поток в 50 километрах вниз по течению от Термеза, в Чучка Гузаре, который арабские географы именовали Навидах³⁶.

Далее, в то время как отряд Птолемея отправился за Бессом в Каршинскую степь (70 км к юго-западу от Самарканда), Александр овладел Тармитой, которая отчасти была заселена потомками выходцев из Милета (*Диодор*, XVII, периоха 2, 20; *Курций Руф*, VII, 5, 27-29; «Эпитома деяний Александра» 4), и основал новый город, Александрию-на-Оксе. Самые пожилые македоняне, уволенные в отставку фессалийцы и 7 тысяч туземцев, набранные на речных берегах, должны были стеречь здесь переправу. Семнадцать столетий спустя арабские географы полагали, что Тирмиз (Термез) был выстроен Зуль-Карнайном, Александром «Двурогим».

Александр принял закованного в цепи самозванца Бесса, стоя на колеснице персидского царя. Он распорядился подвергнуть Бесса позорной порке и отослал его в Экбатаны, где персидский суд должен был судить его и приговорить к смерти. Затем, миновав

Дербент и Наутаку (ныне Шахрисабз), Александр отправился в столицу Согдианы Мараканду (Самарканд), крепость в плодородной долине Зеравшана³⁷. Все согдийские и скифские лошади, составлявшие основу армии Бесса, служили теперь в кавалерии Александра, которая находилась в плачевном состоянии после преодоления высоких горных массивов, переправы через Окс и пути по красным пескам.

В ходе сражений, которыми сопровождался в августе 329 года марш в направлении Яксарта (ныне Сырдарья) на северной оконечности империи, Александр напал на горную крепость местного племени, перебившего нескольких его всадников. Во время штурма ногу Александра пронзила стрела. Началась ужасная карательная война. По всей Согдиане, которую взбаламутил Спитамен, этот неуловимый всадник (а, возможно, также и жрецы, верные порядкам, которые проповедовал как раз в этих местах в VII в. Заратуштра), уничтожались македонские гарнизоны, совершались набеги на армейские обозы, проповедовалась освободительная война. Александр, который все еще хромотал, снова овладел шестью или семью крепостями, охранявшими границу вдоль реки, лично участвовал в уличных боях в Курушкате («Город Кира», ныне Ура-Тюбе в 73 км к юго-западу от Ходжента) и снова был ранен крупным камнем, попавшим в затылок, после чего штурмующие резали защитников крепости, обращали их в рабство, грабили, изгоняли жителей из домов. Вопреки мнению своего прорицателя Аристандра и части штаба Александр, который в довершение ко всему был болен дизентерией, в сентябре 329 года принял решение переправиться через Яксарт на самом севере нынешнего Узбекистана, в 150 километрах к югу от Ташкента. На сей раз на бурдюках были расположены мостки, достаточно прочные и большие, чтобы нести лошадей и машины, а также достаточно устойчивые, чтобы с них

вести прицельную стрельбу из катапульт. На другом берегу Александр повел полки гетайров в атаку на скифов, пока не потерял сознание, так что спутникам пришлось унести его, бредящего, с поля боя. Победа досталась македонянам, но степь — сакам.

Однако сражение это произвело на обитавших в теперешнем Казахстане всадников и лучников весьма сильное впечатление, так что вождь одного сакского племени хаомаваргов (кочевники-«изготовители хаомы») предложил Александру союз и дары. «В письме, направленном Антипатру, где в подробностях описаны эти события, Александр говорит, что царь скифов предложил ему в жены свою дочь, однако об амазонках ничего не сообщает» (*Плутарх «Александр», 46, 3*). Арриан (IV, 15, 4-5) добавляет: «В это же время к Александру прибыл Фарасман, царь хоразмиев (современные Каракалпакия и Хорезм близ Хивы, к югу от Аральского моря) с 1500 всадников, который сообщил, что обитает в области, пограничной с колхами и амазонками, и если Александр желает на них напасть... он предлагает указать дорогу и поставить все необходимое для войска. Александр дружелюбно, как того требовал момент, побеседовал со скифскими послами, однако ответил, что в брачном союзе со скифами не нуждается». Нам еще придется вспомнить об этом обмене посланиями, когда мы подойдем к вопросу о сожительстве Александра с царицей амазонок Талестридой или сотнями других женщин...

Вернувшись в октябре 329 года из своего короткого 20-километрового набега на саков, которых также называют скифами, Александр принял решение оборонять границу, возведя здесь город, аналогичный трем предыдущим Александриям. Это была Александрия Эсхата, «Крайняя», или просто Александрия Согдийская. Городские укрепления длиной в 60 стадий (10800 м) были построены в три недели, и это говорит о том, что

царь оставался здесь 20 дней. Он заселил город македонскими воинами, греческими наемниками, согдийцами и скифами, взятыми в плен у Курушкарты и в семи захваченных небольших крепостях, а также теми местными жителями, которые сами того пожелали. Этот «крайний» город, находившийся всего в нескольких днях пути от китайской империи, покоится под нынешним Ходжентом.

В это время перс Спитамен внезапно осадил Мараканду. Оповещенный о том Александр послал туда отряд в 60 верховых гетайров, 800 конных и 1500 пеших наемников. Недалеко от нынешнего Обручева они попали в засаду, в которой погибло более чем три четверти отряда. Повелев не говорить воинам об этом несчастье, дабы не сеять паники, Александр поспешил на выручку. Уже через четыре дня он прибыл на место побоища. Спитамен бежал на запад. Македонские пикинеры и легкая пехота преследовали его на протяжении 280 километров, но пустыня остановила их за Бухарой, после чего они подвергли разорению этот край, омываемый протекающим посреди Согдианы Зеравшаном (в античности его называли Политиметом), и перебили всех способных носить оружие. Далее, следуя по древнему пути, соединявшему оазисы, через Трибактру (современная Бухара), Карши, Дербент, Термез (который называли тогда Александрией Оксианой), Александр на зиму встал в Бактрии, в 336 километрах к северо-западу от Кабула. Крепость Вазирабад, по-персидски Арг, до сих пор высится на месте древней столицы Бактрианы Зариаспы, «златовласого» города, как называли его местные обитатели.

«Ведь в древности, — пишет Страбон (XI, 11, 3), — образ жизни и нравы согдийцев и бактрийцев почти не отличались от нравов кочевников... И если с наружной стороны стены, окружавшие столицу бактрийцев, имели

опрятный вид, то внутри все было полно человеческих костей. По свидетельству Онесикрита (лично там присутствовавшего), Александр прекратил этот обычай». Однако этим не ограничивалась деятельность завоевателя, который пребывал в размышлениях о предстоящей ему войне против постоянно перемещавшегося с места на место населения и дерзкого и неуловимого военачальника, претендовавшего на роль лидера движения сопротивления великого народа. Спитамен, вождь согдийцев, привлек в войско всех скифских всадников, готовых предать разорению и грабежу города и деревни оседлых жителей. На своих проворных конях воины-скифы ездили по двое, внезапно по очереди соскакивая на землю и ломая весь ход кавалерийского сражения. Александру приходилось отказываться от выстроенных по всем правилам военного искусства сражений, увеличив число подвижных отрядов и еще на протяжении целого года соотносить свои действия с условиями партизанской войны.

В конце зимы 329/28 года отборный отряд под руководством самого царя овладел крепостью, в которой засел вождь повстанцев Ариамаз в Согдиане. Это Аварана, или «Крепость» поселения Байсунтау в 20 километрах к востоку от Дербента и приблизительно в 120 километрах к северу от Термеза. Греки переименовали персидское название в «Аорну» или «Аорнис», что буквально значит «лишенный птиц» (в том смысле, что они не могут туда долететь), и рассказывали, что Александр пообещал огромное вознаграждение «егерям» или «ползунам», которые заберутся на вершину. Утверждают, что именно здесь в числе пленников была дочь благородного Оксиарта Роксана, «Блистающая», которую царь через несколько месяцев сделал своей законной женой.

Армия, которая теперь была разделена на пять экспедиционных корпусов, провела лето в кампаниях в регионе Алайского хребта и в долине Зеравшана. Один отряд овладел Маргианским оазисом, нынешним Мары-на-Мургабе (прежде Мерв в Туркменистане), и окружил его шестью небольшими крепостями. Одна из них вскоре была названа Александрией Маргианой, а затем, при Антиохе I — Антиохией (*Курций Руф*, VII, 10, 15)³⁸. В июле, после набега на Бактры, Спитамен перехватил летучий отряд Койна. Спитамен ускользнул на север Согдианы, где его обезглавили конники-массагеты. В высокогорной долине Вахша в 80 километрах от Душанбе, в конце лета Александр принял побежденного «Аварану хорийцев» Сисимитру, согдийского царька, известного тем, что он женился на собственной матери и та произвела от него на свет двух сыновей. Вслед за Сисимитрой к Александру потянулись другие местные вожди, и он теперь свободно мог устраивать большую охоту возле Алайского хребта, грандиозные пиры в Самарканде и празднества в Бактрах.

Именно в ходе этих осенних охот и попок в окружении Александра произошли два события, имевшие тяжелые последствия. Чтобы побудить знать так называемых «дальних» сатрапий к покорности, царь мягко потребовал от греческих и македонских военачальников подать добрый пример и склониться перед Его Величеством. Несомненно, речь здесь шла не о том, чтобы бросаться на колени и биться лбом об землю. Надо было хотя бы склониться в поклоне и поднести руку ко лбу³⁹. Однако Александру подчинились лишь самые раболепные. Чрезвычайно приверженная своим традициям естественности в поведении и равенству македонская знать, которую поддерживали сказители и мыслители из окружения царя, упорно отказывалась подчиниться. Бросаться ниц можно лишь пред богами. Во время одного пира в Самарканде

опьяневший Клит высказал Александру все, что он думал о его самомнении и бахвальстве. Царь, который был пьян не менее Клита, пронзил его копьем.

Траур, в который погрузился царь, длился недолго. Но стоило ему снова приняться за охоту и попойки, как один из его «пажей», Гермолай ударом рогатины завалил секача, которого царь хотел одолеть в одиночку. Молодого человека подвергли публичной порке, отняли у него лошадь, и он решил отомстить. С шестью другими «пажами» он замыслил убийство Александра, однако на них поступил донос, они были схвачены и казнены. «...Немного позже в адресованном Антипатру письме (возможно, это был ежегодный отчет, отправлявшийся регенту Македонии) Александр обвиняет также и Каллисфена (философа и официального историка экспедиции), говоря: „Македоняне побили юнцов камнями, но что касается софиста, я накажу его сам, как и тех, кто его прислал (читай: Аристотеля, дядю Каллисфена) и кто в своих городах (в данном случае в Афинах) привечает злоумышляющих против меня“» (*Плутарх «Александр», 55, 7*). Каллисфен, про которого было известно, что он призывал «пажей» показать себя мужчинами, был схвачен и брошен в темницу в Зариаспе (то есть в Бактрах) в Бактриане (*Страбон, XII, 2, 4*), где и погиб от «вшивой болезни» семью месяцами спустя. Его смерть, как и убийство Клита, друга детства и благодетеля царя, вызвала у многих в окружении Александра неприязнь к царю.

Край света

Зимой 328/27 года Александр в соответствии с персидским обрядом женился в Бактрах на своей юной пленнице Роксане, дочери сатрапа Оксиарта. Он устраивал празднества, назначал сатрапов и наместников, деятельно готовясь к вторжению в Индию. Армия, потрепанная после двух лет тяжких сражений в Согдиане и Бактриане и вполовину поредевшая из-за основания двух Александрий и шести крепостей вдоль караванных троп, была укреплена за счет пополнений, пришедших из Европы и Малой Азии. Антипатр прислал из Греции 8 тысяч наемников, из которых было 600 кавалеристов и 7400 пехотинцев. С Балкан прибыли тысяча кавалеристов и 4 тысячи пехотинцев. Асандр, Неарх и сирийские наместники привели из Малой Азии тысячу кавалеристов и 8 тысяч пехотинцев.

Если к этому прибавить кавалерийские и пехотные части, пикинеров, лучников и копейщиков, на вербованных в дальних сатрапиях, окажется, что Александра сопровождала толпа в 120 тысяч человек, военных и штатских. И вот в июле 327 года Александр отдал им приказ покинуть Александрию «Кавказскую» (близ Баграма), предав при этом огню всю бесполезную кладь. Следует отметить, что теперь в войске Александра было куда больше азиатов, чем европейцев, что Антипатр, возможно, по приказанию Александра не прислал ему чисто македонских подкреплений и что среди телохранителей царя, к величайшей досаде гетайров-македонян, присутствовали знатные согдийцы (*Курций Руф*, VII, 10, 9). Помимо 15 тысяч лошадей и традиционных вьючных животных в обозе имелись также буйволы, верблюды-дромадеры и слоны, тяжелые четырехколесные повозки перевозили приспособления

для ведения осады и преодоления рек, и не исключено, что среди поклажи были даже разобранные корабли.

Если двигаться самым коротким путем, через перевал Каошан (высота 4800 м), Бактрию отделяют от Александрии, называемой «Кавказской» (к северу от Кабула), 400 километров. Дорога удлинится до 600 километров, если обойти горный массив Гиндукуш с северо-востока — через Драпсаку (ныне Кундуз), перевал Хавак (всего только 3548 м) и долину Пандшера. Проходя по 15 километров в день (средняя величина, многократно проверенная во всех предыдущих кампаниях и считавшаяся нормой вплоть до изобретения железных дорог), вышедшие в путь весной 327 года колонны пришли к месту сбора кто через месяц, а кто и через полтора. Царь, который выступил первым, по кратчайшему пути, преодолел перепад в 2500 метров между Бактрией и перевалом за десять дней: это его новое свершение было отмечено хроникерами.

Как бывало уже не раз, Александр разделил свое войско на несколько частей. Верный Гефестион и будущий регент Пердикка выдвинулись в качестве авангарда из Александрии Кавказской (Баграма), чтобы заранее обезопасить те места, где можно было ждать препятствий, и расставить там гарнизоны, как это было в Певкелаотиде (Пускалавати на санскрите, ныне Чарсадда) и в Оробатиде (ныне Пешавар?), подготовить средства переправы на уровне Удабганды (Охинд) в 72 километрах к западу от Равалпинди в северном Пакистане. Омфис (на санскрите Амбхи), царь Таксилы, и индусы с левого берега Инда поставили войску необходимый провиант, они служили ему проводниками и обещали выделить 25 слонов.

В июле 327 года Гефестион преодолел знаменитый Хайберский проход, который открывает дорогу на Пенджаб. Все лето и начало осени Александр потратил

на то, чтобы овладеть крепостями, господствовавшими над тремя левыми притоками Кофена (ныне река Кабул) — Хоем (ныне Алингар), Эвасплом (Кунар) и Хоаспом (Сват с влившейся в него Панджкорой, которую греки называли Гуреем), а также одним считавшимся неприступным укреплением («куда не залетит орел») в высокогорной долине Инда⁴⁰. Он не желал оставлять слева и позади себя беспокойное сельское население, которое могло перекрыть ему обратный путь. Александр поднялся примерно на 50 километров вверх по течению Кунара и Свата, а затем напрямую вышел от Баркота к Паранье. После затяжных боев и ценой множества полученных им ранений Александр смог покорить племена, о которых нам ничего не известно, — аспасиев, гурейцев и ассакенов («ачвака» на санскрите, что означает «народ конников»), «варваров», то есть неиндусов из долин Бунера и Читрала, которыми повелевал некто Африк (то есть «Афрака», «Непоколебимый?»), нисейцев, повиновавшихся Акуфису (возможно, это то же лицо).

Свидетели сохранили в памяти лишь два знаменитых эпизода: осаду Массаги (нынешняя Чакдара) в долине Свата, за которой последовало избиение 7 тысяч индийских наемников, состоявших на службе у царицы Клеофиды, штурм и взятие крепости Аорна, сооруженной на горном пике в одном из изгибов Инда, которой, как говорят, не смог овладеть сам бог Индра, индийский Геракл. В ходе одного привала, устроенного в Кафиристане, прежде чем переправиться через Кунар, Александр и несколько товарищей-гетайров из ближайшего окружения устроили на скорую руку вакхическое торжество. Их поразило совпадение названий местной крепости Нисы (ныне Вама в долине Печа, нынешнего Муристана?) и города, в котором, согласно мифу, появился на свет бог Дионис, а также наличие здесь горы Меру (ныне Кох-и-Мор), понятой ими

как «бедро» (Зевса)^[8], но в первую очередь культ богов Индры и Шивы.

В этой тяжелой кампании историки предпочитают вспоминать о массовом уничтожении оказавших сопротивление и о захвате необычайно крупного скота, наилучшие образцы которого, судя по всему, были отправлены в Македонию. Много внимания уделяется также начатому еще Александром и жрецами из его окружения уподоблению индийских мифов об Индре и Шиве греческим мифам о герое Геракле и боге Дионисе.

Идя по стопам великих предков, царь мог надеяться, что сможет со своей непобедимой армией продвинуться дальше них: на край света. Армейские землемеры (бематисты) продолжали отмечать пройденные расстояния, но их поражали размеры здешних рек. В представлении Александра на западе границей Индии служил Инд, а на востоке ее омывала Река Океан, как о том учили Аристотель и современные ему географы. Так что когда в Пенджабе (что означает «Пятиречье») Александр взойшел на огромный понтонный мост, он был убежден, что вступил в последнюю провинцию Азии. Он принес жертвы богам в соответствии с греческим обычаем и встал со своим войском на квартиры близ современного Исламабада, в Таксиле⁴¹ (санскр. *Такшасила*), обитатели которой, в том числе раджа Омфис, встретили Александра очень почтительно. Бывшие в составе экспедиции греческие ученые вступили в общение с индийскими «мудрецами» Каланой и Дандамидом, «человеком с посохом» (санскр. «данда»). Многочисленные посольства от окрестных народов, в том числе из Кашмира, принесли Александру знаки покорности и дары. Александр устроил здесь игры, пополнил свое войско 5 тысячами индусов, расширил пределы владений своего вассала из Таксилы, но сатрапом области поставил македонянина Филиппа с

гарнизонам воинов, изнемогших в ходе предшествующей кампании.

В мае 326 года Александр направил свою армию на юго-восток. Могущественный раджа из высокогорной долины Джелама (по-гречески Гидасп) Паурава (по-гречески Пор) занял позиции позади реки, ширина которой в этом месте составила 700 метров, между нынешними Джалалпуром на севере и Харанпуром на юге, в 108 километрах от Равалпинди (25 июня 326 г.)⁴². На левом берегу Джелама сосредоточились сплоченные ряды кавалерии, 30 тысяч (?) пехотинцев и лучников, большое число боевых колесниц, но самое главное — 200 боевых слонов. Чтобы переправиться и одержать победу, Александр применил уловку: часть кавалерии и фаланги с Кратером остались на правом берегу. Они сделали вид, что собираются переправляться, и развели большие костры для отвлечения внимания противника. Прочее войско вышло ночью и под проливным муссонным дождем прошло через леса 28 километров в северном направлении, откуда его на плотках и лодках переправили вдоль острова Адманы, затем воины пересекли другой лесистый остров, переправились через последний рукав реки и внезапно появились на правом фланге Пауравы. Своими сариссами и стрелами кавалерия Александра одолела конницу и колесницы противника, после чего пришла на помощь своей пехоте, сражавшейся со слонами. Через восемь часов 80 громадных животных были захвачены живыми. Раненый Паурава сдался. Александр вернул ему царство и превратил в своего верного союзника: присланные Пауравой 9 тысяч человек возместили погибших, пополнив экспедиционный корпус Царя царей.

После того как победа была одержана, богам воздана хвала, мертвые преданы огню или земле и справлены поминальные игры, Александр основал по одну и другую сторону Джелама два города: Буцефалию

в память о славном Буцефале — на правом берегу, в том месте, где переправилась кавалерия, поблизости от сегодняшнего Джалалпура, и второй, названный Никеей в память об одержанной победе — на левом. Часть армии осталась с Кратером, чтобы выстроить и оборонять эти укрепленные лагеря, план которых наметил сам царь. Как и при основании четырех Александрий, в строительстве и последующем заселении приняли участие местные работники.

Сопровождаемый половиной гетайров, конными лучниками, отборными пехотинцами, разведчиками и копейщиками, Александр отправился покорять племена и царства к югу от Кашмира и распространять на эти области (например, Абхисару) номинальный суверенитет Пауравы. На протяжении нескольких дней ему оказывал радушный прием Саубхути (по-гречески Сопейт), который преподнес Александру великолепных собак. По приказу Александра войско с большим трудом переправилось через стремительную реку Черную (Аксини или Акесин, ныне Чинаб) и обратило в бегство двоюродного брата и тезку Пауравы, союзника Александра. Затем он переправился через Гидраот (ныне Рави), осадил и взял приступом Сангалу (то есть Самкалу), столицу катов, свободных индусов (вблизи современного Лахора) и наконец в самый разгар муссонных дождей^[9] вышел на правый берег Випасы, по-гречески Гифасиса (Биаса), притока Сатледжа.

Дождь шел уже два месяца, плохо экипированные греческие солдаты с трудом переносили местный климат, их преследовали эпидемии, полученные раны плохо заживали, они были измотаны и упали духом из-за потерь, понесенных за прошедший год. Среди них распространился слух, что за пустыней живет еще более многочисленный народ, и там протекает Ганга, превосходящая Инд, так что это еще не конец Индии и уж тем более не край света. Александр, который

получил от своих индийских союзников надежные географические сведения и был осведомлен о настроении македонян, собрал два заседания штаба. Койн, выступивший от имени военачальников, изложил причины, по которым следовало остановиться. Армия хранила молчание. Прорицатели, к которым обратились за советом, говорили о дурных предсказаниях. Царь не мог принять решение, на котором настаивало порицавшее его воинское собрание, но не мог он и отдать приказ, который неизменно спровоцировал бы бунт, и он нашел удачный выход, по крайней мере если верить рассказу Арриана (V, 28), который опирается на воспоминания Птолемея: военачальники должны были отдать войскам приказ возвращаться на Джелам после того, как будет воздана хвала богам и вынесена благодарность Александру. Сам он удалился в свой шатер и три дня из него не выходил.

Чтобы отметить крайнюю точку продвижения армии, к востоку от современного Амритсара были воздвигнуты двенадцать (?) огромных алтарей Афине Пронойе, Аполлону Пифийскому, предку царя — Гераклу, Зевсу Олимпийскому, самофракийским богам Кабирам, личному божеству Александра Амону, индийскому Солнцу... — в память о подвигах, совершенных царем. Число двенадцать напоминает также о подвигах Геракла, который достиг в Гибралтаре западных пределов мира. Чтобы произвести впечатление на возможных индийских завоевателей, которые явятся с Ганга, армия, отправляясь в обратный путь, оставила после себя следы своего гигантского лагеря.

Отступление через Гедросию

Вновь переправившись в октябре 326 года через Гидраот (Рави) и Акесин (Чинаб), Александр распорядился привести в порядок те участки Никеи и Буцефалии, которые пострадали от муссонных ливней и выхода Гидаспа (Джелама) из берегов. В Никее были отремонтированы или построены заново 200 беспалубных кораблей, имевших по тридцать весел с каждого борта. К ним добавилось около 1800 местных баркасов и шаланд. Треть армии с царем во главе, 300 лошадей и некоторые гражданские лица в декабре 326 года погрузились на суда. Остальные две трети под командованием Кратера и Гефестиона шли вдоль берега, имея приказ подавлять всякое сопротивление. Незадолго до слияния Чинаба и Джелама (ныне здесь высится плотина Эмерсон) флотилия попала в водовороты и потеряла несколько кораблей. Александр поручил Неоарху вести корабли до следующего притока в 70 километрах к северу от нынешнего расползшегося Мултана и, встав во главе войска, отправился покорять крепости прибрежных жителей: сивов, агалассиев, малавов («борцы», по-гречески их называли «маллами») и кшудраков («низкорослых» туземцев, которых историки, по причине незнания санскрита, именуют судраками, оксидраками и гидраками). Два последних народа, чаще всего находившихся друг с другом в состоянии войны, на этот раз объединили свои силы.

Недалеко от Камалии, в 180 километрах к юго-западу от Лахора, на правом берегу Рави высился столичный город, который, в отличие от прочих, не собирался сдаваться. Название его осталось неизвестным. Александр взломал калитку в городской стене, в сопровождении троих гетайров Певкеста,

Леонната и Абрея проник в город и взобрался по лестнице на стену цитадели. Вскоре его окружили, он получил тяжелое ранение: стрела пронзила ему грудь ниже правого соска. Македонские солдаты вынесли его с поля боя в бессознательном состоянии и перерезали местное население. Пердикка мечом сделал в ране надрез и вытащил острие, после чего Александр пошел на поправку (февраль? 325 г.).

Все отряды македонцев собрались у слияния Рави с Чинабом, где встал на стоянку флот. Здесь царь принял изъявления покорности от местных вождей с представленными ими заложниками и колесницами. Свои воинские контингенты они присоединили к большой армии. Александр распорядился относительно строительства новых плавсредств для 1700 лошадей и продолжил спуск до слияния Чинаба и Сатледжа. Гефестион, любимый полководец царя, руководивший здесь работами по укреплению одного индийского города, поселил там несколько давших на это согласие индийских племен и наемников под командой Филиппа. Возможно, этот город носил имя любимого индийского пса Александра Периты, охотника на львов (*Плутарх* «Александр», 61, 3), впоследствии был назван Александрией Опиенской, в Средние века именовался Аскаланд-Уза, а в наши дни называется Уч (110 км к югу от Мултана). Здесь всегда бытовала легенда о «Сикандаре».

Снова начав сплав и придерживаясь той же тактики, царь принял изъявления покорности от амбастиев (по-гречески самбастии) и судров (*Арриан*, VI, 15, 4 называет их согдами), а достигнув слияния Мулы и Инда, весной 325 года основал и укрепил близ Суккура город, который почти все историки именуют Александрией Согдийской. Это был крупный город с корабельными верфями, куда, как сообщается, было направлено 10 тысяч поселенцев. Слово οἰκίτορες которое употребляет здесь Диодор (XVII,

102, 4), подразумевает, что это были люди самого различного происхождения. В 200 километрах к северу заканчивалась сатрапия Филиппа, которая называлась Верхней Индией, и начиналась сатрапия Оксиарта, тестя Александра. Питон был назначен здесь военным комендантом: трудно удержать в покорности население, живущее на 10 тысячах квадратных километров. Один индийский вождь Самбху был назначен сатрапом горных индусов между Индией и Афганистаном и контролировал доступ из Синда в Арахосию через Муланский и Боланский перевалы.

Но стоило Александру в апреле 325 года покинуть свою пятую Александрию, как подстрекаемые брахманами царства подняли восстание. Понадобились экспедиции устрашения, чтобы справиться с мушиками из Алора (близ Рохри), с прастами, или «людьми равнины», вокруг Ларканы, в то время как подданные Самбху обороняли от пришельцев свою столицу Сандиману (ныне Шеван?), а обитатели Гармателии⁴³ (Брахмабада?), последнего остававшегося в руках брахманов города, использовали отравленные стрелы. Диодор (XVII, 102, 6) утверждает, что за эту весну было убито «более 80 тысяч варваров». Цифра вовсе не кажется преувеличенной, если разобрать по отдельности случаи резни, о которых сообщает Арриан.

Кратер в Суккуре получил к концу июня 325 года приказ вместе с тяжелой пехотой, слонами и азиатской конницей возвращаться в Иран через Кандагар и долину Гельменда. Он должен был задерживать всех зачинщиков беспорядков.

У начала дельты Инда, недалеко от современного Хайдарабада, армия под командой Гефестиона укрепила Паталу (близ Татты) в 155 километрах к востоку от Карачи, соорудила арсенал и порт с пристанями и доками, выкопала колодцы, призвав поселиться вместе с

греками всех бездомных Синда. Затем Александр в сопровождении своих друзей спустился на сотню километров по течению Инда: «Отыскав там (в дельте) два острова (Килутру? и скалу Абу-Шаха?), он принес на них богатые жертвы богам [морю, а также Амону], сопровождая возлияния тем, что швырял в воду множество больших золотых сосудов. А сложив жертвенники Фетиде и Океану, он дал понять, что начатый поход завершен» (*Диодор*, XVII, 104, 1). Было начало июля 325 года. Спуск к морю от Никеи-Харанпура продолжался семь месяцев, и взаимодействие между различными частями армии было превосходным.

Здесь Александр повернул обратно и поднялся по течению реки до Паталы. Он задержался в ней на несколько недель, чтобы организовать колонию, просмолить суда и подготовить возвращение всех трех частей его огромной армии в максимально благоприятных условиях. Александр обследовал левый рукав дельты Нила. Выходу флота в открытое море препятствовала мель. Царь дотошно выяснил, как наиболее коротким южным путем добраться до столиц Персии Персеполя и Суз. Он повелел сатрапам выслать провиант по пути его следования, а Леонната и его отряд отправил в качестве авангарда копать колодцы. Александр запасся максимальным количеством зерна и фуража, поскольку намеревался совершить переход в лучший сезон и сделать это с куда большей осмотрительностью, чем его предшественники — царица Ассирии Семирамида (ок. 810–807) и Кир Великий, основатель империи (ок. 560). Географ Страбон (XV, 1,3), основываясь главным образом на мемуарах Аристобула, говорит, что Александр вышел из Паталы летом, когда можно было надеяться, что муссонные дожди наполнят речные русла и колодцы, то есть, вероятно, в начале сентября 325 года. Неарх с 10 тысячами людей и приблизительно 120 кораблями не должен был

отплывать в направлении Персидского залива, пока не зайдут Плеяды (ок. 5 октября 325 г. [\[10\]](#)), что знаменует начало навигации в Индийском океане.

Чтобы не впасть в дешевую патетику или живописательность, достаточно процитировать Квинта Курция (IX, 10, 4–8), который воспроизвел путевой журнал армии, двигавшейся в направлении Гедросии, современного Белуджистана: «Александр вел свои войска (то есть около 25 тысяч человек, а также весь сопровождающий обоз) по суше. В девять переходов он добрался до области арабитов (регион современного Карачи), а затем за столько же дней — в область гедросиев (Белуджистан). Гедросии — свободное племя, на народном собрании они постановили сдаться, однако по условиям сдачи им было лишь поручено доставить провиант. На пятый день войско вышло к реке, которую туземцы называют Араб (ныне Хаб). Отсюда началась пустынная и безводная область. Пройдя ее, Александр вышел в область оритов (со столицей Рамбакией в долине Порали). Там он передал бóльшую часть войска Гефестиону, а легковооруженных поделил с Птолемеем и Леоннатом. Сразу тремя колоннами они принялись опустошать область индийцев и завладели богатой добычей. С теми, кто жил у моря, разделался Птолемей, со средними — сам царь, а с остальными — Леоннат. И в этой области Александр основал город (Александрию Оритскую, портом которой служила Кокала при впадении Порали в море в 100 км к северо-западу от Карачи), переселив в него арахосиев. Отсюда царь пришел в область индусов приморья (то есть тех, кого в источниках именуют ихтиофагами, потому что они сами и их стада кормятся исключительно рыбой), представляющую собой пространый пустынный край, который не имеет никаких торговых связей даже с ближайшими соседями».

Следуя от устья Порали к Бемпуру в современном иранском Белуджистане, основные силы армии (около 12 тысяч человек) с царем во главе и сопровождающим их обозом сошли с традиционного караванного пути — чтобы приблизиться к берегу, а на участке между Пасни и Гвадаром для того, чтобы проследовать вдоль него. Для того чтобы преодолеть 700 километров, им потребовалось 60 дней, наполненных тягчайшими лишениями⁴⁴. Половина людей умерла от жажды и изнеможения. Значительная часть обоза с женщинами, детьми, телегами была унесена потоком (Бахри?), внезапно вышедшим из берегов после прошедших вдали от моря, в Макранских горах, дождей. Александр плохо знал местность, а воины не могли взять в толк, чего он хочет. Царь безуспешно пытался оказать с берега (то есть со стороны негостеприимной суши) помощь своему так и не показавшемуся флоту. Этот путь через пустыню, где не было ничего, кроме белых скал и песчаных дюн, стал настоящим бедствием для войска, его можно сравнить, по крайней мере по враждебности окружающей среды, с отступлением наполеоновской армии из России в 1812 году. Судя по всему, царь, который шел пешком и отказывался утолять жажду прежде остальных, подавал пример воли к жизни и великодушия. Однако Александр, который, как истинный командир, был столь же требователен к себе, как к подчиненным, в данном случае желал от человеческой природы слишком многого.

В декабре 325 года в столице Гедросии Пуре (близ современного Бемпура) Александр дал оставшимся солдатам (6 тысяч или 7 тысяч человек?) по меньшей мере 15 дней, чтобы отдохнуть и обзавестись лошадьми. К этим воинам присоединились 8 тысяч бойцов, которыми командовал Леоннат. Царь сместил сатрапа Гедросии (Аполлофана?) — «за невыполнение всех приказаний». Соседняя Кармания, сатрап которой

Астасп злодейски рассчитывал на гибель Александра, в ожидании суда над преступником, досталась греку Тлеполему. Южные сатрапии были реорганизованы и переданы грекам. Поскольку Филиппа, сатрапа Индии, убили собственные наемники, ведать сатрапией было временно поручено радже Таксилы и греку Эвдаму. Канцелярия и интендантство призваны были исправить ошибки и извлечь урок из неудач.

В январе 324 года войска, гражданское сопровождение и обоз снова направились на северо-запад, двигаясь по болезнетворной долине Бемпура, впадине Джазмуриан и долине Хелильруда. После трехнедельного марша они остановились в Сальмунте (ныне Хану), называвшемся в Средние века Кано-Сальми, который располагался в орошаемой долине Реобара (Рудбара) в Кармании, в 120 километрах к северу от Ормузского пролива. От Бемпура в Гедросии до Сальмунта в Кармании приблизительно 300 километров, и нет никаких оснований полагать, что пешком или же верхом на осле (единственном доступном здесь транспортном средстве) солдаты могли преодолеть ежедневную норму в 15 километров в день⁴⁵. Александр с нетерпением ждал новостей о своем флоте. Ежедневно он направлял к Ормуздскому проливу людей, колесницы и провиант. Наконец, после 24 дней плавания, пройдя 1300 километров, вверенная Неарху и Онесикриту эскадра причалила близ устья Анама (ныне Рудбар).

Неарх, Архий и еще пять или шесть сопровождавших их людей изложили плакавшему от радости царю «перипл (описание плавания) Океана» начиная с Карачи, названного ими «Гаванью Александра», и до входа в Персидский залив. После благодарственного молебна и жертвоприношений, а также проведения мусических и атлетических состязаний (*Арриан*, VI, 28, 3) Александр поручил флотоводцу прибыть в Сузы, столицу империи, по Евфрату и Каруну. Когда армия выступила из

Сальмунта, она оставила здесь обессиленных солдат и обозников, наемников-добровольцев, призванных на военную службу туземцев — то ли для умиротворения области, то ли для пресечения здесь разбоя. В римскую эпоху эту крепость называли Александрией Карманской (*Плиний Старший* «Естествознание», VI, 107).

Быть может, именно при выступлении из Сальмунта вся армия приняла участие в своего рода карнавальном параде в честь Диониса, бога молодого вина, но также и бога-победителя индусов, — подобно Александру. Праздничная процессия (*kômos*), в которой вино льется рекой, а упившегося царя везут на повозке, запряженной ослиами, как о том говорит Каристий Пергамский (у *Афиня*, X, 434), запускает в обращение легенду о вакханалиях в Кармании, о двигавшейся на протяжении семи дней триумфальной процессии и пр. Молчание, которое хранят на этот счет бывшие непосредственными свидетелями Птолемей и Аристобул, куда красноречивее всех нагромождений позднейшей риторики.

Совершив отсюда трехнедельный марш, несколько боеспособных ил (эскадронов) и отрядов пехоты, которые все еще следовали за Александром в северо-западном направлении, достигли Карманы, столицы Кармании (ныне Бафт? Сеидабад?), — то есть дворца царского наместника (*βασιλείου*). Это — точный термин, употребленный Плутархом («Александр», 67, 7), после того как, подобно многим другим, он описал вакхическую процессию. Но в этом месте нашего повествования нелишне ненадолго остановиться и осмотреться, чтобы увидеть, в каком беспорядке находятся наши источники, до чего ненадежна хронология событий и как много работы для реконструкции, а также пищи для воображения оставили первые излагатели истории Александра. Как вообще можно сориентироваться, оказавшись на этой

пустынной тропе, протянувшейся от Карачи до Персеполя (более 1700 км!), не имея никаких опорных пунктов, кроме нескольких оазисов и ряда усеянных человеческими костями нагорий, не проделав тот же путь пешком или на спине осла либо верблюда, как это осмелились сделать Марко Поло в XIII веке, Ф. Дж. Голдсмит, Аврелий Штайн, Франсуа Бальсан и Дж. В. Харрисон — в последние сто лет?

Абсурдно полагать, что Александр, после остановки среди виноградников Рудбара, одним махом проделал путь в 620 километров до Пасаргад, и, возможно, еще бóльшим абсурдом — воображать, что он велел явиться в Сальмунт войскам Кратера, которым пришлось бы посреди зимы с 75 слонами преодолевать заснеженный перевал Дех-Бакри высотой в 2225 метров. Отправившись в июне 325 года со своими тяжеловооруженными частями из долины Инда (Суккура?), Кратер получил приказ присоединиться к царю «в Кармании» (*Арриан*, VI, 17, 3), что означает вовсе не неопределенные границы территории (величиной в треть Франции), но ее столицу, причем двигаться следовало по дороге в Персиду. Соединение небольшого войска Александра и частей Кратера произошло в Кармане, центре Кармании, или где-то между оазисом Бам и Сеидабадом, который был столицей Кермана во времена халифов под названием Сирджан. Не следует забывать, что армия численностью в 40 тысяч человек с сопровождающим ее обозом растягивается на марше более чем на 25 километров и не может пройти на Среднем Востоке более 12–15 километров в день. У Кратера должно было уйти восемь месяцев на то, чтобы пересечь Пакистан (хребет Брагуи и регион Кветты), пройти через Кандагар (Александрию Арахосскую), долину Гильменда на юге нынешнего Афганистана, а затем обогнуть с юга великую пустыню Луг в Иране. К тому же попутно следовало захватить в

плен нескольких бунтовщиков, заставить сатрапов соседних областей и их военных губернаторов выслать провиант, гужевой транспорт, людей, — короче, оказать помощь Александру, затерявшемуся где-то на юге.

В Кармане, этом областном центре примерно в 300 километрах к северу от Ормузского пролива, Александр провел благодарственный молебен богам, даровавшим спасение и победу всем четырем экспедиционным корпусам: самого царя, Леонната, Нейарха и Кратера. Были совершены жертвоприношения, устроены атлетические состязания и поставлены спектакли на греческий манер. Далее, поскольку царь Персии — в первую очередь царь справедливый и чтущий Порядок («Арта»), Александр распорядился казнить, согласно решению суда, двух мятежных персов — Ордана и Зариаспа. Были казнены и два повинных в коррупции полководца, командовавших войсками в Мидии, Ситалк и Клеандр, которых собственные солдаты и чины гражданской администрации обвинили в поборах, насилии, святотатствах и грабежах. То же наказание постигло обвиненного в предательстве Астаспа, в прошлом сатрапа Кармании.

Указы, разосланные по всем двадцати четырем (?) сатрапиям империи, были снабжены нравоучительным вступлением: «В правление Александра властям не будет позволено притеснять подвластных» (*Арриан*, VI, 27, 5). Узнав, что в Персиде, Сирии и Вавилонии имеются деятели, которые, располагая наемниками, затевают бунт или угрожают отделением, «царь написал всем стратегам и сатрапам Азии тут же по получении письма уволить своих наемников» (*Диодор*, XVII, 106, 3). Гарпалу, другу юности Александра, было поручено ведать казной Вавилона и царскими доходами. Кроме того, на него были возложены функции сатрапа всей Месопотамии, то есть на практике он должен был надзирать за сообщением с Грецией. Однако он

растратил царские деньги на развлечения и содержание собственных наемников. Страшась, что его постигнет та же судьба, что и прочих сатрапов, в конце марта 324 года он поспешно бежал из Вавилона со многими тысячами солдат и талантами золота, а также со знаменитой афинской гетерой Гликерой. Двумя месяцами позже он уже был в малоазийском Тарсе, готовый переправиться в Грецию и поднять там восстание против Александра.

В конце февраля 324 года, в то время как Гефестион вел южным путем основные силы армии Александра, вьючных животных и слонов в Персиду (через Таром-Фесу-Шираз), где не так сильны холода, Александр в сопровождении самых легких на ногу пехотинцев, кавалерии гетайров и отряда лучников направился напрямик в Пасаргады, новую столицу Персии почти в 500 километрах от Карманы. Здесь ему пришлось вновь выступить в роли судьи: отдал под суд повинного в преступлениях и святотатствах лжесатрапа Орксина, а потом передал его его же подданным, чтобы повесить, казнил царя-самозванца медов и персов Бариакса и его сообщников, виновных в заговоре, отдал распоряжение о восстановлении в парке гробницы Кира Великого, оскверненной Пуламахом, знатным македонянином, и наказал последнего. Наконец, Александр во всеуслышание объявил о том, что раскаивается в совершенном шестью годами ранее поджоге дворца в Персеполе. А чтобы еще решительнее подчеркнуть свое стремление к тому, чтобы в нем видели царя и заступника персов, Александр назначил сатрапом, то есть царским наместником в Персиде Певкеста, своего телохранителя. Это был тот самый храбрец, который спас царя в Индии, поблизости от Камалии, прикрыв его щитом, и который был весьма полезным и преданным его приближенным: он один из гетайров согласился носить мидийское платье и выучить персидский язык. Из

уважения к местным обычаям, проезжая через Пасаргады, Александр раздал всем местным женщинам по золотой монете. Соединение с войсками Гефестиона состоялось в долине Шираза в начале весны 324 года. Затем еще 520 километров марша южнее Загра через Персидские ворота и долину Каруна, и около 26 апреля армия, предводительствуемая царем, прибыла во вторую столицу Дария Сузы, в 100 километрах к северо-западу от современного Ахваза (Хузестан). Здесь Александр произвел реорганизацию администрации, армии и экономики — тех трех великих механизмов, которые составляют для индо-иранцев и их индоевропейских потомков основу мироустройства. Великий царь, наследник Дария, должен был обеспечить в своем дворце, куда сходились все концы и начала, поддержание космического порядка.

Очевидно, именно в окрестностях Суз армия присутствовала при торжественном самосожжении старого индусского факира Калана, принадлежавшего к секте джайнов. Александр убедил его покинуть Пенджаб и присоединиться к находившимся при его штабе людям науки, философам и литераторам, которые расспрашивали Калану о метафизических предметах, а также нравах индусов. Неарх, Онесикрит и Харет, оставившие нам поучительный рассказ об этой смерти, надо думать, полагали, что Александр сделал этого «мудреца» своим другом и что его презрение к материальным благам и даже страданиям должны были подать пример солдатам и грекам вообще. Кажется, говоря с Александром о реинкарнации, Калана сказал ему, что скоро встретится с ним в Вавилоне, в чем окружение царя усмотрело некое предзнаменование. Переводчики не преминули сообщить царю, что слово «кала» на санскрите означает «конец», «смерть», «смертный час». Плутарх («Александр», 65, 5), утверждает, что мудрец обратился к грекам со словом

kâle. Но что бы он ни говорил, это не было ни приветствие, ни звательный падеж от греческого слова, но именно форма слова «кала», что значит «уместно, вовремя». И когда развеялся дым от костра, поглотившего царского друга, время ускорилося необычайно. Как-то внезапно, за один год Александр ощутил на своих плечах бремя десятилетних завоеваний. Немного не доходя до Суз, поблизости от временного моста, по которому прошла сухопутная армия, Александр совершил жертвоприношения богам, которые вернули ему невредимыми корабли, а людей — живыми и здоровыми. В ходе устроенных здесь игр 41 человек из окружения Александра умер от перепоя и переохлаждения.

Царский мир

Первым деянием государя после его возвращения во дворец в Сузах было повеление схватить и казнить сатрапа Абулита и его сына Оксатра «за дурное правление Сузианой». Так же точно вел себя Александр и в Пуре, перейдя через пустыню, и в Кармане, и в Пасаргадах. Казнили и Геракона, которого жители Суз обвинили в разорении храма. Отныне все сосредоточивалось на личности царя, на возвеличивающих его власть церемониях и его столь же действенной, сколь и скрупулезной канцелярии, которую возглавил Эвмен Кардианский. Гефестиону, ближайшему другу царя, был дан ахеменидский титул *хазарапатиша*, «главы военного дома» или «главы тысячи яблоконосцев»^[11] и дворцовых привратников, титул *хилиарха*, главнокомандующего кавалерией. Ему были также переданы административные полномочия, которыми располагал в Месопотамии предатель Гарпал, о побеге которого стало известно в марте 324 года. Гефестион исполнял обязанности Великого Визиря и в дворцовом этикете занимал «первое после царя место». Число телохранителей, личных советников и министров царя было доведено до десяти. Те, кто прославил себя подвигами — Гефестион, Певкест, Леоннат, Неарх и Онесикрит, — были торжественно награждены золотыми венками. Негодных сатрапов сменили гетайры, которые пользовались исключительным доверием царя. Всем велено было неукоснительно вносить подати и карать зачинщиков беспорядков. А в таких не было недостатка, ибо начиная с 325 года несколько греческих гарнизонов «дальних» сатрапий Согдианы и Бактрианы оставили места своей дислокации⁴⁶ и овладели Бактрами, после чего скрылись. Беглецов следовало поймать в горах;

индийские сатрапы повиновались лишь скрепя сердце, а вассальные царства Таксилы, обоих Паурав, Акуфиса, Абисара в Кашмире стали практически независимыми, при том, что им не переставал угрожать могущественный сосед из долины Ганга — честолюбивый Чандрагупта. Сердце империи билось на расстоянии двух месяцев пути от наиболее удаленных частей ее исполинского тела.

А еще ведь нужно было обеспечить безопасность путей сообщения, с учетом сурового климата. Весной (в мае?) 324 года из Суз был направлен обстоятельно подготовленный указ (ἐπίταγμα) для торжественного прочтения глашатаем перед греками, собравшимися на Олимпийские игры в августе того же года. В нем Александр провозгласил себя царем Азии и, ссылаясь на этот титул и на титул «царя Александра», то есть государя Македонии, протектора Фессалии, Фракии и пр., а также на свою должность главнокомандующего Греческой лигой, потребовал следующее: 1) упразднения тираний; 2) возвращения всех изгнанников, за исключением повинных в кощунстве и убийстве, в родные города. Последнее требование сопровождалось письмом регенту Македонии Антипатру с повелением «принудить непокорные города» (*Диодор*, XVII, 109, 1; XVIII, 8, 4; *Курций Руф*, X, 2, 4-7; *Плутарх* «Александр», 34, 1; *M. Tod*, *A selection of Greek Historical Inscriptions*, II, № 202). Указ вызвал недовольство этолийцев и афинян, поскольку последние не желали отказываться от большого острова Самос, с которого они изгнали зажиточных граждан. У всех сложилось впечатление, что «царь Азии» и одновременно «царь Македонян» видел себя также и царем Европы, что он желал, чтобы повсюду, как при персах, его предшественниках, возобладал «царский мир», то есть воля самодержца — по необходимости обеспечиваемый страхом и применением силы. Царский указ изобиловал

неприкрытыми угрозами в адрес Афин на тот случай, если они отважатся принять Гарпала и его наемников.

Той же весной 324 года Александр, желая обеспечить легитимность и нерушимость своей власти над Персией, а также освятить ее, женился на Статире, старшей дочери Дария, и на Парисатиде, дочери Оха, однако с Роксаной он при том не развелся. В рамках той же торжественной церемонии, устроенной под гигантским шатром, Гефестион женился на Дрипете, сестре Статире, другой друг царя Кратер — на Амастрине, племяннице Дария. Кроме того, Александр дал другим своим 87 гетайрам в качестве законных жен дочерей из наиболее знатных персидских и мидийских семейств. «Браки совершались по персидскому обряду. Для женихов были по порядку расставлены троны, а после возлияния сюда явились невесты, и каждая уселась рядом со своим женихом. Женихи взяли их за руки и поцеловали, причем начинал царь, а прочие следовали за ним, поскольку все свадьбы игрались одновременно. Это показалось всем демократичным, а также проявлением уважительного отношения царя к своим друзьям. Потом женихи забрали невест, и каждый отвел свою к себе. Всем им Александр преподнес подарки. Еще он повелел переписать имена всех македонян, которые были женаты на азиатках (таких оказалось более 10 тысяч), и их Александр также пожаловал свадебными подарками» (*Арриан*, VII, 4, 7-8). Я счел возможным процитировать этот подлинный отрывок из архива или бухгалтерского документа, чтобы избежать какой бы то ни было патетики, но также с тем, чтобы показать тот политический характер, который царь желал придать сближению аристократий двух стран, — характер, я бы сказал, некоего рода правительственного соглашения.

В то же самое время Александр, который распорядился перевести для него надписи и тексты,

касающиеся ритуала персидских праздников, повелел поддерживать священные огни, символы постоянства царской власти, и попытался привлечь на свою сторону магов-священнослужителей. Вне всякого сомнения, маги принимали участие в бракосочетании в Сузе, как впоследствии, четырьмя месяцами спустя, они участвовали в пире примирения в Описе.

Не знаю, к какому месяцу отнести необычный циркуляр (δῆγμα), вышедший из царской канцелярии в Сузах и адресованный всем греческим городам. Царь царей требовал, чтобы его именовали «Сыном Амона», а не «сыном Филиппа», и, соответственно, чтобы ему оказывали почести как небесным богам, то есть устанавливали статуи, выделяли священные участки, совершали жертвоприношения. Письму была предпослана преамбула со ссылкой на пример Геракла, 12 лет беспрестанных побед, овладение самой большой из когда-либо существовавших империй, выход к границам мира... В Афинах, чрезвычайно обеспокоенных самосским вопросом, Демосфен предложил называть его «Царь Александр, непобедимый бог». Народное собрание приняло постановление учредить культ Александра, присоединив его к двенадцати богам, подобно его предку Гераклу, и отправить в Персию посольство, чтобы поздравить царя.

По мере того как весна на безводных возвышенностях Хузестана переходила в лето, в Сузы съезжались недавно назначенные наместники крепостей и покоренных областей. Они привозили юных новобранцев для армии, которых Александр назвал своими преемниками, «эпигонами» (ἐπίγονοι). Все они были азиатами. Поскольку эти юноши должны были заполнить вакансии в армии, заменив будущих отставников, новобранцы получали македонское вооружение и проходили принятую в Македонии военную подготовку с командами на греческом языке.

Поначалу из них было образовано особое подразделение фаланги, и командирами у них были персы. Когда македоняне узнали, что интендантство оплачивает долги воинов из Европы, самых пожилых солдат увольняют со службы с выплатой премиальных, в то время как главнокомандующий намерен остаться в Азии, 6 тысяч фалангистов взбунтовались. Их против воли удерживали на службе у самодержца, который все больше привязывался к персидским обычаям. Созвав собрание, македонские пехотинцы угрожали царю неповиновением. Зачинщики кричали, чтобы впредь царь шел в бой «со своим отцом Амоном» и «со своими юными плясунчиками» (то есть эпигонами). Спрыгнув с возвышения, на котором стоял, Александр указал своей азиатской страже на 13 зачинщиков, заковал их в цепи и казнил без суда: в тот же день прямо в цепях их бросили в реку.

Из азиатских пехотинцев был сформирован «контрполк», с которым, как заявил царь, он и впредь будет править Азией. Бунтовщики превратились в просителей. Некоторым уволенным ветеранам было позволено остаться в Азии, но большая их часть должна была последовать за приболевшим Кратером (которому царь безоговорочно доверял) и его находившимся в добром здравии помощником Полиперхонтом. Однако в кавалерию гетайров и в царскую гвардию были включены знатные персы, вновь сформированный пятый кавалерийский полк, или гиппархия (ἵππαρχία), был составлен преимущественно из персов, вооруженных македонскими копьями, и наконец, тысяча персов влилась в отборную македонскую пехоту. Образованные из «варваров» полки носили престижные названия «пеших гетайров» (πεζήταιροι) и «среброщитных» (ἀργυροσπίδες). По отправлении Кратера в Грецию в августе 324 года Антипатру было послано письмо с повелением выслать из Македонии воинский контингент,

который был бы в состоянии заменить 11 тысяч уволенных и тем самым обеспечить проведение кампании 323 года.

В начале сентября 324 года Александр отдал Гефестиону приказ провести главные силы этой смешанной и составленной в основном из азиатов армии из столицы, то есть Суз, до Персидского залива. Сам он в сопровождении телохранителей и небольшого числа пеших и конных гетайров поднялся на корабль, спустился по Эвлаю (ныне Карун) до его устья, основал в Дурине, близ современного Абадана, новую Александрию, названную Сузианой, повелев удалить заграждения, которые делали невозможным судоходство по Тигру, после чего вместе со всей армией поднялся до Описа в 30 километрах к югу от современного Багдада.

Устроенный в лагере прощальный пир ознаменовал примирение царя и македонян, а значит, и согласие в войсках (сентябрь — октябрь 324 г.). «После этого Александр совершил жертвоприношения, которые взял за правило совершать, и устроил пир за государственный счет. Александр занял место сам, а все уселись вокруг: рядом с ним македоняне, сразу за ними персы, а дальше — наиболее уважаемые за свое положение или иные достоинства люди из других народов. И как сам Александр, так и все вокруг, черпая из одного кратера, совершали одни и те же возлияния, а предводительствовали в церемонии греческие прорицатели и персидские маги. И Александр, наряду с прочими благами, просил у богов, чтобы между македонянами и персами воцарилось единомыслие (ὁμόνοια) и общность полномочий (κοινωνία τῆς ἀρχῆς)». Таков знаменитый текст Арриана (VII, 11, 8–9), толкование которого породило много нелепостей. На самом деле речь здесь идет лишь о собрании старших офицеров и аристократов, а не о чудовищном пире с

участием 9 или 90 тысяч солдат. В расчет принимались лишь македонские и персидские вожди, и они имели преимущество перед всеми прочими. Как греки, так и азиаты были рассажены концентрическими кругами, что является символом общественного, нравственного, географического и даже космического пространства. Наконец, речь здесь шла лишь о военном командовании, а вовсе не о политической власти. Она оставалась в руках Царя царей, который один решал, следует ли ему, в соответствии с определением Аристотеля, быть с греками вождем (ἡγεμῶν), а с варварами абсолютным господином (*Плутарх* «Об удаче или доблести Александра», I, 6, 329b).

По завершении церемонии Александр распрощался с Кратером, Полиперхонтом и демобилизованными воинами, которые переправились через Тигр и устремились на северо-запад, в Киликию. Сам же Александр пошел в восточном направлении по устрашающим кручам гор Луристана, ненадолго остановившись перевести дыхание в «парадисе»^[12] Багастане, «обители богов» (Бехистун), где он велел сделать перевод знаменитых надписей, высеченных на скале Кох-и-Парса, охотился, а в начале ноября прибыл в Экбатаны, теперешний Хамадан, которого не видел шесть лет.

Раз Александр, с помощью своих адмиралов, устроил между устьями Каруна и Тигра^[13] порт, раз он очистил завалы в русле вплоть до Описа, раз повелел наместникам провинций Малой Азии прислать ему по двум великим рекам наемников, такелаж и корабли, это, без сомнения, означало, что он намерен был вскоре вернуться в Вавилон и наладить новый торговый путь, открытый флотом Неарха и Онесикрита. Соединить Индию со Средиземным морем, покорить лежащие вдоль этого пути аравийские княжества, или хотя бы заставить их вносить ту дань, которую «Аравия» (или «Страна

степей») некогда платила Дарию и его преемникам: все это не одни лишь предположения и не мечтания, приписываемые великому завоевателю, который скачет по Несейской равнине (древнеперсидск. «несайя») и созерцает 60 тысяч принадлежащих ему лошадей. Приказы, которые отдавал Александр морским инженерам в Тапсаке (ныне Джераблус) на Евфрате, наместнику Вавилона, корабельщикам на верфи (находившейся там, где ныне расположен Умм-Каср, порт Басры), Неарху, которому поручено разведать берега (как перевалочные пункты, так и места стоянки) вплоть до острова Тила (ныне Бахрейн), — все это столь же красноречиво говорит о его планах, как и последние записи Александра. Известно также, что по дороге из Суз в Экбатаны он подробно расспрашивал греческих переселенцев относительно Киссии (в 37 км от Суз), Ампы (на месте будущей Басры), Джезирата в Гортиене (в 150 км к северу от Мосула), Халонитиды (ныне Ханакин) у прохода в Мидию. Известно, что все эти поселения или колонии имели отношение к производству асфальта и нефти, столь полезных для конопачения судов.

Приезд в Экбатаны имел целью принять от мидийцев (вслед за персами) присягу, удостовериться в преданности сатрапа Атропата, проверить состояние казны, разоренной лжецарем Мидии и преемниками Пармениона, казненными несколькими месяцами ранее, а также отправить правосудие. А кроме того, здесь кавалерия приводит в порядок лошадей и здесь решаются судьбы угрожающих юго-западным берегам Каспийского моря скифских, или сакских, всадников и их амазонок, а также непокоренной Армении. Атропат представил Александру сотню вооруженных всадниц, утверждая, что это амазонки, однако тот велел отослать их, опасаясь скандала в армии.

В Экбатанах Александр предоставил войску недолгий отдых. Он совершил жертвоприношение, устроил атлетические и мусические состязания, танцы и театральный конкурс, а сам принял участие в попойке со своими товарищами-гетайрами. 5 ноября заболел хилиарх Гефестион, второй человек в государстве. Мучаясь горячкой, он выпил слишком много охлажденного вина и шестью днями позже умер. Потрясенный этим царь поручил Пердикке позаботиться о торжественной доставке набальзамированного тела покойного в Вавилон. Он распорядился о возведении для Гефестиона гигантского погребального костра^[14]. Александр объявил траур во всей империи, запретив исполнение любой музыки. Он устроил состязания в честь умершего друга, послав спросить оракула Амона в египетской пустыне, следует ли почитать Гефестиона как героя или как бога. Праздничный город, в котором в самом цвете юности умер возлюбленный друг, стал ненавистен Александру. Думая рассеять горе войной, прямо среди зимы он со своими гетайрами взобрался на заснеженные склоны Загра, которые отделяли Александра от погребального костра. Он стремился добраться до Вавилона любой ценой.

С декабря 324 по февраль 323 года Александр занимался тем, что «ловил и гнал людей, как дичь. Он покорил коссеев (или касситов), перерезав среди них всех взрослых. Люди называли это заупокойным приношением Гефестиону». Однако население Луристана не было истреблено. Укрепленные деревни, выразившие покорность и начавшие выплачивать дань и нести воинскую повинность, были столь быстро вновь заселены, что уже через несколько лет снова обрели независимость.

Пир в Вавилоне

После этой 40-дневной кампании устрашения, основав несколько сторожевых постов, Александр спустился по долине Диялы в направлении Описа и Вавилона. Он был в 50 километрах от Вавилона на правом берегу Тигра, когда посланные Неархом люди или же сам Неарх сообщили, что, если верить халдейским астрологам и астрономам, которым поручено составление царских гороскопов, Александру следует, прежде чем войти в город, исполнить некоторые обряды. «Кроме того, он мог избежать опасности, восстановив разрушенную персами гробницу Бэла, и если бы вступил в город, отказавшись от избранного пути (то есть зайдя к нему с запада)» (Диодор, XVII, 112, 3).

Александр стал лагерем в Борсиппе в 35 километрах к северо-западу от Вавилона и не двигался с места, пока философы из свиты не убедили его в никчемности гороскопов. Город, отличавшийся нездоровым духом, с какой стороны к нему ни подойти, представлял собой громадный оазис, окруженный стенами длиной 14 километров и пересекаемый множеством каналов Евфрата. Легче и проще всего к нему подойти с запада. Армия с ее тяжелыми повозками следовала этим естественным путем, ускоряя шаг навстречу удовольствиям, которые обещал город.

Между тем сюда на всем протяжении весны 323 года прибывали священные посольства (θεωροί) от греческих городов, а также делегации покоренных стран, которые желали поздравить Царя царей, приветствовать его обращением «Сын бога» (Амона), преподнести ему венки, драгоценные подарки, поклясться в верности. Среди прочих и Афины возвестили царю Александру,

«непобедимому богу», что его прошлогодние пожелания исполнены. Иные обращались к нему, чтобы он разрешил их разногласия с соседями или изгнанниками. Но с особым нетерпением и в первую очередь Александр принимал отчеты моряков, которым было поручено исследовать берега Аравийского полуострова — Архия, Андросфена, Гиерона из Сол, Неарха. Царь повелел ускорить строительство триер и рытье портового бассейна в Вавилоне, а затем спустился по Евфрату на 150 километров. Он приказал перекрыть блуждающую протоку Поллакоп и прорыть в скальном грунте в 5 километрах ниже постоянное русло, чтобы зарегулировать водоток. «По возвращении в Вавилон он нашел там Певкеста, который прибыл из Персии с армией численностью до 20 тысяч человек и значительным числом коссеев и тапуров... Филоксен явился сюда и привел Александру войско из Карий, Менандр — еще одно из Лидии, а Менид прибыл с подчиненными ему всадниками. Александр обратился с благодарностью к персам... и Певкесту... а затем распределил их по подразделениям фаланги» из такого расчета, чтобы на четверых македонян приходилось по двенадцать персов (*Арриан*, VII, 23, 1-4). Слияние продолжалось и в кавалерии.

Отпустив посольства, Александр занялся похоронами Гефестиона. Он повелел жителям Азии поддерживать священные огни, что персы обычно делают лишь в случае смерти Великого царя, на протяжении пяти дней междоцарствия. На месте вала был сооружен гигантский зиккурат высотой в 58 метров и шириной у основания 180 метров, его украсили статуями, трофеями, символическими изображениями. На самом верху, среди благовоний и ароматов, было предано огню тело усопшего. По всей империи Александр разослал приказ почитать Гефестиона не как бога, но как героя: так

постановил оракул Амона, ответ которого принес Филипп.

Настал май 323 года, Александр вновь оставил раздражавший его Вавилон, чтобы обследовать рукав Евфрата и болота к западу от города. Необходимо было выяснить, где разместить 1200 кораблей экспедиции вокруг Аравийского полуострова. Полный забот, издерганный, Александр в сопровождении своих друзей отправился в плавание. Часть флотилии бесследно исчезла в переплетении каналов.

В течение нескольких дней (три дня и три ночи?) царя считали пропавшим без вести. Налетевший посреди тростника резкий порыв ветра сорвал у него с головы красную шляпу с широкими полями и позолоченной лентой с двумя свешивающимися концами, которая служила ему диадемой. Прорицатели увидели в том дурное предзнаменование. Александрийские историки — как серьезные, подобные Аристобулу, так и фантасты вроде Клитарха — согласны в том, что царь становился все более подозрительным по мере того, как прорицатели и заклинатели просили его избегать дурных предзнаменований. Он очень болезненно воспринял случай, когда один незнакомец, некто Дионисий, уселся на царский трон, хотя дело было во время празднования вавилонского Нового года^[15], и речь можно вести лишь об оплошности посетителя или шутке кого-то из домашних. После того, что услышал Александр от умирающего Каланы, после таинственной смерти Гефестиона и гороскопов вавилонских жрецов двойное покушение на его царские регалии накануне похода будоражило его от природы суеверный дух. Ведь речь шла не более и не менее как о том, чтобы преодолеть в южном направлении границы мира!

В последние дни мая 323 года Александр принял решение прекратить траур и после умиловительных жертвоприношений и обычных обетов распорядился

раздать в армии много мяса и вина. Сам он пировал со своими друзьями. Он хотел отпраздновать успех второй экспедиции Нearchа, совершенной прошлой осенью в Персидском заливе. Сам Александр намеревался сняться с якоря в то же время и при лучших предзнаменованиях; и теперь он уверенно провозглашал тосты, посреди всеобщей радости и веселья. После празднества Александра пригласили посетить дионисийский пир (kômos) у Медия, одного из его ближайших друзей. Это был знатный уроженец Лариссы, воин и литератор, но в первую очередь — его доверенный человек. Проходившая в весьма непринужденной обстановке пирушка состоялась вечером 30 мая 323 года. Присутствовали почти все высшие лица армии и двора. Вот их точный список: Пердикка, Медий, Мелеагр, Питон, Леоннат, Асандр, Певкест, Птолемей (сын Лага), Лисимах, Голкий, Эвмен, врач Филипп Акарнанский, Нearch, Стасанор, Гераклид, Селевк, Аристон, инженер Филипп, Менандр, Филот (будущий сатрап Киликии), Менид, то есть всего двадцать два сотрапезника, считая царя. Играла музыка, гости ели, пили, спорили, резвились, выступали артисты, вино лилось рекой всю ночь, до рассвета. Аристобул, самый объективный повествователь, говорит, что Александр, у которого наступил сильный жар, вызвавший жажду, выпил очень много вина и тогда же впал в беспамятство (*Плутарх* «Александр», 75, 6).

Однако еще объективнее будет, если мы ограничимся официальным придворным дневником, который вел Эвмен, один из собутыльников, по крайней мере тем, что было им опубликовано под названием «Царский ежедневник» (βασιλείαι ἐφημερίδες). Почти в одних и тех же выражениях его цитируют Плутарх («Александр», 76) и Арриан (VII, 25).

30 мая: «Пил и веселился у Медия. Удалившись, выкупался и поспал».

31 мая: «Вновь обедал у Медия и пил до глубокой ночи. Уйдя с попойки, выкупался и там же в бане, поскольку уже начался жар, немного поел и поспал».

1 июня: «Принесенный на ложе к алтарям, принес там обычные ежедневные жертвоприношения, а когда приношения богам были сделаны, спал до сумерек в мужской комнате. Играл в кости с Медием. Уже поздно выкупался. Принес жертвоприношения богам и пообедал. Ночью жар усилился».

2 июня: «Выкупавшись вновь, совершил обычные жертвоприношения, после чего, лежа в бане, долго слушал рассказы Неарха и его штабных офицеров об их экспедиции и об Индийском океане».

3 июня: «Даны инструкции офицерам в отношении движения армии и плавания флота („одни должны быть готовы выступить на следующий день; другие взойдут на корабли вместе с ним днем позже“). Затем велел отнести себя к реке и, поднятый на борт одного из судов, пересек на нем Евфрат, пристав возле парка, где снова выкупался и отдыхал».

4 июня: «Ванна и обычные жертвоприношения, как и накануне. Затем пошел и лег в своей спальне. Беседовал с Медием. Приказал командирам явиться к нему завтра с самого утра. После этого легкий обед. Велел отнести себя в свою комнату, однако жар усилился и продолжался всю ночь».

5 июня: «Выкупался и принес жертвоприношения. Очень сильный жар. Перенесенный к большому бассейну, оставался у воды. Беседовал с полководцами о вакансиях и велел им назначать только проверенных людей. Затем дал Неарху и его штабу инструкции, касающиеся деталей плавания. Отправление перенесено на послезавтра».

6 июня: «Снова выкупался. Все еще в сильном жару, велит себя отнести к алтарям. Жар больше не дает ни минуты отдыха. Даже в таком состоянии созывает

морских офицеров и велит, чтобы все у них было готово к отплытию. Приказал полководцам (сухопутных сил) оставаться во дворце, а тысяцким и пятисотским ждать у его дверей. Уже совсем слабого, царя переносят из павильона в парке во дворец (на другом берегу Евфрата)».

7 июня: «Немного подремал, однако жар не спал. Когда вошли полководцы, узнал их, однако ничего не сказал, поскольку у него пропал голос. Всю ночь сильнейший жар».

8 июня: «Жар продолжается. Решив, что он умер, македоняне с криками явились к дверям дворца. Угрозами они принудили царских товарищей-гетайров их впустить. Двери отворили. Все они, идя в одних хитонах по одному, прошли перед ложем. Он молча приветствовал каждого, ценой больших усилий поднимая голову и подавая им знак глазами. Пифон, Аттал и Демофонт попеременно спят в храме Сераписа, ожидая от божественного оракула ответа на вопрос, не лучше ли перенести царя в святилище бога, чтобы он там поправился. Тот же жар продолжается всю ночь».

9 июня: «Без перемен (царь в коме). Новое обращение к богу (отцу Александра): Клеомен, Менид и Селевк попеременно спят и вопрошают в храме Осерхапи (в греч. тексте: Сераписа)».

10 июня (28-го или 30-го, по старому стилю, македонского месяца десья): «Бог дал ответ, который состоял в том, чтобы не переносить Александра в храм: „Ему будет лучше оставаться там, где он теперь“. Гетайры возвещают этот ответ (солдатам). Немного позднее, к вечеру, царь умер».

Аристобул, сам участник похода, уточняет, что Александр прожил 32 года и 8 месяцев, а царствовал 12 лет и 8 месяцев. «Царский ежедневник» в том его виде, в каком до нас он дошел, отредактированный или нет, дает понять, что царь умер от острого приступа малярии

(*malaria tropica*)⁴⁷. Таков же диагноз, поставленный еще в 1865 году Э. Литтре^[16], издателем трудов отца медицины Гиппократ. Гефестион восемью месяцами прежде Александра умер, судя по всему, при тех же симптомах неизлечимой горячки и жажды (*Плутарх* «Александр», 72, 2). С другой стороны, Кратер, еще один друг Александра, который также занемог, летом 324 года оставил Вавилон с отрядом усталых и больных ветеранов. В момент смерти царя болезнь свалила его в Киликии: за 10 месяцев он так и не добрался до Греции.

Напомним, что за 12 лет кампаний Александр был семь или восемь раз ранен, в том числе одно ранение, полученное в Индии, было тяжелым, и что свидетели его деятельности в последний период жизни изображают его переутомленным, озабоченным и чрезвычайно нервным. Обнаруженные в бумагах Александра после его смерти строительные проекты и планы завоеваний показали македонскому народному собранию безумными, чрезмерными, неосуществимыми (*Диодор*, XVIII, 4, 4-6). Однако в тот самый момент, когда он собственноручно делал эти записи или же когда царский трон подвергся осквернению, Александр бросал все, — чтобы пойти и пить. Пить в одиночку, посреди болот, вне всяких ритуальных попоек.

В «Царском ежедневнике» не зафиксирован имевший весьма значительные последствия, но тем не менее засвидетельствованный факт: прежде чем впасть в кому, вероятно, 7 июня, на восьмой день кризиса, Александр передал Пердикке свой перстень с царской печатью. Именно этот государственный канцлер призван был обеспечивать регентство от имени припадочного Филиппа Арридея и оберегать жизнь ребенка Александра и Роксаны, когда он появится на свет. Здесь не место описывать свары, убийства и войны, которые предшествовали, сопровождали и последовали за похоронами царя. Нас интересует лишь память о нем⁴⁸.

Неизвестно, соответствуют ли хоть в какой-то мере приписываемые царю «последние слова» тому, что он действительно произнес. Якобы он сказал, что оставляет империю самому сильному или же самому достойному. Но это столь же бездоказательно, как и фраза: «Борьба за царство обеспечит мне великие погребальные игры...», или еще проще: «Вижу, похороны у меня будут блестящие».

Возможно, это пророчество, сделанное уже после того, что случилось. С исчезновением героя со сцены в оборот вошло множество подложных документов, писем, речей, достопамятных изречений, анонимных книг, и я бы предпочел рассматривать в качестве последнего деяния Александра безмолвное приветствие, с которым он обратился к своим солдатам, по одному проходившим мимо него.

Глава II

ЧЕЛОВЕК

Что такое человек? Не есть ли это сумма его поступков, «свершений», *карма*, как говорил Калана, индус-мудрец, друг Александра? Или это его «привычки», то есть сумма воли и поведения? «У мира две истории, — говорит Ж. Дюамель, — история его деяний, которую отливают в бронзе, и история его мыслей, о которой, кажется, никто не печется. Но какое значение имеют мои поступки, если все мои мысли — сплошное их отрицание и осмеяние?» («Полночная исповедь», XXII). Мы вновь затеваем старый спор, известный еще древним: в какой мере завоеватель был игрушкой событий, то есть удачи или случайности, как говорили они?

Постановка вопроса естественно предполагает наличие скрытой стороны поступков. Исполнил актер свою роль или же нет, сделал он это хорошо или дурно, — в любом случае он сообщил ей стиль, наполнил своей личностью, вдохнул в нее душу. В данном случае мы не беремся ни выносить нравственное суждение, ни отказываться от всякой определенности. Дело биографа, как и дело историка, заключается не в том, чтобы выстроить или же нагромождать даты и имена, факты и числа. Биограф призван их понять, то есть сгруппировать, связать, обнаружить их смысл. А что придает событиям смысл (вне всякой ангажированности и несмотря на пробелы в фактах) — это в конечном счете решимость человека, дух предприимчивости, сила личности героя. В отношении Александра такое знание, по крайней мере отчасти, возможно. Говорящими оказываются не только его поступки: мы знаем его предшественников, его воспитание, людей и животных,

с которыми он сталкивался, страдания, которые он вынес, портреты, которые после себя оставил, знаем его последние проекты, его романы, его смерть. Смерть — это конец и одновременно начало, потому что именно она определяет бессмертие.

Наследие

Тайна Александра начинается прежде его появления на свет. Чтобы попытаться объяснить его взвинченный и страстный, даже мистический характер, а также наблюдаемые в его политике и стратегии расчетливость, реализм, практицизм, исследователи часто обращаются к тому, что принято называть наследственностью. Они пространно рассуждают о необузданной и жестокой Олимпиаде, этой полуварварке, которая была его матерью, и о гибком уме и дипломатической сноровке Филиппа II, подлинного грека, который был его отцом. От первой, мол, Александр унаследовал благочестие, пыл и бешеный темперамент, а от второго — амбиции и расчетливую щедрость.

Это явно недалекий взгляд, а возможно, и желание произвольно упростить ситуацию. Ибо не говоря уж о том, что братья и сестры Александра ни в чем не повторили его судьбы, следует отметить, что нам неизвестно, в чем Филипп и Олимпиада отличались друг от друга. Ведь Филипп повстречал юную принцессу, на которой ему было суждено жениться, в 357 году, во время своего посвящения в самофракийские мистерии, — с соответствующими испытаниями, постами и исповеданием грехов. И всю свою жизнь он проявлял строгое благочестие как в отношении богов, так и покойных членов семьи. Будучи гарантом культов македонского народа, он совершал жертвоприношения Гераклу, Зевсу, Афине Алкидеме, участвовал в процессиях, устраивал игры в честь Зевса Олимпийского, своего предка, ставил пьесы в честь Диониса, своим попустительством и дарами оказывал покровительство мистическим культам, столь близким его супругам, содержал прорицателей и

предсказателей, а к концу жизни дошел даже до того, что заказал свою статую, по качеству «достойную самого бога», посреди кортежа из двенадцати Олимпийцев. Его называли набожным из долга. Однако атеизм в его время и в его стране был попросту невозможен, а религия македонцев, в отличие от нашей, основана не на нравственности или метафизике, но на ритуалах. Если Александр здесь кому-то и подражал, то скорее отцу, чем матери. Олимпиада, как рассказывали, запросто брала в руки змей и предавалась исступленным пляскам, в которых участвовали исключительно женщины. Александр испытывал ужас перед змеями, а к женщинам относился с недоверием.

В характере Александра, в смысле генетическом, для нас много неясного. Несомненно, в семьях обоих его родителей были пороки и родимые пятна. Их обвиняют во множестве преступлений и убийств; как враждебные, так и дружественные историки повествуют о сценах пьяного исступления и дебошей, о неравных браках между едва достигшими зрелости девушками и царями на шестом десятке, о близкородственных связях; наконец, репутация алкоголика, которую вполне заслужил Филипп, — все это, вместе взятое, делает вполне понятным, почему Арридей, один из его детей, был умственно отсталым и страдал эпилепсией. И это никоим образом не объясняет ясности ума и крепости духа Александра. Все, что мы можем сказать о его наследственности, сводится к одному несомненному факту: Аргеады, его предки, были обязаны своей властью закону о том, что верх берет сильнейший, то есть закону джунглей. Теоретически это означает, что вооруженный македонский народ избрал их на царство возгласами одобрения. Но мы уже видели, на какое кровопускание, на какие интриги пришлось пойти младшему сыну Филиппа, чтобы взять верх над

предводителями нескольких родов, собственными братьями и соперниками.

В такой практике нет ничего нового: Филипп II, едва уцелевший в резне, которую враги учинили его братьям, в 359 году сам оттеснил в сторону Аминта, молодого наследника престола и своего племянника. Стоит также послушать, что говорил в ту же эпоху Платон об одном из самых известных в династии царей Архелае I (413–399): «У него не было никаких прав на нынешнюю власть, поскольку его родила рабыня Алкета, брата царя Пердикки... Он совершил величайшие преступления. Сначала он послал за этим своим господином и дядей, — якобы с тем, чтобы передать ему власть, которую отобрал у него Пердикка. Но приняв его у себя и напоив допьяна обоих — его самого и его сына Александра, своего двоюродного брата, почти ровесника себе, он взвалил их на повозку и, вывезя посреди ночи, зарезал, а тела скрыл... Немного позже он занялся своим братом, законным сыном Пердикки, мальчиком лет семи, которому и должна была по праву принадлежать власть... так вот его он сбросил в колодец и утопил, а матери его Клеопатре сказал, что ее сын свалился в колодец, погнавшись за гусем. Так что теперь он, как наибольший злодей среди македонян, является и самым несчастным среди них!» («Горгий», 471a-c).

Скажем также, что Александр, родившийся в семье убийц, имел все основания опасаться за нервы своих соперников, а также страшиться собственной нервозности. Можно сомневаться в том, что преступность передается по наследству. Но невозможно подвергать сомнению то, что сама атмосфера дворов Македонии и Эпира была напитана духом убийства. Всю жизнь Александра преследовал вопрос легитимности. Младший сын царя-многоженца и единственный сын царицы, ни перед чем не отступавшей для обеспечения будущего своему потомству, едва родившись, он

страдал тем, что я назвал бы «комплексом второго». Второго, постоянно выталкиваемого матерью на роль первого.

Следует признать, что нам почти ничего не известно о действительном влиянии, оказанном Олимпиадой на характер и восприимчивость своего сына. Об этом судят лишь по поступкам. Биографическое сочинение, посвященное Филиппу II и его женам Сатиром из Каллатии столетие спустя после их смерти, не сохранилось. Из тех немногочисленных фрагментов, которые мы читаем у Плутарха и Афинейя (248d-f; 557b-c), мы узнаем, что, оставшись без матери и отца, Олимпиада жила до замужества в Эпире под опекой своего дяди и зятя Ариббы, царя Молоссии. Она также была младшей в семье, которой угрожали враждебные кланы Эпира и Македонии. Устроенный дядюшкой брачный союз исключительно по политическим мотивам превратил Олимпиаду в залог и заложницу семьи. «Этот союз, — пишет Юстин (VII, 6, 10), — повлек за собой все неудачи, а затем и падение Ариббы. Заключив союз с Филиппом, он надеялся умножить свою власть. Однако тот лишил его собственного царства и заставил стариться в изгнании». Став в 19 лет царицей самого могущественного государства Балканского полуострова и, что еще важнее, первой по праву супругой Филиппа II, она была вполне способна осуществить свои права как в Эпире, так и в Македонии.

Чтобы обеспечить престолонаследие и в одном, и в другом царстве, в октябре 356 года Олимпиада родила Александра III, а в 353 году — Клеопатру. И вплоть до самой смерти Филиппа нам не приходится слышать ни о сводных братьях Александра — Каране, сыне Филы, и Арридее, сыне Филинны, ни о его двоюродном брате Аминте, сыне покойного царя Пердикки III. Напротив, мы видим, что Олимпиада играет огромную роль,

поддерживая двух своих детей и собственного брата. Последнему, которого также звали Александром, в момент свадьбы Олимпиады было шесть лет, а через пять лет его вызвали в Пеллу ко двору и воспитали в македонском пажеском корпусе. Весной 342 года ему был обещан трон Молоссии, а пока, в ожидании того, когда это совершится, в 337 году он женился на своей племяннице, дочери Олимпиады и Филиппа. Он был одновременно союзником Александра, его должником, дядей и зятем. Молоссия⁴⁹ тогда еще не могла сравниться с Македонией по централизованности и отлаженности государственного аппарата. Это было то, что называют κοινόν («содружество») пастушеских племен и народов, которыми управлял совет представителей, βασιτορῶσι или συνάρχοντες, назначавший председателя (προστάτης) и при нем секретаря. Царь, или его представитель, располагал лишь религиозными и военными полномочиями. Проходившие в высоком массиве Пидна границы, которые разделяли Молоссию и соседние страны, были столь же подвижны, как кочующие и вечно пытавшиеся вторгнуться на чужое пастбище стада. Дважды, в 337 и 331 годах, Олимпиаде пришлось, дыша злобой, возвращаться на родину. Вообще право Александра править Македонией принято брать под сомнение: Олимпиада была здесь чужой.

На деле она действительно могла передать Александру свои честолюбие, гордость, внезапные приступы гнева, страх предательства и одиночества, жажду мщения. Повествующие о ней античные авторы — биографы, историки, мемуаристы и беллетристы — чуть ли не в один голос говорят о редкостной гордыне этой женщины, которая кончила тем, что уничтожила всех своих соперниц и убедила свое окружение и даже собственного сына, что в свое время забеременела не от кого-нибудь, а от самого бога-олимпийца Зевса-Отца.

Женщина бурных страстей, властная и проникнутая сознанием своего благородного происхождения, мистически настроенная и вне всякого сомнения истеричная, кажется, она передала сыну не только свои пылкость и порывистость, но и неизменную убежденность в том, что нет на свете ничего невозможного для потомка Эака, Ахилла и царя богов.

Как ни парадоксально, Александру была свойственна некоторая женственность. Прежде всего она сказалась в его изяществе, очаровании, нежном овале вечно безбородого лица, утрированной страсти к уходу за телом, любви к благовониям, но также и в предпочтении мужчин женщинам, мягкости в обращении и благовоспитанности (столь резко контрастирующих с грубостью и даже хамоватостью Филиппа II), попечении о мелких деталях, перепадах настроения, постоянной потребности ощущать себя любимым и какой-то невнятной тяге быть всегда искренним... Я не пошел бы так далеко, чтобы, подобно психологам, утверждать, что как мать Олимпиада была склонна к ревливой и даже чрезмерной опеке. Однако имеются факты (их сохранили нам вместе с выдержками из царской переписки почты Эвмен, великий канцлер, и Плутарх с Афинеем): Олимпиада на протяжении по крайней мере десяти лет лично занималась вопросом о том, на чем Александр спит, во что его одевают, что он ест, как молит богов. Олимпиада избрала для него в собственной семье весьма нравственного наставника, обратив на сына всю свою нежность, когда Филипп бросил ее; она стала на сторону юноши против его отца и именно с ним бежала из Македонии, в сорок лет лицезрея, как занимает ее место юная македонянка, а после, блюдя интересы сына, в спешке вернулась, чтобы организовать умерщвление всех его соперников. Наконец, именно ему она доверила в мае 336 года тайну его рождения. Впрочем, секрет этот уже давно предан огласке (*Арриан*, IV, 10, 2), к тому

же он больше мучил молодого человека, чем ободрял: «Доказательство того, что ты имеешь полное право царствовать над всей Европой и даже над Азией, — то, могу я тебе признаться, что ты не сын своего отца». Даже Аттал дал это понять Александру, во всеуслышание пожелав Филиппу на пиру по случаю его последней свадьбы, чтобы он наконец-то обзавелся законным наследником. Александр не знал покоя ни в Ликий, ни во Фригии, ни в Египте, пока не спросил богов относительно своего происхождения и своего будущего. Одни заботы от этой Олимпиады!

На протяжении двенадцати лет своего великого похода Маленький принц, который стал царем и даже Царем царей, получил немало писем от матери, которая с годами становилась все более неуживчивой (*Арриан*, VII, 12, 6). Она делала вид, что регент Антипатр действует по ее указке, подобно тому, как ранее делала вид, что муж и сын слушают ее советов. Повсюду она видела заговоры против Александра и против нее самой. Олимпиада целиком отдалась интригам, и дело кончилось тем, что в 331 году македонская знать принудила ее вернуться в Эпир. Александр полагался на Антипатра и не лишил его доверия. Правда, в письме он обращался к Олимпиаде как к «самой нежной из матерей», а своему другу Гефестиону велел хранить в тайне упреки Антипатра и ревность Олимпиады, саму же ее осыпал подарками. Правда и то, что он делал вид, что «одна-единственная слеза матери способна уничтожить тысячу писем» (*Плутарх* «Александр», 39, 7–13 и т. д.). И все же он не смог удержаться и не написать ей, что она утратила меру, пожелав, чтобы она больше не вмешивалась в политику, в *его* политику. Поражает откровенный и даже грубый тон, в котором Александр ответил однажды Олимпиаде, обвинявшей его в слабости или неосмотрительности: «Прекрати свои происки против меня, не гневайся и не грози. А если не

послушаешься, меня все это не слишком заботит, ведь ты знаешь, что Александр лучше всех» (*Диодор*, XVII, 114, 3). Ὀξύς καὶ θυμοειής, «резкий и надменный», пишет Плутарх об Александре в своих «Застольных беседах» (I, 6): возможно, этим и ограничивается все, что слишком страстно любимый сын унаследовал от материнского темперамента.

Нетерпеливый и покорный

Ведь Александр не замедлил освободиться от ее влияния. Впечатлительный и послушный ребенок, уже очень скоро он отдал отцу и предкам отца все свои привязанность и покорность, стремление им подражать и даже любовь, которая намного превосходила его нежность к матери. Когда Александр, находясь при дворе в Пелле или в школе своих наставников, достаточно подрос, чтобы по достоинству оценить могущество Филиппа, который менее чем за десятилетие увеличил Македонскую империю вдвое и вдоволь посмеялся над всей Грецией; когда Александр вообще оказался в состоянии оценить, что значит могущество как таковое, он ощутил себя, как умственно, так и нравственно, в гораздо большей мере на стороне отца, чем матери. Жадный, как и тот, но не до богатств и удовольствий, а до подвигов и славы, маленький Александр говорил мальчикам, которые воспитывались вместе с ним: «Отец мне ничего не оставит (то есть совершить)!» И когда они отвечали: «Но ведь отец все это приобретает для тебя», Александр сказал: «Что пользы иметь много, а ничего не сделать?» Вот в каком конфликте он жил — между «быть» и «иметь». Я решил предпочесть этот диалог из «Изречений царей и полководцев» Плутарха (1, 179d) занятой странице из «Жизни» Александра, где собраны многочисленные поучительные байки: в нем лучше видны досада на роль вечно второго, а также восхищение, которые согревали ребенка в обстановке триумфальных реляций около 346 года. Фактически никем, кроме как сыном Филиппа, Александр себя никогда не мыслил.

Доказательством того, что между отцом и сыном не существовало никакого эдипова комплекса, служит их

глубокое взаимопонимание, которое вдохновляло их на совместные действия, несмотря на произошедшую в 337 году размолвку. Как мы уже видели, Филипп представил своего сына афинским дипломатам, когда он был еще совсем юным. Он прервал теоретические занятия Александра, чтобы посвятить его в дела, приобщить к государственным заботам и доверить ему регентство империи уже в 16 лет, командовать флангом собственной кавалерии — в 18, а стать главой важнейшей миссии в Афинах — в 19. Но вот нечто более живописное: «Как-то раз между македонскими солдатами и греческими наемниками вспыхнула ссора. Получивший в возникшей свалке ранение Филипп оказался выбит из строя и остался лежать на месте, почтя самым безопасным притвориться мертвым. И тогда Александр прикрыл его своим щитом, а тех, кто на него бросился, сразил своей рукой» (*Курций Руф*, VIII, 1, 24).

Известна необычная похвала Филиппу, которую Арриан вкладывает в уста Александра, обратившегося к своим солдатам во время бунта в Описе (или Сузах) летом 324 года: «Ведь Филипп принял вас бесприютными и бедными. Одетые в шкуры, вы пасли в горах жалкие отары, из-за которых были вынуждены отчаянно сражаться с иллирийцами, трибаллами и соседними фракийцами. Вместо шкур Филипп нарядил вас в плащи, спустил вас с гор на равнины... А что до этих самых варваров, то он превратил вас из их рабов, на которых они прежде нападали, захватывая и уводя вас самих и все, что вам принадлежит, — в господ и повелителей. Он присоединил к Македонии большую часть Фракии и, овладев наиболее удобными приморскими областями, раскрыл страну для торговли, а также устранил помехи для разработки рудников. Филипп сделал вас правителями фессалийцев, которые прежде заставляли вас умирать со страху, и, усмирив

племя фокидян, открыл вам широкую и гладкую дорогу в Грецию... Придя в Пелопоннес, он устроил тамошние дела и, назначенный самодержавным предводителем всей Греции в походе против Персии, снискал славу не столько себе, сколько всему македонскому союзу» (VII, 9, 2-5). Даже с поправкой на риторику следует признать справедливость этих похвал.

Полагаю, неправы те, кто истолковал отъезд Александра вместе с матерью в 337 году как изгнание или ссылку. Филипп был бы в высшей степени неразумен, если бы отправил к своим врагам победителя при Херонее, в котором души не чаяла вся армия, а также единственного своего сына, который по возрасту мог принять у него корону. С другой стороны, как мог Александр возбуждать беспорядки в Иллирии, враждебной стране, которой он не знал и где он едва не лишился армии двумя годами позже? На деле все было иначе: сопроводив с военным эскортом Олимпиаду с оказанием почестей, которые ей полагались, и перепоручив ее семье у озера Янина, в Пассароне или Додоне (Эпир), юный Александр должен был весной 336 года, прежде чем возвратиться к отцу, совершить набег на иллирийцев. Посулив прощение и награду за покорность, Александр прошел долиной Аоя и по западным склонам Смолики и Грамма преодолел перевал Бара, а затем спустился вдоль Галиакмона. Вот о чем свидетельствует рассуждение, которое мы теперь процитируем: «После похода, который Александр один, без отца совершил против иллирийцев, он, одержав победу, написал Филиппу, что враг рассеян и бежал. Филипп же никакого участия в боях не принимал» (*Курций Руф*, VIII, 1, 25). Не имеет значения, исходит ли эта информация от Феопомпа и Сатира, биографов Филиппа, или от Птолемея, биографа Александра: главное здесь послушание и сыновняя покорность. Какой разительный контраст с поведением его матери, в

тех же самых обстоятельствах! Незадолго до смерти Александр как-то сказал, что мать взимает с него за 10 месяцев чрезмерную квартирную плату^[17] (*Арриан*, VII, 12, 6).

Учитывая сказанное, все, что мог унаследовать Александр от своего отца, оказывается еще более сомнительным, чем те черты, которые традиция возводит к его наследственности по материнской линии. Можно ли счесть наследственным здравый смысл? Реализм? Проницательность? Упорство? Все эти черты никак нельзя отнести на счет одного Филиппа, совместив их в то же время с горячностью, самоволием, ревнивым страхом, которые приписывают Олимпиаде. Возможно, Филиппу все же принадлежит одна неизменная составляющая характера Александра: открытость духа, любопытство или, применяя выражение Р. Ле Сенна^[18], «широкое поле сознания». Мы не найдем в поступках завоевателя ни мелочности, ни крохоборства. Все в нем дышит величием и предприимчивой отвагой. В природных задатках Александра явно проглядывает еще одна черта, однако ее, как мне представляется, можно приписать не столько воле или примеру Филиппа, сколько генетике: он выказал себя послушным ребенком. Он принужден был обуздывать себя. Нам известно лишь одно наказание, которое существовало в пажеском корпусе: розги. Это юное создание, этот живой и пылкий ребенок покорился силе своего отца. В конце концов живость духа и тела никак не противоречит умению владеть собой, и многим воспитателям удалось смягчить натуры, считавшиеся неукротимыми. В определенном смысле Александр напоминал Буцефала, своего любимого коня: он был нетерпелив и покорен.

Что значит быть первым

Что несомненно воспринял Александр от своих учителей и товарищей по учебе, так это принципы кастового воспитания, восходящие к отдаленным векам формирования индоевропейской идеологии. По меньшей мере десять тысяч лет культурных традиций, оставивших по себе след в языке, мифах и социальной практике, убедили правящие классы Македонии в том, что македоняне, или «люди с гор», представляют собой структурированную общину, имеющую три функции (религиозную, военную, экономическую) и четыре уровня социальной принадлежности (семья, род, племя, нация) с вождем или царем, выходцем из военной аристократии, во главе. Этот-то вождь или царь и был для своего народа гарантом отправления религиозного культа, военных побед и материального благосостояния. Славившееся породистыми лошадьми племя эмафиев, или «людей песка», на юго-востоке (близ современной Верии, в античности Беройя), известное уже в VIII веке до н. э. Гомеру, в первой половине VII века выдвинуло из своих рядов княжескую династию Аргеадов, которые и основали первое объединенное царство — Македонию. По одной легенде, дошедшей до нас благодаря Геродоту (VIII, 137), первые здешние вельможи, братья Гаван, Аэроп и Пердикка, были здесь когда-то пастухами: один пас коней, второй — быков, а третий — овец.

Это означает, что македоняне все еще жили при родовом строе, с сохранением пережитков тотемизма, экзогамии и полукочевого образа жизни. Три талисмана самовластия — золотой кубок солнца, длинный нож или кинжал и священный хлеб — находились в руках рода Пердикки и хранились в Эгах, крепости вблизи Вергины, в нижнем течении Галиакмона. В легенде об основании

Македонии мы также находим не более трех цветов, характерных для трех каст: белый цвет Аргоса, красный (цвет роз) — Бермия и черный — цвет глинистых почв Пиерии. На долю Архелая I в конце V века до н. э., но прежде всего Филиппа II, отца Александра, выпала задача добавить к этим трем кастам свободных людей, чистокровных арийцев, отряд ремесленников (происходивших, как правило, из греков с Балканского полуострова) — инженеров, механиков, литейщиков, кораблестроителей, художников, врачей, которые напоминают неарийцев, шудр в Индии, кузнецов Мамурия Ветурия в Риме^[19], Дактилий, или потомков Дедала на Крите, «демиургов», или ремесленников в микенском мире.

Рассказывая юному Александру, что он происходит непосредственно от величайшего воителя Геракла и от царя мирмидонян Ахилла, запечатлевая в памяти мальчика их подвиги в песнях и эпических стихах, его воспитатели, родственники и наставники напитывали дух царевича неизгладимыми образами, политическими и нравственными идеалами, к которым он вновь и вновь возвращался на протяжении своей краткой жизни. Прежде всего Александр оказался проникнут убеждением в собственной принадлежности к аристократии, то есть к группе лучших людей, для которых слава, κλέος является высшей целью существования, а личное мужество, μένος, делает их повелителями. Если Ахилл предпочел короткую и славную жизнь жизни долгой и ничем не примечательной, так это потому, что он сделал выбор в пользу единственной достойной формы жизни после смерти — неувядаемой славы, и лишь лучшие могут надеяться ее достигнуть. К этим лучшим принадлежал и царь. Сосредоточив в руках сразу три функции, царь обретает их в основном в силу своих исключительных добродетелей: он должен быть правдив, честно биться

на войне и всегда и во всем проявлять великодушие. С подобными формулами, описаниями такого рода мы сталкиваемся и в древнейших эпосах, от Ирландии до Индии, и в том, как в эпосе Александра повествуется о его жизни и деяниях.

Прежде всего следует подчеркнуть поразительную искренность молодого человека, а впоследствии царя, который не терпел лжи не меньше, чем заговоров. Филипп, который при всех попенял Александру за то, что он действовал исподтишка, желая расстроить брак сводного брата с дочерью сатрапа Пиксодара в 337 году, навсегда исцелил его от интриг. Урок не пропал даром. Филота, сына Пармениона, погубило в октябре 330 года то, что он не был откровенен, скрыв от царя нити опутывавшего его заговора. Александр был способен простить погрязших в долгах продажных солдат, если они честно сознавались в своих проступках. Александр, любивший беседовать с философами, даже с дерзкими киниками, не переносил «софистов», то есть тех умников, которые, подобно греку Каллисфену из Олинфа, стремились из любви к искусству доказывать истинность любого утверждения. Возмутительность подобного рода риторики продемонстрировал штабу Александра Каллисфен, когда в 328 году этот болтливый племянник Аристотеля, ничуть не смущаясь, произнес сначала похвальное слово македонянам, а потом выступил с сатирой на них (*Плутарх* «Александр», 53, 3–54, 2).

Верить в существование истины — значит, верить в существование справедливости. Споры, выносившиеся на рассмотрение царя, выслушивались и разрешались им, во всяком случае вплоть до времени, о котором идет речь, с непредвзятостью, поражающей античных авторов. Бытовавшая в армии откровенность, нередко доходившая до цинизма, весьма грубая правда-матка, которую привыкли резать служивые своему

начальнику, — все это поддерживалось практикой принесения клятв и попойками: «преданные из преданных» (ибо именно это означает слово «гетайры»-ἑταῖροι, то есть товарищи, или подлинные друзья царя), поднимая полные чаши и обмениваясь поцелуями, полагали себя связанными друг с другом навсегда, как супруги или братья, которым нечего скрывать друг от друга.

Однако этот культ правды, эта искренность были у Александра несколько болезненными. Вне всякого сомнения, ему было невдомек, что мы не более искренни в отношении самих себя, чем в отношении других, как показал Пиранделло в «Трех мыслях маленькой горбуны». «Некоторые полагали (до битвы при Гранике), что следует поостеречься и посчитаться с общепринятым мнением насчет этого месяца: обычно македонские цари в десии (мае) в поход не выступали. Но Александр исправил это тем, что приказал считать его вторым артемисием» (*Плутарх «Александр»*, 16, 2). «Царь, который всегда ревниво соперничал успехам гадателей, повелел считать этот день не 30-м числом, а 28-м» (*там же*, 25, 2). В сентябре 329 года Александр, который был болен, однако желал любой ценой форсировать Яксарт (Сыр-Дарью), потребовал от своего предсказателя Аристандра, чтобы тот сфабриковал ему благоприятные знамения (*Курций Руф*, VII, 7, 22-29). У всякого своя правда «Chacun sa vérité», принятый во Франции перевод названия написанной в 1917 г. пьесы Пиранделло «Cosi è (se vi pare)», по-русски переводят «Каждый по-своему». Ср. русскую пословицу «У всякого Павла своя правда». — *Прим. пер.*, и особенно это относится к суеверной душе. Позднее, окруженный льстецами и восточными придворными, царь превращал истину во все более и более субъективную идею, будучи все менее склонен мириться с сомнениями в ней. И хотя в Персии и Индии он добился, чтобы ему разъяснили, что

такое *Артха* и *Р(и)та*, высшие ценности арийского мира, эта божественная истина, которая наряду с миропорядком обосновывает клятву и договор (*митра*), он не мог, вместе со своим отцом и многими греками, не думать, что как в том, чтобы выслушивать, так и в том, чтобы высказывать любую правду, нет ничего хорошего.

Царь должен быть первым среди лучших, способным уложить противника на месте в любом единоборстве — будь то на поле битвы, в отъезде поле или на ипподроме. Все эти места стали для Александра полями чести. Примечательно, что этот юнец желал быть первым любой ценой — и тогда, когда бросался на врага во главе эскадрона, и в царских парках, «парадисах» Сидона, Сузианы, Парфии или Согдианы, где вступал в единоборство с наиболее опасными зверями, например львом, символом монархии. На полях четырех основных битв во время азиатского похода — при Гранике, на равнине Исса, на всхолмленном поле Гавгамел и при Джалалпуре Александр бросался на главнокомандующего противной стороны, сатрапа или царя, желая поставить общую победу в зависимость от победы личной. Он одобрительно относился к тому, что полководцы, такие, как Эригий и Аристон, вызывали противника на поединок, совершая тем самым подвиг, характерный для эпического героя (*Курций Руф*, VII, 4, 32–39; *Плутарх* «Александр», 39, 2). Однако он не позволял, чтобы кто-то сразил дичь или врага, когда он усматривал в них свою законную добычу. В октябре 328 года армия отдыхала и развлекалась в одном из царских парков. «Александр, войдя сюда со всем своим войском, начал гнать диких зверей во всех направлениях. Один из них, лев редкой величины, набежал на самого царя, желая на него напасть, и тогда Лисимах (он стал впоследствии царем), который находился к Александру ближе других, готовился уже отразить зверя рогатиной. Однако царь оттолкнул Лисимаха и велел ему уйти,

сказав при этом, что не хуже него способен в одиночку убить льва... Хотя для Александра все кончилось тогда хорошо, однако в соответствии с обычаем македонского народа было принято решение, чтобы царь больше не охотился пешим, а также без сопровождения самых отборных полководцев и друзей» (*Курций Руф*, VIII, 1, 13–18).

В соответствии с македонским обычаем было также принято, чтобы человек, принадлежащий к знати, ел сидя на стуле, а не вытянувшись на ложе, до тех пор, пока не убьет кабана. В случае, если секач одновременно выбегал на двоих, юноша должен был уступить честь нанести смертельный удар старшему или более титулованному господину, но в первую очередь — царю или главе рода. Гермолай, принадлежавший к пажескому корпусу молодой аристократ, который еще не был посвящен, был публично выпорот за то, что первым ударил кабана, которого намеревался сразить царь. Отсюда возникли обида, а затем и заговор, которые привели к роковым последствиям в Самарканде той же осенью 328 года.

Слава царя как победителя или великого ратоборца не могла быть запятнана каким-либо изъясном. Этим объясняется позиция, которую занял Александр по меньшей мере в четырех случаях за свой краткий жизненный путь. Плутарх («Александр», 4, 9–10; «Об удаче или доблести...», I, 9, 331b; «Изречения...», 2, 179d) рассказывает, что Филипп, кичившийся тем, что лошади из его конюшни победили на скачках в Олимпии, побуждал сына принять участие в состязаниях в беге, на что Александр ответил: «Согласен, если я буду состязаться с одними царями». В 328 году Александр убил Клита Черного за то, что тот покусился на его репутацию, заявив при всех, что царь отвернулся от македонян, между тем как самопожертвованию друзей он обязан своим спасением. В сентябре 329 и 326 годов

Александр пришел к заключению, что все его предыдущие победы ничтожны, если он не достигнет крайних пределов мира на севере и востоке, то есть Реки Океана, упрекая своих солдат за то, что они не дали ему добиться славы. Его донимала мысль, что он не проплыл по Индийскому океану от впадения Инда, и впоследствии он задумал проплыть кругом Аравийского полуострова (и Африки?), чтобы вновь попасть в Атлантический океан. Он чувствовал себя призванным совершить то, чего до него не пробовал исполнить ни один человек, никто из детей Зевса, будь то Геракл или Дионис! Например, пересечь 700 километров пустынь Гедросии и Макрана по кромке Индийского океана там, где погубили свои армии Семирамида и Кир.

Александр, преемнику и наследнику египетских фараонов, следовало превзойти также и их, по крайней мере дважды, во времена Моисея (*Исх.* 14: 15-31) и Камбиза (*Геродот*, III, 26; *Плутарх* «Александр», 26, 12), лишившихся своих армий посреди песчаного прилива^[20]. Девизом всех античных сыновей богов войны и славы мог бы стать тот, который приписывают Цезарю: «*Nihil actum reputans, si quid restaret agendum*» («Он полагал, что не сделано ничего, если что-то еще оставалось сделать»). Плутарх («Александр», 4, 8) говорит об Александре-ребенке еще проще: «Честолюбие (φιλοτιμία) делало его не по годам серьезным и великодушным».

Царские обязанности

У индоевропейского воина, полководца или поборника народного дела, есть добродетель, которая, быть может, превосходит и мужество, и командирский дар: это прямотушение. Александр никогда не понимал предательства, вероломства, коварных приемов ведения борьбы и не допускал их для себя. Возмущенный до глубины души и выведенный из себя неверностью афинян и фиванцев в 335 году, как и его отец в 338-м, он устремился на них со всей своей армией. И он готов был простить, если бы ему были выданы всего лишь двое виновных в нарушении клятвы. Александр явно ничего не смыслил в уловках, в ведении тайных переговоров с противниками-персами, в дипломатическом торге и тайной дипломатии, в пересмотре прежних позиций. И до, и после Исса он не отказывался от своих убеждений. Если ты грек, ты не вправе становиться наемником или рабом Ксеркса, Артаксеркса или Дария. Однако ты также не вправе пытаться избавиться от них посредством заговора или отравив царя. В ночь с 30 сентября на 1 октября 331 года при Гавгамелах самые пожилые из окружения царя, и в первую очередь Парменион, посоветовали ему вступить в бой с грозными полчищами Дария ночью, «дабы под покровом тьмы укрыть то, что более всего способно внушить страх в предстоящей битве. Тогда-то Александр и произнес свои знаменитые слова: «Я побед не краду» (*Плутарх* «Александр», 31, 11-12; ср. *Арриан*, III, 10, 2). Ответ, который вкладывает в уста полководца Курций Руф, более развернут: «То, что вы мне предлагаете, — уловки лихих людишек и воров... Я же предпочту раскаиваться в своем везении, чем стыдиться своей победы» (IV, 13, 8-9). Этим объясняется охватившая царя-победителя

ярость как против Бесса, который убил своего царя, так и против Спитамена, который предал Бесса, собственных союзников и греков.

Для Александра война — это та же охота, и между тем и другим существует разница лишь в качестве, а не по сути: человек, также дикий зверь, вступает в поединок, вооружась теми средствами, которые имеются в его распоряжении, и купленная или проданная добыча может заинтересовать настоящего охотника. Хороша она только для мифологического «черного» охотника Меланиона^[21]. Александру часто ставили в вину то, что, в нарушение условий сдачи, он повелел перебить наемников ассакинов из долины Свата в Индии в 327 году: «Это легло пятном на все ведение войны Александром, которое во всех прочих случаях соответствовало принятым правилам и было в полном смысле царским» (*Плутарх «Александр», 59, 7*). Арриан (IV, 27, 3–4), который следует рассказу Птолемея (царь не станет говорить неправду), оправдывает Александра, ссылаясь на вероломство его противников.

В Македонии невозможно быть знатным, то есть достойным командовать и вести людей в бой, лишь потому, что в твоих жилах течет голубая кровь, потому, что ты знатен «по рождению» (таково первоначальное значение греческого слова ἔλευθέριος, имеющего тот же корень, что и слово «свободный», и таково же значение слова ευγενής, «благородный»). Человек делается знатным не потому, что известен (обозначается латинским nobilis, «заметный», «знаменитый»), не потому, что богат или удачлив или просто везуч, не потому даже, что выделился своим мужеством или подвигами. Нет, в соответствии с древней индоевропейской схемой знатность проявляется добродетелью, которая более всего зависит от индивидуальных качеств человека: это щедрость, то есть способность давать, отдаваться и, сверх того,

прощать. Благодаря врожденной и в то же время тщательно культивируемой способности к подражанию Александр становился все более и более щедрым, μεγαλοδωρότατος, как и его отец Филипп, который почитал своим долгом делиться плодами своих завоеваний и приобретений вплоть до того, чтобы расточать их. Античные биографии кишат анекдотами — более или менее достоверными или приглаженными, — которые изображают Александра разбрасывающим благовония или множащим жертвоприношения богам, раздающим права владения и должности товарищам, таланты золота — солдатам, благодеяния — всем без разбора, включая женщин и детей. Это и есть то, что называют еще его φιλάνθρωπία, буквально любовью к человеческим существам, его гуманизмом. Повторим, что речь здесь идет не о врожденной черте его характера, своего рода любезности, φιλοφροσύνη, как пишет подчас Плутарх, но об обязанности человека, призванного править все бóльшим и бóльшим числом людей, о долге, известном по персидским и индусским священным текстам, который находит воплощение в личности Бхаги. В конце концов это имя начало означать как в иранских, так и в славянских языках божество как таковое, Бога. Юный царь *должен* быть щедрым, чтобы завоевать признание тех, кто привел его к власти, чтобы заручиться их преданностью во время войны, чтобы иметь кредит доверия в душах подданных. Дар связывает и служит залогом. С этой точки зрения дар, в сущности, есть лишь обмен добрыми поступками, похожий на потлач у североамериканских индейцев. Явное безразличие Александра к финансовым проблемам, даже к случаям хищений со стороны солдат, вплоть до дела Гарпала, прекрасно уживается с его презрением к расчетам людей науки, политиков и заговорщиков. Щедро давать и распределять. Вот благоприобретенные воззрения, обязанности

государства, которые ставят «величие искусственных учреждений», как говорит Паскаль, выше «природного величия». А помимо того у такой щедрости есть еще одна положительная черта: благодаря ей царь становится благодетелем всего народа, не выделяя при этом его духовных и военных вождей.

Стоит отметить, что после того как Александр стал царем, его никогда не обвиняли в небрежении своими обязанностями, а также в том, что он притворялся, был вероломным или жадным, что он нарушил клятву, не выполнил договор или он не оплатил, причем с лихвой, оказанную услугу. Однако все это не имеет отношения к его таинственной наследственности, к его страстному, нежному и необузданному характеру, которым он был обязан своей матери, а также к честолобию и властности, которые он унаследовал от отца. Своим темпераментом Александр обязан главным образом культурной среде, в которой рос, своему образованию, тем трудностям, которые ему довелось преодолеть, наконец, его собственной манере откликаться вначале на успех, а затем — на неудачу. Кажется, он не строил особых иллюзий относительно своих возможностей. Человек, который знал, что из его ран течет обычная человеческая кровь (*Плутарх «Александр», 28, 3*), царь, которого никогда не оставляло беспокойство, сказал однажды, что «удел царя, благотворя, дурно слыть» (*там же, 41, 1-2; «Изречения...», 32 и т. д.*). Это очень напоминает передаваемые Вольтером слова Людовика XIV: «Когда я даю кому-то должность, я порожаю сотню недовольных и одного неблагодарного».

Личность Александра, его «самость», с ее несовершенствами, страстями и творческой энергией, зависит также и от других факторов, помимо влияния родителей и первых воспитателей. Царь, этот безукоризненный, порядочный и славный властитель, для Александра — лишь образец, или архетип,

выражаясь словами К. Юнга или Мирчи Элиаде. В главе, посвященной фактам, мы уже видели, какое строгое воспитание получил Александр в Миезе и к какой культуре, в одно и то же время общей и поверхностной, приобщили его уроки Аристотеля и других учителей. Неизгладимый след в душе Александра остался даже не столько от содержания уроков, сколько от самого метода преподавания. На протяжении этих трех лет обучения Александр обнаружил примерное внимание и сильную волю. Он привык первенствовать во всем — быть первым среди сверстников, первым среди братьев и соперников, первым среди предводителей восьми македонских племен. Превзойти всех остальных — вот лозунг чемпиона^[22]. Посвящая Александра в вопросы, выходившие за круг интересов соответствующего возраста, его воспитатели не ограничивались тем, чтобы пробудить в нем естественное любопытство или выпестовать скороспелую разумность. Они поощряли его к тому, чтобы идти к самому трудному, поддерживая в нем способность прилагать усилия, оказывать физическое сопротивление, превосходить самого себя. Они поощряли и ободряли его.

Кроме того, именно в этой обстановке труда, учения и игр Александр получил навыки солидарности, товарищества, мужской дружбы. Он сохранил неизменное уважение к своим духовным учителям, не переставая писать им из глубин Азии, посылая подарки, даже вызывая ко двору. Нам известно, что сверстников он сделал своими товарищами и друзьями, доверенными лицами, полководцами и администраторами. Доходило до того, что Александр вызывал к себе друзей и давал им более высокие посты, в то время как сами они от тех постов уклонялись, как Гарпал в 332 году. Практика культовых попоек, обмен поцелуями лишь укрепляли эти связи. Наделенный нежной душой и ощущавший потребность в нежности, с 13 до 15 лет юный Александр

оказался вдали от родителей, от тех, кому можно было излить душу, с кем можно было расслабиться.

Филиппу не терпелось увидеть сына зрелым мужчиной, тем более что он нуждался в таком сыне, который был бы способен ему помогать и заменить его, а также сохранить и, если можно, приумножить с трудом приобретенные владения. Неоднократно раненный в бою, кривой на один глаз и колченогий, старый царь (40 лет считались тогда преклонным возрастом) ощущал угрозу со стороны всех соседей, и это именно тогда, когда он пытался объединить их против общего врага, Персии, которая господствовала над Азией и частью Африки. Филипп должен был внушить Александру желание как можно скорее сделаться царем, то есть взяться за управление страной с населением в полмиллиона человек, защищать ее силой и самому нападать на своих противников. Короче говоря, привить ему вкус к войне. Я убежден, что как Филипп, так и Александр испытывали глубокую симпатию к миру, согласию, взаимопониманию между нациями, — хотя бы даже потому, что так проще было править тем, что уже завоевано. Коринфский союз, краеугольный камень такой политики, должен был установить в Греции мир, подобно тому, как подписанные в Сузах указы и заключенные здесь смешанные браки призваны были четырнадцатью годами спустя укрепить мир в Европе и Азии.

Но что поделать, коли крошечные народцы Греции, цеплявшиеся за свою независимость и собственные территориальные приобретения, имевшие самые разнообразные формы правления, на протяжении веков мечтали лишь о том, чтобы друг с другом сражаться? Что поделать, коли даже те народы, которых македоняне «опекали», — эпироты, иллирийцы, пеоны, фракийцы, разные колонисты с Халкидики и проливов помышляли лишь о том, чтобы вновь обрести

независимость? Что поделать, коли греки в Азии, спартанцы и множество афинян и фиванцев предпочитали «миру по-македонски» «мир Великого царя», то есть экономическую зависимость от азиатского владыки? Никогда не было столь актуальным латинское изречение «*Si vis pacem, para bellum*», «Хочешь мира — готовься к войне». Посвящая сына в дипломатию и стратегию, Филипп предоставлял своему нежному и мятущемуся Александру возможность удовлетворить свою природную, идущую от глубины души «филантропию». «И если, — говорил обыкновенно он, — они меня не полюбят или предадут, они будут безжалостно сокрушены!»

Не думаю, чтобы Филипп мог научить Александра мужеству (отвагу развивали в нем и охота, и атлетические занятия, и соревновательный дух школы в Миезе), но он убедил его, что с тем оружием, которое отец дал ему в руки — сариссы, метательные и осадные машины, тяжелая кавалерия, разборный флот, — ему нечего бояться, и он может быть уверен в том, что сметет с пути все трудности. Филипп дал Александру нечто лучшее, чем советы: вместе с даром дисциплины и командирским чутьем он наделил его изумительным организаторским талантом. После смерти Филиппа Александр сохранил его административную систему и во всех кампаниях, которые ему довелось вести на трех континентах, черпал вдохновение из выработанной отцом организации маршевых колонн, из его стратегии, из его диспозиций и его тактики окружения. Даже политика слияния народов вдохновлялась примером Филиппа.

О воле

До сих пор мы рассуждали об Александре исключительно в детерминистских понятиях, будто ему следовало лишь все унаследовать от окружавшей его среды. Однако Монтень пишет: «Наш ребенок обязан педагогике лишь первыми 15-ю или 16-ю годами своей жизни. Все прочее восходит к действию» («Опыты», 1, 26). Однако само это действие — было ли оно произвольным? Вот, наконец, прозвучало великое слово: «воля». «Главной причиной вторжения Александра в Персию, вне всякого сомнения, явилось то, что ему никогда не приходило в голову этого не делать» (*William W. Tarn. Alexander the Great. 1950. V. I. P. 8*).

Поборники такого утверждения, настаивая на том, что Александр не мог поступить иначе, чем его отец Филипп, отказывают ему во всякой спонтанности, во всякой способности принимать решения. Если принять их точку зрения, то следует думать, что завоевание Азии зависело лишь от строгой необходимости или же от неведомой «самодвижной силы». То есть от последовательности действий, не поддающихся контролю со стороны воли. В таком случае Александра должны были бессознательно подталкивать вперед все его предшественники, а также ненасытная жажда чужого (*pothos*). Говоря словами его учителя Аристотеля, всякий его успех остался бы в потенции, и ни один из них никогда бы не перешел в реальность. Настоящим победителем был бы тогда обычный солдат или кем-то построенная военная машина. Но ведь машину эту следовало запустить, привести в движение, а затем это движение ускорить или замедлить. Даже если, подобно Спинозе, мы будем полагать, что «воля и разум — одно и то же», хотя бы в одно из этих понятий следует верить.

Наша жизнь ценна лишь тем, во что она обошлась нам в смысле личных усилий. Пренебречь этим законом Александр не мог. И хотя он подчас играл своей жизнью, подвергая ее случайному риску, этот хороший игрок в кости, этот неизменный сорвиголова совершил нечто положительное и волевое: на протяжении тринадцати лет над ним висел дамоклов меч командирства — после девятнадцати лет вынужденного подчинения строжайшей дисциплине.

К тому, чего Александр не желал (то есть к Случаю, или Доброй Удаче, Ἀγαθή Τύχη, если выражаться словами Плутарха и античной теории красноречия), следует отнести: наличие у него превосходных полководцев, вроде Пармениона, Калланта и Антипатра, которые направляли первые шаги Александра; обстрелянную и дисциплинированную армию; гибкую и эффективную администрацию; изобретательных инженеров и механиков; возможность на протяжении трех лет сохранять в Малой Азии надежный плацдарм — так что сатрапы, занятые каждый своей епархией, не могли объединить свои усилия; внезапную смерть Мемнона, самого опасного среди противников Александра, последовавшую весной 333 года, когда экспедиционный корпус македонян двигался к Гордию; победу Антипатра над восставшими греками при Мегалополе, покуда Александр преследовал Дария; убийство Дария по приказу Бесса; внезапное и судьбоносное вмешательство товарищей-гетайров Александра на поле битвы при Гранике (май 334 г.) или в крепости малавов (лето 326 г.) в момент, когда Александру грозила гибель; неожиданную смерть Гефестиона; и, наконец, смерть самого Александра, в самом зените славы.

Ни об одном из этих событий невозможно сказать, что завоеватель его предвидел, принимал в связи с ним решение, желал его. Большинство из них сослужили ему отличную службу — при том, что он так никогда и не

узнал, за что удостоился такой по блажки, подобно тому, как и нам не ведомы причины или причинно-следственные связи. Этот клубок неведения и сомнения есть то, что принято стыдливо называть случайностью, счастливой или несчастной судьбой, удачным стечением обстоятельств. Если то, что нам неизвестно о жизни и смерти Александра, намного превосходит все, о чем мы можем догадываться, у нас есть повод отчаиваться из-за невозможности узнать этого человека и его характер. Однако поскольку относительно его приключений и в особенности пятнадцати кампаний, в которых он участвовал, известно, что в их ходе он сознательно проявлял всяческую инициативу, нам необходимо попытаться различить ту волю, тот характер, ту личность, ту «добродетель» (ἀρετή), как ее ни назови, которая определяет человека.

Что за «властное желание» («потос») отправиться за Дунай овладело им в июне 335 года, когда он с 1500 всадников и 4 тысячами пехотинцев переправился ночью на плотах и челноках на другой берег самой длинной и полноводной реки Европы (*Арриан*, I, 3, 5)? Это слово, обозначающее более или менее сильное желание, не предполагает ни определенного состояния души, ни тех качеств, которыми обладал именно Александр. Оно восходит к историкам эпохи Римской империи. Арриан обозначает им одновременно претензию на славу и волю к преодолению. Совершая героический поступок без какой-либо политической или стратегической необходимости, Александр пошел дальше своего отца, и даже дальше того, куда намеревался дойти, вторгшись во Фракию к северу от Гема. Кроме того, овладев крепостью гетов и рассеяв скифскую кавалерию, он преуспел там, где, как передавали, потерпел неудачу Дарий Великий. Однако Александр отважился продвинуться еще дальше, он достиг на севере пределов обитаемого мира, он предвосхитил покорение

других окончательностей мира. И если, по случайности или по зрелом размышлении, к мысли о славе добавлялось стремление к материальной выгоде или политический интерес, главным в глазах нашего завоевателя оставалась все же слава. Прежние его походы и сражения зависели от воли Филиппа, который ревниво претендовал на связанную с ними славу. В 328 году Александр «принялся умять деяния Филиппа и утверждал, что заслуга славной победы при Херонее (десятью годами ранее) принадлежит именно ему, однако отец лишил его славы этого дела по злобе и зависти» (*Курций Руф*, VIII, 1, 23). Итак, в 335 году воля Александра была направлена прежде всего на то, чтобы стать наконец самим собой, действовать от своего собственного имени. Следует отметить, что сопутствовали ему в этом исключительно молодые военачальники одного с ним возраста.

На страницах своей работы, замечательной по ясности, здравому смыслу, а также топографической осведомленности, Н. Хэммонд изложил, какова была тактика Александра в Иллирии после его балканской кампании (*Alexander the Great, King, Commander and Statesman*. 1981. P. 48-57). Рассказ Птолемея, свидетеля тех событий, на который ссылается Хэммонд, подчеркивает стремительность, решительность, маневренность, отвагу юного полководца, который попал в трудное положение. Он выделяет лишь военные качества Александра, несомненно блестящие, однако уже известные, и не уделяет никакого внимания его характеру. Впрочем, проявление стойкости, цепкость в удержании позиций, обманные манёвры, нанесение неожиданных ударов — все это в равной мере выявляет как энергию человека, так и его сообразительность, то есть персональную волю в действии. А кроме того, манёвры вокруг Пелиона и овладение Волчьим перевалом близ реки, вытекающей из озера Преспа,

многим представляются чуть ли не спортивной игрой, построенной на импровизации.

Во время разграбления Фив (октябрь 335 г.) и их разрушения по постановлению совета Коринфского союза Александр обратил на себя внимание в ходе уличных боев — своей кровожадностью, а в ходе окончательного разрешения вопроса о городе — своим великодушием. В самом деле, единственными проявленными по отношению к городу Геракла и Диониса актами милосердия и благочестия мы обязаны именно Александру. Выказанная им воля пощадить сторонников македонян, потомков поэта Пиндара, жрецов и жриц свидетельствует как о политическом чутье Александра, так и о его религиозных опасениях. Перерезав восставших, разрушив их дома, устранив из Союза самое могущественное государство Греции, Александр преподавал всем урок. Сохранив то, что могло быть сохранено из прошлого, он пытался воздействовать на будущее с той мерой разумности, какая только была возможна. После безумного побоища — акт обдуманной щедрости. Здесь больше, чем где-либо еще, сливаются его чувствительность и практичная рассудочность. Да и вообще, если государь и должен брать инициативу на себя, то не для того, чтобы разваливать свою империю, а для того, чтобы ее сохранить и, если возможно, расширить. Как бы то ни было, он нуждается в других.

Быть может, лучше всего Александр обнаружил свой характер в ходе битвы при Гранике в мае 334 года. Он принял все необходимые меры предосторожности — материальные, моральные и духовные. Переправив без каких-либо помех со стороны вражеского флота через Дарданеллы 32 тысячи своих пехотинцев, 5100 кавалеристов и все их сопровождение, Александр соединился с оперативным корпусом, отправленным сюда Филиппом тремя годами ранее. Первым делом он вступил в законное владение азиатскими землями,

вонзив в землю копье в момент высадки, а еще умножил богослужебные обряды в честь богов — своих предков, распорядился нести перед собой служивший ему талисманом щит богини Афины (вплоть до самой Индии он будет таким образом под ее «эгидой»), он переименовал зловещее название месяца Десий в Артемисий и обстоятельно советовался с прорицателями — быть может, для того, чтобы подбодрить войско, страх которого рос день ото дня.

В последнюю неделю мая 334 года небольшое войско преодолело 84 километра, отделявшие Арисбу от равнины Диметока, по которой протекает небольшой прибрежный поток, именовавшийся в античности Граником (ныне Коджабаш). Он подпитывается сточными водами с горы Ида в Троаде (ныне Коджакатран) и впадает в Мраморное море между греческими городами Приап (Карабига) и Кизик (Эрдек). В самом широком месте Граник разливается не больше чем на 25–30 метров, в 4 километрах от устья течение реки перерезают многочисленные песчаные острова. У подножия трех холмов высотой в 60 метров войско перешло реку вброд с запада на восток. Сбоку от этих холмов его поджидала неприятельская пехота, 20 тысяч греческих наемников, состоявших на службе у сатрапов. Между холмами и рекой, нынешнее русло которой протекает приблизительно в 800 метрах к северу от древнего, на расстоянии около 2 километров персы расположили свою кавалерию.

И здесь приходят в столкновение две версии событий. Согласно первой, нелепой и романтической, но предназначенной для того, чтобы пощадить чувства греческих союзников Македонии, Александр разбил лагерь на западном берегу Граника, а на рассвете переправился через него, выстроил армию в боевой порядок и сначала завязал кавалерийское сражение, в котором себя прекрасно показали фессалийцы, а затем в

дело вступила пехота, и опять-таки отличились отряды союзников. И разумеется, Александр первым бросился на персов, и, как в «Илиаде», боги дали ему возможность вступить в поединок (*Диодор*, XVII, 19–21: он следует здесь Клитарху и, вероятно, официальному письму, направленному совету Коринфского союза). Со второй версией знакомит нас *Арриан* (I, 13–16), который явно вторит Птолемею, и такова же в основном версия *Плутарха* («Александр», 16), излагающего события, сколько можно судить, по *Аристобулу*. Итак, Александр с наиболее боеспособной частью своего войска, и в первую очередь без ненадежных греческих пехотинцев, в боевом построении выдвинулся от Арисбы. К концу дня он вышел на равнину Диметока, выстроил фалангу и щитоносцев в центре, а кавалерию на правом и левом флангах под прикрытием лучников и егерей на крайнем правом фланге. Несмотря на мнение, высказанное *Парменионом*, Александр отдал приказ кавалеристам и пехотинцам правого крыла, взаимно поддерживая друг друга, еще до наступления ночи наискось форсировать русло, а сам бросился в атаку во главе царской или гетайров. Под Александром убили коня, удары сыпались на него градом, и наконец, когда положение его стало критическим, на помощь пришел *Клит*. В итоге Александр против всех ожиданий рассеял или уничтожил армию, численностью превосходившую его собственную в два раза. «С македонской стороны в начале атаки были убиты приблизительно 25 гетайров... Прочая кавалерия потеряла более 60 убитых, пехота около 30» (*Арриан*, I, 16, 4).

Таковы те скудные факты, на которых мы должны основывать нашу оценку поведения Александра. Мы далеки от того, чтобы, подобно древним, усматривать в нем героическое безумие, обнаруживая в нем своего рода осознанный риск, а также решимость молодого человека, делающего ставку на своих молодых

товарищей и их длинные копья, — короче, деяние, основанное на личном авторитете. Решение о вступлении в бой исходит из пяти принципов, наличествующих почти во всех других великих сражениях, которые довелось дать Александру: разбить войско на много колонн при личной опоре на македонские, пеонийские и фракийские части; скорее атаковать, чем пребывать в оборонительной позиции (причем дается рекомендация: целить в лицо!); ошеломить противника внезапностью либо направлением атаки; согласовывать действия кавалерии с пехотой; постараться напасть на противника сбоку и охватить его флангами. Я не вижу здесь ничего напоминающего безумие, но вижу лишь то, что на военном языке принято называть лихостью, а на языке спортивном — мастерством. Прибавьте к этому редчайшее качество — упорство или стойкость перед лицом испытаний, и вы получите представление о безоговорочном авторитете молодого полководца, а также о его волевых качествах. «Людьми управляют головой. Ведь сердцем в шахматы не играют» (*Шамфор «Максимы и размышления», VII*).

Мы уже видели причины, главным образом политические, которые привели Александра от Граника к греческим портам сначала на западе, а затем на юге Малой Азии, а далее, после 500 километров марша — к Гордию в ее центре и, наконец, от излучины Галиса — к равнине Исса. Но мы не перечислили поступки, вызванные гневом, с которым Александр был не в состоянии справиться, как на поле битвы при Гранике, когда он повелел перебить вражеских наемников-греков и отправить в рудники всех пленников как предателей эллинского дела, так и у Фаселиды, где он приказал взять под стражу своего соперника, Александра Линкестидского, командира фессалийской конницы, а

также в Аспенде в Памфилии, правители которого нарушили присягу на верность.

Этот гнев, столь внезапный и дикий по своим последствиям, частенько прорывался наружу во время похода, причем происходило это по все более внутренним мотивам, что только усиливало такие вспышки. Штурм Тира, казнь Батиса, которого за пятки проволочили вокруг Газы, суд и казнь Филота и Пармениона, убийство Клита, арест Каллисфена в Бактрии-Зариаспе, предание смерти индийских наемников из Массаги, казни сатрапов и военных комендантов после перехода через пустыню Гедросии... Арриан замечает (IV, 9, 6), что Александр, далекий оттого, чтобы тщеславиться от собственных преступлений и оправдывать свои промахи, «признавал, что ошибался, как это и свойственно всякому человеку», плакал и каялся.

Этот неженка, как и всякий неженка, был не в состоянии владеть собой, когда его добрая воля, воля, направленная на благо, оказывалась проигнорированной, непризнанной и поруганной. Тогда сама собой она превращалась в злую волю и верх брала естественная вспыльчивость ребенка или молодого царя. Смертоносные инстинкты, которые постоянно стимулировали охота и военная подготовка, а также пример великих предков от Ахилла до Филиппа II, брали тогда верх, заглушая голос самоконтроля и самообладания, которые проповедовали Аристотель или Лисимах: «О добродетель, для рода смертных ты достижима лишь ценою величайших трудов!» (Аристотель «Гимн», фрг. 675 Rose).

«Приказывать великое»

После победы при Иссе (ноябрь 333 г.), захвата лагеря Дария и конфискации его казны в Дамаске перед Александром стоял выбор: преследовать побежденного зимой по Месопотамии или упрочить македонскую империю в Малой Азии — от залива Искендерун на юге до Синопа или Амиса на Черном море на севере. Логика, правильная оценка наличных сил и, быть может, в первую очередь самолюбие побудили Александра избрать третье решение, которое было столь же непредвиденным, как и его молниеносные атаки: несмотря на отговоры Пармениона, он двинулся на юг. «Дарий прислал Александру письмо и своих друзей, которые попросили его принять 10 тысяч талантов в качестве выкупа за пленников (в частности, за царицу и детей), а также предложили ему владеть всей землей по сю сторону Евфрата и, женившись на одной из дочерей Дария, быть ему другом и союзником. Когда Александр рассказал об этом товарищам, Парменион сказал: „Будь я Александром, я бы на это пошел“, на что Александр ответил: „И я, клянусь Зевсом, будь я Парменионом“» (Плутарх «Александр», 29, 7-8; «Изречения...», 11). Великодушный ответ, подтвержденный всеми античными историками, и прежде всего Аррианом, который добавляет (II, 25, 3): «Александр ответил Дарию, что не нуждается в его деньгах и не примет части его земель вместо их всех, поскольку ему, Александру, принадлежат и деньги Дария, и вся его земля. А на Дариевой дочке он, мол, женится, если того захочет, причем женится, даже если Дарий не согласится. И еще Александр предложил Дарию, если он рассчитывает встретить радушный прием, к нему явиться».

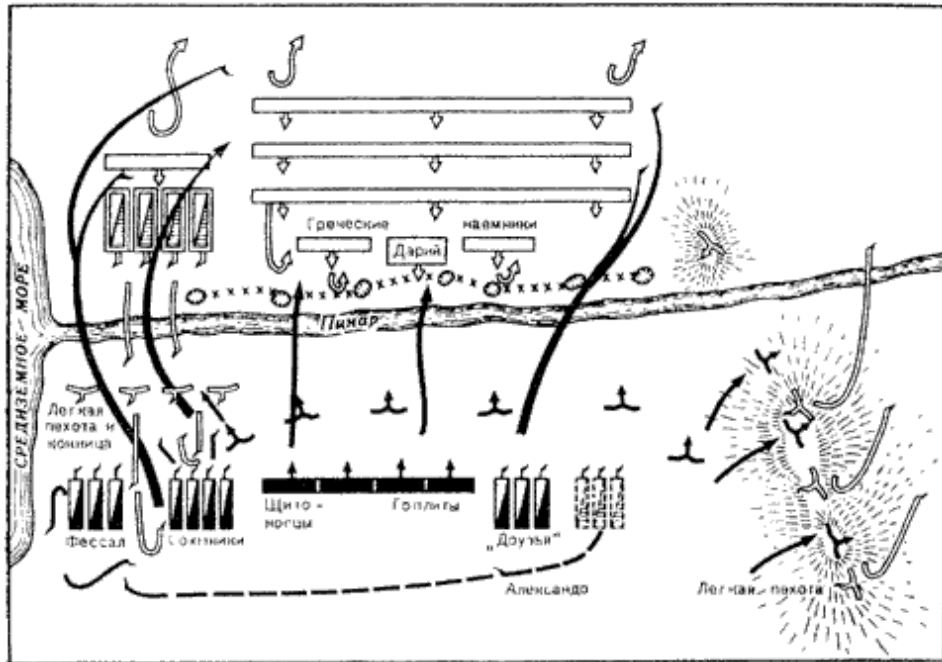

Схема битвы при Иссе.

Можно подумать, мы читаем тот эпизод IX песни «Илиады» (посольство к Ахиллу), в котором Агамемнон, Царь царей, велит предложить раздраженному герою, будоражащему половину его империи, свою дочь и состояние с тем условием, что он откажется от своего решения, и где Ахилл, с неудовольствием выслушав эти предложения, презрительно излагает послам свое бесповоротное решение. В подобных обстоятельствах Александр, который великодушно и даже галантно обошелся с женой и детьми своего врага, пошел дальше Ахилла, своего предка и образцового героя, поскольку, несмотря на препятствия, обеспечил защиту греков. Более твердый в принятом решении по сравнению с Ахиллом, Александр потратил целый год, громя финикийцев, этих соперников греков, и четыре месяца — на то, чтобы основать Александрию, первый греческий город в Египте. Его отвага и стойкость привели к тому, что он одним из первых соскочил с перекидного мостика на стены Тира и с несколькими бедуинами преодолел

250 километров по Сахаре, чтобы приветствовать бога Амона, отца всех фараонов и своего собственного.

Невозможно определить, что здесь следует отнести на счет силы воображения и не был ли весь этот «отживший сон», как выразился бы Бенуа-Мешен^[23], подсказан и даже навязан Александру Олимпиадой, его матерью, либо состоявшими у него на службе прорицателями. Примечательно, что местоположение будущей Александрии явилось ему во сне, под музыкальные звуки нескольких стихов «Одиссеи» (IV, 354–355):

На море многошумливом находится остров,
лежащий
Прямо напротив Египта; зовут его жители Фарос.

Такова версия самих александрийцев, сообщаемая историком Гераклидом Лембом, комментатором Гомера^[24] (*Плутарх* «Александр», 26, 3–5). Арриан (III, 2, 2), чей рассказ в этой связи оставляет впечатление высочайшего трезвомыслия, говорит о вмешательстве прорицателей, «и прежде всего Аристандра Тельмесского, про которого говорили, что он много раз давал Александру верные предсказания». Не следует удивляться тому, что впечатлительный молодой человек верил в сны, пророчества, гадание, предсказания по случайно услышанному слову или по полету птиц. Все его современники, столь же легковверные, как и он, ничего не предпринимали, не заручившись поддержкой судьбы и загробного мира.

Но что всего примечательнее в основании Александрии в Египте, так это мощь воображения, которое взяло под свою опеку основание будущей столицы в период с 20 января по 7 апреля 331 года. «Александрия по соседству с рекой Египет» (таково

настоящее название города) остается вызовом географии и экономике. Незавидным представлялся выбор ее местоположения на пустынном берегу, в окружении опасных рифов. Хорошего гарнизона, помещенного в Пелусии, Канопе, Саисе или Мемфисе, было бы, возможно, достаточно, чтобы держать под контролем страну. На что было избирать самый западный рукав нильской дельты в краю дикарей и потерпевших кораблекрушение, с тянущимися на восток и на запад песками и болотом позади? После того как были сокрушены финикийские города Тир и Газа, у греческой торговли, которая вот уже более двух столетий располагала крупными факториями в Саисе и Навкратисе, не осталось в Дельте конкурентов. С экономической точки зрения размещение громадного города на образованном дюнами и белым мелом языке суши, между морем и Мареотийским озером, было сплошным разорением. Необходимо было связать двурогую скалу Фароса с материком дамбой длиной в 7 стадий (почти 1300 м), выстроить три порта (два на море и один на озере), отвоевать пригодную к обитанию землю у змей, у многочисленных колоний птиц, у комаров, распределить пять разных народов по пяти секторам, разбитым в шахматном порядке, убедить их — если нужно, силой — жить в мире и согласии. Самолично на протяжении более 15 километров указывая архитекторам, где пройдут стены будущей твердыни, и назначив грека Клеомена заведовать финансами и завершить работы, Александр выказал больше веры в творческий разум и энергию людей, нежели в видения прошлого. Но в то же время, бросив этот вызов природе и истории, он желал оставить

след ограниченности и мощи человека.

И воссоздать горы, земли и равнины

В соответствии с иною волей.

«Исполнять великое трудно, но еще труднее великое приказывать» (*Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра», глава «В тишайший час»*).

Чего искал Александр, оставив новый город и отправившись в начале февраля 331 года в оазис Сива, так это средства успокоить свою взволнованную мечтательность, чего-то утешительного. Это — не жажда приключений, не фантазия, не простое любопытство путешественника, но острое и бурное желание обрести подтверждение своего порыва, своей миссии, своих мнений. «Зависела ли его причастность божественной природе от измышлений Олимпиады?» — как писал историограф Александра Каллисфен, которого цитирует Арриан (IV, 10, 2). После стольких трудностей, с которыми пришлось ему столкнуться в Малой Азии, у Тира и Газы, после неокончательной победы над Дарием Александр не знал, на самом ли деле он непобедим, следовало ли ему побеждать дальше или отступить. Даже Ахилл, даже Геракл, его великие предки были в конце концов побеждены. А Филиппа убили в результате нераскрытого заговора.

По выражению Арриана, Александр желал «более точно осведомиться о том, что касается его лично, или по крайней мере утверждать впредь, что что-то узнал на этот счет» (III, 3, 2). Первосвященник обратился к нему, преемнику фараонов, со словами «Сын Амона», что звучит по-гречески как «Сын Зевса», и его допустили войти в святилище, в самую срединную часть второй ограды. Разумеется, никто не ведал того, что было там сказано. Согласно Каллисфену, в ходе тайного ритуала вопрошания прорицатель знаками отвечал на поставленные вопросы. Мог ли вопрошающий тешить себя надеждой, что уверенно толкует двусмысленные

знаки, которые подавал ему старик, к тому же говорящий не на том языке, на каком говорил он сам? Как бы то ни было, несомненным остается то, что Александр выступил из оазиса Сива успокоенным, окруженным сиянием сверхъестественной ауры и дав понять своему историографу и своим товарищам, что он действительно считает себя сыном Амона, оставшись при этом столь же неуверенным, столь же неведающим своей судьбы, как и прежде. Доказательством тому служит его позднее признание, что кровь, которая текла из его раны, не была «ихором»^[25], божественной влагой, но лишь человеческой жидкостью, потеря которой должна была лишить его жизни. Этому набожному человеку, который упрекал Пармениона за то, что он не повинуетя третьему дельфийскому изречению («Поручись за другого — и поплатишься»), несомненно были ведомы и два других: «Ничего слишком» (то есть «Не строй из себя бога») и «Познай самого себя» (то есть «Знай, что ты всего лишь человек»). Некоторые в его окружении до самой смерти Александра потешались над его легковерием и претензиями. Ему пришлось дожидаться победы при Гавгамелах, чтобы официально заявить и заставить заявлять других, что он не просто «потомок Зевса» (Διόθεν γεγονώ? *Плутарх* «Александр», 33, 1), но подлинный Сын Зевса. В Египте его всецело человеческая воля еще не смешивалась с волей бога. Она была способна благоразумно прислушаться к советам товарищей, прорицателей, инженеров. Беспокойный от природы, Александр искал в благочестии средство подкрепить свою решимость.

О соблазнительности и благодати

Чем же объяснить поразительное влияние Александра на товарищей и солдат, и даже на чужеземцев, являвшихся его приветствовать? Вызывал ли он восхищение как юный атлет, способный часами напролет, не обнаруживая усталости, скакать на коне, бежать, шагать, охотиться и сражаться? Вот картина, наблюдаемая в горах Гиндукуша в апреле 329 года, когда войска Александра медленно пробирались по обледенелым снегам: «Царь пешком обходил маршевую колонну, поднимая упавших солдат и подставляя плечо другим, которые едва двигались следом. Увеличивая себе тяготы пути, он оказывался то в голове колонны, то в ее середине, то в хвосте» (*Курций Руф*, VII, 3, 17). А вот он же в знойной пустыне Белуджистана: «Все, что ему удалось, проходя по этому краю, собрать из провианта для двигавшихся вдоль берега морских сил, было им отправлено...» (*Арриан*, VI, 24, 5). «Александр был охвачен необычайными печалью и заботой» (*Диодор*, XVII, 105, 6).

Однако личный пример должен подавать любой полководец, особенно если он молод и полон сил. И в том, что Александр, кавалерийский офицер, бросался в атаку во главе царского эскадрона (ἄγημα), окруженный, впрочем, друзьями и в сопровождении гипасписта с эгидой Афины, богини битв, нет ничего необычного. Впрочем, несмотря на занятия атлетической подготовкой и суровые военные упражнения, Александр никогда не выказывал характера настоящего атлета. Он отказался соревноваться в Олимпийских играх, никогда не принимал участия в играх, которые сам же организовал, не умел плавать, а лишь купался в бане и обильно умащивал себя благовониями. Так что про него

можно сказать, что он был скорее выносливым и стойким, чем подлинным атлетом. Его физическая сопротивляемость не была беспредельной. Он медленно поправлялся после водного удара вблизи Тарса в 333 году, после дизентерии — рядом с Городом Кира в 329 году, после ранения, полученного у малавов в 326 году, и, похоже, еще тяжелее приходил в себя после смерти Гефестиона в ноябре 324 года.

Несомненно, у солдат был острый глаз на более аффективные или чувственные, чем рациональные проявления характера: на неумную горячность и отвагу молодого полководца, на султан его шлема, образованный двумя султанами из белых перьев и пучком конских волос. Обращали они внимание и на его авторитет, присущий человеку, который умеет повелевать, потому что долгое время повиновался, и который способен с лихвой воздать за службу — сурово наказать, но при случае и простить. В пустыне Белуджистана Александр приказал отряду доставить провиант к берегу, однако охрана так изголодалась, что сама стала есть из неприкосновенного запаса. Царь обнаружил способность к пониманию и простил своих солдат.

Вот еще один знаменитый анекдот из множества других, в легендарном варианте место действия в нем помещается в загробный мир. Серьезные же повествователи в качестве места действия определяют пустыни, которые окружают Персиду. «Преследование оказалось долгим и изнурительным, поскольку за одиннадцать дней они проехали верхом 3300 стадиев (650 км), и большинство людей в отряде изнемогли, главным образом из-за отсутствия воды. И здесь им повстречались какие-то македоняне, которые везли на ослах от реки воду в бурдюках. Они увидели, как страдает Александр от жажды (а был уже полдень), и, быстро наполнив шлем водой, поднесли ему. Когда он

спросил у них, кому они везут воду, они ответили: „Своим сыновьям, но если ты останешься жив, мы заведем себе новых, даже если лишимся нынешних“. Услышав такой ответ, Александр взял шлем в руки. Но когда он оглянулся, то увидел, что все стоявшие вокруг него всадники повернули головы к нему и напряженно ждут, что будет дальше. Тогда он отдал шлем обратно, не отпив ни капли, а лишь похвалил тех людей и сказал: „Если я напьюсь один, все эти падут духом“. Видя такое самообладание Александра и его великодушие, всадники вскричали, чтобы он отважно вел их вперед, и принялись нахлестывать коней. Теперь, пока у них будет такой царь, говорили всадники, они не будут ни уставать, ни томиться жаждой, и вообще не будут почитать себя смертными» (*Плутарх «Александр»*, 42, 6–10).

Царь любил своих солдат. Он прекрасно знал, что кровь, жизнь, души этих людей бесценны и что двадцать четыре бронзовые статуи, заказанные скульптору Лисиппу, никогда не смогут заменить полных живости товарищей-гетайров, которые были убиты при Гранике. «Также и о раненых Александр проявил большую заботу, сам лично подошел к каждому, осмотрел раны и расспросил, как кого ранило. Тем самым он каждому дал возможность рассказать о своих деяниях и вволю похвастать» (*Арриан*, I, 16, 5). Вместо награждения или упоминания в приказе по армии он раздавал премии, прощал долги, предоставлял отпуска, как в том случае, когда в течение зимы 334/33 года он отослал в Македонию всех молодоженов, отличившихся в боях, начиная с Граника и до Галикарнаса. Что до родителей и детей тех, кто погиб в первом его большом сражении, то Александр освободил их от земельной и подушной подати, а также от налогов на наследство.

Требования религии обязывали Александра с почестями хоронить павших. К своему благочестию

Александр прибавил еще и утонченность, распорядившись хоронить также и убитых греков, находившихся на службе врагу, и даже персидских военачальников. Свое благородство Александр довел до того, что не тронул женщин из окружения Дария и отдал распоряжение, чтобы они сохранили все те привилегии, которыми пользовались при Дарии. «И все же, говорят, — добавляет Плутарх («Александр», 21, 6), — жена Дария превосходила красою всех прочих цариц...» «Увидев прочих пленниц, выдающихся своей красотой и статью, Александр шутливо сказал, что персиянки — настоящая мука для глаз» (там же, 21, 10). Тот же Плутарх, который превозносит редкостные сдержанность и умеренность Александра, цитирует одно из его писем Пармениону: «Меня не уличили бы даже в том, что я взглянул на жену Дария или желал ее увидеть. Более того, я не допускал даже того, чтобы ее красоту превозносили на словах» («Александр», 22, 5). Вполне уместно полагать, что вояка, с десяти лет знавший только воинское товарищество, не был особенно увлечен Барсиной, сожительницей Ментора, которую старый Парменион предложил ему в любовницы в конце 333 года. Пятью годами позже она родила Александру сына, названного Гераклом, но никто и слышать не хотел о том, чтобы он стал царем. Кассандр распорядился убить мальчика, когда ему было 14 лет, и никто не пожелал этому препятствовать.

Женщины так мало влекли к себе Завоевателя, что пришлось дожидаться зимы 328/27 года, чтобы он заинтересовался Роксаной («Раокшна» значит по-персидски «свет»), дочерью благородного перса Оксиарта, которую 300 гвардейцев захватили в плен с другими знатными женщинами, взяв штурмом Аварану, «Согдийскую Скалу» близ Байсунтау в 20 километрах к востоку от Дербента в Узбекистане (*Арриан*, IV, 18, 4-19, 4; *Курций Руф*, VII, 11; *Страбон*, XI, 11, 4; *Полиэн*, IV, 3,

29). Александр торжественно женился на ней в Бактрах, прежде чем отправиться в Индию. Этим он желал привлечь на свою сторону местную знать и поощрить брачные союзы между западными военачальниками и восточными женщинами. Однако Роксане пришлось дожидаться смерти Гефестиона, сердечного дружка Александра, прежде чем в декабре 324 года она понесла и уже после смерти Александра родила сына. Бездетными остались браки Александра с Парисатидой, дочерью Артаксеркса III, и с еще одной Барсиной, которую называли также Статирой, старшей дочерью Дария III, заключенные в марте 324 года в Сузах, в ходе большого пира, устроенного с целью установить мир и согласие между народами.

Что до знаменитого эпизода встречи Александра с царицей амазонок Талестридой, то серьезные историки, которых цитирует Плутарх («Александр», 46), считают его от начала до конца вымышленным. Вероятно, он основывается на предложении, которое сделало Александру скифское посольство, явившееся в Самарканд от берегов Каспийского моря в 328 году: вождь кочевого племени был готов отдать свою дочь в жены Царю царей. Одновременно Фарасман, вождь хорасмиев с берегов Аральского моря, предложил Александру совершить вместе с ним поход на скифов и амазонок (*Арриан*, IV, 15, 1-6; *Курций Руф*, VIII, 1, 7-9). Четырьмя годами позже, в ноябре 324 года сатрап Мидии Атропат подарит Александру 100 женщин, про которых говорили, что они входили в соединения амазонок (*Арриан*, VII, 13, 2). «Защитник страны» («кшатрапаван»), он должен был бороться со скифами, жившими по берегам Каспийского моря, с «племенами» и «народцами», этими «ха машьяй», которых греки и называли амазонками⁵⁰. Все эти предложения Александр отверг. Он настрадался от властолюбия своей матери и не желал попасть под каблук женщины-

воительницы, подобно Ахиллу, потеряв голову от какой-нибудь Пентесилеи. Если Александр и соблазнял, то делал это ни как Дон Жуан, ни как Фауст.

То, что Александр был бисексуален, как его отец Филипп и все товарищи и штабные офицеры Филиппа, как значительное число греческих философов и художников в IV веке до н. э., — в силу своего вкуса, моды или же склонности, — так же трудно оспаривать, как и утверждать. Тот же самый мужчина, который с отвращением отверг предложения одного сводника, бравшегося продать ему самых красивых мальчиков в мире (*Плутарх «Александр»*, 22, 1-2), предпочитал, как было принято считать, евнухов из гарема Дария его 365 женам (*Курций Руф*, VI, 6, 8 и X, 1, 42), а вечером на пиру целовал при всех в губы евнуха Багоя, старинного любимца Дария (*Плутарх «Александр»*; *Афиней*, 603a-b, оба на основании Дикеарха). Разумеется, всему этому не следует придавать большого значения: все это рассказы македонян, раздраженных восточной политикой своего монарха; вне всякого сомнения рассказы эти были еще умножены греческими и римскими моралистами во времена Нерона.

Однако случай с Гефестионом, сыном Аминта из Пеллы, заставляет задуматься. Курций Руф пишет: «Выросший вместе с царем, он был любезен ему гораздо больше всех прочих друзей и поверен во все его тайны. Он располагал также гораздо большей вольностью в замечаниях царю, однако пользовался ею так, что она выглядела в большей степени дозволенной самим царем, чем присвоенной Гефестионом. И хотя он был одного возраста с царем, но превосходил его статью» (III, 12, 15-16). Это подтверждает не только Плутарх («Александр», 47, 9-12), но и скульптурные изображения Александра и Гефестиона из музеев Афин и Салоник. Гефестион настолько походил на царя платьем и даже обликом, что мать Дария приняла его за Александра.

Нисколько этим не уязвленный, тот воскликнул: «Он — тоже Александр!» Гефестион был одним из тех, кто подверг пыткам, а затем казнил Филота, которого царь подозревал и опасался так же, как и сам Гефестион. По возвращении в Сузы, где Александр попросил его для видимости жениться на Дрипетиде, одной из дочерей Дария, Гефестион получил все мыслимые титулы: гиппарха, то есть главнокомандующего кавалерией гетайров, хилиарха или тысяцкого при персидском дворе, то есть Великого Везира, первого после царя должностного лица «с распространением полномочий на всю империю», и, наконец, доверенного лица, свояка и заместителя царя. Кончилось дело тем, что Гефестион вообразил себя сотрапезником неизвестно уж какого из богов — Геракла, брата Диониса (или наоборот?). Скульптурные изображения дают основания думать, что в этой паре он играл роль мужчины. 10 ноября 324 года, после семи дней почти непрерывающихся вакхических празднеств в Экбатанах Гефестион, весь в жару, принялся есть за четверых и попытался залпом опустошить чашу Геракла (более двух литров несмешанного вина), после чего упал, словно громом пораженный. Свидетели всех этих событий едины: рыдающего и пытающегося покончить с собой Александра едва удалось оторвать от трупа. «Он всегда полагал и говорил вслух, что если Кратер любил своего царя, то Гефестион любил Александра» (*Плутарх «Александр», 47, 10*).

Преданность солдат Александру отчасти объяснялась его успехами. Даже если в первые годы своего правления он и извлекал для себя пользу из планов, разработанных штабом Филиппа, а затем, вплоть до взятия Газы в ноябре 332 года, использовал сокрушительную военную машину, образованную кавалерией гетайров, фалангой и македонским инженерным корпусом, как полководец Александр был

непогрешим и долгое время таковым оставался. Даже если приписывать его победы, пускай неокончательные и бесполезные, непредсказуемости решений, удачному подбору вспомогательных средств, личной доблести и покровительству богов, нельзя не сказать, что собственная уверенность Александра передавалась его воинам. Один успех следовал за другим, и вот мы видим, как за несколько месяцев благоприятного времени года Александр привел свои хорошо вооруженные войска в соприкосновение с гетами и кельтами современной Румынии, выбрался из иллирийского осинового гнезда, с помощью своих метательных машин взял семивратную фиванскую твердыню и навязал македонский мир городам континентальной Греции.

После битвы при Иссе в ноябре 333 года Александр полагал, да что там — был совершенно уверен — в собственной непобедимости. Тон его ответов, направленных Дарию из Марафы и Тира, ожесточение, с которым он принялся штурмовать этот последний считавшийся неприступным город, отовсюду окруженный морем, самопроизвольный переход на сторону Александра всего семитского мира и египетского жречества — все это свидетельствует о непоколебимой вере в его звезду. Да и само очарование или, если угодно, соблазн, окружавший Александра, был соткан из довольно банальных, если брать их сами по себе, качеств — юности, красоты, ума, горячности, стойкости, — короче, темперамента, а также из того сияния славы, которое сопровождало его, усиливаясь год от года. Для солдат же это было соединение личных качеств с божественной благодатью.

От опьянения физического к опьянению нравственному

Египетская экспедиция, закладка Александрии, превратившая Александра в «героя-основателя», и визит в святилище в Сиве, сделавший его сыном бога Амона, утроили его силы, придав ему уверенности. Теперь он был не только гарантом и распорядителем ритуалов в Македонии и в своей армии, перед которой он каждое утро совершал жертвоприношения, он был не только защитником религиозных культов эллинистического мира. Ныне Александр спрашивал себя о том, какие труды, какие испытания, какие подвиги и завоевания приберегло для него божественное родство, или, иначе говоря, станет ли он новым Ахиллом или новым Персеем, новым Гераклом или новым Дионисом, чтобы заслужить (и интересно, в каком возрасте?) апофеоз. Предания навевают желания.

Александр особенно не давал покоя последний бог. Он тоже был «сыном Зевса», Di-wo-nu-so(s), как указывает его дошедшее от микенской эпохи имя. Однако в Македонии в IV веке у Диониса было два культа: один — военный, который сопровождался официальными играми (как устроенные в Тире в мае 331 г.), другой имел оргиастический характер и практиковался, судя по всему, в узких кругах аристократии и вне государственной религии, в частности Олимпиадой, царицей-матерью, и ее окружением вакханок. В одном из ее писем, которое цитирует Афинея (XIV, 659–660), Олимпиада предлагает сыну сведущего в священнодействиях раба Пелигна, чтобы тот помог ему в отправлении религиозных обязанностей, поскольку этот μάγειρος (повар) был знаком как со священнодействиями, практиковавшимися

предками Александра по мужской линии (обрядами Аргеадов и вакхическими ритуалами — пиры и пляски), так и со священнодействиями, которые практиковала Олимпиада (обряды Эакидов и оргиастические ритуалы Диониса). Преувеличенный, экстравагантный, экстатический и буйный характер этих восторгов подтверждается вазописью, сочиненной в Македонии трагедией Еврипида «Вакханки» и особенно тем отрывком из принадлежащего Плутарху жизнеописания Александра, где дается характеристика царицы-матери («Александр», 2, 7-8).

Было ли то отторжение всего исходящего от матери, или же традиционные для солдат культы не имели ничего общего с исступлением этих дам, однако Александру, прежде чем он повстречался с мифом о Дионисе в индийской Нисе в 327 году, довелось трижды болезненно столкнуться с этим требовательным богом. Первый раз это произошло в 335 году, когда он повелел разрушить Фивы, где зародился культ Диониса в Греции. Второй раз — 25 апреля 330 года, когда, сопровождаемый куртизанкой, Александр бросил богу вызов во главе пьяной процессии, которая подожгла дворец в Персеполе. Наконец, в третий раз это случилось в ноябре 328 года, в Самарканде, когда Александр пренебрег традиционным жертвоприношением Дионису, чтобы совершить богослужение Диоскурам (*Арриан*, IV, 8, 1-2). Во всех трех случаях Александру было в чем горько раскаиваться, и он во всеуслышание выразил сожаление в связи с тем, что произошло. Так, мы знаем, что за жертвоприношением Диоскурам последовала попойка, в ходе которой разъяренный Александр пронзил ударом копья друга своего детства и кормилицына брата Клита Черного. «Предсказатели же в один голос внушали ему, что это устроил Дионис, разгневанный тем, что Александр упустил совершить ему приношение»

(*Арриан*, IV, 9, 5). В каждом из перечисленных помрачений этот обычно столь проницательный и даже логичный в своих решениях государь внезапно осознавал иррациональный элемент, который в него вторгался, им овладевал и побуждал к действию. И в то же время Александр ощущал себя — и говорил об этом открыто — виновным в ошибке, пятнавшей его личную славу, которую он ценил выше всего на свете.

Александр не будет знать покоя, пока не сделает больше, не пойдет дальше, чем герой, от которого он происходит, — больше и дальше, чем сын Зевса, чьи подвиги наполняют весь восточный мир. Начиная с конца V в. до н. э. эпическому поэту Антимаху Колофонскому автору «Фиваиды» в 24 песнях, было известно, что Дионис, покарав нечестивцев, напавших на него вблизи Нисы, возвратился из Индии в Фивы, сидя на слоне⁵¹. Итак, после вступления в Индию македоняне полагали, что откроют — как в топографических названиях, так и в религиозной практике индусов — следы древнего пребывания здесь Диониса. Мы уже видели, как, под влиянием своего окружения, Александр устроил дионисийский пир под открытым небом в 327 году близ крепости Ниса в Кафиристане, где бог должен был появиться на свет. Позднейшая традиция назовет это вакханалией в Нисе, как назовет вакханалией в Кармании отправившуюся из Сальмунта в феврале 324 года праздничную процессию, в которой мы видим пьяного Александра на повозке, которую тащат ослы, между тем как его военачальники чествуют бога вина.

Возведя самолично на берегу Бианта двенадцать громадных алтарей богам, которые привели его к восточным границам мира, Александр желал поддержать то утверждение, что зашел дальше Геракла, но также выказать подражание Дионису (*Страбон*, III, 5, 5). Этот бог, как передавали, возвел за Яксартом (Сырдарьей) колонну, или столбы,

аналогичные знаменитым Геракловым столбам на Гибралтаре (*Плиний Старший* «Естествознание», VI, 16–49; *Курций Руф*, VII, 9, 15; «Эпитома деяний Александра», 12). И тем не менее беспокойство и чувство вины в отношении фиванского бога не переставали преследовать завоевателя: «Трусость, проявленную в отношении него македонянами (которые не пожелали следовать за ним дальше в Индию), которая сделала как бы незавершенным его поход и лишила его славы, Александр приписывал гневу и мщению Диониса» (*Плутарх* «Александр», 13, 4). То же касается и катастрофического отступления по Гедросии. За несколько дней до смерти Александра некий человек по имени Дионис уселся на царский трон: то было зловещее предзнаменование, которое усилило беспокойство Александра (*там же*, 73–74).

На мой взгляд, если даже Александр сознательно подражал Дионису, то не для того, чтобы прикидываться богом или сделаться вторым Дионисом, как о том заявляли александрийцы, а чтобы примириться с этим богом вина. Следует вспомнить, что подобно тому, как Гефестион скончался в ноябре 324 года из-за того, что пожелал единым духом осушить чашу Геракла, также и Александр несомненно приблизил свой конец беспрестанными попойками, и что на последней из них, устроенной в честь Диониса у Медия из Лариссы, у Александра «начался сильный жар, вызвавший жажду, и тогда он выпил вина, после чего впал в беспамятство» (*Аристобул*, цитируемый *Плутархом* «Александр», 75, 6).

Все античные историки сообщают, что начиная с января 324 года Александр все больше предавался пьянству. Опыание нравственное, хмель, навеянный успехами, наступил еще раньше. Можно допустить, вместе с античными свидетельствами, что победа при Гавгамелах (1 октября 331 г.) в значительной мере изменила отношения, существовавшие между войском и

молодым царем: став повелителем Азии, а вскоре — и дворца Дария, Александр перенял, хотя бы для того, чтобы править, нравы и пышность своей новой империи. В декабре 331 года, после 34 дней «расслабляющих игрищ» в Вавилоне, а проще говоря, оргий с непременно разведением хозяек дома (*Курций Руф*, V, 1, 38), среди греко-македонских военачальников началось разложение. Военная дисциплина ослабла. Ощувив опасность, царь вывел свои войска в открытое поле в направлении Суз, заставил их стать временным лагерем, упражняться, делать перестроения. Однако штаб царя, возглавляемый им самим, радостно справлял свои победы в трех дворцах, куда за золото можно было доставить все, что душе угодно. Именно после одной такой достопамятной попойки, где персидское вино (не из Шираза ли?) усугубило действие, которое уже произвели вина из Египта, Македонии и с островов, как факел, вспыхнул дворец в Персеполе.

После того как Дария не стало, Александр все более напоминал азиатского властителя, бредящего мировым господством. Перемена стала очевидной начиная с августа 330 года. Если на поле битвы и в штурмовых колоннах царь продолжал носить македонское платье, то в условиях лагеря, в городе, на парадной колеснице его стало не узнать. Он измыслил себе облачение, которое, как полагал он сам, способно было привлечь к нему сердца восточных подданных, однако вызывало смех и негодование греков и македонян: вокруг красной шляпы с широкими полями, καυρία, он обвязывал синий с белыми полосами тюрбан, который называется по-персидски «кидарис», а по-гречески — διάδημα. Он наряжается в пурпурный хитон, который спереди украшала белая лента: «Великолепие украшенного золотом плаща еще увеличивали изображенные как бы сталкивающимися клювами золотые ястребы, а на подпоясанном по-женски золотом кушаке висел акинак,

ножны которого были сделаны из цельного самоцвета» (*Курций Руф*, III, 3, 17; ср. *Диодор*, XVII, 77, 5). Плутарх («Александр», 45, 3–4) добавляет: «Вначале он носил этот костюм, встречаясь с варварами и товарищами у себя дома, затем выезжал в таком виде и занимался делами и перед многими людьми. Зрелище это было прискорбно для македонян, которые, однако, восхищались его доблестью (ἀρετή)».

Все это было рассчитано на внешний эффект: пышность, роскошь, показной шик. Однако, сбросив маску умеренности и зависимости, Александр дал выйти наружу необычайной жажде господства, гордыне или самовлюбленности, о которых заставили было позабыть воспитание и жизненные испытания. Курций Руф отмечает: «Полагая отчие нравы и здравый в своей умеренности образ жизни македонских царей, а также гражданское облачение как бы недостойными своего величия, он устремился к вершине, на которую поднялись персидские цари, сравнивавшиеся по могуществу с богами. Александр желал увидеть победителей стольких народов простертыми на земле и боготворящими его, он задумал постепенно оплести их сетью исполнения рабских услуг и сравнять по положению с пленниками» (VI, 6, 1–3). Отсюда и возникло то, что принято называть «делом проскинесы», или «простираения ниц».

Вначале, чтобы установить между македонянами и азиатами равенство, Александр попытался, не афишируя, распространить на своих знатных посетителей некоторого рода всеобщее приветствие, напоминавшее благоговейное обращение к богам: надо было всего лишь слегка наклониться вперед, поднеся правую руку ко рту, а когда бы это вошло в привычку, можно было подумать о том, чтобы наклоняться ниже, уже на восточный манер. Но греки и македоняне имели на этот счет иное мнение. «Простираение», то есть

касание земли рукой или лбом, — было для них жестом почитания, которым они удостаивали исключительно богов и их идолов. Люди с Запада считали себя свободными, солдаты приветствовали друг друга на военный манер. По совету двух придворных, литератора с Сицилии Клеона и философа Алаксарха, в конце 328 года главнейшие товарищи царя и варвары-аристократы были созваны на торжественный пир. В отсутствие Александра следовало попытаться убедить всех оказывать царю-победителю те же почести, что Гераклу или Дионису. Племянник Аристотеля Каллисфен, быть может, раззадоренный письмом учителя «Об управлении государством», доказал, что ничто не может удостоить смертного таких почестей, какие уготованы олимпийцам. В ходе другого пира, устроенного в начале 327 года, сотрапезников пригласили «простираться» перед алтарем очага, после чего выпить священного вина и поцеловать царя. И вновь Каллисфен отказался от такого компромиссного решения, между тем как один из товарищей царя Леоннат отпускал насмешки над позой приглашенных персов: подбородок в землю, задница кверху. Той же зимой назначенный сатрапом Согдианы Клит врезал правду-матку пьяному царю — и поплатился за это жизнью. Затеяли заговор пажи из царской гвардии: их предали пыткам и побили камнями. Был взят под стражу и брошен в темницу Каллисфен, и Александр мог написать Антипатру, регенту Македонии, что после казни молодых людей правильно наказать и Каллисфена, их негодного советника, «как и тех, кто его прислал и кто в своих городах привечает злоумышляющих против меня» (*Плутарх* «Александр», 55, 7). Три пира, на которых вино и кровь лились рекой.

Если чрезвычайно густое персидское вино пить неразбавленным, оно опьяняет куда быстрее, чем разбавленное вино с греческого архипелага. Создавая ощущение вечной юности, оно лишает людей разума,

особенно если туда примешаны дурманящие ароматы, привезенные из Индии, Белуджистана и Аравии: кора коричневого лавра, бензой, мирра, имбирь... «Хотя в общении Александр был любезнее, чем любой другой царь, и у него не было недостатка в очаровании, он делался тогда (на пирах) невыносимым по причине своего бахвальства и чрезмерного солдафонства. Сам увлекаясь собственной похвальбой, он становился легкой добычей всех льстецов, что немало раздражало более приличных людей» (*Плутарх «Александр», 23, 7*). В ходе такой затянувшейся попойки нашел свою смерть Клит — за то, что продекламировал отрывок из «Андромахи» Еврипида, завершавшийся словами: «Градские власти важничают, полагая себя выше народа, а сами ничего не стоят» (699–700).

Год спустя в долине Свата Александру рассказали, что индийский Геракл, бог войны Индра, не смог овладеть «авараной», или укрепленной горой Пир Сар, между тем как македонский завоеватель в мгновение ока заставил ее сдаться. После овладения Паталой он вышел в океан, который окружал весь мир, чего никогда не доводилось совершить греческим богам. Он пересек 700 километров пустынь, в которых азиатские владыки погубили свои армии. А последние его враги в Европе прекратили сопротивление.

По мере того как воображение разогревалось пиршественными возлияниями, придворные, философы, поэты понемногу внушали Александру мысль, что он и в самом деле совершил и совершит больше, чем Диоскуры, Геракл и Дионис — все эти четыре сына Зевса. В промежутке с 327 по 324 год «Сын Амона» вопрошал себя, не является ли он и в самом деле богом или вновь воплотившимся героем. Вот почему появился разосланный по греческим городам циркуляр, в котором канцелярия царя потребовала, чтобы Александру были возведены алтари «как непобедимому богу». «Эго»

«самодержца» (αυτοκράτωρ) оказалось столь велико, что он сделался «вседержителем» (παντοκράτωρ). Этим объясняются и последние проекты Александра, по крайней мере те, о которых можно судить по его приготовлениям в Вавилоне. Он намеревался ни много ни мало завоевать на обратном пути в Египет Аравию и покорить Западное Средиземноморье. Это и было воплощением его безумной мечты о мировом господстве.

Мера и чрезмерность

Если царь, опьяненный успехом, властью и вином, резко переменил свои нравы и поведение в последние шесть лет жизни, то можно ли сказать, что переменился и его характер? По здравом рассмотрении я так не думаю. Я нахожу одни и те же определяющие черты с начала и до конца его сознательной деятельности: горячность и владение собой, кровожадность и ласковость, честолюбие и щедрость, религиозность и трезвость, но в то же время, если погрузиться на большую душевную глубину, — беспокойство, самовлюбленность, любовь к порядку и миру, потребность в друзьях, в мужском начале. Смерть Гефестиона приблизила конец Александра не менее, чем вино. Александр умер после блужданий по вавилонским болотам, в трех тысячах километров от края, по которому, как и все греки, он испытывал ностальгию. Он умер едва ли не в одиночестве, распростившись со своими самыми дорогими товарищами, а то и разделившись с ними лично, вдали от матери, с которой больше не находил взаимопонимания, подозревая семью регента Македонии и часть войск в неповиновении, даже в сговоре против него.

Наиболее правдоподобная мысль, которая может быть высказана насчет мнимых перемен в характере Александра, состоит в том, что скрытые на протяжении долгого времени черты его характера обнаруживались по мере того, как неудачи и утомление делали его самим собой. Проявленная им в ранней юности и в момент восшествия на престол склонность к насилию внезапно вновь заявила о себе в предполагаемом заговоре Филота и Пармениона. Поначалу полный снисходительности к тем, кто его критиковал, в конце,

«слыша дурные о себе отзывы, он утрачивал разумность, становился жестоким и неумолимым, поскольку любил славу больше жизни и царства» (*Плутарх* «Александр», 42, 4). Ко всякому принуждению Александр стал относиться так же отрицательно, как к любым помехам и препятствиям, и теперь, особенно после того, как начали умножаться дурные предсказания, он выглядел все более неестественным, недоверчивым, суеверным. Стоит ли приписывать все эти факты ужесточению его характера или просто счесть их проявлением его подлинной самости? Надо ли выносить об этом окончательное решение? Этот царь, этот воин, этот «пастырь народов» соединил в себе то, что не мог привести к согласию ни один из его братьев, хотя все они воспитывались точно так же, как и он: душу варвара и рассудок грека.

Здесь можно выявить оттенки и сделать уточнения. Художественные пристрастия, портреты, то, как умер Александр, — все это, на свой манер, проливает свет на его личность. Если угодно, это три зеркала, которые, при соединении образов, придают новую глубину таинственному лику Завоевателя. Следует признать, что в области искусства вкус Александра не соответствует ни нашему, ни тому, который был присущ афинянам в классическом IV веке до н. э. «От природы он любил словесность и учение, и любил также читать. Считая „Илиаду“ напутствием к военной доблести и отзываясь о ней именно в таком смысле, он взял с собой исправленный Аристотелем экземпляр поэмы, который прозвали „Илиадой из шкатулки“, и она всегда лежала у него под подушкой вместе с кинжалом, как повествует Онесикрит (первый кормчий флота Александра). Поскольку высоко в горах книг было мало, он велел Гарпалу прислать их ему, и тот прислал сочинения Филиста (историк Сицилии) и многие трагедии Еврипида (в частности, „Вакханок“), Софокла и Эсхила, а также

дифирамбы Телеста (из Селинунта, конец V в. до н. э.) и Филоксена (с Киферы, начало IV в. до н. э.)» (*Плутарх* «Александр», 8, 2-3). Можно констатировать: Александр предпочитал военные, драматические и хоровые сочинения, причем выраженные в музыке и созданные задолго до него. И ждал он от них, судя по всему, не эстетического заряда и не трепета при соприкосновении с прекрасным, а советов в области политики, морали и, вероятно, религии.

Александра окружали лишь поэты средней руки, а от людей науки, которых взял с собой в поход — врачей, естествоиспытателей, философов, публицистов, — он требовал, чтобы они в первую очередь служили интересам его политики. Всем известны конец и смерть Каллисфена. Царь любил театр и шел на большие расходы, чтобы лучшие актеры приехали из Афин или Македонии в Тир, Мемфис, Персию и Вавилон. Согласно Афиней (XIII, 595 и сл.), по случаю браков, которые заключили он сам и главные его товарищи, Александр велел поставить в Сузах или скорее в Экбатанах в 324 году небольшую политико-сатирическую драму под названием «Аген», в которой высмеивался любовник афинских гетер Гарпал, предавший своего царя сатрап (ср. там же, XII, 537d и сл.). Пьеса эта была в первую очередь политической, и дошедшие до нас фрагменты не создают благоприятного впечатления о чувстве юмора ее авторов.

Зато художественные пристрастия Александра в полной мере раскрылись в архитектуре: он всегда предпочитал все колоссальное, громадное, чрезмерное. Будь то план его Александрий, одной из которых, той, что «возле реки Египет», довелось стать самым большим городом Средиземноморья вплоть до начала христианской эры; сооружение гробниц членов семьи или друзей; возведение алтарей двенадцати богов на берегу Биаса в Индии, недалеко от ложного лагеря, по

которому были разбросаны огромные кормушки и удила, — всюду архитекторы Динократ и Стасикрат делали по его заказу нечто огромное, величественное, дерзкое и исполненное роскоши. Стасикрат предложил превратить гору Афон в статую Александра, «держущую в левой руке город в 10 тысяч жителей, а из правой выпускающую реку, которая водопадом стекала бы в море» (*Плутарх* «Александр», 72, 6; «Об удаче или доблести...», II, 335с-е). Кажется, Александр отверг это предложение, однако в его бумагах нашли еще более фантастические и дорогостоящие проекты.

Гигантский курган высотой в 14 метров и 120 метров в поперечнике, где в месте, называемом Палатица, вблизи от Эг (ныне Вергина в Македонии), среди роскошной мебели покоился прах Филиппа II и одной из его дочерей, не идет ни в какое сравнение с тем колоссальным катафалком, который Александр возвел для своего дражайшего Гефестиона в Вавилоне в начале 323 года. Здесь придется дать пространную цитату из Диодора (XVII, 115, 1-5), который описывает его, вероятно, на основании использованных Клитархом документов канцелярии. Уже с самого начала чтения он кажется выполненным в стилях барокко и «нувориш»: «Собрав архитекторов и множество мастеров-ремесленников, Александр снес стену на участке длиной 10 стадиев (ок. 1800 м), выбрал обожженный кирпич и приготовил ровное место для погребального костра. Затем был возведен сам этот четырехсторонний памятник, каждая сторона которого имела в длину одну стадию (177,6 м). Весь участок был разделен на 30 отсеков^[26], крыша его была покрыта стволами пальм, так что все сооружение стало прямоугольным. После этого с внешней стороны были установлены самые разнообразные украшения. Цоколь заполняли золотые носы пентер числом 240, а на их боковых выступах стояли по две статуи лучников, опирающихся на колени,

высотой в 4 локтя (1,80 м), и по статуе воина в полном вооружении в 5 локтей высотой (2,25 м). Промежутки были заполнены пурпурного цвета войлочными коврами. На следующем уровне располагались факелы высотой в 15 локтей (6,75 м). Их рукоятки были украшены золотыми венками, там, где вырывается пламя, помещались орлы с распростертыми крыльями и опущенной головой, а возле оснований — змеи, устремившие взгляд на орлов. По третьему периметру были пущены сцены охоты на разнообразных животных, на четвертом располагались изготовленные из золота сцены кентавромахии, на пятом, чередуясь, — золотые львы и быки. Самый же верх заполняли македонские и варварские доспехи: первые символизировали доблесть, вторые — поражения. Поверх всего перечисленного были установлены полые внутри сирены, в которых могли незаметно спрятаться люди, распевавшие надгробный плач по усопшему. Высота всего этого сооружения составляла более 130 локтей (больше 58 м)... Говорят, всего было израсходовано 12 тысяч талантов». Юстин, Плутарх и Арриан оценивают расходы в 10 тысяч. И тем не менее две вещи — излишество и роскошь — как нельзя лучше характеризуют данный вид искусства, которым, однако, вдохновлялись эллинистические государи и авторы катафалка самого Александра. Мимоходом можно отметить, насколько этот семиэтажный погребальный костер напоминал как передвижные башни армейских инженеров, так и вавилонские зиккураты: синтез экзотики и военной техники.

Портреты Александра

Греки начали заниматься физиогномикой по крайней мере с того времени, когда Гомер в конце VIII века до н. э. сочинял свои «Илиаду» и «Одиссею»: внешний вид героев, их поведение и даже имя служили объяснением характера. Достаточно перечитать портрет Одиссея, который набрасывают Елена с Антенором, разглядывая его с троянских стен: приземистый, ворчун с опущенным взглядом, скрывающий под деревенским видом непомерные сообразительность, расчетливость и красноречие («Илиада», III, 200–224). Мы делаем то же самое, когда говорим об упрямом лбе, волевом подбородке, чувственных губах, красноречивых жестах.

Искусство узнавать людей по физиономии было теоретически обосновано Аристотелем и его школой. В конце «Первой аналитики» объясняется, что внешность есть знак, σημεῖον, внутреннего, подобно тому, как форма есть знак материи, а видимость — сущности. Греки, охотники до театральных зрелищ, не преминули поразмышлять о значении и роли маски, той маски, которую мы надеваем с самого рождения и которая нас то защищает, то выдает. Физиогномике были посвящены многие трактаты Антония Полемона (88–145), врача Адамантия (первая половина IV в. н. э.) и его латинского переводчика (вторая половина IV в.) и многие другие анонимные сочинения на греческом, латинском и арабском языках, которые в 1880 году издал Рихард Фёрстер в лейпцигском издательстве Тойбнера (вышли также во Франции в серии Belles Lettres, изд. J. André). «Scripta Physiognomonica» («Физиогномические сочинения») занимают много томов, ими вдохновлялись и такой ритор, как Квинтилиан (посвященный жестикуляции, мимике и особенно выражению глаз

раздел «Воспитание оратора», XI, 3, 65–136), и такие биографы, как Плутарх и Светоний. Не будем преувеличивать их значения, тем более когда речь идет о персоне (то есть буквально маске) Александра⁵². Это особенно верно потому, что Полемон (изд. Фёрстера, I, p. 144, 14) и Адамантий (v. II, p. 328; ср. латинского анонима, перевод André, 8, 33, p. 78) заявляют, что блестящие и находившиеся в вечном движении глаза Александра свидетельствуют о его плохом характере, гневливости и гордыне. Кроме того, влажность взгляда (глаза с поволокой)⁵³, согласно Адамантию, свидетельствует о безмерном честолюбии.

А вот еще у Плутарха («Александр», 4, 2–5): «И чему более всего подражали впоследствии многие диадохи и друзья — это легкий наклон шеи в левую сторону и глаза с поволокой, что с большой точностью воспроизвел мастер. Когда же Апеллес изображал Александра в виде громовержца, он не передал цвет его кожи, а изобразил его более темным и закопченным. На деле, как говорят, он был очень белым, причем эта белизна более всего распространяла сияние от груди и лица. От его кожи приятно пахло... Причиной этого была его комплекция, горячая и склонная легко вспыхивать». В двух других трактатах («Как отличить льстеца от друга», 53d; «Пирр», 8, 2) тот же автор упоминает грубость и жесткость голоса Александра.

И нигде ни слова о голубых глазах и светлых волосах: и лишь в латинской версии «Романа об Александре» (IV в. н. э.) он превратился в пошлого блондина Менелая, у которого один глаз — чисто голубой, а другой — почти черный. Удовлетворимся теми указаниями, которые Плутарх позаимствовал из записок Аристоксена Тарентского, ученика Аристотеля, и, быть может, еще из «Истории» Харета Митиленского, управлявшего царским двором: лицо Александра дышало живостью, готовностью парировать реплику и

воспламениться в ответ, а подчас — и жестокостью. На копии с картины Филоксена Эритрейского, которую мы видим в музее Неаполя, у него темные волосы и бакенбарды, а также глубокий и печальный взгляд. Я склонен полагать, что александрийская эпоха, которая наблюдала Александра и восхищалась им в его прозрачном саркофаге, усматривала в нем подлинный образец греческой красоты, и что именно эту идеальную форму имел перед глазами Полемон в эпоху Адриана, когда писал: «Те, кому удалось сохранить эллинскую и ионийскую расу во всей чистоте, — люди довольно высокого роста, скорее широкие в кости, стройные, хорошо скроенные, довольно светлокожие. Волосы у них вовсе не светлые (то есть они чистые брюнеты или шатены), довольно мягкие и слегка волнистые. Лица их вписываются в квадрат, губы тонкие, нос прямой, глаза блестящие и полные огня. В самом деле, глаза греков красивее всех в мире». Всему миру известно, что в своем подавляющем большинстве глаза у греков карие. Таким представляется нам Александр, по крайней мере отчасти, по статуям, камням и монетам, на которых он изображен в более или менее идеализированном виде.

Изображения Александра посвящены целые тома⁵⁴, и после исследования Маргарет Бибер (1964) года не проходит, чтобы из тьмы времен не был извлечен какой-либо забытый или неопознанный памятник. Наиболее древней и подлинной, хотя и достаточно заурядной, является маленькая (высота 2 см) головка из слоновой кости, которую в 1977 году нашел Манолис Андроникос возле погребального одра Филиппа II в его гробнице в Палатице. Здесь мы видим огорченное или обеспокоенное лицо молодого (пожалуй, около 20 лет) царя, с изборожденным морщинами лбом, поднятыми вверх бровями и обращенным к небу взглядом, удлиненным носом, круглым и довольно сильным подбородком. Многие из этих черт вновь встречаются в

акцентированном виде на повторениях статуй, которые приписываются Лисиппу, штатному портретисту Александра. Наиболее знаменитой из этих работ была, судя по всему, статуя «Александр с копьем».

Вообще-то мы располагаем двумя рядами изображений этого типа: один представляет Александра обнаженным, между тем как на другом его плечи покрыты военным плащом: бронзовая скульптура из Лувра, герма или столбовидный бюст Азары и голова из Женевы позволяют составить слабую идею об оригинале, атлете в минуту отдыха, который устремил взгляд в небо и держит в правой руке короткое копье. Оригинал статуи находился в Александрии, и многие склонны датировать ее зимой 332/31 года. Статуя послужила поводом к написанию немалою числа эпиграмм. Вот одна, принадлежащая Посидиппу из Пеллы, который, судя по всему, видел статую во дворце Птолемея Филадельфа («Греческая антология», XVI, 119):

Руки отважны твои, Лисипп, сикионский ваятель,
Мастер весьма искушенный: огонь излучает та
медь,
Что в Александра влита! Не будем же строгими к
персам:
Бык, побежавший от льва, может быть нами
прощен.

Что впечатлило здесь поэта — это сверкание глаз, возникшее из соединения стекла, известняка и бронзы; но также и мощь мускулатуры, контрастирующая с небольшого размера головой: таковы Геракл Эпитрапедзий, предок Александра, и бог войны Арес, оба созданные тем же литейщиком, который после

битвы при Гранике получил заказ на создание 24 героев, товарищей Александра.

Считается, что с этих пор лицо царя, прежде затуманенное и женственное, приняло мужественный и полный живости вид, который напоминает профиль Геракла, покрытого шкурой льва, этого символа монархии. Полубога Геракла мы и видим на монетах, которые чеканились в Амфиполе после 335 года. О каком бы изображении мы ни говорили, о голове ли Дресселя, Шварценберга, голове из музея Баррако в Риме или же об Александре Ктисте из музея в Кабуле, характерные черты этого вечно безбородого и слегка наклоненного лица таковы: разделенная надвое прядь волнистых волос, спадающих подобно гриве с середины лба (это то, что принято называть *αναστολή*, «отбрасывание назад»), глубокие глазницы, поднятые вверх глаза, нос с горбинкой, раздувающиеся ноздри, небольшой рот, четких очертаний подбородок. Монеты с профилем Александра, которые чеканили его преемники Птолемей и Лисимах начиная с 322–321 годов, подчеркивают, кроме того, большие мешки под глазами и горбинку довольно крупного носа на полноватом лице. Несомненно, здесь перед нами маска государя в последние месяцы его правления или то, какой выглядела его мумия в Александрии. На всех официальных портретах Александра нашим глазам открывается вовсе не умиротворенность, благость или сила. Даже в идеализированных, в них есть нечто глубоко двусмысленное: «львиность» и женственность в одно и то же время. Они выражают непостижимый вопрос, сдержанный порыв, а также некую горечь. Страдающая, романтическая, и как бы то ни было — душа со своей внутренней жизнью.

Сгорающий от жажды и любви

Сильная личность, которая отступает на полпути к победе, забияка, угасший в своей постели, атлет с железным здоровьем, закончивший жизнь посреди оргии в тридцать два года — можно ли поверить, что он умер естественной смертью?

Официальные документы указывают единственный симптом: жар, который вызвал наряду с ознобом неутолимую жажду. И, факт еще более странный, если попытаться объяснить его смерть микробом или неизвестным вирусом, лейшманиозом или калаазаром, подхваченным в Индии от собак Самбхути (*Курций Руф*, IX, 1, 31–34; и т. д.), острым алкоголизмом, раком, СПИДом, — ни один из 24 прочих сотрапезников, присутствовавших на последнем пире, не пострадал от того же недуга, не умер, к примеру, от малярии, желтой лихорадки, лейшманиоза (черной лихорадки) или пищевого отравления. Здесь и речи нет об эпидемии, а ведь все они жили в одних и тех же условиях влажной жары и нерегулярного питания. Добавим, что, как утверждает медицина, алкоголическая кома не длится восемь дней, и у нас нет никаких данных о том, что хотя бы один из патологических факторов, которыми объясняют случившееся, существовал в это время в тех местах. В то время как у нас на глазах внезапно развиваются и мутируют вирусы гриппа, Вавилон не стал бы гигантской столицей, какой он фактически являлся на протяжении тысячелетий, если бы болотная лихорадка была в те времена столь опасна, как в VII веке н. э.

Разумеется, многие подчеркивали ставшее общим местом пристрастие Александра к вину, пристрастие, последствия которого нашли отражение даже в

официальных записях «Царского ежедневника», «в котором постоянно встречаются слова „проспал день после застолья“, а иногда даже „и следующий день“» (*Плутарх* «Застольные беседы», I, 6, 623e; ср. *Элиан* «Пестрые истории», III, 23 и *Афиней*, 434b). И еще следует отметить, что такой свидетель, как Аристокл, категорически отрицает эти обвинения: «Он так затягивал свои пиры не ради вина как такового (потому что Александр много не пил), но из расположения к товарищам» (*Арриан*, VII, 29, 4; ср. *Плутарх* «Александр», 23, 1). И кроме того, пиры и оргии участились лишь в самом конце царствования, с января 324-го по май 323 года. Могло ли шестнадцать месяцев хватить на то, чтобы превратить умеренного выпивоху в пьяницу? Как бы то ни было, смерть Александра для нас — настоящий стыд и срам!

В медицине существует много неразрешимых проблем, назовем для примера лишь некоторые: астма, мигрени, энурез, ожирение, язва двенадцатиперстной кишки. Все это истинные недуги, а по своим последствиям — социальные язвы. Некоторые ученые возводят их к органическим причинам, но большинство считают психогенными. Возможно, их этиология как раз смешанная, и без определенного попустительства как со стороны тела, так и души они бы не возникали. Ибо мы говорим о недугах психосоматического характера. Так и смерть Александра, будучи рассмотрена изнутри, возможно, была связана с болезнью такого же рода⁵⁵. Жар, этот простой симптом, ничего не объясняет. Злоупотребление красным вином, даже усугубленное возможным употреблением галлюциногенов вроде персидской хаомы, ничего не оправдывает. Опьянение, которое погубило офицеров в ходе празднеств в Сузах, не имеет ничего общего с предсмертной жаждой Александра, потому что в первом случае речь шла о состязании кто больше выпьет, а во втором — о

«сильном приступе жара» (Аристокбул, цитируемый *Плутархом* «Александр», 75, 6).

В главе, посвященной фактам, мы, как и все античные свидетели, подчеркнули беспокойство, неуверенность, нервозность и раздражение, преследовавшие Александра начиная с декабря 324 года, за шесть месяцев до смерти. Из рассказа Афиней (XII, 53), который основывается на надежном источнике, создается впечатление, что Александра донимали мрачные и недобрые предчувствия, что для него, прежде столь нежно любившего своих воинов и товарищей, человеческая жизнь утратила всякую ценность. В припадке неистового гнева он умертвил 10 тысяч касситов из Луристана без различия пола и возраста и лично принял участие в этой бойне.

Отчаяние овладело им со смертью друга, мужественного и горячо любимого Гефестиона, который умер от переедания и перепоя во время лихорадки 10 ноября 324 года. «Относительно траура, в который погрузился Александр, имеются разные мнения. Все, однако, сходятся в том, что скорбь его была велика... И некоторые из подчеркивающих неразумие, кажется, полагают, что слова и поступки Александра, продиктованные чрезмерным страданием из-за смерти самого дорогого ему человека, служат к его чести...» (*Арриан*, VII, 14, 2). Это тот же самый тип травмы, аффективного шока, который, присоединив свое действие к действию материального фактора, к соучастию со стороны тела, способен вызвать наступление смерти. О каком элементарном присутствии духа можно вести речь, когда человек, ощутив себя покинутым, предался разврату, резне, попойкам, самым безумным прожекткам покорения мира, всем мыслимым суевериям, астрологии, который самым жалким образом заблудился посреди каналов, окружавших Вавилон?! Охваченный страхом, он, смельчак из смельчаков,

пугался снов, предзнаменований, несносных многочисленных предсказаний весны 323 года. Александр распорядился, чтобы в Александрии его культ был соединен с культом Гефестиона. Он так хотел присоединиться к другу, что тело в конце концов уступило. Хотя можно умереть и от скорби, на мой взгляд, Александр скончался от крайнего изнеможения, физического и морального одновременно. Диагноз можно поставить какой угодно: депрессия, стресс, неврастения или меланхолия (кое-кто, начиная еще с античности, усматривал в этом своего рода самоубийство). С обретенным под конец умиротворением смотрел он на товарищей, проходивших перед ним один за другим, и без каких-либо «исторических» слов передал свой перстень Пердикке.

Много раз в ходе завоеваний друзья Александра сравнивали его труды и подвиги с подвигами и трудами Геракла, и сам Александр назвал своего первого сына Гераклом, по имени своего мифического предка. Он умирал, подобно этому фиванскому герою на Эте, сжигаемый жаждой и любовью. В самом деле, странное сходство, которое должно было дать толчок многочисленным истолкованиям в будущем. Столь двусмысленный конец Александра неизбежно оживлял сомнения относительно его происхождения. И не нужно было ни греческих, ни индийских философов, чтобы установить, что при соединении многих причин всякая смерть в некотором смысле напоминает новое рождение.

Окружение и родичи, воспитатели и педагоги, инженеры и товарищи Александра оказали ему величайшие услуги, и он смог привлечь их к себе своими мужеством и щедростью. В конце своего земного пути царь производит впечатление мятущейся и нежной натуры, стремящейся не столько к славе, сколько к избавлению от своего состояния.

Глава III

ГЕРОЙ

Как только 10 июня 323 года верховный вождь (ἡγεμῶν), Царь царей, «Непобедимый бог» скончался в Вавилоне, первой печалью его телохранителей, друзей и товарищей была забота о себе. Что станет с ними вдали от родной земли, без государя, который думал за них и все за них предусматривал? Следующим их делом было перессориться и чуть ли не вступить друг с другом в бой из-за власти, титулов, территорий, войск и денег.

Государственный совет, собранный Пердиккой в тронном зале южной крепости Вавилона, был застигнут врасплох смертью царя, а также взаимной враждебностью македонских пехоты и кавалерии. Членам совета пришлось договариваться приблизительно с шестью тысячами фалангистов, расквартированных в городе, которые настаивали на своем доставшемся от предков праве избирать царя македонян. В соответствии с постепенно достигнутым компромиссом царем под именем Филиппа III был провозглашен Арридей, припадочный и слабоумный сводный брат Александра, но были также оговорены права ребенка Александра и Роксаны, будущего Александра IV, который только еще должен был явиться на свет. За Филиппом III должно было присматривать доверенное лицо; вернувшись, им станет Кратер, которому будет дан титул «распорядителя» (προστάτης). Антипатр будет править Европой, имея титул «командующего» (στρατηγός), а хилиарх, то есть Великий Визирь Александра Пердикка, будет править Азией и командовать царской армией в качестве регента (ἐπιμελητής) царства.

Так вавилонские учредители в шесть дней пришли к идее триумvirата, который, впрочем, просуществовал не более трех лет, ибо в начале 320 года Пердикку убили в Египте. Полномочия большинства сатрапов в провинциях были подтверждены. Три важнейшие сатрапии (Египет, Фригия, Мидия) были доверены выдающимся товарищам покойного царя Птолемею, Леоннату и Пифону в ожидании, что ради перспективы сменить титулы царских наместников на полномочия самостоятельных монархов эти три баловня судьбы вскоре друг друга поубивают. Так наступило время диадохов, или преемников.

На исходе недели они наконец вспомнили, что где-то в глубинах дворца, среди влажной июньской жары покоится труп Александра III. Им должно было открыться чудовищное зрелище, обоняние должен был уязвить ужасный запах! «Ни в какой другой части царства не стоит более свирепая жара, чем в Месопотамии... Когда, однако, товарищи нашли время для того, чтобы позаботиться о бездыханном теле, те, кто к нему вошли, не заметили на нем никаких признаков разложения, оно не было обезображено никакой синевой. Однако та жизненная сила, которая заключена в духе, еще не оставила его лицо. И потому египтяне и халдеи, которым было велено обрядить труп по своему обычаю, поначалу не осмеливались к нему притронуться, словно Александр был еще жив. Затем, помолившись о том, чтобы им, смертным, было дозволено прикоснуться к богу, они очистили тело, наполнили золотой саркофаг благовониями и укрепили на голове знаки, достойные его положения».

Курций Руф (X, 10, 10-13), у которого я позаимствовал эту цитату, недвусмысленно подчеркивает, что воспроизводит здесь традицию, а не личную уверенность. Ибо здесь-то и начинается легенда, что буквально означает «говоримое», «сказываемое» в

среднем роде, без точного указания свидетеля, то, что передается из уст в уста, свидетельство безличной толпы. Почему такие представления, которые создали из завоеваний и из самого Завоевателя те, кто его сопровождал, нужно отвергать скорее, чем те, что принадлежат современным историкам? Почему этот набальзамированный лик в диадеме не является истинным, «таким, в который наконец превратила его вечность»? И, в конце концов, какое значение имеет то, что бальзамировщики исполнили свое дело еще до коронации Филиппа III Арридея и что царская мумия была лишь позднее выставлена на обозрение друзей и товарищей царя в тронном зале? Верные были убеждены в том, что Александр, сын бога Амона, избавился от человеческого состояния и всякого разложения, что он остался живым и активным и что в отсутствие сына и брата, которые были бы способны править, он все еще оставался царем. Лишь те мертвые, которых любят, становятся бессмертными. Лишь великие мертвые становятся героями.

Рождение полубога

Мы не ставим своей целью шаг за шагом проследивать ход этой героизации, не будем также и разоблачать все стоявшие за ней политические и религиозные цели. Нам будет довольно лишь первых шагов. Пердикка собрал перед останками Александра совет, который председательствовал также при назначении на должности: на самом-то деле Александр не умер, он принадлежит к расе сверхъестественных существ, которые предоставили его людям для исполнения теперь уже выполненной миссии, и, подобно Гераклу, теперь он присоединился к подобным себе, к полубогам. Именно в таком качестве Александра почитали свидетелем договоров, заключавшихся ради продления существования империи.

Не учреждая, впрочем, культа в честь Александра, ему были сделаны загробные жертвоприношения, после чего совет уполномочил царя Арридея отправить останки своего брата в оазис Сива, в храм Амона (*Юстин*, XIII, 4). Началась работа по сооружению необычайной повозки, которая своей пышностью и символикой должна была потрясти души всех подданных и солдат покойного царя. Анонимный источник, который цитирует Диодор (XVIII, 26-27), оставил нам схематическое описание экипажа, своего рода дома на колесах, который должны были везти бесчисленные упряжки и который медленно, в течение двух лет преодолевал 1800 километров, пока не оказался у пелусийского устья Нила. Взору толп, которые выходили встречать караван, открывался, помимо геральдических львов и знаков государственного суверенитета Александра, целый ряд поучительных сцен: это были сцены охоты, завоеваний, морских побед, в которых были отражены мудрость и

справедливость того, кто был изображен на декоративной панели сидящим на троне со скипетром в руке. Все здесь было нечеловечески огромным, пышным и уже мифическим.

Вполне уместно полагать, что некоторые из мотивов, изображенных по периметру катафалка, вдохновили авторов саркофага Абдалонима из Сидона, ныне хранящегося в музее Стамбула и называемого саркофагом Александра: героически обнаженные греки вступают здесь в схватку с хищниками и конными персами. В числе персонажей фигурирует Александр и, вероятно, Гефестион⁵⁶. Известно, что Птолемей, сатрап Египта, переправил тело Александра не в оазис бога Амона среди голой пустыни, но в Мемфис (весна 321 г.), а затем в Александрию (ок. 300 г.), которые последовательно были его столицами, поскольку понимал, какой престиж среди египтян и македонян обеспечивает ему обладание этой мумией.

Поскольку диадохи не замедлили перессориться и начали рассматривать страны, «завоеванные копьем», как им было угодно, не соблазняясь восточными грезами, была предпринята публикация официальных документов. Часть из них были подлинными, вроде последних планов завоевания, «Царских ежедневников», сборника писем и распоряжений Александра, принадлежавшего Каллисфену повествования о походе, доведенного до 330 года. Иные — подложными, как, например, «Завещание» (321), тайная переписка, ответы посольствам и т. д. Есть и спорные, как, например, памфлет Эфиппа «О смерти Александра и Гефестиона». Бывший канцлер Эвмен Кардианский опубликовал выборки из архива, которые служили его честолюбивым целям. Кассандр в Македонии заказал художнику Филоксену Эритрейскому «Битву Александра и Дария».

С 321 по 300 год Птолемей чеканил в Александрии монеты уже не с изображением Геракла, а с

изображением головы Александра, покрытой слоновьим скальпом, между тем как Эвмен между 318 и 316 годами, чтобы расплатиться с солдатами и погонщиками слонов из отряда Эвдама, чеканил в Вавилоне серебряные декадрахмы, на аверсе которых изображен кавалерист, атакующий слона с наездниками, а на реверсе — стоящий Александр в доспехах, держащий сариссу и молнию, между тем как Победа возлагает на него венок⁵⁷, что позволяет думать, будто десятью годами ранее Александр лично померился силой с обратившимся в бегство Пауравой (Пором) и ссадил его со слона. Это — настоящий вымысел или заблуждение, как о том злорадно пишет Лукиан из Самосаты в памфлете «Как писать историю» (12): Александр якобы вырвал из рук Аристобула его рукопись воспоминаний, упрекнув его за то, что он написал о «царе, одним ударом копья уложившем слона». Начиная с 297 года Лисимах, бывший тогда властителем Фракии и большей части Малой Азии, принял вид благочестивого преемника Александра и чеканил изумительные по красоте золотые и серебряные монеты, изображавшие уже не гераклоподобного, одетого в львиную шкуру Александра, но профиль царя с бараньими рогами вокруг ушей, что заставляет вспомнить тайну появления на свет Сына Амона. Так, мало-помалу, среди людей получил хождение образ героя с тремя символами: слона, льва и барана, которые сообщают ему ум, силу и удачу или же просто божественное могущество. С началом этой в полном смысле пропагандистской кампании стали допустимыми и дозволенными все уподобления и легенды.

Некоторые из свидетелей и даже наиболее видных участников великого похода⁵⁸, со своей стороны, приступили к публикации собственных воспоминаний — то ли с тем, чтобы оправдаться, то ли с тем, чтобы придать себе веса или польстить своему царственному

покровителю. В их числе были Аристобул из Кассандрии, военачальник, не пренебрегавший ни нравоучительным анекдотом, ни рассказом о сверхъестественных вещах; Марсий из Пеллы, товарищ царя и историк монархии; Харет из Митилены, прежний канцлер Александра; Онесикрит из Астипалеи, первый кормчий флота Александра в Индийском океане; Неарх, сын Андротима, уроженец Крита и царский флотоводец с 326 по 323 год, а впоследствии начальник штаба Антигона и Деметрия по крайней мере до 313 года, и наконец, в первую очередь, Птолемей Сотер («Спаситель»), сын Лага, тот самый офицер, о котором говорили как о спасителе Александра и который опубликовал свои записки около 285-283 годов.

Но важнее всего то, что рассказывали ветераны, оставшиеся в живых участники, художники, люди науки, которые следовали за Завоевателем или как-то пересекались с ним в период между 336 и 323 годами. Для греков, которые, как говорит Платон, влюблены в «славную опасность», азиатская экспедиция оставалась самым прекрасным исследованием, о котором было занятнее всего рассказывать. Превознося великие деяния умершего бога и преувеличивая их, они лишь воздавали дань стойкости своих погибших спутников и собственной выдержке. Среди публики греческих театров они встретили самую внимательную к этой психодраме аудиторию, вне всякого сомнения заранее к ним расположенную. Комментируя действие и желая его понять, а также впадая в возбуждение от неслыханного и необъяснимого, эта публика поддерживала легенду. Как и в театре, она допускала вмешательство олимпийских богов, Немесиды, Удачи и Судьбы в жизнь героев и в финальную катастрофу. Александр, прежде чем стать новым Дионисом, в рассказах благодетельствованных им товарищей по оружию и

всех, кто был ему обязан, оказывался новым Ахиллом, новым Гераклом. Ведь в долг дают только богатым.

На долю одного талантливой писателя, Клитарха из Александрии⁵⁹, выпала задача собрать и использовать все эти письменные и устные свидетельства. Сын историка Динона Колофонского, ученик ритора Аристотеля из Кирены, который скорее всего преподавал ему в Афинах, и диалектика Стильпона Мегарского, Клитарх был слишком юн в момент прихода Александра к власти, чтобы сопровождать экспедиционный корпус в Азию. Однако, вращаясь в научно-литературных кругах Афин, среди учеников Платона, Аристотеля и Диогена, ему удалось приобрести достаточно любознательности, эрудиции и ораторского таланта, чтобы начиная с 320 года приступить к написанию первых книг «Истории славных деяний Александра». Около 308 года Птолемей вызвал Клитарха в Египет, устроил его здесь и обеспечил информаторами и источниками, а именно сочинениями Каллисфена и Анаксимена. Теперь Клитарх набросал такой портрет Завоевателя, который отвечал взглядам Птолемея, друга и спасителя Александра. В сочинении было 12 книг, по числу лет, посвященных военным кампаниям, и оно представляло собой ряд рассказов, речей, драматических сюжетов и философских размышлений о величии и власти. Широко распространенное начиная с конца IV века до н. э., в первую очередь, вероятно, попечениями библиотеки Александрийского музея, сочинение Клитарха стало таким знаменитым, что и через сто лет после Цицерона оно было включено в программу литературного образования. Диодор, Трог Помпей, Курций Руф, Плутарх, Полиэн, Псевдо-Каллисфен и неведомый автор «Эпитомы деяний Александра» широко пользовались им как источником. Оно доставляло немало радости читателям, влюбленным во все героическое, драматическое и чудесное.

Даже отвергая свойственные этому сочинению патетику, фантастичность и низкопоклонство, наши биографы усматривали в этом подлинном собрании свидетельств не историю царя, но полный живости образ героя, вступившего в противоборство с судьбой. И как ни парадоксально, сегодня выясняется, что именно это сочинение — наименее критическое, наименее научное и, за исключением нескольких скудных фрагментов, почти полностью утраченное, — оказывается наиболее верным в человеческом смысле. Уже по мнению эллинизированных греков и римлян и вплоть до начала христианской эры те эпизоды жизни Александра, в которых проявлялись величие его души, его гуманность, щедрость, доброта, милосердие оказывались не менее важными, чем его победы. Возможно, именно Птолемей, «более прославленный в делах мира, чем войны, который вел скромный образ жизни обычного гражданина, а главное, щедрый и легкодоступный» (*Курций Руф*, IX, 8, 23), побудил Клитарха создать этот новый облик героя, образца для эллинистических государей.

Диодор, Курций Руф, Плутарх помогают нам нарисовать более традиционный портрет Александра. Примерно в одно время с Клитархом в пригороде Александрии поселился Эвгемер Мессенский. Между 298 и 280 годами он опубликовал свою «Священную историю», или скорее «Историю священного, или Явления религии». В ней он выдвинул тезис о том, что греческие боги вначале были завоевателями и благодетелями человечества и что в далеком прошлом благодарные народы обоготворили их после смерти именно за добродетель. Эта революционная концепция религии возникла на основе приобретенного опыта и устных свидетельств приверженцев Александра, а чтобы смысл исторической и философской аллегории был хорошо усвоен, Эвгемер перенес сцену героизации в

Панхайю, на остров за Аравией. Как и сочинение Клитарха, труд Эвгемера внес свой вклад в создание образа Александра-полубога, просуществовавший до конца Римской империи или по крайней мере до Лактанция, который подробно его цитировал.

Чудесное рождение и великодушная юность

Вот какой представляется эта жизнь в главнейших ее моментах — рождение, юность, приключения, любовные увлечения и смерть — согласно «Вульгате». Божественные предзнаменования известили о явлении Александра в мир. Филипп, мнимый его отец, еще юношей встретил юную Олимпиаду, сестру молосского царя, во время посвящения в таинства на Самофракии, и решил на ней жениться. «Однако накануне той ночи, в которую молодым предстояло быть запертыми в спальне, невесте представилось, что разразилась гроза и молния ударила ей в живот, причем от этого удара вспыхнул большой огонь, который распался на разнесшиеся повсюду языки и угас. А Филипп уже после свадьбы увидел во сне, что запечатывает живот супруги печатью, причем на печати этой, так показалось ему, было вырезано изображение льва... Аристандр из Тельмесса⁶⁰ (которому впоследствии предстояло последовать за Александром в Азию) сказал, что женщина беременна — ведь пустое не запечатывают — и вынашивает мужественного и подобного льву ребенка. Рядом со спящей Олимпиадой видели вытянувшегося змея... Филипп отправил в Дельфы Херона из Мегалополя, чтобы он спросил оракула, и, как сообщают, в ответ пришло повеление принести жертвы Амону и более всех почитать этого бога. Передают также, что Филипп лишился того самого глаза, которым через щель в двери увидел бога, возлежащего в виде змея с его женой. Олимпиада же... с глазу на глаз открыла Александру тайну его рождения и повелела замышлять лишь то, что достойно его происхождения» (Плутарх «Александр», 2, 3-6 и 3, 1-3). Говорят также,

что вид этого змея, в которого превратился Зевс Амон, угасил любовные чувства Филиппа по отношению к Олимпиаде. Его одолевали сомнения, следует ли ему теперь сблизиться со своей юной супругой, поскольку она соединялась с высшим существом. Никто из рассказчиков и почти никто из приближенных Птолемея в Египте не видел в этом ничего невозможного — ведь греческая мифология предлагала столько примеров героев-сыновей бога и смертной женщины, начиная с Геракла, сына Зевса и Алкмены и предка династии Аргеадов! Александр был всего лишь наполовину дитятей чуда, причем в такую эпоху и в такой стране, где вера в оракулов и предопределение была очень велика и где гомеровская поэзия воспевала царей — сыновей или «питомцев» Зевса.

Естественно это или сверхъестественно, но рождение Александра сопровождалось чудесами: удар молнии в орлов, служивших акротериями дворца, пожар храма Артемиды; при этом и то и другое были добрые предзнаменования, подтверждавшие возвышение Европы и унижение Азии. Не могу поручиться за то, что традицией, поскольку она находила связь между появлением на свет отмеченного судьбой ребенка и тремя победами Филиппа, не были приняты в расчет и другие необычные совпадения.

Как и юность Геракла, юность Александра была прославлена настоящими подвигами, которые были в то же время испытаниями. Македонским обычаем предусматривалось, что молодой господин не может принимать участия в ритуальных пирах, вытянувшись на ложе, если он не сразил собственноручно дикого зверя, и в Македонии⁶¹, где еще в V веке водились львы, это чаще всего был кабан. Александр не только — еще совсем юным — участвовал в официальных приемах при дворе (в первый раз его упоминают здесь в 346 году, когда ему было всего десять лет), чаще всего на

мозаиках или скульптурных панно он был запечатлен именно во время охоты. Позже в «Царских ежедневниках» будет говориться, что излюбленным развлечением царя оставалась охота на льва, оленя, лису и на птиц: таковы были занятия его юности.

Коню Буцефалу, о котором, следуя Онесикриту, говорит Арриан (V, 19, 5), «было около 30 лет, когда жара и годы изнурили его. Он позволял садиться на себя одному только Александру, потому что почитал всех прочих людей недостойными этого. Буцефал был очень рослым и пылким; клеймо, которым он был помечен, изображало голову быка, которая, говорят, и дала ему его имя. Некоторые же утверждают, что он был весь вороной, и лишь на лбу имелся белый знак, поразительно похожий на голову быка». Тридцать лет Буцефалу было в 326 году, на берегах Джелама в Пенджабе: поразительное долголетие, к тому же предполагающее, что Буцефал появился на свет в то же время, что и Александр, и что Александр укротил его и приручил в юности. Всем известна та страница из «Жизни Александра», где Плутарх рассказывает, как бесстрашному мальчику удалось оседлать неукротимого жеребца, повернув его к солнцу. Те, кто повествует об этом, не сходятся ни относительно происхождения, ни цены, ни даже относительно применения этого фантастического животного, из-за которого уксиям с Загра и мардам из Гиркании грозило полное уничтожение, если они не вернут его владельцу. Вспоминается Пегас, жеребец Персея, одного из мифических предков Александра. «Всех прочих ездоков Буцефал не терпел, однако сам преклонял колени, когда на него желал усесться царь» (*Курций Руф*, VI, 5, 18).

Наконец (и это было еще более значительное испытание, чем два предыдущих, потому что оно относится к сфере ума и нравственности), юный Александр превзошел своих учителей Леонида,

Лисимаха и Аристотеля во владении собой, самоограничении и учености. «Равнодушный к чувственным удовольствиям, он предавался им весьма умеренно, а любовь к славе (φιλοτιμία) делала его не по годам разумным и великодушным». В ходе великого индийского приключения он выказал себя более сведущим в медицине, ботанике и географии, чем сам Аристотель, и этот последний даже признал в письме, что один лишь Александр в состоянии понять его этику и метафизику (согласно Андронику Родосскому, которого цитирует *Авл Геллий*, XX, 5, 11-12), поскольку получил эзотерическое образование.

В индоевропейской мифологии герой, только что посвященный в таинство и введенный в касту господ или царей, разражается бурной вспышкой ярости. Мы видим, что в наиболее древних эпopeях такой человек, которого следовало вернуть обратно в человеческое состояние, совершает три антиобщественных деяния, или греха⁶². Александру не удалось избежать этого нового испытания так же, как Гераклу или Ахиллу. В глазах греков он совершил три чрезмерных деяния, три оплошности, которые ему пришлось искупать великодушием: поссорился со своим мнимым отцом Филиппом, который только что женился на юной племяннице Аттала, в результате чего ему пришлось отправиться в изгнание на 10 месяцев; когда гвардеец Павсаний заколол Филиппа (при чем пособничестве?), Александр, этот новый Гораций^[27], казнил своих братьев и сестер, всех своих возможных соперников из числа вельмож и несчастного Аттала, который командовал армией, действовавшей в Азии; наконец, менее чем через год после своего воцарения он снес Фивы, город бога Диониса и героя Геракла, своего родоначальника. Эти три деяния находятся в разных планах священного, воинского и коллективной жизни. Но именно здесь лучше всего проявляется щедрость и великодушие

Александра. И не только в его бурном раскаянии, но и в той изящной манере, с какой он становится просто человеком.

Вот, например, как Александр повел себя в связи с фиванским делом в конце лета 335 года. Он вел тяжелую кампанию против иллирийцев и тавлантиев в современной Албании, когда ему стало известно, что фиванцы, члены Греческого союза, убили двух македонских офицеров из гарнизона, размещенного в Кадмее, проголосовали за отделение своего города от общесоюзного дела, осадили македонский гарнизон и что афиняне находятся в сговоре с этими предателями. Александр незамедлительно перевел свои войска через Фермопилы. Сам он говорил об этом: «Когда я был у трибаллов и иллирийцев, Демосфен обзывал меня мальчишкой. Оказавшись в Фессалии (через Волюстану и Пелинну), я сделался уже юношей (μεῖράκιον). Теперь я хочу показаться под стенами Афин — уже мужем» (Плутарх «Александр», 11, 6; ср. *он же* «Жизнь Демосфена», 23, 2). Молниеносно явившись к Фивам и желая дать городу возможность изменить свое решение, Александр попытался вступить в переговоры и объявил о том, что дарует прощение тем, кто одумается. Фиванцы в ответ потребовали, чтобы Александр выдал им своих лучших полководцев. Тогда Александр бросил македонян на штурм, перерезал от 6 до 10 тысяч защитников города, а затем продал остальных (числом в 30 тысяч человек) в рабство, сделав исключение лишь для жрецов, гостеприимцев македонян, потомков Пиндара (поскольку очень высоко ценил этого поэта), и тех, кто голосовал против выхода из союза.

Однако «среди многих испытаний и бед, которые довелось претерпеть городу, несколько фракийцев вломились в дом Тимоклеи, женщины славной и порядочной, и пока сами они грабили ее имущество, их предводитель силой овладел женщиной и надругался

над ней, а потом спросил, есть ли у нее припрятанное золото или серебро. Она ответила, что имеется, и, выведя его одного в сад и указав на колодец, сказала, что когда город был взят, она бросила туда самые ценные из своих вещей. Фракиец наклонился и стал осматривать колодец, и тогда Тимоклея зашла сзади и толкнула его вниз, а потом забросала его камнями, пока он не умер. Когда ее со связанными руками привели к Александру, уже по ее виду и поступи было видно, что она исполнена собственного достоинства и надменности; за теми, кто ее вел, она следовала без робости и страха. Когда царь спросил ее, кто она такая, Тимоклея ответила, что она сестра Феагена, который противостоял Филиппу, отстаивая греческую свободу, и пал стратегом в битве при Херонее. Александр восхитился как тем, что она совершила, так и ее ответом, и велел предоставить свободу ей и ее детям» (*Плутарх «Александр», 12*). Тот же рассказчик по крайней мере еще дважды будет возвращаться к этому эпизоду. В одном варианте роль злодея достанется не фракийцу, а македонскому офицеру, который возглавлял подразделение грабителей и носил имя Александр! («О добродетели женщин», 24, 259d—260b). После чего победитель, столь же щедрый, сколь и справедливый, помирился с афинянами, прибавив, кажется, что, если с ним приключится какое-нибудь несчастье, Афины возглавят Грецию и поведут ее за собой.

У щедрости две ипостаси: одна состоит в том, чтобы давать, а другая — чтобы прощать. Солдатам, как правило, более понятна первая, нежели вторая. Экспедиция в Африку и Азию полна случаев проявления воистину царской щедрости. Александр не трогался в путь, не осведомившись относительно финансового положения своих товарищей и не раздав кому поместье, кому — доходы с деревни, крепости или порта. «Он роздал друзьям все свое имущество в Македонии и

Европе, сказав, что ему довольно одной Азии» (*Юстин*, XI, 5, 4). «Он уже роздал и распределил почти все царское имущество, и тут Пердикка спросил его: „Но что, скажи, оставляешь ты себе?“, на что Александр ответил: „Надежду“» (*Плутарх «Александр»*, 15, 4). «Он послал 50 талантов философу Ксенократу, но тот их не принял, сказав, что не нуждается в них. Тогда Александр спросил у Ксенократа, неужели у него нет друзей. „Потому что, — сказал Александр, — на моих друзей мне едва хватило Дариева богатства“» (*Плутарх «Изречения...»*, 30, 181e). «Когда некий Перилл, друг Александра, попросил у него приданого дочерям и Александр дал ему 50 талантов, Перилл сказал, что ему было бы довольно и 10. На это Александр ответил: „Тебе было бы довольно столько взять, но мне не довольно столько дать“» (*там же*, 6, 179f). «Александр повелел казначею выдать философу Анаксарху столько, сколько он пожелает, и когда казначей сказал, что Анаксарх требует 100 талантов, Александр сказал: „И прекрасно делает, поскольку знает, что у него есть друг, который и хочет и может дать ему столько!“» (*там же*, 7).

Благодаря различного рода сопоставлениям нам известен размер ежедневного жалованья участников боевых действий⁶³. Гетайр из конной гвардии мог рассчитывать на 16 драхм и 4 обола в день, кавалерист из союзников — на 14 драхм, пеший гетайр — на 5 с половиной драхм, иностранный наемник — на 3 или 4 драхмы. В ту же самую эпоху всякий принимавший участие в народном собрании гражданин или член совета получал в Афинах всего 1 драхму за целый день заседаний, а свободный работник получал 2 драхмы за целый рабочий день; а ведь половину времени в году никто в Афинах не работал.

Так что можно понять заинтересованность, с которой молодые безработные из Македонии и Греции записывались в армию Александра: их привлекало

обещание ежедневного заработка, который в 4–15 раз превышал доход оплачиваемых лучше прочих греческих рабочих. Кроме того, 166 ежемесячных драхм македонского фалангиста выплачивались в золоте, в виде 8,5 статеров, причем вес статера — 8,55 грамма. Это была очень весомая монета, в тринадцать раз превышавшая достоинством греческую серебряную монету. Солдатам греческого контингента, уволенным после смерти Дария в конце 330 года, была выплачена особая компенсация: каждый кавалерист получил талант, то есть 6 тысяч драхм, а пехотинец — всего по тысяче драхм, и это помимо выплаты недополученного жалованья и премии за возвращение к родному очагу. Год спустя 900 ветеранов были уволены в Согдиане, и на этот раз они получили удвоенное жалованье. Десять процентов месячного жалованья были розданы в качестве премий из серебра персидской казны. При том мы не говорим ни об уплате долгов, ни о безвозмездных пожалованиях, ни о военной добыче, ни о дозволенной властями торговле.

Рассказ Арриана (IV, 18, 4–19, 4) о захвате «авараны», или крепости Байсунтау в 20 километрах к востоку от Дербента (Узбекистан), подтверждается тем, что рассказывает об этом Курций Руф (VII, 11): «Крепость была со всех сторон окружена кручами и обрывами, попасть же в нее можно было только по узенькой тропке... Царь сказал, что следующей ночью заставит осажденных поверить, что македоняне способны даже летать. Он повелел: „Приведите ко мне, отобрав каждый из своего отряда, 300 отважнейших юношей, которые привыкли дома проводить стада по ущельям и почти непроходимым скалам“... В награду тому, кто первым займет вершину, было обещано 10 талантов (у Арриана говорится о 12); на талант меньше — второму, и так до десятого (Арриан более щедро уделяет последнему 300 золотых монет). „Однако, — сказал царь, — я уверен, что

для вас здесь важна не столько моя щедрость, сколько воля“... На следующий день, еще до рассвета, царь заметил на вершине знамя — знак занятия крепости». Прибавим, что ради придания всему делу большей театральности традиция помещает в число захваченных здесь пленников прекрасную Роксану, которую Александру предстояло сделать своей законной женой.

Александр, который был «столь же щедр после победы, сколь ужасен на поле боя», в мае 331 года близ Алеппо распорядился устроить пышные похороны Статире, жене своего врага Дария, «и можно было видеть, как он страдал оттого, что лишился этого немалого доказательства своей порядочности» (*Плутарх «Александр»*, 30, 1). Диодор (XVII, 38, 7) и Курций Руф (IV, 10, 18–34) не жалеют красок, расписывая милосердие Александра по отношению к пленникам. Они или их источник Клитарх, а прежде него — солдаты лицезрели победителя плачущим! Однако царская щедрость была временами и насмешливой. Анекдот без указания времени и места (героизм не нуждается в кантовских категориях) выводит на сцену простого македонского воина, который ведет нагруженного золотом мула, и царя. «Скотина выбилась из сил, и тогда солдат поднял груз на плечи и потащил его сам. Царь увидел его, придавленного тяжким грузом, и расспросил, в чем дело, когда солдат уже собирался все бросить. Но тут царь сказал: „Не опускай руки: если одолеешь оставшийся путь до своего шатра, считай, что нес это все себе“» (*Плутарх «Александр»*, 39, 3).

Своими кампаниями во Фракии, Греции (он командовал флангом при Херонее) Александр снискал такую популярность среди солдат, что после того, как в 336 году Филипп был убит, они возгласами одобрения сделали его своим царем.

Милости неба

Об Александре говорили, что он был чрезвычайно благочестив. С самых юных лет он пригоршнями швырял в огонь драгоценный ладан, предназначенный богам, — к большому неудовольствию Леонида, его наставника, который его за это журил⁶⁴. Первым делом, которое он совершал каждое утро, было участие в жертвоприношении. Александр без конца обращался за советом к гадателям, истолкователям снов, прорицателям, и в первую очередь — к верному и любезному Аристандру из Тельмесса Ликийского, который сопровождал его в Азию вплоть до Согдианы, беря на себя ответственность разумом и философией поверять здесь все, что могло представиться легковерием.

Как-то в Коринфе Александр отправился за советом к знаменитому кинику Диогену Синопскому, и тот его попросил не заслонять ему солнца. «Когда бы я не был Александром, — сказал царь, — я желал бы быть Диогеном!» И тут же, как утверждает предание, явился в Дельфы, чтобы спросить Аполлона относительно успеха будущей экспедиции. Стояли неблагоприятные дни, в которые обращаться к оракулу было запрещено. Пифия отказалась явиться в святилище. Тогда Александр разыскал ее сам, и эта истолковательница божественной воли, сраженная его уверенностью, вскричала: «Ты непобедим, дитя мое!» Услышав это, Александр заявил, что ему нет нужды в других пророчествах и он получил от нее именно то предсказание, которого желал. Какое значение имеет то, что современные историки не верят в эту байку, если в нее верили воины Александра?

В македонском городе Дионе незадолго до отправления в Азию Александр принес жертвоприношения и устроил в честь Муз и Зевса Олимпийского великолепные игры, которые продолжались девять дней. Огромные уставленные пиршественными ложами шатры дали пристанище его друзьям, военачальникам и послам греческих государств. Войскам раздавали мясо бесчисленных жертв. Армия отправилась в поход при добрых предзнаменованиях, если, конечно, истолковать в положительном смысле пот, которым покрылась статуя Орфея у подножия Олимпа. «Александр первым спрыгнул на землю в Троаде, заявив, что получил Азию от богов... Он также почтил заупокойными жертвами и другими приличествующими обрядами гробницы Ахилла, Аякса и других героев» (Диодор, XVII, 17, 2-3). Растеревшись маслом и пробежав обнаженным вокруг кургана Ахилла, Александр сложил с себя венки. Он также предложил жертвоприношение Афине Илионской, посвятил свои доспехи ее храму и взял вместо этого щит, который должен был принести ему удачу во всех сражениях. Перед каждой битвой на помощь призывали трех традиционных защитников Македонии: Зевса Олимпийского, Геракла и Афины Алкидему, а также богов, связанных с союзными контингентами, — например, фракийского Ареса, Посейдона приморских городов, водных, горных и лесных нимф.

И тут же, еще в самой Троаде, стали твориться чудеса. Так, жрец увидел, что статуя Ариобарзана, прежнего сатрапа Фригии, повержена перед храмом Афины, а с Иды слетают орлы. Персы, сосредоточившие свои силы в Дидимотейхе (Диметокке), чтобы запереть Ворота Азии и дорогу на Даскилий, отказались применить тактику выжженной земли, к которой советовал им прибегнуть доблестный Мемнон. Они ждали, что государь повелит им перейти в наступление,

а пока приготовились к обороне. Александр во главе своих гетайров стремительно форсировал Граник, хотя было общепризнано, что это невозможно, и, не обращая внимания на удары, которые градом сыпались на него со всех сторон, пронзил копьем грудь сатрапа Лидии и Ионии Спитридата (или Спитробата), между тем как верный Клит разрубил пополам персидского полководца Ресака. Согласно другим версиям рассказа, Александр также сразил ударом копья Митридата, зятя Дария, а ударом меча — Ресака, брата сатрапа. Исход битвы был предрешен: личная отвага Александра, сражавшегося с таким вдохновением, позволила ему закрепиться на другом берегу реки, устоять со своими гетайрами, разрезать на части фронт кавалерии противника, позволить фаланге перейти реку и уничтожить наемников-персов, которые сгрудились на холме. Столкновение двух предводителей решило судьбу двух армий, двух народов, двух цивилизаций.

Древние подчеркивали колоссальный резонанс, который имела эта личная победа Александра над греками Европы и Азии, и впечатление, которое она произвела на его солдат. Прикоснувшись в Илионе к лире своего предка Ахилла, он пожелал найти Гомера, который бы воспел его будущую славу. Но за неимением такового, в то время как важный Каллисфен годился лишь на то, чтобы рассуждать, Александр разослал своим союзникам лишь краткие сводки и подарки. Вот что мы читаем в итоговом сообщении Плутарха: «Передавали, что варвары потеряли 20 тысяч пехотинцев и 2500 всадников. Со стороны же Александра, по словам Аристобула, было убито всего 34 человека, из них 11 пехотинцев. Им Александр велел поставить бронзовые статуи, которые изготовил Лисипп. Приобщая к победе прочих эллинов, он послал от себя афинянам 300 отобранных у пленных щитов. Он распорядился написать на них, как и на прочих трофеях,

такую честолюбивую надпись: „Александр, сын Филиппа, и греки за исключением македонян [отобрали это] у варваров, обитающих в Азии. Что касается ваз, пурпурных тканей и других вещей в том же роде, отображенных у персов, Александр отправил их все, за немногими изъятиями, своей матери“» («Александр», 16, 15-19).

Легенда умалчивает о покорении Сард, Лидии и Карий, как и о трудных осадах Милета и Галикарнаса. Известно разве лишь то, что во многих случаях одного присутствия Александра было достаточно для того, чтобы перевернуть ситуацию, что на берегу Лады на носу одного из кораблей Александра был замечен орел, предсказавший своим появлением, что Александр победит персидский флот с суши и, наконец, что он назначил сатрапом всей Карий царицу Аду, которая осыпала Александра дарами и назвала его своим сыном. Не стоит усматривать во всем этом мелочную болтовню, житийное описание, а тем более роман. Ведь за словами таится столько несказанного! А главное, из этих рассказов отчетливо проступает образ Завоевателя, излучающий мощь и удалство, соблазнительный и притягательный. В Ликии близ города Ксанфа есть ручей, который, говорят, сменил русло и разлился, исторгнув из своих недр табличку, исписанную старинными письменами, из которых выяснилось, что греки положат конец Персидской державе. Вдохновленный Александр отправился очищать берег от противника вплоть до Финикии и Киликии. Его марш вдоль берега Памфилии оказался для многих историков поводом для изумления и преувеличений: море, обычно яростно накатывавшееся на берег и лишь изредка открывавшее узкий, зажатый между морской бездной и склоном горы проход, словно по божественной воле отступило перед Александром. Говорит об этом и

Менандр, который так шутил над удивительным происшествием:

Словно с Александром случай: если я кого ищу,
Сам собою он приходит. А когда пора придет
Мне за море отправляться, море в сторону уйдет.

(Плутарх «Александр», 17, 4-7).

И разве имеет какое-либо значение то, что в ходе французских раскопок в Ксанфе была обнаружена не пророческая табличка или ответ оракула, а всего лишь посвятельная надпись, относящаяся к позднему времени, когда Александра не было уже на свете, и что сам Александр не упоминал в своих письмах о подобных чудесах (он сообщал лишь, что прошел от Фаселиды до Сиды по береговым уступам)! Но в глазах рассказчиков и публики через двадцать лет после смерти Александра покровительство, удача, благодатные дары, которыми осыпало его небо, имели решающее значение. Этот избранник судьбы был провиденциальным героем.

Нередко удивляются тому, что знаменитая история о Гордиевом узле не нашла отражения ни у Диодора (при том, что он много распространяется о мармарийцах, никому не известном народе), ни в «Романе об Александре», который вдохновлялся египетскими сказителями. Нет его и у Птолемея, царя Египта, которого более волновали пророчества, касавшиеся собственной страны, чем те, что относились к Малой Азии. Однако у этой истории имелись по крайней мере две версии. В первой, которую, вероятно, сообщил любимый прорицатель Александра Аристандр из Тельмесса, Гордий был фригийским крестьянином, который, будучи встревожен тем, что на ярмо его быков уселся орел, женился на тельмессянке и произвел от нее

на свет сына, названного Мидасом. Когда Мидас вырос, он вместе с отцом и матерью на запряженной быками повозке появился однажды на рыночной площади Гордия (в 100 км к юго-западу от нынешней Анкары). Горожане обратились за советом к оракулу в большом местном храме, и оракул указал им на Мидаса как на царя. В знак признательности Царю-Зевсу Мидас посвятил повозку отца богам на Акрополе.

Впоследствии уже другой оракул предсказал власть над Азией и даже над всей землей тому, кто развяжет узел, которым был завязан кизилевый луб, соединявший ярмо с дышлом той повозки. Четыре века спустя, в мае 333 года, в Гордий прибыл Александр. Овладев городом, он вошел в храм Зевса с намерением осуществить предсказание, о котором ему сообщили местные жители. «Не видно было ни того, где узел начинается, ни где он заканчивается. Также и Александр не был в состоянии догадаться, как его развязать, однако он не желал оставить его неразвязанным, потому что опасался, как бы это не привело в брожение многие умы (то есть не было истолковано как предзнаменование)... Аристоклест говорит, что он вытащил из дышла чеку, то есть деревянный колышек, который пронизывал дышло и удерживал узел, и так стащил ярмо с дышла» (Арриан, II, 3, 7).

Во второй версии, гораздо более распространенной и восходящей, быть может, к Каллисфену, речь идет не о повозке в целом, но о ярме, привязанном к дышлу или к простой деревянной жерди целой гроздью узлов: *compluribus nodis* (многими узлами), говорит Курций Руф (III, 1, 15), *intra nodos* (среди узлов), говорит Юстин (XI, 7, 16). Александр долгое время пытался их распутать, затем вытащил меч и разрубил или перерезал их одним ударом, «тем самым обойдя предсказание оракула или его осуществив». Македонянин Марсий из Филипп (F.G.H., № 136, fr. 4) прибавляет, что повозка была та

самая, на которой Мидас приехал во Фригию от горы Бермий в Македонии. Следовательно, поскольку дело это касалось Македонии, Александр был вправе потребовать вместе с повозкой и ее неразрешимыми узлами также и Фригийское царство. Повествующие об этом авторы желают подчеркнуть то хитроумие царя, то его решимость, то его тайные познания, его «дары»: лишь он один, как утверждала магия, способен был развязать узел. Даже серьезный Арриан (II, 3, 8) без тени улыбки прибавляет: «Следующей же ночью и небо подало знак своего согласия, разразившись громом и молниями. А Александр наутро совершил жертвоприношения тем богам, которые подали ему знак, а также в благодарность за разгадку узла».

Кому не известна восхитительная, построенная на театральных эффектах история болезни Александра в Тарсе в августе 333 года, этот прекраснейший поданный героем пример величия души? Оставив в стороне все варианты, касающиеся действующих лиц и обстоятельств, переведем, следом за миллионами школяров, латинскую версию текста, с такой живостью набросанного Каллисфеном: «По прибытии в Тарс Александр соблазнился красотой реки Кидн, протекающей прямо посреди города, снял доспехи и, весь в пыли и поте, бросился в студеную воду. И тут его жилы внезапно сковало оцепенение, а при том, что голос царя также перехватило, не было видно не только средства, которое бы его излечило, но даже такого, что отдалило бы опасность. Единственным из врачей, обещавшим представить средство от недуга, был Филипп. Однако присланное накануне из Каппадокии письмо от ничего не знавшего о болезни Пармениона заставило подозревать Филиппа: Парменион советовал Александру остерегаться врача Филиппа, поскольку того, мол, за огромные деньги подкупил Дарий. Но Александр счел, что безопаснее все же будет

довериться сомнительной надежности врачу, чем погибнуть от несомненного недуга. И вот Александр, приняв от врача чашу с лекарством, передал ему письмо и, не отрывая глаз от лица Филиппа, принялся пить. Но видя, что Филипп безмятежен, он повеселел и на четвертый день выздоровел» (*Юстин*, XI, 8, 3-9).

Сколько рассуждений, речей, театральных сцен, картин породил этот анекдот! А какая историческая правда за ним стоит — за вычетом доблестно преодоленных последствий водного удара и ядовитого письма Олимпиады, которая побуждала своего сына Александра не доверять никому на свете — Пармениону, лучшему его полководцу, Александру из Линкестиды, его другу, всем врачам?.. К чести юного царя следует отметить: он не доверял доносам.

Подобно Гераклу — от победы к победе

В ноябре 333 года произошло сражение при Иссе. Тут уже тон повествователей без какой-либо натуги делается эпическим. Они насчитывают в азиатской армии 400 тысяч пехотинцев и 100 тысяч всадников, которым противостоит маленькое, десятикратно уступающее неприятелю войско Александра. «Сражаясь в первом ряду, он был ранен мечом в бедро — согласно Харету, Дарием, потому что они вступили в единоборство» (*Плутарх «Александр», 20, 8*). Стрелы летели такой густой тучей, что они сталкивались друг с другом и падали, не долетая. Четверка Дария оказалась скрыта грудой трупов. Бегство Царя царей повлекло за собой разгром его кавалерии, а затем и пехоты. Греки обнаружили в его покинутом лагере «огромное количество золота и серебра, которое служило не ведению войны, а удовольствиям» (*Курций Руф, III, 11, 19*). «За этим последовала резня персов. Их пехотинцев было перебито 61 тысяча человек, всадников 10 тысяч; в плен взято 40 тысяч. У македонян пало 800 пехотинцев и 150 кавалеристов» (*Юстин, XI, 9, 10*). Согласно Диодору и Квинту Курцию, которые следуют рассказу Клитарха, персы потеряли 100 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников. Арриан еще увеличивает эти цифры, давая их отдельно по персам и их союзникам.

Однако после битвы — сколько сострадания, сколько гуманности, сколько щедрости проявил победитель! Сына Дария он решил воспитать как собственного ребенка, собирался дать приданое его дочерям, оставил за пленными царицами их свиту, а Сисигамбрию, мать Дария, почитал за свою вторую мать. Но самой восхитительной чертой, говорящей об умеренности и

мудрости Александра, было пренебрежение, проявленное им к Дариевой роскоши: «Когда он увидел массивные тазы, кувшины, ванны и сосуды для благовоний — всё из золота и затейливо разукрашенное, когда вдохнул аромат покоя, как бы пронизанного ароматами и миром, а потом прошел в шатер, достойный удивления как высотой и величиной, так и разнообразными украшениями ложа, столов и пиршественных приборов, Александр оглянулся на товарищей и сказал: „Так вот, наверно, что значит царствовать!“» (Плутарх «Александр», 20, 13).

Поражает эпический тон, к которому прибегают, описывая битву при Иссе, авторы «Вульгаты»: здесь и возвеличение самой местности, и описание личных подвигов (ἄριστεῖαι), и прославление героя, и противопоставление мужественной аристократии тупой и жадной солдатской массе, и количественные преувеличения, и страсть к контрастным образам — недостатка нет ни в чем. Однако здесь высшими добродетелями более не почитаются лишь физическая сила и мужество: теперь не меньше внимания уделяется уму полководца, ясному видению целей, которых следует добиваться, быстроте в принятии решений, изобретательности, результату рефлексии, а также пониманию, что эта схватка, которую все принимали за последнюю, еще не есть решающая битва. Нет сомнения, что за время, протекшее от Гомера до Клитарха, угол зрения сместился, рефлексия дала в Греции буйные всходы, и на свет явился новый, основанный на знании героизм.

Об осаде и взятии Тира (февраль — август 332 г.) безличной памяти было угодно сохранить лишь несколько образов, которые имеют тот же смысл, что и выделенные автором после Исса. С одной стороны, перед нами человек, который, словно титан, засыпает громадной глубины морской пролив; который в полном

вооружении, с палашом на боку и выставленной вперед пикой, первым спрыгивает с осадной башни на крепостную стену высотой с пятиэтажный дом, тем самым решая судьбу города; который, наконец, продает в рабство 30 тысяч жителей Тира и распинает еще две тысячи в качестве жертвоприношения Гераклу-Мелькарту, своему предку, выказывая себя благочестивым царем. Но, с другой стороны, подробные рассказы об осаде Тира, которыми мы располагаем (14 страниц у Квинта Курция Руфа, 11 — у Диодора), в основном посвящены не чудесам и пророческим снам царя, но хитроумию морских инженеров и механиков, слаженности усилий, дипломатическому искусству, терпению и разуму Александра. И здесь соперничество переместилось из сферы мужества в сферу знания и даже мастерства.

Мы уже говорили о предсказаниях, сопровождавших, согласно традиции, основание Александрии, о птицах, слетавшихся на дорожки из муки или крупы, которыми была намечена линия стен исполинского города. Но самое удивительное во всем этом — то, что Александр, герой-основатель, не поддался упадку духа, охватившему его войско, и, в пик ветрам и болотам, навязал всем свою волю, превратив пустынный островок и болотистый перешеек в самый большой и красивый город Средиземноморья. Ему, как человеку ясновидящему, достаточно было показать, что «основанный им город будет изобиловать ресурсами и доставлять пропитание самым разнообразным людям», насытив бесконечное множество птиц⁶⁵ (*Плутарх «Александр»*, 26, 10; ср. *Арриан*, III, 2, 1-2; *Курций Руф*, IV, 8, 6 и т. д.).

Рядом с этим исполненным разумной уверенности поступком поездка в оазис Сива в сопровождении горсточки всадников и погонщиков верблюдов представляется чистой воды безумием. Египтяне еще

преувеличивали опасность, исходившую от пустыни в том феврале 331 года: «Хотя их было немного и они были налегке, путь, который им предстоял, был едва ли им по силам: небо и земля обезвожены, кругом бесплодные пески... Предстояло преодолевать не только зной и сухость края, но и вязкие пески, толща которых подавалась под ногами и едва держала путника» (Курций Руф, IV, 7, 6–7).

Однако и здесь разум и упорство Александра оставили позади все препятствия. Ибо отряд выступил из Мерса-Матрух в Сиву в сопровождении верблюдов, в изобилии нагруженных бурдюками; передвижение осуществлялось исключительно ночью посреди сезона дождей, и по тому, что наивным людям угодно было рассматривать как чудесные знамения — по полету воронов, появлению змей из оазиса, — проводники находили дорогу, по которой следовало идти. Чудесно и судьбоносно другое: обращение к оракулу Амона внутри второй ограды крепости Сива, в храме Агурми. Между тем как гетайры из эскорта снаружи вопрошали покрытого драгоценными камнями идола, которого носили в позолоченном сосуде, жрецы позволили Александру, наследнику фараонов, войти в храм. Нижеследующий рассказ в основных своих чертах повторяется у всех авторов «Вульгаты». Через Клитарха он восходит к Каллисфену, который неспешно повествовал о высшем откровении, обретенном через пустыню.

Итак, Александр вошел в целлу храма, в святая святых, и склонился перед богом. Вперед выступил самый старший из жрецов, истолкователь воли бога, и сказал: «Привет тебе, сын Амона!» (по-гречески: сын Зевса, παῖς Διός, что некоторые поняли как «сын мой», παῖδίον). Александр ответил: «„Я принимаю и признаю этот титул. Но скажи, дашь ли ты мне власть над всей землей?“ И когда жрец дал ему утвердительный ответ,

Александр спросил, покарал ли он всех убийц своего отца. На это жрец вскричал: „Помилуй! На свете нет человека, который бы мог злоумышлять против породившего тебя, а все убийцы Филиппа наказаны. Свидетельством того, что тебя породил бог, будет величие твоих удач в делах. Ты и прежде был неодолим, и впредь будешь непобедимым!“» (*Диодор*, XVII, 51, 3-4; то же самое, почти слово в слово, повторяет *Курций Руф*, IV, 7, 25-27).

Александр, ободренный и обрадованный, отблагодарил бога богатыми подношениями и передал жрецам деньги. Вот что поведали молодые друзья нового фараона его пожилым товарищам, оставшимся в Мемфисе. Даже если история эта и вызывает некоторый скептицизм, Птолемей и его двор постарались придать ей достоверность. Но лучшей гарантией того, что пророк Амона сказал правду, стало войско Александра, которое летело от победы к победе на протяжении 12 лет. Боги и люди ручались за царя. При таких обстоятельствах мудрость Александра заключалась в том, чтобы ничего не утверждать, а лишь давать понять. Он прекрасно знал, что для того, чтобы войско верило в своего главнокомандующего, он должен быть уверен в себе и должен это показать. «Слава о божественном происхождении, — говорит Плутарх, — служила Александру для порабощения окружающих» («Александр», 28, 6). В апреле 331 года он покинул Египет и двинулся навстречу бесчисленным войскам Дария, уже исполнившись духом победителя.

Но прежде чем дать сражение в нескольких километрах от древней Ниневии, при Гавгамелах («верблюжье пастбище»), потомок Геракла, в котором кое-кто уже видел новое воплощение этого героя, вновь вернулся на родину в Тир, чтобы восстановить его и снова заселить. Он совершал жертвоприношения и устраивал процессии в честь богов, устроил конкурс

дифирамбов, или положенных на музыку диалогов с танцами, и трагедий, где особенно выделялись самые известные постановщики («хореги») и актеры с Кипра, из Киликии и Афин. Это были в равной мере благочестивые и разумные действия, ибо в них можно усмотреть как умиловляющую жертву, так и пропаганду эллинизма. По дороге, подобно Гераклу, он охотится на львов в одном из царских «парадисов» и спасает своего друга Лисимаха из лап самого яростного из этих хищников. Здесь можно вспомнить львов Киферонского и Немейского, а также Наксосского, которые стали жертвами Геракла, а также статуи ассирийского Ваала, который удушает льва, сдавливая ему глотку локтевым суставом.

При чтении подробных описаний сражения при Гавгамелах (1 октября 331 г.) возникает впечатление, что два основных рассказчика, Каллисфен и Клитарх, одному Александру приписывают заслугу упрочения своего положения, много раз висевшего на волоске. Гавгамелы — это его собственная победа, грандиозная победа над самим собой, над старостью и страхом Пармениона и над чуть ли не миллионом людей, над этой пестрой толпой, которую смог собрать Дарий. Здесь произошел переход от эпического стиля к житийному. «В боэдромионе (сентябрь 331 г.), когда афиняне начинают праздновать Элевсинские мистерии, произошло лунное затмение. А на одиннадцатую ночь после затмения в обоих станах завидели неприятеля. Дарий держал войско под ружьем и при свете факела обходил строй. Александр же, пока македоняне отдыхали, вместе с прорицателем Аристандром совершал перед своим шатром некие неизреченные священнодействия и приносил жертву Фобосу (Страху)» (*Плутарх «Александр»* 31, 8–9). «Александр, который был напуган больше, чем когда-либо прежде, повелел призвать к нему Аристандра для совершения заклятий и

молитв. Одетый в белую одежду и с покрытой головой, держа в руке священные ветви, Аристандр шел впереди, вознося молитвы Юпитеру (то есть Зевсу Олимпийскому) и Минерве Виктории (на самом деле Афине Алкидеме) [и Гераклу, династическому богу]. Совершив, как положено, священнодействие, Александр вернулся к себе в палатку, чтобы отдохнуть» (*Курций Руф*, IV, 13, 14-16).

Заснуть Александру удалось очень поздно. Пармениону пришлось разбудить его, когда день уже занялся, однако душа у Александра была покойна, а ум невозмутим. Еще накануне он оповестил своих военачальников об избранной диспозиции. Союзным пехотинцам было велено, когда на них во весь опор ринутся вооруженные серпами персидские колесницы, расступиться и дать им дорогу, а фалангистам — сомкнуть ряды и опустить сариссы пониже, чтобы сесть экипажи. Александр обратился к отряду кавалерии с пламенной речью. «Одет он был в сицилийскую подпоясанную рубаху, а поверх нее — в двойной льняной панцирь... Шлем на Александре был железный, однако он блистал, словно сделанный из чистого серебра... К шлему было прикреплено также железное ожерелье, украшенное самоцветами, а меч у него был изумительной закалки и легкости... На нем был (красный) плащ, отличавшийся более тонкой отделкой, чем прочие доспехи... Под ним была другая лошадь, не Буцефал... Перебросив копье в левую руку, Александр возвел правую к богам и, как пишет Каллисфен, обратился к ним с молитвой, чтобы они, если он и в самом деле произведен на свет Зевсом (Амоном или Олимпийским?), оборонили и укрепили греков. Гадатель Аристандр, в белом плаще и с золотым венком на голове, верхом проезжая мимо, указал на орла, парившего над головой Александра, а затем направился прямо на врага» (*Плутарх «Александр»*, 32, 8-33, 2). Но

чудо все-таки не в этом, оно в бегстве Дария, пустившегося наутек, стоило ему увидеть Александра, который убил его возницу. Победитель рубил и колол беглецов до самого вечера, пока наконец Парменион не обратился к Александру за подмогой уже во второй раз. «Передают, что варвары оставили на поле битвы 300 тысяч трупов» (*Арриан*, III, 15, 6). Более скромный Диодор насчитал 90 тысяч убитых (XVII, 61, 3). Лишь герой в состоянии перебить столько народу и при этом с почтением относиться к павшим.

Позволив Дарию раствориться в горах Курдистана, а затем с остатками своих полчищ медленно двинуться вдоль отрогов Эльбурза, Александр встретил в Вавилоне триумфальный прием, с необычайной отвагой утвердился, зайдя обороняющимся в тыл, в Персидских воротах, не встретив сопротивления овладел столицами персов — Сузами, Персеполем, Пасаргадами, Экбатанами — и всеми их сокровищами. Общее количество драгоценных металлов, которое, несмотря на мародерство солдат, на потери и побеги расхитителей, оказалось в руках военной администрации, оценить невозможно даже с точностью в несколько тонн. Плутарх («Александр», 37, 4) или Онесикрит, его источник, утверждают: «Говорят, в Персеполе было найдено столько же монет, сколько в Сузах (40 тысяч талантов), и что для того, чтобы вывезти (в Экбатаны) казну и прочую утварь, потребовалось 10 тысяч парных запряжек мулов и 3 тысячи верблюдов». Более осторожные Диодор (XVII, 71, 1) и Курций Руф (V, 6, 9), следуя Клитарху, оценивают в 120 тысяч талантов только то, что находилось в Персеполе, а число обозных животных — в 3 тысячи верблюдов. Страбон пишет (XV, 3, 9), что в 331 году все персидские сокровища были собраны в крепости Экбатан, теперешнем Хамадане в Иране, и что они насчитывали 180 тысяч талантов. Последняя добыча, доставшаяся с обозом Дария после

его убийства, составила 26 тысяч талантов, из которых 12 тысяч были распределены среди солдат и столько же растащила охрана.

Захват персидских сокровищ, который продолжался в Бактриане, где течет золотоносная река Окс (Вахш), и в Согдиане, куда золото доставляют караванами с Алтая и из китайского Туркестана, принес сыну Филиппа в 200 раз больше наличных средств, чем их производили все рудники Восточной Македонии. Александр не собирался пускать их на ветер; он серьезно озаботился тем, чтобы защитить их вооруженной охраной и управлять ими посредством казначеев, которые были и министрами финансов, и надзирающими за доходами и имели под своим началом организованный штат чиновников. Дело не в том, что он был жаден или озабочен вопросами политэкономии. Он мог показывать себя таким, каким видел себя сам: щедрым по отношению к друзьям и солдатам, которые усердно ему служили, защитником греков, торговле, предпринимательству и искусству которых он покровительствовал. В высшей степени доходные операции совершали банкиры и менялы, во всех присутственных местах Греции и колоний выкупавшие за серебро у демобилизованных солдат дарики, или персидские золотые монеты, которыми те получали жалованье. То же касается и тех государств или городов, которые их переплавляли или перечекаивали в македонские золотые статеры весом в 8,55 грамма.

В первую голову золото имело в глазах Александра, как и в глазах тех, кто пользовался его щедростью, нематериальное достоинство. У всех у них имелось убеждение, пусть невыразимое, что золото, подобно солнцу и огню, обладает божественной сущностью и что оно священо. Золото было столь желанным по причинам религиозным и даже мистическим. Всякий, кто к нему прикасался и владел им с позволения богов,

держал в руках в виде монет или носил на себе в виде украшений частичку окаменевшего солнца, обетование вечности. Не случайно монеты Александра, которые чеканились прежде всего в мастерских Азии с 330 по 323 год, несут изображения Зевса, Афины, Победы и полубога, героя Геракла, покрытого львиной шкурой и удивительно похожего на самого Александра.

Однако этим сходство Александра и Геракла не ограничивается. Всем известны удаchi и бедствия сына Алкмены в Азии — как он с несколькими спутниками в первый раз овладел городом Троей, чтобы наказать царя-клятвопреступника Лаомедонта; как он отправился в страну амазонок и овладел поясом их царицы Ипполиты (то был его предпоследний подвиг); как стал рабом царицы Лидии Омфалы, которая дала ему несколько заданий: пленить чудовищных керкопов, усмирить царя Силея, Литиерса и итонов; как он жил у Омфалы, одетый в длинные женские одежды и пряд шерсть, бросая на царицу нежные взгляды; как отправился в самые глубины Кавказа освободить прикованного Прометея и убить орла или грифа, который пожирал его печень; как воздвиг на восточной оконечности мира, на берегу Яксарта, каменные колонны, меты его завоевания, аналогичные знаменитым Геркулесовым столбам, которые можно видеть по одну и другую сторону Гибралтара; как участвовал в плавании аргонатов и потерял в Мисии своего возлюбленного Гиласа. По трагедиям Софокла и Еврипида «Трахинянки» (ок. 445) и «Безумствующий Геракл» (ок. 420) известно также, как герой, введенный в заблуждение Зевсом, совершил три тяжких проступка в отношении Эврита, царя Ойхалии (в Фессалии, согласно Гомеру) и его сына: преступление против законов гостеприимства, предательское убийство и нечестивая любовь к женщине; как он был наказан за это, когда надел отравленную Нессом сорочку, которая

прилипла к его телу, и, наконец, как перед апофеозом очистил себя в пламени собственного погребального костра. Такой оказалась искупительная цена физической силы и славы.

Но все это школярские воспоминания. И все это было прекрасно известно грекам конца IV века до н. э., которые не преминули отметить аналогии между судьбой предка, с одной стороны, и последнего отпрыска в роду Гераклидов — с другой, словно Александр повторил, хотя бы отчасти, деяния Геракла, словно герой и в самом деле вновь в нем воплотился. Сравнение напрашивалось прежде всего в связи со встречах Александра с амазонками и его азиатскими браками, в связи с убийством им товарищей и в связи с кончиной Гефестиона и трагическим концом самого Александра, который был, по всей вероятности, отравлен.

Героические романы

9 июня 330 года Александр в сопровождении копейщиков и егерей пустился в погоню за Дарием. Это была сумасшедшая гонка, которая заставила его ускоренным маршем проделать 310 километров до Раг (в 8 км от Тегерана), а затем — еще 300 километров за шесть дней. Погоня достигла кульминации 30 июня и 1 июля, когда Александр и его немногочисленный эскорт за 18 часов безостановочной скачки преодолели 70 километров. Немного западнее Дамгана в Парфии, в крытой повозке они нашли мертвое тело Дария III. Предатели-сатрапы бросили его, чтобы поднимать на борьбу сатрапии, находившиеся у пределов обитаемого мира, но прежде велели своим заплочных дел мастерам удушить царя. Согласно версии, предлагаемой «Вульгатой», Царь царей был еще в сознании и, прежде чем умереть, смог поздравить Александра, поблагодарить его за хорошее обращение с плененной семьей и вручить его попечению империю.

И поскольку Дарий назначил Александра своим законным преемником, теперь уже на него оказалась возложена благородная миссия отомстить за своего предшественника на троне Азии и покарать его убийц — Бесса, сатрапа Бактрианы, Сатибарзана, сатрапа Аны, и Великого Визиря Набарзана. Александр устроил Дарию царские похороны, а затем собрал свои силы в Гекатомпилах в Парфии, близ нынешнего Шахруда и двинулся в направлении Гиркании и берегов Гирканского моря, которое мы называем теперь Каспийским. В долине Горгана ему довелось повстречать всевозможные чудеса: громадные подземные каналы, огромных водяных змей, осетров, дикую пшеницу и дикий виноград, сахарное дерево,

персики, абрикосы, крапчатых пчел. Он вторгся в область мардов (что означает в переводе «люди») к северу от Эльбурза и покорил их. А поскольку Геракл и Ахилл, предки Александра, на границах Кавказа победили легендарный народ амазонок, юный завоеватель также должен был с ними повстречаться.

По Гомеру («Илиада», II, 814; III, 189; VI, 186), но прежде всего по Геродоту (IV, 110–117) всякому известно, в какой мере эти близкие родственницы скифов служили грекам олицетворением перевернутого мира⁶⁶: они не знали мужчин, лишь иногда спариваясь с ними прямо на земле; ездили верхом (не это ли самое изысканное завоевание мужчин?) без седла и (о, ужас!) раздвинув ноги; их изображали на бесчисленных вазах в прилегающих штанах; они натягивали лук с обнаженной и изувеченной правой грудью; ими управляли женщины и т. д.

Совпадающим в этом текстам «Вульгаты», которые все до одного восходят к Клитарху, я предпочитаю смачное изложение в «Опытах» Монтеня (III, 5): оно придает живости изложению Диодора (XVII, 77, 1–3). «На счет беспредельной вольности амазонок следует отнести хотя бы такие их черты. Когда Александр проезжал через Гирканию, Талестрида, царица амазонок, отправилась к нему в сопровождении верховой свиты в триста человек — все воительницы ее же пола, на прекрасных лошадях и с отличным вооружением, — а прочие силы своей большой армии оставила за ближайшими горами. Явившись к Александру, Талестрида во всеуслышание заявила, что разнесшиеся повсюду вести о его победах и доблести побудили ее отправиться его увидеть и предложить ему свои силы и могущество в качестве подмоги в его предприятиях. Кроме того, видя, что он красив, молод и полон сил, она, также достигшая во всех этих качествах совершенства, предложила ему возлечь с ней, с тем

чтобы от самой доблестной женщины на свете и самого доблестного на свете мужчины родился такой ребенок, который бы совершил в будущем нечто великое и небывалое. За все прочее Александр ее поблагодарил, но чтобы дать время на исполнение ее последнего требования, он 30 дней оставался на этом месте, пропировав их самым беззаботным образом ради столь мужественной принцессы».

В этом он, впрочем, далеко отстал от Геракла, который провел 50 ночей с 50 дочерьми царя Феспия и произвел от них на свет 50 сыновей^[28]. Однако Александр не был ни простаком, ни ханжой. В противоположность той репутации пугливо-целомудренного недотроги, которую поддерживали его историографы и придворные, он, если судить по отзывам солдат, вовсе не чурался прекрасного пола. И хотя он и не последовал совету жениться и родить ребенка, который давал ему Парменион перед великим походом, он неплохо поладил с прекрасной и речистой Барсиной, которую тот же Парменион послал ему после битвы при Иссе, и уже вскоре она родила ему сына Геракла. После поражения Дария при Гавгамелах «дворец наполнили 360 наложниц — ровно столько же, сколько было у Дария» (*Курций Руф*, VI, 6, 8). А Диодор, вероятно, следуя тому же источнику, прибавляет (XVII, 77, 6-7): «Подобно Дарию, Александр повсюду возил с собой наложниц, числом не уступавших количеству дней в году. Красоты же они были несравненной, поскольку их отбирали из всех азиатских женщин. Каждую ночь они вставали вокруг ложа царя, чтобы он остановил свой выбор на той, которая останется с ним. Впрочем, к такому обыкновению Александр прибегал все же редко».

Отсюда понятно, почему солдатам было разрешено надругаться над женщинами в Персеполе, а также и причина пожара, возникшего во дворце Ксеркса,

который был учинен по наущению и инициативе куртизанки Таиды. Большинство историков вслед за Клитархом преувеличивают ее роль из низкопоклонства, поскольку она была любовницей Птолемея (F.G.H., № 137, 11). Прочитируем Плутарха («Александр», 38, 1-6), самого трезвого и наименее романтического из всех: «Случилось как-то Александру предаться с друзьями обильному винопитию и веселью, причем пили с ними и куртизанки, гурьбой заявившиеся к своим друзьям. Среди них более всех славилась Таида, подруга будущего царя Птолемея, уроженка Аттики. Она то умело льстила Александру, то шутила с ним и прямо среди возлияний завела с ним такие речи, которые вполне подобали нравам ее отчизны, однако ей самой явно не соответствовали. Она сказала, что этот день, когда она вволю наслаждается великолепием дворца персов, является достойной компенсацией за то, что пришлось ей претерпеть, странствуя по Азии. Но еще больше удовольствия доставило бы ей, если бы во главе веселой процессии она подожгла дом того самого Ксеркса, который сжег Афины. Она сама запалила бы его на глазах у царя, так, чтобы среди людей разнеслась молва, что явившаяся с Александром куртизанка, мстя за Грецию, нанесла персам большой урон, чем все эти флотоводцы и полководцы. Вслед за этими словами поднялись гам и сутолока, со стороны товарищей царя слышались исполненные честолюбия возгласы ободрения, они увлекли царя, он вскочил с места и с венком на голове и факелом в руке повел всех за собой. Все остальные веселой ватагой, с криками, двинулись за ним, а узнав о том, что происходит, сюда радостно набежали с факелами и другие македоняне...» Что и говорить, бывают женщины порядочные, а бывают соответствующие моменту^[29].

Не станем удивляться и тому, что один скифский царь из-за Яксарта, в теперешнем Казахстане,

предлагал Александру свою дочь, что сатрап Мидии представил ему сотню амазонок или женщин из Скифии, что Александр побуждал своих македонских военачальников и солдат обзаводиться в Азии не только наложницами, но и супругами. В области Свата на севере Пакистана к Александру в сопровождении толпы благородных дам явилась Клеофида, царица ассаков из области Масакавати (ныне Чакдара) — просить милости у великодушного победителя, и она была так прекрасна, а ее манеры столь изысканны, что Александр наделил и ее сыночком, который носил его имя (*Курций Руф*, VIII, 10, 34–36). Юстин (XII, 7, 11) прибавляет: «С тех пор индусы называли Клеофиду венценосной шлюхой — за то, что она отдала на поругание свою честь». Этот союз представляется романтическим изобретением вполне в духе Клитарха. «Роман об Александре» отведет ему несоразмерно большую роль в жизни Завоевателя. А вот еще более романтическая история первого настоящего брака Александра. Здесь нам остается лишь предоставить слово Клитарху, который вещает устами Квинта Курция (VIII, 4, 22–30):

«Сатрап (имеется в виду Оксиарт, бактрийский вождь)... взялся с варварской роскошью устраивать пир, на который был приглашен царь, и во время радостного торжества он повелел ввести 30 благородных девиц, меж которых была и его собственная дочь по имени Роксана, выделявшаяся телесной красотой, а также редкостной для варваров изысканностью наряда. Шествуя меж отобранных девиц, она обратила на себя взоры всех присутствовавших, но особенно царя. Ведь Александр, избалованный милостями судьбы, от которой род смертных защищен недостаточно, уже не так властно повелевал своими похотями, а потому в его груди разгорелась страсть к этой подлой, если сравнивать с царскими кровями, девчонке, и он сказал, что для упрочения царства необходимо соединить

персов и македонян брачными узами: только это может заставить побежденных позабыть свой стыд, а победителей лишить надменности. Ведь и Ахилл, от которого он ведет свой род, сошелся с пленницей. Так что пусть никто не почитает его желание соединиться с девицей брачными узами за что-то недолжное. Обрадованный этим против ожидания отец внимает речи Александра, а разгоряченный своей похотью царь велит по обычаю своей страны принести хлеб (у македонян он — самый священный залог для брачующихся), который разрезают мечом, и оба от него отведывают... Так-то вот царь Азии и Европы связал с собой брачными узами девицу, приведенную на пиршественные забавы, и собрался от пленницы произвести на свет отпрыска, который будет повелевать победителями. Другьям же царя было стыдно, что за вином и пиром он выбрал себе зятя среди покоренных...»

Чтобы сообщить этому молниеносному событию немного пикантности, следует сказать, что прекрасная Роксана была в числе благородных пленниц, захваченных на «согдийской скале», в неприступной крепости Ариамазе в 20 километрах к востоку от Дербента (Узбекистан), для взятия которой Александру пришлось засыпать пропасть или, согласно другой легенде, погубить немало жизней. Солдаты, свидетели подобных сцен любви и смерти, не могли судить царя обычными человеческими мерками.

«Эпитома деяний Александра» — единственный источник, утверждающий, что Роксана, на которой Александр официально женился в Бактрах зимой 328/27 года, во время индийского похода родила сына, вскоре умершего. Вновь она забеременела лишь в конце 324 года, сразу после смерти Гефестиона. Весной того же года Александр женился еще на двух персидских царевнах — Парисатиде, дочери Артаксеркса III, и Статире (Барсине), дочери Дария, и устроил в Сузах брак

сразу 10 тысяч выходцев с Запада с азиатками. Самая пышная церемония из всех, какие только можно себе представить, была предназначена не просто для того, чтобы поразить воображение и запечатлеться в людской памяти: она имела целью решительным образом укоренить македонскую нацию в сердце Азии и тесно сплотить под началом единого главы два народа, слишком долго пребывавших во вражде. Должно быть, это празднество в Сузах (март 324 г.), на котором официально и в той или иной мере вынужденно соединили свои судьбы греческие солдаты и азиатские женщины, получилось незаурядным и удивительно красочным.

Вероятно, самые существенные детали этого события стали известны Плутарху («Об удаче или доблести...», I, 329e-f), Арриану (VII, 4, 4-8) и Афинею (538b-539a) от Харета, управляющего царским двором и непосредственного свидетеля (?): пир на десяти тысячах расставленных кушетках на 10 тысяч персон под шатрами Его Величества, пятидневная мужская попойка, затем торжественный вход десяти тысяч персидских женщин под покрывалами, их распределение по кушеткам, раздача каждой паре золотой чаши для благочестивого возлияния, официальная раздача приданого от имени царя или лично царем, возвращение по домам — и в каком состоянии! Это мероприятие, на котором не было благодарных, обошлось в 8870 талантов. Это была плата за благое намерение навсегда установить гармонию и согласие, то есть доброе взаимопонимание между народами.

Одинокий герой

Напрасно начиная с 330 года молодой царь надеялся сблизить умы и сердца, осуществить слияние греческого гения, македонской энергии и персидского жизнелюбия — этих трех знаменитых особенностей индоиранских каст: самовластности, силы, плодovitости. Когда он поверг Дария и завладел его сокровищами, македонские солдаты, которые были призваны на службу четыре года назад, помышляли лишь о том, чтобы вернуться с жалованьем и добычей к родным очагам, а греческие наемники полагали, что Коринфский союз лишился всякой разумной причины для существования, и никто из прежних товарищей Филиппа не желал становиться подданным нового царя Азии, преемника и подражателя персидских царей. Одной из первых мер Александра после захвата сокровищницы Дария в Экбатанах была демобилизация греческих контингентов, в том числе фессалийцев.

Сразу же после смерти Дария македонских, пеонийских и фракийских солдат охватил приступ помрачения или паники, и они готовы были бросить все и вернуться по домам. Происходило это у Гекатомпил в Парфии, близ современного Шахруда. Каждому военачальнику царь обещал, что приструнит деморализованных македонян, а затем созвал собрание армии. Произнеся длинную речь, упор в которой делался на воинской доблести и его личной славе, Александр убедил их предпринять новый поход и, желая показать свою незаинтересованность в этом деле, распорядился сжечь собственное имущество. Охваченные энтузиазмом солдаты, если верить сообщениям, сожгли свои пожитки и устремились вслед за завоевателем на север, в погоню за амазонками, поскольку были убеждены, что те

обитают по краям Гирканского (ныне Каспийского) моря. Дальше на восток простиралась страна скифов. Через несколько дней путники должны были достигнуть Танаиса (Дона) и Истра (Дуная) на рубежах Фракии и Македонии. Таковы были первые признаки непокорности, первые вызовы царской славе, брошенные в августе 330 года.

В силу политических и нравственных причин, которые не могли постичь ни большинство офицеров, ни простые македоняне в фалангах, ни элитная кавалерия, Александр решил, резко развернувшись, погнаться за Бессом, предателем-сатрапом, который узурпировал титул царя Персии, а чтобы показать, что настоящим наследником Дария является он сам, принял на вооружение его политику, его одеяние, его церемониал и нравы. Александр поддержал администрацию на местах, назначил сатрапов из персов, распорядился поддерживать ритуальные огни, как того требовала персидская религия, продолжил чеканить дарики и сохранил в отношениях с восточными подданными прежний придворный протокол; привратникам и телохранителям, он, подобно персидским царям, повелел вести журнал записей царских деяний (будущий «Дневник») и, наконец, попытался убедить гордых и непримиримых товарищей, что они должны показать добрый пример покорности. Разве Геракл не повиновался Омфале, а Беллерофонт — Иобату, царю Ликийи?

Плутарх («Александр», 45, 1–4) пишет: «Став лагерем в Парфии и будучи свободен от дел, Александр впервые нарядился в варварское одеяние — то ли желая приобщиться к местным обычаям, поскольку для приручения людей очень важно сходство привычек и нравов, то ли желая тайком попробовать ввести среди македонян проскинесу... Однако он не принял мидийского одеяния, которое было совершенно

варварским и чуждым, и не надел ни штанов, ни рубахи, ни тиары, но произвел удачное смешение персидского и мидийского костюмов, так что его одеяние было не столь помпезным, как последний, однако более величественным, чем первый. Вначале он носил эту одежду, встречаясь с варварами и товарищами у себя дома, а затем выезжал в таком виде и занимался делами и перед многими людьми. Зрелище это было прискорбно для македонян». Так что Александр взял в руки скипетр, уселся на царский трон без спинки, а также воспользовался колесницей и даже шатром своего предшественника.

Однако есть нечто более серьезное, что было выражено не только греческими и латинскими моралистами, но и что можно прочесть в дошедших благодаря Плутарху и Афинейю отрывках «Дневников». «Свои громадные душевные дары, те свои таланты, в которых он превзошел всех прочих царей: постоянство в подвержении себя опасности, стремительность в делах и их осуществлении, верность данному сдавшемуся слову, милосердие к пленным, умеренность даже в дозволенных и заурядных удовольствиях — все это он осквернил своей несносной жаждой к вину» (*Курций Руф, V, 7, 1*). Немногим ниже тот же автор пишет: «Но как только душа Александра смогла размягчиться от навалившихся забот, его, оказавшегося более стойким к военным тяготам, чем к отдыху и досугу, взяли в плен наслаждения, и тот, кого не смогла сломить мощь персидского оружия, оказался побежденным пороками: все эти бесконечные пиры, эта неразумная услада не знающим удерживать винопитием ночи и дни напролет, эти игрища и толпы блудниц. Чужие нравы и обычаи бесповоротн одержали в Александре верх; подражая им, словно они были лучше своих собственных, он в равной степени оскорблял чувства и взор своих

единоплеменников, так что многие из друзей уже почитали его за врага» (VI, 2, 1-2).

Не будем, однако, преувеличивать: за период с октября 331 по март 327 года мы лишь в редких случаях располагаем достоверными свидетельствами продолжительных пиров и попоек, и они устраиваются обычно для того, чтобы отпраздновать блестящие победы, например, в Вавилоне, Персеполе, Гекатомпилах, Мараканде (ныне Самарканд), Бактрах (ныне Балх). Тяжкая индийская кампания и поход через Гедросию не были бы возможны, если командование было расслаблено чрезмерным винопитием и половой распущенностью. Пьянство и разврат становятся безудержными лишь по возвращении в персидские столицы — в Сузы, Экбатаны и Вавилон, на протяжении последних 12 месяцев царствования, когда герой, которого одолевали горести и заботы, пытался позабыть их в дионисийском опьянении. Если июль 330 года, когда Дарий был убит и Александр взошел на престол Азии, и стал поворотным моментом во всей эпопее македонского царя, еще на протяжении четырех лет он все еще летел от победы к победе и — что стало высшим его триумфом — перейдя пустыню, смог взять верх над самим собой.

Принятие варварских нравов и обычаев, пьянство, которое, в понимании современников, расстроило его нервы, и объясняют, вовсе их не оправдывая, заговоры, замышлявшиеся против личности Александра, солдатские бунты, досаду македонян, которые в конечном итоге и привели к смерти героя. Под этим углом зрения он оказался побежден собственным завоеванием, однако сила его души еще более возвеличила Александра. Рассказы, повествующие об осуждении на смерть друзей, пажей, людей, ему обязанных, призваны снять с царя моральную ответственность. Он — жертва Рока или собственной

судьбы, как Геракл — жертва своего безумия. Зевс-Амон сблизил их обоих испытанием, тяжело ударившим по Александру. Через страдание тот и другой обрели знание, недоступное большинству людей. С какой страстью Александр, как утверждает традиция, вопрошал индийских мудрецов при дворе Таксилы о таинствах жизни и смерти! Он и сам знал по опыту, уже слышав это из уст Аристотеля, что быть посвященным значит страдать. «Pathein mathein», — часто повторяли греки: «Страдание учит». В этих рассказах из совершенно иной эпохи — никакого упоения страданием. Они изображают Александра раненым, мучающимся, кающимся, в слезах: быть человеком, причем человеком высшего рода, — значит иметь достаточно мужества и для того, чтобы плакать.

Оставив Гекатомпилы и блаженную Парфию, армия пересекла взбунтовавшуюся Азию — от Сузианы близ Мешхеда в Иране и до Герата в Афганистане, а затем Дрангиану и край ариаспов к северу от озера Зарангай, теперешнего Гамун-э-Гельманд^[30]. Именно здесь, во Фраде (ныне Фарах) в октябре 330 года был раскрыт так называемый «заговор Филота», участники которого поплатились за него жизнью. Настоящий же заговор замыслился одним из товарищей Александра, — несмотря на все клятвы, попойки и братство по оружию. Димн, один из друзей царя, принимал участие в походе с самого начала. «Он был за что-то обижен на царя и, уступив своему чувству гнева, составил против него заговор. У Димна был возлюбленный по имени Никомах, и Димн убедил присоединиться к заговору также и его, а тот, будучи еще совсем юным, рассказал об этом деле брату Кебалину. Кебалин же, страшась, как бы кто из осведомленных о заговоре не опередил его и не открыл всего дела царю, решил объявить о нем сам. В тот же день он отправился и, встретив Филота и с ним переговорив, просил как можно быстрее донести о деле

царю. Однако Филот — то ли из-за того, что и сам был в числе заговорщиков, то ли по легкомыслию — воспринял сказанное ему с большим безразличием и, явившись к Александру и обсуждая с ним многие весьма разнообразные дела, ничего не сказал о сообщении Кебалина... Когда Филот поступил точно так же и на следующий день, Кебалин, опасаясь, что царю сообщит об этом деле кто-то другой и опасность будет угрожать уже ему самому, оставил Филота в покое и, подойдя к одному из царских пажей (Метрону), подробно ему обо всем рассказал и попросил как можно скорее доложить царю» (*Диодор*, XVII, 79, 1-4).

Был уже вечер, и Александр принимал ванну, когда Кебалин вдруг донес ему на Димна и восьмерых соучастников (все офицеры старой гвардии). Кроме того, внимание царя было обращено на то, что своим молчанием Филот покровительствовал заговору либо являлся его организатором. Царь повелел тут же взять Димна под стражу, но тот, видя, что дело вышло наружу, пытался защищаться, выхватив меч, и пал, сраженный ударами стражи, которой было поручено его привести. Александр, который еще более был обеспокоен мыслью, что доказательства заговора ускользают от него, прямо среди ночи созвал свой тайный совет, составленный из более молодых и верных товарищей. Гефестион и Кратер обвинили Филота, которого ненавидели и за которым Александр уже два года вел слежку с помощью наложницы. Они не могли ему простить прежде всего того, что честь завоевания Азии он приписывал Пармениону и его сыну (то есть себе) и отрицал за Александром право на божественное происхождение, а также божественное право властвовать над завоеванными землями. Во имя македонского обычая, поручающего царю организацию судебного процесса, который касался его личности и позволял солдатскому собранию во время войны выносить приговор, собрался

трибунал: «Подвергнутый пытке, Филот сознался в участии в заговоре и был казнен в соответствии с македонским обычаем (пронзен копьем) вместе с другими соучастниками» (*Диодор*, XVII, 80, 2).

Одновременно Александр отправил в Экбатаны Полидаманта, лучшего друга Пармениона, в сопровождении небольшого эскорта бедуинов, сидевших на беговых дромадерах. За десять дней они пересекли 700 километров пустыни Деште-Кевир и, как им и было велено, казнили отца Филота прямо в парке его резиденции, несмотря на телохранителей и войско. Надо полагать, что по закону должны были умереть и ближайшие родственники предателя. Но Парменион и Филот были всего лишь ярчайшими представителями целого политического направления, сохранявшего верность традициям национального македонского царства, и они отказывались понимать те перемены, на которые сознательно пошел Александр, придя в соприкосновение с восточными монархиями. Кроме того, Парменион располагал в Мидии такими людскими и денежными ресурсами, что представлял собой грозную опасность для царя⁶⁷. Никто, даже среди историков-современников этой трагедии, не считал их заговорщиками. Но, с одной стороны, Парменион и Филот «вызывали ярость царя своими нападка, что он, мол, ниспроверг нравы и обычаи отца Филиппа и своей отчизны» (*Юстин*, XII, 5, 2), а с другой — Александр опасался влияния старших товарищей на свои войска и их популярности среди них. Парменион располагал в Экбатанах, несмотря на повеления царя, 6 тысячами македонян, 200 представителями знати, 5 тысячами греков с 600 кавалеристами, между тем как самому царю, исчерпавшему ресурсы в самом сердце враждебной Дрангианы, пришлось после казни Пармениона прождать два месяца, прежде чем они

присоединились к его армии, обессиленной от голода, переутомления и холода.

Причина того, почему эта трагедия стала возможной, в той предыстории, которую дал ей Клитарх, а подытожил Диодор (XVII, 79, 1): «Один из друзей царя был за что-то на него обижен». Здесь речь идет как о конфликте поколений, так и о политических разногласиях. Даже если Филот, который был значительно старше царя, не был прямым участником заговора, многие взоры были устремлены на него, и ряды его сторонников постоянно пополнялись. Нет также никакого сомнения в том, что по крайней мере после посещения оазиса Сива и посвящения Александра в герои, разногласия между родом Пармениона и Аргеадами становились все более резкими.

Эти семейные раздоры не следует судить морализаторски, подобно римским писателям. Политика требовала, чтобы более сильный устранил более слабого, и в ноябре 330 года у царя не оставалось выбора. А едва «заговорщики» были устранены, Александр устроил суд над своим тезкой Александром Линкестидским и казнил его. Этот Александр был обвинен в заговоре еще четыре года тому назад; переезжая с места на место в крытой повозке вслед за армией, он изнемог, одурел от испытаний и не был способен даже защищаться: прекрасный повод уничтожить соперничающую династию. Всякому, однако, понятно, что в данном случае царь трактовал закон по собственному произволу и все в большей степени притязал на то, чтобы быть монархом по божественной воле, а не по справедливости. Теряя старинных своих защитников, вне всякого сомнения, герой становился все более одинок.

Дальше и лучше Геракла

Зима 330/29 года, посвященная тому, чтобы основать к северу от Кабула новую Александрию и перевалить через заснеженный Гиндукуш, предложила Александру препятствия, достойные героя. Он полагал, что совершает переход через Кавказ, находясь близ северной оконечности мира, там, куда явился Геракл, его предок, чтобы освободить прикованного Прометея и убить грифа, который терзал его печень. И в самом деле, туземцы показали македонянам в Гандхаре гору, где, как считалось, герой Веретрагна сразил птицу Симург в ее убежище среди скал, а весь этот горный массив они называли Упари-Сена, «недоступный орлу Сене». С тех пор греки называли эту гору Паропанисада. Будучи убеждены, что перевалили через нее, они сблизили греческую легенду и иранский миф. Они даже полагали, что отыскиали на берегу Яксарта (Сырдарьи), близ нынешнего Ходжента, границы мира, воздвигнутые там Гераклом⁶⁸. Александр поступил еще лучше: он возвел здесь четвертую из своих Александрий, ту, которую называют «Эсхатой», «Крайней».

Далее, после того как Александр изничтожил всех повстанцев в Бактрии и Согдиане, взял штурмом неприступные крепости в Таджикистане и вынудил покориться ему даже скифов, мы видим его в октябре 328 года в Мараканде, теперешнем Самарканде в Узбекистане. Он одет на персидский манер, требует от азиатов, чтобы они перед ним простирались, а от своих македонских и греческих военачальников — знаков уважения, которые были бы по крайней мере аналогичны простиранию ниц. Пусть следуют протоколу! Две попытки компромисса, о которых повествует Харет, управляющий царским двором, оказываются равно

безрезультатными. И тогда Александру снится тревожный сон: он видит своего верного Клита, прозванного Черным, сидящим в траурных одеждах среди сыновей Пармениона, и все они мертвы. Чтобы отвратить судьбу, Александр пригласил его поужинать и разогнать тоску за чашей, назначил его сатрапом Согдианы и хранителем северо-восточных азиатских рубежей. В тот вечер Александр принес жертвы не Дионису, а Диоскурам, близнецам и сыновьям Зевса. Разве Александр также не сын Зевса, а Клит не его молочный брат?^[31] Но судьба сильнее людей и даже богов, и порой ее неотвратимости угодно, чтобы воин вышел за пределы предписанного и совершил тяжкие бесчинства.

Мы будем придерживаться наиболее трезвого рассказа, а именно того, что принадлежит Арриану (IV, 8-9), поскольку Курций Руф и Плутарх добавляют к свершившейся драме всякого рода украшения: «Говорят, что в тот день Александр пренебрег Дионисом и принес жертву Диоскурам... Затем попойка продолжалась дальше (ибо и в отношении застолий Александр позволил себе нововведения в варварском духе), и разговор зашел о Диоскурах, про то, что их происхождение стали возводить к Зевсу, тем самым лишив отцовства Тиндарея. И некоторые из присутствовавших... из лести Александру начали говорить, что подвиги Полидевка и Кастора^[32] не идут ни в какое сравнение с деяниями Александра, а были и такие, что не удержались и в опьянении затронули также и Геракла... Было явно заметно, что Клит давно досаждает на произошедшую в Александре перемену в сторону варварских нравов, а кроме того, на слова тех, кто ему льстит. Также и он был разогрет вином и потому воспротивился богохульству, а также тому, чтобы Александру доставляли столь нелюбезную любезность, понося дела древних героев. Да и самого-то Александра

подвиги вовсе не так велики и удивительны, как превозносят их эти люди, и к тому же он свершил их не один, но бóльшая их часть по праву принадлежит македонянам. Эти слова затронули Александра за живое... Клит, будучи уже вне себя, начал превозносить деяния Филиппа, а Александра и его достижения развенчивать. Клит был уже совсем пьян, и он принялся ругать Александра на все лады, упрекая его в том, что это он, Клит, спас Александра в битве при Гранике... „Вот эта самая десница, — вскричал он, — спасла тебя тогда!“ Александр был более не в состоянии переносить его пьяные поношения, он вскочил на ноги и бросился было на Клита, однако окружающие его удержали... Товарищи не смогли его больше удерживать, он вскочил и, выхватив копье у одного из своих телохранителей, пронзил им Клита». Видя истекающее кровью тело, убийца мгновенно понял, какое преступление совершил и всю меру своего безумия. В полном расстройстве чувств, впав в совершенное отчаяние, этот опаматовавшийся Геракл завыл от горя. В течение трех дней он отказывался пить и есть, не мылся и не брился, а только рыдал...

Между тем как прорицатели и жрецы пытались утешить Александра, возлагая его несчастье скорее на счет гнева Диониса, чем злобной выходки самого Александра, и напоминая ему о предсказаниях и о всемогуществе Судьбы, философ Анаксарх из Абдер, ученик Пиррона, предложил Александру вершить правосудие так, как ему заблагорассудится, поскольку, будучи Царем царей и представителем высшего из богов — Зевса — на земле, он является сразу и справедливостью и правосудием, то есть Фемидой и Дикой в одном лице. Дав логическое обоснование такому применению власти, этот предшественник Макиавелли побудил Александра соединить македонскую монархию с абсолютной властью азиатских государей. Каллисфен,

уже в который раз мусоливший изречения из «Политики» и «Никомаховой этики» Аристотеля, горячо возражал. Мы снова встречаем эти мысли в «Письме Аристотеля Александру», известном нам лишь в арабском переводе VIII века и, возможно, являющемся школьным упражнением эллинистического времени⁶⁹.

Самое существенное можно изложить несколькими словами: «С греками следует обращаться как вождю (ἡγεμῶν), а с варварами — как абсолютному господину (δεσπότης). Не задевай другого приказом, который сделает из тебя не правителя, но господина, не царя, но отвратительного тирана. Пользоваться властью над свободными и благородными людьми лучше, чем помыкать рабами, даже когда их огромное число. Знай, что всякое покушение на их достоинство более жестоко для свободных людей, чем покушение на их имущество или их тело, потому что они охотно отдали бы и то, и другое, чтобы сохранить невредимыми благородство и достоинство». Вот почему всего через несколько месяцев после недостойных высказываний Клита и его смерти, в начале 327 года в Бактрии-Зариаспе открылось то, что было названо заговором пажей, членов того элитного корпуса, который был у македонян своего рода питомником по подготовке военачальников и чиновников.

Юный Гермолай, сын одного военачальника гетайрской кавалерии, считавшийся к тому же учеником дерзкого Каллисфена, убил кабана, которого царь намеревался свалить собственноручно. Уступив своему гневу, царь распорядился прилюдно выпороть молодого человека и отобрал у него коня. Гермолай, которого уязвило совершенное над ним насилие и, вероятно, подталкивал Каллисфен, вместе с девятью другими пажами замыслил заговор с целью убить тирана вечером во время пира. На них донес брат одного из заговорщиков, их взяли под стражу, пытали и побили

камнями. Передают, что Гермолай якобы сказал Александру на военном совете: «Мы задумали убить тебя, потому что ты перестал управлять нами как свободнорожденными людьми, а начал помыкать, словно мы рабы» (*Курций Руф*, VIII, 7, 1). «В письме Кратеру, Атталу и Анкету Александр говорит, что под пыткой молодые люди показали, что всё совершили сами и никто другой посвящен в это дело не был» (*Плутарх «Александр»*, 55, 6). Но, подозревая их учителя Каллисфена в том, что это он так на них повлиял, Александр бросил его в Бактрах в темницу. В течение семи месяцев Каллисфен пребывал под стражей, ожидая предполагаемого суда, и умер в собственных нечистотах, заедаемый вшами, между тем как герой, которого он чествовал в своей «Истории», продолжал свою эпопею и свои деяния в Индии.

Мы уже рассказывали о том, что греки, как они решили, отыскиали в долине Свата, у подножия горы Мерос, место рождения Диониса, родившегося из бедра Зевса, и как, овладев крепостью Пир Сар и покорив весь Пенджаб, они сочли, что превзошли местных богов Шиву и Кришну, уподобленных Дионису и Гераклу. Говорили мы и о том, как Александр и его молодые штабисты, движимые горячим сочувствием к восточным мудрости и нравам, подружился близ Таксилы с двумя индусскими мудрецами Каланой и Дандамидом. Основные положения их учения сохранены в рассказах Онесикрита, товарища Александра, и Мегасфена, который отправился в Индию поколение спустя.

Большая часть аналогий, которые прежде считались порождением фантазии, с точки зрения современных индологов, оказываются полными смысла⁷⁰. К примеру, Мерос — это на самом деле гора Меру, на которой посреди Джамбудвипы живут бессмертные боги. В начале «Махабхараты» повествуется о том, как, собравшись на Меру, боги решили изготовить напиток

«бессмертия», «амриту», пахтая молочное море горой Мандарой, как бог Шива поглотил все смертоносные испарения и уничтожил их в своем теле и как после ужасной борьбы с демонами драгоценная жидкость осталась у богов. Грекам из этого эпизода запомнились лишь освежающие ветерки и целебные воды горы Меру. Но также и паломничество Александра в сопровождении веселой процессии на этот горный хребет к северо-востоку от Массаги (Чакдара), и урок мудрости и благочестия, который дали ему обитатели Индии. Это произошло в 327 году. Двумя годами позже Александр лечил на берегу Инда своих товарищей, раненных отравленными стрелами, и увидел во сне траву, которая спасла от смерти дорогого ему Птолемея. Его грудь при штурме крепости малавов пронзила стрела, и он чудом избежал смерти. Именно тогда, в царстве Самба (Самбху) он завязал связи с брахманами, называемыми по традиции «гимнософистами», то есть нагими мудрецами.

«Среди гимнософистов Александр захватил десять тех, которые больше всех убеждали Саббу (Самбху) отложиться и доставили македонянам более всего зла. Считалось, что они достигли совершенства в краткости ответов на вопросы. Александр предложил им головоломные вопросы, сказав, что первым убьет того, кто даст неправильный ответ, а затем и всех прочих по очереди. Судьей он назначил также одного из них, самого среди них старшего.

Первый, спрошенный, как он полагает, кого больше — живых или мертвых, ответил, что живых, поскольку мертвых уже нет. Второго спросили о том, что — земля или море — произращает более крупных животных, и он ответил, что земля, поскольку море — часть земли. Третий, спрошенный о том, какое животное самое хитрое, ответил, что то, которого человек до сих пор не узнал. Четвертый, отвечая на вопрос, какой был у него

расчет побуждать Саббу отложиться, сказал, что хотел, чтобы тот красиво жил или же красиво умер. У пятого спросили, что, как он считает, возникло раньше — день или ночь, и он дал ответ, что день был раньше на один день. А когда царь изумился такому ответу, прибавил, что на головоломные вопросы и ответы неизбежно головоломные. Царь перешел к шестому и спросил его, как человеку добиться, чтобы его сильнее всего любили, на что тот ответил, что, будучи могущественнейшим, ему следует не быть страшным. Из троих оставшихся первый на вопрос, как человеку стать богом, что для этого надо совершить, ответил, что совершить надо то, что человеку не под силу. Вопрос второму был о жизни и смерти — что из них сильнее, на что он ответил, что жизнь, доставляющая столько зла. Последнего спросили о том, до какого времени человеку стоит жить, на что он ответил, что до тех пор, пока не сочтет, что умереть лучше, чем жить. Тогда Александр обратился к судье и велел ему объявить свой приговор, а когда тот сказал, что один отвечал хуже другого, царь спросил: „А не следует ли первым, с таким-то приговором, умереть тебе?“ На это мудрец ответил: „Вовсе нет, о царь, если только ты не сказал неправды, когда постановил, чтобы первым умер тот, кто дал худший ответ“. Александр наделил их подарками и отпустил» (*Плутарх «Александр», 64 и 65, 1*).

Будет неправ тот, кто усмотрит во всем этом лишь предание и риторические украшения, годные лишь на то, чтобы служить пищей для «Романа об Александре». Онесикрит расспрашивал индийских священников и мыслителей, и их ответы лежат в русле вполне традиционных брахманизма или буддизма. Они покоятся на особых представлениях о зле, о подавлении желаний, о непрерывной жизни, о реинкарнации, о божественном и ненасилии, «ахимсе». Четвертый вопрос касался похода Александра в Индию и причин, по

которым происходят восстания. Ответ отсылает к хорошо известному учению брахманизма: у «кшатрия», то есть благородного воина, а особенно «раджана», имеется кодекс обязанностей («дхарма»), который он должен исполнять перед своей кастой, перед своим цветом («варной») и который не имеет ничего общего с греческим законом, устанавливаемым коллективным голосованием. Здесь пришли в столкновение два мировоззрения. Изумительнее всего то, что грек не только не осудил тех, кого не способен был понять, но сделал попытку поступить к ним в школу. Джайнист Калана последовал за Александром вплоть до персидского двора, и государь повелел своим военачальникам присутствовать на самоубийстве мудреца на костре, погруженный в размышления о пророческих словах своего нового друга: «Встретимся в Вавилоне». Несомненно, он спрашивал самого себя, не является ли и он каким-то героем, перевоплотившимся за прошлые ошибки и обреченным перевоплощаться до тех пор, пока не ускользнет от будущего, чтобы более не быть, или, скорее, чтобы наконец «сбыться».

Александр особенно запомнился ответ на седьмой вопрос. Это было побуждение идти дальше и превзойти подвигами самого героя Геракла. И потому в Индии Александр совершил три деяния, которые превосходят человеческую меру: в мае 326 года в битве при Джалалпуре он своей рукой сражает гиганта Паураву (Пора по-гречески) на громадном слоне; зимой 326/25 года он в одиночку овладел стеной и крепостью малавов; в июле 325 года он через устье Инда проник в безбрежный Океан, которого не пересекал ни один смертный. Прежде чем покинуть Индию, он оставил несколько свидетельств своих подвигов: 12 алтарей, соответствующих числу подвигов Геракла, поставленных на берегу Биаса, дальше которого измотанные солдаты двигаться не пожелали, лагерь с

громадными кормушками и удилами, четыре колонии: Никею, Буцефалию, Александрию Опиенскую (ныне Уч) и Александрию Согдийскую (близ Суккура). Наконец, летом того же 325 года армия победителя отправилась основывать Александрию Оритскую, торговый порт в устье Порали, в 100 километрах к северо-западу от Карачи и вблизи крепости, называемой Рамбакия.

Историки не уделили сколько-нибудь значительного внимания великим сражениям, которые солдатам Александра пришлось вести в Индии против стихий, людей и зверей. Более всего они были заняты исчислением колоссальных побоищ. Они едва удостоили сообщения тот подвиг, которым было строительство и сосредоточение двух тысяч кораблей и спуск 120 тысяч человек по Джеламу и Инду до моря. Однако предание повествует о взятии одного безымянного города к северу от слияния Чинаба и Рави (близ нынешней Камалии?), в стране малавов, «самого многочисленного и воинственного из всех тамошних индийских народов», как говорит Арриан (VI, 4, 3).

Не желая повторять все нагромождения «Вульгаты», скажем лишь, что Александр, торопясь овладеть этим городом, первым взломал небольшую калитку в стене и проник внутрь городских укреплений. «Многих он свалил, а остальных обратил в бегство и загнал в городскую крепость. Поскольку македоняне все еще мешкали с осадными работами, Александр схватил лестницу, приставил ее к гребню стены и, держа небольшой щит над головой, начал взбираться наверх. Стремительность его напора была такова, что он упредил оборонявших стену варваров и оказался на стене. Поскольку индусы не осмеливались схватиться с Александром, а лишь метали в него дротики и пускали стрелы, под градом летевших в него снарядов царю приходилось худо. Македоняне приставили к стене две лестницы и густым валом полезли по ним наверх, но

лестницы обломились, и они попадали на землю. Царь, оставшийся без всякой подмоги, отважился совершить поразительный и достойный памяти поступок... Один как перст он прыгнул в город с оружием, и отовсюду на него стали набегать индусы» (*Диодор*, XVII, 98, 4-99, 2).

Плутарх («Александр», 63, 3-4) пишет: «По счастью, Александр встал на ноги. Поскольку он размахивал оружием, варварам показалось, что он держит перед собой блистающий метеор или привидение». Как утверждают историки, он то отражает нападающих на него врагов, то увлекает их поближе и разрубает пополам. Долгое время он героически сражается один, прислонившись спиной к стволу смоковницы, пока его наконец не прикрывают двое или трое щитоносцев, прыгнувших вниз одновременно с ним. Александра осыпают ударами палицы или тяжелых изогнутых мечей, и своим крохотным щитом все эти удары он парирует. Наконец стрела ударяет его ниже правого соска и проникает в легкое. Александр держится молодцом, он ухватывается левой рукой за ветку смоковницы, растущей у стены, сражается другой рукой, убивает врага и падает замертво. Рядом падает также один из двух его щитоносцев. Но свершается чудо: гетайры врываются в крепость, умерщвляют всех, кто попадает им на пути, и уносят лишившегося чувств героя. Уже через несколько дней он вновь появляется на людях: он не мог позволить солдатам упасть духом.

Следует воздать должное мастерству хирургов, которым удалось извлечь из панциря и раны железный наконечник в 3 дюйма шириной и 4 дюйма длиной, избегнув при этом столбняка или сепсиса. Отметим также, что стоило известию о ранении царя донестись до центра империи, как сатрапы и наместники воспряли в надежде, что Александр от него не оправится.

Героизм Александра в ходе марша по пустыне Гедросии (Белуджистан) в октябре и ноябре 325 года

проявился в духовной энергии, с которым этот поход был им задуман, в душевной силе, с которой он его перенес, и в плодах, которые он из него извлек. Начиная с выступления из Паталы (близ Хайдарабада в современном Пакистане), были приняты все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, чтобы сделать возможным переход через 700 километров пустынь между Белой, стоящей на Порали, и Бемпуром в Гедросии (современный иранский Белуджистан): вербовка местных проводников и погонщиков караванов, рытье колодцев, реквизиция зерна и скота, разосланные сатрапам Парфии, Арии и Дрангианы приказы подвезти провиант и вьючных животных, отправление посреди сезона дождей, проведенные в архивах канцелярии изыскания относительно предыдущих походов ассирийцев Семирамиды (Саммурамат, конец IX в.) и персов Кира II Великого (Куруш, ок. 550 г.), властителей, которых Александр должен был превзойти отвагой и умом.

С другой стороны, Александр поручил наиболее тяжелые и тихоходные подразделения армии своим заместителям Кратеру и Леоннату и велел им следовать наиболее удаленными от берега легкими маршрутами, в то время как сам он во главе самых мобильных частей (ок. 12 тысяч человек) и небольшого эскорта из гражданских лиц должен был двигаться как можно ближе к Океану, чтобы в случае неудачи оказать помощь большому флоту, которым командовали Неарх и Онесикрит. Южный маршрут имел то огромное преимущество, что был короче других и позволял довольно быстро добраться до Персии и Мидии, где сатрапы пытались вести независимую политику: какие еще можно ожидать последствия, если государь отлучается из столицы больше чем на пять лет!

Потери этой маленькой армии произвольно завышались, говорили об острой нехватке провианта и

даже о катастрофе. Плутарх («Александр», 66, 4–5) пишет, что «потери Александра были ужасны — он привел из Индии лишь четверть боеспособных воинов. Ведь у него было 120 тысяч пехотинцев и 15 тысяч кавалеристов», он смешивает те войска, которые собрались в Александрии Паропанисадской (Баграм), а затем в Сузах, с теми отборными частями, которые остались с Александром осенью 325 года. И он не принимает в расчет всех тех, кто был оставлен в колониях Индии, а затем Кармании, моряков на кораблях, торговцев и демобилизованных.

На самом же деле переход через пустыню Гедросии, где погибли 6 тысяч молодых людей с Балкан и во время которого внезапно обрушившимся потоком унесло часть личной поклажи Александра, был для него возможностью выказать стойкость к жажде и голоду, а также свое личное мужество. В один прекрасный день на глазах у своих людей он проявил великодушие полководца, который не пожелал утолить жажду в одиночку, а потом простил солдатам то, что они зарезали своих лошадей и вскрыли запечатанные тюки с провиантом, чтобы утолить голод. Обнаружил он и предприимчивость в поисках пресной воды на берегу моря и, наконец, сострадание к несчастным. В Бемпуре, Сальмунте и Кармане он смог устроить передышку и вознаградить людей, которые не потеряли веры в своего царя, тем, что провел здесь празднества и вместе с ними пьянствовал. Ему также удалось наказать сатрапов и наместников, усомнившихся в его победе. Он вернулся из Индии действительно «*anikètos*», что означает одновременно «непобежденный» и «неодолимый».

Плодом этой победы над стихией и людьми была, надо полагать, убежденность Александра в том, что он добился успеха там, где его предшественников постигла неудача, что он восстановил единство державы и укрепил собственную власть. С точки зрения

экономической это был подлинный триумф, поскольку оказались открыты три новых пути для торговли Индии с Европой: один — через Индийский океан, Ормуздский пролив и Персидский залив; другой — по караванному маршруту, идущему через Синд, Белуджистан и Карманию; наконец, последний — через Муланский и Боланский перевалы, Александрию Арахосию (ныне Кандагар), южный Афганистан, оазисы Бам и Керман и, наконец, Персиду в центре современного Ирана.

Преданный герой

И вот мы вновь видим Александра в древних столицах империи — в Пасаргадах, Персеполе, Сузах. Он стал еще более властным и щедрым, но и более винолюбивым, чем когда-либо прежде. Он казнил предателей из числа сатрапов и наместников, укрепил свою армию азиатскими частями, сформированными по македонскому образцу, основал еще две Александрии (в Кармании и в Сузиане), уволил с выплатой значительных премиальных ветеранов, пережил 10 тысяч своих воинов на 10 тысячах персиянок, дав им приличное приданое, и тем не менее никто его не благодарил, а сам он был несчастлив. Часть пехоты Александра, завидуя тем привилегиям, которые были пожалованы персидским гвардейцам, подняла мятеж в Описе; управлявший царской казной Гарпал бежал из Вавилона в марте 324 года; самый дорогой друг Гефестион, хилиарх, то есть Великий Визирь, умер в Экбатанах; регент Македонии Антипатр больше не слал добровольцев; греки отказывались подчиниться указам, которые обязывали их принять изгнанников и учредить в честь Александра официальный культ. Короче, друзья покинули или предали Завоевателя, который в это самое время собрался обогнуть Аравию и покорить все Средиземноморье вплоть до Гибралтара, как Геракл.

И в самом деле, отношения между Александром, находившимся в Сузах или Экбатанах, и Антипатром в столице Македонии Пелле стали похожи на отношения между Геркулесом и его двоюродным дядей Эврисфеем в Тиринфе: оставшийся дома, за надежным укрытием крепости регент требовал от героя завоеваний, трудов, подвигов — все более величественных, вплоть до спуска в преисподнюю, в надежде, что там он и останется. Чем

выше взмывает герой или гений, тем низменнее, завистливее, трусливее становится мир. Александр, который не питал относительно людских достоинств никаких иллюзий («удел царя, благотворя, дурно слыть»), не мог ускользнуть от закона Немесиды, от всеобщей зависти. Он спустится в преисподнюю и, как вавилонский герой Гильгамеш, не принесет оттуда ни живой воды, ни счастья, но лишь известие о своем близком конце.

Перед возвращением в Вавилон зловещие предзнаменования становились все более многочисленными. После новой победы, одержанной зимой 325/24 года над коссеями, или касситами, горцами из Луристана, маленькая армия медленно продвигалась по долине Тигра. В 50 километрах от Вавилона астрологи или жрецы Бэла-Мардука, только что составившие гороскоп Царя мира, дали ему знать, «что в настоящий момент вход в Вавилон не предвещает ему добра» (*Арриан*, VII, 16, 5). Они сообщили, что, если самая крупная из планет Солнечной системы, которую мы называем Юпитером, около 20 апреля нашего календаря войдет в знак Тельца, царю придется прибегнуть к весьма сложным профилактическим ритуалам. Так, он не должен был входить в святой город с запада, через край мертвых, но с востока, где не могла пройти военная техника македонян.

«Подойдя к стенам, Александр увидел множество разбранившихся воронов, которые клевали друг друга, и несколько их упали подле царя. Затем, поскольку Александру донесли на Аполлодора (из Амфиполя, одного из товарищей царя), военного наместника в Вавилоне, что он совершил жертвоприношение относительно судьбы царя, Александр призвал прорицателя Пифагора. Тот не стал отрицать, что такое было, и царь спросил его, каковы оказались жертвы. Когда Пифагор ответил, что печень оказалась без доли,

Александр воскликнул: „Увы! Недобрый знак!“... Ручной осел напал на самого крупного и красивого из содержащихся в зверинце львов и залягал его насмерть» (*Плутарх «Александр»*, 73, 2–6).

Несмотря на все эти предсказания, Александр вошел в город вместе с армией с неблагоприятной стороны и, что еще важнее, в недобрый час. Стоило ему появиться, как какой-то шут гороховый, никому не известный местный житель, надев царскую мантию и диадему и ничего не говоря, уселся на его трон. Александр избавился от этого человека, который, быть может, был царским двойником, по случаю празднования Нового года (*акиту*) принявшим на себя несчастья, угрожавшие царю. Однако царь был не в состоянии отменить ужасное предсказание: какой именно узурпатор придет ему на смену?

И напрасно хлопотал он вокруг Вавилона, возводя арсеналы, причалы, гавани для тысячи сосредоточенных им здесь судов, напрасно объезжал каналы и протоки громадного оазиса, напрасно проводил вдоль Евфрата отводной канал, чтобы зарегулировать его течение, что новый Геракл, отводящий русло Алфея и Пенея, чтобы вычистить конюшни царя Авгия. Завидовавшим ему богам не было угодно даже, чтобы он начал свою великую экспедицию в Аравию и вокруг Аравийского полуострова, которую задумал вместе с Неархом, своим великим флотоводцем. Мерясь силами с волнами, Александр неизбежно заставлял вспомнить о Геракле, этом победителе потоков в Олимпии, который в полном смысле слова поверг на землю бога Ахелоя, прежде чем сам был смертельно уязвлен этим чудовищем, перевозчиком Нессом!

И в самом деле, в то время как в мае 323 года Александр обследовал громадное окружающее Вавилон болото, его суденышко отделилось от остальной флотилии и на три дня и три ночи исчезло под

древесным пологом. «Свисавшей веткой диадемы с головы Александра сбросило в озеро. Один из гребцов подплыл к диадеме и, желая спасти ее наверняка, надел себе на голову, а затем подплыл к кораблю» (*Диодор*, XVII, 116, 6, что подтверждается *Аррианом*, VII, 22, 1-6). На этот раз святотатца не казнили на месте (возможно, им вообще был будущий царь Селевк), а обратились за советом к прорицателям, которые попытались заклисть судьбу, распорядившись о совершении пышных жертвоприношений богам, что на практике означало резать тучных животных и распределить их мясо в ходе больших пиров, сопровождая трапезу обильными возлияниями восточных вин. Раз Александр — это новый Геракл, пусть он осушит большой кубок полубога!

Александр помнил, что в Вавилоне ему предстояло свидание со смертью (индийский мудрец Калана назначил ему его немногим более года тому назад), и стал падать духом. Он терял веру, стал подозрительным по отношению к друзьям. Жалобы Олимпиады на регента Македонии Антипатра, на македонскую знать, даже на врачей тем более западали ему в душу, что юный сын Антипатра Иол был его главным виночерпием, а следовательно, в любой момент мог его отравить, что Кассандр, старший сын Антипатра, только что явился в Вавилон, чтобы оправдать своего отца и посмеяться над восточными нравами при дворе и, наконец, что сам Антипатр, освобожденный от функций регента и получивший задание привести в Азию новобранцев, его приказа не исполнил. «Стоило случиться сколь угодно малому пустяку, который выходил из круга привычного и обыкновенного, как Александр тут же придавал ему значение чуда или предзнаменования. Весь царский дворец кишмя кишел жертвоприносителями, очистителями и гадателями, которые наполняли Александра всяческим неразумием и страхами» (*Плутарх* «Александр», 75, 1).

Нам уже доводилось читать протоколы официальных сводок о смерти Александра, какими они предстают в «Царских ежедневниках». Итог можно подвести единственной фразой Аристобула, который считал, что Александр умер оттого, что выпил много вина, когда у него был сильный жар (см. *Плутарх «Александр»*, 75, 6). Однако тем же Плутархом, тем же Аррианом (при том, что он-то и привел «Дневники»), а также всей александрийской традицией и в особенности весьма обстоятельным рассказом о смерти Александра, который следует за «Эпитомой деяний Александра», — всеми ими, повторяю, в расчет принимается также и совершенно иная версия: молодой царь, или скорее молодой тиран, которого ненавидели как македоняне, против воли удерживавшиеся им в Азии, так и сторонники бывшего регента Македонии, был отравлен собственным виночерпием Иолом во время попойки у Медия из Лариссы, фессалийского вельможи. Доставленный Кассандром в ослином копыте бесцветный яд, именуемый «воды Стикса», был якобы влит в холодную воду, предназначенную для разбавления несмешанного вина царя. Виночерпий якобы, как ему и полагалось, отпил из кубка неразбавленного вина, после чего, сочтя вино то ли слишком теплым, то ли слишком крепким, охладил его или развел. Так Александр (подобно Ахиллу, ставшему жертвой хилого Париса; так самый доблестный гибнет от руки самого трусливого) был поражен в единственную свою слабую точку, любовь к доброму вину, — как Ахилл был ранен стрелой в пяту. «Внезапно, словно пораженный сильным ударом, Александр громко вскричал и принялся стонать, после чего друзья вывели его под руки вон. Царские слуги сразу же его уложили и принялись пристально за ним наблюдать, а поскольку боль не проходила, вызвали врачей. Однако никто из них не смог помочь, и когда царь, которого не отпускали

многочисленные болезненные симптомы и продолжали мучить дикие боли, утратил надежду на то, что выживет, он снял с пальца перстень и отдал его Пердикке... а потом прибавил (и это были последние его слова), что виднейшие его друзья устроят ему грандиозные погребальные игры» (*Диодор*, XVII, 117, 2-4).

Что подкрепляет такое утверждение⁷¹, так это не расследование, проведенное матерью Александра несколькими месяцами спустя после смерти героя, даже не слухи, распространенные Олимпиадой в 317 году с целью дискредитации семейства Антипатра — Кассандра, будущего царя, и Иола, его брата. Еще меньше имеет смысл обращать внимание на памфлеты, обвиняющие Александра во всех смертных грехах. Версия отравления подтверждается от обратного — добрым здоровьем всех прочих участников пира в количестве 21 человека и безразличием, в котором пребывал двор на протяжении восьми первых дней после смерти Александра. Претенденты на трон (или на троны), греки и македоняне, со времени убийства Пармениона до глубины души возмущенные тираническими методами нового режима, персидские аристократы, ставшие жертвами санкций, — все они были немало заинтересованы в том, чтобы Александра не стало и чтобы заговор удался.

Вспомним, что именно в эту эпоху и именно в этих столицах Персидской империи яд являлся удобным средством для смены режима. В 338 году, в том самом году, когда Филипп Македонский при поддержке своего сына Александра окончательно сокрушил силой оружия Афины и их союзников, царь Персии Артаксеркс III Вахука (Ох) умер, отравленный евнухом Багоем, который возвел на трон Дария III Кодомана. Позднее он стал фаворитом Александра... Почти все царствовавшие Аршакиды и Сасаниды были убиты.

Официальные сведения «Царских ежедневников», опубликованных теми, кто намеревался унаследовать империю Александра, не выдерживают никакой критики. Они указывают лишь один чрезвычайно неясный симптом — жар после винопития, не давая при этом никаких уточнений; в них даже подчеркивается, что молодой царь не терял сознания после выпивки, что исключает предположение алкогольной комы. С порога отмечается и возвратная лихорадка, подхваченная в болотах месяцем прежде. Сообщения эти, кроме того, явно призваны замарать память о человеке, который, согласно «Дневникам», проводит все время в составлении безумных планов, играх и оргиях. И напротив, версия семьи Александра, говорящая о скоропостижной смерти без лихорадки, но мучительной, при том, что неотступно находящиеся при больном врачи не смогли оказать ему помощи, обожателям героя представляется куда более правдоподобной. Поскольку он стал опасен для регента Македонии и его амбициозных сыновей, род Антипатра отравил Александра в ожидании того, что затем будут отравлены его мать, жена и сын, — короче, того, что со всем родом Аргеадов будет покончено раз и навсегда.

«Шах» и «мат» — два персидских слова, которые означают «царь умер». Именно из Персии арабы принесли к нам в Средние века игру в шахматы, игру, собственно говоря, «шаха» и в «шаха»⁷². Старинные названия шахматных фигур говорят об этом с достаточной ясностью: пешки, которые составляют его инфантерию; кони, представляющие кавалерию; боевые слоны, по-арабски «аль-фан»; ферзь, который, вне всякого сомнения, судя по современным фарси и хинди, представляет «везира», или «визиря» персов и турок (по-арабски «васир»), лицо более подвижное, чем царь, и подчас более могущественное, чем он, только благодаря французской любезности и культу Девы

превратившееся в XV веке у французов в dame (дама); и, наконец, король. Александр, который играл в Вавилоне с Медием за несколько часов до того, как получить «мат», оказался побит предателями-противниками в его же собственной игре в царя.

Глава IV

АНТИГЕРОЙ

После точек зрения историка, психолога, товарища по оружию рассмотрим теперь жизнь Александра с позиций моралиста. Не следует удивляться тому, что при изменении освещения по жизни Александра станут пробегать тени; напротив, тогда-то и станет заметно, что с самого рождения и до смерти наш герой был соткан из контрастов. Греки, у которых не было нашего ощущения цвета и которые, подобно нашим фотографам, противопоставляли матовое глянцевому, имели зато более развитое ощущение рельефа и объема. Они точно были не прирожденными художниками, но прирожденными скульпторами. Прежде чем стать иконой, Александр был медалью, барельефом, статуей, резко выделяясь на светлом фоне серебра, мрамора или неба.

Мораль, которая придала его жизни подлинную глубину, образовала в ней третье измерение. Римляне, более интересовавшиеся правом и нравственностью, чем метафизикой, шли по следам киников, перипатетиков и стоиков, которые взвешивали благо и зло всякого предприятия и поступка. Все они подвергали нашего героя суду, между тем как ослепленные его славой историографы и обожатели отказывались это делать. Моралисты судили Александра по его поступкам и результатам его похода, и почти все они могли бы присоединиться к тому, что написал Ювенал о Ганнибале:

Взвесь Ганнибаловы кости — сколько окажется фунтов

В этом вожде величайшем?

(X, 147-148)

Мы не ставим своей задачей критиковать и упрекать героя, превратив его в пыль, а доблесть его сведя к нулю. Мы хотим сопоставить его нравы с нравами других людей, забыть в нем героя, полубога или отмеченное судьбой существо, отбросить всякое предвзятое о нем мнение. Ни вспыльчивость, ни страсть к приключениям, ни любовный жар, пьянство и безумие не говорят о такой его исключительности, которая из ряда вон выделяла его из числа современников. Скорее имеет смысл сравнить его, как это обычно и делали латинские авторы, с другими полководцами и другими подлинными учителями: Сократом, Филиппом Македонским, Аристотелем, Диогеном, Фабием Максимом, Помпеем, Германиком и даже Иисусом. Тогда Александр перестанет быть сверхчеловеком — и удостоверит наше человеческое состояние, которое, как всякому известно, являет собой лишь слабость или ничтожество. Пиндар, любимый поэт Александра, высказал это в своей прославленной оде: «Однодневка! Кто он? Кто не он? Человек — всего только тени сон» («Пифийские оды», VIII, 96-97).

Зловещие тени прошлого

Если рассматривать его в таком ключе, рождение Александра прошло совершенно незамеченным — мы не знаем, где он появился на свет в один из осенних дней 356 года. Даже современникам дата его рождения известна лишь с точностью в несколько месяцев. Александра произвела на свет не любовь и не религия, а государственные и дипломатические соображения. После своего воцарения в 359 году Филипп взял в жены Филу, которая происходила из знатной семьи из Элимиотиды, и вскоре она родила ему сына Карана. Годом позже, победив грозных иллирийцев, он женился на Аудате, дочери или внучке их царя, которая родила ему дочь. В том же году он взял в наложницы танцовщицу из Лариссы в Фессалии, которая подарила ему неполноценного ребенка Арридея. Во время визита на Самофракию, место посвящений и паломничества, Филипп заключил союз с Ариббой, царем молоссов в Эпире; согласно условиям договора, он должен был жениться на Олимпиаде, дочери покойного царя Неоптолема, и гарантировать маленькое царство со столицей в Додоне от притязаний прочих эпиротских племен.

На самом деле, говорит Юстин (VII, 6), конспектируя реалиста Трога Помпея, вскоре после заключения брака (уже четвертого за два года) Филипп лишил царя Молоссии его царства, и тот вынужден был состариться в изгнании. То был один из примеров политической хитрости и коварства, которые постоянно приходилось наблюдать Александру — вначале ребенком, а затем подростком и юношей — на протяжении первых двадцати лет жизни. Ему не было и трех, когда Филипп оставил ложе Олимпиады ради новой любовницы,

развязной Никесиполиды из Фер, которая подарила ему дочь Фессалонику. Уж на нее-то Филипп мог положиться. Ибо Олимпиада, великая неврастеничка, предававшаяся диковинным вакханалиям, давала ему понять, что находится в связи с Отцом богов и людей, с самим Зевсом, который является к ней в виде змея. Как-то для очистки совести Филипп заглянул сквозь дверную щель в собственную супружескую спальню и обмер от ужаса и отвращения: прямо на ложе, рядом с его спящей супругой покоился громадный болотный уж. Злые языки не преминули соотнести этот кошунственный взгляд с ранением, которое получил Филипп в том же самом 354 году в ходе осады Метоны: вражеская стрела лишила его глаза. Брошенная и до глубины души уязвленная Олимпиада предалась самой экстравагантной религиозной мистической практике и стала на редкость бранчливой. Кончилось тем, что Филипп задался вопросом: он ли, в самом деле, отец ребенка, тем более что прочие дети относились к Александру как к незаконному⁷³.

Должно быть, атмосфера при дворе была на редкость гнетущей, когда Филипп отверг Олимпиаду и в 339 году женился, по причинам политического характера, на Меде, дочери Котела, царя гетов с Дуная, а в 337 году — на Клеопатре, племяннице Атталы: «Аттал напился на пиру и стал призывать македонян просить богов о том, чтобы от Филиппа и Клеопатры произошел законный наследник престола» (*Плутарх «Александр»*, 9, 7). История не ведет учета всем сожительницам Филиппа, как и всем хорошеньким мальчикам, которых он употреблял после попоек. Однако она смутно намекает, что, убив Филиппа, Павсаний, его бывший любовник, мстил за нанесенное ему тяжкое оскорбление и что действовал он по наущению Олимпиады, находившейся тогда в изгнании.

К концу правления Филиппа II разлад в македонском царском семействе был столь глубок, так бросался в глаза, что коринфянину Дамарату, или Демарату, гостеприимцу Филиппа, пришлось явиться к нему и от имени Греческого союза, выборным главой которого тот являлся, тактично напомнить ему о его обязанностях. «После первых приветствий и любезностей Филипп спросил, в каком состоянии находится межгреческое согласие (ὁμόνοια), и тогда Демарат ответил: „Что и говорить, Филипп, тебе в самом деле подобает печься о Греции, ведь собственный дом ты наполнил бесчисленными раздорами и бедами!“» (Плутарх «Александр», 9, 13).

Но лучшим свидетельством того, какие нравы бытовали тогда при дворе Филиппа, остается дошедшая во фрагментах «История», принадлежащая его современнику Феопомпу, которая посвящена событиям, происходившим в Греции в правление Филиппа. Вот выдержки из XLIX книги, которую цитирует Полибий (VIII, 9) двумя веками позднее: «Все бесстыдники или безобразники, которые только могли отыскаться в Греции или у варваров, собирались в Македонию к Филиппу, и здесь их именовали товарищами царя (ἑταῖροι τοῦ βασιλέως). Если же кто являлся сюда не таким, под влиянием образа жизни македонян и их нравов он им скоро уподоблялся. Отчасти это войны и походы побуждали их становиться дерзкими и жить неупорядоченно, распутно и сходно с разбойниками, отчасти же — роскошь. Вообще Филипп отсылал прочь всех тех, кто был добронравен и заботился о том, чтобы жить прилично, а мотов и погруженных в пьянство и игру в кости почитал и отличал. Этим он не только побуждал их к тому, чтобы они сами были таковы, но и прочих делали подлинными поборниками неправды и гнусности. Так, некоторые из них, будучи мужчинами, проводили время в том, чтобы брить и выскабливать

тело, другие же дерзали сходиться друг с другом, имея бороды. Они повсюду таскали за собой по двое и по трое любовников, а сами оказывали другим те же услуги, что любовники — им. Так что правильно кто-то их назвал не гетайрами, а гетерами, и не воинами, а девками (χαῖτίπας). Будучи душегубцами от природы, по ухваткам они были мужеблядами. К тому же трезвости они предпочитали пьянство, вместо пристойной жизни искали грабежей и убийств, правду и соблюдение договоров почитали себе несвойственными, а на клятвопреступление и обман взирали как на величайшую святыню. Я считаю, что располагавшие лучшими и самыми плодородными землями гетайры, которых было в то время не более 800 человек, потребляли плоды с площади, не меньшей той, с которой кормились 10 тысяч греков».

Впрочем, этот отрывок не должен создавать у нас ложное впечатление: никаких враждебных чувств к Филиппу Феопомп не питал. «Никогда, — писал он в своем введении, — Европа не производила на свет героя, которого можно было бы сравнить с Филиппом, сыном Аминта». Но у него был зуб на его доверенных лиц, на 800 гетайров⁷⁴, которых пригласил к себе Филипп со всех концов света, чтобы они были его вассалами и проявляли к нему безграничную преданность как в делах управления, так и на войне и в освоении завоеванных территорий. С другой стороны, мужеложство и ритуальное пьянство входили в число армейских традиций той эпохи. В четырнадцать лет, после того как брат Филиппа Пердикка был убит узурпатором трона, его самого в качестве заложника отправили в Фивы, где он мог восхищаться Священным отрядом, сформированным исключительно из любовников, и предаваться тому же, что и они (что, впрочем, не помешало Филиппу увлечься по возвращении также и женщинами). Древние ставили ему

в заслугу по крайней мере два выдающихся качества: приветливость и дар дипломата. Он выучился красноречию, или, скорее, риторике, то есть искусству на словах превращать худшее дело в лучшее, и широко им пользовался — к великому восхищению афинских ораторов и к немалому для них ущербу. Он прекрасно умел брать над ними верх — посредством всяческих проволочек, постоянной постановки под сомнение существующего положения дел, тайных переговоров, обильных возлияний, напускной щедрости.

Ни прижимистый и суровый Леонид, ни снисходительный или льстивый Лисимах, ни даже Аристотель, которого Александр в конце концов начал считать софистом, не были настоящими учителями Александра как в сфере мысли, так и действия. Таким учителем явился Филипп, его собственный отец, это его пример сыграл решающую роль. Филипп передал Александру свое честолюбие, свою любовь к власти и пристрастие ко всему грандиозному (некоторые даже говорят — свою манию величия). Нижеследующая картина, возможно, также восходит к Феопомпу, столь же благосклонному к Филиппу, сколь враждебному к Демосфену. Речь идет о той пышности, среди которой царь был убит в ходе празднеств, устроенных в честь его последнего брака: «Толпа сбежалась в театр еще затемно, а когда настал день, в путь отправилась процессия, в которой, в числе других пышных приготовлений, несли статуи двенадцати богов, чрезвычайно искусно изготовленные и очень богато украшенные. Вместе с теми статуями он выставил еще 13-ю, по пышности достойную бога: тем самым царь показал, что делит престол с 12 богами. Когда же народ заполнил театр, сюда явился сам Филипп в белом плаще. Копьеносцам Филипп велел следовать за ним на большом расстоянии: этим он показывал всем, что не нуждается в охране, оберегаемый общей

благожелательностью греков» (*Диодор*, XVI, 92, 5–93, 1). За то, что всего лишь на мгновение Филипп отбросил свою неизменную подозрительность, а быть может, и за избыточную гордыню, он был заколот кинжалом прямо посреди процессии, которая помещала его в разряд богов. Двенадцатью годами позднее Александр, ставший в свою очередь «непобедимым богом», упал замертво посреди пира. Где он позаимствовал эту свою страсть к вину, власти, пышности, как не у своего отца? Культурному становлению Александра также свойственны попойки с бахвальством и более или менее вымышленными подвигами.

Филипп не просто передал сыну несколько своих страстей: он очень рано возложил на него ответственность. В десять лет Александр появился при дворе. Перед афинскими послами, явившимися вести переговоры о мире, он с помощью сверстников, одного-двух юных македонян, разыграл сценку, или, скорее, прочел вслух отрывки из Еврипида. Демосфен, избалованный игрой актеров в афинском театре, нашел в Александре гротескность, назвал его Маргитом, то есть олицетворением дурного комедианта: в этом проявилось открытое недоброжелательство со стороны признанного врага Македонии, однако здесь, уже в ребенке, явно проявилась склонность без остатка отдаться спектаклю, выказать свое знание и умение. Тот же Демосфен утверждал, что в юности Александр посвящал все время тому, чтобы изучать или, точнее, обследовать внутренности жертв. Таким суровым способом выучивался он царскому ремеслу: будущий религиозный предводитель Македонии и ее главнокомандующий перед любым предприятием должен был обратиться к знамениям, посылаемым богами. Судя по этому, мы тем более можем угадывать в нем беспокойный и даже суеверный дух, исполненный

уважения к установленному порядку и полученным приказаниям.

Но говорит ли это о нравственной испорченности или о слабости? Юноша нуждался в закалке. Отец показывал ему, как попеременно прибегать к силе и хитрости: с афинянами в 348-м, фокидянами в 346-м, иллирийцами в 345-м, эпиротами в 342-м, фракийцами в 341–340 годах. Когда Филипп, порвав с персами, отправился осаждать Перинф и Византий, он доверил Александру регентство, а впоследствии поручил ему руководство кампанией в глубине Фракии. То была прекрасная возможность побудить сына наколоть на копье как можно больше варваров. Яростная кровожадность и страсть к резне, которая разовьется в Александре вплоть до желания уничтожать целые народы, возникла из уроков, полученных им от скотов, именуемых товарищами Филиппа. А какой пример мог подать ему отец на поле битвы при Херонее, доверив Александру командование флангом кавалерии? Опьяненный победитель декламировал вслух, пел и плясал среди груд мертвых тел^[33].

Карикатура на Ахилла

В силу того воспитания, которое Александр получил у матери, он должен был представляться себе пожалуй что новым Ахиллом. Олимпиада повторяла это сыну столь же часто, как и Лисимах, его воспитатель. «Никакого лоска в нем не было и в помине, однако поскольку он называл себя Фениксом, Александра — Ахиллом, а Филиппа — Пелеем, в нем души не чаяли и ставили его на второе место» (*Плутарх «Александр»*, 5, 8). Сразу же после своего восшествия на престол тот, в ком Демосфен видел «мальчишку» (μειράκιον), с армией в 30 тысяч человек переместился в Фессалию и явился непосредственно во Фтиотиду, где родился Ахилл. В беседе с местными властями он подтвердил, что в силу связи с этим героем, предком царского рода его матери, народ Фессалии будет впредь освобожден от всяких налогов. Что до него самого, то Александр поклялся, что Ахилл останется его образцом и пребудет рядом с ним во всех опасностях, которым он подвергнется.

Подобно Ахиллу, Александру не терпелось выказать себя более щедрым, более мужественным, более великим, чем его отец, и поэтому он, царь македонян, ставший главнокомандующим (ταῦρος) фессалийских войск и верховным вождем (ἡγεμῶν) Греческого союза, в начале весны 335 года устремляется туда, где теперь находится Западная Болгария, берет штурмом и грабит, подобно Ахиллу в окрестностях Иды, все крепости, которые препятствуют его продвижению вперед, продает пленников в рабство и отважно переправляется через Дунай, чтобы броситься в погоню за гетами, или скифами, «доильщиками кобылиц». Ведь сам-то Ахилл вступил в схватку лишь с амазонками!

В конце мая до Александра доходит тревожная весть, что с запада на Македонию движется царь Иллирии Клит. Александр вовремя является к крепости Пелиону (близ современной Корчи), в которой затворился Клит, и нападает на нее, но в свою очередь оказывается в окружении посреди высот, занятых врагом. Он вырывается из окружения, узнает, что фиванцы подняли восстание против размещенного у них македонского гарнизона, мчится в Беотию, покрывая за день более 32 километров, осаждает семивратный город, начинает штурм и с боем пролагает себе путь по городским улицам. Шесть тысяч фиванцев убиты, 30 тысяч, как говорят, взяты в плен. Весь город, за исключением дома Пиндара и храмов, подвергается методическому сносу — в такт, под звуки флейты. Как и древняя Троя, теперь это не более чем руины. Прочие греки, уstraшенные этим примером, успокаиваются и присоединяются к победителю. Александр возвращается в Македонию в октябре героем своего народа, прочие же видят в этом чудо: Ахиллу перед Троей было столько же лет, сколько Александру. Но, к несчастью, Фивы — греческий город, а Троя была городом варварским.

Подражание Ахиллу явно прослеживается в трех других случаях, имевших место во время похода в Азию. Первой заботой юного полководца было явиться в апреле 334 года туда, где прославился его предок: в Троаду. Бредя «Илиадой» Гомера, бо́льшую часть которой Александр мог декламировать наизусть, он сам себе представляется вечно юным персонажем, вышедшим из мифологии. Он обнаруживает в себе черты нового Ахилла; впоследствии он стал считать себя новым Гераклом или новым Дионисом. Для Александра история только и делает, что повторяется вновь. К примеру, когда Александр совершал жертвоприношение загробному духу Приама, обегал обнаженным курган Ахилла, возлагал на него цветы и делал возлияние,

посылал Гефестиона воздать почести могиле Патрокла, склонял голову на могиле Аякса, устраивал на поле битвы атлетические игры, он напоминал своим солдатам, что они греки и что под руководством потомка этих героев они своими подвигами создают основу новой эпопеи. Как упоминает Плутарх («Александр», 15, 8), Александр говорил даже о том, как счастлив был Ахилл, имея при жизни верного друга, а после смерти — великого поэта, чтобы воспеть свои подвиги. Наивное приглашение, адресованное будущим курителям фимиама!

Осада Газы в сентябре — октябре 332 года стоила Александру двух ранений. К нему привели Батиса, или Бетиса, коменданта крепости. «Через пятки еще живого Бетиса были пропущены ремни, и его, привязанного позади колесницы, лошади протащили вокруг города. Царь кичился тем, что наказал врага, подобно Ахиллу, к которому возводил свое происхождение» (*Курций Руф*, IV, 6, 29). Тот же Курций Руф (VIII, 4, 26) вкладывает в уста Александра в Бактриане четырьмя годами позже, в момент женитьбы на Роксане, рассуждение, в котором в качестве примера избирается Ахилл: «Он сказал, что... нет иного средства заставить побежденных позабыть свой стыд, а победителей лишить надменности. Ведь и Ахилл, от которого он ведет свой род, сошелся с пленницей». Но, возможно, здесь перед нами аргумент, восходящий к какому-нибудь ритору.

Но что уж наверняка не является риторическим измышлением, так это случаи, когда Александр, подобно разгневанному Ахиллу, на несколько дней уединялся в своем шатре. Это случилось, когда завоеватель был выведен из себя бунтом своих солдат: первый раз на берегу Биаса близ Амритсара в 326 году, а во второй — в Описе близ Багдада, когда все завершилось несколькими казнями и большим примирительным пиром. Однако такие поступки не дают возможности

называть Александра героем: скорее, он предстает антигероем, некой карикатурой на Ахилла, поскольку лишен подлинного душевного величия и не способен владеть собой.

Несомненно, для некоторых Ахилл — человек кровожадный, грубый и мстительный, чьи вспышки гнева могли привести лишь к катастрофе. Престранный образец для подражания! Особенно если продолжить сравнение и довести его до обстоятельств смерти одного и другого. Оба, судя по всему, желали краткой, но славной жизни, предпочитая ее долгой, но посредственной (*Курций Руф*, IX, 6, 22). Однако оба упустили из вида прискорбный конец. Ахилл погиб вовсе не в схватке с противником, а от стрелы, пущенной трусом (Парисом, прозванным Александром!); Александр погиб от собственной неводержности.

Олимпиада, которая сама практиковала разные мистические культы, внушила своему сыну, вначале ребенку, а затем чрезвычайно благочестивому молодому человеку, должным образом соблюдавшему обряды, два повода для беспокойства: относительно своего происхождения и насчет своей судьбы. Устремленные к небесам глаза, вздернутые дугами брови, прорезанный морщинами лоб, наклон головы Александра достоверно о том свидетельствуют. Разумеется, он не был кривляющимся безумцем, опьяненным музыкой, танцем, священными ароматами или же ядами, как не был он и пришедшим в исступление шаманом; нет, им владела пламенная страсть к потустороннему. Легенда повествует о том, что Александр принудил дельфийскую Пифию, хотя день был неприсутственный, дать ему ответ: «Ты непобедим, сын мой».

Это сомнительное вопрошание оракула покоится на подлинном основании, точно так же, как и желание Александра обоготворить свою мать, приписываемое ему Квинтом Курцием (IX, 6, 26; X, 5, 30). Оно

подтверждается одной надписью из Дельф от 327 года (Fouilles de Delphes, Epigraphie, III, 5, № 58). Всюду, где проходил Александр, он совершал поклонение местным богам, будь то Зевс в Олимпии, Дионис во Фракии, Афина в Троаде, Артемида в Эфесе, Нимфы Ксанфа, Геракл в Тире, бог Амон в Сиве, боги-покровители Египта, Бэл-Мардук в Вавилоне, Ахурамазда в Персидской империи (огни которого он распорядился поддерживать), Шива в Индии и т. д. В этом крылась одна из причин успеха Александра среди покоренных народов. Здесь нет ничего безнравственного, ни следа политической недальновидности. Скорее, такое поведение можно определить как доказательство терпимости, далеко опередившей эпоху.

Однако в этом кроется нечто, не имеющее ничего общего с безразличием к разным религиозным догматам и обрядам, а именно, некоторая слабость характера, постоянный страх: «А достаточно ли было принято мер предосторожности против судьбы?», неодолимое желание быть обнадеженным, защищенным, застрахованным. Александр постоянно вопрошал все оракулы, так же как постоянно обращался за советом к прорицателям, самым знаменитым среди которых был Аристандр из Тельмесса. Из десятка анекдотов, касающихся влияния этого последнего на состояние ума Александра, напомним самый старинный и наиболее достоверный, поскольку его в близких выражениях сообщают как серьезный Арриан (I, 11, 2), так и благочестивый Плутарх («Александр», 14, 8–9). Когда весной 334 года подготовка к походу в Азию была в разгаре, пришло сообщение, что деревянная статуя Орфея в Либетрах, у подножия Олимпа, покрылась каплями пота. Все были напуганы, однако Аристандр призвал Александра исполниться уверенности. По его словам, чудесное явление означало, что поэтам и музыкантам, потомкам Орфея, придется проливать пот,

воспевая подвиги юного полководца, имеющие совершиться в скором времени. Это не слишком-то хорошо аттестует как самого героя, так и его подхалимов. И можно ли говорить о его набожности, когда, в случае опасности, он велит своему прорицателю изменить календарь? Впредь 30-й день месяца Десия стал 28-м, а сам месяц был назван вторым Артемисием (*Курций Руф*, VII, 7, 22-29). Вот и пиши историю при таких ухватках героя!

«Удачливый разбойник»

Мы слишком привыкли следовать историкам, ослепленным политическими и военными успехами Александра и его посмертной славой. И не желаем замечать того, что при жизни бóльшая часть греков его ненавидела, что ему завидовали влиятельные македонские роды, что его решения оспаривались даже в самой македонской армии, которую он изнурял и обескровливал и чьи интересы вовсе не совпадали с его собственными. Мы забываем, что в эллинистической и римской историографии наблюдалось господство нравственных критериев. Если судить по фрагментам литературных и философских сочинений, которыми мы располагаем, начиная с 330 года обожествление Александра натолкнулось на противодействие интеллектуальных кругов. Памфлеты на него множились как в окружении Демосфена, так и Аристотеля, в особенности после убийства несчастного Каллисфена в 327 году.

Непонятно даже, с кого начинать перечисление недовольных и ниспровергателей. Вне всякого сомнения, самыми громогласными были вожди демократической партии, которые никогда не замолкали в Афинах, если только их не принуждали к тому силой, — Гиперид, Демосфен, Демад. Одна из речей, приписываемых Демосфену, а именно XVII, посвященная заключенному с Александром договору, дает почувствовать всю меру политического двуличия Александра, проявляемое им сочувствие тираническим режимам. «Надгробная речь» (Ἐπιτάφιος) Гиперида является свидетельством негодования афинян, когда им приходится вспоминать кощунственное почитание Александра, к которому они были принуждены в 324 году. Памфлеты Эфиппа из

Олинфа («О смерти Александра и Гефестиона») и Никобула (?) изображают Александра пьяницей, страдающим манией величия.

Однако что долее всего поддерживало враждебную Александру традицию, по крайней мере до II века н. э., то есть апогея *Rex romana*^[34]⁷⁵, так это философские диатрибы. За ними не стояло никакого цельного и строго выдерживаемого учения, скорее то было множество чисто эмоциональных откликов. Один из учеников Аристотеля⁷⁶, глубоко уязвленного как восточной политикой бывшего ученика, так и позорной смертью племянника, Феофраст сочинил трактат, озаглавленный «Каллисфен, или О скорби», в котором выразил сожаление в связи с тем, что столь одаренный талантами царь, как Александр, позволил взять над собой верх соблазнам деспотизма, роскоши и удачи, Тихи, то есть успеха. Александр служил излюбленной мишенью для киников от Диогена, насмехавшегося над его мнимым величием, до Телета, усматривавшего в обожествлении Александра последнюю химеру ненасытной души. Стоики в лице Панетия упрекали его в отсутствии умеренности и нравственной дисциплины; в этом с ними были заодно последние стоики Сенека и Лукан. Надгробная речь, которой разразился автор «Фарсалии» Лукан («удачливый разбойник... царь-безумец... бич всех земель и краев, смертоносная молния», в равной степени разившая «все народы» — X, 21; 34-35; 42), похожа на развернутую фразу его современника Квинта Курция (VII, 8, 19): «Во всех краях, до которых ты добрался, ты выказал себя разбойником».

Уже в наше время возникло множество выдержек из древних авторов, представляющих те крайне отрицательные представления, которые составили себе о характере Александра те из них, кто судил его с позиций разума и добродетели. Даже историки его не пощадили. Тимей, современник Александра, живший в

конце IV века, констатирует, что на завоевание Азии Александру потребовалось меньше времени, чем Исократу на составление панегирика Александру, что звучит скорее юмористически. Тимей порицал Каллисфена за то, что он льстил Александру и портил его, а также за отсутствие в нем критического начала, и в то же время превозносил Демосфена, отказавшего Александру в божественных почестях (по *Полибию*, XII, 12b).

Наиболее рациональным было то, что написал Эратосфен Киренский, глава Александрийской библиотеки (2-я половина III в. до н. э.). Этот искренний почитатель Александра-завоевателя установил печальную географическую истину, развенчал все без остатка легендарные греческие представления и преувеличения македонских угодников и в конечном счете показал, что Александр сделался жертвой собственного невежества и воображения. Даже если он был действительно убежден, что перевалил через Кавказ, когда на самом деле находился на отрогах Гиндукуша, и что отыскал здесь пещеру Прометея, такое заблуждение не делало чести ни его уму, ни культуре. Впрочем, нет ничего более легкого, чем выставить в негативном свете познания человека прошлого при сопоставлении их со знаниями тех, кто жил после него, особенно если один из них — полководец, а другой — кабинетный ученый.

Римские писатели, испытывавшие зависть к славе греков, предпочитали следовать скорее ученым-стоикам и александрийцам, историкам Тимею и Эратосфену, чем официальным и официозным историкам Завоевателя. Оставим в стороне мнения авторов I века до н. э., о которых нам не известно практически ничего, кроме тенденции, — Тимагена Александрийского, эрудита, составившего книгу царских биографий, Трога Помпея, выходца из Везона в Галлии, чья «Филиппова История»

сохранилась в изложении Юстина, Теренция Варрона (116—27), «ученейшего из римлян», автора в том числе и биографии Александра: их критические выпады послужили Цицерону пищей для размышления или для сравнений, когда он рассматривал долг («О долге», I, 26, 90) или просто счастье («Тускуланские беседы», III, 10, 21; IV, 37, 79; V, 32, 91–92). Сколько весят слава и мерзости Александра при сопоставлении их с мудростью, приветливостью, снисходительностью и простыми человеческими качествами Сократа, Ксенократа, Филиппа Македонского, киника Диогена или римлянина Гая Лелия? Сознательно оставляя в стороне смачные с нашей точки зрения анекдоты относительно шаловливого, но беспокойного характера Александра, который, например, в ходе одного плавания забрасывал своих друзей яблоками, латинские писатели, эти прирожденные моралисты, всегда останавливались на несправедливом, по их мнению, осуждении Филота и всего его рода, на убийстве Клита, мнимом заговоре пажей и их учителя Каллисфена, бунте македонских военачальников, отказавшихся простираться ниц перед царем, жестокости и недостойной главнокомандующего смерти Александра. Они присвоили себе фразу, приписываемую Веспасиану: «Император должен умирать стоя» (*Светоний* «Божественный Веспасиан», 24)^[35].

Под таким углом зрения критикуется и ставится под сомнение даже военный гений Александра. В свое время римлянам довелось наблюдать, как цари Эпира Александр Молосский, а затем Пирр лишились на италийской почве один жизни, а другой — армии, при том, что войска того и другого были снаряжены и обучены на македонский лад. Поэтому в I веке до н. э., и, несомненно, еще начиная с покорения ими Македонии и Греции столетием прежде, римляне пребывали в убеждении, что Александр никогда бы не смог

осуществить тот безумный проект, который ему приписывали: с ходу овладеть Римом и Карфагеном. Эта идея выражена в ряде наиболее энергичных рассуждений Тита Ливия (IX, 17–19). Вот некоторые из них, с нашей точки зрения, самые важные:

«Известно, что видную роль в военных делах играют численность воинов и их доблесть, дарования полководца, а также удача, которая важна во всех человеческих делах, но особенно большое значение приобретает на войне. Будем ли мы разбирать эти моменты по отдельности или рассмотрим их все вместе, без труда выяснится, что римское государство непобедимо как для прочих царей и народов, так и для Александра. Прежде всего, если начать со сравнения военачальников, я не стану отрицать, что Александр был выдающимся полководцем, однако особенный блеск сообщило ему то, что он был один и умер в молодом возрасте, когда дела его были на взлете и он еще не изведal превратностей судьбы... Надо ли перечислять римских полководцев, причем не всех эпох, а именно тех консулов и диктаторов, с которыми предстояло бы воевать Александру — Марка Валерия Корва... Тита Манлия Торквата, обоих Дециев?.. Кого ни возьми, душевный и умственный дар каждого не уступал Александру, однако организация военного дела, передававшегося из рук в руки с самого основания Города, пришла здесь к состоянию упорядоченного искусства, построенного на неизменных правилах... Он бы понял, что ему предстоит иметь дело не с Дарием, который повсюду тащил за собой разукрашенный пурпуром и золотом обоз из женщин и евнухов и был настолько отягощен этими принадлежностями своей удачи, что походил больше на добычу, чем на противника, так что Александр победил его, не пролив крови, лишь силой своего презрения ко всему тщетному... В Италию он явился бы, более походя на

Дария, чем на Александра, ведя с собой войско, позабывшее Македонию, с нравами, уже переродившимися на персидский лад.

Стыдно упоминать, говоря о таком царе, и надменную перемену в одежде, и пожелание, чтобы ему оказывали почести, простираясь на земле (что было бы тяжело даже побежденным, не говоря уж о победителях), и гнусные казни, и убийства друзей посреди возлияний и застолий, и тщету своей поддельной родословной. А что, если бы жажда к вину становилась день ото дня неуголимее? Что, если бы усилился его свирепый и пламенный гнев? А ведь я перечисляю только то, что не вызывает сомнения ни у кого из историков... Как видно из сохранившихся произведений ораторов, в Афинах, сломленных как государство военной силой македонян, находились люди, которые отваживались выступить против Александра со свободными речами, хотя совсем рядом были дымящиеся руины Фив. Так неужели же против него не произнес бы свободного слова ни один из стольких римских вождей?»

Разумеется, во всех этих сравнениях, во всех гипотетических реконструкциях истории риторика изрядно смешана с завистью, особенно когда дело касается писателя, для которого великим человеком, настоящим умиротворителем Запада и Востока был республиканец Помпей, которого весь мир после 63 года называл «Великим» (Magnus). Однако римляне не погрешили против истины, когда вслед за киниками и стоиками задались по крайней мере двумя нравственными проблемами, которые не разрешены еще и сегодня: вопросом о конечных целях похода и о поведении его предводителя.

Цель войны

Нет на свете ничего более спорного, чем миссия Александра. В 346 году афинский ритор Исократ, в одно и то же время преподаватель и политический советчик, заклинал Филиппа II, царя Македонии, объединить Грецию и встать во главе, так сказать, национального крестового похода против Персидской державы. Он предлагал «выгородить как можно бóльшую территорию и отделить себе то, что принято назвать Азией, а именно область от Киликии (близ Малла в сегодняшнем заливе Искендерун) до Синопа» на севере современной Турции; короче, провести границу вдоль 35° восточной долготы, что означало бы аннексию в интересах Македонии либо, если угодно, освобождение в интересах греческих поселенцев западной половины Малой Азии. Здесь-то заключается первая неясность: о какой войне шла речь, завоевательной или освободительной? Аристотель («Политика», V, 8, 5 1310b, 38-39), бывший скорее воспитателем и нравственным советником Александра, рассматривал приобретение новых земель в качестве непреложного права Македонской монархии и определял как Эвергета (Εὐεργέτης), то есть «Благодетеля», «доброго царя», того, кто сделал территориальные приобретения для своего народа. Будет ли Македония грабительской нацией или вестницей идеала? Кроме того, Исократ требовал от Филиппа «основать на этих землях города и поселить здесь тех, кто ныне шатается по недостатку средств к существованию (читай: наемников, бродячих солдат, бандитов с большой дороги)». Второе: о чем в таком случае шла речь, об основании городских поселений, подобных Филиппам (356) близ Датона во Фракии или Александрополю (340) у медов? Или же эти территории

должны были использоваться исключительно для ведения сельского хозяйства? То, что осуществил Александр, когда стал царем Азии, основав по меньшей мере семь Александрий и около тридцати военных укреплений, заставляет признать справедливость и Аристотеля, и римских моралистов: если Александр, прирожденный вояка, был в состоянии избрать для себя идеал, таким идеалом могло служить только завоевание.

Через девять лет после упомянутого письма Исократу Филиппу Греческий союз возложил на Филиппа ведение войны с полномочиями в полном объеме, а после смерти «гегемона» перепоручил эту задачу Александру, его сыну. Также и здесь цель войны, или «миссия», как ее именуют в якобы религиозном плане, сформулирована довольно расплывчато: «отомстить варварам за святотатства, которые они совершили по отношению к греческим святыням» в ходе греко-персидских войн ста шестьюдесятью годами ранее, но также освободить греческие города от подати, которую они платили персидскому царю, то есть заменить постыдный «Царский мир», подписанный спартанцем Анталкидом в 386 году, согласием греков Европы и Азии. Так что же это должна была быть за война: война возмездия (с благородным религиозным предлогом) или война за освобождение «всех народов, наших собратьев» (благородный политический предлог)? То, что произошло в реальности с несколькими наиболее крупными греческими или эллинизированными городами — Милетом, Галикарнасом, Солами, Тиром и, наконец, Персеполем, которые подверглись полному разграблению и сожжению, — доказывает, что в строгом смысле слова это были действительно только предлоги. «Освобожденным» городам было предложено заменить ненавистную подать царю Дарию — «взносом» (добровольным, не так ли?) царю Александру.

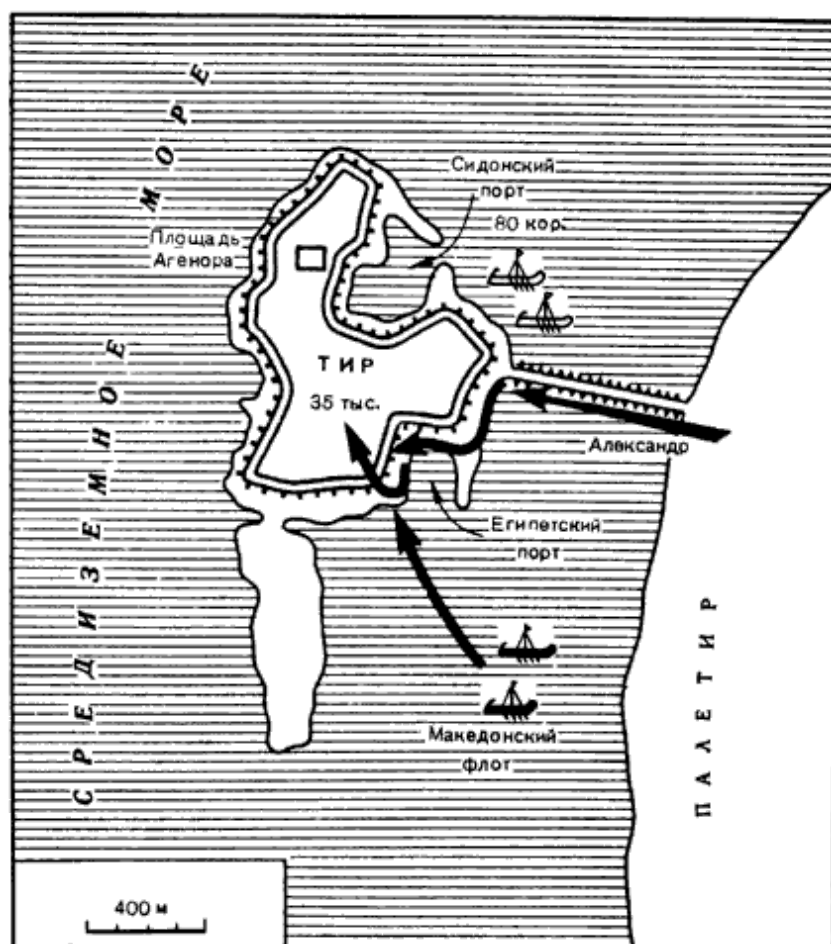

Схема осады Тира.

Речи Александра, по крайней мере те, которые, следуя «Запискам» верного Птолемея, приписывает ему Арриан (VII, 9, 2-5), составлены совсем в иной тональности⁷⁷. В ходе бунта в Описе, когда Александру надо было поднять пошатнувшийся дух македонского воинства, он сказал недовольным: «Речь свою я начну с Филиппа, и это естественно. Ведь Филипп принял вас бесприютными и бедными. Одетые в шкуры, вы пасли в горах жалкие отары, за которых были вынуждены отчаянно сражаться с иллирийцами, трибаллами и соседними фракийцами... Филипп спустил вас с гор на равнины... Он сделал вас обитателями городов, упорядочил вашу жизнь законами и добрыми нравами...

Он присоединил к Македонии бóльшую часть Фракии и, овладев наиболее удобными приморскими областями, раскрыл страну для торговли, а также обеспечил беспрепятственную разработку рудников. Филипп сделал вас правителями фессалийцев, которых вы прежде смертельно боялись, и, усмирив племя фокидян, открыл вам широкую и гладкую дорогу в Грецию... Придя в Пелопоннес, он устроил тамошние дела и, назначенный самодержавным предводителем всей Греции в походе против Персии, снискал славу не столько себе, сколько всему македонскому союзу».

Начало этого исторического обращения заставляет вспомнить одно воззвание Бонапарта к своей Итальянской армии: «Солдаты, вы не одеты и плохо накормлены...», а равнина, лежащая перед вами, полна несметных сокровищ. Наряду со звучными и тщательно расставленными словами, с проступающей сквозь них незаинтересованной добродетелью, с достоинством, славой, обнадеженностью и миром, такие речи содержат странные признания: в них подразумевается господство, корысть, завоевание и устройство личных дел. Курций Руф (VII, 8, 19) вкладывает в уста явившегося к Александру скифского посла более резкие слова, которые, впрочем, читаются и между строк слишком угодливого или циничного Птолемея: «Во всех краях, до которых ты добрался, ты выказал себя разбойником» (*omnium gentium, quas adisti, latro es*). Подлинная цель войны в глазах моралиста — это не патриотизм, не идеал свободы, не религиозная вера, но алчность. «Скажи, что за нужда тебе в богатствах, которые лишь возбуждают твою жажду?» (*там же*, 20). Жажду золота, стад, рабов. В 328 году историограф экспедиции Каллисфен Олинфский во всеуслышание сказал то, что военачальники македонского штаба думали про себя: «Я требую, чтобы ты, Александр, вспомнил о Греции, из-за

которой и начался весь поход ради присоединения к ней Азии» (*Арриан, IV, 11, 7*).

Но что, собственно говоря, понимал Александр под «Азией»? Была ли это земля Трояды, место высадки? Стоило судну коснуться берега близ мыса Сигей (Кумкале) недалеко от Трои, как Александр метнул дротик. «Спрыгнув на землю в Трояде, Александр заявил, что получил Азию от богов» (*Диодор, XVII, 17, 2*): объявление войны, приобретение юридического владения, подтверждение суверенитета — все это было заключено в театральном и символическом броске. После победы при Гранике месяц спустя слово «Азия», сколько можно судить, означало совокупность провинций, управлявшихся двумя побежденными сатрапами — Фригия Геллеспонтская и Лидия, как это, вероятно, было во времена Геродота. Более или менее реальное покорение Кари и Лидии, Писидии и Внутренней Фригии с лета 334-го по лето 333 года позволяет амбициям македонянина простираться вплоть до Галиса (Кызыл-Ирмак) и озера Соленого (Туз), то есть только на запад Малой Азии, на большинстве территорий и в большинстве городов которого не было никакого греческого присутствия. Набег или рейд в Каппадокию в июне 333 года и номинальное назначение сатрапа (македонянина?) этой области, а затем выход к самому южному берегу Малой Азии через Киликийские ворота и Тарс показывают, что главнокомандующий Греческого союза полагал, что исполнил программу, которая предлагалась Филиппу II: рассечь Малую Азию надвое и присоединить к Греции западную ее часть.

Понятие «Азия» приобретает новое содержание после победы при Иссе (осень 333 г.). Когда летом 332 года Дарий предложил Александру, который осадил Тир, стать его зятем и получить в качестве приданого «всю территорию от Геллеспонта до Галиса (Кызыл-Ирмак)» (*Курций Руф, IV, 5, 1*), Александр ответил отказом:

«азиатское царство» рассматривалось отныне не с общегреческой точки зрения, а в плане династическом и персональном. Слово, обозначавшее во времена Гомера («Илиада», II, 461) несколько заболоченных участков близ устья Каистра к северу от Эфеса, в конце концов стало служить обозначением континента, границы которого не были тогда известны ни одному человеку. «Александр ответил Дарию (летом 332 г.), что не нуждается в его деньгах и не примет части его земель вместо их всех, поскольку ему, Александру, принадлежат и деньги Дария, и вся его земля» (Арриан, II, 25, 3).

Но что, в рамках завоевания по праву личного приобретения, случилось с идеями общегреческого крестового похода, войны возмездия, освободительной войны, что от них осталось, кроме желания, всепоглощающей страсти владеть все бóльшим и бóльшим? Когда Парменион, старый полководец Филиппа, попытался призвать Александра к умеренности и разумности, посоветовав ему принять предложения Дария, ему была дана резкая отповедь: никто, ни один человек не смеет ставить себя на *мое* место! С течением времени возникает впечатление, что чем больше победа и случай благоприятствовали победителю, тем дальше отодвигалась от него цель завоевания. После смерти Дария в июле 330 года сам Александр уже больше не имел представления о том, куда направлялся: он шел все вперед и вперед, захваченный и как бы всасываемый пустотой или безднами Востока.

Безумный царь

Герой — не тот, кто покоряет людей и события своей воле. Герой — тот, кто управляет фортуной, в обоих смыслах этого слова, и своими страстями: честолюбием, желанием властвовать, гневом, ревностью собственника и, наконец, культом своего «эго». Победой при Гранике в мае 334 года Александр был обязан исключительно своей удачной вылазке или везению. С точки зрения стратегов, которые, подобно Пармениону, неохотно за ним следовали, это было чистой воды безумие. И здесь мы в первый раз употребляем термин «безумие», говоря о поведении Александра: это отнюдь не наше изобретение, поскольку и Цицерон, и Сенека, и Лукан переводили словом «*insania*» (безумие) то, что веком или двумя прежде их стоические наставники обозначали как «отсутствие ума» (ἀνοία), «нелепость» (ἄτοπον) или «помешательство» (μανία).

Через какое-то небольшое время после смерти Александра Эфипп, который, видимо, в 324–323 годах находился при дворе, обвинил царя в «меланхолии» (μελαγχολία): характерное помешательство было вызвано его черной желчью. Сасанидские сочинения, которые, очевидно, опираются на враждебную македонскому завоевателю персидскую традицию, объявили Александра одержимым Ариманом, духом зла: ведь в желании завоевать и покорить всё любой ценой есть что-то нездоровое, болезненное, безрассудное и даже демоническое. Римляне говорили более общо: *quos vult perdere Jupiter dementat*, то есть «Юпитер лишает разума тех, кого желает погубить».

В чем невозможно сомневаться, так это в том, что значительная часть штаба Александра с Парменионом во главе считала вздорной саму идею к концу дня

атаковать персидскую кавалерию, которая занимала противоположный берег вздутого весенним паводком Граника (ныне Коджабаш). Парменион, вместе с Атталом на протяжении года ведший кампанию в этой области Малой Азии, знал, какой опасный противник в лице Мемнона Родосского стоял за 20 тысячами конных персов. Мемнон командовал пехотой, численно превосходившей пехоту македонян и, что еще важнее, состоявшей в основном из греков, и солдаты Греческого союза отнюдь не спешили вступать с ними в бой.

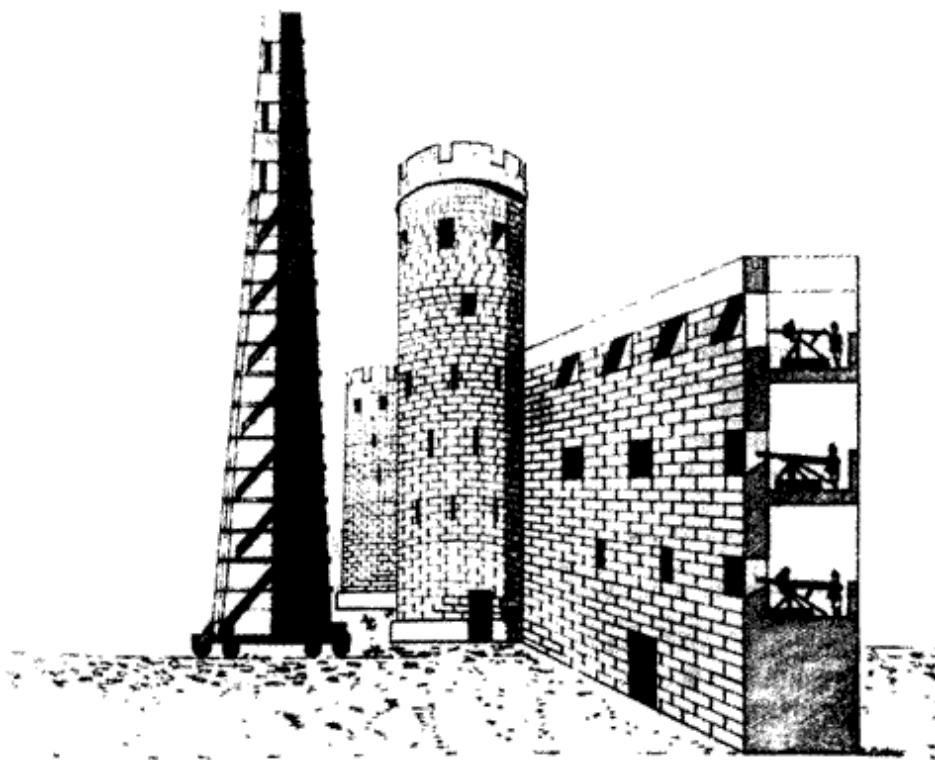
Отголоски этого разногласия между Александром и его первым заместителем нашли отражение в несовпадающих друг с другом рассказах о ходе дела у Диодора (XVII, 19-21) и Арриана (I, 13-16). Первый следует официальной версии, которая отводит первостепенную роль фессалийской кавалерии, одинаково оценивает достоинство и заслуги всех союзных воинов, греков и македонян, и старательно обходит молчанием отвратительную учиненную Александром и конными гетайрами резню, результатом которой явилось уничтожение по меньшей мере 10 тысяч греков, находившихся на службе у сатрапов. Плутарх, который следует версии Каллисфена и военачальников, расположенных к Александру, не в состоянии удержаться от того, чтобы не охарактеризовать его как горячую голову, которой сослужили хорошую службу случай и присутствие друзей. Вот как выражается об этом сам Плутарх: «Возникало впечатление, что Александр командует скорее как безумец (μανικῶς) и наперекор здравому смыслу (πρός ἀπόνοιαν), чем по зрелом размышлении» («Александр», 16, 4).

Жалкие победы

Какой бы удачной ни была битва при Гранике, персидские силы, и прежде всего кавалерия, практически не потерпели в ней урона, поскольку Александр, занятый тем, чтобы перебить или взять в плен греческих наемников, не организовал за ними погони. Так что следующие поколения превозносили в нем качества стратега, которыми он вовсе не располагал. Сверх того, «гегемон» позволил ускользнуть лучшему из полководцев, находившихся на персидской службе, Мемнону, который, воспользовавшись ошибкой или безденежьем Александра, подготовил к обороне Милет и Галикарнас. Поскольку находившийся на службе у греков флот был отпущен, «Дарий прислал Мемнону (своему зятю) большую сумму денег и назначил его главнокомандующим. Мемнон нанял много наемников, снарядил 300 кораблей и деятельно взялся за все, что относится к войне» (*Диодор*, XVII, 29, 1-2). Он овладел островом Лесбос, переманил на персидскую сторону острова Эгейского моря и большую часть Пелопоннеса и на протяжении целых шести месяцев не давал экспедиционному корпусу Греческого союза в Малой Азии двинуться с места. Поэтому внезапная смерть Мемнона в мае 333 года явилась для Александра большим везением.

Отрезанный от Греции Александр, на которого напирали с севера и с востока, тешился тем, что разрубал или развязывал Гордиев узел, находясь на волосок от гибели. Античные историки говорят в этой связи о тревоге, живом беспокойстве, *agônía*, Александра. Отсюда становится понятно, почему он умножал свои обращения к оракулам и прорицателям, как в ликийском Ксанфе, так и во фригийском Гордии.

Если эпизод или, скорее, анекдот о Гордиевом узле обойден полным молчанием у целого направления традиции (у Клитарха, Птолемея, Диодора), так это потому, что он представлялся не слишком достойным славы героя и чуть ли не жалким. Стать царем Азии (Малой Азии?), разрубив или разрезав кожаный ремешок или кизилковый луб, охватывающий чеку, — детская сказочка, созданная для наивных или суеверных умов, но никак не подвиг, сравнимый с подвигами Геракла. В своих «Записках» Птолемей умолчал об этом не столько даже для того, чтобы возвеличить славу египетского оракула Сива, сколько не желая бросать тень на славу своего друга Александра.

Использование катапульт и башни при осаде Тира (реконструкция).

Вторая битва в правильном строю, которую греко-македонская армия дала на равнине к югу от Исса, произошла из-за маршрутного просчета, который вполне

мог оказаться роковым для Александра, и уж во всяком случае явился таковым для раненых и больных солдат, а также для греческих поселенцев и торговцев, которые проживали в Киликии. Дарий, который прошел через Амановы ворота (перевал Топраккале), попутно уничтожая встречавшихся греков, внезапно оказался возле Исса, в арьергарде обоза Александра, чьи передовые части занимали Сирийские ворота (перевал Белен к югу от Искендеруна). Каллисфен, которого цитирует Полибий (XII, 14, 4), утверждает, что Александр находился приблизительно в 18 километрах от Дария, когда внезапно осознал присутствие последнего у себя в тылу. Александр развернулся, перегородил береговую равнину вдоль Пинара (ныне Пайя) двойным войсковым заграждением и возложил всю тяжесть маневра на Пармениона и его сына Филота, между тем как сам атаковал персидский эскадрон, окружавший колесницу Дария, «спеша не столько даже взять верх над персами, сколько собственноручно доставить себе победу» (Диодор, XVII, 33, 5). Дарию удалось бежать, уведя за собой большую часть кавалерии и наиболее надежных греческих пехотинцев. С приближением темноты (а был уже ноябрь 333 г.) персы легко рассеялись. Македоняне и фессалийцы прекратили погоню и устремились на разграбление лагеря. Александр проявил большее попечение о том, чтобы ему достались *смала* (семейство) Дария, его столовая и туалетные принадлежности, чем о захвате его самого. Победа не над человеком, не даже над его империей, но над его казной (*газа*): разве это может быть самым важным для героя?

Часто цитируют восклицание победителя, вырвавшееся у него при посещении роскошного шатра поверженного врага: «Так вот что означало царствовать для Дария?!» (Плутарх «Александр», 20, 13). Однако эти «исторические» слова, как и бесчисленное множество

других, были явно сочинены значительно позднее, при этом им был придан тот презрительный оттенок, в котором вовсе не было нужды. Потому что на следующий же день Пармениону и его всадникам был отдан приказ завладеть багажом и казной, которые Дарий оставил для надежности в Дамаске, в 400 километрах дальше на юг: «Вся равнина была усеяна царскими богатствами: тут и деньги для выплаты жалованья солдатам... тут и одеяния благородных мужей и высокородных женщин... золотые сосуды, золотые поводья, разукрашенные шатры... брошенные повозки, полные добра... Невероятное, несметное богатство, накопленное в течение стольких лет, оказалось изодрано ветвями кустарников или втоптанно в грязь. У грабителей не хватало рук, чтобы подобрать добычу» (*Курций Руф*, III, 13, 10-11). Победитель закрыл на все это глаза. В конце концов, разве не для этого и ведутся войны? Александр отказался насиловать старую мать, жену (беременную) и дочек (еще совсем юных) Дария, но не преминул возлечь с Барсиной, вдовой и невесткой Мемнона, своего противника. Действительно, первые были ценными заложниками, между тем как Барсина, внучка царской дочери (*Плутарх* «Александр», 21, 9), приносила ему то положение, которое не могло быть доставлено победой. Она родила Александру сына, который был нескромно назван Гераклом: не уподоблял ли он сам себя герою или даже Зевсу, его отцу?

Александр и его небольшой отряд преследовали Дария после битвы при Иссе на протяжении нескольких километров. Проскакав по грудам трупов в теснинах Амана, к полуночи они возвратились в крови, поту и пыли, убежденные, что не выиграли ни битвы, ни войны и все следует начинать сначала. И в самом деле, два года спустя великие степные наездники снова сошлись лицом к лицу. В сражении при Гавгамелах в 27 километрах к северу от Ниневии (недалеко от Мосула,

Ирак) 1 октября 331 года на стороне Александра было лишь 7 тысяч всадников, которые должны были противостоять тысяче «бессмертных» царской гвардии и 10 тысячам персов, не считая вооруженных серпами четверок и боевых слонов. Нашим европейцам не доводилось такое наблюдать. «Войском Александра овладел беспричинный ужас: обезумевших солдат пронзила дрожь, все сердца сдавил тайный страх. Время от времени вспыхивавшая на небе молния, подобная той, что бывает летом, пламенем озаряла все кругом... Проведав про испуг войска, Александр велел дать знак, чтобы все остановились, положили оружие перед собой и отдышались... При таком положении самым безопасным представилось стать здесь же лагерем» (*Курций Руф*, IV, 12, 14-17). Александр, обеспокоенный больше солдат, не спал всю ночь. Он повелел читать молитвы, совершить жертвоприношение Страху, Зевсу-Амону и Афине-Нике, богине победы. На рассвете, как это обычно и бывает, он заснул. «Парменион, самый старший из друзей, от своего имени отдал войскам приказ готовиться к битве» (*Диодор*, XVII, 56, 2).

Из всех сражений в открытом поле относительно того, что состоялось при Гавгамелах, на «верблюжьем пастбище», у нас имеется больше всего не совпадающих друг с другом рассказов. Клитарх сделал из них тщательную компиляцию, основываясь на Каллисфене, официальном историографе, на Птолемеи и Аристобуле, а также других писателях. Однако нам известны об этом только три положительные вещи. Первая — та, что длинные сариссы македонских кавалерии и фаланги одолели как возниц боевых колесниц, так и скифских и персидских всадников («Цельте в лицо», — повелел царь). Вторая состоит в том, что недостаточно охраняемый и защищенный обоз мог быть захвачен и что Парменион, видя, что его обходят, дважды запрашивал подкреплений. Наконец, третьей оказалось то, что, как и

при Иссе, по причине этого охвата Александр был вынужден прекратить погоню и позволить Дарию ускользнуть: как здесь, так и там он одержал лишь половинчатую победу, за которой последовала опустошительная эпидемия и деморализация личного состава армии после разграбления персидских сокровищ.

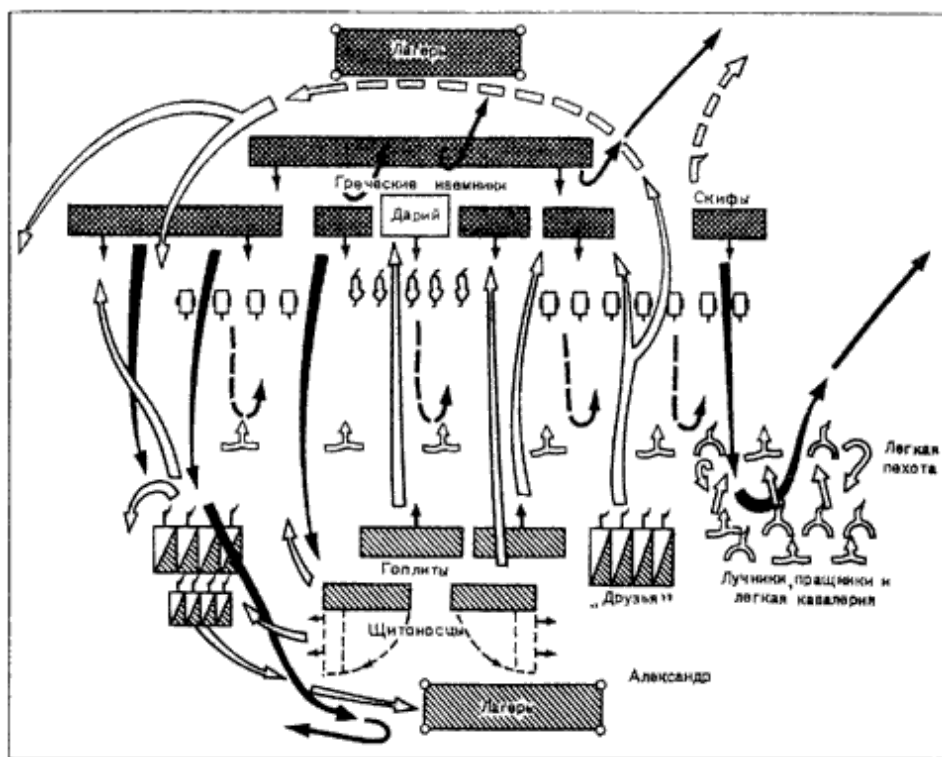

Схема битвы при Гавгамелах.

Двумя месяцами позже он узнал о блестящей победе Антипатра над царем Спарты Агисом и объединившимися против Македонии греками в сражении при Мегалополе в октябре 331 года. Завидуя этому успеху, Александр отозвался о ней даже как о «битве крыс». Так ли уж был неправ избранный нами в свидетели Тит Ливий, который полагал, что дисциплина и вооружение римлян превосходят греческие и македонские, и настаивал на том, что Александр был бы побежден римскими консулами и римскими легионами?

«Италия представилась бы ему совершенно не такой, как Индия, через которую он двигался во главе охмелевшего войска, бражничая и кутя. Нет, в Италии Александру открылись бы леса Апулии и горы Лукании, и на них он различил бы свежие следы разгрома, постигшего его дом, когда здесь недавно распрощался с жизнью его собственный дядя с материнской стороны, царь Эпира Александр» (*Ливий*, IX, 17).

Поскольку историческая беллетристика может себе позволить воображать, что бы произошло, если бы Александр Македонский попытался в свою очередь осуществить завоевательные мечты своего дяди и зятя по другую сторону Адриатики и оказался там в сопровождении орды азиатов и горсточки измотанных македонян, позволим и мы себе бросить критический взгляд на четвертую большую битву, которую дал в июле 326 года преемник убитого Дария. Она проходила в Пенджабе, между Джалалпуром и Харанпуром на юге, в 108 километрах к юго-востоку от Равалпинди. По словам Квинта Курция Руфа (VIII, 5, 4), Плутарха («Александр», 66, 5) и Арриана («Индика», 19, 5), которые основываются на двух надежных мемуаристах, флотоводцах Неархе и Онесикрите, при вступлении в Индию в июне 327 года «под ружьем» у Александра оказалось 120 тысяч пехотинцев и 15 тысяч кавалеристов, вчетверо больше того, что явились в Персию двумя годами раньше.

Если оценивать общее число греков и македонян, принявших участие в сражении при Джеламе (в античности Гидасп), в 30 тысяч пехотинцев и 6 тысяч кавалеристов, то с учетом тех потерь, которые войско понесло после года безрезультатной кампании на Свате, можно сказать следующее: 1. Все азиатские контингента, оставшиеся по эту сторону реки (от 70 до 80 тысяч человек, 8 тысяч всадников, 30 слонов), и весь обоз не приняли участия в сражении или по крайней

мере лишь воспользовались его плодами. 2. Противостоявшие силы индуса Пауравы, которого греки называли Пором, не превосходя македонского войска, были приблизительно равны ему по численности и, возможно, уступали в доблести и вооружении, поскольку ударная их мощь состояла в устаревших боевых колесницах и сотне слонов, которых греки больше не боялись. 3. Результат, полученный с большим трудом и путем целой серии обманных маневров, сильно смахивал на пиррову победу, поскольку Александр, обращаясь с Пором «как с царем», не только оставил ему его царство, «но еще его расширил, покорив независимые земли, на которых, как говорят, обитали 15 народов, имелось 5 тысяч значительных городов и деревень без числа» (Плутарх «Александр», 60, 15).

По счастливой случайности у нас имеется сделанный самим Александром отчет об этой битве, который содержался в его письмах к регенту Македонии и матери Олимпиаде. Самое основное из этого документа мы находим в главе 60 его биографии, принадлежащей Плутарху, что подтверждается Аррианом (V, 15–18). Это совсем не похоже на напыщенную реконструкцию Клитарха, за которым следуют Диодор, Курций Руф и Юстин, то есть на «Вульгату». Итак, вот что пишет Плутарх: «Обстоятельства дела его с Пором (Пауравой) сам Александр описал в письмах. Он говорит, что между двумя лагерями тек Гидасп (ныне Джелам, относящийся к бассейну Инда), и Пор, выставив слонов прямо напротив, неотступно следил за переправой. Ежедневно Александр устраивал в своем лагере большой шум и гвалт, чем приучал варваров оставить опасения. В непогожую и безлунную ночь он взял часть пехотинцев и отборных всадников и, отойдя подальше от врагов (в северном направлении), переправился на небольшой остров (ныне Адмана). Тут пошел проливной дождь, на войско обрушилось множество молний, так что ему

пришлось увидеть несколько человек, поверженных и испепеленных молниями. Отправившись с острова, они стали пробиваться к кручам на противоположном берегу. Сделавшийся бурным и сильно вздувшийся от бури Гидасп вырыл в русле большой провал, так что большая часть потока протекала по нему. Посередине реки люди чувствовали себя особенно неуверенно, потому что им было скользко и они оступались...

Александр говорит, что его люди побросали плоты и перебрались через водный поток с оружием, погружаясь по грудь. Переправившись, он с конницей выдвинулся на 20 стадий (ок. 3,5 км) вперед пехоты, предполагая, что, если неприятель подойдет с кавалерией, Александр окажется несравненно сильнее, а если противник двинет фалангу, упредит его, придвинув пехоту. На деле произошло первое. Повстречав тысячу всадников и 60 колесниц, он без труда их опрокинул и захватил все колесницы, а из всадников перебил 400. Когда Пору стало известно, что сам Александр переправился через реку, он двинул против него все свои силы, за исключением тех, кого оставил на переправе македонян. Опасаясь слонов и множества врагов, Александр напал на левый фланг неприятеля, а Койну (командиру кавалерии и товарищу царя) приказал наступать на правый. Когда началось общее бегство, враги с той и с другой стороны стали отходить к слонам и сбиваться в плотные группы, так что получилась общая свалка, и в восьмом часу противник отказался от сопротивления. Вот по крайней мере что говорит об этой битве сам ее творец» (*Плутарх «Александр»*, 60).

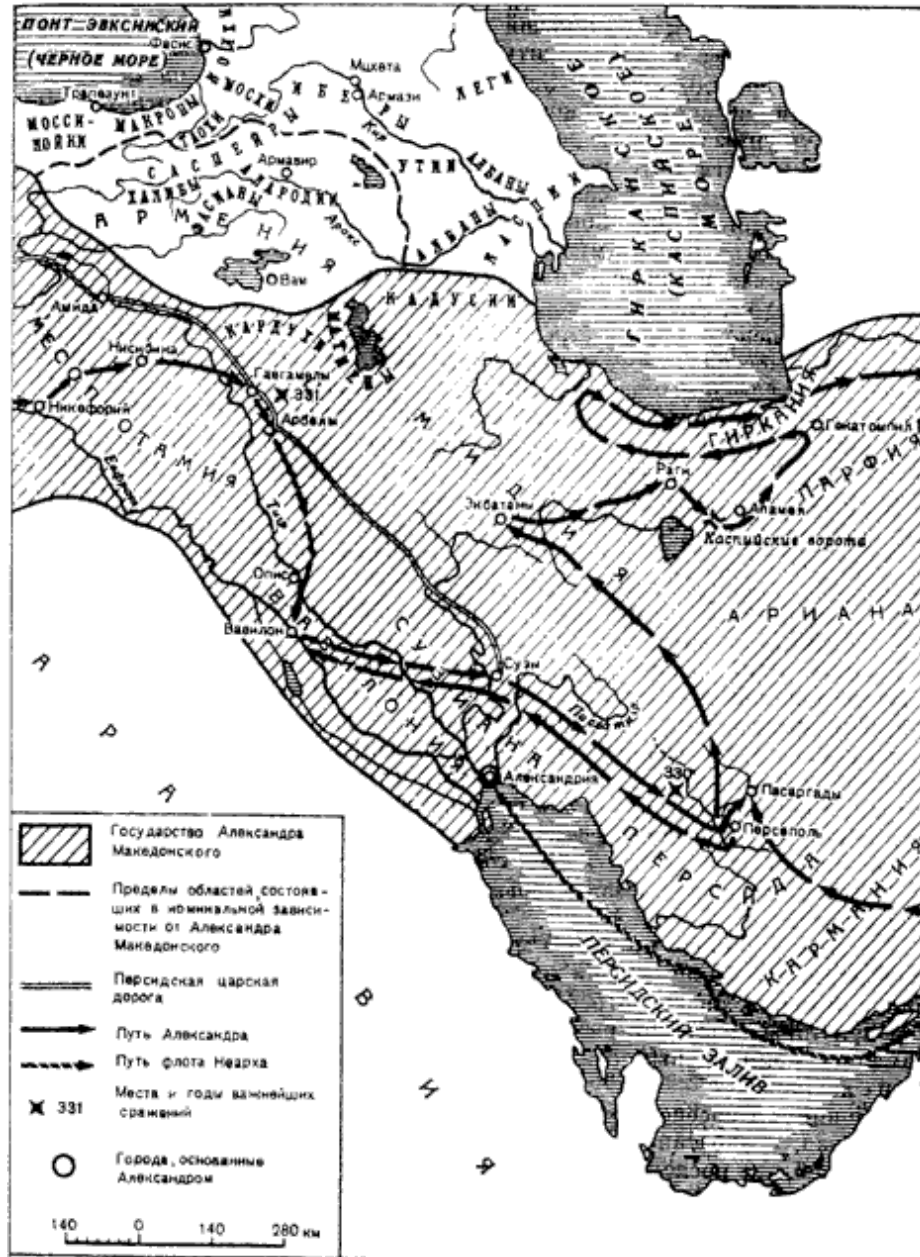
Нельзя не поражаться скромности цифр и совершенных действий, признанию в испытанном страхе и, наконец, уважению, выказанному к противнику, особенно если знать, как любил поощряемый вином и лестью Александр хвастать своими подвигами и раздувать их до того, что становился несносен для

собственных друзей. Не хочу сказать, что в этом сражении ему не достало храбрости или находчивости. Отмечу лишь, что он сам не считал себя совершившим нечто сверхчеловеческое, добившись того, что враг признал себя побежденным. Благодаря всеобщим наивности и легковерию довольно быстро распространилась легенда о том, что Александр на своем маленьком вороном коне одним ударом сариссы сразил громадного индуса, сидевшего на самом могучем из слонов.

Ученые Нового времени, увидев несколько монет, отчеканенных в Вавилоне через пять лет после смерти Александра, чтобы заплатить вспомогательным индийским войскам Эвмена, вообразили, что это сам Александр велел изобразить себя ссаживающим со слона своего бегущего противника. Действительность выглядит иначе: Александр, возмущенный тем, что Аристобул приписал ему единоборство со слоном, вырвал у него рукопись из рук (*Лукиан «Как писать историю», 12*). Он, который после одного ранения заметил вслух, что из его жил течет обычная человеческая кровь, а вовсе не «ихор», кровь богов, знал лучше кого-либо другого, какими не вполне достохвальными средствами заставил своего отважного противника уступить: «Поскольку македоняне пришли в оторопь от мужества Пора, Александр послал лучников и легковооруженных солдат (то есть пращников и метателей дротиков), велев всем им целить в Пора» (*Диодор, XVII, 88, 5; Курций Руф, VII, 14, 38; «Эпитама деяний Александра», 60*). Арриан уточняет, что Пор сражался при отходе, раненный в правое плечо, а сдался лишь после переговоров с Александром (*V, 18, 4–8*). Все прочее — благочестивые преувеличения или романтизм.

От жестокости к тирании

Нам известно, что помимо этих четырех великих битв в более или менее правильном строю, которые нельзя назвать ни бесспорно выигранными, ни решающими, и до них, и в промежутках между ними, и после них имели место многочисленные бои, набеги, овладения городами или простыми фортами, да и просто стычки. Александр не во всех принимал участие, поскольку один из принципов его стратегии состоял в том, чтобы дробить силы противника и нападать на них по отдельности, а второй — чтобы охватывать их с тыла или заходить им во фланг с помощью различных колонн, которым следовало быть стремительными и подвижными. Что более всего поразило тех историков, которые повествуют о таких тяжелых кампаниях, какими оказались, например, те, что Александр вел в Финикии в 332 году, в Согдиане в 329–328 годах, в Индии в 326-м, в горах Загра и Луристана (к югу от современного Керманшаха) в 323-м, так это не дорого купленные победы, не скудные их результаты, но жестокость и даже зверство, с которыми эти победы были вырваны у врага.

Вавилония и Ариана.

Мы знаем, какой ничтожной величиной неизменно оставалась человеческая жизнь на Среднем Востоке, особенно жизнь наемников, которым платили именно за то, чтобы они умирали или убивали других, и которых никто никогда не оплакивал. Поэты говорили, что они «заставляют себя убивать из страха смерти». Однако древние точно так же, как и мы, были весьма

чувствительны к безмерности убийств невинных людей в захваченных силой городах или в деревнях, сочтенных восставшими. Как и мы, они с возмущением говорили о тысячах погибших в Фивах, в Тире, в крепости малавов близ Мултана, на Загре (эти последние — искупительная жертва за смерть пьяницы Гефестиона, совершенная по приказу и под предводительством Александра). Колоссальный кровавый след тянется за карательным рейдом, устроенным по долине Зеравшана до Самарканда, а затем — до Бухары в погоне за неуловимым Спитаменом в 328 году. На берегу Биаса в сентябре 326 года все солдатские мечи оказались зазубренными, затупленными, погнутыми — столько пришлось порубить человеческих тел (*Курций Руф*, IX, 3, 10). В Массаге (ныне Чакдара на Свате) в 327 году Александр заключил соглашение с ассаkeneми: индийские наемники, их жены и дети должны были свободно уйти, но Александр «захватил их отступающими в пути и всех перебил. Это легло пятном на его воинские деяния, поскольку в остальном он воевал по правилам и по-царски» (*Плутарх* «Александр», 59, 6–7). Тот же автор сожалеет о массовых казнях через повешение брахманов, которых он называет философами и которые были повинны в том, что хулили царей, перешедших на сторону Александра, или подбивали на восстание свободные народы. Лукан в начале X песни «Фарсалии» говорит о массовом избиении Александром азиатских народов — и все это только для того, чтобы установить Царский мир и согласие между народами! Как тут не вспомнить о девизе, который Тацит приписывает римским завоевателям: *Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant* («Превращая край в пустыню, они называют это миром») («Агрикола», 30).

Кровожадность, страсть к убийству, жестокость, являющаяся одной из постоянных составляющих

глубокого характера Александра, — мы вновь обнаруживаем их не только на поле брани, но и в частной жизни, в его политической карьере, при отправлении мнимого правосудия, посреди мира, на пирах и попойках. Не будем вспоминать ту кровавую баню, с которой началось его царствование осенью 336 года; ни тот способ, которым он мстил за Грецию, пострадавшую от персидских вторжений и зверств в 490 и 480 годах, когда разграбил Персеполь и перебил его жителей, предав огню самый большой и прекрасный в мире дворец (25 апреля 330 г.); ни устроенную им резню всех потомков милетских жрецов в Тармите (Термез) на берегу Амударьи в июне 329 года (*Курций Руф*, VII, 5, 28–35). Оставим в стороне даже убийство Клита Черного в ходе попойки в Самарканде осенью 328 года, когда ни тот ни другой просто не могли себя контролировать. Однако пытки и казнь Филота, главнокомандующего кавалерией, лучшего из соратников Александра, убийство Пармениона, отца Филота, пытки и казнь Александра из Линкестов, совершенные заодно с ними и с тем же хладнокровием осенью 330 года, требуют дополнительного расследования и более спокойного обсуждения.

Мнения по этому вопросу разошлись. Для всей античности это были невинные жертвы, принесенные скорее гордыне или зависти, чем мстительному духу монарха, сделавшегося тираном. Исследователи же Нового времени могут себе позволить защищать Александра: на протяжении не менее чем шести лет между царем, с одной стороны, и двумя родами, Пармениона и Александра Линкестидского, которые все стояли в представлении солдат не ниже Александра и были его соперниками, — с другой, существовали глубокие разногласия. Мы уже говорили, что Александр, сын Аэропа и зять регента Антипатра, был арестован в 333 году по подозрению в тайном сговоре с неприятелем

и в заговоре против Александра (*Арриан*, I, 25). Во всех сражениях и после них Парменион не переставал неодобрительно отзываться о мероприятиях молодого государя. В октябре 330 года во Фраде (ныне Фарах) в непокоренной Дрангиане, имея у себя за спиной взбунтовавшиеся северные сатрапии, видя, что кавалерия, вспомогательные силы и войска тают за недостатком провианта, Александр впустую ждал войска и деньги, задержанные Парменионом в Экбатанах (ныне Хамадан), расположенных на расстоянии 1300 километров.

После египетской кампании, когда ему посоветовали не доверять амбициям и образу жизни гиппарха Филота, Александр не переставал подозревать своего дорогого «друга» и даже установил за ним наблюдение. Кажется, для него все завершилось точно так же, как и для Александра Линкестидского: «Мать царя написала Александру, наряду с прочими дельными советами, также и о том, почему следует остерегаться Александра Линкестидского. Человек выдающегося мужества и полный честолубия, он повсюду следовал за царем с прочими друзьями и пользовался его доверием. Поскольку к этой клевете были прибавлены многие другие правдоподобные утверждения, Александр был схвачен и в оковах ввергнут в темницу, чтобы дожидаться суда» (*Диодор*, XVII, 32, 1-2). Огорчает то, что как в одном, так и в другом случае обвинение в заговоре ни на чем не было основано (в лучшем случае — лишь на ненависти царицы-матери), что обвиненным пришлось иметь дело с пародией на правосудие, что они были подвергнуты пыткам и преданы жестокой смерти, идущей вразрез со всеми обычаями, а также то, что их осуждение, решение о котором было принято Александром до приговора, повлекло за собой гибель также и их семей. Прибавим, что даже если Филот и не был безупречен, избранная в отношении него процедура

была из ряда вон выходящей, и уж во всяком случае принятые меры были недостойны справедливого царя.

Рассказ Плутарха, наиболее ясный и трезвый, не оставляет и тени сомнения в вине Александра в этой мрачной истории. «Обращаясь во хмелю к любимой им женщине, этот молодой человек (Филот) наболтал немало такого, что слышишь обычно из уст заносчивых вояк: он утверждал, что самые значительные дела были совершены им и его отцом, а Александра называл юнцом, который через них добился видимости власти... Слыша дурные о себе отзывы, он (Александр) утрачивал разумность, становился жестоким и неумолимым... Несмотря на тяжесть свидетельств, выдвинутых против Филота, Александр держал себя в руках...» («Александр», 48, 5; 42, 4; 49, 2) до того самого дня, когда один македонянин по имени Димн^[36] не замыслил настоящий заговор против Александра. Брат юного возлюбленного Димна попросил Филота устроить им аудиенцию у царя: речь должна была пойти о важнейших и неотложнейших вещах. «Однако с Филотом, похоже, что-то случилось (ясности здесь нет никакой), потому что он не представил их царю, сославшись на то, что у царя были дела поважнее. Так повторялось дважды. Братья стали уже подозревать Филота и, обратившись к кому-то другому, были приведены к царю. Вначале они изложили историю с Димном, а затем тишком донесли на Филота, как он дважды не обратил на них внимания. Это чрезвычайно обеспокоило Александра, и когда за Димном послали, а он оказал сопротивление и был убит, царь еще больше взволновался, считая, что лишился главной улики заговора. Негодуя на Филота, он привлек тех (военный совет), кто уже давно его ненавидел... Поскольку слух царя был теперь открыт для таких речей и подозрений, ему сообщили много неправды в отношении Филота. Он был схвачен и допрошен, причем товарищи царя

присутствовали при пытках, а сам Александр подслушивал снаружи, скрываясь за пологом. Говорят, услышав жалобный и заискивающий голос Филота, который обращался с мольбами к Гефестиону, царь сказал: „И сподобило же тебя, Филот, слабака и труса, замахнуться на такое?“ Когда Филот был казнен, Александр тут же отправил людей в Мидию, чтобы они устранили Пармениона, много помогавшего Филиппу, а также единственного из старших друзей Александра, кто его ободрял в замысле похода в Азию (или по крайней мере был в этом деятельнее прочих)» (*Плутарх* «Александр», 49, 5–13).

Ужасный протокол или изложение следствия, допроса и казни! С полной отчетливостью, как при свете дня, мы видим здесь страх Александра, столь же дурной советчик, как и гнев (при том, что и то и другое совершенно недостойны героя). В этом случае он был более не в состоянии владеть собой, как случилось и несколькими месяцами спустя, когда он повелел отрезать нос и уши лжецарю Бессу, прежде чем устроить над ним суд, или когда распорядился выпороть у всех на виду Гермолая, молодого человека, принадлежавшего к высшей знати, повинного лишь в том, что он первым нанес удар кабану, которого царь намеревался сразить самостоятельно. Случай с Гермолаем заронил в душу молодого человека смертельную обиду и привел к еще одному заговору, закончившемуся самым роковым образом в Самарканде осенью 328 года.

Итак, после гибели Дария в июле 330 года вокруг Александра остались лишь те старшие, кто был ему враждебен: знатные пажи шли по пятам старых полководцев Александра, его современников, вроде Клита, своих воспитателей, которые, подобно Каллисфену, посланцу Аристотеля, побуждали их выказать себя мужчинами. Ибо, как полагали они все,

Александр переставал видеть себя человеком, хоть в чем-то равным своим товарищам из македонской знати, все более убеждаясь в своей божественной сущности, и, полагая себя сыном Зевса-Амона, требовал от своих азиатских подданных (а также и от прочих) поклонения и даже культа, который причитается лишь богу. Македоняне со смехом наблюдали, как победитель Дария заставлял мидийских, персидских и согдийских вельмож простираться перед ним, вставая на колени и зарываясь лбом в пыль, однако не допускали и мысли, что он вынашивал замыслы унижить так же и их, свободных людей, привыкших лишь к воинскому приветствию. Они отдавали себе отчет, что до окончательной победы так же далеко, как и прежде, ибо теперь им приходилось биться уже не за свободу или честь Греции, но ради удовлетворения безграничного честолюбия человека, одержимого манией величия. Такова суть высказываний Клита, которому в Самарканде в октябре 328 года вино развязало язык. Клит припомнил Александру даже то, что без его отца, без старых военачальников, павших в бою или убитых им самим, без молодых товарищей уделом Александра были бы лишь похвальба и пустозвонство. *In vino Veritas*, «истина в вине». Однако есть истины, которые не стоит высказывать тому, кто не может и не хочет их слышать.

После ареста племянника Аристотеля в Бактрах-Зариаспе той же зимой 328/27 года и его заключения в подземелье отношения между старым учителем и прежним его учеником еще больше обострились. Некоторые фразы одного письма, известного нам только в арабском переводе, которые напоминают Александру, что он должен обращаться с греками как вождь, то есть как справедливый и достойный любви человек, но с варварами — как господин, вызвали угрозы со стороны убийцы Филота, Клита, Гермолая и Каллисфена. «Македоняне побили юнцов камнями, но что касается

софиста (философа Каллисфена), я накажу его сам, как и тех, кто его прислал (читай: Аристотеля, дядю Каллисфена) и кто в своих городах привечает злоумышляющих против меня» — так писал Александр Антипатру, и Плутарх («Александр», 55, 7) прибавляет, что это явный намек на Аристотеля. Не менее очевидно и то, что если Аристотель хотя бы на мгновение смог поверить в то, что ему удалось сформировать из Александра великодушного человека (я уже не говорю — героя), он заблуждался точно так же, как заблуждался завоеватель, который обеспокоенно вопрошал себя, кто же он — полубог, Ахилл или Геракл, или же воплотившийся бог, Дионис или Амон-Ра. Время от времени вспыхивавшие бунты солдат, как в Пенджабе и Описе, потеря трех четвертей личного состава на обратном пути из Индии, наконец, наступивший в Вавилоне горестный конец самого Александра и его завоевательного похода должны были доказать, как говорит Софокл, что «все мы, живущие на этом свете, лишь призраки или легкая тень» («Аякс», 125–126).

Царь во хмелю

В чем в полной мере открываются слабость и уязвимость Александра, так это в его неводержанности. Став после битвы при Гавгамелах и вступления в четыре столицы империи полновластным господином над всей азиатской роскошью и всеми азиатскими иллюзиями, он не замедлил перенять наиболее скверные привычки своих предшественников — как в отношении платья, так и в отношении стола, напитков, разъездов и протокола. Возобладавшие роскошь и расточительство были предназначены для того, чтобы ослепить восточных подданных, однако грубых и бедных солдат, которые окружали Александра, они лишь уязвляли. Эти люди любили хорошенько выпить, повеселиться, заняться любовью, однако не желали уступать капризам хмельного полководца, игравшего их жизнями.

Кажется, с момента вступления в Вавилон в ноябре 331 года пьянство Александра усугубилось. От попойки к попойке, устраивавшейся по случаю всякого успеха, он медленно, но верно становился закоренелым — уже не выпивохой, а горьким пьяницей. Объяснить это, оправдать и извинить пыталась целая историографическая традиция, представленная Аристобулом, Харетом и Плутархом. Плутарх пишет: «Сколько можно судить, это телесный жар делал Александра как любителем выпить (ποτῖκόv), так и гневливым» («Александр», 4, 7). В другом месте он добавляет: «Он был менее склонен к вину, чем могло показаться. А впечатление такое создавалось в связи с его долгими застольями, которые он, однако, посвящал не столько возлияниям, сколько разговорам, когда вослед каждой чаше посылалась пространная речь, — да

и то лишь когда у него было много досуга. Ведь, в отличие от прочих полководцев, его не удерживали от дел ни вино, ни сон, ни развлечения, ни брак, ни зрелища» (*там же*, 23, 1-2). Следует также заметить, что досуг у Александра появился лишь после смерти Дария и что преследование врага, как правило, исключает всякую мысль о досуге.

Совсем другая интонация чувствуется в диалоге того же Плутарха: «Про царя Александра говорят, что он не так много пил, как проводил много времени за возлияниями и беседами с друзьями. Однако Филин доказал, что это вздор, на основании „Царских ежедневников“, в которых часто и многократно повторяется: „В этот день спал после винопития“, а бывает, что то же говорится и про следующий» («Застольные беседы», I, 6, 1: «О пьянстве Александра»). Не будем принимать во внимание ни злобные памфлеты Эфиппа и Никобула, ни насмешки комедиографов («Ты выпил больше царя Александра», — говорят у Менандра одному из персонажей): все они писали уже после смерти царя. Но как не учитывать сцены оргий, состоявшихся в Вавилоне в ноябре — декабре 331-го и в Персеполе в апреле 330 года, о которых сообщает нам «Вульгата»? «Повсюду в Персиде как цари, так и знать безумно увлекаются застольями (*convivales ludi*), вавилоняне же больше предаются винопитию и тому, что за ним следует», — пишет Курций Руф (V, 1, 37), который дает за этим сцены разгула. Было то сделано по приказу или же нет, умышленно или нечаянно, однако пожар дворца в Персеполе явился завершением вакхической пляски, в которой участвовал царь, бывший пьянее остальных.

Напомним, что македонский и персидский обычаи не позволяли разбавлять вино водой, как это делали греки, что опьянение, которому предавались Филипп Македонский и Дарий III, рассматривалось как

священное, особенно на пирах в честь богов, и что оно могло быть достигнуто как с помощью густого вина с собственных виноградников, так и с помощью пива или настоек, заимствованных у покоренных народов: фракийцев, пеонийцев, скифов, парфян... Прибавим, наконец, что после Вавилона, в котором взятая из болот или цистерн вода бывала неизменно загрязненной (эти воды называли «нечистыми»), офицеры македонской армии пили только воду из источников или вино. Отсюда и происходит знаменитый жест Александра, который отказался от полного воды шлема, естественно грязного, который протянули ему старые солдаты где-то в пустынях Туркменистана или Белуджистана. Сколько бы ни трезвонила о том легенда, здесь нет ничего ни героического, ни сверхчеловеческого.

Даже обожатели Александра, те, благодаря которым Арриан создал свой «Анабасис», не смогли удержаться от того, чтобы не выразить сожаление по поводу алкоголизма со столь тяжкими последствиями. Умертвив Клита, убийца долго рыдал, он хотел умереть, отказывался есть... и пить, и потребовалось немало различных ухищрений, в том числе философских (этим занимались Каллисфен и Анаксарх), — не для того чтобы излечить его, но чтобы оправдать в собственных глазах: «И он-то страшится человеческого закона и порицания людей! Да ведь это ему самому, одержавшему победу, чтобы властвовать и повелевать, подобает быть законом и мерой справедливости, а не идти в рабство пустому мнению» (*Плутарх «Александр»*, 52, 5). Наиболее взвешенную и человечную интонацию мы встречаем в этой связи у Арриана, который пишет: «Мне жаль Александра в этом несчастье, поскольку в тот раз он оказался побежден сразу двумя пороками, даже одному из которых не подобает уступать разумному мужу, а именно гневом и пьянством» (IV, 9, 1).

От привычки, приобретенной в северных сатрапиях, уже невозможно было избавиться. Свадьбы и пиры в Бактрах, где зимой 328/27 года произошел арест Каллисфена, отказавшегося осушить «большой кубок Александра» и пасть ниц (*Плутарх* «Застольные беседы», I, 6, 1; «Александр», 54, 5), стали поводом для грандиозных попоек, за которыми в скором времени последовали те, что были связаны с вступлением в Индию, где, согласно источникам Квинта Курция Руфа, Клитарху и Мегасфену, «жены (царей) устраивают пиры; они же подают вино, которого индусы употребляют немало» (*Курций Руф*, VIII, 9, 30). И в самом деле, из долины Кунара (в античности Эваспл), который отделяет Афганистан от Пакистана, завоеватели поднялись по нему вверх и по долине Пеша проследовали вплоть до Нисы (Вама в Кафиристане). Здесь еще и поныне показывают «следы» Александра: виноградник, священный сад, площадку для жертвоприношений, изготовленный из цельного камня пресс, каменные чаны для брожения вина — творения бога Индры, в честь которого кафиры, или «неверные», еще в прошлом веке справляли праздник в начале ноября. Македоняне, которые уподобили Индру, отца винограда, — Дионису, своему богу вина, название города Ниса (возможно, нынешний Нишей) и дальнюю гору Меру (Кох-и-Мор) — местам, где Дионис провел юность, предались вместе с местными жителями вакханалиям, пляскам и попойкам, которые не стоит недооценивать. Однако едва подошли к концу эти праздничные шествия (κῶμος), как македоняне устремились к Массаге-на-Свате (Чакдара), где перебили 7 тысяч человек, несмотря на достигнутые с ними условия сдачи.

потому, что они стали привычкой и необходимостью, особенно для человека, которого подхалимы, а возможно, и он сам сравнивали с индийским Дионисом или просто с Дионисом, сыном Зевса, столь близкого грекам и македонянам. Нет никакой причины ставить под сомнение тот факт, что армия, которая оправлялась от перенесенных лишений в Пуре (Бампуре), в Хану на Рудбаре (будущая Александрия Карманская) и в Саидабаде, столице Кармании, по крайней мере на протяжении семи дней справляла победу своего Диониса и что Александр председательствовал здесь не на праздничной процессии и не на маскараде, а на настоящих оргиях, будучи более пьян и безумен, чем когда-либо, потому что он против всяких ожиданий спасся от катастрофы, которую сам же и накликнул. Отметим, что от Гедросии и до Сузианы празднества чередовались с преданием смерти наместников, обвиненных во всяческих злоупотреблениях.

Вслед за этим ход событий ускорился. Весной 324 года в Сузах, «придя от погребального костра (индусского философа Каланы), Александр созвал на обед многих друзей и вождей. Здесь он устроил состязание, кто больше выпьет, и назначил победителю венок. Выпивший больше всех Промах вышел на четыре хоя (ок. 13 л) и получил в награду венок весом в талант, однако прожил после этого только три дня. Из прочих же, как сообщает Харет, умер 41 человек, поскольку после пьянки наступила большая стужа» (*Плутарх* «Александр», 70, 1-2; что подтверждают *Афиней*, 437a-b и *Элиан* «Пестрые истории», II, 41).

Тот же источник, если его можно так назвать, а именно управляющий царским двором Харет, повествует об устроенных в Сузах свадьбах, после которых царь и его военачальники погрузились в беспробудное пьянство и прочие излишества. Центральный акт этих совершавшихся одновременно 88 или 89 браков, когда

сам царь женился на двух царских дочерях, в соответствии с персидским обычаем состоял в питье неразбавленного вина из одной чаши. На протяжении пяти дней весной 324 года в Сузах продолжался праздник, поскольку по случаю сближения двух аристократий, персидской и македонской, Александр устроил угощение для македонских солдат, взявших в жены азиаток, а таких, судя по всему, были тысячи, «и каждый получил в подарок золотую чашу для возлияний» (*Плутарх «Александр», 70, 3*). Надо ли доказывать существование связи между этими достопамятными свадьбами и изданным в Сузах указом, в котором утративший всякую меру Александр требовал от всех греческих городов, чтобы его называли «сыном бога Амона» и в соответствии с этим оказывали ему божественные почести?

В октябре 324 года был затеян новый пир в Описе, в 30 километрах к югу от современного Багдада: царь в окружении высших военачальников и представителей знати обоих народов «черпал из одной чаши со всеми и совершал одни и те же возлияния», выражая пожелание, «чтобы между македонянами и персами воцарилось единомыслие и общность власти» (*Арриан, VII, 11, 8-9*); это был прощальный пир накануне отправки демобилизованных солдат под предводительством занемогшего Кратера и Полиперхонта. Празднества, устроенные на широкую ногу месяцем спустя в Экбатанах при участии сотен атлетов и артистов, и тоже с грандиозной попойкой, завершились совсем скверно: задушевный друг царя Гефестион, у которого начался приступ лихорадки, вопреки рекомендациям врача, принялся есть «и выпил большую чашу охлажденного вина, после чего ему стало плохо и вскоре он скончался» (*Плутарх «Александр», 72, 2*).

С этого момента Александр словно обезумел. С большим трудом удалось оторвать его от трупа. Начал

он с того, что велел посадить на кол врача Главка. Он запретил всякую музыку, в знак траура приказал остричь гривы и хвосты всех лошадей и мулов, распорядился посбивать зубцы с крепостных стен окрестных городов, объявил траур на всей территории империи и послал спросить оракула Амона в египетской пустыне, следует ли почитать Гефестиона как героя или как бога. Александр поручил Пердикке с большими почестями доставить набальзамированное тело покойного в Вавилон. И между тем как придворные состязались в лести, прикидываясь, что верят в вечное присутствие между ними покойного, Александр искал забвения в охоте на людей: прямо посреди зимы он провел карательную экспедицию против горных жителей Луристана, убивая всех, кто попадался ему на глаза, — как передают, тысячи и тысячи касситов. То были жертвы, предложенные в качестве приношения возлюбленному Гефестиону.

Чтобы разогреться и возбудиться, царь пил и пил. Если полицейский пьян, ему не доверяют оружие, а коли оно у него имеется, если он его применит, будет виновен вдвойне. Спускаясь по западным склонам Загра, Александр вынашивал безумные замыслы, те, которые, набросанные рукой его секретаря, были найдены в царских бумагах шесть месяцев спустя. Это и строительство тысячи военных кораблей с 4–5 рядами гребцов с каждого борта, и плавание вокруг Африки, и завоевание Западного Средиземноморья, и устройство магистрального пути от Египта до Гибралтара, и возведение шести великолепных храмов стоимостью 1500 талантов каждый (самый большой из них — в Троаде), и переселение народов с одного континента на другой, и «строительство гробницы отцу Филиппу, которая по своим размерам приближалась бы к наибольшей из египетских пирамид» (отметим, что пирамида Хеопса имеет 147 м в высоту) (*Диодор*, XVIII, 4,

3-6). Именно тогда Александр рассматривал предложения архитектора Динократа, который утверждал, что способен превратить гору Афон в громадную статую царя, совершающую вечное возлияние богам: вероятно, ему-то царь и повелел построить для горячо любимого Гефестиона катафалк высотой с восьмиэтажный дом стоимостью в 12 тысяч талантов (*Витрувий* II вступл.; *Плутарх* «Александр», 72, 6-8; *Диодор*, XVII, 115). Это и есть та самая дерзость (ὕβρις), как называли ее греки, то, что, по их выражению, «превосходит человеческую природу» (μεῖζον ἢ κατ' ἀνθρώπου φύσιν).

Не станем повторять то, что было уже сказано относительно сумбурных поступков Александра, которые последовали за этой ужасающей кампанией продолжительностью в 40 дней и сопровождали расквартирование армии в Вавилоне. Были тут и попытки преодолеть тоску и страх, которые угнетали дух царя, и подготовительные мероприятия к походу в неизвестность, и инспекционные поездки по Евфрату и окружающим город болотам, и приемы послов, и изнурительные заседания трибунала, и соблюдавшийся с большой помпой траур, и неприкрытая радость по возвращении посланцев, отправлявшихся в оазис Сива: с этих пор Гефестиона почитали как полубога. В это же время по велению царя были убиты кормчий, нашедший потерянную диадему Александра, и неизвестный, по неосторожности усевшийся на его трон.

Чтобы отблагодарить богов за прошлые, настоящие и будущие успехи, Александр раздал солдатам продовольствие и вино, а сам отправился пировать, веселиться и прежде всего пить — ведь стояла нестерпимая жара. Буря в его душе достигла апогея в конце мая 323 года, когда он убедил себя, что сыновья Антипатра, регента Македонии и «стратега» Европы, находятся подле него, чтобы его убить. Одного из них,

Кассандра, он таскал за волосы и бил головой о стену. Он угрожал. У него начались видения, или, скорее, разновидность горячки: он видел или думал, что видит самого крупного льва вступившим в схватку с ослом, ему мерещился угрожающий полет воронов. «Ударившись в божественное, Александр стал беспокоен и крайне боязлив... Весь царский дворец был полон жертвоприносящих, очищающих и гадающих» (*Плутарх «Александр»*, 75, 1-2).

Страх и трепет^[37]. Как удачно согласуются эти понятия с симптомами, указанными в «Царских ежедневниках», а также с теми, о которых сообщает «Вульгата»: неутолимая жажда, острая боль в области спины или, лучше будет сказать, межреберья, лихорадка, которая в этой более чем жаркой стране в июне месяце 323 года проявлялась в виде озноба и клацанья зубами, бред, желание броситься в воду, абулия^[38], протрация, скованность шеи и, наконец, потеря сознания! Исследователи не уделили достаточного внимания свидетельству самого серьезного историка: «Аристобул говорит, что у Александра начался сильный жар, вызвавший жажду, и тогда он выпил вина, после чего впал в беспамятство (φρενιτιάσαι) и умер в 30-й день Десия» (*Плутарх «Александр»*, 75, 6). Официальная версия принимает в расчет лишь три дня сплошного пьянства, целых семь дней усиливающейся лихорадки, а затем два дня афонии^[39] и полубессознательного состояния и, наконец, два дня комы. Ни слова о физиологии. При царе находятся лишь военачальники и солдаты. Однако другие свидетели, те, о которых упоминают Клитарх, Псевдо-Каллисфен и «Книга о смерти Александра», — врачи, которые постоянно окружают царя, домашняя челядь, которая перенесла его, подкошенного недугом, в его комнату, его жены, и в первую очередь Роксана, которой есть чего бояться в случае смерти Александра,

прорицатели и знахари, к которым тут же обратились за советом, — эти свидетели, явно необязательные для протокола, способны подпортить образ непобедимого бога, и они вполне достойны того, чтобы их выслушать, ибо все они оказались неспособными вытащить Александра из глубочайшего запоя⁷⁸.

Если бы речь шла о преходящем синдроме тяжелого похмелья или приступе малярии (в доказательство этого, впрочем, решительно ничего не приводится), медики, воспитанные в школе Гиппократы или Аристотеля, могли бы тут же оказать помощь. Однако что можно было поделать с результатами неумеренного пьянства, которое длилось, усугубляясь, по меньшей мере шесть лет и завершилось сценами белой горячки? Очевидно, ничего, тем более если они усматривали в несмешанном вине божественную влагу, а в опьянении — акт овладения бога Диониса человеческим существом. Так что безумие оказывалось священным недугом. Современные клиницисты, которым известно, что такое зрительные галлюцинации, фазы беспокойства и эйфории, непоследовательность мышления, сильный общий мышечный тремор, а также финальная стадия, развивающаяся на протяжении нескольких дней, предпочли бы лечить такой острый психоз соответствующими химическими препаратами: инъекциями снотворного и алкоголя, а также суровейшим режимом. В первую очередь они приняли бы во внимание предвестники недуга, сексуальные излишества, боевые ранения, переутомление и, наконец, недавнее горе Александра, которое он, как и бесчисленное множество других людей, пытался утопить в вине.

Суждение моралистов

Очевидно, обожатели Александра или люди, которые были ему обязаны, испытывали неловкость, говоря о столь бесславной смерти. Они тщательно умалчивают обо всех безобразных подробностях, по необходимости сопровождавших веселые попойки царя, и в особенности его последнее опьянение! Лишь противникам или врагам могло достать духу представить его болезнь и смерть как моральное наказание за беспутство. О тех, кто недавно умер, следует говорить лишь хорошее (*nihil nisi bonum*) — известное латинское изречение. И уж тем более о покойниках великих и прославленных. Следовало подождать 400 лет после погребения мумии Александра, прежде чем юный уроженец Испании, родившийся при безумном императоре Калигуле, осмелился подробно изложить все то, что означает глагол *φρενιτιάσαι*, «бредить», который употребил серьезный и скромный Аристокл. Стоит процитировать полностью ту эпитафию, которую Лукан посвятил гробнице на агоре Александрии («Фарсалия», X, 20–52).

Здесь пеллейца Филиппа безумный покоится
отпрыск.

Тать счастливый, он все же судьбы не избегнул,
за страны

Мстивший земные. Теперь в освященном гробу
упокоен

Тот, чьи члены по лику земли разметать
надлежало.

Манам его повезло, что царем он до смерти
остался:

Было бы вовсе не так, воцарись в его царстве
свобода —

То-то б над ним поглумились! И верно — негожий

он подал
Будущим людям пример. Ведь не дело, чтоб
властен над миром
Был лишь один человек. В Македонии сыну
Филиппа
Тесно, и слава отцом покоренных Афин не
прельщает.
Вот он, судьбою гоним, азиатские топчет
народы,
Горы из тел громоздя, всё огню и мечу предавая!
Воды неведомых рек он смешал с человеческой
кровью:
Кровью персидской Евфрат, индусской
наполнилась Ганга.
Бич всех земель и краев, смертоносная молния
эта
Равно народы разит: звездой роковою взошел он
На небосклоне племен. Уж флот подготовлен
огромный,
Чтобы поплыть в Океан — ведь волны ему не
преграда,
Пламя его не страшит, и ливийский песок не
пугает.
Он и заката б достиг, по покатости мира
спустившись,
И полюса б обошел, и испил бы из Нила истока.
Все же настигла безумца-царя роковая година:
Верно, природе вещей иначе б он и не поддался.
Той же алчбою томим, что мир ему весь
покорил,
Власть он с собою забрал — наследника нет
никакого;
Горе столицам его, раздираемым междоусобьем!
Он в Вавилоне скончался, Парфией всею
почтённый.
Стыд и позор, что сариссы страшней показались

Востоку,
Чем наши копья теперь! Пусть мы воцарились у
Аркта,
Пусть и Зефир уже наш, и Нота мы попираем
Огненный край, уступить нам Восток пришлось
государю
Из Арсакидов. Подумать — Парфия, пагуба
Крассов,
Долго влачилась в цепях за повозкой крохотной
Пеллы!

В этих мстительных стихах выдвигаются, по сути, три упрека: в жестокости, в неутолимом честолюбии и тиранстве. Имеется и объяснение: безумие, а точнее, — мания величия. Вино не выдвигается в качестве аргумента, как и в первых направленных против Александра памфлетах, принадлежавших аттическим ораторам или Эфиппу, зато говорится о пороке столь же зловещем, как и поразивший семью Калигулы, об эпилепсии, которую мы встречаем у Филиппа Арридея, сводного брата и законного наследника Александра. В ту же эпоху, что и Лукан, а именно в 63 году, философ Сенека, его дядя, поставил чуть ли не тот же самый соматический и моральный диагноз; прилагательное *vesanus*, «умалишенный, безумный», встречается в его диатрибах несколько раз.

«Это был человек, преданный славе всей душой, при том, что он не знал ни природы ее, ни меры. Он шел по следам Геркулеса и Либеры (Диониса) и не останавливался даже там, где следы эти пропадали. Теперь же он перевел свой взгляд с тех, кто его почтил, на своего товарища по почету (Геркулеса, который, как и Александр, был удостоен коринфского гражданства), словно уже приобрел небо (о чем он помышлял своей суетной душой) лишь в силу того, что его сравнивали с

Геркулесом. Но что общего с Геркулесом имел безумный юноша (*vesanus adulescens*), у которого добродетель заменяло удачливое безрассудство?...Смлада разбойник и разоритель народов, столько же опасный для друзей, сколько для врагов, он почитал высшим благом внушать ужас всем смертным, позабыв о том, что страх внушают не только наиболее свирепые звери, но и самые гнусные из них, если располагают злокозненным ядом» («О благодетелии», I, 13, 1-3).

Тот же самый автор говорит в письме Луцилию: «Сколько дорог преодолел Александр, которого я только что упомянул, в скольких сражениях был, сколько выдержал бурь, одолев препятствия климата и рельефа. Сколько неведомых рек, сколько морей невредимым выпустили его из объятий! И этого-то человека прикончила неумеренность в винопитии и знаменитый Гераклов кубок» (83, 23). «Несчастливого Александра гнало вперед и влекло в неизвестность безумное желание опустошать все чужое. Неужели ты полагаешь, что в здравом уме был начавший с резни во вскормившей его Греции? Который отбирал у всякого то, в чем он был особенно хорош? Ведь это он повелел Спарте холопствовать, а Афинам — молчать. Не довольствуясь избиением стольких народов, которых Филипп либо побеждал, либо подкупал, он начал ниспровергать новые, уже в другом месте, и прошел с мечом по всему миру. Схожий с лютыми зверями, которые откусывают больше, чем требует голод, он ни разу не дал передышки своей утомленной свирепости» (*там же*, 94, 62). Мы слышим, как к этому неистовому безумцу, к этому воистину одержимому (он «не то что желал идти, а не мог стоять, подобно сброшенному с обрыва предмету, который остановится не прежде, чем уляжется на дно» — *там же*, 63-64), из соображений морали и стоической мудрости обращают одни и те же

упреки в гордыне, непомерном честолюбии и жестокости.

Цитат такого рода можно привести немало и из латинских классиков, от Цицерона (например, «О долге», I, 26, 90) до Ювенала (X, 168–173; XIV, 311–314). Образы сменяются образами. Самым поразительным и, быть может, самым справедливым остается образ грустного и погруженного в меланхолию человека, удрученного постигшей его в конечном итоге неудачей, столь же мало владеющего собой, сколь и Вселенной. Любопытное описание этого образа мы встречаем в трактате физиогномиста Антония Полемона (38—145), чей текст дошел до нас в арабском переводе. Сохранились изображения Александра со страдающим лицом, встречаются и лики обеспокоенные, тоскующие. «Влажный» взгляд, который, похоже, так хорошо удавалось воспроизвести Лисиппу, подчас истолковывают как отрицательную сторону характера. В нем желают видеть не мягкость и нежность, но дряблость, женственность (со всем тем, что предполагает это слово для человека античности), неспособность владеть собой и непостоянство. Кроме того, это — признак гомосексуализма.

Неизвестно, откуда ученый Полемон, а за ним и врач Адамантий (изд. Foerster, v. I, p. 144 и v. II, p. 328) узнали, что у Александра были громадные и беспокойные, как бы бегающие глаза, блестящий и отдающий темно-фиолетовым взгляд (*ad colorem hyacinthinum uergebat*). Адамантий комментирует это следующим образом: «Такие глаза говорят об основательных и возвышенных понятиях, нацеленных на осуществление великих дел, об отважном и полном противоречий духе, неспособном, однако, контролировать ни собственный гнев, ни склонность к пьянству, суетном и легкомысленном, почти эпилептическом и более влюбленном в славу, чем это дозволено; именно таким и был Александр

Македонский». В другом месте (I, 7) говорится: «Крупные и вздрагивающие глаза говорят о помешательстве, слабоумии, прожорливости, пьянстве и распутстве». Явно предвзятые суждения, поскольку увиденное в лице истолковывается как проявление того, что уже заранее известно о характере, уме и душе Александра. Однако это не мешает тому, чтобы целое направление в традиции, связанное с медиками и психологами, было привержено суждению, высказанному стоиками и римскими писателями, их учениками: Александр — пародия на подлинного героя, которым является мудрец, зовут ли его Диогеном, противником Александра, или стремившимся его превзойти Марком Аврелием. Александр — это антигерой, подобный тому Александру Малому, истолкователю бога-змея Гликона, лжежрецу, о черных делах которого рассказал Лукиан Самосатский около 180 года.

Памфлет, озаглавленный «Александр, или Лжепророк», в некоторых деталях совпадает с биографией Завоевателя⁷⁹. Так, в нем фигурирует женщина критического возраста из Пеллы, отчасти похожая на Олимпиаду. В Пелле, столице Македонии, герои приобретают громадную змею, на которую будет возложена особая миссия. Устроив необходимое для своего дела лжепророчество в Халкедоне, Александр обосновывается на родине, в Абонотейхе в Пафлагонии, вблизи современного Синопа. Он выдает себя за потомка героев Персея и Подалирия, а змею при помощи хитроумных приспособлений использует в качестве источника оракулов, выдавая ее за новое воплощение бога медицины Асклепия. Он ловко пользуется легковерием греков и варваров. Слава об Александре распространяется по всей Малой Азии, а потом, благодаря гонцам и рекламным агентам, — и по всей Римской империи. И вот уже его окружает толпа фанатиков, готовых смести все мыслимые препятствия.

Развратный и алчный, он умирает самым жалким образом — от зачервивленной язвы, поразившей ногу и постепенно дошедшей до самого паха. После смерти Александра объявлен конкурс на замещение его должности. Лакомое наследство оспаривают «главные из его сообщников и обманщиков», однако в конце концов оно не достается никому. Александр останется пророком и после смерти. Тот же самый Лукиан вкладывает в уста Ганнибала такие иронические слова: «Все это я совершил, не называя себя сыном Амона, не прикидываясь богом, не рассказывая сны своей матери» («Разговоры мертвых», XXV, 2). Еще в трех из этих же «Разговоров» (XII, XIII и XXV) грозный Вольтер древности заставляет Александра признать, что титулы Великого, Сына Амона и даже бога были им присвоены, а что на самом деле он — посредственный смертный, и уж во всяком случае в нем нет ничего героического. Если он считал себя Гераклом, то это была всего только маска, карикатура, призрак.

Грязь власти

Если то, как умирает человек, позволяет судить о его жизни, осуждению подлежит все поведение Александра. За то, что он был не в состоянии владеть собой, он умер, как жил, — от невозддержанности, забыв азы греческой мудрости, которые можно прочесть в Дельфах: никаких чрезмерностей; познай самого себя; не отвечай за другого, — короче, соблюдай меру и оставайся на своем, человеческом месте. Однако одержимый фракийским богом Дионисом, богом опьянения (и безумия, которое влечет за собой опьянение), так же не способен усвоить аполлонические^[40], как и философские уроки.

Столь незавидной репутацией Александр обязан прежде всего философам. Философы всех школ и направлений не простили ему ареста и мученичества Каллисфена. Ведь Каллисфен сделал все, чтобы послужить славе молодого полководца, воздать хвалу его достоинствам, его сердцу и уму в «Повести о славных деяниях Александра». Каллисфен положил немало сил на то, чтобы сберечь в душе Александра те крупницы философии, которые заронил туда Аристотель, он воспитывал пажей, будущие армейские кадры и благородно развлекал виднейших военачальников во время пиров. Он же поддержал или даже утешил царя, когда тот так низко пал, что убил своего лучшего помощника Клита Черного. Воспользовавшись заговором нескольких пажей, который был единогласно осужден македонянами, Александр, возможно, подстрекаемый матерью и друзьями при дворе (а может быть, и по собственному почину), повелел заковать Каллисфена, племянника Аристотеля, в цепи и провести его перед строем, а затем бросить в самый гнусный застенки в Бактрах-Зариаспе. На протяжении семи месяцев, с осени

328-го по осень 327 года, он содержался там в такой глубокой тайне, что никто так и не узнает, когда и от чего он умер. Феофраст первый возмущился этим убийством в трактате, озаглавленном «Каллисфен, или О скорби», в котором упрекнул убийцу в том, что тот не смог ни воспользоваться удачей, ни вести себя пристойно в час преуспевания (см. *Цицерон* «Тускуланские беседы», III, 10, 21). Дурид Самосский, ученик Феофраста, вскоре показал, как развратило Александра соприкосновение с азиатскими деспотизмом и вырождением. Со своей стороны, стоики порицали Каллисфена за то, что он последовал за Александром, и превозносили философов, которые были к нему нелояльны (*Плутарх* «О разногласиях стоиков», 20, 1043d). Что говорить, преступления против духовного начала не остаются безнаказанными.

Сходный характер имеют суждения трех главных биографов Александра — Квинта Курция Руфа (ок. 40 г. н. э.), столетием спустя Арриана и Юстина при последних Антонинах^[41]: они одобряют храбрость и широту полководца, то, что мы неверно толкуем как героизм, и осуждают в нем, скажем так, человеческие слабости, даже если относят их на счет его судьбы, то есть удачи и неудачи. «Таковы уж дела фортуны. Ибо Александр желал сравняться с богами и достигнуть небесных почестей, верил обещавшим ему столь великое оракулам и сильнее, чем следовало, гневался на тех, кто гнушался его почитать, наконец, он переменил платье на чужеземное и стал подражать нравам покоренных им народов, которые до победы презирал. Ведь подобно тому, как гневливость и страсть к вину обострялись его молодостью, с достижением старости они могли оказаться смягчены. Следует, однако, сказать, что хотя Александр был многим обязан доблести, все же большим он был обязан фортуне, которую — единственный из всех смертных — имел в своей власти. Сколько раз она

спасала его от смерти! Сколько раз она дарила его неизменной удачей, когда он наобум бросался навстречу опасности! Также и жизни Александра фортуной был поставлен тот же самый предел, что и славе. Ибо рок ждал, пока он, покорив Восток и достигнув Океана, исполнит все то, что способна вместить смертная сущность. Ему, как царю и полководцу, необходим был преемник, однако громада взваленных дел была неподъемна для одного человека» (*Курций Руф*, X, 5, 33–37).

«Если Александр по горячности или вследствие гнева совершал ошибки, если он дошел до чрезмерного подражания варварам, я не считаю это чем-то столь уж значительным, принимая во внимание, и не без оснований, его молодость и непрерывность сопровождавших его удач. Следует учесть и то, что окружение царей призвано служить удовольствиям, а не благу, и уже в силу этого всегда будет подталкивать их ко злу. Однако из всех царей прошлого лишь об одном Александре известно, что он по благородству раскаивался в собственных проступках... А что он возводил свое происхождение к богу, так мне это не кажется таким уж большим прегрешением, даже если то была удачная, рассчитанная на подданных хитрость с целью придать себе величия... Также и персидское платье представляется мне уловкой, рассчитанной как на варваров — чтобы царь не казался им совсем уж чуждым, так и на македонян — чтобы у него было убежище от македонских резкости и надменности. С той же самой целью он, как мне кажется, ввел в македонские пехотные полки персидских яблоконосцев, а в свою гвардию — «равночестных»^[42]. Да и пиры свои, как утверждает Аристобул, он затягивал не ради вина как такового (потому что Александр много не пил), но из расположения к товарищам» (*Арриан*, VII, 29, 1 и 3–4).

«Преемником Филиппа стал Александр, превосходивший отца и доблестью, и пороками. Способы, которыми они добивались побед, также были различны. Александр шел к ним открыто, а Филипп на войне прибегал к уловкам. Отец радовался, обманув врагов, а сын — въяве, обратив их в бегство. Первый был осмотнительнее, а второй великодушнее. Отец скрывал свой гнев, а часто и подавлял его, но когда негодованием воспламенялся сын, он не желал знать мщению ни отсрочки, ни меры. Оба были чрезмерно охочи до вина, но в подпитии страдали разными пороками. Отец имел обыкновение даже и после пира устремиться на врага, вступить с ним в поединок, безрассудно подвергнуться опасности. Александр же лютовал не над врагом, а над своими. По этой причине Филипп часто выходил из сражения раненым, Александр же нередко покидал пир убийцей друга. Если первый не желал делиться властью с друзьями, то второй своим царским достоинством давил друзей. Отец предпочитал, чтобы его любили, сын — чтобы боялись. Образованностью они не разнились. Отец был хитроумнее, сын прямодушнее. На словах и в речах скромнее был Филипп, Александр же — в делах. Что касается милости к побежденным, у сына было больше готовности к ней и больше благородства. Отец был больше склонен к бережливости, а сын — к роскоши. В силу указанных качеств отец заложил основание всемирной империи, а славу всего предприятия пожал сын» (*Юстин*, IX, 8, 11-21).

«Невозможно царствовать и сохранить невинность», — сказал Сен-Жюст на заседании Конвента 13 ноября 1792 года. Социологи в XX веке предпочитают говорить о том, что власть не может быть чистой. Александр не мог преодолеть законов власти и недоброжелательства подданных. Каким бы ни было его поведение, оно само по себе располагало к критике.

Подлинный его промах состоял в том, что под конец он уверовал в свою непобедимость, непогрешимость, неуязвимость для критики. Счастье, что отыскались историки и философы, которые смогли напомнить как ему, так и нам, что Александр, этот Царь царей, каким он стал, выказал себя противоположностью Гераклу, своему предку, или даже Филиппу, своему настоящему отцу. Кто после одержанной Александром победы над азиатским Герионом взялся бы отрицать, что он не является вновь воплотившимся Гераклом, Ахиллом или Прометеем, сверхчеловеком, дорогим сердцу согдийца Заратуштры? Последние семь лет жизни и сама смерть Александра достоверно показали, что это был всего лишь человек, со всеми его слабостями и несчастьями.

Modesto tamen et circumspecto iudicio de tantis viris pronuntiandum est, ne, quod plerisque accidit, damnent quae non intelligunt («Однако в суждениях о таких мужах следует проявлять сдержанность и осмотрительность, дабы, как это часто бывает, не осудить того, что мы не понимаем») (*Квинтилиан «Воспитание оратора», X, 1, 26*).

Глава V

БОГ ИЛИ АНГЕЛ

Не бывает политики без мифа.

Поль Валери «Суждения о современном мире».

Грекам не надо было дожидаться царского указа от 324 года, чтобы учредить культ живого человека. Граница между миром богов и людей не была непроницаемой. Герои Гомера запросто общались с божествами, которые не считали ниже своего достоинства биться на земле бок о бок с ними. Музы, дочери богини памяти Мнемосины и Аполлона, общались с душами поэтов, ученых, философов. «Даймон», или дух, вдохновлял Сократа. В представлениях пифагорейцев и платоников душа понималась как частица божественного, обреченная жить пленницей в человеческом теле.

Не говоря уже о возлияниях, воскурениях и жертвоприношениях, которые в рамках заведенного ритуала постоянно совершались в каждом греческом городе в честь основателей, поэтов и мудрецов, вполне допускалось, чтобы одержавший победу полководец, явившийся таким образом спасителем и благодетелем своей родины, был, как бог, удостоен культа. Всякая победа была явным доказательством и знаком благосклонности богов. В качестве примера можно вспомнить случай спартанского флотоводца Лисандра, которому остров Самос присудил в 404 году, после разгрома Афин, алтарь и культовую статую. Плутарх («Жизнь Лисандра», 18) цитирует в связи с этим Дурида Самосского, биографа Александра. Непосредственно

перед тем, как быть убитым, Филипп, отец Александра, распорядился пронести внутри ограды театра своей столицы 12 статуй олимпийских богов, а также свою собственную, которая «была вполне достойна бога», а сам он, одетый в белое, вступил в театр под восторженные крики и поздравления собравшихся, между тем как его телохранители веером рассыпались вокруг, чтобы привлечь внимание к его персоне. В Эфесе ему посвятили статую, в то время как Аристотель, советник Филиппа, писал: «Превосходный человек — все равно как бог среди людей» («Политика», III, 8, 1, 1284a, 10-11).

По правде говоря, в таких случаях это не было еще полным уподоблением, хотя обожатели и льстецы вроде Исократа склонны были, если речь шла о кипрском царе Эвагоре или Филиппе II, понимать старинные поэтические выражения наподобие «он был как бог среди людей» или «смертное божество» буквально (*Исократ* «Филипп», 111-115; «Эвагор», 72). Почести, присуждавшиеся великим людям, не были знаком обожествления, а скорее знаком прославления. Аристотель пишет: «Наиболее справедливо оказывать почести благодетелям, однако почитаются и те, кто способен оказать благодеяние... В число почестей входят жертвоприношения, памятные надписи в стихах и прозе, призы, персональный землеотвод, почетные места в театре, погребения, статуи, трапезы за общественный счет, а также такие варварские обычаи, как простираание ниц и уступание дороги» («Риторика», 1361a, 27-37). Вот уже десять веков греки отводили огороженные участки, *τεμένη* (очевидно, слово того же происхождения, что и латинское *templum*) священным личностям своих царей и увенчивали божественным венком победителей великих игр.

В том, что царь потребовал подобного культа от греческих городов весной 324 года, как раз тогда, когда

главный финансист Александра Гарпал бежал из Вавилона, заставив перед этим называть свою любовницу «Афродитой», не было ровным счетом ничего ни возмутительного, ни непоследовательного. В его циркулярном послании (διάγραμμα) имелась ссылка на пример Геракла, великого предка, и на беспрерывные победы, одержанные у границ мира. Ново и удивительно здесь то, что царь Азии настаивал, чтобы его называли Сыном Амона, а не сыном Филиппа, и что в таком качестве он требовал себе храмов, алтарей, жертвоприношений, статуй — не как небесному богу, но именно как непобедимому, или непобежденному богу, θεός ἀνίκητος⁸⁰.

Известно, что большинство греческих городов не придали этому значения; спартанцы иронизировали, что афиняне, на основании раздраженного и презрительного предложения Демосфена, постановили установить статую Александра и учредить ему общественный культ как «уподобленному» 12 богам; за исключением Фасоса, все прочие города, направлявшие в Вавилон «феоров», или священных послов, в скором времени прекратили осуществление культа. Лишь в одном не вполне достоверном тексте, относящемся к III веку н. э., упоминается, что афиняне прозвали Александра новым Дионисом (*Диоген Лаэртий*, VI, 63), между тем как Демосфен «соглашался, чтобы Александр звался Сыном Зевса или, если угодно, Посейдона» (*Гиперид* «Против Демосфена», 7, 73; «Надгробная речь», 8, 21).

Арриан, который следует суровому Аристобулу, едва упоминает о прибытии в Вавилон в апреле 323 года увенчанных венками и несших венки феоров, «как будто и вправду они явились как феоры почтить бога. Однако конец Александра был близок» (*Арриан*, VII, 23, 2).

Поколение спустя все переменилось. Но это случилось в Египте, в то время как в Александрии

упокоилось тело Завоевателя. Он обрел тройной божественный статус: горожане чтили его как основателя, египтяне — как фараона, Сына Ра, сына бога и возлюбленного богов, Птолемей Сотер и его приближенные — как Сына Зевса-Амона. Александр мог делить святилище с Гефестионом, как и со святилищами династических богов, однако отныне у него имелись собственные храмы с духовенством, владениями, жертвоприношениями, надписями, праздниками. Птолемей I учредил в честь Александра игры — «Александрии». Начиная с 290 года его династический культ был возложен на жреца, имя которого служило по всему Египту для датировки договоров как египтян, так и греков. На монетах Александра изображали с рогами бога Амона. Процесс уподобления Александра Дионису завершился, когда в 261 году Птолемей II Филадельф торжественно справил третьи игры «Птолемеи».

В процессиях, организованных в Александрии в честь Диониса, бога вина, и Александра, основателя династии Птолемеев, вакхические мотивы смешивались с монархическими. В них Александр уподоблялся Дионису, завоевателю Индии, и это равенство оказалось запечатленным в людских умах и после конца язычества. Несомненно, по расточительности, экстравагантности и дурному вкусу эти процессии превзошли все мыслимые и немыслимые празднества. Описание, которое оставил нам Афиней (V, 25, 196a–203b) со слов Калликсена Родосского («История Александрии». Кн. IV), не может не поражать воображение. Мы не в состоянии подробно цитировать все 20 страниц, которые оно занимает. Отметим лишь, что процессия, которая выходила со стадиона за городом и тянулась по городским улицам с рассвета до сумерек, включала дюжину кортежей, которые сопровождали громадные повозки, оформленные на разные темы. Впереди двигалась вакхическая

процессия, далее шли 1600 детей в белых одеждах, за ними на слоне ехал возвращающийся из Индии Дионис, позади которого следовали экзотические животные. Затем наступал черед кортежа Зевса и других богов, среди которых был и Александр, весь в золоте, на колеснице, запряженной слонами, в окружении богинь Ники и Афины (Алкидемы). Эта группа напоминала о завоевателе Индии, сопернике или двойнике Диониса, «Непобедимом боге», умиротворителе Азии, освободителе греческих городов, основателе нового мира. Ровно столько же имелось здесь и тем, которые надлежало развить и углубить мастерам эпоса, биографии или романа. «Подле любезного ему Птолемея восседает Александр, страшный для персов бог в блестящей митре» — так пел именно в те годы Феокрит (Идиллия, XVII, 18-19).

Авторы стихотворных «Александриад» для нас — не более чем имена, от их сочинений ничего не дошло. Во времена Александра к ним относились поэты Херил и Агис, при Атталидах — некий Арриан, во II веке н. э. — Клемент, Нестор из Ларанды и даже император Адриан, а в III веке н. э. — Сотерих из Оазиса. Однако мы уже видели, что рассказы «Вульгаты» основываются на прямых и косвенных свидетельствах, собранных Клитархом в Александрии в конце IV века до н. э., переработанном рассказе философа Каллисфена, который приписывал победы Александра его божественному происхождению, а автору книги — ту заслугу, что он воспеваает Александра как бога; на беллетризованной биографии Онесикрита, первого кормчего флота Александра; наконец, на отчетах о путешествии Мегасфена, который, будучи послан в 302 году к радже Чандрагупте, перечислял, сильно преувеличивая, индийские диковины и чудеса.

Список трудов этих простодушных или беззастенчивых авторов, от которых до нас дошли лишь

жалкие фрагменты, был бы длинным. Однако их баснословные байки питали то, что именуют Историей, до тех пор, пока на свет не появился принадлежащий Гийому де Клермон-Лодев, барону де Сен-Круа «Критический разбор античных историков Александра Великого». Второе издание этого труда вышло в 1804 году. Кроме того, из них выросли все те небывальщины, которые, поначалу в Египте, вылились в большой сборник «Славные деяния Александра», изданный составителями под именем Каллисфена, подобно тому, как для французов имя Ларусс, а для немцев — Брокгауз, означает именно словарь. Однако рассказчики ни за что бы на это не решились (я имею в виду сочинение подобных романов), если бы судьба Александра не представлялась уже его современникам в полном смысле сверхчеловеческой, исполненной божественного, чудесной, и если бы еще при его жизни его появление на свет не приписывалось вмешательству бога, его победы — чудесам, его путешествия — небесному поводу или божественному прототипу, его действия — сверхъестественному могуществу, его любовь к богам или человеческим существам — дару, а его последние мгновения на этом свете — знаку потустороннего мира.

Рассмотренной под таким теологическим или житийным углом зрения, со всеми благочестивыми преувеличениями, которые предполагает вера, биографии Александра свойственно буквально перепархивать от чуда к чуду. Она призвана лишь чувствовать, воспевать жизнь воплотившегося бога. Прежде чем заняться «Романом об Александре» в собственном смысле слова, который в первом своем издании относится, вероятно, к эпохе императора Севера Александра (222–235), позволим себе увлечься этими приключениями, разместившимися, так сказать, вне времени, прежде чем они оказались также и вне

пространства. Случай с Александром несколько напоминает то, что случилось с Пифагором: обладая мощным авторитетом, тот поначалу почитался собственными сторонниками вожатым, который принуждал их следовать за ним и с ним соперничать; однако несколько необъяснимых успехов, везение, толпа последователей, репутация и тайна сделали из него существо уникальное, ни с чем не сравнимое, и — когда он уже ушел из жизни — избранника судьбы, святого, бога в человеческом облике, чудеса которого умножила легенда.

Любимец небес

Вот каковы, на первых порах, были основания, на которых еще при жизни Александра зиждилась вера в его божественность. Ограничимся лишь самыми существенными фактами или достоинствами, которые, все без исключения, оказываются связанными с фольклором или хвалебными сочинениями. Коротко говоря, его появление на свет чудесно, приключения несравненны, любовные истории романичны и даже романтичны, а смерть символизирует возвращение на пир богов. Это означает, что мы будем приводить лишь те эпизоды, которые стали поводом для последующей обширной разработки, и отмечать, вообще говоря, совершенно иные вещи, нежели те, о которых шла речь прежде.

Божественно прекрасный и изначально предопределенный оставаться таким вечно, Александр появился на свет от союза Олимпиады, последнего побега ствола Ахилла, и Зевса, который в облике змея заключил ее в свои объятия. В таинствах фракийского Диониса, Сабазия, между хитоном и грудью миста (посвящаемого) помещали змею, чтобы он заново родился богом⁸¹. В день или, точнее сказать, в ночь появления Александра на свет на конек крыши дворца уселся орел верховного бога и слышался гром, как и тогда, когда Семела произвела на свет сына Зевса, Диониса.

Различные другие чудеса, божественные знаки, сопровождали рождение Александра, уже одно имя которого является залогом счастья: он — «Защитник, Покровитель, Спаситель людей». Стоило ему родиться, как до Македонии дошла весть о победе в Халкидике и Иллирии, о победе лошадей на играх в Олимпии, о

дурном (для Азии) предзнаменовании, когда безумец уничтожил самый великий храм в Эфесе. В том же году, что и Александр, на свет появились два легендарных героя, его неразлучных спутника, полубог Гефестион и Буцефал, вороной жеребец с белой отметиной в виде головы божественного быка. За желание раскрыть тайну рождения Александра его мнимый отец Филипп на один глаз окривел, а дельфийский оракул сообщил, что ребенок будет непобедим.

Олимпиада, которая жила в мире вакханок и жриц Зевса в Додоне, на Самофракии и в Дионе, обучила сына различным ритуалам культа Диониса, как македонским, так и фракийским. Она рассказала ему, что он обязан своим появлением на свет не Зевсу Олимпийскому, а Зевсу-Амону, высшему богу Египта. Это к нему он должен обращаться за советом в предстоящих испытаниях. Ребенок, ставший уже молодым человеком, с поразительной легкостью усваивал от Филиппа и своих воспитателей все, чему его учили. Но кто оставил в душе героя наиболее глубокий след, так это Аристотель, когда он рассказывал Александру про то, что находится «за пределами нашего материального мира», о метафизике, науке о происхождении и сущности вещей. Нет такого эзотерического знания, которое было бы недоступно этому сверхчеловеческому уму, этому посвященному с самого рождения, который с равным успехом способен был как исцелять отравленных в Индии товарищей, так и сам спастись от яда в Киликии, а на полях сражений — от стрел, ударов палицы и снарядов, пущенных из пращи. Он истолковывал посылаемые с небес знаки и сны не хуже лучшего из своих прорицателей.

После смерти Филиппа, который был благочестиво отмщен сыном, Александр не переставал являть собой образчик набожности. Он не только совершал все жертвоприношения, которые предписывал ежедневный

ритуал как во время мира, так и на войне, но и старался угодить «сыновьям Зевса», на которых сам был похож: Гераклу, Диоскурам, Дионису. В ходе победоносной кампании на Балканах он нанес визит в святилище с оракулом великого фракийского бога (Светоний «Божественный Август», 94, 5). Позднее, охваченный нежными чувствами к городу Диониса, Александр попытался искупить нанесенное зло: он пощадил фиванцев, укрывшихся в Афинах, позволил видным изгнанникам вернуться в свой заново отстроенный город, публично засвидетельствовав свое раскаяние.

Следует обойти молчанием все знаки божественной милости, которые сопровождали поход, то, что называют Тихе, Удачей, Фортуной, Счастьем победителя: реки и даже морские проливы он преодолевал без помех, смертельные удары удачно отворачивал, раны его легко затягивались, мечты осуществлялись, видения сбывались. Расскажем лишь о трех действительно чудесных свершениях — не о грандиозных победах Александра в битвах при Гранике (334), Иссе (333), Гавгамелах (331), Джалалпуре (326), но о победах над стихиями, — победах, которые не могут не поражать воображение. Наиболее обширные и обстоятельные рассказы, которыми мы располагаем, относятся к осаде Тира, переходе через пышущие жаром пустыни и, наконец, к овладению неприступными крепостями, «аорнами» (ἀορνοί), «куда не может залететь птица», но которые, однако, принуждены к капитуляции «летучими солдатами» Александра. Таким образом, речь здесь идет о победе над водой, небесным огнем, воздухом и одновременно землей. Недостаёт лишь сошествия в преисподнюю и победы над Смертью, если не принимать во внимание судьбу царской мумии, пребывающей в объятиях вечности на дне александрийского гипогейона-подземелья.

Наибольший энтузиазм у рассказчиков вызывает осада Тира⁸². Не только потому, что она длилась более шести месяцев, с февраля по август 332 года, и оказалась чудовищной по своим последствиям, но прежде всего потому, что обеспечила греческому флоту безраздельное господство над Восточным Средиземноморьем. Тир, бывший в ту эпоху укрепленным островом, навел скорее на мысль о блокаде, чем об отчаянном штурме. Однако Александр, за отсутствием подходящего флота, решил овладеть островом, возведя огромную дамбу, которая связала бы его с континентом. Имея 720 метров в длину и 60 метров в ширину, она должна была превратить остров в полуостров, который называется ныне Сур. Пятьдесят тысяч человек, в том числе македонские солдаты, по живой цепочке, передавали сюда камни от небольшого прибрежного порта и наполненные землей корзины.

Когда эта возводившаяся на глубоководье дамба (глубина пролива доходила здесь до 70 м) была наполовину готова, сюда на баркасе явились тирийцы и в упор расстреляли беззащитных строителей. Военный инженер Диад Пеллейский выдвинул для их прикрытия две деревянные башни, покрытые кожей и снабженные катапультами. Часть дамбы оказалась смыта бурей. Александр повелел ее перестроить, в качестве опоры используя стволы деревьев, ветви которых служили подпоркой и арматурой для балласта. Вдоль всей трассы натягивали кожи и полотно. После того как дамба достигла острова, ее ширина удвоилась. Спрятанные под защитными кожухами тараны снесли 120 метров укреплений. Македоняне устремились в проделанные бреши, однако, попав под смертоносный огонь защитников, вынуждены были отступить на исходные позиции. Такие штурмы повторялись несколько недель начиная с июля 332 года, не принося ощутимых результатов. С высоты своих укреплений осажденные

метали гарпуны и трезубцы, а также большие рыболовные сети, чтобы вылавливать людей, как тунцов.

Наконец, бывшим островом все же удалось овладеть с моря. Штурм начался одновременно со стороны сидонского порта на севере и арсенала на юге, между тем как пехота отвлекала внимание защитников со стороны дамбы на востоке. При помощи перекидного мостка, который был опущен с деревянной башни, возведенной на двух связанных между собой кораблях, щитоносцы Адмета и сам царь прыгнули на крепостную стену вблизи арсенала, и вскоре за ними последовали высадившиеся солдаты. Людям долго мерещился образ этого царя с султанами из перьев, первым слетающего с деревянных мостков на каменную крепостную стену высотой с шестиэтажный дом, с осадной саблей на боку и выставленным вперед копьем: «Великий духом, он и опасности подвергался величайшей, ибо в него, хорошо заметного по отличительным царским знакам и сверканию оружия, в первую очередь летели все снаряды. Александр тут же совершил деяния, достойные, чтобы на них взирали: многих защитников стены он пронзил копьем, а некоторых вблизи достал мечом или толкнул со стены щитом, поскольку башня, с которой он сражался, почти соприкасалась с вражеской стеной» (*Курций Руф*, IV, 4, 10–11). Бог войны так же легко побеждает небо, как и глубины моря.

Следом за водой идет огонь, или его эквивалент — пламенеющее солнце. Едва египетские жрецы признали в Александре законного преемника последнего фараона Нектанеба II (359–341) и, следовательно, воплотившегося бога, сына бога, возлюбленного богом и т. д., согласно официальному титулованию, как Александр предпринял путешествие через пустыню, чтобы попросить подтверждения и помощи бога Амона-Ра, которого греки уподобляли Зевсу. Правда, прежде чем великая армия покинула Амфиполь и территорию

Македонии, Олимпиада, разумеется, открыла сыну тайну его рождения. «Хотя их было немного и они были налегке, путь, который им предстоял, едва ли был им по силам: небо и земля обезвожены, кругом бесплодные пески, и когда на них падает солнечный жар, раскаленная почва нестерпимо жжет подошвы. Предстояло преодолевать не только зной и сухость края, но и вязкие пески, толща которых подавалась под ногами и едва держала путника» (*Курций Руф*, IV, 7, 6–7). Чтобы представить себе величие предприятия, следует иметь в виду, что пролегающий вдоль пустынного берега путь от Александрии до Мерса-Матрух составляет 300 километров и еще столько же надо преодолеть от берега до Сивы, святилища Амона, и что в этой огненной пустыне царь Камбиз потерял армию в 50 тысяч человек.

Однако путешествие Александра ознаменовалось тремя чудесами, которые все повествователи — начиная с Каллисфена, Птолемея и Аристобула и вплоть до Плутарха — относили на счет божественного Провидения. С небес на измученных жаждой паломников пролился обильный грозовой дождь; каркавшие и садившиеся перед ними вороны указывали дорогу к святилищу; наконец перед кавалькадой ползли две наделенные даром речи змеи. Для египтян, которые, впрочем, и возвели незадолго до этого в правление Нектанеба II храм в Умм Бейде (оазис Сива), не было ничего необычного в том, что боги посылали дождь по просьбе фараона, который был одним из богов, как и в том, что змея Нехеб-Кау была их персональным вестником⁸³. «Помощь в затруднительном положении, которую посылали боги в ходе этого путешествия, внушила больше веры, чем сами последующие ответы оракула; в некотором смысле и сама-то вера оракулу возникла от этой помощи... Когда Александр пересек пустыню и дошел до места, пророк Амона обратился к

нему с приветствием от бога, словно от отца» (*Плутарх* «Александр», 27, 1 и 5, по Каллисфену). Духовное существо располагает куда более драгоценной и живительной влагой, чем дождь, — живой водой, Словом жизни, тем самым *анхом*, которым обладают фараоны и божество.

Подвиги и чудеса

За свое недолгое земное существование Александру довелось пересечь немало других выжженных пустынь. Наиболее ужасной окажется пустыня Гедросии между Индией и Персией. Стоит ли говорить об этом переходе, проделанном в 60 дней от Белы, стоящей на Порали, до Пура-Бемпура в Гедросии осенью 325 года, который сопровождался целым морем мучений? Почти все сатрапы, стратеги, великие финансисты империи поверили в то, что бог, объявленный «непобедимым» дельфийской Пифией и пророком Амона, умер-таки от жажды, и проклятый Ариман унес его в адский огонь. И все же, против всех ожиданий, он спасся. На взгляд Александра, на свете существует благо куда более драгоценное, чем вода, которую жадно отыскивали состоявшие из неотесанных кашеваров царские интенданты. Это неувядаемая слава.

Александр показал это в трех случаях: когда распорядился сжечь бесполезный багаж, в том числе и свой собственный, когда с равнодушием выслушал известие о том, что неожиданно обрушившимся потоком за ночь унесло часть его эскорта, и наконец, когда отказался утолить жажду перед лицом своих изможденных солдат. Это знаменитый и неоднократно разбиравшийся эпизод, хотя место действия в нем относят к самым разным странам — от Египта до Согдианы. Вот как он описан Плутархом («Александр», 42, 6—10): «Большинство людей в отряде изнемогли, главным образом из-за отсутствия воды. И здесь им повстречались какие-то македоняне, которые везли на ослах от реки воду в бурдюках. Они увидели, как страдает Александр от жажды (а был уже полдень), и, быстро наполнив шлем водой, поднесли ему. Когда он

спросил у них, кому они везут воду, они ответили: „Своим сыновьям, но если ты останешься жив, мы заведем себе новых, даже если лишимся нынешних“. Услышав такой ответ, Александр взял шлем в руки. Но когда он оглянулся вокруг, то увидел, что все стоявшие вокруг него всадники повернули головы к нему и напряженно ждут, что будет дальше. Тогда он отдал шлем обратно, не отпив ни капли, а лишь похвалил тех людей и сказал: „Если я напьюсь один, все эти падут духом“. Видя такое самообладание Александра и его великодушие, всадники вскричали, чтобы он отважно вел их вперед и принялись нахлестывать коней. Теперь, пока у них будет такой царь, говорили всадники, они не будут ни уставать, ни томиться жаждой и вообще не будут почитать себя смертными». Арриан (VI, 26, 3), Полиэн (IV, 3, 25) и Фронтин («Военные хитрости», 17, 7) пишут даже, что Александр, желая укрепить дух армии, на глазах у всех вылил воду на землю. Бог приносит себя в жертву ради общего спасения. Но кто мог придумать такую историю, как не солдат, спасшийся от жажды и обожавший Александра?

Не менее знаменит эпизод с «летающими людьми». Он словно дублирует историю последнего штурма укреплений Тира, когда царь соскочил с деревянной башни на плохо защищенную куртину. По крайней мере пять раз с сентября 330-го по сентябрь 327 года Завоевателю приходилось овладевать твердынями, которые называются по-персидски «аварана» («форт», «убежище»), что отразилось в греческом звукоподражательной игрой слов — «аорн» (ἄορνος), «на который не может залететь птица». А может быть и так, что в ходе преодоления армией «Индийского Кавказа» (то, что мы называем Гиндукушем) книжникам из штаба довелось услышать, что гора Пара Упари-Сена (Паропанисада) близ Кабула «столь высока, что орел Сена не может через нее перелететь», хотя, возможно,

они спутали птицу Симурга из иранского мифа о Веретрагне с орлом, терзавшим печень прикованного к Кавказу Прометея (*Диодор*, XVII, 83, 1).

Оставим в стороне штурм скалы Кала-и-Духтар (близ Герата, Афганистан) в сентябре 330 года; «авараны» в Таджикистане, в 70 километрах к востоку от Бактр (ныне Балх) весной 329-го; скалы Сисимитра, прозванного Хориеном («вождем»), ныне Кох-и-Нор в 80 километрах к юго-востоку от Душанбе (Таджикистан) в ноябре 328-го; штурм и овладение Пир Саром в Охинде (Пакистан), который контролировал вход в Пенджаб и был передан индо-бактрийскому вельможе Сасигупте осенью 327 года. Речь пойдет лишь об осаде и штурме «авараны-аорна» восставшего вождя Ариамазе в Согдиане, ныне Байсунтау в 20 километрах к востоку от Дербента (Узбекистан) в марте 328 года.

Изложение событий, связанных с согдийской твердыней, оказывается у Арриана (IV, 18, 4-19, 4) несомненно более трезвым и строгим, чем у Квинта Курция Руфа (VII, 11), однако поклонники чудесного несомненно предпочтут живость и красочность описания последнего. Скупые и путанные упоминания Страбона (XI, 3, 29) мы рассматривать не будем, процитируем лишь Квинта Курция, сопровождая его строки уместным комментарием по существу. «Была там (между Термезом и Самаркандом) одна скала, которую занимал согдиец Аримаз с тридцатью тысячами (?) воинов, заранее сvezя туда провиант, которого могло хватить даже такому множеству людей хоть на два года (!). Скала эта возвышалась на 30 стадий в высоту (5550 м; на самом деле менее 400 м), а в периметре имела 150 стадий (на самом деле в 10 раз меньше), со всех сторон она была окружена кручами и обрывами, попасть же в нее можно было только по узенькой тропинке (здесь Арриан добавляет, что недавно выпавший снег делал подступы еще опаснее)... Прежде чем отважиться на риск осады,

царь отправил к осажденным Кофа (это был сын Артабаза), чтобы он их уговорил сдать скалу. Аримаз, будучи убежден в надежности своих позиций, наговорил много надменного и под конец спросил: а не может ли царь еще и летать? (Арриан (IV, 18, 6) пишет: «Неприятели с громовым хохотом, как свойственно варварам, велели Александру искать крылатых солдат, которые возьмут ему гору»). Когда это передали царю, он так раззадорился, что собрал тех, с кем имел обыкновение советоваться, и сказал о наглости варвара, который посмеялся над ними из-за того, что у них нет крыльев: следующей же ночью он заставит осажденных поверить, что македоняне способны даже летать. Он повелел: „Приведите ко мне, отобрав каждый из своего отряда, 300 отважнейших юношей, которые привыкли дома проводить стада по ущельям и почти непроходимым скалам“».

Выслушав царя, который пообещал щедрую награду, солдаты раздобыли согнутые колышки, использующиеся для прикрепления шатров к земле, и прочные льняные веревки. Они намеревались пройти по льду, снегу и скале, вбивая в них крючья. Провизии они захватили на два дня, и каждый был вооружен мечом и копьем. Им было приказано начать восхождение во вторую стражу, около полуночи, с той стороны, где обрыв представлялся наименее крутым. «Поначалу они просто шли; затем, когда достигли кручи, одни подтягивались вверх, хватаясь за выступающие камни, другие поднимались, прилаживая к ним веревочные петли, третьи вбивали между камней (или в снег, говорит Арриан) крючья и таким образом получали ступени, на которые можно было встать... Считается, что всего при подъеме погибли 32 человека... На следующий день, когда еще не развиднелось, царь заметил на вершине знамя — знак занятия крепости... Из македонского лагеря уже слышались звуки труб и крики всего лагеря...

Допущенный вновь в крепость Коф начал убеждать Аримаза сдать скалу... Взяв варвара за руку, он просит его выйти вместе из убежища. Добившись этого, он показывает юношей на вершине и, заслуженно насмехаясь над высокомерием варваров, говорит, что у солдат Александра все же есть крылья... Аримаз, который более пал духом, чем действительно проиграл, в сопровождении своих родичей и знатных людей спускается в лагерь. Царь приказывает всех их подвергнуть порке и распять на крестах».

В таких условиях нас уже не должно удивлять, что менее чем через столетие авторы новой комедии развлекали зрителей рассказом о том, как перед Александром расступились морские волны (*Менандр*, цитируемый *Плутархом* «Александр», 17, 6-8), а перед летающими солдатами — воздух:

Я начал, сводничек, тогда тебе рассказывать
О битве на равнине Пентатроновой:
Солдат летающих тысконок с шестьдесят
Своей рукою я тогда набил.

(*Плавт «Пуниец», 470-473*)

И это написал тот самый автор, который первым в Риме утверждал: «Говорят, эти двое, Александр Великий и Агафокл, совершили величайшие дела» («Привидение», 775-776)... «Не без участия божественного», как говорил сам Александр (*Арриан*, I, 26, 2), относительно того, что в ноябре или декабре 334 года, пока дул северный ветер, его армии удалось, не замочив ног, пройти от Фаселиды до Сиды. Ибо то, что со временем стало бравадой и фанфаронством, современниками рассматривалось как чудо или вмешательство богов. Достаточно было верить, что

Александр не просто гениальный человек, но воплотившийся Гений. До 327 года, то есть на протяжении первых семи лет великого восхождения на Крышу мира (к Памиру в Таджикистане), сам Александр скромно против этого возражал. Его подвиги, говорил он, не превосходят тех, что совершил Геракл; а когда он был ранен, то повторял, что из его ран течет кровь, а не божественная жидкость (*Плутарх* «Изречения...», 16, 27; «Александр», 28, 3 и т. д.; *Курций Руф*, VIII, 10, 29). Должно быть, покорение индусов или, скорее, триумфальный марш через Индию произвел радикальную перемену в уме царя и в тех представлениях, которые имелись на его счет у близких к нему людей и придворных. Увидав вдалеке гору Меру (Кох-и-Мор, 6293 м), на которой родился Дионис, а вблизи Нисы (Вама в Кафиристане) место, где он провел детство⁸⁴, пройдя в восточном направлении дальше, чем сам бог, — до пределов мира, Александр понемногу убедил себя, что оракул Амона все же был прав, и это как раз-таки Александр и был сыном Зевса, как был сыном Зевса Дионис. Тридцатью годами позже Мегасфен, который путешествовал от Персии до Индии в качестве посла царя Селевка I, должен был подтвердить такое отождествление. Два фрагмента из его путевых записок относятся к долине Кабула и Пеша, откуда он наблюдал три белые вершины горы Меру. В ту же самую эпоху Клитарх, собирая свидетельства великих путешественников, с некоторой отстраненностью сообщает о горе Ниса, а также о напоминающем плющ (Диониса) растении, которое называется *скиндапс*. Крепость Нагарахара (в 8 км к северу от Хадды) становится Дионисополем, и пантера бога изображается на реверсе местных монет всю эллинистическую эпоху. Нет никакого сомнения в том, что все греки от Мегасфена и до Аполлония Тианского, пророка и чудотворца конца I века н. э., усматривали в

вакханалиях в Нисе, а затем в устроенных в Кармании празднествах возрождения повторение Александром и его свитой триумфального кортежа бога.

Однако изумление свидетелей на этом не заканчивается. По мере того как они продвигались в глубь Азии, они встречали такие ландшафты и таких существ, которые поднимали в их воображении бурю. Во что только не превратится все это по прошествии времени! Вначале я назову лишь то, что удостоверено историей: боевые слоны, скифские женщины верхом на лошадях, древовидный виноград с Каспия, дикая пшеница, манна, называемая *джиаз*, мед крапчатых пчел, персики, абрикосы, сливы, рис, различные дурманные и алкогольные напитки. А затем чудеса: ядовитые пауки, змеи любой величины и любой расцветки, от кобры до синего бонгара, каракулевые овцы, куланы, рысь на Памире, разумные обезьяны, попугаи, баньяны, благовония и неизвестные самоцветы: изумруды, сапфиры, рубины, бериллы, лазурит, месторождения золота, нефти, мазута и «земляного масла», а для тех, которые, подобно царю, осмелились бросить вызов волнам Индийского океана и муссонам — громадные киты и народы-ихтиофаги, ибо наиболее странным животным с непредсказуемым нравом всегда оставался человек.

Одна из неперенных составляющих славы Александра, один из главнейших столпов его легенды — то, что он заставил отступить амазонок, причем совершил это едва ли не повсюду, от берегов Каспия до Александрии Эсхаты под нынешним Ходжентом. После Гомера греки называли амазонками едва ли не всех кочевников, от Армении до китайского Туркестана, у которых женщина имела право (чудовищное в представлении людей с Запада) ездить верхом и воевать. Следом за рассказами или «Историями» моряка

Онесикрита, фессалийца Поликлита и Клитарха все в один голос повторяли, что Александр вступил в связь с царицей амазонок Талестридой, или Минитией. «На удовлетворение страсти царицы потребовалось 13 дней», — насмешливо прибавляет Курций Руф (VI, 5, 32), несмотря на попытки добродетельного Плутарха все отрицать («Александр», 46). Ибо хотя этот последний превозносит продолжительное целомудрие и воздержание своего героя, большая часть наших источников приписывает ему единственные в своем роде способности по части детей («он просто помешался на педофилии (φιλόπαις)», — пишет Афиней (XIII, 603a-b, со ссылкой на Дикеарха), евнухов, как, например, Багой, зрелых мужчин, как его товарищи, и всех 365 женщин его гарема, не считая четырех законных жен, среди которых была «Сиятельная» Роксана, самая красивая женщина в мире.

Мегасфен немного расширил список чудес, которые совершались прямо у ног Александра. Последовательно находясь на службе у Эвмена, Антигона и Селевка, он составил своего рода репортаж об Индии, вдохновляясь тем, что пришлось ему увидеть и услышать, когда в 302 году он отправился к Чандрагупте. Вот какое сообщение, основываясь на Мегасфене, оставил Плиний Старший об индусах, брахманах и факирах, которые в 326 году были наиболее непримиримыми противниками Александра: «Про Индию известно, что многие люди там превышают ростом 5 локтей (более 2 м), не плюют, не страдают болезнями головы, зубов и глаз, и лишь изредка недуг приключается с другими частями их тел. Причина этого та, что они закалились благодаря умеренному жару солнца. Их философы, которых зовут гимнософистами, с восхода до заката стоят, не сводя глаз с солнца; весь день они поочередно опираются на раскаленный песок то правой, то левой ногой. Как говорит Мегасфен, на горе, которая называется Нул,

обитают люди с повернутыми назад ступнями ног, и на каждой у них по 8 пальцев» («Естествознание», VII, 22–23).

Географ Страбон, который принадлежал веку, желавшему казаться строгим и критичным, не мог удержаться от того, чтобы не следовать рассказам Мегасфена, когда речь заходила о внешнем виде и нравах индусов или обитателей Индии: «Впадая в баснословие, он рассказывает о людях ростом в пять и три пяди (от 1,1 м до 0,66 м), причем некоторые из них не имеют ноздрей (ἀμύκτῆρας), а лишь две отдушины вместо рта... Приводили к нему и безротых (ἀστόμους), кротких нравом людей. Обитают они в верховьях Ганга, питаются испарениями жареного мяса и плодов, а также ароматами цветов. Вместо рта у них отдушина, и зловоние доставляет им мучения, вследствие чего они едва способны выжить, особенно в военном лагере. Философы рассказывали ему и о других людях: о быстроногих (ὠκύποδες), которые опережают лошадь; «вухолёгих» (ἐνωτοκοίτας), у которых уши достигают ног, так что на своих ушах они могут спать; сильных (ισχυροίς), которые с корнем вырывают деревья и рвут тетиву луков; еще других, одноглазых (μονομᾶτους), у которых уши собачьи, а глаз посреди лба, волосы стоят торчком, а грудь косматая. Те безноздрые всеядны и сыроядны, а живут мало, умирая прежде старости. Верхняя губа у них намного длиннее нижней» (Страбон, XV, 1, 56).

Ученые Нового времени, которые проявляют больше доверчивости в этом вопросе, чем скептик-этнограф, охотно объясняют возникновение подобных персонажей созерцанием индийских скульптур, а также ошибками при переводе и истолковании. Например, бог со слоновьей головой Ганеша очень напоминает «вухолёгих» рассказчика. Однако, наталкиваясь на подобные описания, одни обитатели средиземноморских

городов впадали в изумление, а другие раздражались хохотом. В эллинистическую эпоху Индия сделалась тревожащей воображение страной чудовищ, лярв, элементарных сущностей, которых царь Александр загнал обратно в преисподнюю. Вскоре мы увидим, как безгранично они умножатся в «Правдивой истории» Лукиана из Самосаты около 170 года н. э., пока наконец пятьюдесятью годами спустя всю историю Александра не постигнет головокружительное развертывание — в виде «Романа об Александре».

Идеал и образец — даже в смерти

«В каких только дарах небес не возникает нужды, чтобы достойно царствовать! Августейшее происхождение, властные и веские манеры, лицо, способное как удовлетворить любопытство людей, жаждущих лицезреть государя, так и поддержать уважение в придворных... Открытое и искреннее сердце, которое, кажется, лежит перед вами на ладони...» Этот портрет идеального властителя, набросанный для Людовика XIV Лабрюйером («Характеры», X, 35), носит достаточно вневременной характер для того, чтобы послужить изображением также и Александра. Прибавьте к этим исключительным свойствам ослепительную красоту, часто обращенное к небесам лицо, глубокий и нежный взгляд, сильный и грубоватый дар слова, способный гипнотизировать толпу, а сверх того нечто не вполне отчетливое, носившее у греков название «грации», *kharis*, у нас же обозначаемое словом «шарм», и еще столь притягательные добродетели, как приветливость, любовь к людям, щедрость, — и вы поймете, что с самого начала царствования Александра почитали не просто за человека, а за некое существо, стоящее несравненно выше человеческой сущности и с ней несравнимое. И именно варвары начиная с 331 года первыми постигли, что перед существом этим следует падать ниц. Ни в Персии, ни в Индии они не рассматривали своих государей в качестве богов, а видели в них Силы, благочестие которых служит гарантией поддержания вечного мирового Порядка. В индоевропейском представлении Ритуал и Порядок составляют единое целое. Оценив выдающиеся добродетели Александра, его харизму и неизменные победы, даже те греки и

македоняне, которые ему противостояли, вскоре после его смерти осознали его святость.

Из Александрии это восхищение после 2-й Пунической войны в конце III века до н. э. достигло Рима⁸⁵, поскольку Плавт, как мы уже видели, приводил великого завоевателя в качестве образца («Привидение», 775–776). И при том, что напитанные учениями неостоицизма римские философы и историки в меру сил чернили образ Александра, в римском государстве, начиная со Сципиона Эмилиана и до византийских императоров, не было ни одного главнокомандующего, который не пытался бы с ним соперничать, ему подражать, мерить свои подвиги его свершениями. Суровый к излишествам Александра Цицерон с воодушевлением говорит о том, что его приветствовали как «императора» на поле битвы при Иссе. «Великий» Помпей, Цезарь, Марк Антоний, Октавиан являются в Азию, чтобы отвоевать ее и отодвинуть границу римского государства (*limes*) к устью Евфрата. Антоний, который помышлял о том, чтобы провозгласить себя царем Востока, так удачно подражал Александру своими кампаниями, перемежаемыми празднествами и любовными похождениями и попойками, что в конце концов его охватило дионисийское безумие. Октавиан, ставший фараоном в Египте и Августом в Риме, велел показать ему саркофаг и тело Александра и вообще почитал его за все еще живого царя. Он постоянно носил перстень с изображением Александра и умножил число его портретов в Риме. Как и Александр, император объединил два мира, две культуры и бесчисленные политические и социальные структуры. Он являлся одновременно великим понтификом, верховным главнокомандующим и народным трибуном, чья личность неприкосновенна и священна (*sacrosanctus*).

Со времени Траяна в начале II века н. э., то есть века *Pax romana*, Александр куда меньше интересовал римских императоров как завоеватель, чем как глава государства, βασιλεύς (царь), который смог прекратить конфликты между крошечными городами и установить согласие и мир между народами и который рассматривал совокупность наций как живой организм, самолично им одушевляемый. Александр первым в мире — за три века до Рима — обрел в полном смысле слова божественное чувство универсального. Храмы, возводимые богине Рима (Роме) и Августу, лишь повторяли те, которых требовал для себя Александр, Непобедимый бог, когда издавал в Сузах в мае 324 года свой циркуляр. Однако императоры все больше и больше уподобляли этого бога Вакху-Дионису, который в сопровождении ликующей и неистовствующей процессии двинулся из Фракии, чтобы вернуться из Индии триумфатором, покорителем Востока (*domitor Orientis*) и повелителем Вселенной (κόσμοκράτορ).

Император Коммод (180–192) чеканил монеты с двойным изображением своим и Александра, поскольку лишь эти два образа могли обеспечить *felicitas* (преуспевание) обитаемой земли. Историки повествуют, что император Каракалла (211–217) был в полном смысле слова одержим любовью к Александру, дойдя до того, что вооружил фалангу в 16 тысяч человек по древнему македонскому образцу в ожидании, что бог вот-вот в него воплотится, так что художнику было велено изображать его двуликим. И если в 212 году н. э. Каракалла издал так называемую *constitutio Antoniniana*, дающую право на римское гражданство всем свободным обитателям империи, то он сделал это в подражание Александру, который уравнивал людей Запада и Востока. Книги Аристотеля жгли, а последователей Аристотеля изгоняли из Александрии, поскольку считали их

повинными в смерти Александра (*Дион Кассий*, 78, 7 и 8; *Геродиан*, IV, 8).

Некоторое время спустя после убийства Каракаллы воспоминание о воплотившемся боге оказалось столь живым и распространенным в народе, что стоило некоему человеку в придунайских провинциях и во Фракии назвать себя Александром, как вокруг него тут же собрался отряд в 400 человек, которых он одел в дионисийские костюмы и кормил за счет местных властей. Вся эта эпопея завершилась в 221 году вблизи Халкедона, неподалеку от поля битвы при Гранике (*Дион Кассий*, 80, 18). Двоюродный брат и преемник Элагабала (218–222) отказался от своего имени Алексиан, чтобы принять новое — Александр. Чудеса и предзнаменования, которые сопровождали его появление на свет в храме в Арке Кесарийской (ныне Акко) в Финикии, в годовщину смерти Александра, столь красноречивы, что вся Римская империя должна была уверовать в то, что богочеловек воплотился вновь. В день родов матери Александра поднесли снесенное горлицей пурпурного цвета яйцо, а сама она накануне родов увидела во сне, что родила пурпурную змею. Кормилица его звалась Олимпиада, а воспитатель — Филипп. Один прорицатель сказал им, что этого ребенка ждет власть над небом и землей, и он будет править Римом и Западом, прежде чем покорит Восток (*Лампридий «Жизнь Севера Александра»*, 13–14). Ему предсказали также, что он умрет юным, как и великий Завоеватель. И в самом деле, после столь же краткого, как у македонянина, царствования, для которого были характерны широчайший религиозный синкретизм и искусное управление империей, Север Александр был убит в Могонтиаке (ныне Майнц) на Рейне, в возрасте 29 лет (235).

Возвышение Севера Александра в 222 году сопровождалось распространением или во всяком

случае приведением в порядок одного сборника, которому было предназначено на протяжении тысячи лет преображать столь непростой облик Завоевателя. Авторы этого сборника, скрывшиеся под именем Каллисфена, официального биографа Александра, назвали свой труд просто: «Жизнь Александра Македонского». Всему миру понятно, что это поучительное сочинение могло служить в качестве образца и памятки для последнего в династии государя, Севера Александра, явившегося в мир среди чудес. Так в атмосфере преданности смешанному образу восточного завоевателя и римского императора явилось на свет то, что называют «Романом об Александре».

Правление Элагабала представляло собой тянувшуюся четыре года череду оргий и вакханалий в честь богов, которые обитают на небосводе вместе с Непобедимым Солнцем. Прежде чем рассказать, как Александр спустился с небес, чтобы, согласно Псевдо-Каллисфену, воплотиться в императора, царя мира, попробуем посмотреть на его смерть под тем теологическим углом зрения, под которым ее воспринимали его первые обожатели. Речь здесь могла идти исключительно об образцовой, добровольной, желанной смерти, о которой было торжественно и неоднократно объявлено, о некоего рода утонченном жертвоприношении своей телесной оболочки небесному богу, отпрыском которого был Александр. Тело — лишь гробница, σῶμα — σήμα, утверждали философы. Собственная мать, оракул Амона, индус Калана, прорицатели и врачи Александра, а также халдейские астрологи предупреждали его о жребии, который его ожидал, если он явится в Вавилон, центр обитаемой земли, и все же Александр туда прибыл, добровольно приблизив свой конец. Ему более нечего было делать в империи, завоеванной его отвагой и милостями. Лучший

друг Александра на земле, Гефестион, умер в ноябре 324 года в Экбатанах, призванный Дионисом на Олимп полубогов: так объявил об этом оракул Отца богов и людей в Сиве. Герой умер, совершая жертвоприношение богу вина, или, скорее, богу мистического опьянения. Ибо эти попойки, о которых моралисты чего только не говорят худого, поскольку понять их они не в состоянии, являются религиозным действием, приводящим пирующих в непосредственную связь с их богом. Когда в Сальмунте или в Кармане в 325 году солдаты видели на осле пьяного Александра, справлявшего, как Дионис, свое триумфальное возвращение из Индии, они не потешались и не негодовали: они вдохновлялись присутствием возглавляющего процессию бога. Как здесь, так и в ходе ритуальных попоек и празднеств единения в Сузе, Описе, Экбатанах и Вавилоне македоняне не презирали опьянение Александра, ставшего богом. В армии, гласит поговорка, можно обмануть начальника, но подчиненного — никогда. Они все готовы были умереть, но при условии, что им будут даны божественные гарантии. С тех пор как Александр умер, как он опьянился насмерть, они ни на мгновение не сомневались в его божественности и превозносили его пьянство не как порок, но как свидетельство превосходства. «Говорят, Александр пил больше всех прочих людей» (*Элиан «Пестрые истории», XII, 26*). В комедии Менандра «Льстец» солдат Биант хвалится тем, что в Каппадокии трижды опустошил чашу, содержащую около трех литров, и его парасит ему отвечает: «Ты выпил больше царя Александра». И в самом деле, в «Царских ежедневниках», опубликованных канцлером Эвменом Кардианским после смерти царя, говорилось, что в месяце Дий (октябрь — ноябрь) 324–323 годов в Экбатанах Александр принял участие в четырех больших пирах, за каждым из которых следовал целый день сна — столько было им выпито несмешанного вина (*Элиан*

«Пестрые истории», III, 23). Нет, бог Александр умер не от малярии, не от депрессии, не от отравления и не от белой горячки, как желали это изобразить до сих пор. Он умер добровольно, *cedens naturae fortunaeque* («уступив природе и судьбе», *Валерий Максим*, V, 1, иностр. 1), «естественной смертью», чтобы обрести божественное состояние, оставшись вечно молодым. «Кого боги любят, тот умирает молодым» (*Менандр*, фрг. 111). Чтобы в этом убедиться, не оставалось ничего другого, кроме как совершить паломничество к его гробнице — подобно тому, как совершили его Цезарь, Август, Антонин Пий, Север Александр или Константин. Там, в мавзолее Александрии, в саркофагах, изготовленных из камня, алебаstra и, наконец, из стекла, в полной сохранности покоилось его тело, или скорее знак его присутствия: $\sigma\acute{\omega}\mu\alpha$ — $\sigma\acute{\eta}\mu\alpha$.

Таково характерное для Египта толкование конца Александра, который рассматривается как первый фараон XXX династии. Чем-то само собой разумеющимся для египтян было то, что Осирис, уподобленный греческому Дионису, возвращался к своим, в потусторонний мир. Родина его «я» — небесный мир и свет. В многочисленных поздних версиях смерти царя он даже желает исчезнуть, не оставив тела. Ночью, которая последовала за последним его опьянением, Александр на цыпочках выходит из своей спальни и хочет броситься в Евфрат. «Не отказывай мне в этой славе», — говорит он Роксане, которая с плачем удерживает его. Многие рассказчики предпочитают объяснить его смерть страстями, схожими с теми, что претерпел бог Дионис, которого преследовали, мучили и разорвали на куски Титаны. Также и виноград, чтобы сделаться вином, кровью бога, должен быть срезан сборщиками и раздавлен ногами. Вот почему рассказчики превращают Александра в жертву заговора. Соперники, претенденты на его трон, которые завидуют его славе, увлекают его

в Вавилон, где он оказывается снедаемым и предательски парализованным лихорадкой, лихорадкой злокачественной и неизлечимой. А чтобы ускорить его смерть, они дают Александру выпить лекарство, доставленное из Греции в ослином копыте, поскольку сила этого яда такова, что сосуды его не держат: эта вода смерти, вода Стикса. Иол примешивает его к вину царя. Царь издает ужасный крик, словно его ударили кинжалом в печень. Жертвоприношение совершилось. Бог умер так же, как и родился, поэтому никто не знает, ни как это произошло, ни почему. Однако идея приношения им себя в жертву ради будущих последователей, своих верных, была и останется в круге представлений всех братств Диониса, Орфея, Геракла и т. д.

«Роман об Александре»

Таковы были рассказы, циркулировавшие вокруг самого знаменитого и таинственного завоевателя греческой античности, когда в эпоху Северов один или несколько александрийских беллетристов взялись за составление на их основе компиляции. То была эпоха, когда процветали романисты — такие, как Апулей, Алкифрон, Ксенофонт Эфесский, Филострат, Гелиодор, и компиляторы — Авл Геллий, Элиан, Антонин Либерал, Солин, Диоген Лаэртский, Гален. То, что принято с тех пор называть «Романом об Александре» (на самом деле, в соответствии с заглавиями многочисленных рукописей, «Жизнь и подвиги Александра Македонского»), приписывается философу Каллисфену, который не позднее 330 года написал историю великого похода⁸⁶.

Почти все, что касается перехода Александра в Египет и Ливию, и в первую очередь основания Александрии, излагается в «Романе» по историческим свидетельствам. Вторым его источником послужил ряд апокрифических писем и речей, которые приписываются, например, Александру, Аристотелю, Дарию, Пору, но происходят непосредственно из риторических школ либо создавались в качестве стилистических упражнений. Третий источник — это азиатские, в первую очередь индийские легенды или устные предания, которые множились по мере того, как распространялось сочинение. Наконец, следует учитывать также и талант романиста, который распределил первоисточники таким образом, что к моменту, когда начинается поход в Азию, Рим, как предполагается, завоеван, а весь Запад покорен сыном бога-змея. Может быть, на такую мысль наводит жизнь императора Севера Александра, поскольку именно его

имеет в виду наш Псевдо-Каллисфен, когда переиначивает всю хронологию, чтобы дать чудесному дитяти образец для подражания. Можно даже говорить об инициации, столько здесь нагромождено чудес, таинств и испытаний, с поисками живой воды, — если не усматривать в переходе через Страну Мрака, заполненную чудовищными существами, переработку египетской «Книги мертвых». Три версии покорения потустороннего мира — встреча с нечеловеческими существами, поиски Острова блаженных, исследование Страны Мрака — вовсе не являются простым нагромождением фантастических приключений, а представляют собой набросок будущей религии. Оригинальное произведение, каким оно предстает из-под нагромождения бесчисленных переработок, укладывается в грандиозное течение мистического гностицизма, — точно так же, как все апокрифические евангелия той эпохи посвящены уточнению подробностей жизни и учения Иисуса. Столкновение царя Александра и мудрецов брахманов представляется в этой связи достаточно красноречивым.

Эта назидательная беллетризованная история Александра была известна на Западе по латинскому переводу, который около 338–340 годов сделал некто Юлий Валерий Полемий под названием «*Res gestae Alexandri Macedonis*» («Деяния Александра Македонского»). Если мы сравним этот перевод с греческими, армянскими и византийскими рукописями, которые позволяют составить представление относительно первоначального плана произведения, то содержание книги о жизни и деяниях Александра Македонского в золотой век восточных религий, при последнем из Северов, было примерно следующим.

Последний египетский фараон Нектанеб, одновременно бог и царь-волшебник, которого принудили покинуть свою страну другие боги, бежал в

Македонию, где объявил себя астрологом. Олимпиада, которая опасалась развода из-за своей бездетности, в отсутствие Филиппа обратилась к Нектанебу за советом. Весьма хитроумный волшебник заставил ее увидеть во сне Амона, восходящего к ней на ложе, а затем, превратившись в змею, заполз на него сам. Нектанеб сообщил Олимпиаде, что ее сын станет властелином мира. При появлении младенца на свет земля дрожит, а небо сверкает от молний. Александр не похож ни на Олимпиаду, ни на Филиппа: у него львиная шевелюра, левый глаз почти черный, а правый светло-голубой, зубы же острые, как у змеи. К нему приставляют шесть наставников, среди которых и ученый Аристотель. Он укрощает ужасного жеребца Буцефала, коня более красивого, чем Пегас, однако плотоядного. Чтобы узнать, кто такой Нектанеб на самом деле, Александр сталкивает его с высоты. Умирая, Нектанеб открывает ему, кто его отец. Юноша Александр одерживает победу над самонадеянным Николаем на скачках колесниц в Олимпии. Он ссорится с Филиппом, когда тот женится на Клеопатре, сестре Лисия. Вскоре Александр мирит своего мнимого отца с матерью и совершает поход против восставших жителей Мефоны. По возвращении в Пеллу он принимает послов царя Персии, которые явились требовать дань. Александр высокомерно отказывает им и изгоняет прочь. Злодей Павсаний влюбляется в царицу Олимпиаду и закалывает Филиппа. Александр, который как раз в этот момент с победой возвращается в Пеллу, мстит за Филиппа и устраивает ему пышные похороны, после чего обращается к армии македонян и греков с пространной речью, направленной против поработителей-персов. Но сначала он направляется в Италию. Римляне высылают навстречу ему посольство, нагруженное дарами, среди которых выделяется украшенная драгоценными камнями корона. Верховный понтифик Юпитера принимает Александра на

Капитолии. Карфаген, в свою очередь, также покоряется ему. Из Северной Африки он через Ливию достигает храма Амона, где его признают за сына бога-царя Нектанеба. Поскольку персы нанесли Нектанебу тяжкое оскорбление, Александру следует за него отомстить. Оракул предписывает ему основать близ острова Фарос город, носящий его нетленное имя. Вместе со всей своей армией и флотом царь-мститель осаждает Тир, обмениваясь между тем письмами с Дарием. Вследствие того, что переговоры терпят неудачу, на берегу Пинара происходит сражение, царь Персии побежден. Царь-победитель разъезжает по Малой Азии, в частности, посещает гробницу Ахилла близ древнего Илиона. Он возвращается в Македонию, опустошает Халкидику и отправляется за Дунай, во время этого похода солдатам приходится есть собственных лошадей. Это — содержание 1-й книги.

Греческие смуты на время задерживают Александра. Фивы, Афины и Спарта образуют коалицию. Александр уничтожает Фивы, чтобы затем восстановить. После длительного обмена посланиями и переговоров афиняне ему покоряются. Спартанцы разбиты на суше и на море. Театр военных действий переносится в Малую Азию. Александр заболевает в Киликии из-за того, что искупался в Кидне, но исцеляется, оказав доверие своему врачу Филиппу. Все еще пытаясь договориться с Дарием о мире, он наводит мост через Евфрат, переходит по нему вместе с войсками, а затем разрушает. Амон является ему во сне и советует отправиться к Дарию, одевшись вестником, подобно богу Меркурию. На пиру Александра узнают, однако он спасается бегством. На реке Странге происходит вторая большая битва с персами. Бесс и Артабарзан убивают Дария. Александр появляется как раз вовремя, чтобы услышать его последние слова: пусть два семейства — перса и македонянина соединятся посредством брака

между победителем и Роксаной, дочерью побежденного. После торжественного погребения Дария и свадебной церемонии в письме к Олимпиаде и Аристотелю Александр рассказывает обо всем том, что произошло после битвы при Иссе, а сам готовится к походу на Пора, чтобы достичь лежащей за пустыней необитаемой страны. Конец 2-й книги.

Вначале войска отказываются следовать за Александром. Своим красноречием он убеждает их продолжить войну. Александр убивает Пора на поединке, беседует с брахманами на философские темы и пишет Аристотелю длинное письмо об индийских чудесах, о затмении солнца и луны, о лунных и солнечных растениях, которые похожи на кипарисы и наделены даром прорицания. Он является во дворец Семирамиды, а затем, выдавая себя за Антигона, — ко двору царицы Кандаки. Александр возвращает сыну Кандаки его жену. Александра узнают и отпускают, осыпав дарами. По возвращении к армии Александр встречается с богами и принимает участие в их пиршестве. Он отправляется в страну амазонок. После обмена письмами царица амазонок предлагает ему 100 золотых талантов и 500 воительниц. Александр возвращается тяжелой дорогой через страну, по которой течет Гипанис: над ним царь имеет необычайную власть. Близ Красного моря армия встречается с безголовыми существами и разными чудовищами. За городом Солнца перед ними открываются чудеса дворцов Кира и Ксеркса. По возвращении в Вавилон Александру приносят новорожденного уродца. Это предвестие близкой смерти. Он пишет завещание. На пиру он выпивает отравленную по наущению Антипатра жидкость. Роксана удерживает Александра от того, чтобы броситься в Евфрат. Армия проходит перед ложем умирающего царя. Последние его минуты сопровождаются небесными знаменами: происходит

солнечное затмение, одновременно с орлом на море спускается большая звезда, затем поднимается и исчезает в небесах. Македоняне и персы ссорятся, будучи не в состоянии решить, где захоронить Александра. Его переносят в Мемфис, затем в Александрию, где Птолемей оглашает завещание Александра, которым тот назначает Птолемея своим преемником и фараоном. Все сочинение завершается исчислением лет жизни и правления Александра. Он родился в новолуние месяца Тиби и умер в месяце Фармути; на самом же деле 20 января (331) — это дата основания Александрии, а 7 апреля (321) — дата погребения царя в Египте, почитавшиеся здесь священными. Перечисляются покоренные нации и 12 Александрий, которые, как считается, основал Александр в качестве властелина Вселенной.

Божественный характер Александра подчеркнут в этом повествовании куда лучше, чем во всех предыдущих сочинениях. Произведение основано на устной традиции, и было бы чрезвычайно несправедливо усматривать в нем лишь нагромождение нелепиц и небылиц: вера всегда чутко хранит память о величии, мужестве и отваге. Воспоминанию о «Непобедимом боге» невозможно противиться, подобно тому как это было невозможно в отношении «Непобедимого Солнца» императоров III века н. э. Не так уж много здесь неправды. Если оставить в стороне историю покорения Рима, которая, впрочем, соответствует истории о легендарном посольстве, присланном римлянами в Вавилон в 323 году (вымысел эллинистической эпохи), общие черты биографии Завоевателя вполне достоверны. В намерения рассказчиков входило не столько заставить читателя мечтать, сколько наставить и просветить его. В ту же эпоху, когда Юлий Валерий издал свой латинский перевод «Жизни и подвигов Александра Македонского», неизвестный автор

направил императору Констанцию, сыну Константина Великого, «Itinerarium Alexandri» («Подорожная Александра»), предназначенную служить справочником в персидском походе (345 г. н. э.). Впрочем, автор ограничился тем, что изложил текст Арриана, и лишь в самом конце поведал о путешествии Александра до Геракловых столбов, и в духе Псевдо-Каллисфена пересказал историю амазонок.

Блаженный герой иудеев и христиан

Известно, что после взятия Тира в конце августа 332 года Александр, пройдя вдоль побережья Финикии, а затем Палестины, наикратчайшим путем прибыл к Газе в 200 километрах южнее. Арриан пишет (II, 25, 4), что «все области так называемой палестинской Сирии уже перешли на его сторону», то есть прислали к Александру посольства, признавшие власть Греческого союза. В глубине территории война затронула лишь Антиливан на широте Сидона и Дамаска, да и то на протяжении лишь десятка дней (*там же*, II, 20, 4-5; *Курций Руф*, IV, 3, 1; *Плутарх* на основе *Харета*, «Александр», 24, 10; *Полиэн*, IV, 3, 4). Известно также, что, покидая в 331 году Египет, Александр прошел той же самой береговой дорогой от Пелусия до Тира, а оттуда — долиной Оронта в Алеппо: во всех этих рассказах нет и упоминания об Иерусалиме.

В Библии, в 1-й Маккавейской книге, составленной около 130 года на основании хроник первосвященников, деяниям Завоевателя дана враждебная оценка: «Он дошел до пределов земли и взял добычу от множества народов. И успокоилась перед ним земля, а он возвысился и возгордился. Он собрал огромное войско и властвовал над народами и царями, которые стали его данниками. А после пал на ложе и почувствовал, что умирает. Он призвал своих знатных слуг, которые от юности с ним воспитывались, и разделил между ними свое царство, пока еще был жив» (1, 3-6). То же сочинение исполнено еще большей суровости к Селевкидам, которые, подобно Антиоху IV Эпифану, прозванному Эпиманом («Безумным»), поработщали Святую землю, разграбили и осквернили Храм (169-167). Здесь автор книги присоединяется к видениям и

пророчествам книги Даниила (164), которая выказывает еще менее расположения к Александру, этому Козлу, Зверю с железными зубами, а также и к его царству — «твердому, как железо» (*Даниил*, 2, 40; 7, 7).

Все переменяется с вмешательством Александра Баласа, авантюриста, который, выдав себя за сына Антиоха IV, вырвал власть над Сирией из рук законного наследника. Для этого он использовал Ионафана, предводителя иудеев, поднявших восстание в 160 году, сделав его первосвященником, со всеми судебными и финансовыми прерогативами, которые с этим связаны. Александр Яннай был царем Иудеи с 104 по 78 год. С тех пор иудеи навсегда сохранили привязанность к имени Александр, что буквально означает «тот, кто защищает или спасает людей». Они вспоминают, что основатель Александрии позволил им поселиться в новом городе, что их община пережила там яркий расцвет и распространяла веру в истинного Бога, переведя Библию на греческий язык (270–250).

В I веке до н. э., хотя и неизвестно, когда именно, на свет явилась легенда о том, как после взятия Газы⁸⁷ Александр посетил Иерусалим, почтил первосвященника Яддуа (Яддая), пал перед ним ниц и совершил жертвоприношение властителю Вселенной, единому Богу иудеев. Иосиф Флавий, которому мы обязаны этой историей, прибавляет в 94 году н. э., что Александр спросил у народных предводителей, чего бы им хотелось более всего, на что получил ответ: «Жить по отеческим законам и каждый седьмой год получать освобождение от подати», что и было им даровано, с распространением тех же прав на иудейские общины в Вавилоне и Мидии («Иудейские древности», XI, 326–339). Вот в чем все дело: возможно ли, чтобы налог, который иудеи до тех пор платили в иерусалимский Храм, жрецы, старейшины и предводители народа переводили царю-язычнику? Радужный прием, оказанный Александру

семитскими и хамитскими народами, объясняется следующими обстоятельствами: он освободил их от персидского гнета и проявил уважение к правам жрецов и местным культам.

Не следует удивляться тому, что два поколения спустя после публикации приписываемой Каллисфену «Жизни Александра» неизвестный иудей из александрийской общины, которую равно сотрясали как гностицизм, так и христианство, прибавил в конце 2-й книги несколько «Достославных деяний» — не менее историчных и поучительных, чем предыдущие. С этих пор мы можем их читать во всех еврейских, латинских и византийских вариантах знаменитого «Романа...», в частности в рукописи № 113 suppl. Национальной библиотеки в Париже. После своей свадьбы Александр направляется в Иерусалим, где первосвященник помазывает его. Александр поклоняется Саваофу и признает его как единственного истинного Бога. По дороге в Египет он заболевает. Египтяне пытаются подкупить его медика Филиппа, но без успеха. Оказав Александру слабое сопротивление, они ему покоряются. Александр простирается ниц перед статуей последнего фараона, Нектанеба II, затем прикладывает губы к губам статуи, словно воспринимая дыхание своего предшественника, как сын принимает дыхание отца. Юный царь отказывается от языческих культов, чтобы впредь поклоняться только создателю Вселенной, своему покровителю. Он основывает чудесный город Александрию и готовится к тому, чтобы пересечь пустыню, Άο...khton. Там он встречает необыкновенных существ: женщин-людоедок, косматых, словно кабаны, и с ослиными ногами, громадных муравьев, которые в состоянии утащить человека или лошадь, реку шириной в морской пролив, на переправу через которую уходит три дня, карликов, статую Сесонхосиса, которая не велит путникам идти дальше, гигантов, полностью

черных людей, людей шестиногих и шестируких, собакоголовых, громадных крабов. Несмотря на бегство проводников, тревогу солдат и миражи, обещающие прохладную сень деревьев, несмотря на змей, рыб и фантастических птиц, армия достигает Страны Мрака, заповедной шестиногими животными с тремя или шестью глазами. На морском берегу под скорлупой моллюска путники отыскивают жемчужины необычайной красоты, что внушает Александру желание спуститься на дно в стеклянной бочке. Кит выбрасывает его обратно на сушу. Одни чудеса сменяются другими, однако птицы побуждают Александра повернуть, поскольку смертному не позволено достигнуть земли Блаженных. Андрей, повар Александра, и дочь Александра превращаются в демона и Нереиду — за то, что в одиночку отведали воды из Источника жизни. Упряжка огромных птиц уносит Александра в воздух. Он встречает человекоподобное крылатое существо, которое велит ему быстро спуститься на землю. Поход завершается битвой с кентаврами. Но, возможно, вместо битвы было возведено укрепление для сдерживания Гога и Магога, этого символа языческих народов, объединившихся против народа Божия. В самом деле, такой эпизод фигурирует в конце различных иудейских версий книги. Как бы то ни было, под началом Александра, который и спускается под воду, и поднимается на небеса, который побеждает как чудовищ, заповедивших тьму, так и силы зла, снующие по земле, находится «войско, обладающее сверхчеловеческой мощью» (II, 34, 3). И он представляет силы, стоящие на службе блага. Он — орудие Бога. В X веке неаполитанский архипресвитер Лев перевел эту иудео-христианскую переработку «Истории подвигов Александра» на латинский. Перевод этот был включен в текст Юлия Валерия, уже искаженный и расширенный «Письмом Александра Аристотелю об индийских чудесах», «Перепиской Александра с Диндимом, царем

брахманов», «Путешествием в Рай» (талмудического происхождения рассказом V в., в котором повествуется о попытках Александра отыскать земной рай). Впрочем, иногда этот текст подвергался правке на основании более «историчных» текстов Квинта Курция, Юстина и Оросия (испанского священника начала V в.). В результате в XII веке на свет явился поразительный цикл «Жизнеописаний Александра», совокупность которых представляет собой то, что, собственно говоря, и называется «*Романом* об Александре», потому что вначале они были написаны на романском языке. Наиболее древний вариант, написанный восьмисложником, принадлежал Альберiku Безансонскому (ок. 1130). Около 1160 года в Пуату десятисложником была написана поэма, которая на протяжении 785 стихов повествовала о «детстве» и первых подвигах Александра вплоть до его победы над Николаем, вассалом Дария. Между 1170 и 1175 годами Ламбер ле Тор из Шатодёна взялся за ее продолжение.

Наконец, один клирик, уроженец Нормандии, Александр де Берне, чаще именуемый (по городу, давшему ему пристанище) Александром Парижским, собрал и переработал уже необычайно разросшийся материал биографического романа. Между 1180 и 1190 годами он сочинил «Александра», в котором насчитывалось около 16 тысяч двенадцатисложных стихов, которые сделались так знамениты, что в XV веке всем стихам такого размера было в конце концов дано название «александрийских». Здесь невозможно даже кратко обобщить содержание всей этой литературы, которую для удобства разделяют на четыре «ветви», а по сути четыре разные объемистые книги: детство; битвы при Кадре (Газа) и при Пре де Пай (Лагерь золотой и шелковой парчи); чудеса Востока у границ загробного мира; и, наконец, смерть Александра. Мы вновь встречаем здесь как то, что было нами сказано о

Буцефале, посещении Иерусалима, обследовании неба и моря, любви Кандаки и амазонок, чудесах, сопровождающих кончину царя, так и уроки духовности и рыцарства, любезности и целомудрия. В Александре, которого окружают 12 его пэров, мы находим идеал феодального сеньора и благочестия. Он являет собой образец отваги и великодушия, «источник щедрости и кладезь галантности» (IV ветвь, ст. 1152). Даже то, что он не христианин, не мешает ему достигнуть совершенства — ведь о нем говорится в Ветхом и Новом Завете и он похож на вернувшихся с Востока крестоносцев. Святой здесь подменил античного бога.

Воздействие этого стихотворного романа оказалось огромным. В литературном отношении он породил целый ряд возникавших по всему западному миру продолжений и переработок, а затем в XIII веке — прозаический «Роман об Александре». Его переводили, ему подражали, его сокращали или расширяли германские, англо-норманнские, нидерландские, испанские и прочие поэты на всем протяжении Средневековья; в Гронингене вышел объемистый сборник, составленный из десяти очерков, посвященных теме смерти Александра в литературе: «Alexander the Great in the Middle Ages» (под ред. Aerts, Hermans и Elizabeth Visser; Bouma, 1983). Вплоть до конца XVII века этот Александр в нравственном отношении оставался образцом короля-рыцаря для всей Европы, а во времена «прециозности»^[43] превратился уже в истинного героя романа, вздыхающего и несчастного.

В сфере изобразительного искусства Александр вдохновляет художников-миниатюристов, граверов, резцов по слоновой кости, которые любят изображать его посреди околдованных садов Востока, меж диковинных существ или в окружении женщин-цветов, о которых они грезят, либо спускающимся на морское дно в стеклянном колоколе, либо уносимым в небеса в

клетке, которую влекут грифоны. Позднее его изображали на обоях и гобеленах, на полотнах Возрождения и классической эпохи. Став ровней трем иудейским вителям — Иисусу Навину, Давиду и Иуде Маккавею и трем вителям христианским — Артуру, Карлу Великому и Годфриду Бульонскому, Александр даже появляется среди защитников религии, к примеру в кафедральных соборах Нима и Шалона, в клуатре церкви Сен-Пьер в Муассаке. Последним свидетельством его популярности явилось то, что начиная с XV века он вместе с Давидом, Карлом Великим и Артуром стал одним из четырех королей в возникшей из шахмат карточной колоде: Александр — это тот король, что с палицей, король треф.

Среди тысяч свидетельств этой беатификации, которая происходила с героем-рыцарем в романе и в искусстве, упомянем лишь меценатство папы Павла III, который получил при крещении имя Александр: во время своего понтификата (1534–1549) он отчеканил медали с изображением Завоевателя, преклоняющего колени перед первосвященником Яддуа в воротах Иерусалима, а кроме того, украсил Сала Паолина замка Святого Ангела в Риме античными произведениями искусства и стенными росписями, вдохновленными жизнью Александра.

Последний языческий бог

Посмотрим же, покинув Запад, какое влияние оказал труд Псевдо-Каллисфена на устную и письменную традицию Ближнего и Среднего Востока, существовавшую на территориях, некогда покоренных Александром. Псевдо-Каллисфена здесь усердно читали, пересказывали, переводили и дополняли. В Александрии V века н. э., где язычество и христианство приходят в смешение и взаимно воздействуют друг на друга, где и культурная публика, и толпа верят в чудеса, магию и астрологию, где дважды в год, 20 января и 7 апреля, продолжают чествовать Александра Великого, отыскан поэт Нонн, выходец из Верхнего Египта, из Панополиса (ныне Ахнум), который взялся последовательно переложить стихами как Евангелие от Иоанна, так и беллетризованную жизнь бога вина Диониса, Сына Зевса, благодетеля и спасителя человечества. 48 песен поэмы «Деяния Диониса» датируют приблизительно 450–470 годами, то есть они возникли примерно через столетие после того, как в поздней империи получили чрезвычайное распространение «Роман об Александре», подложное завещание Александра, «Книга о смерти Александра», его «Подорожная» и т. д. Я не утверждаю, что жизнь и деяния, приписываемые Ионном богу вина, — это не что иное, как описанные под другим именем подвиги обожествленного Александра. Однако между теми и другими имеются столь удивительные черты сходства, а последовательность их так согласуется с хронологией романа Псевдо-Каллисфена, что уместно задаться вопросом: не желал ли александриец V века превзойти своего земляка, который жил в III веке, и не скрывается

ли здесь, под пестрой вуалью мифологии, легенда об основателе Александрии?

Каковы бы ни были мотивы автора — литературные, религиозные, философские или политические, отдавал ли он предпочтение крови Диониса перед кровью Христа, сам материал громадной поэмы, по крайней мере тот, что заключен в первых 24 песнях, напоминает или развивает романтическую историю Завоевателя, этого Сына Зевса и нового воплощения Диониса. Первые пять песен прославляют земное семейство Бога. В шестой воспевается Загрей, аватарой^[44] которого является Дионис. Его чудесное рождение в результате союза земной женщины и Зевса, его отрочество, его мужская любовь к Ампелу занимают шесть следующих песен. Песни с XIII по XXIV проводят молодого бога и его армию от Фригии до Индии, следуя именно по тому пути, которым шел Александр — через Троаду, Малую Азию, Сирию, Ассирию, Аравию (имеются в виду арабиты, проживавшие в современном Пакистане) и до Гидаспа. В Индии Диониса поражает безумие, он терпит неудачу, но в конце концов побеждает Дериада и его армию. Триумфальное возвращение Диониса из Индии занимает восемь последних песен. По завершении своих наполненных чудесами и благодеяниями путешествий Дионис отведывает нектара и амвросии, предвещающих его апофеоз. Его финальное опьянение напоминает то, которое должно было возвести Македонянина, сына смертной Олимпиады и Зевса-Амона, в ранг олимпийцев. Эта энциклопедия научной мифологии представляет собой также и энциклопедию романтических историй, более или менее вдохновленных беллетризованной биографией Александра. В ней перед читателем предстает не Бог, ставший человеком, как в пересказе Евангелия от Иоанна, а полубог, который становится богом. Напомним также, что V век стал также веком

великих богословских конфликтов в Александрии, Антиохии и по всей Малой Азии.

Божественный вестник мусульман

Это также и век, в который на различные языки Ближнего Востока — коптский, эфиопский, арамейский, сирийский, армянский и, возможно, на арабский язык Хиджаза⁸⁸ — переводится, получая все большее распространение, приписываемая Каллисфену «Жизнь Александра». Мы видим, как ее использует в своих «Гомилиях» («Беседах») умерший в 521 году Иаков Серугский. «Жизнь Александра», которую сопряженными друг с другом путями религии и торговли переносили с места на место странствовавшие по Византийской империи и ее протекторатам народные сказители и литераторы, стала известна в Мекке и Медине от раввинов местных иудейских общин в эпоху, когда родился Мухаммед, то есть ок. 570 года⁸⁹. Потому и получилось, что 16 стихов XVIII суры Корана (что означает «Чтение») посвящены Александру под именем Зуль-Карнайна, «Двурогого»^[45]. Стоит взять на себя труд и процитировать его полностью, тем более что каждую пятницу во всех мусульманских мечетях этот вдохновенный текст читают верующие. А их на земле 600 миллионов!

В этой суре, которая называется «Аль-Кахф» («Пещера»), Мухаммед отвечает на четыре каверзных вопроса, которые были заданы, как утверждает традиция, раввинами из Медины: 1. Кто спит в глубине пещеры, чтобы проснуться лишь в конце времен? — Следует история Семи спящих в пещере ар-Ракима (Эфес?), аллегория истинно верующих, которые произносят исповедание веры (*ташаххуд*^[46]). 2. Кто же обладает источником жизни? — Ответ: тот из двух садовников, который, будучи бедным, подает пример богатому и неблагодарному гордецу, обнаруживая

перед ним свои добрые дела или подавая ему милостыню (*садака*). 3. Кто способен быть одновременно и больше, и меньше Моисея? — Ответ: тот, кто практикует пост (*саум*) и в то же время умеет молчать. 4. Кто, наконец, предпринял путешествие вокруг земли в ожидании Страшного суда? — Ответ: это защитник веры, тот, кто несет на все континенты свет истинной веры и чья молитва (*салаат*), или сообщение с Богом, поднимается из всех мест — с Востока, где, как полагает рассказчик, находится он сам, с Запада, от Ливана и с Севера, страны Гога и Магога. Мы также с легкостью узнаём в этих четырех ответах, проиллюстрированных таким же числом притч, четыре из пяти столпов ислама: исповедание веры, милостыню, пост и молитву, принимая во внимание, что пятый столп, паломничество, или хадж в Мекку, возник уже после смерти Мухаммеда (632 г., 10-й год хиджры). Персонаж, призванный служить иллюстрацией к четвертому ответу, — это «Двурогий», в виде которого на бесчисленных относящихся к IV веку до н. э. монетах изображался вначале бог Амон, а затем Александр, ставший его божественным посланцем. В сирийской легенде VI века н. э. Искандер говорит своему небесному отцу: «Я знаю, ты вырастил рога на моей голове, чтоб я мог сокрушить царства мира», а Коран дает этому следующее истолкование: он был послан, чтобы сразить неправедных и защитить праведных. Вся сура завершается напоминанием о судьбе, которая ждет нечестивцев, а также о той, которую Бог уготовил покорным (*муслим*) его заветам⁹⁰.

83. Они спрашивают о Зуль-Карнайне. Скажи: «Я поведаю вам о нем».

84. Мы укрепили его на земле и сровняли перед ним все препятствия.

85. И пошел он своим путем.

86. А когда он дошел до заката солнца, то увидел, что солнце исчезает в кипящем источнике, и нашел около него племя. Мы сказали ему: «О Зуль-Карнайн, тебе решать: либо наказать их, либо проявить к ним милосердие».

87. Он сказал: «Я накажу несправедливого, а потом он возвратится к своему Господу, и тот накажет его еще.

88. А что до верующего, до человека благого, ему достанется наилучшая награда, и те повеления, которые мы ему дадим, окажутся для него легки».

89. И пошел он другим путем.

90. И когда дошел он до восхода солнца, то увидел, что оно восходит над людьми, которым Мы не дали никакой одежды.

91. Так это было, и Мы уже объяли своим знанием все то пространство, которым он овладел.

92. И пошел он еще другим путем.

93. А когда он достиг земли между двух гор, которые загораживали горизонт, он нашел у их подножия народ, который едва мог его понять.

94. Они сказали ему: «О Зуль-Карнайн, ведь Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог) распространяют по земле нестроение. Не желаешь ли ты, чтобы мы платили тебе подать, а ты бы возвел между нами и ними плотину?»

95. Зуль-Карнайн сказал: «То, чем наделил меня мой Господь, лучше. Помогайте же мне с усердием, и я устрою преграду их потоку.

96. Несите мне куски железа, пока не заполнится все пространство между горами». Затем он сказал им: «Раздувайте, пока железо не станет огненной массой!» А потом он им сказал: «Принесите мне медь, я полью ею сверху».

97. Йаджудж и Маджудж не могли ни взобраться на стену, ни пробить ее.

98. Он сказал: «Это все по милости моего Господа. А когда настанет время наступления обетования моего Господа, он снесет эту стену. То, что обещает мой Господь, он неизменно исполняет».

Такое послание невозможно оставить без комментария. Прежде всего следует допустить, что Зуль-Карнайн, «Двурогий», — это не первый попавшийся шумерский, вавилонский, египетский или критский бог, наделенный двумя рогами как знаками могущества и славы, и точно так же это не Моисей, изображавшийся с двумя рогами как до статуи работы Микеланджело, так и после нее. Скорее это тот, кого на пространстве от Средиземноморья до Тихого океана наиболее достоверная традиция называет Искандером, Скандером или Искеддером, то есть Александром Великим. Однако здесь он изображается не в качестве исторического персонажа, ни даже как пророк, *нави*, но как некоего рода божественный вестник, ангел или архангел божественной справедливости, всемогущий посланец Бога вроде Михаила или Гавриила, во всяком случае существо сверхчеловеческое, вневременное и почти внепространственное, поскольку он достигает границ здешнего мира и мира потустороннего и там действует. Он — тот, кто готовит Страшный суд, отделяя людей благочестивых от неблагочестивых, праведных от неправедных, покорных от непокорных, тот, чье слово — в одно и то же время закон и молитва. Он — пламенная палица Бога перед источником огня, который ожидает осужденных, или перед раскаленным бастионом веры, который защищает верующих. Зуль-Карнайн — это по преимуществу царь — поборник справедливости. Мухаммед отвечает иудеям, христианам, язычникам, которые спрашивают его о величайшем царе мира, что это — защитник веры. Поэтому впечатление, которое сохранил об Александре Восток в целом, — это не столько образ великого завоевателя, сколько тот

всецело мистический образ человека Божия, который, как буквально говорится в Коране, «следует по нити», ведущей на небеса.

Из всей относящейся к Александру устной традиции, из пересказа текста Псевдо-Каллисфена, возможно, исполнявшегося под звуки ребаба, Мухаммед пожелал оставить лишь несколько фактов. В момент, когда он приступает к своему рассказу, Арабайа, то есть вся Сирия и прилегающий Аравийский полуостров, который тянется на юго-восток, так сказать, «степь», считалась покоренной: добрые были здесь отделены от злых, верующие от неверующих, верные от неверных. История начинается именно с того места, где Македонянин рассчитывал ее завершить. Место действия располагается к югу от обитаемой земли, и, если выражаться в терминах александрийской биографии, все происходит после разгрома Дария при Иссе. «Мы сравнивали перед ним все препятствия», — говорит Бог. Это значит, что здесь Коран следует еврейскому переводу «Романа об Александре», который был обработан и дополнен неким сирийским переводчиком. Ибо сразу после помазания первосвященником в Иерусалиме и поклонения единому Богу иудеев Александр поворачивает на запад, пересекает Египет и, после многих приключений, достигает Страны Тьмы на берегу западного моря.

От всего этого похода, который подвел великого путешественника совсем близко к источнику вечной жизни, отдалил его от Страны блаженных и позволил ему лишь наказать собственную дочь и неверного Андрея, Мухаммед оставил только закат солнца, кипящий источник и наказание, которое предшествует вечной каре: это уже взгляд с эсхатологической точки зрения, а не рассказ о неудачном посвящении. Из приключений с Пором в Индии и у брахманов или гимнософистов Коран упоминает лишь о встрече с

существами «без покрывала, чтобы себя защитить», что можно толковать двояко. Во-первых, можно думать, что Александр повстречал на Дальнем Востоке такое дикое племя, что оно вело звериную жизнь и понятия не имело о том, чтобы одеваться или хотя бы укрываться под пологом шатра. Во-вторых, возможно и такое предположение, что Александр встретился с совершенно нагими философами, мудростью которых измерил собственное знание. Таинственный стих⁹¹ понуждает принять второй вариант. Лишь Бог обладает всеобщим знанием, Он ведает добро и зло, истину и ложь, общее и частное. Историческая дискуссия между Александром и Каланой с Дандамидом или между Александром и десятью мудрецами из царства Самбху, при которой мы присутствовали, превращается в не однажды повторенное утверждение, что божественное Провидение существует.

Что касается истории Гога и Магога, завершающей еврейский и сирийский переводы «Романа об Александре», она также приобретает в Коране символическое значение. Эти два имени традиционно, по крайней мере со времени видений пророка Иезекииля в VI веке до н. э., обозначали варварские, дикие и кровожадные народы крайнего севера Малой Азии, скифов и амазонок по другую сторону Кавказа (*Иез.* 38–39). В сирийской легенде Александр велит своим кузнецам возвести бронзовую стену, чтобы удержать дикарей в их краях и помешать им уничтожить цивилизованные народы. На память невольно приходит огромный вал, действительно возведенный Александром на Гургане^[47], чтобы перекрыть путь кочевникам Туркменистана, стена, которую еще и до сих пор называют в Гюмюшане Садд-э-Искендер, или Плотиной Александра. Только речь в Коране идет о символической плотине. Она сдерживает силы Зла вплоть до дня Страшного суда. Тогда, как говорится в стихе 96 XXI

суры, «Йаджудж и Маджудж высвободятся и устремятся с каждой высоты». Это будет день, в который осуществится обещание наказать злодеев и вознаградить добрых людей. Александр, Божий кузнец, является мастером вечной справедливости.

XVIII сура, именуемая «Пещерой», использует «Роман об Александре» в назидательных целях. Деятельность, жизнь и пример Александра были призваны приумножить рвение верных. Как и следует истинно верующему, Александр последовательно существовал на четырех уровнях бытия: он был всецело покорен воле Божией, уповал на Его справедливость, был укреплен Его мудростью и боролся за веру. Приключения Александра, Божьего человека, относятся к духовному плану. Все его войны всегда являлись священными, они были тотальным противостоянием, *джихадом*.

От Аравии до Явы

Такое воззрение на историю, столь далекое от наших западных, рационалистических и морализаторских представлений, предполагает также и совершенно иную динамику. Сам символизм Александра, его мистицизм воссоединяются, после тысячи лет сомнений, с рвением, одушевлявшим его друзей или тех, кто был неизменно ему предан. Они-то и явились зачинателями его обожествления. Дары Фортуны, харизматические свойства, которые приписывали Александру его товарищи и победоносные солдаты, оказываются уточненными и преувеличенными в созданной вокруг него восточной легенде, и поскольку эта легенда, если понимать это слово буквально, есть то, что о нем говорится, естественно, что из стран, в которых он побывал, она перенеслась в те страны, где о нем только слышали, что она передается из поколения в поколение, перемещается из телесного мира в мир духовный. Вечно живыми остаются лишь возлюбленные мертвецы. Необычайна судьба этого Царя царей, могучего и блистающего, словно архангел небесный, о котором миллионы и миллионы людей пожелали запомнить — и помнят до сих пор — лишь то, что он совершил молниеносный поход на юг, посетил к западу от Египта оазис с кипучими водами (Сива), встретился с индусскими мудрецами и возвел на востоке металлическую преграду против скифов и амазонок, Йаджудж и Маджудж! Есть и такие, кто, увлекшись символизмом, доходят до того, что приводят эти четыре эпизода в соответствие с четырьмя стихиями: «Мы укрепили его на земле...; он увидел, что солнце исчезает в источнике...; раздувайте; ...огненная масса», рискуя тем, что Александра в таком случае невозможно

отличить от какого-то гностического демиурга или самого Творца.

Следует допустить, что подобно тому, как у римлян существовали в отношении Александра две традиции — очернения и превозношения, а также причисления, вслед за императорами, к небожителям, — также и персы, и пришедшие им на смену парфяне, и иранцы вовсе не были единодушны в воспевании преемника Дария. Автор вступления к «Арта вираф намак», то есть «Истинной книге закона», написанной в расцвет Сасанидской империи (VI в. н. э.), когда пожар Персеполя еще не был забыт, выражается так: «Окаянный и проклятый Ариман (или Дух зла), дабы лишить людей веры и уважения к закону, побудил окаянного Искандера, грека, явиться в Иран и принести сюда порабощение, войну и грабежи. Он пришел и предал смерти наместников иранских провинций. Он разграбил и разрушил Врата Царей (Баба-и-Хутайх), столицу. Закон, написанный золотыми буквами на бычьих шкурах, хранился в столичной крепости для рукописей. Но жестокий Ариман подтолкнул злодейского Искандера, и он сжег книги Закона. Он погубил мудрецов, законников и ученых иранского края. Он посеял ненависть и раздоры среди вельмож, пока сам он, сломленный, не был низвергнут в преисподнюю»⁹¹.

Само представление об Александре как об эманации, зоне или персональном воплощении Зла — свидетельство его обожествления. Его не столько порицают за уничтожение одной из четырех столиц империи, сколько за то, что он подменил своей волей вечный порядок верховного бога Ахурамазды. В 1470 году Мирхонд, автор «Сада чистоты», осуждал Александра за то, что он сжег книгу Заратуштры, предал смерти магов и отослал персидских ученых умирать в Грецию. Еще в 1970 году мне довелось слышать, как образованные иранцы в Тегеране называли

Александра «Малым». Немного позже, в 2500-ю годовщину восшествия на престол Дария Великого, мне напомнили, что его дворец, самый большой и роскошный в мире, был сожжен по приказу македонского варвара и афинской шлюхи.

После того как в 652 году в Иране был принят ислам, образ мыслей поэтов, историков и географов переменялся, прежде всего потому, что, во-первых, христиане-монофизиты, а во-вторых, чтецы Корана испытывали к Александру симпатию. Говорилось, что он преклонил колени в Иерусалиме, Святом городе, и объявил жрецам: «Идите с миром. Вы жрецы истинного Бога, и ваш Бог будет моим». Так он стал государем с Двумя Рогами, к которому пытались возвести свое происхождение различные местные династии. В конце X века Фирдоуси в своей знаменитой «Шахнаме», то есть «Книге царей», делает из Александра сына Дария и дочери Филиппа. Другой сын Дария требует у Александра, ставшего царем Македонии, дань, которую некогда пообещал выплатить его дед. Александр отказывает ему и вторгается в Персию, после чего действует так, как в романе Псевдо-Каллисфена. Около 1180 года Низами в своей «Искандернамэ» прибавляет к мистицизму Александра все то, что было ему навеяно XVIII сурой Корана. Двумя столетиями позже Джами пишет «Книгу мудрости (*хирад*) Александра», следуя рассказам и письмам, устанавливавшим связь Александра с брахманами. В начале XIV века «историк» Новаири на свой манер повествует о том, как Александр, женившись на Рушенк, дочери Дария, заключает мир с царем Индии и через Тибет отправляется в Китай. После обмена посланиями царь Индии посылает ему дочь необычайной красоты, философа, способного ответить на все вопросы, врача, который может исцелить все болезни, кроме смертельного удара, чашу, которая никогда не иссякает и быстро утоляет жажду. Духовные

и нравственные вопросы интересуют нашего набожного государя куда больше, чем стратегия и администрирование. Когда он умирает, философы прославляют его добродетели. «Энциклопедия» Новаири представляет собой переработку апокрифических сирийских и византийских рассказов, вдохновлявшихся «Романом об Александре». Однако, следуя торговыми и дипломатическими путями, а также при посредстве религиозного миссионерства, они были занесены даже в Монголию. Так, среди 24 переводов «Жизни и достославных деяний Александра» на 24 языка имеется и перевод на монгольский.

Между тем как арабы превращают Александра в набожного мусульманина, отправившегося в паломничество в Каабу, государи Грузии, Армении, Туркестана (античной Согдианы), Афганистана гордились своим происхождением от Александра. Он основал в Азии шесть Александрий: в Бергаме, Термезе, Ходженте, в Суккуре или рядом с ним, возле устья Порали и Абадана. Традиция, которая приписывала ему основание 12, 24, даже 70 городов, распространила его легенду едва ли не по всем уголкам древней Персидской империи. Его непосредственные преемники, Антиох и Селевк, давали имя Александра населенным пунктам, которые они укрепляли или пытались колонизовать, дабы обеспечить сохранность империи.

Получилось так, что вплоть до наших дней Искендерун (Александретта) в Турции, Мухаммарах в Ираке, Мары (Мерв) в Туркменистане, Хану и Хормудж в Иране, Уч и Карачи в Пакистане притязают на то, что были основаны лично Александром. Их обитатели благочестиво поддерживают легенду о царе — поборнике справедливости, защитнике и спасителе человечества, объединителе империи, даже если он всего лишь проехал на коне через их поселение, существовавшее задолго до его появления на свет.

Вдоль всего течения Амударьи и Вахта, античного Окса, местные жители говорят о курганах, крепостях, стенах, проходах Искандера. В Дербенте они показывают место рождения Роксаны или Рошаны, его супруги. В Килифе, в 70 километрах на северо-запад от Бактр (Балха) арабские средневековые географы помещали Рабат Зуль-Карнайн, то есть цитадель Александра, свидетельницу его проезда из Бактрии в Согдиану весной 329 года. Современные гиды в Таджикистане и Узбекистане не преминут рассказать туристам со всего света о подвигах и злодеяниях Александра во время его походов в Согдиану и указать на некоторые следы его перехода от Ташкента к Самарканду по долине Зеравшана. Они подчеркивают, что за лето 328 года Александр потерял более двух тысяч человек (*Арриан*, IV, 6, 2; *Курций Руф*, VII, 7, 39). Город Маргилан в Ферганской области претендует на то, что сохранил один штандарт Александра, здесь даже показывают его гробницу. В долине Кунара (в античности Эваспл) к северо-востоку от Джелалабада живут голубоглазые люди, которые «происходят от Александра». В Манкиале, в нескольких километрах от Таксилы в Пакистане, где армия зимовала в 327/26 году, туземцы верят, что под ступой посреди равнины Александр самолично похоронил своего коня Буцефала. Они даже продолжают называть этим именем своих лошадей. Близ священного города Тата, где, как утверждают, был прекращен великий поход на Восток, обычно говорят об Искеддере Сиаме, Александре Великом⁹². Но и гораздо дальше, в долине Ганга, по которой Александр не проходил и где около 280 года оказался лишь Мегасфен, фольклор продолжает поминать Завоевателя, делая из него противника царя Чандрагупты или просто играя в шахматы, то есть в игру *шаха*, либо в карты, то есть в игру *наиб*, заместителя Александра. В Иране, Афганистане и Пакистане у меня было немало друзей,

которые рассказывали мне во всех подробностях подвиги этого поразительного и вдохновенного человека, причем следуя не только Корану и беллетризованной биографии Александра, приписываемой Каллисфену и переведенной на хинди, но и местной традиции и урокам своих учителей.

История Искандара Зуль-Карнайна, покорителя мира и проводника света истинной религии, в XV веке проникла вместе с исламом на Яву и получила в XVI и XVII веках распространение на малайском, яванском и буджийском языках. В малайской версии, которую изучал в 1937 году Ван Леувен⁹³, поначалу в эпическом стиле повествуется о победах Александра. Андал-Кандавл смешивается здесь с Андалом, другим характерным для Суматры именем. Далее автор-переводчик показывает своего героя в поисках источника вечности. Эти философские изыскания побуждают его погрузиться на океанское дно в своего рода колоколе и обследовать потусторонний мир. К личности Александра возведено происхождение династии малайских государей. В районе Палембанга можно поклониться гробнице Александра у подножия горы Сигунтанг. Малайский Искандар не является, подобно Вишну или Бхиме, богом, который спускается на землю, а потом исчезает и рождается вновь преображенным; нет, он — таинственный культурный герой, который вообще никогда не умирает!

Священное тело Александра

Очевидно, именно таковы были представления, возникшие вокруг подлинной гробницы Александра в Александрии в Египте⁹⁴. Мы уже видели, что Птолемей поместил мумифицированное тело преемника Нектанеба, последнего фараона, как настоящий талисман, в маленьком храме с колоннами на восточной оконечности агоры и учредил ему как герою жертвоприношения, а также игры. Мумия, которую заботливо забальзамировали египетские специалисты в Вавилоне в 323 году, находилась в золотом саркофаге, покрытом расшитым кавалерийским плащом. Саркофаг открывался взору посетителя в полутьме гипогейона, он стоял изголовьем в сторону заката, в направлении оазиса бога Амона, отца Александра. Специальная коллегия поддерживала его культ, и старший его жрец был эпонимом, то есть его имя служило для датировки некоторых официальных актов, в частности контрактов. Это духовенство жило не только за счет подношений и жертвоприношений, но и доходов с поместий, благочестивых фондов и т. д. Культ был тройственным, то есть люди обращались к Александру как к человеку, герою или богу, новому Дионису. В январе его чествовали как основателя Александрии, в июне отмечали дату его смерти, в сентябре или в начале октября — день рождения, а в ноябре и апреле он почитался как бог винограда, вначале принесенный в жертву, а затем воскресший. Грандиозные триумфальные cortege, организованные Птолемеем II около 270 года, связывали Александра с Птолемеями, как основателя династии, и двор доходил до того, что вполне серьезно утверждал, что Лагиды принадлежат к царскому роду Аргеадов. Толпа, которой предлагались

все эти празднества и игры, вполне была готова в это верить.

Должно быть, между 221 и 210 годами Птолемей IV возвел, также в центре Александрии, общий мавзолей «для Александра и Птолемеев, своих предков, когда умерла его мать Береника» (*Зенобий* «Пословицы», III, 94), что позволяет думать, что дорическая часовня, служившая гробницей (σῆμα) для (σῶμα) Александра, была расширена и углублена. Возможно, именно по этому случаю золотой саркофаг был заменен полупрозрачным алебастровым гробом (*Страбон*, XVII, 1, 8) — для того, чтобы дать возможность толпе лицезреть почившего бога. Цезарь и его внучатый племянник и наследник Октавиан, будущий Август, явились сюда — первыми в длинном ряду императоров, — чтобы поразмышлять перед этим вечно юным лицом, обратиться к нему свои молитвы и пожелания. Позднее гроб был уже из стекла, и люди продолжали проходить перед ним нескончаемой вереницей — даже в эпоху, когда окончательно победило христианство. Последнее несомненное свидетельство относительно мумии Александра на восточной оконечности александрийской агоры относится к концу IV века, когда Феодосии I, называемый Великим, закрыл языческие святилища. Однако еще до V века представители средних классов империи подносили друг другу медальоны-амулеты или обереги в виде медалей с ободком, на которых был изображен Александр. На последних это изображение сопровождалось надписью «Filius Dei» (Сын Бога).

Мы не можем утверждать, что арабы, обычно проявлявшие уважение к *турбам* и *марабутам*, то есть почитаемым местным гробницам, и в особенности чтившие Зуль-Карнайна, могли разрушить гипогей, в котором покоились останки Александра и Птолемеев. Должно быть, гробница оказалась заваленной руинами древнего мавзолея, когда в 640 году халиф Омар

овладел городом. Вплоть до XVI века благочестивые мусульмане являлись поклониться месту, где прежде находилась гробница пророка и царя Искандера, орудия божественной воли. Над ним была возведена небольшая мечеть, называемая Зуль-Карнайн (мечеть Двурогого), а по соседству или прямо на этом месте в XVIII веке была построена мечеть Наби Даниила, легендарного основателя арабской Александрии.

Затем, вплоть до середины XIX века, когда западные музеи начали приобретать, коллекционировать и изучать египетские мумии, мы не располагали никакими известиями о гробнице Александра. В 1886 году Махмуд эль-Фалаки опубликовал свои изыскания по топографии древней Александрии. Всего им было разыскано 15 километров городских стен эпохи Птолемеев, когда город имел форму расстеленного плаща (трапеция в 5340 м в длину и от 1250 до 1425 м в высоту), а также две главные городские магистрали шириной в 29 метров, которые пересекались к северо-востоку от холма Пана — не посреди города, а в котловине дальше на восток. Канопская улица, которая проходила с запада на восток, шла вдоль Месопедия, или большой площади, окаймленной общественными зданиями. На восточном краю этой площади и покоился Александр. Мы вряд ли ошибемся, если станем искать его мавзолей к северо-востоку от форта Ком-эль-Дик на проспекте Эль-Хурийа, недалеко от железнодорожного вокзала, с которого поезда отправляются в Каир. Начиная с 1850 года в пещерах и в глубине фундаментов соседних домов были предприняты бесчисленные раскопки, показавшие местоположение не поддающихся датировке стен. Иногда туристов приводят в подвал с галереей, которая завершается тупиком, и рассказывают, что внизу, сзади или сбоку покоится нетленное тело великого Александра.

Однако нетерпение посетителей галереи не идет ни в какое сравнение с тем, что испытывают археологи всех стран мира. Это явно свидетельствует о том, что этому бессмертному и в наше время все еще подвластны умы и сердца. И можно сколько угодно твердить, что торжествующее христианство искоренило здесь идолопоклонство и что в этой уже тысячекратно перерытой почве нет надежды отыскать хотя бы малейшую частичку утраченной гробницы: мусульмане, копты, православные и агностики — все желают верить и надеяться. И не вздумайте даже заикнуться в этих местах, подобно Сенеке, Лукану или Лукиану Самосатскому, что Александр был жалким скотом, тираном или лжецом. Пожелав прикоснуться к идолу, вы обожжете себе пальцы!

Напомним мимоходом, что именно в Александрии найдено и на месте ее все еще продолжают находить больше всего статуй, медальонов или барельефов, изображающих священный лик легендарного человека, этот идеальный образ красоты, молодости и разума. Александр остается для своих обожателей вечно живым Гением — более, чем Адонис («Мой Господин») и Антиной, прекрасный обожествленный возлюбленный. Люди все еще отправляются в паломничество к тому месту, где он покоем, — в расчете на то, что он проснется. Сколько раз в Александрии и в других местах у меня спрашивали: «Вы знаете, где погребено тело Александра?» Как будто речь шла об одном из Семи спящих, столь дорогих как христианам, так и мусульманам!

Не преминули обратиться и к ясновидящим. Прочтите вторую главу одного из последних произведений Андре Мальро, которое называется «Проезжие гости» (1975). Вместе с управляющим музеями Франции он посетил в Париже даму, которая происходит от последнего султана, — чтобы

посоветоваться с ней относительно старинного клочка полотна, покрытого странными пятнами. И мало-помалу из небытия обозначились перипетии, через которые прошел Завоеватель, его последние часы, его смерть. В одном видении Мальро вызывает юного и задорного Александра, Буцефала, эпические битвы, проходящих перед умолкнувшим героем солдат в простых хитонах. При анализе выяснилось, что кусок материи пропитан кровью. Когда навели справки у продавца, оказалось, что речь действительно идет о реликвии и происходит этот клочок материи из места, где подверглось бальзамированию священное тело...

Пусть грезит тот, кто может и у кого имеется к тому охота. Что дал лично мне этот неверующий — и в то же самое время одержимый и ясновидящий — человек, который однажды, в 1977 году^[48], изложил пораженным телезрителям свои соображения по поводу метапсихических явлений, так это то, что можно иметь светлую голову и верить в вечное присутствие Александра, в красноречивость его реликвий и его нематериальной души. Но, как говорит Паскаль: «Ты не станешь меня искать, если уже не нашел меня». И, быть может, лучше полагать, как Мальро, что Александр — это живой Гений, чем верить, подобно некоторым средневековым теологам, прежде всего немецким — таким, как Бертольд из Регенсбурга, Готфрид из Адмонта и Рупрехт из Дёйца, — что Александр был воплощением Дьявола, олицетворением Гордыни. Вера в это достаточно распространена в христианстве, так что оно вдохновило авторов мозаик в соборах Отранто, Трани и Таранто, скульпторов церквей в Нарни, Фиденце, Ремагене, Базеле, Фрайбурге-на-Брайсгау: кое-кто так и не простил Александру то, что он сравнивал себя с Богом или, как повествуется в романской литературе, то, что он попытался подняться до небес на колеснице, в клетке или в простой корзине,

привязанной к двум грифонам. Но, пожалуй, не следует сосредоточиваться на столь отрицательном представлении об Александре, этом идоле идолопоклонников; скажем лишь, что на протяжении по меньшей мере восемнадцати веков люди не столько стремятся видеть в нем искуителя или зло, сколько образ таинственного Царя Вселенной, который завоевал землю лишь затем, чтобы ее спасти.

Глава VI

СИМВОЛ

Вот еще одна, уже шестая по счету попытка объяснить феномен Александра. После хронологии, психологии, агиографии, морали и, наконец, фольклора дадим слово социологии, которая стремится к взгляду столь же научному, сколь критическому. Объектом ее исследования не являются ни действие, ни деятель, ни герой, ни две его противоположности — антигерой и бог. Объект ее исследования преимущественно социально-политический: какую, собственно, силу представлял индивидуум в данной эпохе и в данной среде?

При том, что ответов может быть бесконечно много, скажем, что Александр стал символом, то есть, выражаясь буквально, неким собранием, обобщением, совокупностью напряжений и возможностей. Для людей Нового времени на протяжении почти двух веков он символизирует нечто иное, нежели просто человек и его деяние: он кажется символом всего мира. Он является точкой завершения бесчисленных причин, равнодействующей, простым итогом. А во времена, когда заниматься наукой означает составлять формулы, включать исследуемый объект в структуру, в механизм, в память — образ, которому были привержены древние, оказывается отдаленным, если угодно, вещью в себе или сведенным к своему пьедесталу и снабженным, как и положено, краткой надписью или двумя датами. И уж во всяком случае столь же зависимым, сколь и относительным.

Завоевание Балкан, Египта и Передней Азии, вызывавшее столько восхищения на протяжении 2300 лет, становится тогда свершением: 1) Филиппа,

сделавшего его возможным; 2) армии, победившей стихии и людей; 3) инженеров; 4) коммерсантов и финансистов; 5) военно-морского флота, открывшего дорогу прочим. Та властная воля или то страстное честолюбие, которые приписывались юному царю, оказываются жестко определенными указаниями родителей и воспитателей, советников и прорицателей. А сам он — одурманенным и погубленным тем вином, которое поглощал. Разве не естественно будет тогда найти для Александра одно-единственное, сведенное к простому уравнению слово: завоеватель, герой, царь, тиран, пагуба, пьяница?

Встанем же на точку зрения, которая открылась после выхода в свет в 1775 году труда барона Сен-Круа «Критический разбор античных историков Александра Великого», второе издание которого (1804) связало различные образы Александра с разными историческими периодами. Чем больше изучаешь античные или восточные источники в связи с биографией Александра, тем чаще приходишь к выводу, что создаваемый ими образ был всего лишь его отражением или абрисом. Всякий автор был волен истолковывать его жизнь и деяния по-своему. Историки нашего времени, которые безоговорочно отвергают легенды и сомневаются в существовании некоей объективной истины, оказываются ниспровергателями, лишая Александра яркой индивидуальности. Попытаемся же следовать их логике, даже если она полностью уничтожит человека и его творение.

Завоевания — заслуга Филиппа

Современные историки едины во мнении относительно того, что является в полном смысле порождением исторической беллетристики: если бы Филипп II Македонский⁹⁵, глава августейшего рода Аргеадов, не преобразовал неоднородную совокупность племен, покоренных его предшественниками или присоединенных им самим, в монолитное государство, если бы он не сделал своими вассалами иллирийцев, фракийцев, пеонийцев, фессалийцев, которые угрожали его границам, а своими союзниками — столь ревностно пекшиеся о своей независимости греческие города, если бы он не подготовил весь Балканский полуостров в военном и дипломатическом отношении к войне против колоссальной азиатской империи, его сын, несмотря на всю свою порывистость и честолюбие, никогда бы не смог завоевать государство, в сто раз более крупное и богатое, чем его собственное. Назначением главнокомандующим греческими и македонскими силами для ведения войны против Персидской империи он был обязан исключительно отцу, который, победив греков в двух Священных войнах, созвал в Коринфе в 337 году первый общегреческий конгресс и принудил признать себя главнокомандующим. Это опять-таки именно Филиппу в самый год смерти удалось создать в Малой Азии надежный плацдарм, без которого Александр ни за что бы не смог двумя годами позже пересечь Дарданеллы.

Вне всякого сомнения, когда Филиппа не стало, Греция далеко не была покорной, союзные вожди во Фракии и Иллирии и вовсе отличались надежностью, а македонян никак нельзя было назвать сплоченными. Царь, который обязан властью исключительно доверию и

одобрительным возгласам солдат, должен побеждать, справедливо распределять плоды завоеваний, прибегать к дипломатии, щедрости и авторитету. Положение царя наиболее щекотливо среди его соперников — глав конкурирующих родов, а также врагов. Выдающимся достоинством Филиппа явилось то, что он смог укрепить свои позиции на уровне организации, финансов и на уровне армии. С точки зрения древних историков, македоняне, или «народ высокогорья», занимали и контролировали в конце IV века до н. э. образованную горами, холмами и заболоченными равнинами область, которая тянулась от озера Преспы, границы современной Албании на западе, до реки Нест напротив острова Фасос на востоке, и от горы Бабуна (между современными Скопье и Прилепом) на севере до вытянутых в южном направлении выступов полуострова Халкидика на юге. Пригодной для сельскохозяйственной обработки земли здесь было всего около двух тысяч квадратных километров. Македония образована четырьмя древними племенами, которые кочевали со стадами от долины Галиакмона (совр. Альякмон) до склонов Пинда и Олимпа: линкестами, или «народом рыси», на севере (вокруг современной Флорины), орестиями, или «народом гор», на западе (вокруг античного Аргоса, в нынешней области Войон), элимиями, или «племенем проса», на юге (близ Козани, а затем Гревены), эмафиями, или «племенем песка», на юго-востоке (около современной Верии, в античности — Береи).

С 650 по 410 год к этим четырем районам примитивного пастбищного скотоводства были присоединены еще четыре. То были главным образом продолжения равнин, озер, болот, морских берегов к западу от Аксия (ныне Вардар), область пастбищ, но также и возделывания культур, через которую горцы пришли в соприкосновение с торговлей и ремесленными

занятиями Эгейского региона: Пиерия, или «тучная земля», к востоку от Олимпа, которую отвоевали у фессалийцев; Эордайя либо Эордия, или «восточная область», вокруг озера Острово (Вегоритис) и равнины Саригол, близ Эдессы и Науссы, где Аристотель преподавал во времена юности Александра; Боттиэя или Боттия на востоке, в Нижней Македонии, вокруг озера Лидиада; Алмопия на северо-востоке, у подножия хребта Барнунт и вдоль течения Аксия, от места его вступления в современную Грецию и до Гумениссы. Низменная местность была хороша тем, что люди с холма, на котором располагалась Пелла, могли беспрепятственно общаться с морем.

Начиная с царствования Архелая I в конце V века до н. э., крестьяне прорывали здесь каналы и спускали застойные воды, проводили вокруг своей новой столицы проезжие дороги. В первой половине IV века к этим восьми областям или княжествам Верхней и Нижней Македонии были присоединены еще шесть покоренных областей: полоса древней Пеонии по правому берегу Аксия; Пелагония, или «равнина» совсем на севере, в бассейне Эригона (ныне Црна-река); Крестония вокруг Килкиса; Бисалтия близ озер Корония и Волви; Мигдония между Аксием и Стримоном; Крусида на западном берегу Халкидики. Филипп завладел греческими городами и факториями на Халкидике и всей территорией эдонов и бистонов во Фракии, между Стримоном и Нестом, а близ Датона, к северо-востоку от горы Пангей он чуть позже 356 года основал селение Филиппы, чтобы накапливать здесь золото и серебро Пангея. Когда Филиппа не стало, в Македонии насчитывалось шесть новых округов.

Наши сведения об устройстве этой страны со столь разнообразным населением, языками, режимами землепользования, обычаями (от кочевничества до оседлости) отличаются крайней скудостью.

Представляется, что политические структуры здесь, как правило, оказывались тесно переплетенными с классовыми и что, по крайней мере в самых древних областях, власть принадлежала знати, которая разводила лошадей и занималась исключительно выездкой, а также охотой и войной и обитала в своих укрепленных жилищах лишь в период демобилизации. Мелким сельским арендаторам они предоставляли заботу об обширных владениях господ или сеньоров, «тагов» (ταῦός означает буквально «кто повелевает»). Из последних, главным образом, и формировались кадры армии и эскадроны тяжелой кавалерии. Другие урожденные македоняне, разделенные по родам, племенам и округам — крестьяне, скотоводы, лесорубы, но также и свободные ремесленники редких поселков, — служили в пехоте или легкой кавалерии и отправлялись основывать новые города. Рабы, то есть обращенные в собственность несчастные из числа покоренных народов или военнопленные, представляли собой рабочую силу, необходимую царской администрации для возделывания земель, поддержания каналов и дорог, разработки полезных ископаемых и возведения укреплений. Фракийские или пеонийские пастухи-кочевники в недавно присоединенных горных областях могли создавать проблемы своими восстаниями, а также вторжениями на возделанные арендуемые земли.

Возникает впечатление, что Филипп располагал достаточной гибкостью и энергией для того, чтобы назначить в каждой из двенадцати новоприобретенных областей, наряду с тагами (ταγοί), или главами родов, и «пелигонами» (πελιγόνες), или старейшинами племен, — военных наместников, «стратегов» (στρατηγοί на дорическом диалекте), и управляющих финансами, «скойдов» (σκοῖδοι), которым было поручено наблюдать за исполнением царских приказов и претворением в жизнь постановлений царя. Кроме того, Филипп довел

число своих доверенных лиц, тех, кого он называл гетайрами (ἑταῖροι), то есть истинными товарищами или друзьями царя, до 800 человек. Это были люди со всех концов света, происходившие из каких угодно слоев общества, однако, как пишет историк Феопомп («Филиппова история». Кн. XLIX), они не были отягощены никакими нравственными принципами и предрассудками: это были первопроходцы, люди действия, крутые в обращении, которым можно поручать самые щекотливые и опасные дела. Царь назначал из их числа своих охранников, советников, канцлера и казначея, который был одновременно также министром финансов и заведовал поступлениями от рудников, поместий, таможен и податей, имея в своем распоряжении не особенно многочисленный штат чиновников и секретарей. Наконец, поскольку Македония жила в состоянии постоянной войны, продолжавшейся с весны до осени, Филипп отдал под контроль военных наместников в каждом округе обширную систему баз, мастерских, складов и арсеналов, снабженных запасами провианта, обмундирования, оружия и припасов.

Это устройство, несколько напоминающее куда более обширное административное устройство Персидской империи, в которую недавно номинально входили и Македония, и Фракия, обладало сразу двумя преимуществами: во-первых, персонализированное управление, принимавшее в расчет обычаи предков, права земельной аристократии и социальные потрясения, вызванные завоеваниями; и, во-вторых, быстрая мобилизация всех сил в случае кризиса. Александр благоразумно воздержался от того, чтобы что-либо менять в этой структуре — как до, так и после своего обустройства в Азии, с той лишь разницей, что в качестве товарищей, друзей и телохранителей он

привлекал скорее аристократов-сверстников, нежели старых друзей отца.

Что касается собрания солдат⁹⁶, которыми только и могли быть свободные мужчины в Македонии, увеличившейся усилиями Филиппа до восьми областей и 12 захваченных территорий, оно не было ни законодательным органом, ни административным механизмом. Самое большее, на что оно было способно, это одобрительными восклицаниями назначить нового царя, подтвердить или отвергнуть его план кампании, судить государственных преступников: настоящее средство господства для династии завоевателей. Царь, таким образом, становится символом вооруженного народа. За всю карьеру молодого Александра Македонского, с 336 по 323 год, это собрание, похоже, проходило всего семь раз, то есть реже, чем раз в год, причем совершенно случайно и менее всего напоминая демократическое собрание, ибо у него не было ни процедуры, ни устава. Итак, нам известно о следующих собраниях:

в сентябре или октябре 336 года в Пелле, в ходе представления и назначения «царем македонян» третьего сына Филиппа — Александра, носившего это имя третьим среди македонских царей;

в марте 335 года на равнине, простирающейся к северу от Амфиполя, прежде чем отправиться в поход (первый за царствование) против независимых народов Балкан — фракийцев, трибаллов и дарданцев;

в декабре 331 года в лагере, разбитом между Тигром и Сузами, с тем чтобы утвердить назначение комиссией наиболее доблестных офицеров и, вероятно, чтобы одобрить кампанию против Сузианы и Персиды;

в августе 330 года в Парфии близ современного Шахруда, дабы покарать Бесса и покорить считавшиеся мятежными восточные сатрапии;

в октябре 330 года во Фраде (ныне Фарах) в Дрангиане, чтобы осудить на смерть и казнить Филота, сына Пармениона, и Александра Линкестидского, обвиненных в разных заговорах; весной 327 года в Бактрах, чтобы осудить на смерть и казнить пажей, подозреваемых в том, что они с Гермолаем участвовали в заговоре против личности царя, а, возможно, также чтобы одобрить индийскую кампанию;

в конце весны 324 года в Сузах, после принятого Александром решения включить в армию 30 тысяч молодых персов, дабы выяснить, кто из македонян будет уволен из армии и отправлен к домашним очагам: «Они предложили царю уволить их всех до одного» (*Арриан*, VII, 8, 3). Этот отказ продолжать кампанию завершился, как известно, казнью зачинщиков, увольнением 11 тысяч македонян и, наконец, прощальным пиром в Описе к югу от Багдада в конце лета того же года, который был устроен для военачальников с Запада и с Востока, собравшихся вокруг царя. Новая и уже последняя кампания велась, начиная из Экбатаны (Хамадана), против неукротимых касситов Луристана.

Эти несколько собраний сговорчивых исполнителей, не имеющие ничего общего ни со столь дорогой греческим городам демократией, ни с нашими законодательными собраниями, доказывают лишь то, что царь преобразовал выборную или считавшуюся таковой монархию в монархию личную и абсолютную, на азиатский манер, короче, что он сделался прежде всего самодержцем, тем, кто принимает решения в одиночку. Или, говоря проще, тот, кто прежде являлся символом всего народа, сделался теперь символом государства.

Армия

Македонская армия⁹⁷, позволившая царю обеспечить свои тылы в Европе и одержать в Азии победу над персидскими силами, — более многочисленными, лучше оплачиваемыми и привычными к тяжелому резко континентальному климату, была детищем Филиппа, прошедшего выучку у двух превосходных стратегов, афинянина Ификрата и фиванца Эпаминонда, а также многому научившегося в ходе двадцати своих подчас весьма непростых кампаний, которые ему довелось вести на территории от устья Дуная до Коринфского залива. Александр, этот охотник и кавалерист, делал ставку главным образом на атакующий натиск с окружением и последующим преследованием противника, и, начиная с высадки в Малой Азии, македонская кавалерия следовала этой тактике. Фессалийская кавалерия, входившая в его армию, была точной копией македонской.

Если говорить о македонской кавалерии, она была образована восемью территориальными эскадронами, *илами* (ἰλαί), первый из которых, *агема* (ἀγῆμα), «головной», представлял собой личную гвардию государя. В эскадроне насчитывалось 225 кавалеристов, и так оставалось вплоть до 330 года, когда каждый эскадрон был поделен на два полуэскадрона по 128 всадников в каждом. В 334 году конные гетайры — это тяжелая кавалерия. Всадники были вооружены кривым мечом (*копидой*, κόπις), короткой пикой или дротиком (ξυστόν или δόρυ) с железным острием длиной в 30 сантиметров, и защищены небольшим круглым металлическим щитом (*пельтой*, πέλτη). Старшие офицеры и командиры подразделений, кавалеристы первой линии, которым приходилось принимать на себя

первые удары врага, были облачены еще в металлические пластины или даже, как Филипп, в доспех из листового железа, расширявшийся книзу, что позволяло всаднику держаться на лошади верхом. Тот доспех, который был найден в гробнице в Палатице (античное название Эги) в 1977 году, изготовлен из железа, украшен гильошированными^[49] золотыми полосами и круглыми накладками в виде головы льва, к которым подвешены наплечники, а снизу пришнурована кожаная юбка. Кавалеристы задних линий были одеты, вероятно, лишь в нагрудники и панцири из полотна с набивкой. У военачальников поверх всего развевался пурпурный плащ (*хламида*, *χλαμύς*). Царь выделялся золоченым шлемом с забралом, плюмажем и султаном из перьев. В ряде музеев хранятся снабженные нащечниками конические шлемы, похожие на фригийский колпак.

Боевые лошади, результат скрещивания тарпанов и породы, происходившей из степей Центральной Азии, то есть небольшие фракийские лошади белой масти, были тонкошеими, с массивной грудью и крупными неподкованными копытами. Лошадей этих отбирали, объезжали и тренировали в больших табунах в области Пеллы (Боттиея) и Амфиполя (Бисалтия) в Македонии, а также на фессалийских равнинах к югу от Олимпа. Буцефал, пугливый гнедой жеребец с клеймом в виде бычьей головы, был куплен за колоссальную сумму у коннозаводчика из Фессалии. Ни седел, ни стремян тогда не знали. Спину лошади покрывал чепрак или меховое покрывало, иногда это могла быть шкура пантеры, как видно на изображениях эллинистической эпохи. Эскадроны «астиппов» (*ἄστιπποι*, от *греч.* *ἄστυ* — «город») формировались из уроженцев городов Верхней Македонии.

Легкая кавалерия была представлена в битве при Гранике в мае 334 года пятью эскадронами пикинеров, в

составе четырех эскадронов македонских и фракийских разведчиков-«продромов» (πρόδρομοι, буквально «бегущие впереди») и одного эскадрона из племени пеонийцев (ныне на территории югославской Македонии): всего 700 всадников. Обычно этих кавалеристов называют *сариссофорами* (σαρισσοφόροι) — по *сариссам* (σάρισσα)⁹⁸, пикам длиной от 4 до 5 метров и более, которыми они были вооружены. Древко сариссы изготавливалось из кизила или каменного дерева и состояло из двух соединенных кольцами частей, то есть было разборным, снабженным большим лезвием острия и заостренным стальным наконечником с противоположного конца. Всадники управляли лошадьми нажатием колен или лодыжек (шенкелей). Пика и возможность ею целиться — вот два явных преимущества македонских кавалеристов над персидскими, которые лишь метали издали короткие дротики (*паяты*, παλτά), а ближний бой могли вести только палицами. У фракийско-македонских пикинеров не было ни щита, ни металлического доспеха, но на случай, если копье ломалось, у них в ножнах имелся кривой меч, которым они и рубились. Пока, в период между 330 и 328 годами, не были созданы — на восточный манер — подразделения конных лучников и конных же метателей дротиков, командование азиатским походом располагало сверх того 2400 вспомогательных греческих всадников, 1500 из которых были фессалийцами. У этих последних имелись длинная (?) пика и круглый щит в два фута в поперечнике. На поясе у них висели ножны с прямым обоюдоострым клинком. Лошади были прикрыты доспехами. Что до 900 наемных фракийских и пеонийских кавалеристов, то они, судя по всему, служили прежде всего в качестве копейщиков, не имели доспехов, но были защищены шлемом и щитом.

Всего в экспедиционном корпусе насчитывалось 5200 кавалеристов, основным преимуществом которых были вооружение и дисциплина. Если прибавить к ним около 900 всадников, которые еще оставались в Малой Азии от кавалерии, посланной сюда Филиппом под командованием Пармениона и Аттала, Александр располагал громадными кавалерийскими ресурсами, особенно если сопоставить с ними цифру в 1200 всадников — кавалерию всей Афинской державы. Все то, что в части кавалерии приписывается персам Диодором (XVII, 16-21) и Аррианом (1, 14-16) — 10 тысяч или 20 тысяч кавалеристов, — является плодом чистейшей фантазии, особенно если сопоставить с ними потери, которые понесли атаковавшие: 24 (или 25?) гетайров против двух тысяч всадников у персов. Истина состоит в том, что силы были равны, однако наступательная тактика всегда одерживала верх над оборонительной, натиск гетайров и сариссофоров — над неподвижностью копейщиков. Впрочем, источники постоянно путают, когда речь идет о неприятеле, истинные показатели численности войск и те результаты переписей, которые заносились в архивы Персеполя и Суз.

В марте 334 года македонская фаланга (φάλαγξ), что означает буквально «каток», «всесокрушающее бревно», состояла из шести полков (*таксисов*, τάξις) по 1500 человек в каждой. Эти 9 тысяч человек составляли в подлинном смысле слова национальное ополчение, территориальный призыв, и были очень привязаны к своим родным земле и языку, к своим обычаям и, наконец, к своему главнокомандующему, который должен был вести их к победе и умножить их владения. В отличие от греческих гоплитов, эти одетые в шлемы и обутые в сапоги пехотинцы не имели ни бронзового панциря, ни копья, ни здоровенного щита с рукояткой. Лишь левое плечо у них было прикрыто небольшим круглым щитом — пельтой, имевшей 60 сантиметров в

поперечнике и висевшей на шее, между тем как обе руки оставались свободными, чтобы потрясать страшным оружием, именуемым сариссой. Сарисса должна была превышать 5 метров в длину, поскольку Феофраст, современник азиатского похода, говорит, что мужские растения кизила (или, скорее, каменного дерева), из чрезвычайно твердого дерева которого и делалось древко этой пики, достигали высоты в 12 локтей, то есть приблизительно 5,50 метра, что в два раза превышало длину греческих и персидских пик («История растений», 111, 12, 2).

Как нам известно относительно битвы при Иссе (ноябрь 333 г.), фаланга имела восемь рядов в глубину. Воины первых четырех рядов, выстроенные не в затылок, а со смещением, направляли свои сариссы вперед таким образом, что все железные острия выступали за линию фронта фаланги. Сариссы воинов первого ряда, который должен был раньше всех наносить удар, были немного укорочены и облегчены. Четыре последних ряда, готовые занять место тех, кто будет ранен или убит в первых рядах, держали свои сариссы направленными под углом вверх. Маневрируя на поле битвы или идя торжественным маршем на параде, каждый лох (λόχος), или взвод, македонской фаланги, то есть 150 человек во главе с лохагом (λοχαγός) и воинами первой линии впереди, напоминал ошетилившегося стальными иглами ежа. Фаланга также являлась эффективным боевым средством. Различные батальоны (*синтагма*, σύνταγμα) численностью в 256 человек под командованием офицера могли строиться в линию — более или менее плотно, в зависимости от сдваивания рядов, либо в косую линию, полумесяцем, в пустое полукаре или тупым клином в 16 рядов в глубину. Всей фалангой, шедшей двумя флангами, командовал «стратег» (στρατηγός), который ежедневно проводил с ней занятия, обучая солдат строиться и маневрировать.

Именно разнообразие этих построений поразило и деморализовало иллирийцев в ходе осады Пелиона в июле 335 года (*Арриан*, I, 6, 1–4).

Солдаты македонской фаланги назывались «педзэтайрами» (πεζέταιροι), или «пешими гетайрами», чтобы отличить их от «гетайров», или «товарищей», из аристократической конной гвардии. Арриан шесть раз упоминает в своем «Анабасисе», всякий раз говоря о решающих эпизодах сражений, «астетайров», или «астетеров» (ἄσθέταιροι, ἄσθέτεροι), которых издатели старательно переправляют на «педзэтайров». Если только здесь действительно нет ошибки переписчика, мы имеем дело, как и в случае с «астиппами», с территориальными воинскими единицами, обозначаемыми по центральному городу (ἄστυ) своей области в Верхней Македонии. Например, нам известны «полк Койна из Элимиотиды» или «полк Полиперхонта из Тимфайи». Также и в современной армии подразделения зачастую получают название по тому месту, где были сформированы.

Мы не знаем, ни как производился набор фалангистов, ни как проходило их обучение. Ни один текст не упоминает о том, что здесь имелись инструкторы-сержанты или унтер-офицеры. Самое большее, о чем мы можем догадываться, так это что требовалось по крайней мере шесть месяцев обучения, прежде чем новобранец мог влиться в экспедиционный корпус: именно таким оказался срок, отделивший посылку в Македонию трех вербовщиков в конце 334 года от их возвращения на театр военных действий к Гордию в мае 333 года. Должно быть, стратеги, или военные магистраты, поручали ветеранам, как офицерам, так и солдатам, заниматься подготовкой рекрутов и вручать им, вместе с обмундированием, священное оружие государства. Присутствие в армии правофланговых и пожилых седовласых солдат (как

перед Галикарнасом в 334-м или в Парфии в 330 г.), сходство в подготовке персидских солдат, о чем известно по трактатам Ксенофонта, — все это позволяет думать, что в Македонии более опытные обучали более молодых. Стоя лагерем или на марше, рекруты за несколько месяцев обучались по меньшей мере четырем вещам: владеть оружием, идти в атаку шагом или бегом, совершать маневры, перестраиваться. Во всем этом Александру не отводится никакой роли. Самое большее, что он мог, так это подать пример отваги и стойкости, будучи, как и прочие пажи в Миезе или в Пелле, подчинен командам старших: «На плечо!» (ἀτῆαρμον) или «Сомкнуть ряды!», исполняя бесчисленные приказы и прихоти и подвергаясь, в случае оплошности, наказанию розгами.

Македонских пехотинцев поддерживали три батальона более подвижной и проворной легковооруженной пехоты, численностью в тысячу человек каждый. Они назывались «гипаспистами» (ὑπασπίσταί), или царскими щитоносцами. Вооружение их состояло из одного или двух дротиков (σίγυυνοι) и кривого македонского меча копиды. Отобранные лично царем из свободных македонян и обладая безусловной преданностью царю, это были профессиональные солдаты, некоего рода национальная гвардия. Они двигались непосредственно следом за фалангой. Из их числа набиралась агема, или пешая царская гвардия, те, кого называли также телохранителями. После сражения при Иссе (ноябрь 333 г.) царь повелел покрыть поверхность их круглых щитов серебром. С тех пор они звались «аргираспидами» (ἀργυράσπιδες), то есть «среброщитными».

Греческая, в собственном смысле этого слова, пехота, численность которой во времена Филиппа определялась Коринфским союзом, насчитывала всего 7 тысяч пехотинцев, которые делились на гоплитов с

тяжелым вооружением (круглый металлический шлем, панцирь с наплечниками, поножи, копье длиной от 2,4 до 2,7 м, короткий железный меч и круглый металлический щит) и на пелтастов, вооруженных дротиками и легким плетеным щитом (πέλτη), обтянутым кожей. Первые, довольно тяжеловесные, имели малую маневренность. Вторых можно было использовать лишь в рассыпном строю. Никто из них не имел особых оснований помогать македонянам и их царю, в частности, сражаться с греками, находившимися на службе у персидского царя. Также и македонское командование отводило им в сражения вспомогательную роль и поспешило их уволить, выдав большие премиальные, как только в июле 330 года не стало Дария. То же самое произойдет и с 600 кавалеристами из Афин и других демократических государств, экипированными, как классические гоплиты, и способными, самое большее, на ведение разведки, сдерживание противника, осуществление беспокоящих действий и преследование.

Штаб Александра делал ставку на наемников с Балкан — куда более грубых, агрессивных и привлекаемых двойным, в сравнении с любым городским рабочим, жалованьем. В 334 году из 13 тысяч солдат вспомогательной пехоты 7 тысяч — это трибаллы, одрисы, пеонийцы и иллирийцы. Это разведчики, охотники, метатели дротиков, лучники, привычные лазить по самым крутым горам и часами бежать по любой местности за рейтарами и конной гвардией. Особенно примечательны два подразделения: критские лучники, вооруженные луками с двойным изгибом, которые бьют, как и скифские, приблизительно на 200 метров, и пращники с Родоса (*Арриан*, II, 7, 8), которые осыпают противника свинцовыми снарядами, чем вынуждают врага закрывать голову, открывая в то же время тело.

Из всех соединений легкой пехоты в наших текстах чаще всего говорится об агриях, или агрианах: например, только в одном «Анабасисе» Арриана они упоминаются 58 раз. Это было враждебное фракийцам племя скотоводов, обитавших в верховьях Стримона и на хребте Витоша. Во всех трудных заданиях, во всех вылазках, во всех погонях они всегда оказывались впереди, чаще всего на правом фланге, который атаковал противника и опрокидывал его. Агриане первыми занимали перевалы и теснины. Это они, вместе с лучниками, взбирались на вершушки «аваран», или твердынь в Бактрии, Согдиане и в верховьях Инда. Их описывают как воинов, вооруженных двумя (или тремя?) простыми дротиками с пирамидальным стальным острием, которые в принципе являются метательным снарядом, дождем осыпаящим противника, но столь же хорошо служат для того, чтобы пронзить врага с близкого расстояния. Весной 334 года этих метателей дротиков (ἀκοντιοτάι) в ботинках и меховых плащах с широкими рукавами насчитывалось самое большее 500 человек. В 330 году на поле битвы при Гавгамелах говорится уже о тысяче агриан, они прикрывают левый фланг и часть арьергарда македонян. Наконец, фракийцы и пеонийцы поставили еще 900 кавалеристов, которые присоединились к вспомогательным войскам.

В общем и целом, если сопоставить несколько несовпадающие данные разных источников (Каллисфен, Клитарх, Птолемей и Аристобул), относящиеся к началу весны 334 года, штаб экспедиции располагал 32 тысячами пехотинцев и 5200 кавалеристов. Когда они соединились с оперативным корпусом, который был послан Филиппом для обеспечения плацдарма в Малой Азии двумя годами прежде, в армии насчитывалось 43 тысячи пехотинцев и 6100 кавалеристов, быть может, с 800 конными разведчиками, что дает в итоге, если прибавить сюда отставших, союзников и

вспомогательные войска, около 50 тысяч бойцов. На деле же ресурсы, которыми располагал штаб, были куда более значительны, возможно, их следует удвоить, если принять в расчет моряков (37 тысяч человек на 182 военных кораблях, согласно *Юстину*, XI, 6, 2) и то, что мы называем вспомогательными службами, или частями поддержки.

Ограничимся тем, чтобы просто их перечислить. Вначале артиллерия, которая использовалась как в чистом поле, так и на реках и даже на море, а также при ведении осад. Мы вернемся к этому роду войск, когда будем говорить о военной технике. Далее инженерный корпус, призванный строить машины, мосты, разборные суда. Затем — обоз, насчитывавший от трех до четырех тысяч повозок, которые везли, вместе с оружием и багажом, множество снабженцев, торговцев, художников, проституток, рабов... Наконец, медицинская служба с ее многочисленными врачами, интендантство, касса, служба разведки со своими переводчиками, перебежчиками и двойными агентами, почта со своей цензурой, бематисты, или землемеры, исчислявшие пройденные или оставшиеся расстояния, прорицатели, ученые, на которых была возложена задача исследовать или преподавать, скульпторы и портретисты...

После 330 года составу этой армии с преобладанием в недавнем прошлом македонян суждено было решительно перемениться. С осени 334 года, после осады Галикарнаса, Клеандра, сына Полемократа, направили на Пелопоннес, а Койна, его брата, — в Пеллу, с тем чтобы они на вербовали новые войска. После двух лет вербовки Клеандр привел к Тиру 4 тысячи греческих наемников. Незадолго перед этим фаланга расширилась с 9 до 12 тысяч солдат, распределенных по шести полкам, или *таксисам* (*taxeis*). В Персеполе она насчитывала 10500 пехотинцев,

распределенных по семи таксисам в 1500 человек каждый. По мере того как командование демобилизовывало греческих союзников, фессалийских кавалеристов, македонских ветеранов, по мере того как бойцы убывали в результате сражений и изнурительных маршей, армия прямо на месте вербовала в свои ряды туземцев. При вступлении в Индию весной 327 года в ней насчитывалось 120 тысяч человек (*Плутарх* «Александр», 66, 4-5; *Курций Руф*, VIII, 5, 4; *Арриан* «Об Индии», 19, 5), на три четверти это были азиаты. Восемь прежних эскадронов тяжелой кавалерии стали теперь, по персидскому образцу, восемью гиппархиями, своего рода полками, разделенными каждый на два подразделения, в которые входили, наряду с македонянами, кавалеристы какого угодно происхождения. Наряду с легкой европейской кавалерией были созданы части метателей дротиков и конных лучников на скифский или иранский манер. В 324 году в Сузах персидские аристократы были зачислены в состав товарищей царя. Тогда же, после увольнения ветеранов, была создана смешанная фаланга, специальный корпус, укрепленный македонскими пикинерами. В качестве телохранителей царь избрал тысячу яблоконосцев. На момент смерти Александра в июне 323 года на четыре македонянина насчитывалось 12 персов. Теперь армия — со своими подразделениями боевых слонов, обозами из верблюдов и конными лучниками, а также по включении в свой состав 30 тысяч молодых людей из восточных сатрапий — сильно смахивала на армию побежденного Дария и уж во всяком случае очень сильно отличалась от того всепокрушающего орудия, которое было выковано Филиппом и его старыми полководцами.

Символ народа, который в пути

Здесь самое место задаться вопросом, не обстояло ли дело в действительности таким образом, что не столько Александр, этот «пастырь мужей», как называет Агамемнона во время Троянской войны Гомер, направлял движение собственного войска, сколько оно, это войско, вело его, тащило и подталкивало, так что Александра можно уподобить пастуху, которого стадо неизменно увлекает туда, где намеревается пастись. Вовсе не желая строить умозрительные гипотезы о том, что могло бы произойти, если бы Александр смог довести до исполнения свои последние планы: вторгнуться на Аравийский полуостров, обогнуть его, напасть на Карфаген и уничтожить его империю в Испании и т. д., констатируем лишь, что в царской армии в Вавилоне насчитывалось не более 5 или 6 тысяч македонских пехотинцев, которых Александр удерживал на службе против воли, так что они без конца язвили на его счет, от 500 до 600 щитоносцев македонской гвардии и 2 тысячи товарищей царя из конной гвардии, которые прилагали усилия к тому, чтобы откромсать себе в Азии кусок царского пирога. Однако стоило исчезнуть пастырю, как войско разделилось, увлекая за собой других пастырей — в Месопотамию, во Фракию, в Египет...

Уже с июля 330 года сплоченность была лишь внешней, а после бедственного отступления из Гедросии ее не существовало. Без тех десяти тысяч македонян, которых отказался прислать Антипатр, Александр был ни на что уже не способен. Точно так же он не был бы в состоянии что бы то ни было сделать, если бы при выступлении в поход в 334 году не имел подле себя полководцев Филиппа — Антипатра, Калланта и

Пармениона, которые его поддерживали, направляли или удерживали. Про последнего, предательски казненного Александром в его резиденции в Экбатане после шести лет службы не за страх, а за совесть, можно сказать, что именно он сделал возможным переправу войск в Азию. Ведь это Парменион по приказанию Филиппа начиная с 336 года отвоевал надежный плацдарм в Малой Азии, это ему удалось за несколько месяцев (ноябрь 335 г. — март 334 г.) сконцентрировать в Амфиполе сухопутные и военно-морские силы Македонии и Греческого союза, что можно расценить как настоящий подвиг, принимая во внимание то, как неохотно шли на это греки и насколько затруднены были тогда все коммуникации. Этот прирожденный администратор, строгий, методичный, цепкий, влюбленный в дисциплину и порядок, обеспечил своего склонного к авантюрам царя основными ресурсами для ведения войны, захватывая для него после всякой победы провиант и деньги неприятеля: вначале в Даскилии, а затем последовательно в Сардах, Дамаске и Персеполе. Это Парменион позволил армии, которая оказалась отрезана в Малой Азии, стойко держаться вплоть до смерти Мемнона в мае 333 года. Это он дал возможность кавалерии и фалангистам опрокинуть левый фланг и центр неприятеля на равнине Исса в ноябре 333 года, между тем как сам он сдерживал натиск персов на их правом крыле. По пути от Дамаска до Иерусалима он принял изъявления покорности от всех местных властей. И если драгоценный греческий обоз, вместе с пленниками и семейством Дария, был спасен, то именно благодаря Пармениону, который сделал все соответствующие распоряжения и 1 октября 331 года при Гавгамелах разбудил заснувшего Александра.

Современные историки были слишком строги или презрительны к этому «старичью». Пусть у них не было

блеска и дерзости Александра и его юных друзей, зато они обладали тем, чего не доставало новым полководцам, прошедшим выучку у азиатов в 10 тысячах километров от своих пенатов. «Старейшие среди македонян, которые по возрасту не принимали участия в сражениях, бывшие в походах с Филиппом и победившие во многих битвах, в силу обстоятельств были вновь призваны к проявлению доблести. Смекалкой и военным опытом они намного превосходили других» (*Диодор*, XVII, 27, 1-2). Последние ветераны-офицеры погибли вместе с Андрوماхом и Менедемом в долине Зеравшана в октябре 329 года.

Потомство потешалось над претензиями грубияна Каллисфена, племянника Аристотеля, который заявлял во вступлении к своей «Истории походов Александра», что слава Завоевателя держалась не на его подвигах, но на посвященном им рассказе, «и что причастность Александра к божеству была связана не с теми выдумками, которые распространяла об этом Олимпиада, но с тем, что он, Каллисфен, описал Александра и сделал это достоянием людей» (*Арриан*, IV, 10, 2). Надо полагать, он вовсе не заблуждался, поскольку историки, которые следовали за ним, от Клитарха до Псевдо-Каллисфена, автора «Романа об Александре», принимали за чистую монету все, что рассказывал Каллисфен о подвигах Александра при Гранике, Иссе и Гавгамелах, а также об «откровениях» святилища Амона в Сиве. Возможно даже, что наш историограф, упомянутый в качестве секретаря (ἐπιστολοῦργος букв. «письмоводитель») Александра в одной относящейся ко II веку до н. э. надписи из Тавромения, участвовал в составлении официальных реляций и отчетов регенту Антипатру вплоть до самой своей опалы в 327 году. Изданное в том же году в Дельфах постановление амфикитионов, среди которых первенствовали тогда македоняне, содержало

распоряжение о том, чтобы выставить составленный Аристотелем и Каллисфеном список победителей Пифийских игр, а также были приобретены золотые венки для царицы Олимпиады, матери Александра (Fouilles de Delphes, Epigraphie, III, 1, 400 и III, 5, № 58).

Каллисфен не был простым литератором, состоящим на службе у царя Македонии, он играл роль хроникера, информатора, мы, в наши дни, сказали бы — публициста. Вплоть до тяжелой кампании в Согдиане в 329 году общественное мнение соглашалось с тем, что Александр, неизменный победитель, выдает себя за преемника Дария, перенимая его придворные обычаи и практику его канцелярии. Потеря 2600 человек близ Самарканда в октябре 329 года, ранения и дизентерия Александра, его отступление перед скифами, проявленная им жестокость в отношении согдийцев порождают сомнения в подлинности его харизмы. Когда зимой 329/28 года в Бактрах он намекнул своим товарищам, что они вполне могли бы подать хороший пример, простираясь перед ним ниц, Каллисфен, ученик Аристотеля и преподаватель, на которого была возложена обязанность обучать пажей, напомнил всем, что обычаи греков ничего общего не имеют с варварскими, и если эти последние являются подданными уже по своей природе, то греки были, есть и всегда останутся свободными людьми. Произведенная этим перемена в настроениях была так велика, что Александру пришлось договариваться со своим собственным штабом: грекам и македонянам не нужно простирается ниц, они будут лишь кланяться божеству того очага, перед которым проходят пиры. Каллисфен не принял и этот компромисс, избегал поцелуев царя, подвергал критике заблуждения и гордыню македонян — как раз тогда, когда царь под страхом смерти запретил предавать огласке самаркандскую катастрофу, дабы не ввергать армию в уныние. Буря разразилась

осенью того же 328 года, именно в Самарканде, когда Клит Черный во всеуслышание заявил то, о чем все уже давно думали про себя: «Александр доставляют столь нелюбезную любезность, понося дела древних героев. Да и самого-то Александра подвиги вовсе не так велики и удивительны, как превозносят их эти люди, и к тому же он свершил их не один, но большая их часть по праву принадлежит македонянам... „Вот эта самая десница, — вскричал он, картинно подняв руку вверх, — спасла тебя при Гранике!“» (Арриан, IV, 8, 4-5 и 7).

Мы знаем, чем закончилась эта история: смертельно оскорбленный Александр убил Клита на месте, потом рыдал, пытался снова стать гуманным государем, — однако велел высечь пажа, который оказался более ловким на охоте, и тут внезапно обнаружил заговор пажей. Александр приговорил их к побиванию камнями, а Каллисфена бросил в темницу — за то, что он, подобно Сократу, «развратил молодежь» (декабрь 328 г. — январь 327 г.). Когда некто заставляет общество осознать, что оно собой представляет, каковы его численность и сила, каковы его ценности, когда этот некто показывает обществу, что его интересы не совпадают с интересами тех, кто им руководит, общество меняется: войско перестает быть стадом, безропотно бредущим за пастухом, став независимым организмом, отказываясь подчиняться и поднимая бунт. Так смогли переменить настроение армии зачинщики бунтов на берегу Гифасиса (Биаса) летом 326 года и в Сузах на берегу Керхе двумя годами позже. Со своей стороны, входившие в армию азиаты, чьи интересы не совпадали ни с интересами *яванов* (ионийцев и македонян), ни с интересами царя, который даже не говорил на их языке, желали лишь одного: остаться в Азии и возвратиться в свои столицы. Они кончили тем, что заманили отрезанного от своих Александра в вавилонские болота. Александр стал символом

победителя, побежденного собственной победой. Столь велико могущество информации, которая напитывает душу толпы — как современной Александру, так и будущих времен.

И хотя Клитарх превозносил славу Александра, он высоко ценил подвиги тех редких солдат, которые вернулись из азиатской экспедиции. Более четырех пятых всей армии, которую приходилось постоянно обновлять, остались далеко от родимых мест — убитые, раненые, без вести пропавшие, захваченные в плен или населившие одну из основанных царем Александрии. И никто в Греции или на Балканах не помышлял о том, чтобы о них жалеть, поскольку это были наемники, то есть люди, чья смерть оплачена, добровольцы или принужденные служить силой, осчастливленные правом завоевать величие собственной страны или собственного царя. Что касается тех, кто уцелел, они словно распространяли вокруг себя сияние, аромат Востока, которым грезит до сих пор Европа:

Кто видел со стены, как шли они тогда,
Тот вспомнил синь небес, златые города —
Те, что толпе шальной навеют сладкий сон:
Тир, Гелиополь, Иерусалим, Сидон...

Эти посвященные завоевателям стихи из «Легенды веков» Гюго могут дать представление о том, как сочинялась и декламировалась «эпопея» Александра. Однако воображение мещан, хранивших невозмутимость в своих мастерских или лавочках, не способно постичь истинное величие и славу этих безымянных солдат. На нескольких страницах Диодора и Квинта Курция Руфа, которые удалось вырвать из безжалостных челюстей времени, мы видим, как, изможденные, они пересекают огненные или ледяные пустыни, преодолевают горные

перевалы высотой более трех тысяч метров и реки шириной более 1700 метров, как их шатает от голода и жажды, как одолевают их звери, ядовитые змеи и скорпионы, как терзают эпидемии. Редчайшим исключением были те, кому удалось преодолеть 18 тысяч километров пути, передвигаясь в основном верхом. Превознося деяния почившего бога и преувеличивая их, уцелевшие солдаты таким образом воздавали почести упорству исчезнувших бесследно попутчиков своей собственной стойкости. Столкнувшись с величием ландшафтов и культур, они сами невероятно выросли, став гигантами, колоссами. Послушаем, ради примера, сдержанный рассказ Квинта Курция Руфа о походе к оазису Сива в феврале 331 года, которого можно было достичь, преодолев 580 километров по барханам Сахары.

«В первый и следующий день создалось впечатление, что испытание это им вполне по силам, поскольку они еще не проникли в совсем уж обширные и лишенные всякого покрова пустыни. Однако и здесь земля была бесплодна и безжизненна. Но когда перед ними открылись равнины, покрытые глубоким песком, они принялись отыскивать глазами землю совершенно так, как если бы вышли в открытое море: вокруг ни дерева, ни следа возделанной земли. Уже и в воде, которую они везли с собой в бурдюках на верблюдах, ощущалась нехватка, а посреди высушенной земли и горячего песка ее не было и в помине. К тому же солнце все погружало в жар, рты у них пересохли и горели огнем» (*Курций Руф*, IV, 7, 10–13). После четырех дней и четырех ночей мучений над всадниками и погонщиками верблюдов разразился спасительный дождь. «Кое-кто, не владея собой от жажды, принялся хватать дождь широко раскрытым ртом» (*там же*, 14). Это был эпизод, в котором сфокусировалась и преобразилась вся, от Псевдо-Каллисфена до Мухаммеда, традиция,

относящаяся к Источнику жизни, который наш Путник отправился искать на Западе, — источника, который бьет ключом и внезапно исчезает. Уже в I веке до н. э. путешественники и географы задавались вопросом относительно этого источника Сива, холодного в солнечный зной и теплого в сумерки! Нет смысла цитировать страницы, посвященные всеми историками мукам, которые привелось вынести армии в преисподней Гедросии осенью 325 года. Обойдем этот эпизод и расскажем о другом испытании, имевшем место в декабре 330 года в области Ортоспана близ современного Кабула.

«Снег повсюду сковывает землю льдом и едва ли не вечным холодом, причем снег столь глубок, что нигде не видно ни следа птиц или каких-либо зверей... Войско, заброшенное в эту пустыню, лишенную тогда всяческих следов человеческой деятельности, перенесло все беды, которые только можно было вынести: нехватку припасов, холод, усталость, отчаяние. Многие лишились жизни из-за необычайного холода, многие отморозили себе ноги, немало было и таких, что лишились зрения. Особенно опасно было обессилевшим, ибо изнемогшие люди валились прямо на лед, а стоило им перестать двигаться, холод охватывал их до такой степени, что принудить их подняться было уже невозможно. Оцепеневших людей поднимали товарищи, и не было им иного средства спасения, кроме как заставить идти... Те, кто смогли добраться до хижин варваров, быстро оправились» (*Курций Руф*, VII, 3, 11-15). Те же сцены повторились через три месяца, когда необходимо было преодолеть перевал Хавак высотой в 3500 метров. Как и при пересечении Загра к северо-западу от Персеполя в апреле 330 года, «царь не стал наказывать испуганных людей, а сам соскочил с коня и пешком пошел по снегу и затвердевшему льду... Разбивая лед стеноломной киркой, царь первым стал прокладывать себе путь, его

примеру последовали другие» (*там же*, V, 6, 14). И в самом деле, Александр вел себя так же, как и другие, он смешивался с солдатами и принимал близко к сердцу их горе и радость, составляя с ними одно целое. Его тревога (αὑωνία) относилась к судьбе его людей и тяжелого обоза. Став символом странника, одинокого путника среди толпы, он обобщил в себе (так это осталось и после написания Корана) неуемное горение целого народа, тронувшегося в путь. Приведенный к власти армией, он и умер, как она, — от изнеможения.

Завоевания — заслуга инженеров

Если армии удалось одержать верх над стихией и людьми, она была обязана этим не столько энергии Александра, сколько уму той группы людей, на которых он часто полагался — тех, кого греки называли «архитекторами» (ἀρχιτέκτων), «демиургами» (δημιουργός, то есть творец, создатель) или «механиками» (μηχανικός), а мы зовем инженерами, зачисляя в их сообщество всех их помощников и исполнителей, словом, инженерными войсками⁹⁹. Чтобы овладеть считавшейся неприступной крепостью, переправиться через водный поток шириной с морской пролив, перевозить с места на место все громоздкие грузы, осваивать рудники и черное золото, — короче, чтобы осуществить все наиболее древние мечты человечества: подняться в небо, исследовать глубины вод и совершить путешествие к центру земли, что мы и обнаруживаем в «Романе об Александре», требовались неслыханные машины и приспособления. А также бесподобная команда техников.

Нам известны несколько имен помощников Александра: специалист по горному делу Горг, гидравлик Кратет, механик Диад из Пеллы (или из Фессалии?), автор утраченного трактата «О военных машинах», главный инженер Полиид из Македонии, учитель Диада и Хария, землемеры Диогнет и Батон, архитектор Динократ Родосский. Литераторов, и в первую очередь историков, мало интересовали занятия этих «ремесленников», достоинства которых представлялись сильно уступающими ослепительной славе полководца и главы государства. Наше столетие, гораздо более внимательное к материальным свершениям, нежели к воскурению фимиама,

предпочитает гений этих изобретателей тому гению, который столько поколений незаслуженно приписывали их государю. То есть наше столетие исходит из того, что Александр с выгодой для себя пользовался чужими изысканиями и открытиями и что также и в этом он является символом гения своего времени. Ученик Аристотеля, этого непревзойденного энциклопедиста, Александр интересовался не только проблемами физики, естествознания и медицины, но и литературой и метафизикой. По мере развития точных наук на всем протяжении IV века до н. э. и после того, как, вероятно, около 380 года Архитом Тарентским были опубликованы первые трактаты по прикладной механике, посвященные винтам и блокам, техники в сфере вооружений и строительства судов все в большей мере уподоблялись математикам, которые исчисляют, и геометрам, которые меряют. Около 360 года Эней Тактик издал трактат «Полиоркетика», или «Искусство осады городов», который дошел до нас. Наряду с обсуждением военной техники мы обнаруживаем здесь искреннее желание превратить искусство в науку, а также направленные на рационализацию усилия, которые столь же хорошо могут распространяться как на организацию армии, так и на методичную подготовку штурма и использование машин. Кроме того, Эней писал трактаты об использовании сигнальных огней, секретных посланиях и связанных с войной финансовых проблемах.

Начиная с осады Фер в 354 году, инженерам Филиппа удалось усовершенствовать четыре вида машин, μηχανήματα, наиболее старые среди которых были известны еще сицилийцам двумя поколениями ранее. Приспособления эти могут в полном смысле слова именоваться артиллерией. Они были призваны свести к минимуму роль неприятельских лучников, легковооруженных пехотинцев и даже прикрытой легкими доспехами кавалерии, а также слабо

укомплектованных защитниками оборонительных стен. Это были: арбалет, или лук с направляющей; баллиста, своего рода большой арбалет на лафете; катапульта, стрелявшая толстыми и длинными копьями; камнемет, или метатель ядер. Хотя все исследования научного характера, которыми мы располагаем, возникли на несколько столетий позднее похода Александра, а наброски, которыми сопровождаются тексты, — это всего лишь интерпретации средневековых монахов, и хотя, кроме того, изготовление такого оружия всегда оставалось государственной тайной и производением искусства, которое уже по определению уникально, мы вполне можем себе представить принцип их действия.

Арбалет — это усовершенствованный лук, называемый «эвтитоном» (εὐθιτόνος), потому что он «натягивается в прямом направлении» по деревянному цевью, конец которого упирается в это время в живот (отсюда еще одно название этого приспособления — «гастрафет», γαστραφέτης, от слова γαστήρ, живот). Два рога лука, сделанные из рога, твердого дерева или даже металла, присоединяются к цевью в поперечном направлении. Изготовленную из кишок тетиву натягивают вдоль цевья при помощи крючка, снабженного выступами, которые цепляют за две боковые кремальеры. Стебель оперенной стрелы укладывается в центральный желоб. Тетиву высвобождают, нажимая на гашетку, и стрела, направляемая, подобно пуле в ружейном стволе, летит более чем на 100 или даже 150 метров. Преимущество этого оружия связано с его точностью. Жесткость прицеливания увеличивается, если арбалет положен на неподвижную подставку. С края рва шириной 30 метров какой угодно стрелок мог положить стрелу с крылышками, или карро, как ее называли в Средневековье, в узкую бойницу. Всякого выглянувшего из бойницы в это время можно считать покойником.

Возможно, неспроста на карточной колоде, которая пришла к нам из Индии, рядом с Александром изображаются два арбалетных карро и копье катапульты.

Баллиста (βαλλίστρα или ballista по-латински), которую называют также «скорпионом», — метательное оружие, обязанное своим названием глаголу βάλλω, «метать, поражать». Баллиста представляет собой весьма важное развитие возможностей арбалета. Установленная на деревянную станину или лафет, она дает большую устойчивость. Поскольку это орудие способно поворачиваться на основании, стрелок может изменять угол прицеливания и направление стрельбы, как в настоящей пушке. Баллиста может быть разобрана, а значит, она отличается большим удобством в обращении. Она пускает снаряды длиной подчас в два локтя, около 1 метра, и эти снаряды со своими тремя крылышками способны пробивать не только тела лошадей, но и медные или валяные панцири всадников, а возможно, и доски с изгородью. Снаряженные горючими материалами, например паклей, пропитанной нефтью или смолой, они поджигают дома или корабли противника. Баллиста способна выпускать по несколько стрел одновременно, поскольку направляющая может иметь несколько желобов. Рога лука значительно увеличены, и они слишком мощны и жестки, чтобы человек мог справиться с ними усилием мускулов. Приходится пользоваться рукояткой ворота, чтобы отвести крючок тетивы и прицепить его механизм к задней части цевья вдоль двойной кремальеры. Эта артиллерия отлично зарекомендовала себя как на равнинной местности, так и на морях или реках. Когда армии надо было переправиться через Яксарт (Сырдарья) поблизости от современного Ходжента, многочисленные дальнобойные орудия привели в

замешательство скифскую кавалерию, которая поджидала европейцев на другом берегу.

«Оксибел» (ὀξύβελής), или катапульта, также установлен на станину или треугольную разборную подставку. Цевье с направляющей, весьма длинное, монтируется на шарнире или на простой оси. Два боковых рычага с прикрепленной к их концам тетивой или плетеным кожаным ремнем, которые и будут натягиваться, направляются вперед. Каждый из рычагов пропускают через вертикальный пучок бычьих жил или конских волос. Когда тетиву натягивают посредством рукоятки ворота, волокна в пучке испытывают тем большее скручивание, чем они толще. Про катапульти говорят, что они «палинтон» (παλίντονα), то есть натяжение (в пучках) прикладывается в противоположном обычному направлении. Стоит поднять на конце кремальеры спуск, как волокна высвобождаются подобно пружине и приводят рычаги и тетиву в первоначальное переднее положение, одновременно выпуская метательный снаряд. Античные математики подсчитали, что для снаряда длиной в 3 локтя (1,38 м) диаметр пружины, вне зависимости от того, будет она закреплена в вертикальном барабане или нет, должен составлять 8 дюймов (15,3 см) в толщину, то есть одну девятую длины снаряда. Наши физики установили, что катапульта обладала начальным усилием, которое в три раза превышало усилие баллисты. Поскольку дальность зависела от мощности пружин, можно предполагать, что инженеры, находившиеся на македонской службе, пытались превзойти своих кипрских и финикийских конкурентов, заменив бычьи жилы куда более прочными нитями, например, деревянными или металлическими стержнями.

Тот же самый принцип действия у камнемета (λιθόβολος или πέτροβόλος): двойная система

закручиваемых волокон по бокам отводит назад, а затем с силой выбрасывает вперед массу, находящуюся в определенном соотношении с толщиной нитей. Ковш или захват, в котором лежит метательный снаряд, ядро или каменный блок, аналогичен концу рычага. Тетива, или натяжное устройство этой лопатки, проходит под ней. Рычаг приводится в исходное положение теперь уже с помощью шпиля, а не рукоятки ворота. Судя по всему, во время осады Тира в 332 году камнеметы бросали через городские стены и по крепостным зубцам огромные каменные блоки. Было подсчитано, что машины Деметрия Полиоркета тридцатью годами позднее метали снаряды массой около 80 килограммов на расстояние 150 метров. Чтобы выдержать ударную нагрузку при спуске, дубовые брусья изготавливались очень большого сечения и укреплялись металлическими уголками. Эти механизмы, поставленные на шасси и на колеса, волокли с места на место, подобно артиллерийским орудиям. Во время боевых действий стрелков прикрывали фашинами и кожухами.

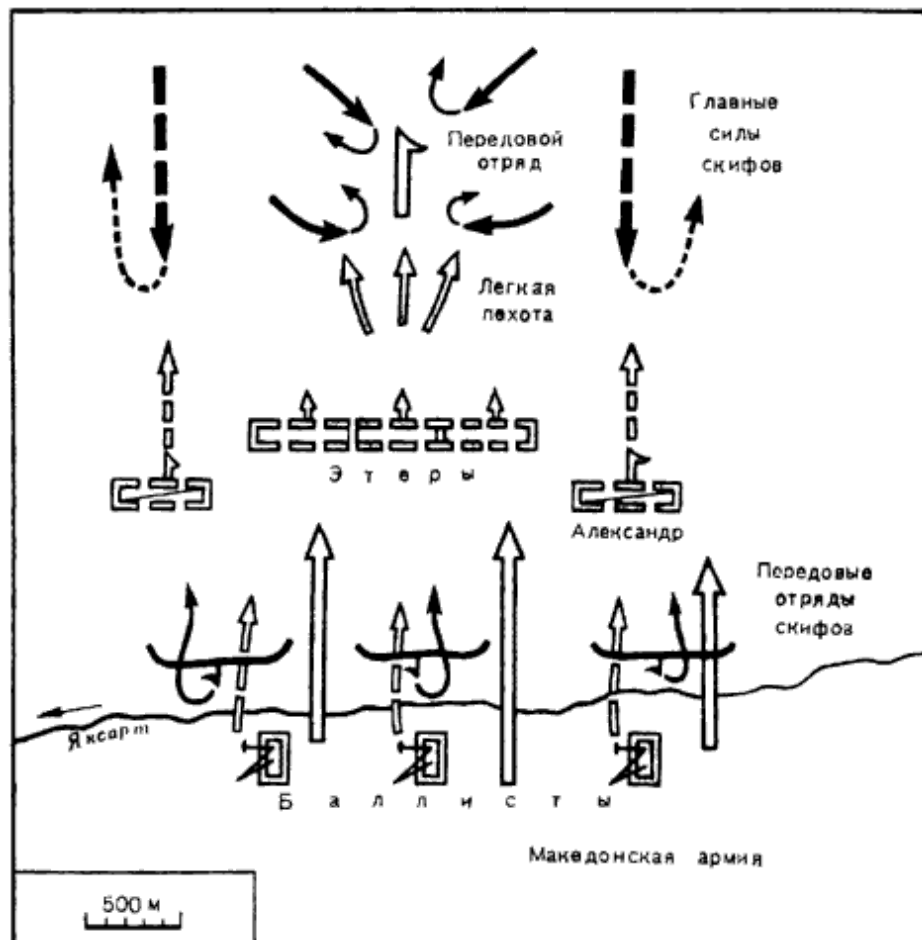

Схема битвы на Танаисе (Яксарте, Сырдарье).

Почти все, что нам известно о штурмовых башнях — подвижных и разборных — Диада из Пеллы, главного инженера македонской армии, мы знаем со слов одного эпитоматора I века до н. э., а потому можем судить о них лишь предположительно. Судя по всему, первоначально эти деревянные башни имели два этажа на квадратном основании со стороной 7,90 метра, причем второй этаж, более узкий, перекрывал первый лишь на четыре пятых площади. Вероятно, впоследствии другие башни, имевшие уже пять этажей, достигали высоты в 90 локтей, то есть почти 42 метра — дабы господствовать над стенами Тира или Газы. Должно быть, Диад изобрел своего рода сходни или перекидные мостки, которые спускали с верхнего этажа на неприятельскую

крепостную стену. На одном рисунке в рукописи трактата Афиней «О машинах» мы видим этот последний тип башни, снабженный шестью колесами. Колеса эти находились внутри каркаса, который был закрыт кожаными пластинами. Упираясь в спицы и ободья, люди приводили башню в движение в том или ином направлении. Битон Тактик в III веке до н. э. утверждает, что уже во времена Филиппа II македонянин Полиид создал так называемую «гелеполу» (ἐλέπολις), башню — «разрушительницу городов» высотой в 50 футов и снабженную мостками.

Механизм для подъема машин (или даже самой башни?) приводился в действие с помощью «беличьего колеса», в которое входили сразу несколько человек. Внутренние лестницы или сходни соединяли этажи между собой, одна была предназначена для подъема материалов, другая — для спуска. Описания, подобные тому, которое оставил Диодор (XX, 91, 2-8) относительно «гелеполы» Эпимаха из Афин при осаде Родоса в 305 году, заставляют нас пересмотреть все наши прежние представления об отсутствии у греков организации и якобы презрении, с которым они относились к своим техникам. Афиней пишет, что с машинами, подобными созданным Диадом, «инженер может снискать славу». Ошибка потомков состоит лишь в том, что вся заслуга была приписана одному Александру.

Тот же Диад и его «конструкторское бюро» усовершенствовали так называемую «черепашу», или крытую галерею, стеновой бурав, а также «ворона», или механический крюк. Тараны выдвигались под прикрытием, подвешенными к рамам на колесах, внутри направляющей длиной приблизительно 20 метров. Наконечник тарана, снабженный настоящей металлической шпорой, за несколько ударов проламывал кирпичные и даже каменные (из бута) стены. Диад даже возвел на помосте одной из этих

черепках башенку высотой в три этажа, вооруженную катапультной и снабженную запасом воды, чтобы гасить возможный пожар, поскольку, вполне естественно, осажденные пытались запалить деревянные машины противника при помощи зажигательных стрел. Чтобы противостоять действию метательных снарядов, летевших с укреплений, агрегат был покрыт водорослями, сеном, шерстью под кожухом из бычьих шкур. Бурав представлял собой брус со стальным наконечником, который можно было отвести назад с помощью воротов; двигался он на катках. Буравом сверлили стены, разбирали бутовую кладку, с его помощью можно было вводить в отверстия фитили, трубы, подводить воду.

Что касается изобретенного Диадом «ворона», у Афиня нет никакого его описания. Однако можно догадываться, по аналогии с одним механизмом, который использовали римляне против карфагенского флота в 256 году, что речь здесь шла о громадных размеров крюке, который вращался на подвижном сочленении вокруг вертикальной мачты и мог подниматься и опускаться благодаря системе блоков. В ходе осады Тира упоминаются «железные руки», которые могли захватывать и уносить размещенных на башнях нападавших. Иногда саперы выкапывали под укреплениями галереи, выгораживали там большое помещение, наполняли его охапками хвороста, обмазанными горючими материалами — смолой, серой, нефтью, — и поджигали. Через некоторое время такого рода фугас непременно взрывался. Под тяжестью укреплений земля оседала, и стена заваливалась. В текстах Квинта Курция Руфа и Плутарха не оставлен без внимания опыт, который имели греки в долине Тигра с углеводородами, с этим «земляным жиром», который со скоростью мысли переносил огонь с одного конца города на другой. Я не хочу сказать, что инженеры

армии Александра открыли тогда знаменитый «греческий огонь», эту смесь, наделенную способностью гореть в воде. Я лишь говорю, что, используя при осаде Газы источники битума и селитры в Мертвом море, дабы заминировать неприступную стену, они воспользовались взрывчатыми веществами.

Без этого корпуса превосходных техников греко-македонская армия никогда бы не смогла овладеть пятнадцатью крепостями или фортами, которые противостояли ее продвижению вперед с 334 по 326 год. Это не был волнообразный штурм, применявшийся против Милета, блокада или осада в собственном смысле слова, но настоящие саперные работы, обеспеченные военными машинами, таранами и разборными башнями.

При Галикарнасе инженерный корпус в нескольких местах засыпал широкий и глубокий ров, который прикрывал городские укрепления. Это было сделано при помощи «землекопной черепахи» (χελώνη χωστρίς), то есть крытой галереи, под которой вереница беспрестанно сменяющих друг друга носильщиков высыпала полные земли мешки и корзины, между тем как продвижение вперед прикрывала артиллерия. Затем тараны и буравы в различных местах проломали кирпичную куртину, а также основание нескольких башен, которые в результате завалились. После двух дней непрерывной осады загорелось «орлиное гнездо» мармарийцев над Фаселидой. Уместно вспомнить, что дальнобойные катапульты метали стрелы с зажженной паклей. Грозные укрепления Тира предполагали скорее блокаду, нежели приступ с опорой на флот. Того, чем располагали греки, было явно недостаточно. Диад из Пеллы предложил насыпать между материком и островом дамбу и выдвинуть вперед, чтобы прикрыть рабочих, две оснащенные катапультами огнеупорные башни. Ему же принадлежала идея (и хватило дара на

ее осуществление) возвести на двух связанных друг с другом кораблях башню и спустить с нее на укрепления перекидной мост, по которому щитоносцы Адмета и Александр смогли соскочить на стену и взять город со стороны моря. Едва завершилась осада Тира, как деревянные башни и военные машины были демонтированы и перевезены по морю к Газе. Поскольку на песке они оказались неэффективны, инженеры возвели вал, высотой почти равный стенам, и взгромоздили на него господствующие над городом башни, одновременно увеличив число подкопов. Через возникшие обвалы солдатам удалось пробиться внутрь. Скала Ариев, или «аварана» Нарату близ Кала-и-Духтар сдалась после того, как саперы разложили здесь огромный костер, между тем как Артакоана вблизи Герата сдалась при одном только приближении башен — «разрушительниц городов», которые были смонтированы за рекордное время. Мы уже видели, как три другие «авараны», или твердыни, — в Бактрии, Согдиане и Верхней Индии были взяты не штурмом, а благодаря применению военного искусства: бомбардировке скалы, заполнению ложбин, артиллерийскому огню.

Наиболее поразительным остается использование морской артиллерии вокруг Тира и при форсировании больших рек. Чтобы установить мощные катапульты (оксибелы) и камнеметы (петроболы) на суда и чтобы избежать рассеивания метательных снарядов, что неизбежно бывает связано с поворотами, килевой и бортовой качкой, корабли связывали по два, между ними настилали палубу и на этом сравнительно устойчивом катамаране устанавливали батареи. Огонь велся в направлении носа и концентрировался на одной цели. При взятии Тира Диад поместил орудия на этажи деревянных башен, находившихся на скрепленных судах. Все аппараты для стрельбы были разборными;

наплавные средства, которые были совершенно необходимы для форсирования, после каждой операции разбирали, размещали на повозки и везли через пустыни. Габариты, маркировка и числовые формулы позволяли флотским плотникам осуществлять быструю сборку. Однако приспособление машин к конкретным данным топографии и характеристикам водного потока всегда оставалось задачей инженеров, которые в каждом случае должны были изобретать и принимать решение.

Не стоит утверждать, что роль главнокомандующего была ничтожной. Однако ни мужество, ни дух инициативы, ни честолюбие не могли заменить техническую квалификацию. Александр буквально повиновался указаниям профессионалов. Именно то, что летом 326 года он вообразил себе, что акт личного героизма позволит ему обойтись без них и в один миг овладеть городом малавов, стоило ему тяжелого ранения: «Поскольку военные машины задерживались, он первым взломал дверцу в стене и ворвался в город» (*Диодор, XVII, 98, 4–99, 2*). И случилось то, что и должно было случиться: Александра окружила воющая толпа, осыпавшая его снарядами и ударами, и спасен он был только усилиями македонян, которые установили лестницы на место. Победители признали свое половинное поражение, во всяком случае ту крайнюю опасность, которой подверглись. Они приписали ранение царя пренебрежению к предсказаниям прорицателей. Было бы куда лучше, если бы Александр положился на строителей машин, на механиков, которые были сильнее его в подсчете вероятностей и даже были способны оценить полезное, возможное и необходимое, да что там — просто расстояния и сроки.

Нельзя сказать, что с 334 по 325 год Александр был простым свидетелем мероприятий, которые осуществлялись за него другими. Ибо тогда получится,

что Галльские войны были выиграны не Цезарем, а его понтонерами под командой главного инженера Фабия, а спасение французской армии в 1812 году обеспечила самоотверженность понтонеров Эбле. Несомненно, был необходим человек, который был бы способен охватить единым взглядом совокупность операций и решить, какие меры следует принять. Однако случай Полиида, Диада, Хария, Кратета, Диогнета и других иного рода: это были изобретатели, вычислители, мастера, и царю оставалось лишь извлекать выгоду из их достижений. Надо полагать, подлинные завоевания — это всегда духовные завоевания. И, как бы то ни было, зачастую техника оказывается впереди нравов и законов своего времени.

Сила экономических интересов

Если жизнь Александра — это, пожалуй, в первую очередь жизнь его армии, если, как и сами древние, мы абстрагируемся от его частной жизни (да, полно, была ли у него частная жизнь?), то его начавшееся на Ниле завоевание Азии (*Арриан*, III, 30, 9) представляет собой триумф греческой или, скорее, эгейской коммерции, которой Александр только доставил сырье и наличные средства, а также открыл все восточные рынки. Армия явилась прошедшим до Памира и до восточных границ современного Пакистана наконечником копья эллинизма — при том условии, что мы допустим, что речь здесь шла не об обмене идеями, языковыми оборотами или нравами, но прежде всего и главным образом об обмене сырьем и продуктами переработки в рамках монетарной экономики.

Мы уже говорили, что переправившийся через Дарданеллы в апреле 334 года экспедиционный корпус насчитывал, вместе с войсками, посланными Филиппом для завоевания плацдарма, приблизительно 50 тысяч военнослужащих, однако столько же было здесь и людей невооруженных, тех, кого мы называем штатскими, и среди них находились все те, кому было поручено снабжать и развлекать армию. Александр был предводителем и организатором также и этой нестроевой толпы на марше, и в то же время он от нее зависел. Именно она позволяла ему жить и выживать, но часто она же настраивала его и толкала вперед. Если нам очевидно, что Крестовые походы, наряду с прочими, имели также и экономические цели, что можно сказать о завоевателе, который после каждой большой или малой победы набрасывался на персидские сокровищницы, передавал пленников и добычу купцам, во всех

покоренных провинциях назначал наряду с военным наместником финансового администратора и создавал торговые центры, которые назывались колониями или просто Александриями? Что можно на это сказать, как не то, что Александр — воистину символ александрийской коммерции?

Величайшими и подлинными врагами всего Греческого союза, а не одного его вождя, «гегемона» Филиппа и затем его сына с македонскими товарищами, с самого начала были вовсе не Дарий и даже не Персидская империя: ими были финикийские коммерсанты, купцы, торговцы, финикийские моряки, которые господствовали во всех портах Арабавии (Сирии и Палестины) от залива Искендерун и до Египта, которые вместе с Карфагеном властвовали в Тирренском море, на Сардинии и в Испании. «Карфагеняне топят в море всякого чужака, который поплывет на Сардинию или к Столпам (к Гибралтару)» (*Страбон*, XVII, 1, 19).

На протяжении, кажется, тысячи лет между греками и финикийцами существовала торговая конкуренция, подчас перераставшая в войну. В V веке до н. э. греки ценой больших усилий покончили с экономическим господством финикийцев в Эгейском море и на Сицилии. Победа при Саламине осенью 480 года никак не отразилась на военном потенциале персов, поскольку это было, в сущности, морское сражение между финикийской эскадрой и сотней афинских триер. Финикийский флот, более чем в два раза превосходивший численностью флот Греческого союза (400 военных кораблей против 180), был столь грозен, что летом 334 года Александр отказался от морского сражения перед Милетом, несмотря на мнение Пармениона, который советовал ему рискнуть, все поставив на кон. Александр предпочел отпустить свой флот и сражаться с финикийцами с суши, нападая на их базы. Он потратил на это два года, в течение которых

были взяты все торговые порты противника от Галикарнаса до Газы, покорены десять кипрских царей, половина из которых были сиро-финикийцами по происхождению, и наконец основана Александрия, эта калитка «реки Египет», «имеющая разнообразные преимущества, поскольку местоположение города благоприятствует как морской, так и внутренней торговле, благодаря превосходному порту, а также тому, что по реке легко перевезти товары и легко сбыть их на самом большом рынке обитаемой земли» (Страбон, XVII, 1, 7).

В этом порту, который разорил все прочие левантийские фактории в Египте, находившиеся между Пелусием и Канопом, греческие коммерсанты заняли место бок о бок с македонскими солдатами и туземцами с дельты, в ожидании того, что сюда будут привлечены коммерсанты из Палестины (речь идет прежде всего об иудеях, которые поселились в четвертом квартале города). Впредь начиная с января 331 года снабженцы, поставщики, спекулянты и перекупщики семитского происхождения, как и греки, прекрасно понимали друг друга в громадном армейском обозе, так что в источниках нет даже упоминания о размолвках между ними. Возможно, это происходило потому, что все они были обуреваемы желанием завоевать рынки, эксплуатировать покоренные страны и основать торговые колонии.

Александр был щедр от природы и из любви к искусству. Однако он признавался, что ничего не смыслит в деньгах и экономике. Отправляясь из Македонии, он роздал все коронные владения своим личным друзьям и товарищам отца, «желая оставить себе одну лишь надежду» (Плутарх «Александр», 15, 3–6). В конце экспедиции в Сузах (или в Описе?) в 324 году он заявил взбунтовавшимся солдатам: «Я ничего не приобрел для себя лично, никто не может указать мои

сокровища, которые бы не были вашими или не сохранялись в надежных руках ради вас же самих» (*Арриан*, VII, 9, 9). В той же речи он признался, что при восшествии на престол не обнаружил в казне Филиппа и 60 талантов, между тем как долги монархии доходили до 500. Ему пришлось занять 800 талантов, чтобы снарядить свою армию перед отправлением из Европы, хотя, кажется, деньги эти были жалованьем, которое причиталось его 1800 кавалеристам и 12 тысячам пехотинцев всего за один месяц.

Финансовое положение армии в первые пять месяцев похода было столь неустойчивым, что после победы при Гранике, несмотря на захват сокровищ в Сардах и на золото Пактола, несмотря на добровольные взносы «освобожденных» греческих городов, в конце июля 334 года царь был вынужден распустить свой флот, потому что он обошелся ему в 640 талантов, в девять раз дороже, чем было у него денег при отправлении, и потому, что у его генерального казначея и кассира Гарпала наличность была на исходе. Однако надежда на обогащение удержала войска в повиновении, и когда в 324 году 10 тысяч уволенных солдат отправились к Киликийским воротам, жалованье выплачивалось им регулярно, личные долги оплачивались из царских средств, а к причитавшемуся жалованью и средствам на проезд было выплачено еще и выходное пособие в один талант. Кассовую наличность царской казны в 331 году можно оценить в 180 тысяч талантов (*Страбон*, XV, 3, 9). Кто взял бы на себя смелость отрицать, что Александр был рабом своего казначейства?

Два анекдота среди десятка других показывают весомость экономических факторов в медленном продвижении армии вперед, между тем как сам главнокомандующий, кажется, был к ним совершенно непричастен. Среди бесчисленных сопровождавших

армию коммерсантов (поставщиков, негоциантов, барышников, торговых агентов, торговцев рабами, пленниками, женщинами и детьми, перекупщиков, менял) некоторые не удерживались от того, что мы называем операциями на черном рынке. Зимой 330/29 года в Бактриане, когда глинобитные хижины варваров по соседству с Кабулом были погребены под снегом и армия, утомленная до изнеможения, страдала от холода и голода, скудость в припасах дошла до того, что амфора меда продавалась за 390 драхм, а амфора вина — за 300 (*Курций Руф*, VII, 4, 23). Македонский пехотинец получал в это время всего 166 драхм в месяц, что, однако, было в три раза больше заработка свободного работника в Греции! Так что гражданские лица, состоявшие при армии, делали на этом хорошие барыши, причем в самых худших обстоятельствах, короче, это были стервятники войны, способные что угодно продать и что угодно достать, между тем как командование по крайней мере трижды — в Гиркании, в Бактрии и Гедросии — отдавало приказ сжечь бесполезную поклажу. Александр полагал, что как Царь царей и верховный главнокомандующий обязан этому приказу подчиниться. На самом деле он подчинялся экономической необходимости, аппетитам своих солдат и алчности деловых людей.

Вот еще один рассказ, столь же историчный и обстоятельный, как и первый: «Сам же Александр (в октябре 325 г.) с большей частью войска (приблизительно 12 тысяч человек) ...направился в Гедросию, которая по большей части пустынна. Аристобул говорит, что в этой пустыне во множестве растет бальзамовое дерево, и здесь оно выше, чем в других местах. Финикийцы, которые сопровождали войско по торговым делам, принялись собирать с этих деревьев смолу (а она была в изобилии, поскольку стволы были очень толстые и прежде никто с них смолы

не собирал), так что теперь они ехали, нагрузив ею своих вьючных животных. Еще в той пустыне много благовонного нардового корня (*Nardostachys jatamansi* из отряда валериановых), и финикийцы собирали также и его. А поскольку много этих корней растаптывало войско, по всему краю распространялся восхитительный запах» (Априан, VI, 22, 3-5). Вот вам и пустыня! Очевидно, у точки зрения коммерсанта и точки зрения солдата не больше общего, нежели мнение о концерте Зуппе поэта и крестьянина. Быть может, мы не так уж погрешим против истины, если скажем, что именно финикийцы вели своего необузданного победителя на поиски интересовавших их товаров.

О золоте, пурпуре, самоцветах, благовониях

Особую ценность в глазах греческих коммерсантов и их конкурентов имели пять товаров: золото, пурпур, благовония, самоцветы, нефть. Фессалийские кавалеристы, которым было поручено захватить в Дамаске в ноябре 333 года обоз и детей персидской знати, «извлекли из этого величайшую прибыль... Впервые отведав тогда варварского золота и серебра, варварских женщин и образа жизни, македоняне, словно собаки, взявшие след, спешили пуститься в погоню и отыскать персидские богатства» (*Плутарх* «Александр», 24, 1–3). Мы уже говорили о том чарующем действии, которое производило золото — это окаменевшее солнце, этот металл богов, жрецов и царей, это мистическое тело огня — на умы завоевателей, как военных, так и штатских, как греческих коммерсантов, так и финикийских купцов¹⁰⁰. Золотые россыпи, открытые около 350 года в кварцах хребта Пангей, из которых Филипп II некоторое время извлекал ежегодно по тысяче талантов, истощились, и, кроме того, Македония испытывала дефицит в рабочей силе и специалистах, поскольку все самые доблестные и отважные были отвлечены экспедицией в Азию. Наносные отложения, золото из которых добывается в наше время в Македонии (близ Пердики, Скафи, Килкиса, в районе озера Коронии, Стратоники, Ахладохори) усовершенствованным химическим способом, не смогли бы дать достаточно этого священного металла для покрытия сделанных Филиппом долгов, а также тех 800 талантов, которые занял его сын, отправляясь в Азию. Существовала настоятельная необходимость отправиться в поход и взять золото из хранилищ

сатрапов и казны царя Персии, а также из россыпей Среднего Востока.

Диодор (XVII, 71, 1) и Квинт Курций Руф (V, 6, 9) одни сокровища Персеполя оценивают в 120 тысяч талантов и утверждают, что потребовалось 3 тысячи животных, чтобы их вывезти. После убийства Дария в июле 330 года добыча, которая была захвачена с его обозом, доходила до 26 тысяч талантов, 12 тысяч из которых были розданы солдатам и столько же расхитила охрана. Захват персидских сокровищ принес администрации Александра в 200 раз больше наличности, чем ее имелось у Филиппа; всем заимодавцам, залезшим в долги солдатам, наемникам, девушкам для удовольствий, попрошайкам, барышникам и ворам, которые эту администрацию окружали, овладение персидскими сокровищами доставило огромные средства, способные сотрясать средиземноморскую экономику и все социальные классы эллинистического мира. Кроме того, вот уже тысячу лет греки знали, что золото добывают в нескольких благословенных природой регионах Азии — в Колхиде (нынешняя Грузия, вдоль течения Фасиса, или Риони), у скифов на Урале, у истоков реки того же названия, в русле Окса (Вахша, или бурлящей реки, которая «катит золото в волнах»), у подножия Памира (Таджикистан) и, наконец, к северо-востоку от нынешнего озера Балхаш, к югу от современного Новосибирска, у истоков Иртыша, на отрогах Алтая, куда его отправлялись искать мифические грифоны и муравьи-золотодобытчики, о которых говорит Геродот (III, 102; IV, 27). Так что у завоевателей имелась громадная заинтересованность закрепить за собой места, которые они называли индийским Кавказом к северу от Афганистана, а также долины Амударьи и Сырдарьи — области производства и провоза золотого песка.

Солдаты и сопровождавшие их коммерсанты не были ни искателями, ни старателями, ни горняками, ни плавильщиками. Для них важно было то, что золото можно получать, погружая в воды золотоносных потоков меховые шкуры (отсюда и возникла локализуемая в Беотии и Грузии легенда о Золотом руне), посредством движений толчеи, размалывая скальную породу и промывая ее на наклонной поверхности шлюзов. Их мало интересовало то, что в девяти из десяти случаев золото это состояло из электра, содержащего до 38 процентов серебра: золотоочистные предприятия Суз, Экбатан, Вавилона и эллинизированной Лидии могли отделить золото от примесей в печах, помещая туда металл в тиглях, — с помощью серы, морской соли, древесного угля и таких органических веществ, как ячменные отруби (Агатархид, цитируемый Диодором, III, 12-13; Плиний Старший «Естествознание», XXXIII, 84; Фотий «Извлечения», § 28). Плавильщики отливали очищенное золото в слитки, в пластины, в монетные кружки, готовые к чеканке и ювелирной обработке. Деловых же людей интересовала во всем этом лишь товарная сторона, только то, что можно было превратить в наличность или наличностью являлось.

В 329 году Александр форсировал Сырдарью, договорился с обитавшими в нынешнем Казахстане саками о позволении караванам, приходящим с Алтая и из китайского Туркестана, обменивать золотой песок, теперь уже на серебряную и бронзовую греческую посуду — ту, которую можно ныне видеть в музеях Термеза, Самарканда, Ходжента, Ташкента. А чтобы обеспечить охрану прохода, в сентябре 329 года была основана Александрия на Яксарте, «Эсхата», то есть «Крайняя». Царь поселил здесь, как и в других Александриях, всех изъявивших такое желание туземцев, сколько-то непригодных к службе македонян и греческих наемников и коммерсантов, которым

предстояло, как и в прочих местах, сделаться ремесленниками и лавочниками. Прежде всего они отыскивали себе среди местных жителей супругу, подругу или служанку. Работоторговцы, переводчики, врачи, которые следовали за армией, играли свою посредническую роль и здесь, — извлекая при этом громадные барыши. Они приучали местное население к греческому языку и деньгам.

То ли в насмешку, то ли из презрения один сатрап прислал измученным и изголодавшимся воинам Александра, когда они выходили из пустыни Гедросии, золотых монет. Возмущенный царь спросил у наглеца, едят ли его лошади металл, и сместил его (ср. *Арриан*, VI, 27, 1). Ручаемся, что такого рода провиант был бесполезен далеко не для всякого. Ибо менялы, коммерсанты, художники и артисты постоянно следовали за солдатами, будь то войско Александра, Кратера либо Леонната. Золото интересовало их не меньше, чем добыча. «Овладев Сузами, Александр захватил в царском дворце 40 тысяч талантов золота в монетах и еще в его руках оказалась утварь неопишущей роскоши. Говорят, еще он здесь обнаружил 5 тысяч талантов гермионского пурпура (Гермиона — маленький порт в Арголиде на Пелопоннесе), который, хотя он был сложен там еще 190 лет назад (после восшествия на престол Дария I в 521 году), не утратил свежести цвета и яркости» (*Плутарх* «Александр», 36, 1–2). По финансовым отчетам, которые представлял совет на Делосе, мы знаем, что единица веса этой краски, которую получали из крошечной железы моллюска багрянки (*Murex brandaris*), обменивалась на такой же вес неочищенного серебра.

Пурпур считали кровью богов. Одежды, окрашенные в кроваво-красный цвет, могли носить лишь идола богов и сильные мира сего — цари, полководцы, офицеры. На этом настаивала индоевропейская традиция, в

соответствии с которой всякой касте соответствовал свой цвет: для жрецов это был белый, для воинов — красный, для скотоводов и земледельцев — черный или темно-синий. Одетый в красную шапку и красный плащ Александр считал пурпур самым ценным после золота символом своего всевластия (*Плутарх* «О воспитании детей», 14, Па).

Овладев городами Бактрии и Согдианы, завоеватели захватили рынки лазурита, бирюзы, сердолика и топазов, под их контролем оказались караванные пути, которые вели к рудникам Бадахшана в восьми днях пути на северо-восток от Кабула или в хорезмийской области к югу от Аральского моря. Обосновавшись в Оритских горах к северу от современного Карачи, торговцы обнаружили здесь самоцветы, которые служили александрийцам талисманами, — изумруды и рубины. После азиатского похода в Египте и Греции стало появляться все больше перстней с самоцветами, а также инкрустированных драгоценными камнями сандаловых шкатулок, искрящихся серег и браслетов, просвечивающих каменных чаш, которые заняли место традиционных античных ювелирных изделий из простого золота или очищенного серебра.

Мы уже видели финикийцев, которые сопровождали мучительное отступление армии из Гедросии, когда солдаты ломали повозки и поедали мясо упряжных животных, между тем как финикийцы знай себе собирали благовонную смолу саванны (октябрь 325 г.). Коммерческая ценность благовоний не была для них тайной в ту эпоху, ибо они играли значительную роль в самых разных религиях, в медицине, в уходе за телами живых и мертвых, в поварском искусстве, даже в самой сфере человеческих эмоций, и прежде всего эмоций самого Александра (*Плутарх* «Александр», 4, 4-6; «Застольные беседы», I, 6, 623e-f).

Во времена Александра в областях обитания греков имелись четыре вида не особенно ценных благовоний: настойка критского ладанника, камедь мастикового дерева, терпентинное масло (скипидар), бальзам стираксового дерева, который собирали в Сельге, на юге Малой Азии. За большие деньги греки закупали в Персидской империи бальзам из Иудеи, кассию, имбирь или корицу из семейства лавровых — сирийскую и эфиопскую, ладан или фимиам и аравийскую мирру из семейства бурзеровых¹⁰¹, кору коричневого индийского лавра и ладан, мускусный орех. Семиты, которые в конце III тысячелетия до н. э. начали применять камедь ладанного дерева (*Boswellia Carteri*) и мирру (*Commiphora simplicifolia*) в религиозной практике, использовали ее для того, чтобы обратить в бегство зло и смерть, вступить в общение с богами, избежать своего жребия и обрести вечность. Финикийцы говорили, что кора дерева мирры трескается для того, чтобы произвести на свет бога Адониса (что буквально означает «Мой Господь»), возлюбленного Астарты-Афродиты на Кипре. Начиная с V века до н. э. греки все увеличивали потребление ароматической камеди. Сжигание ладана и мирропомазание стали двумя неизменными действиями при исполнении религиозных ритуалов и на праздниках.

В ноябре 332 года, в ходе осады Газы («сокровищницы») Александр отправил Леониду, который воспитывал его в раннем детстве, 500 талантов ладана и 100 — мирры, «чтобы он перестал проявлять скардность в отношении богов» (*Плутарх* «Александр», 25, 6–8; он же «Изречения...», 4, 179е). Сопровождавшие Александра ботаники из школы Аристотеля получили в Вавилоне и Индии сведения о путях подвоза и средствах получения драгоценных благовоний, специй и приправ, и они, несомненно, так же как и участвовавшие в походе финикийцы, раззадоривали своего

главнокомандующего. За несколько месяцев до смерти Александр занимался подготовкой большой экспедиции вокруг Аравийского полуострова. Демонстрация военной силы, которая при необходимости сопровождалась бы осадой нескольких городов от Тарима до Саны, должна была напомнить вождям мелких племен, что они данники Царя царей, что Арабайя, или «степь» — неотъемлемая часть Персидской империи и что взимаемая с них дань состоит, помимо золота, жемчуга и драгоценных камней, из благовоний.

Завоевание Йемена было детской мечтой и последним желанием умирающего. Стоило царю преставиться, как его набальзамировали и перевезли из Вавилона в Мемфис, а затем в Александрию в Египте и поместили в наполненном благовониями саркофаге. Наиболее очевидным и непреложным из его завоеваний явилось открытие трех новых путей доставки специй и благовоний: через Белуджистан, через Оманский пролив и по Красному морю. Александр, первый из трех царей-волхвов, проявлял величественное презрение к торговцам специями и барышникам, однако он как нельзя лучше служил их интересам.

Греки — предшественники Александра

Вполне можно утверждать, что если вторжение в Персидскую империю оказалось сравнительно легким делом, то это объяснялось не только тем, что ее исходили вдоль и поперек путешественники, дипломаты, врачи и торговцы начиная по меньшей мере с VI века до н. э., но потому, что повсюду в ней, за исключением Индии, утвердились и поддерживались очаги греческой культуры, имелись гнезда греческого ремесла и предпринимательства. Было бы заблуждением полагать, что балканские города и цари были непримиримо враждебны к персам: даже победители греко-персидских войн Мильтиад, Фемистокл, Павсаний, Каллий состояли на службе у Великого царя, проложив путь врачу и историку Ктесию, афинскому флотоводцу Алкивиаду, флотоводцам Лисандру, Конону, Анталкиду, полководцу и историку Ксенофону... Македония и Фракия, именовавшиеся соответственно «Явана широкошляпная» и «Скудра» еще в IV веке рассматривались как часть азиатского царства, точно так же, как Явана (Иония) и эллинизированные царства на Кипре.

На обнаруженной 17 февраля 1970 года в основании дворца Дария I в Сузах закладной таблице перечислены страны и специалисты, которые приняли участие в его возведении в конце VI века до н. э. Царь называет свое имя и говорит: «Народы Ассирии доставили балки из ливанского кедра до Вавилона, а отсюда карийцы (из области Галикарнаса) и ионийские греки довели их до Суз... Золото было доставлено из Сард и Бактрианы и обработано здесь. Редкие камни лазурит и сердолик, которые были обработаны здесь, происходят из

Согдианы. Бирюза же происходит из хорезмийского края (к югу от Аральского моря, область Хивы), и она была обработана здесь. Серебро и эбеновое дерево были доставлены из Египта. Элементы убранства террасы были доставлены из Ионии. Каменотесы были ионийцами и уроженцами Сард». Итак, обосновавшиеся в пределах этой космополитической цивилизации греческие либо эллинизированные ремесленники и рабочие упоминаются в этих нескольких строках пять или шесть раз. Как правило, все закрывают глаза на то, что, вступив в Месопотамию и оказавшись затем на Иранском нагорье, участники экспедиции Греческого союза были вначале выведены из равновесия, а затем изумлены и взбешены тем фактом, что им довелось встретить здесь такое множество греческих ремесленников, ученых и поселенцев, состоявших на службе у Ахеменидов.

Хотя в V веке до н. э. персидские полководцы угрожали восставшим ионийским грекам депортацией в Бактриану (в Стафилы или в Нису в Гандхаре?), тем, что они разделят судьбу африканских баркейцев, которых Дарий, согласно Геродоту (IV, 204), увел с собой, многие греки обосновались в Персии добровольно и даже пустили здесь корни. Известно по меньшей мере семь мест, где они жили до прибытия в Азию Александра.

1. «В Киссии (ныне Хузистан в Иране), в поместье Дария, именуемом Ардерикка, в 210 стадиях (37 км) от Суз и в 40 стадиях (ок. 7 км) от колодца, из которого добывают три разных продукта: асфальт, соль и масло» (*Геродот*, VI, 119; ср. *Флавий Филострат* «Жизнь Аполлония Тианского», 1, 23–24).

2. «Колония милетян» (*Плиний Старший* «Естествознание», VI, 28), основанная Дарием «на море, именуемом Эритрейским (Персидский залив), в городе Ампе, мимо которого протекает Тигр перед своим впадением в море» (*Геродот*, VI, 20); место будущей Басры (Ирак).

3. Эвбейцы обосновались в Гортиене, недалеко от Джезирата, где 21 сентября 331 года армия Александра форсировала Тигр, в 160 километрах к северо-востоку от Мосула (*Курций Руф*, IV, 12, 11). Селевкиды основали здесь Александрию Мигдонскую.

4. Милетяне, жрецы Аполлона и Бранха, которых, должно быть, Ксеркс поселил в Бактрии близ залежей нефти в Тармите (Термезе), если не в самой Тармите, где Александр основал свою Александрию на Оксе. «Нравы и обычаи предков они хранили (в 329 г.), однако стали двуязычными и постепенно отказывались от родного языка в пользу чужого» (*Курций Руф*, VII, 5, 28–29). Судя по всему, Александр всех их перерезал как предателей греческого дела.

5. В Вавилоне была колония греческих коммерсантов, ремесленников и ученых, о чем свидетельствовал Геродот около 450 года до н. э.; 120 лет спустя их потомки оказали «великой армии» такой теплый прием, что Александр решил перенести сюда свою столицу. Следует вспомнить, что наиболее верными и надежными наемниками Дария были греки.

6. На окраине Персеполя в апреле 330 года «навстречу Александру, держа в руках оливковые ветви молящих, вышли греки, которых выселили сюда прежние персидские цари. Было их почти 800 человек, большинство весьма преклонных лет, и у всех тела были изувечены» (*Диодор*, XVII, 69, 3). Курций Руф говорит, что их было 4 тысячи (V, 5, 5). Читая закладные таблицы ахеменидских дворцов, можно усомниться, действительно ли имело место намеренное калечение этих людей. Информаторы Клитарха приняли профессиональные недуги или признаки старости за следы жестокой расправы, между тем как ветви молящих у них в руках говорили о том, что здесь, как и в Тармите, грекам приходилось каяться в пособничестве врагу.

7. В Халонитиде (современный Луристан), на полпути между Багдадом и «парадисом», или царским парком, по соседству со знаменитыми Бехистунскими надписями, Ксеркс поселил греков, сведущих в горном деле: «Здесь и поныне обитает беотийское по своему происхождению население... Люди эти еще хранят память об обычаях своих предков. Они двуязычны, и в одном своем диалекте подобны местным жителям, а в другом сохранили по большей части греческие слова. Сохранилось у них и кое-что из былых занятий» (*Диодор*, XVII, 110, 5).

Примечательно, что из семи перечисленных греческих поселений на Среднем Востоке до прихода сюда Александра по меньшей мере пять находились в непосредственной связи с производством асфальта и нефти¹⁰² и что три (или четыре?) из них оказались поглощены основанными здесь Александриями. Это говорит о том, что греческие коммерсанты проявляли большую заинтересованность в том, чтобы закрепить за собой добычу и продажу или перепродажу трех углеводородов, которые народы Вавилонии, Кармании и Согдианы использовали на протяжении более тысячи лет, чтобы обеспечить непроницаемость своих плавучих средств, а также при закладке домов и для растопки печей. Плутарх («Александр», 35; ср. *Страбон*, XVI, 1, 15; *Плиний Старший*, II, 235) говорит об изумлении, в которое пришли Александр и его товарищи, когда они увидели, как со скоростью мысли воспламенилась дорожка из нефти, проложенная из конца в конец улицы Арбел, недалеко от нынешних скважин Мосула. Тот же Плутарх («Александр», 57, 5-8; ср. *Курций Руф*, VII, 10, 13-14; *Арриан*, IV, 15, 7-8) рассказывает, что когда вблизи Тармиты (Термеза) македонянин Проксен рыл землю, подготавливая место для царской палатки, он обнаружил источник масла и воды, читай: нефтяной источник в центре современных нефтеразработок.

Мы не станем превращать Александра в изыскателя золота или нефти, но согласимся с тем, что он основывал города из экономических соображений и что его составленная из солдат армия была оружием, орудием или инструментом его же отряда коммерсантов. Занятие Согдианы прямо или косвенно связано с контролем над золотыми россыпями, разработкой самоцветов и залежами углеводородного сырья. Точно так же, как персидские вожди Бесс, Спитамен, Ариямаз, Сисимитр, македонский царь испытывал настоящую нужду в экономических ресурсах Согдианы для обеспечения продовольствием войск, их экипировки, для получения свежих лошадей, а также предметов роскоши, необходимых для полноценного функционирования царского двора.

Люди делового мира

Все в армии, от полководца до последнего наемника, в равной мере постоянно нуждались в деньгах, которые они получали под процент. За много сотен дней кампаний жалованье, доход от добычи, премиальные и сбережения истощались. В последние годы приемы обходились так дорого, что интендантской службе пришлось ограничить расходы, отпускаемые на каждый пир, суммой в 10 тысяч драхм. Ситуацией пользовались ростовщики. Александр, как и все, стал добычей денежных мешков. Взойдя на престол, он обнаружил отцовскую казну пустой, а также 500 талантов долга. А для того, чтобы совершить поход против фракийцев, иллирийцев и восставших греков, ему надо было экипировать армию в 25 тысяч человек и выплатить им 4 тысячи талантов жалованья. Как это можно было сделать, не занимая деньги у чужеземных банкиров, не уступая деловым людям доходы с копей на горе Пангей, не отдавая на откуп таможи, порты, солеварни, царские земли, леса и прочее?¹⁰³ Повторяю, что, согласно Арриану (VII, 9, 6), Александр занял еще 800 талантов, чтобы, отправляясь в Амфиполь 21 марта 331 года, выплатить своим македонским войскам месячное жалованье, между тем как он уступил своим «друзьям» все царские владения, а золотые копи на горе Пангей, при Филиппе подвергшиеся чрезмерной эксплуатации, уже не приносили, как при отце, тысячи талантов в год.

Один только Гарпал, сын Махата, товарищ Александра, разделивший с ним опалу, крупный вельможа, негодный к военной службе по нездоровью, что-то смыслил в вопросах финансов (*Арриан*, III, 6, 4-6). Начиная с 336 года на него было возложено попечение о македонской казне, то есть надзор за поступлениями и

выплатами. На протяжении двух лет Гарпалу удавалось находить необходимые кредиты — возможно, на финансовых площадках Афин, Эгины и Коринфа. Затем вдруг, «незадолго до сражения при Иссе (в ноябре 333 г.) он согласился на уговоры некоего Тавриска, человека дурного, и бежал вместе с ним» (*там же*, 7). Через год Александр призвал Гарпала вновь и снова вернул ему верховное попечение о финансах новой империи. Александр пошел даже на то, чтобы в конце 330 года, после смерти Пармениона, поручить Гарпалу, с официальным титулом сатрапа, управление обширной территорией, которая простиралась от Вавилонии до Средиземноморья (*Диодор*, XVII, 108). Однако этот своего рода вице-король, управляющий центральным казначейством, интендантской службой и доставкой провианта походным колоннам, которые двигались вдоль царских дорог, на которого была также возложена обязанность следить за сообщением с Грецией и Македонией, вновь бежал в марте 324 года. Через Таре он прибыл из Вавилона в Афины с 5 тысячами талантов и таким же числом наемников¹⁰⁴.

В Новое время было немало рассуждений относительно причины или причин, побудивших великого финансиста так предательски обмануть доверие своего начальника. Поскольку древние делали упор на природную трусость, малодушие, любовь к куртизанкам, политические амбиции, стыд оскандалившегося деятеля, уместно задаться вопросом, нельзя ли объяснить его поведение как-то иначе, нежели в терминах морали. Было много других министров финансов, уже в Новое время, которые внушали подозрение монархам своим стремительным обогащением; для Франции достаточно будет упомянуть Жака Кёра, Жака де Бона сеньора де Самблансэ и генерального контролера финансов Фуке^[50]. В данном случае интересно не то, что Гарпал обогатился, но как

это произошло. Историки почти единодушны в двух отношениях. Во-первых, очевидно, что после имевшего место зимой 325/24 года осуждения полудюжины сатрапов по возвращении Александра в Персию Гарпалу также предстояло отчитаться перед хозяином. Во-вторых, Гарпал со своими немногочисленными наемниками, 30 кораблями и незначительной оставшейся у него суммой денег оказался неспособен заручиться поддержкой Греции. Известно, что народное собрание в Афинах отказало ему в военной поддержке, приняло в городскую казну те немногие деньги, которые он сдал на хранение, и осудило Демосфена и Демада за то, что они позволили Гарпалу себя подкупить. Никакое другое греческое государство не предложило ему убежища, и вскоре он был убит на Крите своим товарищем по несчастью. Вот почему все смотрели на это золото как на позорную улику, как на проклятое — поскольку было оно чересчур уж ловко приобретено.

Однако Гарпал не возил с собой казны (*газа*) Персидской державы. Сумма золотой наличности, которая доходила до 200 тысяч талантов, как в слитках и песке, так и в виде чеканной монеты, находилась под строгим надзором в крепостях древних столиц. Исчезновение 5 тысяч талантов было практически незаметным при таком количестве золота. Если весной 324 года великий финансист смог их увезти малой скоростью, на повозках, а кавалерия Александра, которая тогда находилась вблизи Вавилона, даже не сделала попытки его нагнать, и впоследствии эти деньги, положенные в банки Афин, не были у них истребованы, так это потому, что Гарпал мог рассматривать эти таланты как собственное добро, как личное вознаграждение, которое позволило ему вернуться в Грецию, чтобы жить здесь в свое удовольствие. Тогда же, когда и он, в то же самое время, в Сузах 11 тысяч македонян требовали

демобилизации и премиальных по случаю окончания службы. Приобретя состояние, Гарпал, как и многие другие, после 12 лет приключений, шесть из которых прошли в самом нездоровом из возможных климате, желал лишь одного: вновь увидеть свою страну. Интересно для нас в данном случае лишь то, каким образом Гарпал и некоторые другие смогли обогатиться. Будучи добропорядочными финансистами, они ограничились лишь спекуляциями с монетой, заменив систему накопления драгоценных металлов, характерную для прежних персидских царей, многообещающей системой денежного обращения. Короче говоря, они вдохнули в отношения между народами динамику, которая оказалась куда созидательнее кавалерийского натиска завоевателей.

Их нововведения вмещаются всего в несколько цифр¹⁰⁵. Филипп подал всей Греции пример биметаллизма, и этот пример имел огромные последствия в области политики, промышленности, торговли и даже морали: распространив по Греции свои статеры весом в 8,6 грамма золота (χρυσοί или φιλίππειοι) стоимостью в 20 серебряных аттических драхм или 14 серебряных эгинских драхм, он довел соотношение между двумя металлами до 1:10 вместо 1:13 $\frac{1}{3}$, и 1:12. Статер стали даже предпочитать монете персидских сатрапов, поскольку дарик, имея ту же нарицательную стоимость, весил немного меньше статера, 8,4 грамма вместо 8,6 грамма.

На протяжении длительного времени монетный двор в Амфиполе, а затем в Пелле чеканил превосходные македонские монеты, которые пользовались громадным успехом на рынках Афин и Делоса и даже у казначеев бога Аполлона в Дельфах. Менялы в этом городе брали комиссионные в размере эгинской серебряной драхмы при размене одного золотого филиппея, то есть приблизительно 7 процентов. И наоборот, когда

экспедиционный корпус овладел сокровищами Даскилия, Сард, Тарса и Дамаска (2600 талантов в дариках), была начата чеканка монеты уже от имени Александра, соотношение золота к серебру

1:10 было сохранено, и это в тех странах, где практиковался старинный обмен, то есть продавцы, давая меньше золота, получали на 30 процентов больше серебра. Поскольку в Персидской империи серебро было сравнительно дефицитным, в соотношении 1:13, деловым людям было тем более выгодно менять европейское серебро на азиатское. Если 166 ежемесячных драхм македонского фалангиста выплачивались ему золотом в виде 8,5 статера, он спешил перевести это золото в серебро на текущие расходы, и меняла дважды выигрывал при обмене. С другой стороны, если 300 золотых персидских монет, дариков, весили вначале 2,520 килограмма, между тем как 300 золотых статеров, или филиппеев, имевших ту же нарицательную стоимость, весили 2,580 килограмма, на каждом таланте греки теряли по 7 филиппеев. Казначей, заменяя более тяжелую монету более легкой или переливая более тяжелую в более легкую, приобретали по 7 филиппеев на талант, то есть 140 серебряных аттических драхм, которые стоили дешевле персидского серебра, и т. д. Мы видим, вследствие каких операций, переводов денег и манипуляций с ними такие изобретательные деятели, как Гарпал, могли с легкостью обогатиться и провести Александра. Дурная монета всеми правдами и неправдами вытесняла полновесную.

Последствия этого денежного оборота тем более значительны, что мы не в состоянии их измерить и, быть может, даже вообразить их воздействие на общество. Казначей, ростовщики и менялы, которые на всех финансовых площадках Греции, Македонии, Малой Азии и Египта скупали у демобилизованных солдат дарики их

жалованья, государства и города, которые их заново переливали или переводили в золотые статеры весом от 8,5 до 8,6 грамма, производили очень выгодные операции. Серебряные статеры, стоившие 2 серебряные аттические драхмы, а также серебряные тетрадрахмы заняли место персидского серебра. Начиная с зимы 333/32 года золото стало притекать на все рынки восточного Средиземноморья. Можно полагать, что на момент смерти Александра золота здесь было в 20 раз больше, чем при его восшествии на престол.

Изобилие наличных средств внесло значительный вклад в развитие технического прогресса и рост производства. Золото привело к стремительной распродаже всего, что могло быть куплено — как необходимого, так и избыточного, как материального, так и нематериального, всего в полном смысле слова — от человеческих тел до умов и пристрастий. Поскольку бедным стало не по карману покупать на свои деньги из низкопробного серебра (или даже на свои серебряные монеты) товары, становившиеся все более дорогими по причине конкуренции со стороны золота, обнищание шло с той же скоростью, что и рост цен. Чтобы вырваться из нищеты, даже в Азии несчастной молодежи не оставалось ничего другого, кроме как записаться в войска завоевателя, то есть продаться, сделаться наемником и начать подталкивать своего полководца на завоевание новых богатых золотом стран. Новая система так потрясла все общественные отношения, как этого и не мог вообразить себе Александр.

Наконец, введя двойную монетную систему в странах Среднего Востока, которые до тех пор знали только меновую торговлю или использовали такие архаичные формы денег, как соль, амбру, раковины, жемчуг или полудрагоценные камни, коммерсанты и военные финансисты основали также и более

утонченные, более художественные международные отношения. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить взгляд на восхитительные монеты греческих царей Бактрии.

Роль флота

В экономической сфере роль Александра свелась лишь к тому, чтобы основать несколько колоний или сторожевых постов на протяжении последнего периода царствования. Для потомства он, также символически, стал основателем всех эллинистических Александрий. Вообще говоря, это были укрепленные военные базы, в которых македонский элемент должен был преобладать над туземным или любым другим. На деле же предшествующий тип колонизации, преимущественно сельскохозяйственной, в которой звание колониста оправдывалось возделыванием, в том числе самих себя^[51], Александр подменил другим, колонизацией торговцами, лавочниками и ремесленниками, как греческими, так и финикийскими, которые прекрасно ладили друг с другом в стремлении выжать все соки из военных и туземцев.

Можно сопоставить с этим, с соответствующими поправками, нараставшую как снежный ком активность торговцев из восточного Средиземноморья или Китая в колониях уже Нового времени и неспособность глав государств обуздать их и проконтролировать. Заслугу открытия нового торгового пути от Индийского океана, этой «дороги пряностей», следует считать заслугой не Александра, а его флота¹⁰⁶ со сменявшимися друг друга флотоводцами и морскими инженерами. В течение зимы 333/32 года основная часть флота Дария переметнулась на службу к Греческому союзу и ее главнокомандующему. Летом 332 года флот, которым командовал македонянин Гегелок, насчитывал, согласно Арриану (II, 20, 1-3), приблизительно 225 военных кораблей: около 80 пришли из Арада (ныне Арвад), Библа и Сидона, 120 — с эллинизированного острова

Кипр, 13 — из Киликии и Ликии, 10 — с Родоса. Не имей их Александр, ему никогда бы не взять Тира, точно так же, как финикийские торговцы никогда бы не уступили греческим, а продвижение сухопутных сил дальше — в Египет, Вавилонию и Индию — не могло бы продолжаться, поскольку в ходе его необходимо было переправляться через водные потоки, многократно более полноводные и широкие, чем реки Греции, подниматься по ним или спускаться, обследовать неизвестные моря. В 326–325 годах значительная часть экспедиционного корпуса, в первую очередь штатские, спустилась по течению Джелама и Инда вниз, погрузившись на 1800–2000 кораблей, 200 из которых были построены плотниками греческих военно-морских сил. Неарх vyplыл из Паталы (близ Татты) в 155 километрах к востоку от Карачи примерно в конце октября 325 года со 120 наиболее крупными кораблями, на которых разместились приблизительно 10 тысяч человек. Накануне своей смерти Александр распорядился построить в Вавилоне и на юго-востоке озера Румия, там, где впоследствии была основана Александрия Харакена, причалы для тысячи судов, и Неарх готовился к тому, чтобы с флотом, способным принять на борт 40 тысяч человек, установить контроль над Аравийским полуостровом.

Арриан сохранил нам начало «Записок» Неарха, сына критянина Андروتима, советника Филиппа II («Индика», 20, 1–2): «Александром овладело страстное желание (πόθος) проплыть от моря напротив Индии до Персидского моря. Сдерживала его как протяженность плавания, так и опасность того, что, угодив в пустынное место, непригодное для якорной стоянки или лишенное припасов, он загубит весь свой поход. А это поставило бы жирный крест на всех его великих подвигах и свело бы на нет все его везение. Однако в душе его все же

взяло верх желание совершить что-то новое и небывалое».

Если читать между строк, мы видим, что царь проявлял больше честолюбия и тщеславия, чем мужества и компетентности, и признавал, что весь его великий поход являлся в большей мере делом солдат, а главное — военно-морских сил. В этой победе важнее всего было не число судов, а их форма, не количество, а качество. Наши историки упоминают суда, которые были неизвестны в V веке до н. э.: «пентеры» (πεντήρεις, *Арриан*, II, 22, 3) или «квинкверемы» (*Курицы Руф*, IV, 3, 11), «тетреры» (τετρήρεις, *Арриан*, I, 21, 9) или «квадриремы» (*Курций Руф*, IV, 3, 14-17), говорится также о «скоростных (ταχυναυτούσαι) триерах» (*Арриан*, II, 21, 1), о «гемиолиях» (ἡμιολία, *Арриан*, III, 2, 4) или судах в «полтора ряда гребцов», о «триаконтерах» (τριάκοντοροι, *Арриан*, II, 21, 6), или кораблях с 30 гребцами, которые были подчас полностью перекрыты сверху и назывались тогда «катафрактами» (κατάφρακτοι), о «дикротах» (δίκροτοι, *Арриан*, VI, 5, 2-3), или судах «с двумя рядами гребцов» по каждому борту, и о «керкурах», с кормой, похожей на «поднятый хвост» (κέρκουροι, *Плиний Старший* «Естествознание», VII, 56, 209; *Арриан*, VI, 18, 3 и др.)^[52], уже не говоря о различных транспортных или грузовых судах, которые назывались буквально «круглыми кораблями» (στρογγυλά πλοία) — вспомогательных судах для лошадей и провианта, баржах, плотках и посудинах туземцев. Наиболее оригинальными и эффективными из всех этих судов были те, которые римляне называли «квадриремы» и «квинкверемы». В первой половине IV века до н. э. финикийцы задались целью усадить за каждое весло своих галер с широкой палубой и высокими фальшбортами по несколько гребцов. Скамьи гребцов поставили под косым углом к борту. Так на свет появились суда, в которых было не по четыре, а по два

этажа, и, если смотреть на гребцов с палубы, как с правого, так и с левого борта размещались по четыре человека: это были квадриемы или тетеры. Точно так же и на квинкверемах насчитывалось по пять рядов гребцов с каждого борта, которые были рассажены на двух или трех уровнях. Выигрыш в скорости мог достигать до 15–30 процентов, принимая в расчет прирост в силе, который получал валец каждого весла. Галеры, которые были вооружены бронзовыми таранами, могли в одно и то же время сражаться и транспортировать более 50 бойцов. Тяжелые и куда более устойчивые, нежели изящные греческие триеры, они были к тому же пригодны к связыванию попарно. Но интереснее всего, с точки зрения историка, кипрские керкуры с парусом и веслами, имитирующие финикийские «киркары». Александр привел за собой в Индию кипрских строителей. Их кораблями, которые в 325 году спускались по течению Инда, командовали Никокл, сын царя Сол на Кипре, и Нитафонт, сын царя кипрского Саламина. Судя по тому немногому, что мы знаем об этом судне на основании иконографии, очень вероятно, что он послужил образцом или прототипом для кораблей, называемых здесь «дунгия», которые использовались по берегам Индийского океана приблизительно вплоть до 1930 года. Макет такого корабля можно видеть в Военно-морском музее в Париже. Это были каботажные суда длиной в 13–15 метров, которые ходили под парусом и на веслах только во время муссонных ветров и для которых были характерны высокие фальшборта и полуют с двумя сильно наклоненными палубами. Те, кто управлял этими кораблями вдоль берегов Персидского залива, от Аравии до устья Инда и до Бомбея, утверждали, что это самые древние суда во всех индийских морях и что они восходят ко времени появления в Индии великого Искандера. Понимай: ко времени (с октября по декабрь

325 г.) экспедиции Нearchа, этого истинного первооткрывателя морской дороги пряностей, по которой с этих пор всегда следовали моряки Месопотамии, а за ними — арабские и индийские. Точно так же, как для форсирования больших рек на платформах, поддерживаемых на плаву бурдюками, Завоевателю достаточно было использовать изобретения азиатов, а вовсе не греческие и не свои собственные.

Символ единения или империализма?

Итак, на протяжении последних 200 лет историки создают различные образы Александра, которые социологи единодушно развенчивают. Опираясь на все более жесткую критику литературных источников и тех редких надписей, которыми мы располагаем, на то немногое, что нам удастся разгадать относительно цивилизаций Среднего Востока в IV веке до н. э., сравнивая Александра с другими завоевателями, они по сути рассматривают жизнь Александра не как собрание анекдотов, а, скорее, как выражение и отражение существования многочисленных более или менее структурированных обществ. Они делают из Александра символ, знак потаенного и живого присутствия, особенно когда речь идет о том, чтобы объяснить его поведение на протяжении шести последних лет его жизни, — короче говоря, политику, которую Александр проводил в Азии после ухода со сцены Дария в июле 330 года. Уже древние разделились в ответах, которые они давали на сформулированную ими же дилемму: был ли Александр злым гением, домогавшимся мирового господства, или мудрым предтечей космополитизма?

Исследователи отталкиваются от некоторых данных, уже представленных нами в главе, посвященной фактам: после июля 330 года роль, которую играют в экспедиции греки, сходит на нет, царь сводит счеты со старыми товарищами, с друзьями и даже с пажами, сохранившими верность македонскому духу, между тем как на всех ступенях гражданской и военной иерархии их места занимают выходцы с Востока. Во время свадьбы в Сузах в марте 324 года, а затем — большого пира в знак примирения между македонскими и

персидскими грандами в Описе, в 30 километрах от современного Багдада, в сентябре 324-го, Александр «просил у богов, чтобы между македонянами и персами воцарилось единомыслие и общность полномочий» (Арриан, VII, 11, 9). Скрупулезно исполняя требования македонских религиозных обычаев и уважительно относясь к чужеземным культам, он специальным указом, который должен быть оглашен у всех греков, повелевает, чтобы его рассматривали в одно и то же время как царя Александра, сына бога Зевса-Амона, верховного главнокомандующего Греческого союза и царя всей Азии. За несколько недель до смерти он занят подготовкой похода, перед которым поставлена цель покорить Аравийский полуостров и сокрушить Карфагенскую империю. Можно ли на основании этих данных считать Александра символом политики ассимиляции, аннексий, империализма или чего-то другого? Иоганн-Густав Дройзен, ученик Гегеля и великий поклонник его теорий о смысле истории, дал взамен героизированного или обожествленного образа царя, столь же дорогого античной иконографии и мифологии, как и романтизированным повествованиям Средних веков и классической живописи, другой образ — основателя новой эры, эры слияния консервативного Востока и Запада, создателя смешанной цивилизации, которая просуществует до падения Константинополя в 1453 году. Труд юного немецкого романтика, опубликованный в 1833 году с обширным критическим аппаратом, а затем вышедший в пересмотренном виде в 1877-м как часть его неоконченной «Истории эллинизма», противопоставляет концепции чуда концепцию разума, обладающего знанием и способного к рассуждению: «Тот, кто благодаря своему разуму способен предвидеть, по природе властвует и господствует» (Аристотель «Политика», I, 2, 1252a, 31-32). Так, в Германии, захваченной после Бисмарка идеей

пангерманизма, а после Ницше становившейся все более расистской, создалось представление о герое, по преимуществу объединителе общеэллинского дела, поборнике арийских сил — потому, что он установил равенство македонян и персов, двух арийских народов, имеющих один и тот же дух и общее происхождение. Такова крайняя позиция, на которую встал между двух мировых войн Гельмут Берве, автор, наряду с прочим, обобщающего труда, озаглавленного «Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage» («Империя Александра на основе просопографических данных»), который вышел в Мюнхене в 1926 году. В это же время английский ученый Уильям Тарн («Alexander the Great and the Unity of Mankind» — «Александр Великий и единство человечества». *Proceedings of the British Academy*, 1933, pp. 123–126) сделал из Александра сторонника всеобщего согласия и примирения, своего рода предтечу Лиги Наций и ООН.

После войн в посвященной ему литературе обозначилась новая тенденция, которая делает из Александра трезвого главу государства, символ некоей политической определенности. Он вовсе не собирается ни сплавлять разные культуры, ни эллинизировать варваров, но намерен править, используя методы и административный персонал покоренных народов. Такова позиция Конрада Крафта в его работе «Der rationale Alexander» («„Рациональный“ Александр», *Frankfurter Althistorische Studien* 5, 1971), который подчеркивает, как при этом якобы братании Александр противопоставлял две аристократии, подчас разжигая между ними соперничество. Но сменяя людей, он сохранял структуры. После мая 334 года, победив персов при Гранике, Александр назначил сатрапом Фригии Геллеспонтской македонянина, но «повелел местным жителям вносить те же подати, которые они платили Дарию» (*Арриан*, 1, 17, 1). Проблемы, с

которыми сталкивались явившиеся с Запада администраторы в Вавилонии и Согдиане, аналогичны тем, которые приходилось разрешать туземным правительствам: проблемы внесения платежей, орошения, защиты оседлых жителей от набегов кочевников, смягчения соперничества кланов и племен. Нигде за пределами греческих городов Александру в голову не приходило заменять древние авторитеты формами демократии или представительства «равных» на манер Афин или Спарты. Его присутствие гарантировало преемственность, при нем не наступило резкого отхода от традиций. Но об усвоении чуждых культур не могло быть и речи. Даже если Александр и бредил идеей мирового господства, он никогда не верил в равенство всех, ни на деле, ни в теории.

Теперь можно лишь улыбаться, читая, к примеру, у Дройзена относительно церемоний, устроенных в Сузах в 324 году: «С этих пор между победителями и побежденными не было совершенно никакой разницы». Появившаяся за последнее время целая новая школа исследователей, представленная во Франции Пьером Брианом, Полем Бернаром, Полем Гуковски, а также советскими археологами и историками Б. Гафуровым, Д. Цибукидисом, Б. Литвинским, И. Пичикияном, подчеркивает оригинальность окраинных цивилизаций, их влияние на Александра и его окружение, отвержение кочевниками ограничений, наложенных на них торговыми городами, усвоение греками азиатских методов эксплуатации и господства.

Мало того, что в последние походы Александру не удалось сблизить умы, языки и нравы, создать ту всеобщую эгалитарную монархию, которая грезилась историкам после Дройзена; вернувшись из Индии, Александр смог собственными глазами убедиться, что стоило ему отлучиться на два года, как повсюду буйным цветом разрослись неповиновение и раздоры. Так что и

во время свадеб, устроенных в Сузах, и в ходе реорганизации кавалерии и фаланги, и на пире в Описе в 324 году иерархическое устройство было, как и прежде, основой основ. Македоняне были здесь первыми, за ними следовала персидская знать, а им были подчинены представители прочих народов. Если в новую армию намеревались принять 30 тысяч азиатов, то обучать их и командовать ими следовало гейтарам — товарищам царя, а также македонским фалангистам, и положение азиатов должно было неизменно оставаться подчиненным. Впрочем, необходимость слияния объясняется отказом Антипатра прислать из Македонии новые войска на смену демобилизованным ветеранам. Согласно Плутарху («Об удаче или доблести...», I, 6, 329b), Аристотель советовал царю обращаться с греками как вождь (ἡγεμῶν), а с варварами — как абсолютный господин, и этот совет подкрепляется подложным письмом Аристотеля, от которого сохранился лишь арабский перевод (§ 13, 6–9), и возмущением ученого Эратосфена (у Страбона, I, 4, 9), который высказал резкое несогласие с советом, который подавали Александру: с греками следовало обращаться как с друзьями, а с варварами — как с врагами. Так что никогда не были они ни собратями, ни равными.

Со строго марксистской точки зрения Александр, это порождение класса македонской знати, сформированный соответствующими воспитанием и образованием, — символ эксплуатации слабых сильными. Он заменил империализм иранской знати империализмом своих товарищей по оружию. Овладев средствами производства и властью, македоняне упрочили типично азиатские методы эксплуатации, когда земля и вода принадлежат царю, а он позволяет пользоваться ими знатным родам, духовенству, мелким свободным крестьянам, что реализуется через целую иерархическую систему платежей. Во время похода

Александра, который зачастую сопровождался грабежами и резней, особенно в наиболее богатых провинциях на северо-востоке империи, военный успех прямо зависел от западной экономики и техники, далеко превосходивших то, чем располагал Восток. История, литература, искусство, культы были поставлены на службу двух новых правящих классов — македонских вельмож и барышников, обогатившихся на торговле драгоценными металлами и предметами роскоши. Александр как личность выглядит довольно бледно перед лицом социальных групп, которые его сформировали и побуждали действовать (и в историческом смысле его деятельность определяли), а в конце концов погубили.

В своем капитальном труде, опубликованном по-русски («Александр Македонский и Восток». М: Наука, 1980), Бободжан Гафуров и Димитриос Цибукидис (Д. Тусянос) версии тропической малярии предпочитают версию физического устранения царя, что было «логическим завершением усилий его противников, которые пытались корректировать его деятельность в направлении защиты греко-македонских интересов»: простой конфликт экономического порядка в рамках борьбы каст, чтобы не сказать — классов. Ни капли воображения, никакого равенства, ни намек на слияние рас в этой жизни и смерти богатого авантюриста. «Осуществление на практике идеи „доброго согласия“ также оказалось нереальным» как до, так и после ухода Александра со сцены. Упрощая, скажем, что он умер из-за того, что был не понят собственной кастой и одинок в собственной группе. Однако это значит, что мы возвращаемся к точке зрения тех, кто делал из Александра воплощение или символ юной македонской кавалерии: приведенный ею к власти, он, скажем мы, умер, как и она, от изнурения, и его труп на протяжении восьми дней валялся всеми покинутый.

Символ эллинизма

Начиная уже с Демокрита, лет за сто пятьдесят до рождения Александра, греки придерживались следующей теории зрения: из глаза исходит своего рода стрела, пламя или луч света, ударяющийся об объект, который после этого, быстро и отчетливо, представляется ему и проявляется в уме. Так глаз *порождает* свои образы. Подобно и жизнь Александра, объект бесчисленных воззрений, воспринималась на бесчисленные лады. От поколения к поколению его цельный образ изменяется — то увеличиваясь, то уменьшаясь.

И хотя всякая эпоха и всякое общество имеют тех героев, которых они заслуживают, можно сказать, что ученые, которые в наши дни низводят образ Александра до образа солдата, орудия или жертвы, утратили всякое представление о величии, мужестве и воле. Лучше было бы верить, как мы видели в главе о божестве, что Александр — это Дух эллинизма или Ангел смерти ислама, один из предшественников Пророка. А что до историков, так можно пожелать им того, чтобы у них достало духу воскликнуть, подобно Флоберу о госпоже Бовари: «Александр — это я!» Личный авторитет и инициатива Александра явно прослеживаются вплоть до сражения при Гавгамелах в октябре

331 года. Позднее их у него оспаривали — и участники похода, и наши современники, историки с социологами. Возникает впечатление, что с этого времени над ним тяготела громада империи, которой надо было управлять, которую необходимо было умиротворять своим присутствием, и что он задыхался от груза ответственности и изнеможения. Хорошо известно, что отправление власти способствует

преждевременному изнашиванию и дряхлению. Как символ воина, со всем богатством оттенков, которые предполагает это слово, Александр сделался единым целым с государством. Очевидно поэтому, что, изображая государство в виде жалкого и иллюзорного символа, исследователь не может создать сколь-нибудь привлекательный образ как Александра, так и самого себя!

В заключение главы подведем итог биографии Александра с точки зрения социолога. Его рождение где-то в Македонии осенью 356 года прошло совершенно незамеченным, как заурядное событие. Над ним, оказавшимся в центре родовой системы с неизбежной для нее борьбой за власть и первенство, тяготела тяжелая наследственность сразу с двух сторон. Самым существенным в своем воспитании Александр был обязан товарищам своего отца (гетайрам) и военизированному режиму собственной страны. Походы Александра, его победы и основание им городов были подготовлены полководцами и советниками Филиппа. Его завоевания стали возможны благодаря целому техническому корпусу, и в первую очередь инженерам, подобным Диаду из Пеллы и Харию, благодаря таким финансистам, как Гарпал и безымянным торговцам, благодаря морякам, которые были по крайней мере столь же многочисленны, как и пехотинцы, а плавали под командованием таких замечательных флотоводцев, как Никанор, Гегелокс и Неарх, первым проложивший морской маршрут из Индии в Европу. Личные приключения Александра, его отчаянные выходки, ранения, болезни, неудачи, романы, какими бы случайными они ни казались, обнаруживают прекрасно обозначенные социальные группы: семью, воспитателей, друзей, прорицателей, врачей. Проводимая лично Александром политика привела к заговорам и бунтам в армии. Философы и риторы будили в войсках сознание

собственного достоинства. Их сочинения и создали Александру репутацию, добрую и дурную. Как и его друзья, он умер от истощения, вследствие чрезмерных усталости, мучений, ран, огорчений и — пьянства, независимо от того, было ли выпитое им вино отравлено людьми из рода Антипатра, македонского регента (конец весны 323 г.). Если Александр остается в наших глазах символом торжествующего эллинизма, то именно благодаря всем тем — без различия занятий — грекам, которые обеспечили это торжество.

Глава VII

АЛЕКСАНДР СТРОИТЕЛЬ

Если власть — лишь любовь к господству, я считаю ее глупым честолюбием. Но если она созидательна...

*Антуан де Сент-Экзюпери
«Цитадель», XCVII*

Будем исходить из того, что о жизни Александра нам неизвестно ничего определенного. Ни то, как понимала историю античность, ни преобразующее все на свете искусство, ни имеющая что сказать эпиграфика не могут быть призваны в качестве безупречных свидетелей, поскольку точка зрения каждого неполна или противоречива. Не больше гарантий представляют нам романы Средневековья, фольклор Азии и современная критика. Создать биографию Александра — я уже не говорю его историю — означает совершить акт веры, подобно тому, как мусульманин и посейчас совершает свой акт веры, *ташаххуд*, когда говорит об Искандере Зуль-Карнайне.

Я не могу решиться на то, чтобы свести это существование к символу или к последовательности символических действий, и еще меньше — к подборке мифов или анекдотов. Иногда меня спрашивают: «Что оригинального может нам предложить жизнь Александра ныне, в конце XX века?», или еще прямее: «Что нового добавили к ней вы?» Полагаю, я уже ответил на первый вопрос: всякое поколение составляет о герое и о величии вообще собственное представление. На второй осмелюсь ответить лишь то, что, много прочитав, выслушав и прошагав, я попытался лучше

понять человека и создать голограмму, многогранный образ его жизни, воссоздать целый ряд его изображений, которые возникали веками, при том, что к ним прибегали и другие, прежде меня. Однако я исхожу из того убеждения, *что культ Александра существовал всегда и продолжает существовать и поныне.* Таинственный и священный персонаж, своего рода идол, позолота которого остается на пальцах всякого, кто к нему прикасается, он живым вошел в легенду и больше ее не покидал. После того как мы разобрали шесть возможных подходов, я вижу, что остается лишь один: его дело или, правильнее будет сказать, то, что от него осталось. Ибо в сфере религии, наряду с верой, имеются и дела. И хотя Александра долго называли Великим, это величие не относилось ни к краткости его существования, ни к обширности завоеваний, но к тому, что от него осталось.

Однако прежде чем перечислять его деяния, намечая их крупными штрихами от рождения до смерти, неплохо будет соотнести эту попытку с шестью предыдущими. Всякий сразу же увидит, какой подход устраивает именно его — в соответствии с его вкусами. В зависимости от избранной точки зрения определенная сторона личности оказывается более привлекательной, и всякий эпизод приобретает иную окраску и получает иной отзвук. Все это может быть для упрощения помещено в несколько столбцов таблицы, имеющей шесть граф.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ	ОБЪЕКТ ИССЛЕ- ДОВАНИЯ	ОБРАЗОВАНИЕ	ПОХОДЫ	ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ	УХОД ИЗ ЖИЗНИ
<i>Событийная</i>	поступки	греческое	обдуманые	женственность	малярия
<i>Психологическая</i>	человек	суровое	импульсивные	тревога	депрессия
<i>Агиографическая</i>	герой	двойное	сверхъестественные	владение	отравление
<i>Моральная</i>	антигерой	ублюдочное	чрезмерные	излишества	delirium tremens
<i>Теологическая</i>	бог	религиозное	сверхчеловеческие	страстное желание	обожествление
<i>Социологическая</i>	символы	кастовое	обусловленные	не представляет интереса	истощение
<i>Утилитарная</i>	длящиеся дела	прилежное	выстроенные	двойственная	случай

Здесь имеется несколько истолкований, которые представляются несовместимыми, особенно что касается романов и частных походов, короче, эмоциональной жизни. Возможно, в этой области мы столь же плохо информированы, как и о первых шагах Александра — от его рождения и образования до того, что мы называем формированием характера. Надо было дожидаться Плутарха, то есть II века н. э., который жил через 400 с лишним лет после смерти Александра, чтобы увидеть, как было собрано воедино то, на что мы так падки — анекдоты о частной жизни знаменитых людей. Для древних дети, точно так же как и женщины, живут вне Истории, у них нет ни истории, ни хронологии. Однако мы соглашаемся с ними, когда речь идет о том, чтобы оценить нечто несомненное, то, что пережило века. Романы забываются, однако потомство их увековечивает. И также совершенно неважно то, что истолкователи обсуждают и не соглашаются друг с другом относительно обстоятельств, при которых Александр ушел из жизни где-то в Вавилоне в возрасте 32 лет и 8 месяцев — при том, что все они признают

долговременность и даже вечность осуществленных им дел. Идея переживает века. Речь идет не о том, чтобы примирить непримиримое, но о том, чтобы подвести итог.

Первый негативный итог

Это попытался сделать в своем «Анабасисе» Арриан (VII, 9, 6–8 и 10, 5–7) около 150 года н. э. Однако делал он это, с одной стороны, как военный человек, которому довелось сражаться с парфянами и иранскими кочевниками, подобно Александру, и как оратор, уже на римский лад, — с другой. Вот речь, которую, как считается, произнес Александр, обращаясь к своим взбунтовавшимся солдатам в Описе (на самом деле в Сузах) весной 324 года: «Я открыл перед вами путь через Геллеспонт в то время, как морями безраздельно владели персы. Победив в кавалерийском сражении сатрапов Дария, я прибавил к вашим владениям всю Ионию и всю Эолиду, обе Фригии и Лидию, а Милет взял осадой. Все остальные страны, которые присоединились к нам добровольно, я отдал вам в пользование. Также и все египетское и киренское добро, которое мы в громадном количестве приобрели, поступило вам. Также и Келесирия, и Палестина, и Междуречье — ваше имущество, как ваши Вавилон, Бактры и Сузы, и богатства лидийцев, и сокровища персов, и добро индусов, и Внешнее море. Вы здесь сатрапы, вы полководцы, вы полковники... Вернувшись домой, возвестите там, что ваш царь Александр, победив персов, мидийцев, бактрийцев и саков, покориł уксиев, арахотов и дрангиан, приобрел во владение также парфийцев, хорасмийцев и гирканцев на Каспийском море. А перейдя Кавказ (Гиндукуш) сквозь Каспийские ворота и форсировав Окс и Танаис, а сверх того еще и Инд, который никому, кроме Диониса, не покорялся, он переправился и через Гидасп с Акесином и Гидраотом и переправился бы через Гифасис, когда бы вы не забоялись. Потом он выплыл в великое море через оба

устья Инда и прошел через пустыню Гедросии, по которой никто до него с войском не проходил, а попутно, когда его флот уже переплыл из страны индусов в Персидское море, покори́л Карманию и землю оритов. Вот и возвестите там, на родине, что этого самого царя вы, возвратившись в Сузы, оставили одного и отправились домой, предоставив его охрану побежденным им варварам...»

Перед нами роскошный парад имен собственных, которые, однако, ничего нам не говорят, кроме того, что речь здесь идет о территориальных завоеваниях. Здесь — не без некоторого сумбура — перечислены 20 из 30 сатрапий, на которые делилось пространство Персидской империи Дария I и о которых нам известно из официальных надписей в Бехистуне, Сузах и Накши-Рустаме близ Персеполя. В общем и целом те же 20 сатрапий были известны и Геродоту¹⁰⁷. Неявным образом это есть признание того, что Александр завоевал лишь часть империи Ахеменидов и что он так и не смог осуществить свою мечту, в одно и то же время фараоновскую и персидскую, о достижении мирового господства: его строптивые солдаты не осилили больше одного водного потока из системы Инда, они так и не покори́ли ни восточную половину Малой Азии, ни Армению, ни Азербайджан, ни Туркменистан, ни Аравию, ни Судан, на которые притязал Дарий... Если не считать военизированной прогулки в 18 тысяч километров, которые были пройдены за 12 лет, предприятие оказалось бессмысленным, поскольку сразу же после смерти Завоевателя вся его империя расползлась, так что можно было подумать, что он перепутал свое тело с телом государства.

От его побед остались лишь красивые названия рек или равнин: Граник, Исс, Гавгамелы, Гидасп, которыми и поныне, должно быть, бредят современные стратеги; правда, невозможно с точностью локализовать поля

битв — до такой степени изменили свое течение протекавшие здесь реки, настолько изгладили последние следы прошедших битв человек и стихии. То, что устная и письменная литература назвала «подвигами» или «великими деяниями» Александра, — не более чем шум пустынного ветра в наших ушах. И мы предпочитаем этот шум долгим повествованиям о резне, которая следовала за каждым взятием города, за каждым набегом. Мы удручаемся, читая фразы наподобие следующих: «Было перебито много обратившихся в бегство людей — наемников и их жен». Или еще: «Начались повальные грабежи, поджоги и резня». Или: «Он перебил большинство из них, причем они даже и не пытались сопротивляться, будучи безоружными» (*Арриан*, VI, 6, 3). Или: «Желая войной утишить свое горе, царь ловил и гнал людей, как дичь. Он покорил коссеев (касситов в Луристане, к югу от современного Керманшаха), вырезав среди них всех взрослых» (*Плутарх* «Александр», 72, 4). Если вам представится честь или случай пройти по долине Зеравшана, узбекские гиды поведают вам, когда потребуется, указывая на руины, что подвижные карательные отряды Искандера превратили в пустыню окрестности Самарканда. Раскопки Афрасиаба и Пенджикента свидетельствуют о существовании здесь значительных городов начиная с VI века до н. э. Мы не в состоянии даже приблизительно оценить, сколько гражданского населения было уничтожено в Согдиане, на Среднем Инде, в Белуджистане, в горах Загра под предлогом непокорности или не поддающегося контролю кочевничества. Таков отрицательный итог завоеваний на момент смерти Завоевателя. Он станет еще печальнее, если вспомнить, что его армия рассеялась, диадохи рассорились между собой и стали независимыми, а все северные и восточные провинции от империи отпали.

Отцовское наследство

Этот трагический итог, эта констатация неудачи самого деятеля и недолговечности его детища дает по крайней мере то преимущество, что проливает определенный свет на характер Александра с самого начала его поприща. Похвальное слово Филиппу II, которым начинается его речь к солдатам, показывает, что он приписывал своему отцу три заслуги: то, что Филипп возвысил Македонию, обогатил свою армию и организовал поход в Азию. В 324 году, за год до смерти, когда Александр начал принимать феоров и венки из всех греческих святилищ, он не стал заявлять ни о том, что он сын Зевса, ни что он сын египетского Амона (это имело политический смысл лишь в Египте), но признал себя сыном македонского царя, которому и воздал подобающие почести. Это Филипп сформировал Александра как военного, своим нравственным воспитанием Александр обязан также ему, и тот же Филипп передал сыну, вместе со своими отвагой и порывистостью, те уловки и жестокость, которые необходимы победителю, а также вкус к войне — «свежей и радостной». Александр обязан отцу как чутьем государственника, так и искусством разговаривать с солдатами и их разубеждать, он унаследовал от отца заботу о надлежащем управлении, а также благочестие и приверженность по-особому понимаемой справедливости.

Мы располагаем двумя археологическими свидетельствами, двумя пережившими века произведениями, которые свидетельствуют о желании подражать Филиппу, не оказаться его недостойным, о рвении, которое проявлял в этом смысле 19-летний царь. Первое — это громадная роскошная гробница, которую

сын возвел для отца возле старинной столицы Македонии Эги, в местечке, называемом Палатица. Гробница эта была раскопана Манолисом Андроникосом в октябре 1977 года. Александр собственноручно сложил здесь оружие, мебель, столовое серебро Филиппа и украшенный звездами золотой ларец с его кремированными останками — все это ныне экспонаты одного из залов музея в Салониках. Александр, искренний и бескорыстный человек, не оставил себе совершенно ничего, кроме желания осуществить проект по завоеванию Азии и освобождению греков, который был последней мечтой убитого царя. И он оказался бы скверным учеником, если бы не превзошел своего учителя! Второе свидетельство было обнаружено в 30-е годы XX века в развалинах античного города Филиппы Жаком Купри, который был тогда членом Французской археологической школы в Афинах¹⁰⁸. Речь идет о надписи в 28 строк, от 31 до 36 греческих букв в каждой, касающейся спора, который возник между этой основанной покойным царем колонией со смешанным населением и туземным городком Датон, «документ сильно попорченный, однако в высшей степени важный, который свидетельствует о личном участии Александра в освоении болотистых земель вокруг Филипп» (*Collart Paul/ Philippes, ville de Macédoine. Paris. 1937. P. 179*). Поскольку 7 октября 1982 года этот документ был представлен в виде прориси участникам VIII Международного конгресса по эпиграфике в Афинах и он может быть дополнен фотографиями и оттисками Ж. Купри, мне представилось нужным и полезным дать его наиболее вероятный перевод. Слова в скобках с определенной степенью уверенности заполняют лакуны.

«[Боги! Ввиду того, что Пол]имед, сын Херсидама, и [Кс....., сын.....]несида, были отправлены с посольством [к царю Александру и учитывая, что Александр уже [принял решение], чтобы жители Филипп

воспользовались целиной, [чтобы все те, кто] проживает на этой территории и кто, помимо того, заплатил земельный налог [были собственниками] целины, и чтобы были определены пределы [территории Датона], а [также ввиду того, что он повелел] Филоту и Леонна[ту ознакомиться, кто] был посажен на эту территорию, [которую прежде] царь Фи[липп] передал [филипп]пийцам [внутри холмов, и] после обследования [нарушения границ он потребовал, чтобы было запрещено] нарушителям [пользоваться землей в Перисейраике], похищать [лес Дисорон и занимать заболоченные земли на площади] 2 тысяч плетров (=200 га), [простирающиеся между] территорией Датона [и территорией филиппийцев], [филипп]пийцы [постановили]:

1) чтобы все то, что [простирается] от... до [..... на 10] стадиев (10 раз по 180 м) в целинных землях [принадлежало филиппийцам];

2) чтобы часть, [оставленная] фракийцам [Филиппом], использовалась фра[кийцами, как Алекс]андр о том и постановил;

3) [чтобы граждане Филипп] были собственниками территории [освоенной между] двумя соседними холмами;

4) [чтобы вся земля вплоть до] земли Перисейраика и в Дайнаре принадлежала филиппийцам, поскольку царь Филипп им ее уступил;

5) чтобы никто не мог продавать лес из массива Ди[сор]он до тех пор, пока не вернется посольство, отправленное к [Александру];

6) чтобы заболоченные земли [использовались] жителями Филипп вплоть до моста».

В начале своего правления, и уж во всяком случае до казни Филота (330) и даже до отправления в Азию (334), Александр подтвердил меры, которые предпринял его отец в пользу смешанной колонии Филиппы, направив

двух своих товарищей с поручением от его имени разрешить разногласия и установить мир между македонянами и фракийцами, чтобы начались обработка и освоение бесплодных земель, — короче, чтобы они исполнили задачи колонизаторов. А также чтобы пополнили казну! Филиппы были основаны царем Филиппом II с привлечением сюда переселенных македонских земледельцев и скотоводов, то есть солдат-крестьян, а кроме того, туземцев из Кренид и Датона и еще торговцев, ремесленников и наемников, собранных со всей Греции. Теперь этот город должен был служить образцом для всех городов и всех факторий, которые будут основаны армией Александра, также составленной из македонян (им отведена роль повелителей), фракийцев (они играют вспомогательную роль) и греков (они заняты прежде всего техникой и предпринимательством).

Все искусство главы государства состоит в том, чтобы надлежащим образом обозначить участие каждого, примирить то, что представляется непримиримым, помешать захватам, судить по справедливости, добиться внутреннего согласия и мира с соседями. Скажем сразу, что в той мере, в какой Александр находился в контакте со своими колониями, ему это удалось. Укрепив гарнизоны и усилив оборонительные сооружения Филипп в области бистонов, Александрополя во Фракии и Филиппополя в долине Кумли, он добился результата сразу в нескольких сферах: обезопасил границы, облегчил внутреннюю торговлю и процесс сближения культур, способствовал развитию сельского хозяйства у полукочевых народов и подготовил более широкую базу для будущего набора в армию. В ту самую эпоху, когда фракийцы просачивались между Филиппами и Датонем, ученик Аристотеля Феофраст упоминает о востребовании обратно земель близ Филипп в

Македонии. То, что при фракийских племенах было болотным ольшаником, которым поросли охотничьи угодья, благодаря приложенным усилиям и наличию заинтересованности превратилось в хорошо дренированные и обработанные земли, снабженные проезжими дорогами и мостами. На случай необходимости Александр предоставлял этим образованиям достаточно автономии для того, чтобы они могли принять полицейские меры, аналогичные тем, о которых мы читаем во второй части надписи, не дожидаясь возвращения посольства, отправленного к Александру в самые глубины Азии. Список этих мер был выбит на камне, потому что за это время Александр умер (в июне 323 г.). По крайней мере через двенадцать лет после первого посольства именно он, а не Антипатр, являвшийся стратегом в Европе, был в состоянии разрешить разногласия македонского города и города союзников.

Все, что можно сказать о кампании весны 335 года, сводится лишь к тому, что Александр, форсировав Дунай, установил новые политические и экономические отношения с гетами и кельтами. Он навел первый мост в направлении Центральной Европы.

Строить на суше и на воде

После битвы на Гранике (май 334 г.) победитель заказал Лисиппу, своему придворному портретисту, группу из 25 бронзовых статуй, которые изображают гетайров-кавалеристов, павших рядом с Александром в ходе первой стычки (*Арриан*, I, 16, 4). Статуи были установлены в Дионе у подножия Олимпа, а впоследствии, после победы Метелла над Персеем (167), их перевезли в Рим: это был столь величественный эскадрон, что он оказался в состоянии в I веке н. э. заполнить в Риме целый портик, а именно портик Октавии (*Плиний Старший* «Естествознание», XXXIV, 19, 64; *Беллей Патеркул*, I, 11, 3). Маловероятно, чтобы конная статуя Александра первоначально находилась среди статуй его погибших кавалеристов. Несомненно, однако, что после возведения громадной гробницы Филиппа в Эгах высотой в 14 метров и шириной у основания более 100 метров Александр задумывал все памятники как такие произведения, которые должны были превзойти прочие по размерам и долговечности. Кроме того, видные отовсюду, они должны были быть еще и священными. «Затем он направился в Сарды... Он сам поднялся на вершину, где размещался персидский гарнизон... В самом деле, вершина очень высока, со всех сторон окружена обрывами и защищена тройной стеной. И Александр задумал построить на вершине храм и алтарь Зевсу Олимпийскому» (*Арриан*, I, 17, 3 и 5).

Часть конфискованных сокровищ и добычи будет впредь расходоваться на возведение грандиозных памятников или восстановление храмов и гробниц, например гробницы Кира (там же, VI, 29, 4–11). «Александр прибыл в Эфес... Он велел, чтобы те подати, которые жители прежде платили варварам, они платили

Артемиде. Народ Эфеса, который перестал теперь бояться олигархов, устремился перебить тех, кто... разграбил храм Артемиды, сбросил с пьедестала стоявшую в храме статую Филиппа и раскопал на агоре гробницу Геропифа, освободителя города... Александр воспрепятствовал дальнейшей травле людей и мщению... Если где Александр составил себе доброе имя своими действиями, так это в Эфесе» (*там же*, I, 17, 10–12). Как известно, храм Артемиды в Эфесе считался одним из семи чудес света, и все деревянные детали отделки, несущие конструкции и статуи в нем сгорели, как утверждают, в тот самый день в начале октября 356 года, в который на свет появился Александр. В Приене, которая также была освобождена от персидских налогов и поборов, Александр потребовал от демократического правительства, чтобы Афине, богине победы, от его имени был посвящен храм: мы располагаем посвятительной надписью этого храма, а также выбитым на камне письмом царя Александра гражданам Приены, вероятно, составленным намного позднее 334 года (*M. Tod, A selection of Greek Historical Inscriptions*, II, № 184 и 185). Один цоколь статуи в святилище Латоны в ликийском Ксанфе имеет посвятительную надпись «от царя Александра» (*Christian Le Roy, R.E.G.*, 1977, р. XXII): местные жители, а было это, несомненно, много позже 330 года, дорожили памятью о проезде того, кто сделался властелином (по-гречески βασιλεύς, без всякого артикля) Персидской империи, но в то же время и того, кто посвятил здесь, как и в Приене и в святилище Афины в Линде (*F.G.H.*, № 532, 1. 38), памятник или обетованный дар за победу.

Выстроив в 332 году громадную дамбу длиной 720 метров и шириной 40 метров, связавшую остров Тир с материком, Александр устроил генеральную репетицию того, что намеревался возводить в будущем. Проявленная им инициатива по основанию Александрии

«при Египте» (таково официальное название города) прекрасно описана Аррианом (III, 1, 5), который, скорее всего, следует «Запискам» царя Птолемея: «Он прибыл в Каноу и, оплыв кругом Мареотийское озеро, сошел на берег там, где ныне находится город Александрия, названный в его честь. Ему показалось, что место это прекрасно подходит для того, чтобы основать здесь город, и что город этот будет процветать. Тут Александра охватило страстное желание совершить это деяние, и он сам осуществил разметку города, указал, где в нем будет агора, где храмы и каким богам они будут посвящены, как греческим, так и египетской Исиде, а также где будет проходить городская стена».

Александру, который с самого детства прилежно читал Гомера и прекрасно его толковал, было известно, что такое якорная стоянка при Фаросе, «Перао», то есть «Большой порт» по-египетски, в связи с легендарными приключениями Одиссея и Протея, Менелая и прекрасной Елены: одно из устьев реки Египет в семи днях плавания от Мемфиса, неперенный этап на пути в Киренаику, греческую колонию. То, что открылось здесь взору Александра, которого сопровождали пехотинцы, лучники, кавалеристы, инженеры и рабочие, не обнадеживало: «Тут имеется впадина, в которую набирались паводковые воды из Нила, так что получилось озеро, бездонное посередине, а с краев переходящее в болото... Здесь-то и обитает племя египетских разбойников... Для разбойников это весьма надежное и безопасное место... Воду все они используют взамен стен, а густой растущий по болоту тростник служит им частоколом» (*Гелиодор «Эфиопика»*, I, 5-6). Узкая полоска белого песка с невысокими пригорками отделяет озеро от моря, являясь естественным прибежищем бесчисленных пернатых, змей и мелких грызунов. На расстоянии 1260 метров в море видна длинная скалистая отмель с двумя

выемками на востоке и на западе; она защищает берег от разрушительных последствий прибою. Когда в январе 331 года здесь появился Александр, на море было волнение, дул сильный ветер, шел дождь. Александру вместе с армейскими инженерами Диадом и Харием и архитектором Динократом Родосским стало очевидно, что остров Фарос играет здесь ту же роль, что и древний остров Тира, превращенный солдатами Греческого союза в полуостров. Фарос мог заменить Тир, если между берегом и двурогой скалой насыпать мол длиной в 7 стадиев; одновременно тем самым будут созданы два порта по бокам. Чтобы избежать противных ветров, суда смогут находить укрытие либо на западе, либо на востоке от мола. Предстояли колоссальные работы, особенно по заселению сразу острова и материка.

Здесь нет смысла приводить легендарные рассказы, связывающие принятое Александром решение со снами, прожорливыми птицами, прорицаниями. Как всегда, он обратился за советом к жрецам и предсказателям, чьи ответы оказались благоприятными. Затем в сопровождении архитектора и нескольких товарищей он прошел по северной бровке болота и по местности, отделявшей холмик Ракотиду (высота 16 м) от морского берега. Александр одобрил план города в форме развернутого плаща, на котором ему советовал остановиться Динократ, приняв во внимание рельеф местности; также были одобрены шахматная планировка, идея устроить в городе две агоры и выделить место для зеленой зоны, возвести здесь дворец, святилища, гимнасий, театр — все то, что характерно для эллинизма. Сеть улиц должна была дублироваться канализационной сетью, и улицы должны были быть такой ширины, чтобы на них могли разойтись экипажи, всадники и пешеходы. Кроме того, возможно, еще с 331 года, была предусмотрена двойная система водоснабжения: вода должна была поступать, во-

первых, из южного озера, а во-вторых, по акведуку из канопского рукава Нила на расстояние в 25 километров.

Настоящий провидец, Александр видел далеко, остро и глубоко: город с тремя портами, двумя на море и одним на озере, должен был растянуться на 750 гектаров при протяженности стен в 15 километров. Волею основателя это должен был быть не просто великий торговый центр, естественный рынок сбыта всех продуктов богатого Египта и порт, открытый для товаров восточного Средиземноморья, но еще и оплот космополитизма. С тех пор такова была повсеместная политика — заселять новые города туземцами, греками и македонянами¹⁰⁹. Население располагавшихся в дельте иноземных факторий получило приказ переселиться в Александрию (*Курций Руф*, IV, 8, 5). Здесь поселили даже евреев, предки которых были изгнаны из Египта во времена Исхода, при Рамсесе II. Через два века здесь насчитывали миллион жителей, включая также пригороды, и это был не самый крупный город Средиземноморья. Используя Александрию в качестве базы, Цезарь, Антоний, Октавиан (будущий Август), Германик, Антонины и Северы будут вновь пытаться осуществить мечту Александра подчинить себе всю Азию.

От паломничества Александра и его немногочисленной свиты из офицеров и погонщиков в оазис Сива, к оракулу бога Амона, для чего потребовалось проделать 580 километров, ничего материального не сохранилось, если не считать несколько иероглифических надписей, которые провозглашают Александра Сыном бога Ра, возлюбленным бога, властелином Верхнего и Нижнего Египта, короче, фараоном, «Высокими Вратами» и законным преемником Нектанеба, последнего законного государя, свергнутого в 345 году персидскими захватчиками. Александр основал новую династию, а

Птолемей, сын Лага, предназначенный быть его преемником, скрупулезно отмечал в своих ежедневных записях маршруты, встретившиеся в пустыне диковины, миражи, фантастических животных и, среди прочих чудес, источник, «совершенно отличный от всех иных земных источников», поскольку в полдень вода в нем чрезвычайно холодна и очень тепла в полночь (*Арриан*, III, 4, 2). Отсюда берут начало бесчисленные легенды и устные рассказы, касающиеся происхождения и судьбы Александра, которые послужили основой «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена и XVIII суры Корана. Александр Строитель сам создал собственную легенду торителя путей и провозвестника, когда проник в Необитаемое, Ἀοίκητον, и распространил вокруг себя Слово пророка Амона.

Как и обитатели города Филиппы, этот первопроходец в буквальном и переносном смысле наводил мосты. Оставив управление Египтом в руках грека Клеомена, уроженца Навкратиса, и поручив оборону страны двум македонским полководцам, имевшим в своем распоряжении 4 тысячи человек, и одному адмиралу с 30 триерами, Александр решил возглавить армию численностью в 47 тысяч вместе с вспомогательными службами, за которыми следовало большое число лошадей и вьючных животных, быть может, тысяч 20. Громадный и тяжелый обоз. Покидая весной 331 года Мемфис, «он навел мосты через Нил и все его каналы» (*Арриан*, III, 6, 1). «Александр прибыл в Тапсак (ныне Джераблус в Сирии) 1 августа 331 года. Он обнаружил, что для переправы здесь возведено два моста. Однако до тех пор, пока Мазей, которому Дарий поручил оборону реки, с отрядом в 3 тысячи кавалеристов и столько же пехотинцев (из них 2 тысячи греческих наемников) стоял на берегу, македоняне не могли довести мост до противоположного берега из опасения, как бы отряд Мазея на них не напал, чтобы

воспрепятствовать работе. Но когда Мазей узнал о приближении Александра, он бежал со всем своим отрядом. Тут же два моста были доведены до другого берега, и Александр с войском по ним переправились» (*Арриан*, III, 7, 1-2). Однако в этом месте и в это время года, как я проверял лично, ширина Евфрата 750 метров. Поскольку в те времена инженерный корпус не располагал ни сваебойным оборудованием, ни полиспастами, ни временными перемычками, которые имеются в распоряжении наших инженеров, и поскольку невозможно за несколько дней на протяжении 1500 метров возвести мостовые опоры из тесаного камня, перед саперами Александра стояла задача навести, в сущности говоря, два настила из перекладин: первый должен был опираться на уже существовавшие деревянные опоры, а второй — на палубы выстроенных бок о бок кораблей. Арриан (V, 7 и 8, 1) прилагает много усилий, пытаясь представить себе конструкцию подобного плавучего моста, переброшенного через Инд, шириной более тысячи метров, воображая его себе то на персидский, то на римский манер.

Весьма знаменательно то, что и сегодня можно видеть в Пакистане на реке Кабул. Длинные узкие челноки, способные плыть и вперед, и назад, скреплены борт к борту и удерживаются на месте двумя прочными канатами, которые соединяют берега. По средней части челноков проходит сложенный из брусьев настил шириной от 4 до 5 метров, имеющий перила с обеих сторон и устланный тростником. Этот понтонный мост достаточно прочен и гибок для того, чтобы выдерживать вес индийских слонов. Все свои плавсредства армия Александра перевозила с собой на повозках в разобранном состоянии (*Курций Руф*, VIII, 10, 3; *Арриан*, V, 12, 4). Кроме того, в Тапсаке обнаружены причалы и значительный запас древесины, поскольку сюда свозили неокоренные бревна хвойных деревьев, срубленных на

горе Ливан, в лесах к югу от Алеппо и в горах Армении, на Караджали-Даге в Верхней Месопотамии (*Страбон*, 766)^[53]. В Тапсаке, который необходимо было миновать каждому, кто отправлялся из Персидского залива в залив Искендерон, во времена Персидской империи существовал прочный деревянный мост. И в наши дни здесь постоянно присматривают за мостом, теперь железнодорожным на дороге из Багдада. Непосредственно перед прибытием понтонеров Александра персидский полководец повелел разрушить мост через Евфрат, разобрав его настил. Однако македонские саперы, которые прошли отличную школу на равнинах Нижней Македонии, страдающих от разливов рек, от Аксия до Стримона, и поощряемые своими царями, умели строить на воде не хуже, а подчас и лучше римских саперов, и это за 300 лет до того, как Юлий Цезарь форсировал Рейн и за 450 лет до того, как Траян переправился через Дунай у Турну-Северина.

Новая форма колонизации

После битвы при Гавгамелах (1 октября 331 г.) победитель потратил целый год на то, чтобы, в погоне за Дарием, пробиться через Сузиану, Персиду, Мидию и Парфию. У него не было времени ни на то, чтобы строить новый мировой порядок, ни на то, чтобы с помощью туземцев реорганизовать свою растаявшую армию. Самое большее, что он мог сделать, — отдать распоряжение восстановить святилища в Вавилоне, а именно храм бога Мардука, разоренный Ксерксом и его преемниками. Разрушение дворца Ксеркса в Персеполе в апреле 330 года остается политическим символом: столица будет в другом месте, там, где находится государь.

Шесть лет спустя, став царем-строителем империи и городов, Александр будет сожалеть о своем поступке. Осенью 330 года он с изумлением и восторгом спустится по плодородной долине Волка (Горган, Варкана)^[54] на северных рубежах Ирана. На население богатой Гиркании и Задракарту, ее столицу, с севера устраивают набеги Саки Тиграхауда, то есть скифы «в заостренных колпаках», и амазонки, их жены, те, кого Библия называет Гогом и Магогом, а Коран — Йаджудж и Маджудж; от них не отстают и всадники дахи с восточных берегов Каспия. Александр повелевает возвести по правому берегу реки на всем протяжении от Гюмюш-Тепе («Серебряный холм») на берегу моря до Кара-Кузи на востоке квадратные крепости. Осыпающиеся развалины 36 таких сооружений до сих пор можно здесь различить; они растянулись с правильными промежутками на расстояние более 150 километров. Когда Селевк II (246–226) отбросит парфян в степи, он в свою очередь распорядится возвести между

этими фортами сплошную стену, представляющую собой облицованный кирпичом высокий и толстый земляной вал, который туркмены называют Кызыл-Йилан, то есть «Красная Змея», а иранцы — Садд-э-Искендер, «Стена Александра».

Изначальная идея этого укрепления, возникшего прежде Великой Китайской стены, восходит, быть может, к Александру, великому защитнику космического порядка, «Арта», заступнику крестьян и горожан, которые все без исключения стали оседлыми, от сил зла в лице грабителей-кочевников и их женщин, которые — о ужас! — дерзают ездить на лошадях верхом и сражаться с мужчинами. Напомним, что именно благодаря Корану стал знаменитым этот вал, возведенный Александром против людского приboя, и что относящиеся к нему стихи каждую пятницу читают по всем мечетям мира. Когда Бог пожелает наказать неверных, Он снесет стену, и тогда Гог и Магог набросятся на мир. Географы подсчитали, что со времен античности уровень Каспийского моря, этого громадного пространства соленой воды, понизился на 4 метра. Стена выглядит тем более высокой. Однако между краем моря и последним бастионом открыт незаполненный участок в 7 километров: здесь начиная с конца II века до н. э. варвары без конца огибали непреодолимую стену.

После убийства Дария по приказанию Бесса в начале июля 330 года Александр провозглашает себя законным преемником покойного царя и тут же наталкивается на тройное сопротивление: ему противодействуют сатрапы и наместники провинций на севере и востоке империи, которые восстают или отказываются платить установленную дань; выражают свое недовольство греческие союзники, которые требуют, чтобы их вернули в родные места; кроме того, все большая часть македонской военной элиты упрекает своего

главнокомандующего в том, что он позабыл обычаи своей родины, переняв протокол, нравы и авторитарность персидских монархов. Так что теперь Александру следует восстановить вокруг себя тройное единство: единство Персидской империи, греческой нации и македонского государства. После шести лет военных кампаний, подчас чрезвычайно тяжких и сопряженных со смертельным риском, к востоку от меридиана, проходящего от Аральского моря к Ормуздскому проливу, Александр на короткое время достигает признания в качестве царя большей части земель, некогда покоренных Дарием I, то есть принужденных поставлять властям рекрутов и выплачивать различные подати. Для того чтобы подчеркнуть, что это имперское пространство заново воссоздано и приведено к покорности, с этих пор у него было здесь 30 административных подразделений, которые возглавлялись подчас прежними властителями, а иногда и новыми, засвидетельствовавшими Александру свою личную преданность, подобно тому как прежде существовало 30 округов, теоретически подвластных Дарию и Ксерксу: вокруг Парсы (Персиды), родины Ахеменидов, насчитывалось 22 полноценные сатрапии и семь протекторатов. Следует, однако, отметить, что официальные списки с персидских надписей из Накши-Рустама близ Персеполя и из Суз не соответствуют спискам историков Александра, большое число областей — в Армении, Скифии, Аравии, Судане и Эфиопии — так и не признали главенства Александра, и, наконец, еще при его жизни, с 325 по 323 год, по крайней мере половина Согдианы (нынешний Узбекистан) и весь бассейн Инда (современный западный Пакистан) отказались ему повиноваться.

Всюду, где ему оказывали сопротивление, Александр не ограничивался тем, чтобы взять крепость приступом и принудить защитников к сдаче. Он требовал от

местных аристократов и духовных лиц, чтобы они сотрудничали с тремя родами назначенных им администраторов — сатрапом или союзным царем, военным наместником и управляющим финансами, но главное, он размещал здесь гарнизоны из македонян и наемников и приказывал возводить форты для осуществления надзора за территорией и защиты границ. Именно вследствие этого современные города Искендерун (Александретта) в Турции, Герат, Фарах, Кандагар в Афганистане, Бухара в Узбекистане, Мары (Мерв) в Туркменистане, Ниш в Таджикистане, Патала и Машкаи в Пакистане, Хану в Иране, бывшие сторожевыми постами или крепостями Александра, стали во времена Селевкидов называться его именем — подобно Александрии в Арии, в Дрангиане, Арахосии, Маргиане, Макарене или Кармании. Историки упоминают также об основании им фортов вдоль Яксарта (Сырдарьи), чтобы преградить дорогу кочевникам из степей сегодняшнего Казахстана, и о еще шести — вокруг Мары (Мерва) на границе Туркменистана с пустыней Каракумы.

Из семидесяти Александрий¹¹⁰, основание которых Плутарх приписывает Александру («Об удаче или доблести...», I, 5), по крайней мере 60 являются туземными поселениями, укрепленными Александром, «аваранами», как называли их на местном наречии; они являлись очагами урбанизации, прежде чем сделаться местными столицами, более или менее покорными центральной власти. Их можно было бы также назвать военными колониями. Разумеется, вторжения парфян, туркменов, монголов, индийцев уничтожили или по крайней мере преобразовали значительное число этих опорных пунктов, узлов великой структуры. Однако с именем Александра «у крайних пределов»,этакого Дигениса Акрита из византийского эпоса VIII века н. э. [55], они сохранили воспоминание о военном греко-

македонском гении, этаким «острие копья» эллинизма. Прежде всего их не следует смешивать с шестью азиатскими Александриями и тремя или четырьмя построенными по инициативе Александра портами. Те были колониями в подлинном смысле слова: будучи основаны по образцу Филипп в Македонии или Александрии в Египте, они отвечали иной цели, ибо речь шла о том, чтобы удовлетворить зачастую противоположные, но по сути своей экономические интересы, интересы тех толп, которые, явившись с Балкан, с берегов Малой Азии, из Финикии или Сирии, искали здесь земель — чтобы их возделывать, женщин — чтобы на них жениться, мужчин — чтобы обменяться с ними товарами или идеями. Эти люди искали здесь работы и заработка, между тем как на родине они слонялись без дела или были вынуждены идти в наемники.

Следует также отметить, что все космополитические колонии, подобные Филиппам или Александрополю, были основаны на границах, в месте соприкосновения двух цивилизаций, что все это были места перехода или раскрытия иных горизонтов, места перемешивания населения, где греки и говорившие по-гречески македоняне обретали сознание того, что они принадлежат к одной и той же нации, оказавшейся лицом к лицу с другими сообществами. Так обстояло дело с Александрией Египетской, где Европа вступала в соприкосновение с Азией и Африкой. Что касается утверждения, подобного плутарховому, что, основывая города, Александр приносил цивилизацию людям, которые вели примитивную и дикую жизнь, то это обычная иллюзия всех колонизаторов. При закладке городов Александр, столь уважительно относившийся к мудрости тех же египтян, халдеев и индусов, вовсе не задавался такой целью. Самое большее, на что он мог рассчитывать, так это чисто практически приучить к

оседлости и привязать к одному месту кочевников, по самой своей природе неуловимых, неуправляемых и ускользающих от платежей в казну, а значит, увеличить шансы на мир между народами ровно на столько, на сколько уменьшался риск конфликта между ними.

Отметим еще, что эта сопровождающаяся принудительным перемещением населения форма колонизации, которая одобрялась Исократом и Аристотелем, всякий раз была превосходно согласована с характером местности. Такова, к примеру, Александрия в Египте, которая была разостлана на земле подобно македонской хламиде или плащу, плывущему между морем и озером. Эти колонии были также прекрасно приспособлены к туземным методам строительства (стены из камня или кирпича, сырца или обожженного, земляные насыпи, рвы, палисады) и местным средствам передвижения по большим сухопутным или речным путям. Несомненной логикой была продиктована закладка Буцефалии-Никеи, Александрии Опиенской, Александрии Согдской, Паталы, Александрии Оритской, отстоявших приблизительно на 350 километров друг от друга. Александр рассудительно и отважно создавал новую нацию, которую нельзя было бы назвать ни греческой, ни македонской, ни варварской, но лишь смешанной и гармонизированной.

Большие города, торговые столицы

Армия и ее обоз покинули Кандагар «около захода Плеяд», то есть приблизительно 1 ноября 330 года. К концу ноября измотанные люди подошли к подножию гор Паропанисады. Примерно в середине декабря они остановились в Ортоспане близ современного Кабула¹¹¹. От Кандагара до Кабула, если ехать по современной гудронной дороге, ровно 510 километров. В северном направлении долину Кабула окаймляют белоснежные зубцы сьерры высотой от 5 до 6 тысяч метров. Кох-и-Баба имеет в высоту 5143 метра, это одна из вершин Гиндукуша, который сопровождавшие Александра географы принимали за Кавказ на северных рубежах Персии. Именно здесь, у подножия заснеженного и лишенного деревьев хребта, французская археологическая миссия в Афганистане раскопала космополитический город эллинистической эпохи, основанный Александром в качестве его второй Александрии, а именно «Кавказской», или «Паропанисадской».

Из всего того, что сообщают Диодор (XVII, 83, 2), Курций Руф (VII, 3, 23) и Арриан (IV, 22, 5), становится ясно, что город был построен за зиму 330/29 года усилиями семи тысяч обитателей Гандхары и такого же числа греческих и македонских солдат и двигавшихся в обозе гражданских лиц. Основанию города предшествовало торжественное жертвоприношение трем главным македонским божествам — Зевсу Олимпийскому, Афине Алкидеме и Гераклу. Дома были построены на туземный манер, кирпичные с заостренной крышей, — точно такие, как их описывают у подножия Гиндукуша китайские и европейские путешественники, начиная со Средних веков. Ведение работ — возведение

укреплений, общественных зданий, прокладка путей сообщения, водоснабжение, заготовка провианта — было возложено на одного из товарищей царя Нилоксена, который скоро сделался военным наместником этой непростой сатрапии. Александр, который не был доволен деятельностью Нилоксена, через три года сместил его и назначил на его место Никанора, другого своего товарища, который должен был управлять городом — ключевым пунктом на дороге из Индии в Бактриану и Персию, местом торговли, а также активного интеллектуального и художественного обмена.

Из этой колонии происходит большое число произведений характерного для стиля Гандхары в III и II веках до н. э. синтетического искусства, ныне ставших экспонатами, которыми обоснованно гордятся музеи Кабула и Парижа, а также несколько самых красивых монет греко-туземных царей Бактрианы, от Диодота I (ок. 260–240) до трех Дикаев (между 135 и 60)^[56]. Среди других находок, сделанных в Бергаме, сообщается о серебряном кубке, на котором имеется рельефное изображение Фаросского маяка в египетской Александрии. Вплоть до I века н. э. между двумя этими городами-побратимами, разделенными расстоянием в 3600 километров, существовали тесные художественные и торговые связи. Поскольку одним из официальных языков индо-бактрийского^[57] царства был греческий, нет ничего удивительного в том, что именно благодаря основанному Александром городам зарождающееся христианство распространилось вплоть до самых глубин Центральной Азии.

В мае 329 года была основана третья Александрия — недалеко от Таугаста (Чучка Гузар), где перешедшая через Гиндукуш армия форсировала на бурдюках разлившийся Окс (Амударью). Между тем как Птолемей с основной кавалерией бросился в степь в погоню за

узурпатором Бессом, Александр уклонился на восток, приняв изъявления покорности от Тармиты (в «Эпитоме деяний Александра» § 4: oppidum Tarmantidem) и с наиболее пожилыми македонянами, уже непригодными для войны, а также фессалийскими добровольцами, оставшимися с армией, расширив и укрепив этот важный пункт на пути, связывающем Бактриану на юге (нынешний Афганистан) и Согдиану на севере (Узбекистан). В этом городе «он поселил 7 тысяч варваров, 3 тысячи сопровождавших армию гражданских лиц и добровольно пожелавших здесь остаться наемников» (*Циодор*, XVII, 83, 2; ср. *Арриан*, III, 29, 5). Это была Александрия Тармита, или Оксиана¹¹².

На всем протяжении античности и в Средние века, пока около 1220 года эту Александрию не сжег Чингисхан, это был наиболее процветающий торговый центр, соединявший мир степей с индо-иранским миром. Через него проходили рис, хлопок, шелк, золото и ковры из Центральной Азии и посуда, оружие, технологии, религиозные представления из Индии и Персии. В наши дни оседлавший Амударью Термез — крупный центр нефтедобычи и промышленности, который имеет также большое военное значение, оттягивая на себя торговлю в долине этой весьма напоминающей Нил реки. Железная дорога, шоссе и воздушное сообщение связывают город с Душанбе, столицей Таджикистана. Через Термез войска проникают непосредственно в Афганистан. Бактры-Зариаспа, столица Бактрианы, отстояли от новой Александрии всего лишь на 80 километров, так что Александр неоднократно проезжал здесь вплоть до 327 года. Он мог видеть новые земляные и кирпичные укрепления, протянувшиеся с высоты к самому берегу Окса (правому), и говорить себе, что в этом месте, как и в Египте, он создал необычную столицу, обреченную существовать до тех пор, пока здесь не угаснет греческая торговля. Как бы то ни было,

память об Александре, которого знают в этих местах как Искандера Зуль-Карнайна, жива здесь и поныне.

На северной оконечности Согдианы, в 400 километрах от Термеза, протекает другая граница, та, которую образует Сырдарья, Яксарт, впадающий в Аральское море. «Царь задумал построить на Танаисе^[58] город и назвать его своим именем. Место показалось ему благоприятным для того, чтобы город рос, а еще оно прекрасно подходило для дальнейшего продвижения на скифов, если приведет такое начать, и для защиты от набегов варваров, живущих по другую сторону реки. Казалось также, что город этот сделается великим как благодаря многочисленности обитателей, так и блеску данного ему имени» (*Арриан, IV, 1, 3-4*). Это и была Александрия «Эсхата» (Ἐσχατή), «Крайняя», или Александрия Согдийская, строения, укрепления и улицы которой покоятся ныне под современным Ходжентом в Таджикистане, в 145 километрах к югу от Ташкента. «Александр обнес стеной ту площадь, которую занимал его лагерь, так что городские стены имели в длину 60 стадиев (10,8 км; согласно Юстину, XII, 5, 12, — 6 римских миль = 9 км). Также и этот город он повелел назвать Александрией. Работа была завершена с такой быстротой, что уже на семнадцатый день после того, как заложили укрепления, были готовы и крыши домов. Между воинами развернулось соревнование (ибо все было поделено на части), кто первым предъявит законченную работу. Новый город был заселен пленниками (захваченными в «Городе Кира», ныне Ура-Тюбе в 73 км к юго-западу от Ходжента, и в семи фортах, взятых штурмом), которых царь отпустил на свободу, вернув их стоимость хозяевам. И теперь, спустя такое долгое время, у их потомков не изгладилась память об Александре» (*Курций Руф, VII, 6, 25-27*).

Рассказ Арриана, который отличает гораздо большая сдержанность, отводит 20 дней лишь на строительство

укреплений будущего города. О причине такой скорости можно прочесть в путевых записках Ф. фон Шварца (*F. von Schwarz* «*Alexanders des Grossen Feldzige in Turkestan*»): еще в 1893 году все постройки здесь были глинобитными, то есть возводились из земли, армированной ветками и жердями. Заселили город не только отпущенные на свободу пленники, то есть перемещенные туземцы, но и добровольцы из числа согдийцев, греческие наемники и сколько-то непригодных к службе македонян. Источники уточняют, что основание города сопровождалось, как этого требовал обычай, жертвоприношениями богам, скачками и атлетическими состязаниями, что вовсе не являлось признаком смешения этнических групп, как и не говорило об уподоблении греков варварам, но свидетельствовало о пламенном патриотизме, демонстрируемом в нескольких переходах от китайской империи. По другую сторону реки кочевали саки «хаомаварга», «скифы, варящие хаому», грозные арийские всадники, смешавшиеся с алтайскими племенами, откуда доставлялось золото, драгоценные камни, меха, чистокровные лошади. И поскольку единственный город, имевший на самом деле сторону в 6 стадиев (1080 м), а не в 15, и очень плотно заселенный пятью или шестью тысячами жителей, был не в состоянии претендовать на то, что сможет противостоять проникновению скифов через границу протяженностью в многие сотни километров, армия основала 8, а может, даже 12 сторожевых постов между Сырдарьей и Зеравшаном, рекой, на которой стоит Самарканд (*Страбон*, XI, 11, 4; *Юстин*, XII, 5, 13). В 326–325 годах 3 тысячи греческих солдат оставили свой пост и разбились на слоняющиеся по империи шайки. Сделали они это по наущению одного из собственных офицеров по имени Афинодор, а потом уже и одного из его соперников по имени Битон. Это говорит о том,

сколько героизма требовалось для того, чтобы сохранять мужество среди пустынь и общей враждебности согдийцев. Обитатели Александрии на Яксарте были более терпеливы и лучше защищены. Они активно занимались торговлей и извлечением выгоды из своего положения. В музее Ходжента вызывает восхищение бронзовый кратер с волютами, на котором в чистейшем греческом стиле II века до н. э. изображена пляска менад¹¹³. Раскопки в Тахт-и-Санкине, при слиянии Амударьи и Вахша, наглядно показывают, каким стало степное искусство, соприкоснувшись с искусством греческим: это восхитительный синтез абстракции и реализма, анимализма и антропоморфизма.

Не станем описывать укрепления в Нише, Ай-Хануме, Чарсадде, Массаге, Баркоте, Удиграме, которые, судя по всему, после прохода через них войск Александра не стали чем-то большим, нежели опорными пунктами или гарнизонами, и остановимся лишь на четырех городах, выстроенных в бассейне Инда в 326 и 325 годах. Стоило кавалеристам и фалангистам македонской армии, теперь на три четверти азиатской, обратить в бегство слонов и пехотинцев царя Пауравы близ Харанпура на берегу Гидаспа (Джелам), как Александр принял решение обеспечить контроль над всеми путями сообщения в центре Пенджаба, там, где индоевропейское население соприкасается с наиболее беспокойными племенами дравидской группы.

Сегодня, после археологических изысканий сэра Орела Стейна, проведенных в Пенджабе в 1932 и 1937 годах, все согласны с тем, что, выйдя из Таксилы (в 30 км к западу от Равал пинди), Александр направился к современному Амритсару на восточной оконечности Пенджаба, следуя самым прямым путем, по которому и поныне движутся грузовики и поезда на линии Дели — Пешавар. В самом крутом изгибе петли Гидаспа, к северу от Джелама, он натолкнулся на войска Пауравов,

династии, о которой много говорится в «Махабхарате». Александр стал лагерем там, где в наши дни находится Харанпур, а затем, вместе с кавалерией и фалангой, форсировал реку на 28 километров северо-восточнее, где в наши дни находится Джелалпур, воспользовавшись в качестве перевалочного пункта островом Адманой.

После битвы, когда были возданы почести мертвым, розданы все награды и принесены жертвы Солнцу (очевидно, Митре), Александр основал два города: один на берегу (правом) реки, там, где начал переправу, и второй — в том месте, где одержал над Пауравой победу (согласно *Диодору*, XVII, 89, 6; *Курцию Руфу*, IX, 1, 6 и 3, 23; *Плутарху* «Александр», 61, 1-2; *Юстину*, XII, 8, 8 и т. д.). Первый был назван Буцефалией, в память о Буцефале, горячо любимом скакуне, который только что умер в возрасте 30 лет, а второй — Никеей, «той, что дает победу» (Nikè), вероятно, по одному из эпитетов богини Афины. В рабочей силе недостатка не было, — из числа пленников, наемников и добровольцев македонян (*Элиан* «История животных», XVII, 3), однако работы в сезон муссонов были проведены так поспешно, что уже через несколько месяцев, в октябре 326 года, вся армия в целом была вынуждена восстанавливать разрушенное потоками воды (*Арриан*, V, 29, 5). Эти города, вероятно находившиеся друг напротив друга и образовавшие единое целое в административном отношении (см. относящийся к I в. н. э. «Перипл Эритрейского моря», § 47), должно быть, существовали, пока индобактрийские цари чеканили монету с надписями на греческом и пракрити. Несколько таких монет были найдены в Джалалпуре. Во времена маурьев «Город Буцефала» сменил имя: он стал Бхадрасвой, «Городом доброго коня». Помимо выполнения чисто материальной задачи — закладки города, Александр воздвиг в этом месте веху на пути распространения буддизма в одном

направлении и ислама — в другом: это был мост, место обмена духовными сокровищами.

В конце лета 326 года, в то время как Кратер укреплял этот двойной город и руководил работами верфей на Джеламе, где строился флот в 200 галер с тридцатью веслами с каждого борта и 800 шаланд, Александр распорядился возвести на берегу Биаса, у крайнего предела его продвижения на восток, 12 (?) алтарей со сторонами в 22,50 метра в честь приведших его сюда богов. В I веке н. э., около 60 года, Аполлоний Тианский явился сюда, чтобы увидеть эти памятники, имевшие целью, как и лагерь Александра, поразить людское воображение (*Флавий Филострат «Жизнеописание Аполлония Тианского», И, 43*). Вся армия приняла участие в возведении из прочных и долговечных материалов этих последних свидетельств веры и мужества греков. После того как регион заняли англичане, эти алтари долго искали восточнее Амритсара, однако течение Бианта, подверженное муссонным паводкам с середины июня до середины сентября, изгладило абсолютно все, за исключением памяти об Искандере.

Весной 325 года флот и армия достигли слияния Чинаба и Сатледжа в 130 километрах к югу от нынешнего Мултана. Гефестион и Филипп получили от Александра, который оправлялся тогда от ранения, приказ укрепить один индийский город и собрать в нем всех выразивших на это согласие туземцев и негодных к службе наемников (*Арриан, VI, 15, 2*). Возможно, этот поселок или, скорее, опорный пункт на границе области грозных малавов был назван именем любимой индийской собаки царя, Периты, охотника на львов (*Плутарх «Александр», 61, 3*). Можно также предполагать, что в эллинистическую или римскую эпоху он стал именоваться Александрией Опиенской, в Средние века назывался Аскаланд-Уза, а в наши дни носит имя Уч и

располагается в 100 километрах к северо-востоку от Раджанпура, «Города царя». Несомненно, однако, то, что, достигнув слияния Мулы и Инда, в 330 километрах к юго-западу от Уча, Александр приказал выстроить и укрепить новый город, именуемый в текстах Александрией «у согдов», Согдийской (*Арриан*, VI, 15, 4), причем «согды» здесь — это несговорчивое и опасное племя «судров» из индийского эпоса^[59]. «На реке он основал город Александрию, собрав сюда 10 тысяч поселенцев» (*Диодор*, XVII, 102, 4). Употребленное здесь Диодором слово «поселенцы» (οἰκήτορες) является свидетельством космополитичности города, подобного первой из Александрий. Данная, индийская в собственном смысле, была уже пятой. Ее следы можно отыскать на левом берегу Инда — в Рохри, южном пригороде Суккура, в 200 километрах к северу от дельты. Отсюда отходят три больших орошающих Синд канала. Несомненно, здесь были проведены долговременные работы, поскольку согласно «Периплу Эритрейского моря» (§ 41) обитатели Синда показывали западным купцам следы пребывания экспедиции Александра — храмы, лагеря. Александр создал и оставил после своего прохода линию речной навигации, начиная от верхнего бассейна Инда на севере и до Индийского океана на юге, с торговыми портами, доками для кораблей и арсеналами через каждые 350 километров...

«Прибыв в Паталу (близ Татты, в 155 км к востоку от Карачи), он застал город оставленным как жителями, так и работниками и послал в погоню за ними самые проворные войска. Когда часть их удалось догнать, Александр отправил их за прочими, наказав передать им, чтобы они возвращались, ничего не боясь... Поручив Гефестиону обнести стенами городскую крепость в Патале, он отправил людей в соседнюю безводную пустыню копать колодцы и превращать землю в

обитаемую... У Паталы воды Инда разделяются на два больших рукава, и оба они носят название Инда вплоть до самого своего впадения в море. Здесь Александр возвел порт и верфи. Когда работы продвинулись достаточно далеко, он решил спуститься по правому рукаву вплоть до самого моря» (*Арриан*, VI, 17, 5-6; 18, 1-2).

Великий строитель делал это не столько из честолюбия и гордыни и даже не из пустого любопытства, как об этом заставляют думать рассказы Неарха, флотоводца Александра, и Онесикрита, его первого кормчего. Нет, он желал выяснить, полностью ли судоходна река и в каком месте из нее можно попасть в море. Выяснилось, что западный рукав ненадежен в связи с имеющейся здесь опасной отмелью и что в Индийском океане существуют приливы и отливы, незнакомые обитателям Средиземноморья. Восточный рукав исчезал в некоем озере, выход из которого можно было привести в порядок. «Спустившись вновь к озеру, он возвел там еще один порт и еще одни верфи и, оставив охрану, завез сюда продовольствия для всего войска на четыре месяца, а также все прочее, что требовалось для плавания» (*Арриан*, VI, 20, 5). Затем он поверил Неарху 120 кораблей, пригодных к плаванию по морю, и приблизительно 10 тысяч человек. Поскольку, как утверждали, Река Океан окружает весь обитаемый мир, это означало, что одни и те же воды омывают берега Индии, Персии, Вавилонии и Аравии.

После того как Патала была укреплена и хорошо снабжена, она должна была играть на границе Индии и пустыни Тар ту же роль, что Александрия в Египте на границах долины Нила и Сахары. Для того чтобы сняться с якоря, Неарху пришлось ждать захода Плеяд и окончания муссона, то есть начала октября^[60] 325 года (*Арриан* «Анабасис», VI, 21, 2; «Индика», 21, 1; *Страбон*, XV, 2, 5). Вероятно, месяцем прежде Александр вышел

из Паталы в западном направлении, чтобы с суши оказать поддержку своей эскадре, которая, по его приказанию, установила первую морскую линию навигации между Оманским и Персидским заливами. Он пожертвовал ради этого половиной армии, поклажи, сил, даже своей репутацией (все уже считали его погибшим), однако с июля по декабрь 325 года он совершил для построения нового, — основанного на экономических и политических связях, — мира больше, чем за все десять лет походов и сражений.

Из античных источников мы получаем в высшей степени запутанные сведения (при отсутствии каких бы то ни было археологических раскопок и систематических исследований), согласно которым как раз в тот момент, когда флот Неарха снялся с якоря и производил разведку залива, названного именем Александра, где в будущем стал располагаться Карачи, армия основала свою шестую Александрию, которую впоследствии назовут, чтобы отличить от прочих, Оритской, или *Orôn*. Арриан пишет (VI, 21, 5): «Когда царь пришел в крупнейший у оритов поселок, который звался Рамбакией, он одобрил его местоположение и подумал, что образованный из поселенных здесь жителей (*хуноïkistheisa*) город окажется крупным и процветающим. Для этого он оставил здесь Гефестиона». Рамбакия может быть локализована в долине Порали, на юге современного Белуджистана, то ли близ Белы, где были обнаружены античные (?) развалины, как предположил сэр Орел Стейн (*Geogr. Journal*, 1943, p. 215), либо, что более вероятно, к северо-западу от Лияри, на месте Хайра-Кота, который еще процветал в Средние века, как думалось Гольдичу (*Journ. Soc. of Arts*, 1901, p. 421), в 20 километрах от нынешнего берега залива Кокала, — единственное туземное поселение, о котором упоминает Неарх и в котором он

смог пополнить запасы провианта (*Арриан «Индика»*, 23, 4-5).

«Также и в этой области он основал город и переселил сюда арахосиев», — пишет Курций Руф (*IX, 10, 7*), то есть сосредоточил здесь туземцев из долины Порали, ихтиофагов с побережья и всех греческих, финикийских и вавилонских коммерсантов, которые интересовались пряностями, благовониями, драгоценными камнями и жемчугом. Ныне эта область называется Белуджистаном (западный Пакистан). Речь шла не об окультуривании дикарей, но о приобщении их к государству и обучении азам торговли. Чтобы защитить их с запада, Леоннату было приказано (или он взялся за это сам) возвести форт с размещенным в нем гарнизоном в долине Максата (Машкаи), притока Томера (Хингола)¹¹⁴. При входе в пустыню, на караванной тропе в 100 километрах к западу от Белы будет позднее располагаться Александрия Макарена. В прошлом веке Ч. Массону довелось слышать в долине Джау или Джал Джао, притока Хингола, о старинном городе, в котором находили греческие монеты (*«Various Journeys»*, II, 1844, p. 14). Этот торговый путь, проходивший по суше более чем в 100 километрах от берега, дублировал тот, что пролег по Индийскому океану.

Не станем останавливаться на расселении в декабре 325 года измотанных солдат и попутчиков армии в Сальмунте (Кано-Сальми во времена Марко Поло, ныне Хану в долине Рудбара) в 150 километрах к северу от Ормузского пролива, в местечке, которое в римские времена называлось Александрией Карманской (*Плиний Старший «Естествознание»*, VI, 107). Это всего лишь веха на той громадной сухопутной тропе, которая ведет от Оманского залива к оазисам Афганистана и Туркменистана. Рассмотрим основание Александром города, который Плиний (VI, 100 и 138-139) называет «Александрией на Тигре», или «Сузианской».

Основанный весной 324 года между устьями Тигра и Эвляя (ныне Карун) близ современного Абадана, этот город занял место разрушенного персидского городка Дурины. Население здесь было таким же, как и в шести перечисленных Александриях: переселенное с берега реки туземное население, демобилизованные македонские солдаты или наемники, штатские, ремесленники или деловые люди. Они должны были преобразовать это место в глубине Персидского залива в важный центр деловой жизни, симметричный по отношению к Александрии Оритской близ устья Порали в 2100 километрах на восток.

Не следует путать Александрию Сузианскую с будущей Александрией Харакенной. Завоеватель, который планировал покорить Аравию и достигнуть Египта по Красному морю, в 324-323 годах выстроил, оборудовал и снабдил оборонительными сооружениями порт к северу от Кувейта и на юго-востоке озера Румия, возможно, там, где ныне находится Умм-Каср, вынесенный вперед порт Басры. Вот что сообщает об этом Арриан (VII, 21, 7), который забыл сообщить нам его название: «Александр спустился по Поллакопу (южный рукав Евфрата) и вышел по нему к озерам в направлении Аравии. Обнаружив здесь удобное место, он основал город и обнес его стеной. Здесь царь поселил греческих наемников, давших на это согласие, а также тех, которые были непригодны для войны по возрасту или из-за увечий». Одновременно он приказал оборудовать и укрепить острова Персидского залива, самыми известными из которых были Икар, или «остров Александра» (Файлака, который принадлежит Кувейту) при устье Евфрата и Тил, или Тир (Бахрейн) севернее Катара, которые были также перевалочными пунктами и местами стоянки для будущей торговли с Маскатом, Оманом и Индией.

Подведем итог. Личной инициативе Александра следует приписать основание семи городов, названных Александриями, этих подлинных форпостов, имевших политическое, военное и экономическое значения, бравших на себя исполнение трех великих ролей индоевропейских обществ и объединявших в своих пределах три разные категории населения. Это были: Александрия в Египте, построенная между Фаросом и Ракотидой в январе 331 года;

Александрия «Кавказская» (индийская) или при горе Паропанисаде, в Бергаме, основанная в декабре 330 года;

Александрия Оксская, на Оксе (Амударья), в Термезе (июнь — июль 329 года);

Александрия Эсхата, или на Яксарте (Сырдарья), в Ходженте, основанная в октябре 329 года;

Александрия Согдийская, или индийская близ Суккура, основанная в начале 325 года;

Александрия Оритская, у устья Порали (сентябрь 325 года);

Александрия Сузианская, в глубине Персидского залива, основанная в апреле — мае 324 года.

Много народов, единое государство

Мы видим, что на протяжении двух последних лет царствования основной проблемой, на которой сосредоточился Александр, было устройство торговых путей между наиболее отдаленными областями империи и ее центром. В противоположность тому, что можно было предполагать, исходя из особенностей характера Александра, на которые указывают современные историки, он разрешил ее не как мечтатель или склонный к сентиментальности человек, но как реалист. Яркими свидетельствами этого являются три предприятия. Едва прибыв из Сузианы к устью Тигра, Александр решает уничтожить завалы, возведенные здесь персами, и делает Тигр судоходным до уровня Описа, близ Багдада (лето 324 г.). В том же году он приказывает свезти в Тапсаку (Джераблус) на Верхнем Евфрате древесину, которой располагают Ливан и горы Армении, чтобы построить флот в тысячу кораблей, способных плавать как по великой Двойной Реке, так и по морю. Наконец, весной 323 года, «между тем как триеры строились, а у Вавилона рыли акваторию порта, Александр выплыл из Вавилона и спустился по Евфрату до реки, называемой Поллакоп. Она отстоит от Вавилона примерно на 800 стадиев (144 км) и является боковым каналом Евфрата (или, точнее, естественным рукавом, который открывали в сезон паводков, а по его окончании вновь перекрывали)... Более 10 тысяч ассирийцев были едва не три месяца в году заняты на этих работах... Отойдя отсюда на 30 стадиев (5,5 км), Александр обнаружил достаточно каменистую породу, чтобы прорубить в ней канал... куда было легко при необходимости отводить воды» (*Арриан, VII, 21, 1-6*). Тем самым была облегчена ирригация возделанных земель

Нижней Месопотамии и правильная навигация по Евфрату, одновременно высвободилась значительная рабочая сила, которую можно было использовать для других занятий.

Александр лично осматривал верфи, объезжал речные рукава и болота вокруг Вавилона, советовался с капитанами и, умирая, только и говорил, что о плавании вокруг Аравийского полуострова ради установления нового сообщения между последней и первой из своих Александрий. Если в связи со всеми этими предприятиями Александр и мог испытывать какие-то эмоции, то это могло быть лишь чувство гордости тем, что он основал великие города, наладил между ними небывалую прежде сеть сообщения; тем, что он превратил их обитателей в единую нацию — сильную, процветающую и неоднородную, которую, как и всю появившуюся вместе с ней на свет цивилизацию, можно назвать александрийской.

Насколько немногочисленны и противоречивы свидетельства, говорящие о юности и первых годах правления Александра, настолько они многочисленны и точны, когда речь идет о закате его жизни. Годы 324–323-й, когда Александр вернулся в пять столиц империи (Персеполь, Пасаргады, Сузы, Экбатаны, Вавилон), оказались наиболее загруженными событиями, точнее, государственными мероприятиями. Покинув Индию, которая простиралась на запад вплоть до границ Гедросии, Александр больше не воевал: теперь он пытался строить мир. Стоило ему в сопровождении жалких остатков своей армии и обоза достичь садов и виноградников Гедросии и соединиться с почти не понесшими потерь отрядами верного Кратера и отважного Неарха, как он тут же наказал уверовавших в его гибель и вышедших из подчинения сатрапов и чиновников, назначив вместо них новых, восстановил «Порядок», по-персидски «Арта», во всех смыслах этого

слова: в сфере руководства, организации, исполнительности, правосудия.

«Многие туземцы и даже кое-кто из армии жаловались на окружение Клеандра и Ситалка: на то, что они ограбили храмы, разорили древние захоронения и совершили другие несправедливости и беззакония в отношении подданных. Когда об этом донесли царю, он повелел казнить некоторых из них, чтобы остальные, оставленные им на должностях сатрапов, гипархов и номархов, боялись того, что и их постигнет то же самое, если они провинятся. И это более всего способствовало поддержанию порядка (κόσμος) у покоренных силой или добровольно отдавшихся под власть Александра народов... так что в царствование Александра властителям не дозволялось притеснять подвластных» (Арриан, VI, 27, 4-5; ср.: Курций Руф, X, 1).

Это было сделано не ради пропаганды и не ради патернализма. И в то же время это было примерное наказание, за которым последовал приказ восстановить гробницу Кира в Пасаргадах и разыскать грабителей. Чтобы обеспечить мир в империи, столь разительно непохожей на крохотную Македонию, преемник Ахеменидов был предельно уважителен к сложившейся у здешних народов религиозной, государственной и социальной практике и заставлял других также проявлять к ней уважение. Представитель верховного Бога (каким бы ни было его имя) на земле, облеченный им полномочиями и наделенный непобедимостью, Царь царей мог издавать повеления, которым следовало повиноваться. Македоняне с греками усвоили, хоть и не без труда, что закон исходит уже не от гражданского или военного собрания, но от воли одного человека. В августе 324 года закон, словно громом, поразил 13 македонян-подстрекателей, которые протестовали против мероприятий, принятых в Сузах: царь передал их

персидским стражникам, которые, заковав на персидский манер, бросили их в реку.

Но не стоит говорить ни о слиянии, ни об ассимиляции, ни об амальгаме, ни о Сообществе наций. Все это — не более чем современные изобретения. Все, что в 324 году делал Александр, служило имперской политике, предельно консервативной в отношении установленного порядка, политике умиротворения или доброго согласия, политике престижа. Достаточно перечислить меры, которые были приняты между возвращением в Сузы и отправлением в Экбатаны.

Женитьба царя и 88 его близких друзей и товарищей на девушках из самых знатных мидийских и персидских семейств; свадебные подарки, поднесенные всем македонянам, женившимся на азиатках. Этот союз двух аристократий должен был узаконить авторитет победителей и привязать их к завоеванной земле. По мнению Аристотеля, приобретение новых земель является первейшей задачей македонской монархии. После смерти Александра все, не возвратившиеся в Европу, будь то офицеры или солдаты, нарезали себе участки из царских владений, став обладателями кто царства, кто скромной аренды.

Циркуляр (διάγραμμα), направленный во все греческие города с тем, чтобы Александра официально признали Сыном Амона, неодолимым (или непобедимым) царем, достойным почестей, полагающихся при таком ранге: статуй, священных участков, жертвоприношений, венков, снаряжения посольств, ходатайств о благодеяниях и заключении союза. Отсюда и происходило то обожание, которым окружало и до сих пор окружает потомство этого эпического героя и полубога.

Реформа армии и царской гвардии, которые все больше комплектовались из азиатов, овладевая в то же время навыками маневрировать и сражаться по-

македонски. Несмотря на бунт в Сузах в августе 324 года и его подавление, предусмотренные меры стали образцовыми для всех эллинистических государей. Они все больше вербовали наемников за пределами Греции, использовали те же военные машины, что и Александр, переняв у него военную иерархию и т. д.

На примирительном пире в Описе в сентябре 324 года лишь македонские и, следом за ними, персидские вельможи принимались в расчет во время моления о «единомыслии и общности власти» (*Арриан*, VII, 11, 8–9), и они оказались превосходящими своим положением всех прочих, сидевших вокруг концентрическими кругами. С этих пор всех преемников Александра, в том числе различных европейских императоров двумя тысячелетиями спустя, преследовала греза о всемирном господстве.

Изданный в Сузах указ (ἐπίταγμα), торжественно зачитанный глашатаем перед лицом всех собравшихся в августе — сентябре 324 года на Олимпийские игры греков, который повелевал им упразднить тиранические режимы и принять обратно изгнанников в те города, откуда они были изгнаны. Это была умиротворяющая и благодетельная мера (*Диодор*, XVIII, 8, 2–5), хорошо принятая греками в целом, за исключением афинян, которые лишались Самоса, и этолян, которые изгнали обитателей Эниад. Этим указом Александр подтверждал свое главенство над Грецией, как и над прежней империей персидских царей. Он готовил наступление того дня, когда государство воплотится во всеобщем сознании в человеке, который им руководит и управляет.

Приказ снарядить флот из тысячи кораблей с финикийскими, сирийскими и вавилонскими экипажами, сделать судоходным течение Тифа и Евфрата на всем протяжении от армянских гор до двух недавно отстроенных в глубине Персидского залива портов,

Александрии Сузианской и Александрии Харакены (Абадан и Умм-Каср). Освоение этого торгового пути позволит соединять Средиземноморье с Индийским океаном на протяжении тысячелетий. Александр предвидел, что для того, чтобы добиться политического единства края, страны, континента, необходимо осуществить их экономическое и культурное объединение. Приведение в порядок предшествует Порядку.

Когда 10 ноября 324 года умер хилиарх и тысяцкий царских стражей Гефестион, личный друг царя и второй человек в империи, всем велено было соблюдать траур и участвовать в самых грандиозных из всех когда-либо имевших место похоронах: пышный траурный поезд проследовал до Вавилона, где был возведен громадный и роскошный катафалк, учрежден культ полубога, а в жертву памяти героя были принесены 10 тысяч жителей современного Луристана. Эти деяния, нацеленные на то, чтобы потрясти воображение, были зафиксированы в «Царском ежедневнике» и воплощены в искусстве, которое стало патетическим, вычурным и несоразмерным, всецело состоящим на царской службе. Торжественные похороны Великого Визиря стали прелюдией к погребению самого царя, похоронный экипаж которого, перегруженный символами, на протяжении 18 месяцев был выставлен на всеобщее поклонение и обозрение.

Что можно на это сказать, как не то, что этими семью мероприятиями 324 года Александр изменил существовавшее до этого времени в политическом сознании представление о государстве, равно как и само государство. Старинное понятие города-государства (πόλις), образованного ограниченной группой людей, которые наделены здесь только политическими правами, и для них и существующего, оказалось заменено, по образцу Персидской империи, понятием

власти, ἀρχή, или, если угодно, самовластного авторитета, κράτος, который одушевляет и управляет страной, олицетворяя ее. И если такой авторитет оказывается сосредоточенным в руках одного человека и наделен, сверх того, священным или божественным характером, как это было в случае Александра и римских императоров, государством и будет он сам, неподотчетный никому, кроме Бога и Истории. Возникает этакий Imperium Romanum, в одно и то же время личность императора и Римская империя, нравственная личность.

Так что великий строитель не удовлетворился тем, что возвел при жизни на своих землях колонии, мосты, проложил каналы и пути сообщения, воздвиг роскошные памятники, организовал администрацию и средства управления. Вместе с будущим своей империи и ее окраин он стал создателем более тонких отношений, интеллектуальных и духовных, — когда в 324 году поручил Гераклиду обследовать Гирканское море (*Арриан*, VII, 16, 1-4), когда направил Архия, Андросфена и Гиерона из Сол исследовать берега Аравии (*там же*, VII, 20, 7-8), когда забрал вместе с собой в Сузы индийских мудрецов Калану и Дандамида, когда велел перевести для себя сочинения магов и персидские надписи, распространив по своим колониям разговорный греческий, койнэ, которому суждено было стать средой и носителем Евангелия и христианства вплоть до несторианцев в китайском Туркестане восемью столетиями спустя; пригласив, наконец, в Сузы, Экбатаны, Вавилон художников, актеров и атлетов, этих наилучших из всех мыслимых распространителей эллинского духа.

Основанная им империя имела исключительно коммерческое или торговое значение. Распространяя греческий язык и греческие нравы, и даже дельфийские изречения¹¹⁵, как в Ай-Хануме на северо-востоке

современного Афганистана, демобилизованные, ремесленники, колонны распространяли также и то, что было наиболее оригинальным в их цивилизации — ценности религии, искусства и техники. В самом деле, принимая в Сузах, в Экбатанах и Вавилоне делегации от всех существовавших тогда и проявлявших активность народов, от Сицилии до Пенджаба, Александр возводил будущее.

Один человек

Какой же смехотворной, близорукой и ограниченной предстает нам при рассмотрении в такой перспективе позиция «искавшего человека» Диогена! Он и подобные ему бесчисленные мыслители, погрязшие в умозрении, были не в состоянии увидеть солнце, смотревшее прямо им в лицо. Всякое историческое явление обязано своим возникновением действию индивидуума. В некоторые века получает распространение идея величия, которая находит свое воплощение в людях — в Александре в IV веке до н. э., в Цезаре и Помпее в конце александрийской эпохи, в Великом Конде в век Людовика Великого. Представляющиеся нам кровавыми завоевания не могли иметь места без всемогущей *virtú*, доблести победителя при Херонее, Иссе и Джалапуре. На службе у Завоевателя состояли 50 инженеров или ученых. Но без него, без его личной мощи, без его ума и решительного духа они бы остались бесплодны и не смогли бы создать ни единства империи (в чем убедила его смерть), ни покровительства искусствам, ни исследовательского духа, ни долгот и широт, ни пришедших из Индии цифр, которыми мы пользуемся и поныне. Диоген, который был неспособен воздействовать на вещи, удовлетворялся тем, что их созерцал. Александр не ограничивался тем, чтобы воздействовать на вещи и людей: он создал самого себя.

В том и заключается последний парадокс этого искателя мыслимых и немыслимых приключений: его жизнь, посвященная преодолению всех пределов, была обречена на то, чтобы быть незначительной, однако он придал ей смысл. Он родился неизвестно где и неизвестно когда от пьяницы отца и истерички матери и с самого детства был вечно вторым, причем воспитатели

не жалели на него розог, соперники презирали его как бастарда, а Демосфен увидел в нем, мальчишке, шута. Филипп, этот «мнимый отец», жестоко унизил Александра перед товарищами по случаю брака брата-эпилептика и собственного седьмого (!) брака. Что случилось бы с Александром, если бы Филипп остался жив? Долгое время отвергавший женщин, которых ему предлагали, предававшийся со своими товарищами по борьбе и играм однополый любви, жалкий атлет, который не умел даже плавать, Александр выстроил свою личность подобно тому, как он выстроил собственную империю — благодаря воле, честолюбию и упорству. Нежная, чуткая, склонная к мечтательности, словно бы женственная душа, беспокойный характер, каким он предстает на всех, даже самых идеализированных портретах, Александр ведет непредсказуемую, полную контрастов и двойственности чувственную жизнь. Вспыхнувшая в 328 году страсть к Роксане, которую он наградил сыном лишь через пять лет, не помешала ему предпочитать ей любовь Гефестиона. Но все это лишь любовные интрижки, которые едва затрагивали современников Александра. Что интересовало их и интересуется сегодня нас, так это его контролируемая горячность, расчет стратега, любознательность, открытость ума, поиски потустороннего, мужество. А все прочее — лишь литература или легенда, как халдейские гороскопы и болтовня про амазонок.

В один прекрасный день этот в высшей степени упорядоченный жизненный порыв иссяк. В возрасте 32 лет, будучи на вершине славы, Александр внезапно, как бы в одночасье, умирает — подобно каменщику, сорвавшемуся с вершины возведенного им здания. И на протяжении целых десяти лет никто не задавался вопросом о том, как это могло случиться. Во времена Аристотеля было принято искать конечные причины.

Поговорили о воле богов, о судьбе — и удовлетворились незнанием. Он умер «случайно», *quod accidit*, как это может случиться, от лихорадки или от яда. На протяжении столетия биографы, вдохновлявшиеся врачом Литтре, пытались собрать воедино предпосылки роковой развязки. Пищевое отравление в Согдиане в 329 году, восемь ранений, одно из которых, очень тяжелое, было получено у Мултана в 326 году, лишения, которые пришлось перенести при переходе через пустыни, построение отвоёванной империи, 18 месяцев походов в 324–323 годах, которые перемежались пирами и оргиями, три гнетущих известия: бегство Гарпала, смерть Гепестииона, измена Антипатра — вот, если угодно, предпосылки роковой болезни. В последние два или три месяца жизни Александр был свиреп, гневен, неспокоен, нерешителен. Он замкнулся в себе. Он был растерян. Он много пил. Он не спал. Его интеллектуальное и физическое истощение ощущается даже в официальном тексте «Царского ежедневника». На протяжении 18 месяцев он выстраивал свою смерть, как другие строят дом, — в тишине, тайне, без того, чтобы хоть что-нибудь заметил или мог что-нибудь сказать кто-то из окружающих его врачей. Для будущих прагматиков он умер от переутомления, от бесчисленных страданий, от пищевых и сексуальных излишеств. Но что же его сразило и упокоило навек: капля воды, проглоченная в болотах Кармании или Вавилона, зараженная невеста каким вирусом, что столь нередко на Востоке? А может быть, его унес лептоспироз или какое-то инфекционное заболевание со стремительным течением, так что болезнь невозможно было ни предвидеть, ни излечить?

Такова еще одна, седьмая версия смерти Александра. Уход из жизни молодого, красивого, как ангел, и могучего, как Ахилл, завоевателя, если он был предумышлен, желанен и готовим, остается шедевром в

глазах всякого его почитателя. Шедевр тайны, которая будет питать историю, легенду, роман до тех самых пор, пока биографы будущего не предложат восьмую, десятую, сотую версию его смерти, словно Александр все еще окончательно не ушел из мира живых. И в самом деле можно так думать, судя по обожанию, которым до сих пор окружена его личность, по тому уважению, которое ему спешат засвидетельствовать, по числу посвященных ему книг и фильмов¹¹⁶, по тому живому чувству, с которым люди нарекают детей его именем, а те это имя носят: Скандер, Саша, Александр... Бессмертными остаются лишь те, кого любят.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лучшим исследованием о Клитархе остается работа *P. Goukowsky*, Notice à Diodore de Sicile, Bibliothèque historique, 1. XVII. Paris, Les Belles Lettres, 1976, pp. IX-XXXI, и «Notes complémentaires», pp. 165-277 (*passim*).

² Об Арриане Никомедийском (87-167? н. э.) мы располагаем пятью новыми работами: 1) Тезисы докторской диссертации *H. Tonnet*, Recherches sur Arrien. Sa personnalité et ses écrits atticistes (Bibl. de la Sorbonne, машинописный экземпляр, 1979); 2) *P. A. Stadter*, Arrian of Nicomedia. Univ. of N. Carolina Press, 1980; 3) *R. Syme*, «The Career of Arrian», Harvard Studies in Classical Philology, v. 86 (1982), pp. 171-211; 4) *P. A. Brunt*, Arrian with an English Translation, vol. I. Introduction, pp. IX-LXXXII; vol. II, приложение XXVIII: The date and Character of Arrian's work, pp. 534-572, Cambridge (Mass.) and London, 1976 и 1983; 5) *P. Vidal-Naquet*, Flavius Arrien entre deux mondes, в приложении к изданию: *Arrien*, Histoire d'Alexandre... перевод P. Savinel, Paris, Éd. de Minuit, 1984, pp. 311-394.

³ Относительно легенды и «Романа об Александре», ср., помимо публикаций, приведенных в общей библиографии, еще пять следующих работ: *Erwin Mederer*, Die Alexanderlegenden bei den ältesten Alexanderhistorikern. Stuttgart, Kohlhammer, 1936; *Fr. Pfister*, «Studien zum Alexanderroman» Würzburger Jahrb. f. d. Altertumswiss., 1 (1946), 29-66; *Reinhold Merkelbach*, Die Quellen des griechischen Alexanderromans, Zetemata, vol. 9, München, 1954; *Fr. Pfister*, «Alexander der Grosse in den Offenbarungen der Griechen, Juden, Mohammedaner und Christen», Denkschr. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin. Sekt. für Altertumswiss., 3, 1956; *Jean Frappier*, Le Roman d'Alexandre et ses diverses versions au XIIe siècle, Grundriss der romanischen Literaturen des Mittelalters, vol. IV,

Heidelberg, 1978, SS. 149-167. Подготовленное К. Мюллером на основании трех рукописей XIV-XVI вв. издание греческого «Романа об Александре» (в серии Дидо в 1846 г.) и примечания, которыми оно снабжено, в настоящее время считаются искусственными и устаревшими. Ср. общую библиографию.

⁴ См. *J. E. Atkinson*, *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni*, тт. 3 и 4, *London Studies in Classical Philology*, 1980. Автором был, возможно, Курций Руф, консул-суффект 43 г., впоследствии проконсул в Африке, которого клеймит Тацит («Анналы», XI, 20-21). Его «История» была начата, вероятно, в начале правления Клавдия (правил с 41 г. н. э.). У автора очевидно желание подражать Титу Ливию. Риторические обороты, а подчас и идеи заимствованы у Сенеки, Лукана, Стация, в общем, характерны для середины и 2-й половины I в. н. э. Дважды Курций ссылается на Клитарха (IX, 5, 21 и 8, 15) и раз — на Тимагена (IX, 5, 21).

⁵ Лукиан из Самосаты (ок. 115-185) издал ок. 165 г. трактат «Как следует писать историю» (сатиру на умозрительные исторические труды, и прежде всего Арриана), а немного позже (180) — трактат «Александр, или Лжепророк» (памфлет, написанный против Арриана по просьбе Цельса). «Правдивая история» Лукиана является пародией на «Одиссею», Платонову Атлантиду, на утопическое сочинение Ямбула, на «Индию» Ктесия и Арриана, это был один из вероятных источников «Романа об Александре» (ок. 220). Издание с английским переводом в *Loeb Classical Library*, v. I-IV, *Londres*, редакция *W. Heinemann*, 1913-1959.

⁶ См. *Georges Daux*, *Aigéai, site des tombes royales de la Macédoine antique*, *comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, Paris, nov.-déc, 1977 (avril 1978). Самые последние уточнения по-французски о данном месте — принадлежащие самому ведущему здесь

работы археологу (*M. Andronikos*, «La nécropole d'Aigéai»), которые помещены в большой подборке богато иллюстрированных статей, вышедшей в 1982 г. в издательстве *Ekdotikè Athènon S.A.*, под названием *Philippe de Macédoine*, pp. 188–229. Ежегодные отчеты о проведенных Археологической службой и Греческим археологическим обществом раскопках публикуются в хронике *Bulletin de correspondance hellénique* (В.С.Н.), издаваемого Французской школой в Афинах. Из года в год находят подтверждение два следующих факта: 1) что обычным местопребыванием семьи Филиппа были Эги; 2) что захоронение, обнаруженное в октябре — ноябре 1977 г., наверняка принадлежит самому царю и одной из семи его жен или одной из его дочерей, умершей в возрасте 20–25 лет.

⁷ Относительно даты этой смерти, устанавливаемой как 10 июня 323 г. до н. э., я руководствуюсь расчетами, данными в *E. J. Bickerman*, *Chronology of the Ancient World*, пересмотренное издание, London, Thames and Hudson, 1980, pp. 38, 67 и 179, принимая во внимание прежде всего тот факт, что Плутарх в «Жизни Александра» (75, 6 и 76, 9) указывает две даты — одну официальную и другую традиционную, между тем как Александр дважды, в 334 и 332 гг., менял календарь (*Плутарх* «Александр», 16, 2 и 25, 2, причем происходил сдвиг в два или три дня); ср.: *L. Edmonds*, «Alexander and the Calendar», *Historia*, 28 (1979), pp. 112–117.

⁸ Поскольку Олимпийские игры начинались в полнолуние, наиболее близкое к осеннему равноденствию (Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», III, 35–36), можно высчитать, что в 356 г. до н. э. игры начались 27 сентября (*H. Nissen*, *Rheinisches Museum*, XI, 1888, S. 350). От Олимпии же до страны пеонов, близ современного Титова-Велеса, по дороге 880 км, и кроме того, необходимо преодолеть морской залив. Если снаряженная Филиппом колесница одержала победу 30

сентября, он не мог об этом узнать ранее 10 октября, а поскольку между Эгами, царским дворцом Филиппа, и Стобами при слиянии Вардара и Црна-реки примерно 150 км, новости о рождении Александра было необходимо по крайней мере три дня на то, чтобы дойти до царя к 10 октября. Таким образом, ребенок появился на свет в первую неделю октября 356 г. Ср. также *Arthur Weigall, Alexandre le Grand*, Paris, Petite Bibliothèque Payot, 1976, p. 56. Эти вычисления не оставляют камня на камне от даты, предлагаемой большинством биографий Александра, останавливающих на июле 356 г.

⁹ См.: *N. G. L. Hammond, A History of Macedonia*, vol. I, Historical Geography and Prehistory, Oxford, Clarendon Press, 1972 (предисловие написано в сентябре 1969 г.). Доклады (? *Daux, R.E.G.*, 1977(1), pp. 122–124, и *Journal des Savants* 1977, pp. 145–163. — *N. G. L. Hammond and G. T. Griffith, A History of Macedonia*, vol. II: 550–336 BC, Oxford, Clarendon Press, 1978. *C R. de Yves Béquignon, R.A.*, 1981 (1), pp. 135–138.

¹⁰ *J. N. Kalleris, Les Anciens Macédoniens. Étude linguistique et historique*, t. I et II, Athènes. Collection de l'Institut français, 1954 et 1976.

¹¹ *Henri-Irénée Marrou, Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*, t. I. Le monde grec, 8e éd., Paris, Le Seuil, 1981, pp. 55–144. [\[61\]](#)

¹² Новейшие разъяснения по данному вопросу см. в книге *Jean Haudry, Les Indo-Européens*, Paris, PUF, 1981, Que sais-je? № 1965, и обзор *Études indo-européennes*, публикуемый Университетом Лион-III с января 1982 г.

¹³ Поврежденный текст папируса, подкрепляемый сообщением Юстина, предполагает, что Павсаний был отдан под суд, осужден и распят. Разные предположения, возможные в связи с этими текстами, см. в *N. Hammond, La mort de Philippe*, в *Philippe de Macédoine*, указ. соч., pp. 166–175, и *Alexander the Great*,

указ. соч., pp. 37–41; *P. Goukowsky, R.E.G.* (1983), pp. 233–234.

¹⁴ *A. R. Bellinger*, «Essays on the coinage of Alexander the Great», *Numismatic Studies* 11, New York, 1963; *Georges Le Rider*, *Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294*. Paris, 1977; *Idem*, «Le monnayage de Philippe II et les mines du Pangée», в сборнике *Philippe de Macédoine, o.c.*, pp. 48–57; *A. N. Oikonomidès*, *The Coins of Alexander the Great. An Introductory Guide*, Chicago, 1981.

¹⁵ В отношении данной кампании мы будем базироваться на пояснениях, данных в книге *N. Hammond*, *Ancient Macedonia, o.c.*, II (1978), pp. 503–509; *Classical Quarterly*, 30 (1980), 455 sq.; *Alexander the Great, o.c.*, pp. 45–57: это лучший знаток местности и, кроме того, блестящий офицер.

¹⁶ Вот почему я предпочел бы маршруту, предлагаемому в книге *N. Hammond*, *Alexander the Great*, p. 58 и fig. 5, p. 59 (перевал Бара, Фурка, Кипурио, Карперо, Маврели, Пелинна), — другой, более удобный и короткий, который начинается в долине Деволи: перевалы Волчий и Ватохори, долина Альякмона до перевала Сьятиста, Козани, Сервия, перевал Волюстана и Перребия, вплоть до Пелинны, что дает 170 км вместо 210.

¹⁷ Поскольку наши источники (Птолемей, Каллисфен, Анаксимен, Диодор, Юстин, Арриан) указывают несовпадающие данные относительно численности войска, я прибегаю к анализу, даваемому у *P. A. Brunt, J.H.S.*, 83 (1963), 27 ел. и p. LXIX–LXXI его издания *Aman I*, Loeb, 1976, за которым следуют *Hammond, o.c.*, p. 66 и *P. Savinel*, перевод Арриана, éd. de Minuit, 1984, p. 12. Необходимо восстановить строку, выпавшую в переведенном Гуковски параграфе Диодора (XVII, 17, 4): в греческом тексте перечисляются «1800 македонских кавалеристов под командованием Филота, сына

Пармениона, и 1800 фессалийцев». Относительно более подробных деталей комплектования, выплаты жалованья, возобновления личного состава, нравов этого экспедиционного корпуса ср.: *P. Faure*, *La Vie quotidienne des armées d'Alexandre*. Paris, Hachette, 1982, pp. 37–80: глава I «Великая армия».

¹⁸ Четкие и сопровождаемые дельным комментарием планы сражения при Гранике (в мае 334 г.) см. в *Historia tou Hellénikou Ethnous* (на греческом языке) *o.c.* (1973), p. 51 (отличные фотографии, p. 50) и у *TV. Hammond*, *o.c.* (1981), fig. 6, 7, 8 (фотографии среднего качества, pp. 273–274). В отношении стратегии ср. *K. Lehmann*, «Die Schlacht am Granikos», *Klio*, 11 (1911), SS. 230–244; *E. Wood Davis*, «The Persian Battle-plan at the Granicus», *Mélanges Caldwell*, 1964, pp. 34–44; *P. Goukowsky*, рецензия на работу *N. T. Nikolitsis* «The battle of the Granicus», Stockholm, 1974, в *Bull. de VAssoc. G. Budé*, 1975, pp. 424–430; *Idem*, *Essai sur les origines du mythe d'Alexandre*, I. *o.c.*, pp. 21–22 et № 45–55, pp. 246–247; посвященные этой битве статьи *E. Badian* и *C. Foss* в сборнике *Ancient Macedonia II*, Institute of Balkan Studies, Thessalonique, 1977, следует сопоставить со статьей *N. Hammond* «The Battle of the river Granicus» в *J.H.S.*, 100 (1980), pp. 73–88. Достаточно увидеть, как выглядит эта местность в мае, чтобы понять, что здесь происходили лишь незначительные кавалерийские стычки на нескольких отрядах.

¹⁹ *Christian Le Roy*, «Alexandre à Xanthos», *Actes du Colloque sur la Lycie antique*. Paris, Maisonneuve, 1980, pp. 51–61, и pi. XI, верит в существование посвятельной надписи Александра, современной этой кампании (конец 334); это живо оспаривают *P. Goukowsky*, *Essai...*, *o.c.*, t. I (1978), p. 182; t. II, 1981, pp. 113–117, и *P. Vidal-Naquet*, *Flavius Arrien...*, *o.c.*, pp. 353–355, которые оба опираются на эпиграфический опыт, собранный *J. et L. Robert*, *Bulletin de la R.E.G.*, № 487 (1980).

²⁰ После личного осмотра местности я предпочитаю видеть в Пинаре современный Дели-Чай. Ср. диссертацию полковника *A. Janke*, *Auf Alexanders des Grossen Pfaden, eine Reise durch Kleinasien*, Dissert. Berlin, 1904, относительно Исса специально SS. 49–59; *Idem*, «Die Schlacht bei Issos», *Klio*, 10 (1910), SS. 137–177. Опирающийся главным образом на Каллисфена *N. Hammond*, который посетил эти места в январе 1941 г. и в июне 1976 г., предпочитает ручей Пайас: *Alexander the Great*, pp. 94–110 и fig. 25, 26, 27. Однако Каллисфена за его недостоверность справедливо критикует *Полибий* (XII, 17–23). Следовало бы предпочесть ему рассказ *Арриана* (II, 7–11, по Птолемею). *Диодор* (XVII, 33–34) и *Курций Руф* (III, 8, 13–11), как и *Плутарх* («Александр», 20, 4–10), следуют, сколько можно судить, романтическому рассказу Клитарха. Ср. также *F. Miltner*, «Alexanders Strategie bei Issos», *Öesterr. Archäol. Institut*, 28 (1933), SS. 69–78.

²¹ *Диодор*, XVII, 47; *Курций Руф*, IV, 1, 16–26; *Юстин*, XI, 10; *Поллукс*, VI, 105. Ср.: *K. Schefold* и *M. Seidl*, *Der Alexander-Sarkophag*, Berlin, 1968; *V. von Graeve*, «Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt», *Istanbuler Forschungen*, B. 28, 1970: возможно, на этом саркофаге, украшенном сценами охоты и сражений, аналогичными тем, что имелись на катафалке Гефестиона, изображены Александр и его друг (pl. 52, 1–2 и 54, 1–2).

²² *Диодор*, XVII, 40, 2–46; *Курций Руф*, IV, 2–5; *Плутарх* «Александр», 24, 4–25, 3; *Арриан*, II, 15, 6–24; *Юстин*, XI, 10.

²³ *Диодор*, XVII, 48, 2–5; *Арриан*, I, 17, 9; 25, 3; II, 6, 3; 13, 3; это Аминт, сын Антиоха, принадлежавший к соперничающему клану, враждебному Филиппу и Александру.

²⁴ *Псевдо-Каллисфен* «Роман об Александре», I, 34, 1–2; ср.: *Henri Gauthier*, *Le Livre des Rois d'Egypte*.

Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, t. XX, 1916, vol. 4, pp. 199–203; *G Posener*, «De la divinité du Pharaon», *Cahiers de la Société asiatique*, № 15, Paris, 1960.

²⁵ См.: *Mahmoud Bey*, Mémoire sur l'antique Alexandrie. Le Caire, 1872; *P. Jouguet*, «La date alexandrine de la fondation d'Alexandrie», *R.E.A.*, 1940, pp. 192–197; *C. Bradford Welles*, «The discovery of Sarapis and the foundation of Alexandria», *Historia, Zeitsch.f. alte Gesch.*, XI (1962), pp. 271–298; *André Bernand*, *Alexandrie la Grande*, Paris, Arthaud, 1966; *R. Cavenaille*, Histoire d'Alexandrie, les origines, *L'Antiquité classique*, 41 (1972), pp. 94–112; *P. M. Fraser*, *Ptolemaic Alexandria*; I, Text; II, Notes; III, Indexes, Oxford, 1972.

²⁶ Возможно, сообщение Клитарха, послужившее основой для рассказов *Диодора*, XVII, 49, 3—51; *Курция Руфа*, IV, 7, 10–31; *Плутарха* «Александр», 26, 11–27; он же «Изречения царей и полководцев», 180 D; *Юстина*, XI, 11, и отчасти *Арриана*, III, 3, 4 и IV, 1–4, восходит к *Каллисфену* (F.G.H., № 124, fr. 14 а и б). Об оазисе Сива и оракуле Амона см.: *P. Jouguet*, «Alexandre à l'oasis d'Ammon et le témoignage de Callisthène», *Bulletin de l'Institut d'Egypte*, 26 (1943–1944), pp. 91 — 107; *A. Fakhry*, *The Egyptian deserts. Siwa Oasis, its History and Antiquities*, Service des Antiquités de l'Egypte, Le Caire, 1944; *Jean Leclant*, «Per Africae sitientia», *B.I.F.A.O.*, 49 (1950), pp. 193–250. Хороший разбор свидетельств имеется у *P. Goukowsky*, *Essai...*, o.c., I (1978), pp. 23–25 («Паломничество в Сиву») и примеч. с 72 по 92, pp. 250–253. Нельзя исключать, что Александр прибыл сюда также с тем, чтобы спросить оракул об исходе войны, которую он вел с Дарием.

²⁷ Маршрут следования Александра по Азии. Помимо карт и комментариев, содержащихся в работах, перечисленных ниже, в Общей библиографии, прежде всего в новейших изданиях *Диодора* (книга XVII),

Страбона (книга XI), Плиния Старшего (книга VI), Арриана («Анабасис» и «Индика»), в уже цитировавшихся статьях *P. Briant* и *P. Bernard* (*Les Dossiers de l'Archéologie*. № 5, juillet-août 1974), *A. Kalogeropoulou*, *A. Despo-topoulos* и *L. Loukopoulou* (*Megas Alexandras*, 1973), помимо маршрутов, последовательно разработанных в работах *J.G. Droysen* (1833 и 1877), *H. Berve* (1926), *G. Radet* (1931), *U. Micken* (1931), *W. Tarn* (1950), *Th. Sarantis* (1970), *P. Goukowsky* (1975), *N. G. L. Hammond* (1981), я обращался и нередко проверял на месте следующие карты, пособия и исследования: *Robert Boulanger* и сотрудники, *Les Guides bleus. Turquie*, Paris, Hachette, 1958; *J. Murray, J. G. Anderson*, *A Classical Map of Asia Minor*, revised by *W. Calder and G. Bean*, Londres, British Institute of Archaeology at Ankara, 1958, Масштаб 1:2000000; *Naher Osten. Autokarte, Road Map*, 1:5000000, изд. *Kümmerly und Frey*, Berne (Suisse), 1970; *R. Boulanger* и сотрудники, *Iran-Afghanistan*, Hachette, 1974; *D. W. Engels*, *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley University of California Press, 1978; *L'Atlas Universel de John Bartholomew et H. A. G. Lewis*, изданный «The Times» et «Le Monde», Edinburgh and Paris, 1978–1982; *Jon1 Schmidt*, «Les routes d'Alexandre», *L'Histoire*, № 22, avril 1980, pp. 52–63. Наилучшими обсуждениями вопроса, на мой взгляд, остаются принадлежащие *P. A. Brunt* в приложениях VIII, XII, XVII и XVIII к его изданию Арриана, coll. *Loeb*, 1976 и 1983, а также *N. G. L. Hammond* — в тексте и примечаниях к его *Alexander the Great* (1981).

²⁸ *N. Hammond*, *o.c.*, pp. 132–135 и fig. 13, находя такой срок чрезмерно длительным, предполагает, что Александр сделал крюк в горах Гортиены (в районе Чудидаг, 2089 м), ссылаясь при этом на то, что, согласно *Ксенофону* («Анабасис», III, 5, 1–4), местность здесь очень богата провиантом. Даже если бы он прибавил к этому, что в Гортиене неподалеку от Джезирата, где 21

сентября армия перешла Тигр, уже давно обосновались уроженцы Эретрии с острова Эвбея (их поселили здесь персы во время греко-персидских войн, см.: *Страбон*, XVI, 1, 25), мне представляется в высшей степени сомнительным, чтобы Александр стал терять время и силы в этом регионе, входящем в сегодняшний Курдистан, который был столь опасен во все времена. Вот типичный пример трудностей, с которыми постоянно приходится сталкиваться, когда желаешь выработать лишенный противоречий маршрут движения Александра, особенно если исходить из безосновательного предположения скорости движения в 20 миль в день (*Hammond, o.c.*, № 54, p. 313)! В отношении разнобоя в темпе прохождения этого пути да будет мне позволено отослать читателя к моей книге *Vie quotidienne des armées d'Alexandre* (1982), eh. IV, pp. 166–213.

²⁹ *F. Hackmann*, Die Schlacht bei Gaugamela. Eine Untersuchung zur Geschichte Alexanders des Grossen und ihren Quellen. Halle, 1902; *G. T. Griffith*, «Alexander's generalship at Gaugamela», *J.H.S.*, 67 (1947), pp. 77–89; *E. W. Marsden*, The Campaign of Gaugamela, Liverpool, University Press, 1964. *P. A. Brunt*, в издании Арриана (1976), приложение IX, совершенно справедливо отмечает, что несмотря на или как раз по причине обилия наших источников, которые главным образом основываются на хорошо скомпонованных повествованиях Каллисфена и Клитарха (*Диодор*, XVII, 57–61; *Курций Руф*, IV, 12, 5–16; *Плутарх* «Александр», 31, 6–33; *Арриан*, III, 7, 6–15; *Юстин*, XI, 13–14; *Полиэн*, IV, 3, 6; 17–18), практически напрасным делом являются все попытки восстановить даже самые основные перипетии баталии, которая длилась 12 часов вдоль фронта, растянувшегося на 5–10 км.

³⁰ *J. M. Baker*, «Alexander's burning of Persepolis». *Iranica Antiqua*, v. XIII (1978), pp. 119–133. Благочестивые

персы усматривали в предумышленном предании огню священного дворца (*ападаны*) нарушение космического порядка, представителем которого был Дарий, конец света. Другой автор, *P. Briant*, «*Conquête territoriale et stratégie idéologique: Alexandre le Grand et l'idéologie monarchique achéménide*», *Actes du colloque international sur l'idéologie monarchique dans l'Antiquité*. Varsovie-Cracovie, 1980, pp. 51-53, предпочитает видеть в этом, как и в использовании победы при Иссе, пропагандистскую меру. Как бы то ни было, несомненным остается то, что когда 1 июля 330 г. туранцы убили Дария, они в него больше не верили: по крайней мере после октября 330 г. Ахурамазда уже не был его покровителем.

³¹ Из составленной ок. 175 г. до н. э. библейской книги *Эсфирь* (2: 23; 6: 1-2; 10: 2) можно сделать вывод, что после Ксеркса I, царя мидян и персов (486-465 гг. до н. э.) в царском дворце в Сузах вели дневник деяний и поступков государя, который в еврейском тексте называется «Книгой царских хроник» или «Книгой памятных записей». То были вовсе не анналы триумфов, как у ассирийцев, но ежедневные записи. Этот обычай перешел в канцелярию Александра, который сделался, в свою очередь, царем Персии и пр., под греческим названием *ἐφημερίδες βασιλείαι* («царские дневники»). Выдержки из них, которыми мы располагаем (F.G.H., № 117), повествуют, что бы там ни говорили, не о последних неделях жизни Александра, а о событиях, датируемых периодом между 330 и 323 гг. (см., например, *Плутарх* «Александр», 23, 4), и о целом ряде мелких фактов, не поддающихся какой-либо датировке. «Дневники», опубликованные в 319 г. секретарем Александра Эвменом Кардианским, долгое время занимали место в официальной биографии, являясь продолжением той, которую составил Каллисфен вплоть до конца 330 г. Словарь «Суды» ок. 1000 г. приписывает

некоему Страттиду Олинфскому (III или II в. до н. э.?) авторство «Комментария» в пяти книгах на «Дневники» Александра. Об этом документе см.: *P. Goukowsky, Essai..., o.c., I, приложение XVIII, pp. 199–200.*

³² Относительно Стены Александра, Садд-э-Искандер, законченной при Селевкидах (или при Митридате II ок. 100 г. до н. э.), о которой еще будет идти речь в главах V и VII, см.: *Dietrich Huff, «Der Alexanderwall», Iranica Antiqua, B. XVI (1981) и Architectura, X 1 (1981); Kiani, «Vorbericht über Sondiergrabung am Alexanderwall», Iran (1982); G. Gerster, Der Alexanderwall: ein Limes in der Turkmenensteppe, NZZ, 2/10/1982.*

³³ О всем регионе от Кабула до Кандагара и Сейстана см.: *Francois Balsan, Inquisitions de Kaboul au golfe Persique. Paris, J. Peyronnet et Cie, 1949 (путешествие 1937 г.); A. Foucher è E. Bazin-Foucher. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, t. I è t. II, Paris, 1942 et 1947; E. Hertfeld, The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, Franz Steiner, 1968.*

³⁴ *R. Ghirshman, Begram. Le Caire, Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale, 1946, pp. 6—10.*

³⁵ *James Hornell, Water Transport. Origins and early Evolution, Cambridge, 1946, pp. 22–25 и fig. 3.*

³⁶ *P. Goukowsky, Essai..., I, o.c., приложение XXVII, pp. 219–221.* Переправа была осуществлена в конце весны 329 г. О Чучка Гузаре, называемом также Таугаст, «варвары говорят, что его основал Александр», пишет *Феофилакт Симокатта* (изд. de Boor, Teubner, 1887, p. 261) в эпоху первых вторжений турок ок. 630 г. н. э. Ср. также *W. Minorsky, «A Greek crossing on the Oxus», Bull. of the School of Or. and Afr. Studies. 1967. pp. 45–53; Хафиз-и-Абру, переводя ок. 1415 г. арабский трактат на персидский, поясняет, что Тирмиз (Термез) «считают*

построенным Зуль-Карнайном», то есть «двурогим государем», Александром.

³⁷ «Афрасиаб» (брошюра на русском языке без указания имени автора, изданная Историческим музеем Самарканда, Ташкент, 1969, 43 с.) дает обзор археологических раскопок, которые ведутся на юге, западе и северо-западе от современного города. В III в. до н. э. Самарканд по крайней мере вот уже 300 лет располагался на возвышенности, окруженной искусственными каналами. Своим названием Афрасиаб обязан «туранскому царю, жившему в легендарную эпоху» (с. 3, на основании «Шахнаме» Фирдоуси). На территории Узбекистана и Таджикистана в настоящее время развивается активная археологическая деятельность, не только вокруг Самарканда, но и в Пенджикенте в 70 км к юго-востоку от него, и в Тахт-и-Санкине в 300 км к юго-востоку, возле Нича (античная Никея?). В отношении археологии ср., помимо труда Гафурова и Цибукидиса (см. библиографию), статью *G. Frumkin*, «Archaeology in Soviet Central Asia», *Central Asian Review*. London, The Eastern Press, 1963-1970 (т. 13, 1966 г., посвящен Узбекистану); *O. M. Dation*, *The Treasure of the Oxus*, London, 1903, переиздание 1964 г., относящееся к 1877 г. открытие так называемого Амударьинского клада, вероятно, в крепости Тахт-и-Санкин при слиянии Вахша, как назывался по-ирански греческий Окс («Кипящая вода»), и нынешней Амударьи. [Строго говоря, здесь сливаются Вахш и Пяндж, продолжающиеся далее как Амударья. — Прим. пер.]. Ср. также следующие статьи: *Dimitris Touslianos*, «Arkhaia Hellènikè Technè kai Sovietikè Mesè Asia», *Hellunosovietika Khronika*, № 54 (octobre 1980), pp. 32-33. Он упоминает, помимо Амударьинского клада, кратер из Ходжента (Таджикистан), детали сбруи из Душанбе, «Лаокоона» с Сурхандарьи и аск (сосуд) из Термеза; *V. A. Litvinskij et J. P. Pitchikian*, «Découvertes dans un sanctuaire (de Takht-i-

Sankin, IIIe siècle av. J.-C.) du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale», trad. P. Bernard, *R.A.*, 1981 (2), pp. 195 и sq.; *D. Schlumberger*, Paul Bernard, «Ai Khanoum», *B.C.H.*, 1965, pp. 590–657; *D. Schlumberger*, L'Orient hellénisé, coll. «L'Art dans le monde», Paris, 1970; *Paul Bernard*, «Ai Khanoum, une ancienne cité grecque d'Asie centrale», *Pour la Science*, mars 1982, pp. 88–97. О прежней и нынешней повседневной жизни региона к северу от Окса (Амударьи) см.: *Arminius Vambéry*, Voyages d'un faux derviche dans l'Asie Centrale. De Téhéran à Khiva, Bokhara et Samarcand par le grand désert turcoman, trad. E. D. Forgues, Paris. Hachette, 1877 (путешествие, совершенное в период с июля 1862-го по январь 1864 г.); *Sylvain Bensedoun*, Samarcande et la vallée du Zerafchan. Une civilisation de l'oasis en Uzbekistan-URSS. préface de J. Dresch, Paris, Anthropos, 1979.

³⁸ После книги *Franz von Schwarz*, *Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan*. 2. Ausg., Stuttgart, 1906, много обсуждается хронология кампаний Александра в «дальних» сатрапиях в 329 и 328 гг., и не только потому, что 17 глав из XVII книги Диодора утрачены, но прежде всего потому, что сообщения *Квинта Курция Руфа* (VII, 5—VIII, 4) и *Арриана* (III, 29—IV, 22) куда в большей степени друг другу противоречат, чем друг друга дополняют. Предлагаемая мной реконструкция отчасти основана на тех, что принадлежат *P. A. Brunt*, издание *Арриана*, т. I, приложение XII (Каспий, Кавказ, Танаис) и *N Hammond*, *Alexander the Great*, o.c., pp. 187–196 и fig. 15, p. 173. Вопреки тому, что утверждает *Z. Engels*, *Logistics...*, o.c., pp. 104–105, я не могу поверить ни в то, что Александр основал *Alexandreia Margiana*, теперешний Мары, некогда Мерв, ни в то, что туманный текст *Квинта Курция* (VII, 10, 15: *superatis amnibus Ocho et Oxo ad urbem Marganiam/ Marginiam pervenit* — переправившись через реки Ох и Окс, подошел к городу Маргании/ Маргиане — лат.) повествует о Кашкадарье и Амударье,

а далее Мерве. География и хронология представляют здесь большие трудности. Таинственный Ох — это скорее Мургаб или Сурхандарья.

³⁹ А. Delatte, «Le baiser, l'agenouillement et le prosternement de l'adoration chez les Grecs», *Bulletin de l'Académie royale de Belgique, Lettres et Sciences morales*, t. 37 (1951), p. 423 sq. Македоняне и греки энергично протестовали обыкновению всех вообще восточных народов бросаться ниц перед Великим царем, припадать к его ногам и посылать ему воздушный поцелуй (ср., например, *Геродот*, I, 1, 34; *Ксенофонт* «Анабасис», III, 2, 8; он же «Киропедия», I, 4, 27; он же «Агесилай», 5, 4). В отношении «дела проскинесы (земного поклона)» см.: P. Goukowsky, *Essai...*, I, pp. 47–49 и примечания, pp. 267–270, который выделяет две сделанные Александром попытки убедить своих офицеров.

⁴⁰ Вообще относительно кампаний Александра в Пенджабе следует обратиться к следующим исследованиям: *Sir Aurel Stein*, «Alexander's Campaign on the Indian North-West Frontier», *The Geographical Journal*, 70 (1927), pp. 417–440 и 515–540; *Idem*, *On Alexander's Track to the Indus*. Londres, Mac Millan, 1929; *Idem*, «The site of Alexander's passage of the Hydaspes and the battle of Poros», *The Geogr Journal*, 80 (1932), pp. 31–46; *Idem*, *Archaeological Reconnaissance in N. W. India and S. E. Iran*, Londres, 1937; ср. также *W. W. Tarn*, *The Greeks in Bactria and India*, 3 ed., Cambridge, 1966, *G. Radet*, «Aornos», *Journal des Savants*, 1929, pp. 69–73; P. Goukowsky, *Essai...*, II (1981), pp. 3–41, с которым позволительно сопоставить непосредственно индийские данные из кн.: *G. Dumézil*, *La Courtisane et les seigneurs colorés*, Paris, Gallimard, 1983, глава «Trans Indum flumen», и в особенности очерк № 31: «Александр и индийские мудрецы», pp. 66–74. Пространная хронология (6 месяцев ожидания армии в Александрии «Кавказской» и ее отправление осенью 327 г.), а также сомнительные и противоречивые

маршруты, приведенные на картах на pp. 173, 292, 293 в кн.: *N. Hammond, Alexander the Great...*, pp. 199-206, представляются мне далеко уступающими тому, что уже было достигнуто Штайном.

⁴¹ *Sir John Marshall, Taxila*, 3 vol., Cambridge, 1951. Развалины этого большого города пользуются вниманием посетителей из Исламабада еще и сегодня.

⁴² Помимо реконструкций сражения при Джалалпуре (раньше его называли «при Гидаспе»), предложенных *Alex. Despotopoulos, Historia tou Hellènikou Ethnous*, t. IV, o.c., pp. 181-188, и *N. Hammond, o.c.*, pp. 206-212, с разными планами, и помимо указанной в примеч. 40 статьи сэра Штайна, можно также обратиться к следующим работам: *G Veith*, «Der Kavalleriekampf in der Schlacht am Hydaspes», *Klio*, 8 (1908), pp. 131-153; *G. Radet*, «Alexandre et Poros: le passage de l'Hydaspes», *R.E.A.*, 37 (1935), pp. 349-356, и *Journal des Savants*, Paris, mai 1930, pp. 207-227; *J. R. Hamilton*, «The Cavalry Battle of the Hydaspes», *J.H.S.*, 76 (1956), pp. 26-31; *Richard Glover*, «The elephant in ancient war», *The Classical Journal*, 39 (1944), pp. 257-269. Что до слонов, я полагаю, напрасно Александру приписывают чеканку памятной медали или монеты без надписи, которые изображают его сидящим на лошади и вступившим в схватку с двумя сидящими на слоне воинами; либо стоящим с молнией Зевса в руках, в то время как Победа увенчивает его венком. В своем блестящем сообщении Ассоциации греческих исследований, сделанном 6 февраля 1984 г., Поль Бернар показал, что редкие известные нам экземпляры этих тетрадрахм и декадрахм, происходящие из клада, найденного в районе Вавилона, были отчеканены десятью годами спустя после битвы при Гидаспе, а значит, много позже смерти Александра, — чтобы выплатить жалованье индийскому отряду под командованием Эвдама, который пришел на выручку Эвмену против Антигона. Тезисы этого выступления,

переданные *P. Vidal-Naquet* в октябре 1983 г., которые должны появиться в *Mélanges G. Tucci*, служат приложением к очерку «*Flavius Arrien entre deux mondes*», помещенному в приложении к принадлежащему *P. Savinel* (o.c., janvier 1984, pp. 387–393) переводу Арриана.

⁴³ *P. H. L. Eggermont*, «Alexander's Campaign in Sind and Baluchistan and the siege of the brahmin town of Harmatelia», Leuven-Louvain, University Press, *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 3, 1975.

⁴⁴ Нет более сложной задачи, чем установить маршрут небольшой армии Александра (приблизительно 12 тысяч человек: ср. *Hammond*, o.c., p. 231 и № 104, pp. 319–320) от устья Порали (близ современного Сонмияни, где сообщают о наличии «развалин, которые местные жители возводят к древним грекам») до Пуры (что значит на санскрите «город»), столицы Гедросии, чьи руины видны в Ираншехре в 24 км к востоку от Бемпура. Весьма смутные и подчас противоречивые указания *Диодора* (XVII, 105–106), *Страбона* (XV, 2, 1–7), *Квинта Курция* (IX, 10, 4–19), *Плутарха* («Александр», 66, 4–7), *Арриана* («Анабасис», VI, 21–27; «Индика», 20–36, 3), *Юстина* (XII, 10, 7), если сопоставить их с рассказами современных исследователей после Поттингера, первого европейца, увидевшего Бемпур в 1810 г., и с картами современных путей сообщения, позволяют полагать, что приблизительно 8000 людей Леонната, оставив сторожевой пост на одном из притоков Хингола (будущая Александрия Макарена), проследовали обычным материковым караванным путем, между тем как отряд Александра, обогнув эстуарий Порали, а затем хребет Рас Маран (у Непарха он именуется мысом Малана), двигался дальше максимально близко к берегу до Гвадара, а затем поднялся к Пуре (275 км по прямой от моря). Всего за 60 дней пройдено 700 км. См.: *Sir Thomas Holdich*, «Alexander's the Great retreat from India»,

Journal of the Society of Arts, 39 (1901), pp. 417–431; *Sir Aurel Stein*, «On Alexander's route into Gedrosia: an archaeological tour in Las Bela», *The Geographical Journal*, 102 (1943), pp. 193–227; *François Balsan*, *Dans le secret du Béloutchistan*, Paris, Grasset, 1946 (тропы от Карачи до Белы и от Калата до Белы); *Idem*, *La colline mystérieuse, nouvelles recherches au Balouchistan*, Paris, 1957, особенно глава VI, pp. 41–50, «Авантюра Искандера» (рассказ белуджа-погонщика верблюдов на трассе от Ираншехра до Лияри); *H. Strasburger*, *Alexanders Zug durch Gedrosische Wüste*, *Hermes*, 80 (1952), SS. 456–493. Хороший разбор маршрутов и хронологии у *P. A. Brunt*, *Arrian, o.c.* (1983), приложение XVIII, pp. 474–483: «От Паталы до Пуры». *Ph. Fabry*, *Balouchistan*, Nathan Image, 1991.

⁴⁵ Сделанная нами реконструкция маршрутов, их этапов и последовательности фактов всецело отличается от предложенной *P. Goukowsky*, *Essai...*, II, *o.c.* (1981), pp. 47–64, потому что, в соответствии с нашим собственным опытом исследований в Иране, никак нельзя назвать «правдоподобным» (*ibid.*, p. 57) предположение о том, чтобы измученное жаждой и лишениями войско ежедневно преодолевало по 43 км. Так что прав *P.A. Brunt, o.c.*, pp. 480–481, который вслед за Аурелием Штайном утверждает: «Thus on average the army covered only 11–12 km a day (Итак, в среднем войско преодолевало лишь 11–12 км в день, *англ.*)». — Зная географию, мы также считаем совершенно невозможным, чтобы армией «по крайней мере в сто тысяч душ» в долине Хелильруда между Бемпуром и Кехнуджем справлялось вакхическое празднество под названием «Дионисий на Гидаспе», — и все это со ссылкой на то, что в одном тексте из *Афиней* (XIII, 68, 595e; ок. 230 г. н. э.) упоминается такой праздник на этой реке, как имевший место уже после прибытия Гарпала в Афины! (*Goukowsky, o.c.*, chap. V, pp. 65–77, и

примеч. pp. 175–180). «Гидасп» — это не просто ошибка переписчика (вместо «Хоаспа», реки в Сузиане), как и не ошибка, связанная с недоразумением: на деле речь здесь идет о пересекающей Хамадан, то есть Экбатану и Мидию, реке, называющейся ныне Карех-Су, что подтверждает и *Вергилий* («Георгики», IV, 211): *Medus Hydaspes* (Мидийский Гидасп, лат.). Праздник, о котором идет речь, не мог быть устроен прежде прихода сообщения о прибытии Гарпала в Афины, а может быть, и его смерти в 324 г.: высмеивавшая его комедия «Аген» была поставлена в ноябре или декабре 324 г. по случаю устроенных в Экбатанах игр и театрального конкурса.

⁴⁶ *P. Goukowsky*, «Un aspect de l'administration d'Alexandre dans les Hautes Satrapies: la première révolte des colons grecs de Bactriane en 325», *Actes du Colloque de Strasbourg*. 14–16 juin 1979, pp. 7–17: «Чего недоставало в дальних сатрапиях, так это, должно быть, плотного заселения македонянами» (p. 15).

⁴⁷ В соответствии с интерпретацией официальных документов, Александр, как и многие обитатели Средиземноморья того времени, страдал талассемией возвратной лихорадки или малярией, вызванной *Plasmodium falciparum*. Соответствующие симптомы были не раз описаны Гиппократом и его школой, ср.: *Mirko Grmek*, «Les ruses de guerre biologiques dans l'Antiquité», *R.E.G.* XCII, 1979, pp. 141–163, и особенно p. 156, № 35, 159, № 32, 160 (с отсылкой к гиппократовскому сборнику, «Афоризмы» III 21 и «О воздухе, воде и местностях»); *Idem*, *Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale: recherches sur la réalité pathologique dans le monde grec préhistorique, archaïque et classique*, Paris, Payot, 1984, pp. 383–420. В своей статье, опубликованной в *Revue des Deux Mondes* от 15 ноября 1853 г. (переиздана в *Médecine et Médecins*. Paris, Didier, 1872, pp. 392–428), Лит-тре настаивал на теории малярии. *F. Destaing* в *Presse médicale*, 12 декабря 1970, 78, № 53, pp.

2391–2393 восстанавливает даже температурную кривую лихорадки Александра. Среди последних приверженцев *malaria tropica*: D. Engels, «A note on Alexander's death», *Classical Philology*, v. 73 (1978), pp. 224–227; Dr Pierre Rentchnick, *Ces malades qui font l'histoire*. Paris, Pion, 1983, глава I («Александр Великий и крохотный комар»). Необходимо отметить, что античные тексты, отличающиеся в сравнении с современной медициной малой обстоятельностью и научностью, предлагают нам по крайней мере три версии смерти Александра. Первая, официальная, изложенная в «Царском ежедневнике», говорит о естественной смерти, единственным симптомом которой была лихорадка. Вторая — романтическая версия «Вульгаты»: будучи богом, он был призван богами во время ритуального пира, а тело его даже не подверглось разложению. Третья — драматическая, которую распространяли Олимпиада и ее семья: Александра отравили. В каждой из последующих глав мы еще будем возвращаться к этим версиям. Можно себе вообразить и другие финалы. Морис Дрюон (*Alexandre le Grand ou le Roman d'un dieu*. Paris, Del Duca, éditions Mondiales, 1958, p. 475. № 55) отвергает малярию и отравление и пишет: «Кинжалом пронзившая его боль в спине (Диодор, XVII, 117, 2; Юстин, XII, 13; разные редакции «Романа» Псевдо-Каллисфена), ознаменовавшая начало болезни, скорее уж могла свидетельствовать о тяжелом поражении, локализованном в верхней части брюшной полости: прободении язвы или остром панкреатите». Ср.: J. M. Escofier, P. Gauthier и H. Sarles, «Les pancréatites aiguës», *Revue du Praticien*. 31, 3(11 janvier 1981), pp. 231–239. Однако острый асептический панкреатит наблюдается лишь у хронических алкоголиков, да и то чаще всего к 50 годам.

⁴⁸ Точкам зрения, упомянутым в «Общей библиографии», здесь необходимо противопоставить

иные попытки взглянуть на биографию Александра:

Arthur Weigall, *Alexander the Great*. Londres, Thornton Butterworth, 1933;

Gustave Glotz, Pierre Roussel, Robert Cohen, *Alexandre et l'hellénisation du monde antique*. P.U.F., 1945;

Léon Homo, *Alexandre le Grand*. Paris, A. Fayard, 1951;

Mary Renault, *The King must die*. New York, Panthéon, 1958; *Fire from Heaven*, *ibid.*, 1969; *The Nature of Alexander*, *ibid.*, 1975 et 1976;

Maurice Druon, *Alexandre le Grand ou le Roman d'un dieu*. Paris (Del Duca), 1958; rééd. Lausanne, Paris, Pion, 1969 à Livre de Poche № 3752, 1974;

A. B. Daskalakis, *Ho Mégas Alexandras kai ho Hellénismos*. Athènes, 1963;

Jacques Benoist-Méchin, *Alexandre le Grand ou le rêve dépassé*. Lausanne, Clairefontaine, 1964;

R. D. Milns, *Alexander the Great*. Londres, Robert Haïe. 1968;

J. R. Hamilton, *Alexander the Great*. Londres, Hutchinson University Library, 1973;

François Chamoux, *La Civilisation hellénistique*, глава I «Александр», серия «les Grandes Civilisations», Paris. Arthaud, 1982.

⁴⁹ Pierre Cabanes, «Problèmes de géographie administrative et politique dans l'Épire du IVe siècle av. J.-C.», à *La Géographie administrative et politique d'Alexandre à Mahomet*, Actes du colloque de Strasbourg, 14-16 juin 1979, éd. E.J. Brill, 1981, pp. 19-38.

⁵⁰ *Chr. Bartholomae*, *Altiranisches Wörterbuch*, Strasbourg, 1904, на слова *masya, masyaka*, которые переводятся как «человек». Гесихий в своем «Лексиконе» (ок. 600 г. н. э.) приписывает слово ἀμαζακάρων персам и утверждает, что оно значит «воевать». Эту этимологию слова «амазонка» отвергает *Manfred Mayrhofer*, *Studi in honore...* Pisani, II (1969), pp. 661-666, и *Die altiranischen Namen*, Vienne, Verl. d. Oesterr.

Akad. d. Wiss., 1979. fasc. 1-3. Амазонки, которых самые древние мифы рассматривали в качестве жен скифов или савроматов (*Геродот* IV 110-117), не есть ли это просто «магоги» из Библии или же «маджудж» Корана, то есть «жены» кочевников? См.: Le manuscrit de Roman Ghirshman: les Cimmériens et leurs Amazones, éd. Recherches sur les civilisations, mémoire № 18. Paris. 1983. А. Vambéry, процитированный выше, примеч. 37, подробно говорит об узбекских амазонках, состоявших во враждебных отношениях с таджиками во время его путешествия в Туркменистан в 1862-1864 гг.

⁵¹ P. Goukowsky, Essai..., o.c., II, «Александр и Дионис», прежде всего pp. 12-14 и 21-33: Дионис как покоритель Индии до Александра и вакханалии в Нисе (Кафиристан, долина Печа, хребет Кох-и-Мор).

⁵² У античных авторов мы встречаем очень мало замечаний относительно телесных данных Александра, и возможно, что все они вдохновлялись живописными или скульптурными произведениями. Выстраивая их хронологически, мы читаем такие наблюдения у *Посидиппа* Пеллей-ского и *Асклепиада* Самосского (в «Антологии» *Плануда*, XVI, 119 и 120); у *Квинта Курция Руфа*, III, 12, 16; V, 2, 13; VI, 5, 29; у *Плутарха* «Александр», 4, 1-3; «Об удаче или доблести...», II, 2, 3 335 В; «Как отличить льстеца от друга» 8 53 D; *Полемона* «Scripta Physiognomonica», I, p. 144 Foerster; *Арриана*, VII, 28, 1; *Элиана* «Пестрые истории», XII, 14; *Солина* «Собрание достопамятных сведений», 9, 20; *Адамантия* «Scripta Physiognomonica», II, p. 328; *Эвмена* «Панегирик Константину», XVII; *Юлия Валерия* «Жизнь Александра», XIII; *Цеца* «Хилиады», VIII, 409-427; XI, 90—101. Большая часть этих авторов ограничивается тем, чтобы повторять, что Александр был образцом даже по канонам греческой красоты: крепкое тело среднего роста, склоненное лицо с блестящими выразительными глазами. Детали эти датируются не раньше II в. н. э. (450

лет после смерти Александра!), когда идеализация сделала свое дело.

⁵³ Понятие «влажность» взгляда (ὕγρότης τῶν ὀμμάτων ὑγρὰ ὀμμάτα) привлекала внимание греческой физики, медицины и физиогномики, начиная с Демокрита (ок. 430 г. до н. э.) и вплоть до Адамантия (IV в. н. э.), в особенности аристотелевскую школу (см., например, *Diels*, «Vorsokratiker», A. 135, B. II, S. 114; *Аристотель* «О частях животных», II, 2, 648a; «Метеорология», III, 4, 374a; *Адамантий*, *о.с.*, I, 12). «Влажный взгляд» предполагает и свидетельствует о характере положительном, здоровом нравственно, мягком и нежном, и он противоположен взгляду «жесткому» (σκληροφθαλμία, см.: *Аристотель* «О частях животных», ук. место; «Исследование о животных», 505b, 1; 526a, 9; Феофраст «О чувстве», 36). При переводе знаменитого описания Плутарха («Александр», 4, 2 и т. д.) позволительно сомневаться, следует ли предпочесть «нежность взгляда Александра» («la douceur du regard d'Alexandre» — Amyot, L. Homo, Frank Cole Babbitt) или «его увлажненный (и даже нежный, если верить Аристотелю) взгляд» («son regard mouillé» — Ch. Picard). Перевести это как «ясность взгляда» значит погрешить против здравого смысла; «текучесть взгляда», особенно если говорить о бронзовых произведениях Лисиппа, вообще ничего не значит. Употребляя слово ἄγωνίω, «беспокойство, замешательство» (которое чаще всего встречается у греческих историков, когда они желали выразить душевную глубину Александра), историки устанавливали связь между тем, что они знали о беспокойном характере этого человека, и тем, что видели на его портретах: нечто противоположное твердости и сухости. Ὑγρόν, «влага», — качество, которое в античности приписывалось исключительно женщинам (например, *Аристотель* «О происхождении

животных» I 8, 748Б; «История животных», IV, 2, 538 Б; *Гиппократ* «О диете», I, 34; *Плутарх* «Застольные беседы», III, 3, 650 В — С). Большинство портретов Александра, особенно относящихся к римской эпохе, имеет в себе нечто женское.

⁵⁴ Чтобы попытаться классифицировать и датировать бесчисленные портреты Александра, которыми мы располагаем, следует обратиться к следующим исследованиям и статьям: *Charles de Ujfalvy*, *Le type physique d'Alexandre le Grand, d'après les auteurs anciens et les documents iconographiques*. Paris, A. Fontemoing, 1902.

G. Lippold, *Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, XIV, 1928, статья *Lysippos* 6, Sp. 52–57, 61 ел.

K. Gebauer, «Alexanderbildnis und Alexander Typus», *Athenische Mitteilungen*, B. 63–64 (1938–1939), pp. 1–106 et planches 1–16.

G. Kleiner, «Das Bildnis Alexanders des Grossen», *Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts*, B. 65–66 (1950–1951) pp. 206–230.

Ch. Picard, *Manuel d'archéologie grecque. La sculpture*. IV, 2, Paris, 1963, pp. 690–753.

Margarete Bieber, *Alexander the Great in Greek and Roman Art*, Chicago, Argonaut Inc., 1964.

Paul Goukowsky, «Le portrait d'Alexandre», *R.E.G.*, LXXIX (1966), pp. 495–498: критическое рассмотрение предыдущего труда.

E. von Schwarzenberg, «Der lysippische Alexander», *Bonner Jahrbücher*, 1967, pp. 58–118 (ià pp. 70–72 он специально рассматривает «влажность» взгляда Александра).

Tonio Holscher, *Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Grossen*. Heidelberg, C Winter. Universitätsverlag, 1971.

Mary Renault, *The Nature of Alexander* (ill.). New York, Pantheon 1975 et 1976.

Sylloge Numorum Graecorum, V. Ashmolean Museum. Oxford, Pt. III: Macedonia, pl. 46-65. Londres, 1976.

Bernard Andreae. *Das Alexandermosaik aus Pompeji*. Recklinghausen, 1977.

E. von Schwarzenberg, «The Portraiture of Alexander», â: *Fondation Hardt, Entretiens XXII: Alexandre le Grand, image et réalité*. Genève, 1976, pp. 223-267 (cf. *R.E.G.*, 1977 pp. 128-129).

P. Goukowsky, *Essai...*, I, 1978, pp. 206-214 (Александр с головным убором в виде передней части головы слона; Александр Ктистес, то есть «Основатель»); *Essai...*, II, 1981, pp. 138-140 (два аутентичных портрета Александра).

Mary-Anne Zagdoun, «Collection P. Canellopoulos: Sculptures II, № 11, portrait d'Alexandre», *B.C.H.*, 1979, pp. 411-416.

Kate Ninou, Loula Kypraiou, и др., *Alexander the Great, History and Legend in Art*, Archaeological Museum of Thessaloniki, 1980.

A. N. Oikonomidès, *The Coins of Alexander the Great. An introductory Guide*, Chicago, 1981.

⁵⁵ 26 ноября 1986 г. в 20 ч 35 мин на телевидении (Т.Ф.1) Франсуаза Конда хорошо обрисовала исследования, которые проводят в Америке доктора Alexander, Weiss, English, Flanders, Dumbard; речь шла также о существующем в Париже Всемирном центре психосоматической медицины. В качестве типичного примера см.: *Didier-J. Duché*, *L'énurésie*, Paris, P.U.F., 1968.

⁵⁶ См. выше, примеч. 21, к чему следует прибавить работу *Ch. de Ujfalvy*, *Le type physique d'Alexandre le Grand, o.c.*, таблица 1 (Александр с большого саркофага из Сидона) и таблица 6 («Гефестион на южном фасаде того же саркофага»).

⁵⁷ См. ссылку на *P. Bernard*, выше, примеч. 42, в конце.

⁵⁸ См. нашу Библиографию а) и уточнения или сообщения о нынешнем состоянии вопроса (Библиографические исследования).

⁵⁹ *P. Goukowsky*, Notice à Diodore de Sicile, livre XVII, Paris (Les Belles-Lettres), 1976, pp. XVI-XLIVh дополнительные примечания, pp. 165 sq. Об Эвгемере см.: *J. Pépin*, Dictionnaire des Mythologies, Paris, Flammarion, 1981, t. I, pp. 175-178, и *F. Gr. Hist.*, № 63.

⁶⁰ Упомянутый в десяти местах Аррианом и столько же — Квинтом Курцием Руфом, этот знаменитый ликийский предсказатель, состоявший на службе у семейства Александра начиная с 356 г. (*Плутарх* «Александр», 2, 5), вмешивался в события во все решающие моменты жизни завоевателя, по крайней мере до переправы через Яксарт (Сырдарью) в 329 г. Возможно, «Книга о чудесах», которую Плиний приписывает Аристандру, была на самом деле его записками. Работая над своим «Александром Великим», Морис Дрюон предпринял попытку реконструировать эту книгу.

⁶¹ Согласно историку *Гегесандру* (III в. до н. э.), которого цитирует *Афиней* (I, 18a). *Геродот* (VII, 125-126) сообщает, что в эпоху, когда он писал свой труд (ок. 440-430 гг. до н. э.), в горах Македонии и континентальной Греции, между Нестом на востоке и Ахелоем в Акарнании на западе, водились львы.

⁶² *G. Dumézil*, Heur et malheur du guerrier, aspects de la fonction guerrière chez les Indo-Européens. Paris, P.U.F., 1970.

⁶³ *Paul Faure*, o.c., pp. 74-77.

⁶⁴ *Плутарх* «Александр», 25, 6-8; он же «Изречения...», 4, 179e; *Плиний Старший* «Естествознание», XII, 32, 62.

⁶⁵ *Christian Le Roy*, «Les Oiseaux d'Alexandrie», *B.C.H.*, 1981, pp. 393-406.

⁶⁶ *Jeannie Carlier*, статья «Amazones», *Dictionnaire des Mythologies*, o.c., t. I, pp. 9-10.

⁶⁷ *P. Goukowsky*, *Essai...*, o.c., II (1978), pp. 27-28, 39-40, 169-170 («Спор Александра и Пармениона»).

⁶⁸ *Плиний Старший* «Естествознание» (VI 16, 49): «Agae ibi sunt ab Hercule et Libero Pâtre constitutae... finis omnium eorum terrarum... inclu-dente flumine laxarte (Геркулес и Отец Л ибер (то есть Дионис) воздвигли там алтари... граница всех тамошних земель... включая реку Яксарт)». Воздвигнутые камни или простую колонну «Вульгата» приписывает одному только Дионису (*Курций Руф*, VII, 9, 15; «Эпитома деяний Александра», 12).

⁶⁹ *Jozef Bielawski* и *Marian Plezia*, *Lettre d'Aristote a Alexandre sur la politique envers les cittts*, подготовка арабского текста, перевод и комментариев, *Archivum Filologiczne*, XXIV, Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1970; *Samuel M. Stern*, *Aristote on the World-State*, Oxford, Cassirer, 1968; *Pierre Thillet*, «Aristote conseiller d'Alexandre vainqueur des Perses?», *R.E.G.*, 85 (1972), pp. 527-542; *Paul Goukowsky*, *Essai...*, o.c., I (1978), pp. 49-55 и примечания pp. 270-276; *Paul Faure*, o.c., pp. 145-149 («Письмо Аристотеля»). По зрелом размышлении и сопоставлении я более не верю в подлинность этого письма: обычное школьное упражнение, оно прекрасно укладывается в предлинный ряд поддельных писем Александра его близким и ответов на них этих последних.

⁷⁰ *G. Dumézil*, *La courtisane et les seigneurs colorés, et autres essais*, Paris, Gallimard, 1983, № 29 «Геракл, его сыновья и его дочь»; № 31 «Александр и индийские мудрецы» (со ссылками на U. Wilcken, R. P. Festugière. В. Rees), и специально pp. 48-49 о горе Меру и греческом

Дионисе. — *P. A. Brunt, Aman, o.c., v. II, 1983, приложение XVI: «Дионис, Геракл и Индия», pp. 435–442.*

⁷¹ Тезис политического убийства аргументированно отстаивают в наши дни *A. B. Bosworth, «The Death of Alexander the Great: Rumour and Propaganda», The Classical Quarterly. 21 (1971), pp. 112–136,* и *Dr Jean Coulomb, «La mort d'Alexandre le Grand», Histoire des Sciences Médicales, № 1 (1984), pp. 137–145* (сообщение, представленное на заседании Французского общества истории медицины 17 марта 1984 г.). Наряду с прочими аргументами называют несоответствие друг другу симптомов, которые приводит официальный придворный «Дневник», совершенно иную симптоматику «Вульгаты», установленную на основании расследования, произведенного по приказу Олимпиады и опубликованного пятью годами позднее, политическая заинтересованность в уходе Александра со сцены, которая несомненно имела у видных македонских родов, примеры отравления августейших особ как в Персии, так и в Македонии. С точки зрения современного историка этот тезис, хотя он и представлялся романтическим еще до «Романа об Александре», заслуживает по крайней мере рассмотрения. Его не следовало бы отвергать априори. Прибавим, что в рамках той героической перспективы, куда помещают себя авторы «Вульгаты», смерть Александра от яда напоминает смерть его предка Ахилла, пораженного в единственную свою уязвимую точку — пяту. Это — история о том, как наиболее доблестный был умерщвлен самым трусливым. Непобедимый герой может умереть, только будучи предан. См. также случай Геракла, другого предка Александра, жертвы отравленной рубахи, которую поднесла ему Деянира. Не бывает политики без мифа.

⁷² *H. und S. Wichmann, Schach. Ursprung und Wandlung der Spielfiguren in 12. Jahrhunderten, München, Callwey,*

1960; *H. J. R. Murray*, *A History of Chess*, 2 ed., Oxford, Clarendon Press, 1962; *J. Michel Mehl*, «Le jeu d'échecs à la conquête du monde», *L'Histoire*, № 71 (octobre 1984), pp. 40–50. Вот, кроме того, типичная цитата из «Романа о графе Анжуйском» Жана Майяра (1316 г.): «Et elle avoit, si je ne ment, Chevalier, auffin (или alfin), roc et fierce Qui fut de paonnez lui tierce (У ней имелись, коли я не вру, конь, слон, ладья и ферзь, которая образовывала тройку с пешками)»: мы видим здесь шахматные фигуры под их средневековыми именами.

⁷³ *Maurice Druon*, *Alexandre le Grand*, o.c. (1958), отталкивается от той идеи, что Александр, как и другие основатели империй (например, Ромул, Моисей или Саргон), был, в сущности, бастардом. Двусмысленность происхождения будет его преследовать на протяжении всей жизни и отчасти объясняет то, как реагировали на него современники. Мнимый отец, царь Македонии Филипп II, распорядился убить свою собственную мать, царицу Эвридику. Олимпиада якобы занималась в Самофракии сакральной проституцией, прежде чем произвести на свет Александра. [Все это, разумеется, фантазии М. Дрюона. Также и в трактате «Александр, или Лжепророк» Лукиана читатель не обнаружит каких-то скандальных сведений, касающихся Олимпиады (мы уже сказали об этом в заметке «От переводчика»): только в § 7 упоминается миф, согласно которому ὁπότε ἐκύει τὸν Ἀλέξανδρον δράκοντος συγκαθεύδοντος αὐτή («когда она вынашивала Александра, с нею спал змей»), а в § 38–39 об Олимпиаде вообще речи нет: говорится о мистериях, устроенных шарлатаном Александром. — *Прим. пер.*] Относительно Олимпиады отошлем читателя к принадлежащей *H. Strassburger* статье *Olympias* 5 Die Mutter Alexanders d.Gr., в *Real-Encyclopädie* (1942), Sp. 177–182. По поводу нравов, которые приписывались Олимпиаде, см.: *Лукиан* «Александр, или Лжепророк», 6–7 и 38–39.

⁷⁴ О людях из окружения царя — его «товарищах», «друзьях», совете см.: *S. Deger-Jalkotzy*, E-ge-ta, zur Rolle des Gefolgschaftswesen in der Sozialstruktur Mykenischer Reiche. Vienne, Akad. d. Wissenschaften, в особенности SS. 147-156.

⁷⁵ *A. Brühl*, «Le souvenir d'Alexandre le Grand et les Romains», *Mélanges de l'Ecole Française de Rome*, t. XLVII (1930), pp. 202-221; *P. Ceaulescu*, «La double image d'Alexandre le Grand a Rome. Essai d'une explication politique», *Studii Clasice*, XVI (1974), pp. 153-168; *Chiara Frugoni*, La fortuna di Ales-sandro Magno dall' antichita al Medioevo, Florence, La Nuova Italia Editrice, dicembre 1978.

⁷⁶ *P. Goukowsky*, Essai..., o.c., II (1978), pp. 111-114 и 316-319: «Александр и философские школы».

⁷⁷ Ср. речь, которую произносит Александр у *Квинта Курция Руфа* (X, 2, 23-29) в Сузах. См. также *E. N. Borza*, Philip II. Alexander the Great and the Macedonian heritage, Washington, University Press of America, 1982; *H. G. L. Hammond*, «Ta problēmata kai ta epiteugmata ton megalôn Makedonôn Philippou kai Alexandrou», *Publications de la Société des Etudes Macédoniennes* № 31, Thessalonique, 1982, pp. 5—15.

⁷⁸ Тезис алкогольной интоксикации с печеночной коликой и белой горячкой (*delirium tremens*) поддерживают *Louis Lewin*, Die Gifte in der Weltgeschichte, Berlin (Springer), 1920, pp. 177-180, и *J. M. O'Brien*, Annuals of the Queen's College. New York. 1980. Сколько веры следует придать тому указанию «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена (в конце), в соответствии с которым «он пил, когда вдруг издал громкий крик, словно стрела пронзила ему печень»?

⁷⁹ *M. Caster*, Etudes sur «Alexandre ou le faux prophète», de Lucien. Paris (Les Belles Lettres), 1938: сближения, на которые указал *P. Vidal-Naquet* в приложении к *Histoire d'Alexandre*, trad, par P. Savinel,

Paris, Éd. de Minuit, 1984, pp. 365–373. Данный памфлет, написанный после 180 г. н. э., является продолжением двух других памфлетов Лукиана: «Правдивой истории» (пародия на «Индику» Арриана, один из возможных прообразов «Романа об Александре»), ок. 165 г. н. э., и «Как писать историю», которая является общей пародией на Аристобула и Арриана и написана немного позже 165 г.

⁸⁰ *Ulrich Wilcken*. Zur Entstehung des hellenistischen Königskultes. Sitzungsberichte der Preuss. Akad. d. Wiss., Phil.-Hist. Kl., № 28 (1938), SS. 298–321; *Paul Goukowsky*, *Essai...*, o.c., 1.1 (1978), прежде всего pp. 57–68 и примечания pp. 277–289 (*Theos Anikutos*, то есть непобедимый бог); приложение XXIII, pp. 206–212 (Александр и *exuviae elephantis*); t. II (1981), pp. 3–83 (Александр и Дионис), 144–184 (критические примечания); *Claire Préaux*, *Le monde hellénistique*, t. 1, P.U.F. Nouvelle Clio, 1978, pp. 238–271 (Царские культы).

⁸¹ *Климент Александрийский* «Протрептик» II 16: «Зевс соединяется (с Персефоной), приняв облик змея... Бог на груди является символом для посвящаемых: проползающая по их груди змея есть обличие невоздержности Зевса».

⁸² *A. Poidebard*, S. J., *Un grand port disparu, Tyr*. Paris (Geuthner), 1939; *D. Harden*, *The Phoenicians*. Londres, 1963; *Les Dossiers de l'archéologie*, № 12 (septembre-octobre 1975), Liban, les grands sites: Tyr, etc., par *Emir Maurice Chehab*, Directeur général des Antiquités et musées de la République libanaise.

⁸³ *G. Posener*, «De la divinité du Pharaon», *Cahiers de la Sociuté asiatique*, № 15, Paris (1960), pp. 53–54; *P. Kaplony*, *Chronique d'Egypte*, t. 46, 1971, pp. 250–251.

⁸⁴ *P. Goukowsky*, *Essai...*, o.c., t. II (1981), pp. 25–31, и примечания pp. 154–158 (главным образом на основе

рассказов *Ch. Masson*, 1844 г., *Sir G. Scott Robertson*, 1896 г. и *M. Klimburg*, 1975 г.).

⁸⁵ К статьям *A. Brühl*, *P. Ceaurescu*, *Chiara Frugoni*, упомянутым выше, примеч. 75, здесь будет уместно прибавить работы *H. J. Gleixner*, *Das Alexanderbild der Byzantiner*, Dissert., Munich, 1961, и *Leilia Cracco-Ruggini*, «Sulla cristianizzazione della cultura pagana. Il mito greco e latino di Alessandro dalPeta antonina al medioevo», *Athenaeum*, B. 63 (1965), pp. 3—80.

⁸⁶ Относительно текста этого «Романа» и его дальнейшего развития см. Библиографию, раздел g). Романская традиция, и выше примеч. 3. Кроме того, ср.: *A. Abel*, *Le Roman d'Alexandre, légendaire médiéval*. Bruxelles, Office de Publicité, 1955.

⁸⁷ *A. Momigliano*, «Flavius Josephus and Alexander's visit to Jerusalem», *Athenaeum*, N. S., 57 (1979). pp. 442–447. Выше, в I главе, мы видели, что 1) в Тире Александр принял послов от всех городов и княжеств Сирии и Палестины, покорившихся главе Греческого союза; 2) что восстание самаритян, повинных в том, что они захватили и живьем сожгли македонского наместника Андромаха, стоило им в 331 г. карательного набега в 55 км к северу от Иерусалима. Так что Александр, этот воистину справедливый государь, уважал Иерусалим и наказывал раскольников.

⁸⁸ *F. de Polignac*, «L'image d'Alexandre dans la littérature arabe: l'Orient face a l'hellénisme», *Arabica*, t. 29 (1983), pp. 296–306. Кроме того, см. *Fr. Pfister* (1956), ссылка, данная в примеч. 3.

⁸⁹ *Emile Dermenghem*, *Mahomet et la tradition islamique*, «Maotres Spirituels», в издательстве Éditions du Seuil, 1955 (réimp. 1957), который отсылает в своей биографии к собственным трудам и к тем, столь же высоко ценимым, что принадлежат *Régis Blachère*, *Gaudefroy-Demombynes*, *Henri Massé*, *Louis Massignon*...

Напомним между прочим, что происходящие из ахеменидской империи тексты на древнеперсидском языке обозначают словом «Арабайа» (от «араба» — степь) не только Аравийский полуостров, но и часть нынешней Сирии, Палестину и Израиль, и что края, ставшие по прошествии тысячелетий пустынями, были прорезаны многочисленными караванными путями. См., например, *Pierre Lévêque*, *Empires et barbaries*, IIIe siècle av. J.-C.–Ier siècle ap. J.-C, Paris (Larousse, 1968, pp. 351–367, «Арабы и парфяне»).

⁹⁰ *Le Coran*, traduit par Régis Blachère, 4 vol., Paris. G. P. Maisonneuve, 1947–1951; другие переводы принадлежат *Denise Masson*, Gallimard, coll. «La Pléiade», 1967 (переиздание 1980); *Cheikh Si Hamza Boubakeur*, настоятелю Парижской мечети, 2-е изд., с арабским текстом по каирской версии, Paris, A. Fayard, 1979.

⁹¹ Цитируется у *Amir Mehdi Badi*, *Les Grecs et les Barbares*, Paris-Lausanne, Payot. 1963, p. 106.

⁹² Свидетельства в романе *Nestor Matsas*, *Les Mémoires d'Alexandre le Grand*, d'après le manuscrit de Babylone, roman de Paris, Les Belles Lettres, 1983, pp. 129–137.

⁹³ *P. J. Van Leeuwen*, *De Maleise Alexander Roman*. Utrecht, 1937.

⁹⁴ *André Bernand*, *Alexandrie la Grande*, Paris, Arthaud, 1966, pp. 233–234.

⁹⁵ *M. Andronicos*, *G. Cawkwell*, *Harry Dell*, *Ch. Edson*, *J. R. Ellis*, *G. T. Griffith*, *N. G. L. Hammond*, *G. Le Rider*, *P. Lévêque*, *M. Sakellariou*, *Philippe de Macédoine*, *Ekdotikè Athènon* (l'*Vissarionos*, Athènes), 1982 (оригинальное издание на греческом, *ibid.*, 1980). Относительно титула и функций царя: *F. E. Adcock*, «Greek and Macedonian Kingship», *Proceedings of the British Academy*, 39 (1953), pp. 163–180; *André Aymard*, «Basileus Makedonon», *Études d'histoire ancienne*, Paris, 1967, pp. 100–122 (article paru

dans la *Rev. intern. des Droits de l'Antiquité*, 4, 1950, pp. 61-97); *Pierre Carlier*, *La Royauté en Grèce avant Alexandre*. Strasbourg, Association pour l'étude de la civilisation romaine, 1984.

⁹⁶ О войсковых собраниях см.: *Цезарь* «Записки о Галльской войне», VI, 23, 4; *Тацит* «Германия», 7; 11; 13, для сравнения с тем, что имело место в Македонии: *André Aymard*, «Sur l'Assemblée Macédonienne», *R.E.A.*, 1950, pp. 115-137, и в первую очередь p. 127; *Pierre Briant*, *Antigone le Borgne, les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée Macédonienne*, Paris, Les Belles Lettres, 1973; *R. Lock*, «The Macedonian army assembly in the time of Alexander the Great», *Classical Philology*, 72 (1977), pp. 91 — 107.

⁹⁷ В отношении периода царствования Александра были использованы, помимо вышеупомянутых трудов *P. A. Brunt* (*Arrian, Anabasis Alexandra* I, p. LXIX-LXXXII, и приложение XIII; II, приложение XIX), *N. G. L. Hammond* (*Alexander the Great*, pp. 24-34), *P. Faure* (*La Vie quotidienne des armées d'Alexandre*, chap. I), *Z. Engels* (*Alexander and the Logistics of the Macedonian Army*), следующие: *Hans Droysen*, *Untersuchungen über Alexanders des Grossen Heerwesen und Kriegsführung*, Freiburg, 1885; *A. von Domaszewski*, «Die Phalangen Alexanders und Caesars Legionen», *Sitzungsberichte Heidelberger Akad. d. Wiss.*, 1925-1926, Abh. 1; *Helmut Berve*, *Das Alexanderreich*, o.c.. B. I (1926), глава II: «Армия», SS. 103-217; *J. Kromayer* und *G Veith*, *Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer*, *Handbuch der Altertumswissenschaft*, IV, 3, 2, Munich (Beck), 1928; *H. W. Parke*, *Greek Mercenary Soldiers*, Oxford, 1933; *Marcel Launey*, *Recherches sur les armées hellénistiques*. Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, № 169, 2 vol., Paris, 1949-1950; *W. W. Tarn*, *The Cambridge Ancient History*, vol. VI: *Macedon 401-301 BC*. 3 ed., Cambridge, 1953, pp. 358 sq. (состав армии Александра);

F. E. Adcock, «The Greek and Macedonian Art of War», *Sather Classical Lectures*, № 30, Berkeley and Los Angeles, Univ. of California Press, 1957; *P. A. Brunt*, «Alexander's Macedonian Cavalry», *J.H.S.*, 83 (1963), pp. 27–46; *A. M. Snodgrass*, *Arms and Armour of the Greeks*, *Aspects of Greek and Roman Life*, Londres, Thames and Hudson, 1967; *R. D. Milns*, *The Army of Alexander the Great*, Fondation Hardt; *Idem*, *Alexandre le Grand*, o.c. (1975), pp. 87—130, и обсуждение на pp. 131–136; *Peter Connoly* (при помощи *H. Catling*, *A. Snodgrass*, *F. Walbank* и *H. Russel Robinson*), *L'Armée grecque*, trad. de L. E. Junker, Aartselaar, Belgique, Éd. Chantecler, 1979; *Pierre Savinel*, перевод *Arrien*, *Histoire d'Alexandre*, o.c. (1984), предисловие, pp. 12–15.

⁹⁸ *Manolis Andronikos*, «Sarissa», *B.C.H.*, 1970, pp. 91—107, в особенности fig. 5–7, p. 99: выводам автора отыскалось подтверждение в результате открытий, сделанных тем же археологом в царских гробницах в Эгах неподалеку Вергины в 1977 г. (см. примеры из музея Салоник). Из одного сообщения, сделанного *Mlle S. Amigues* перед Association des études grecques, 7 mars 1983, *R.E.G.*, t. XCVI, 1983, pp. XVIII–XIX, следует, что два вида *kranc.a*, различаемых *Феофрастом* («История растений», III, 4, 3), — это кизил (*Cornus mas L.*) и каменное дерево (*Celtis australis L.*), первое из семейства кизиловых и *Dialypetalanthaceae*, а второе — вязовых и *Apetales*, однако оба они применяются для изготовления самых твердых палок, черенков и пик.

⁹⁹ Относительно осадного искусства и античных механиков см.: *C. Wescher*, *La Poliorcétique des Grecs*, Paris, 1867 (собрание античных текстов, прежде всего механика Битона, который писал ок. 225 г.); *A. de Rochas d'Aiglun*, *Traduction du Traité des Machines d'Athénée* (I в. н. э.), *Mélanges Graux*, Paris, 1884; *A. B. Hoffmeyer*, *Antike Artillerie*, Bonn, 1958; *Enée le Tacticien*, *Poliorcétique*, texte établi par A. Dain, traduit et annoté par A. M. Bon, Paris, Les Belles Lettres, 1967 (сочинение написано между 360 и

355 г.); *Roland Martin*, Manuel d'architecture. Matériaux et techniques, Paris, A. Picard, 1965 (касается также фортификационного дела); *F. E. Winter*, Greek Fortifications, Londres, 1971; *E. W. Marsden*, Greek and Roman Artillery. I, Historical development; II, Technical treatises. Oxford, Clarendon Press, 1969, 1971; *Yvon Garlan*, Fortifications et Histoire grecque. Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. Civilisations et Sociétés, II. Paris-La Haye (Mouton), 1968, pp. 245-260; La Guerre dans l'Antiquité, Paris, F. Nathan, 1972; Recherches sur la poliorcétique grecque, ouvrage suivi du livre V de la Syntaxe mécanique de Philon de Byzance (конец III в. до н. э.), Athènes, École française d'Archéologie et Paris, E. de Boccard, 1974; *Jack Lindsay*, Blast-Power and Ballistics. Concepts of Force and Energy in the Ancient World, London, Frederick Miller, 1974; *Peter Connolly*, L'Armée grecque, o.c.; pp. 64-71 (иллюстрации автора); *E. W. Marsden*, «Macedonian military machinery and its designers under Philipp and Alexander», *Ancient Macedonia*, II, Institute of Balkan Studies, Thessalonique, 1977, pp. 211-223; *Bertrand Gille*, Histoire des techniques, Encyclopédie de la Pléiade, Paris, Gallimard, 1978; Les Mécaniciens grecs. La Naissance de la technologie, Paris, Le Seuil, 1980, pp. 7-52.

¹⁰⁰ Об околдовывающем действии золота и металлов см.: *John Littlepa-gé à Demaree Bess*, In Search of Soviet Gold, New York. Brace and Co., 1938; *R. J. Forbes*, Studies in Ancient Technology, vol. VII à VIII, Leyde, Brill, 1963-1964; *Jacques Ramin*, La Technique minière et métallurgique des Anciens, coll. Latomus, vol. 153, Bruxelles, 1977; *Paul Faure*, La Vie quotidienne des colons grecs... au siècle de Pythagore, Paris, Hachette, 1978, прежде всего pp. 213-221 о купелировании; *Lucette Boulnois*, L'or du Tibet, Paris, éd. du C.N.R.S., 1983.

¹⁰¹ Об аравийских ароматах см.: *Hugo Bretil*, Die botanischen Forschungen des Alexanderszuges, Leipzig, 1903; Dictionnaire archéologique des techniques, Paris, Éd.

de l'Accueil, 1963–1964; *J. Pirenne* и сотрудники, «Au pays fabuleux de la reine de Saba», *Les Dossiers de l'Archéologie*, № 33, mars-avril 1979; древние царства южной Аравии; сокровища царей Авсана; Шабва, столица царства ладана. *Christian Robin* и сотрудники, «Dossier Yémen, sur la piste de l'encens», *Archéologia*, № 160, nov. 1981, pp. 26–53; *P. Faure*, La Vie quotidienne des armées d'Alexandre, *o.c.*, pp. 252–257; *Pierre Delaveau*, Histoire et renouveau des plantes médicinales, Paris, A. Michel, 1982, pp. 56–63.

¹⁰² *R. J. Forbes*, Studies in early petroleum industry, Leyde, 1958; *Idem*, Studies in Ancient Technology, «Bitumen and Petroleum in Antiquity», 2e éd., Leyde (Brill), 1964, pp. 1 — 124; *Jacques Ramin*, «Les Hydrocarbures dans l'Antiquité», *Archéologia*, № 69, avril 1974, pp. 10–15 (со ссылкой на *J. J. Berreby*, Histoire mondiale du pétrole, Hachette, s. d.).

¹⁰³ Псевдо-Аристотель «Экономика», книга II которого посвящена вопросам «царской экономики», то есть проблемам бюджета, налогов, монетарных уловок в империи Александра. См.: *Michel Austin* è *P. Vidal-Naquet*, Économies et sociétés en Grèce ancienne, Paris, A. Colin, U², 1973; *P. Briant*, Alexandre le Grand, *o.c.*, pp. 80–92; *G. Le Rider*, Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II, Paris, 1977.

¹⁰⁴ Геродот (V, 50 и 53) оценивал в 14 040 стадий (приблизительно 2500 км) расстояние от Эфеса до Суз по царской дороге. Прodelывая ежедневно 50 км, потребовалось бы 50 дней на то, чтобы добраться от столицы Персии до Средиземноморья. *N. G. L. Hammond* подсчитал, что если Александр находился в Сузах, а Антипатр в Пелле, требовалось 4 месяца на то, чтобы на поставленный вопрос был дан ответ (Alexander the Great..., *o.c.*, p. 158). От Вавилона до Тарса, по царской дороге вдоль Тигра, лично я насчитал 1200 км; войско Гарпала, отягощенное тяжелыми колесницами и «службами», несомненно проходило в день не более

20 км. Гарпал, который выступил из Вавилона в марте 324 г., никак бы не мог прибыть в Пирей, затратив на дорогу менее 70 дней. Угрозы Александра достигли Афин одновременно с золотом Гарпала. См.: *Siegfried Jaschinski*, *Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos*, Bonn, Habelt, 1981, и доклад *Wolfgang Will* в *Gnomon*, 54 (1982), Heft 8, pp. 746–750.

¹⁰⁵ Помимо уже упомянутых выше работ *G. Le Rider* и *M. Austin* с *P. Vidal-Naquet* франкоязычные читатели почерпнут немало ценного из *D. Schlumberger*, *L'argent grec dans l'Empire achéménide. À propos d'un trésor perse découvert à Caboul. Mémoires de la DAFA*, t. XIV, Paris, 1953; *R. Bogaert*, *Banques et banquiers dans les cités grecques*, Leyde, Sijthoff, 1968; *Jean Bousquet*, «Inscriptions de Delphes», *B.C.H.*, 1985, p. 221–253, специально исследует следующие надписи, опубликованные в *Fouilles de Delphes, Épigraphie*, III, 5: № 50 (курс золотых филиппеев), № 58 (приобретение [4] золотых венков для Олимпиады), № 80 (монеты в 1/4 золотого статера). Из всего этого вытекает, что серебряный статер Филиппа стоил 2 серебряные аттические драхмы; что золотой статер стоил 20 серебряных аттических драхм либо 14 драхм или 7 серебряных эгинских статеров; что казначей Дельфийского храма приравнивали золотой дарик к золотому филиппею; что, ссуживая храмовым казначеям золото из расчета 14 эгинских драхм за статер, пританы не извлекали никакой корысти, между тем как в это самое время (в 337–336 гг.) банковский лаж при обмене составлял 1 драхму на золотой филиппей (7 процентов).

¹⁰⁶ Вот попытка биографического обобщения работ по флотам Александра (в алфавитном порядке): *Lucien Basch*, «Phoenician Oared Ships», *The Manner's Mirror*, vol. 55 (1969), № 2 и 3, pp. 139–162 и 227–246; *Idem*, «Trières grecques, phéniciennes et égyptiennes», *J.H.S.*, vol. XCVII (1977), pp. 1–10; *Idem*, «Eléments d'architecture navale dans les lettres grecques», *L'Antiquité classique*, t. XLVI

(1978), fasc. 1, pp. 5—36; *Idem*, «Roman triremes and the outriggerless Phoenician trireme», *The Mariner's Mirror*, vol. 65 (1979), № 4, pp. 289–326; *Idem*, The Athlitram, A preliminary Introduction and report, *ibid.*, 68 (1982), pp. 3–7; *Idem*, Le Musée imaginaire de la Marine antique, Athènes (ministère de la Culture), 2 vol., с 240 таблицами, должен появиться на французском и греческом языках в сентябре 1985; *Lionel Casson*, Ships and Seamanship in the Ancient World, Princeton, 1971; *P. Faure*, La Vie quotidienne des armées d'Alexandre, *о. с.*, pp. 306–348; *J. M. Gassend*, *Miss Honor Frost*, *L. Basch*, *J. Thurnevssen*, «La Navigation dans l'Antiquité», Les Dossiers de l'Archéologie, Fontaine-lès-Dijon et Bruxelles (Soumilion), № 29, juillet-août 1978; *P. A. Gianfrotta* et *P. Pomey*, Archeologia subacquea, Milan, Mondadori, 1980; *Arvid Göttlicher*, Materialien für ein Corpus der Schiffsmodelle im Altertum, Mainz, Ph. von Zabern, 1978; *James Hornell*, Water transport. Origins and early Evolution, Cambridge, 1946; *J. S. Morrison*, «Hemiolia, trihemiolia», *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*. 9, 2 (1980), pp. 121–126; *Photios Petsas*, Peila, Alexander the Great's Capital, Thessalonique, 1978, pp. 68–69, № 5 (стела Макапта); *G. A. Rost*, Vom Seewesen und Seehandel in der Antike, Amsterdam, 1968; *Jean Rouge*, La Marine dans l'Antiquité, Paris, P.U.F., 1975; *Julie Vélissaropoulos*, Les naoclères grecs, Paris, Minard, 1980; *G. Wirth*, Nearchos. Der Flottenschef, Acta Conventus IX, Eirene 7, 1968; The National Maritime Museum Haifa (при сотрудничестве *Lionel Casson*), Ships and Parts of Ships on ancient Coins, 1, Haifa, 1975. Фотография «багалы», сделанная в 1937 г. *Fr. Balsan*, De Kaboul au golfe Persique, Paris, Peyronnet. 1949, перед р. 257. К тем приблизительно 30 типам судов, которые известны *Авлу Геллию* (X, 25, 5), следует прибавить суда-корзины («небут») волопасов, живших по соседству с Александрией (ср.: *Гелиодор* «Эфиопика», I, 5; *Ахилл Татий*, IV, 12), сшитые суда обитателей пелусийского

рукава нильской дельты (Суда, на слова Ἀμνα, Ἀμνατα, Κάσιον ὄρος, Πηλούσιον), круглые корабли из шкур, или «куффа», жителей Месопотамии (Геродот, I, 194). Для сопоставления же всегда следует обращаться к упомянутому в нашем рассказе труду «Essai sur la construction navale des peuples extraeuropéens» (1841), принадлежащему адмиралу *Edmond Paris*.

¹⁰⁷ Вот каков, на основании надписи на гробнице Дария I (486) в Накши-Рустаме близ Персеполя, список народов, покоренных Великим царем и плативших ему дань. Список этот подтверждается наскальной Бехистунской надписью, списком из Персеполя, иероглифической надписью на статуе Дария, найденной в Сузах в 1972 г., стелой в Сузах и еще одной, частично несохранившейся — из Суэца. Мы даем персидское обозначение каждого народа, затем его русифицированное название и, если оно нам известно, — имя главного города, столицы сатрапии. 1. Парса, Персида (столица Персеполь). 2. Мада, Мидия (Экбатаны). 3. Хувья, Сузиана (Сузы). 4. Партава, Парфия (Гекатомпилы, близ Шахруда). 5. Арайва, Ария (Артакоана). 6. Бахтрис, Бактрия (Зариаспа-Бактры). 7. Сугуда, Согдиана (Мараканда). 8. Уваразмис, Хорасмия (Калалы-Гыр или Хива?). 9. Зранка, Дрангиана или Зарангиана (Фрада). 10. Харауватис, Арахосия (Кандагар?). 11. Татагус, Саттагида (Кветта? Сандимана?). 12. Гандхара, Паропамисады (Ортоспана?). 13. Хиндус, Синд (Патала). 14. Сака Хаомаварга, «Кочевники, варящие хаому» (протекторат; по соседству с Курушкатой, «Кирополем», Ура-Тюбе в Таджикистане?). 15. Сака Тиграхауда, «Кочевники в заостренных колпаках» (протекторат; нынешний Казахстан?). 16. Бабирус, Вавилония (Вавилон). 17. Атура, Ассирия (Арбайлу?). 18. Арабайя, Сирия-Палестина (Дамаск). 19. Мудрайя, Египет (Мемфис). 20. Арминия, Армения (Ван?). 21. Карпатука, Каппадокия (близ Кайзери?). 22. Испарда,

Лидия (Сарды). 23. Яуна, Иония (Даскилий, близ Бурсы). 24. Сака Парадрайя, «Кочевники заморские» (протекторат; к западу от Каспийского моря). 25. Скудра, Фракия (протекторат, современная Болгария). 26. Явана широкошляпная, европейские греки (протекторат Македония); 27. Путайя, страна Пунт (Эритрея? Судан?). 28. Кушийя, Эфиопия или Сомали? (протекторат; Куш?). 29. Макийя, Мака, ныне Макран в Персидском заливе (Пура-Бемпур). 30. Карка, Кария или «Страна моря» с Киликией и Кипром (Галикарнас). Следует заметить, что этот список группируется вокруг трех главных народов по четырем главным направлениям — север, восток, юг и запад, с вставкой промежуточных, затем сюда добавлены семь протекторатов и два недавно покоренных народа. Список из 20 наместничеств или сатрапий, который составлял Геродот (III, 89–94) пятьюдесятью годами позже, совсем не соответствует списку Дария — ни по составу, ни в отношении порядка: он начинается с Ионии (западный берег Малой Азии) и доходит до долины Инда. 30 административных подразделений Александра, — тех, кого он постарался обеспечить сатрапами, военными наместниками и финансистами, — лишь отчасти перекрывают просторы империи Дария I. Это были: Мидия, Сузиана, Персида, Вавилония, Келесирия, Сирия, Палестина, Месопотамия, Египет I и II, Каппадокия, Фригия (Келены), Фригия (Геллеспонтская), Лидия, Кария, Писидия, Ликия, Памфилия, Киликия, Дрангиана, Парфия, Гиркания, Ария, Бактрия, Согдиана, Арахосия, Индия I (Пенджаб) и II (Синд), Паропамисады, Кармания, Гедросия. Очевидно, здесь недостает всего Аравийского полуострова, всего севера Малой Азии, Судана...

¹⁰⁸ Упоминание, с кратким анализом данного документа, имеется в «Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions (C.R.A.I.)», заседание от 5 июня 1936 г., с.

165–166, и в 1937 г., с. 182. Жак Купри, мой коллега, любезно согласился предоставить мне фотографию надписи с его собственными прорисью и транскрипцией. Оригинальный текст был представлен *Cl. Vatin* участникам конгресса в Афинах, собравшимся на пленарное заседание 7 октября 1982 г., под неверным названием: «Lettre des ambassadeurs d'Alexandre (Письмо послов Александра)». На наш взгляд, ни греческий текст, ни комментарий представлявшего эту надпись не были точны. Речь здесь не идет о «решении Александра, переданном через послов в Филиппы», а о решении города Филиппы, принятом в отсутствие Александра. Напомним, что весной 323 г. царь принял от большинства греческих городов посольства, поздравления и венки (*Диодор*, XVII, 113, 1–4; *Арриан*, VII, 15, 5: «Говорят, некоторые даже обращались к Александру с просьбой, чтобы он разрешил существовавшие между ними разногласия»). Эта надпись, которая в принципе хранится в музее Кавалы в Македонии, не пополнилась никакими новыми фрагментами. Прежде чем приступить к сочинению настоящего труда, я представил свою интерпретацию надписи J. Bousquet, G. Daux и J. Coupry.

¹⁰⁹ *Victor Chapot*, «Alexandre fondateur de villes», *Melanges Glotz*, t. 1, P.U.F., 1932, pp. 173–181, исправляет список, составленный Я. Berve, *Das Alexanderreich*, o.c., I, 278; *Roland Martin*, *Recherches sur l'agora grecque*, Paris, 1951, pp. 197–201; 412–415; *Idem*, *L'urbanisme dans la Grèce antique*, Paris, A. et J. Picard, 1956: 2e ftd., 1974; *Christian Le Roy*, «Les oiseaux d'Alexandrie», *B.C.H.*, 1981, pp. 393–406.

¹¹⁰ Современные историки, начиная с Гийома де Сен-Круа (1775), когда они ссылаются на указания Арриана, Страбона, Плиния Старшего и Стефана Византийского, изо всех сил тщатся локализовать эти множасьщиеся Александрии. Напрасный труд: лишь у двух из них

положение несомненно — это Александрия Египетская и Александрия на Яксарте, близ Ходжента. Да и проведенные вскрытия почвы или спасательные раскопки, проводимые здесь на протяжении вот уже более столетия, не выявили никаких иных свидетельств помимо относящихся к эллинистической эпохе. Водные потоки и человеческая ярость сгладили с лица земли развалины пяти других городов, которые также можно приписать Александру. Однако великий основатель оставил образцы, оставил свое имя и собственную легенду, разбудил инициативу, так что он больше создал после своей телесной смерти, нежели при жизни. Гафуров и Цибукидис посвящают 6 последних страниц IX главы и 10 страниц последней главы своей книги «Александр Македонский и Восток» (Москва, 1980) тому, чтобы отличить города, основанные Александром, от тех, что были заложены диадохами, опираясь прежде всего на критику Дройзена («Geschichte des Hellenismus», 1878, III, pp. 331–375). Количество мало что значит, говорят они. «Важно то, что греко-македонская экспедиция дала толчок рабству, торговле, обмену и сближению населения, весьма друг от друга удаленного» (гл. IX, конец).

¹¹¹ R. Ghirshman, *Begram...*, o.c. (1946), p. 9 и pi. III, локализовал Ортоспану на холме Эскандерия или Сикандерия между Кабулом и Чарикаром. Согласно ему, pp. 6—10 и fig. 4, Александрия, называемая «Кавказской», находилась на укрепленной (кирпичом) высоте Парван или Джебел-Сарай к северо-востоку от Беграма. Проведенные на месте в 1940 и 1941 гг. раскопки достигли лишь развалин, подчас весьма величественных, эпохи Селевкидов. Весь этот регион (долины Кабула и Панджера) был в I в. н. э. погребен разлившимся кушанским половодьем.

¹¹² P. Chuvin, «A propos de deux hypothèses sur les vignes et le raisin grecs dans la toponymie afghane: Istalif et

le fantôme des „Aristaphyloi“». *Studia Iranica*, t. 12 (1983), pp. 243–247. Эти заметки относительно судеб греческой топонимики и легенды о Сикандаре или Зуль-Карнайне дополняют данные, приведенные нами выше, в примеч. 36.

¹¹³ Вновь возникает вопрос о том, всем ли этим Александриям и пограничным постам уже во времена Александра удавалось колонизовать дальние земли (то есть их занимать, возделывать и извлекать из них пользу) при согласии на это местных жителей или же такими на самом деле оказались лишь новые военные и торговые поселения диадохов во II в. до н. э. Относительно итогов этой первой колонизации высказываются противоположные точки зрения: друг другу возражают *P. Priant* (*Alexandre le Grand*, o.c., pp. 104–106; *Dialogues d'histoire ancienne*, Besançon, t. II, 1976, pp. 194–210; t. V, 1979, pp. 283–292. «Colonies hellénistiques et populations indigènes, la phase d'installation», *Klio*, t. 60 (1978), pp. 57–60) и *P. Goukowsky*, в *Actes du Colloque de Strasbourg*, 1979, o.c., pp. 7–17 (ср. наше примеч. 46). Да будет нам позволено, чтобы подвести итог, задать элементарный вопрос: возможно ли затрагивать экономические аспекты, не касаясь в то же самое время аспектов социальных, политических и даже тех, что относятся к сфере искусства и мысли?

¹¹⁴ *P. Goukowsky*, *Essai...*, o.c., II (1981), pp. 99–100 («Александрия Макарена»).

¹¹⁵ *Louis Robert*, «De Delphes à l'Oxus, inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane», *C.R.A.I.*, 1968, pp. 416–457. Клеарх из Сол был учеником Аристотеля. Его надпись датируется началом III в. до н. э.

¹¹⁶ За последние 30 лет вышли три фильма: два «Alexander the Great», режиссеры Robert Rossen (1955) и Frederic March (1973), и «О Megalexandros» режиссера Theodoras Angelopoulos (1980), где Александр предстает своего рода святым Георгием, который освобождает

угнетенный англичанами греческий народ, фильм напоминает «Ивана Грозного» Эйзенштейна.

БИБЛИОГРАФИЯ

а) Работы историков — современников Александра

Die Fragmente der Griechischen Historiker, édition de Félix Jacoby, 2e partie B, Leyde, Brill, 1962, n°П7 a 153, pp. 618-828, les principaux documents étant: les *Éphémérides royales* (n°I17), les rapports des Bématistes (n°I 19—123), les Histoires ou Mémoires de Kallisthénès d'Olynthe (n°124), de Kharès de Mitylène (n°125), d'Ephippos (n°126), de Nèarkhos de Crète (n°138), d'Onèsikritos d'Astypalaia (n°134), de Kleitarkhos (= Clitarque) d'Alexandrie (n°137, pp. 741-752), du roi Ptolémée Ier, fils de Lagos (n°138), d'Aristoboulos de Kassandreia (n°139) et l'anonyme *Fragment sabaitique* (n°151). Ajoutez les fragments de Timée, 3e partie B, n°566, p. 581.

б) Письменные источники

P. Bourguet, Fouilles de Delphes, Épigraphie, III, 5, n°50, 58, 80 (comptes de 327 à 324/3), Paris, 1932.

Inédit de la ville de Philippes, traduit ci-dessus pp. 475-476.

Tod Marcus N., *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, vol. II, n°183-205 («The reign of Alexander»), Oxford, Clarendon Press, 1950, pp. 240-315. Christian Le Roy, *Alexandre a Xanthos*, in Actes du Colloque sur la Lycie antique, Paris, Maisonneuve, pp. 51-62.

A. J. Heisserer. *Alexander the Great and the Greeks. The epigraphic Evidence*, University of Oklahoma Press, 1980.

Paul bernard, *Nouvelle Contribution de Vépigraphie cunéiforme a Vhistoire hellénistique*. B.C.H., CXIV, 1990,

513-528.

с) Нумизматика

B. V. Head, Hill, Macdonald, Wroth, *Historia Numorum, a Manual of Greek Numismatics*, new and enlarged edition, Chicago, 1957.

Ch. Seltman, *Greek Coins*. Londres, 3e éd., 1960, pp. 200 sq.

A. R. Bellinger, «Essay on the coinage of Alexander the Great», *Numismatic Studies*, 11, New York, 1963.

G. Le Rider, *Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II de 359 a 294*, Paris, 1977.

d) Образ Александра в искусстве

Margarete Bieber, *Alexander the Great in Greek and Roman Art*, Chicago, Heinemann, 1964.

e) «Вульгата» об Александре

Diodore de Sicile, *Bibliothèque historique*, livre XVII (composé entre 54 et 36 av. J.-C), texte établi et traduit par Paul Goukowsky, Paris, Les Belles Lettres, 1976.

Philippika de Trogue Pompée (entre 20 et 2 av. J.-C.) = Justin (M. Junianus Justinus), *Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi*, livres XI et XII, éd. Fr. Ruehl, Leipzig, Teubner, 1886, trad, franc, par J. Pierrot et E. Boitard, revue par E. Pessonneaux, Paris, Gamier, 1925, pp. 120-160.

Quinte-Curce, *Histoires* (rédigées sous Claude, entre 42 et 50 ap. J.-C), texte établi et traduit par H. Bardon, Paris, Les Belles Lettres, t. I, 1948: t. II. 1961 (3e tirage en 1976).

Plutarque, *De Alexandri Magni Fortuna aut Virtute*, libri II (vers 75-80 ap. J.-C.) et *Regum et Imperatorum Apophthegmata*, éd. et trad, en ang. par F. C Babbitt, Londres, Heinemann, coll. Loeb. Moralia, t. III et IV, 1961-1962.

Plutarque, *Vie d'Alexandre* (vers 110-115 ap. J.-C), texte établi et traduit par Robert Flacelière et Emile Chambry, Paris, Les Belles Lettres, 1975 (= Plutarque, *Vies*, tome IX, pp. 30—125). Information éclectique, mais souvent tributaire de Clitarque, des *Lettres* et des *Éphémérides*. Cf. J. R. Hamilton, *Plutarch, Alexander: a Commentary*, Oxford, 1969.

Épitomé de Metz, Incerti Auctoris Epitoma rerum gestarum Alexandri Magni cum libro de morte testamentoque Alexandri (IVe ou Ve siècle), éd. P. H. Thomas, Leipzig, Teubner, 2e éd., 1966.

f) Критическая традиция

Pseudo-Démosthène, *Sur les conventions passées avec Alexandre*, éd. Croiset, Paris, Les Belles Lettres, 1925, II, 17.

Strabon, *Géographie* (entre 3 et 18 ap. J.-C), livre XI, chap. 6 à 13, texte établi et traduit par François Lasserre, Paris, Les Belles Lettres, 1975; livre XVII, éd. et traduction en latin de C Müller et Dübner, Paris. Didot, t. II des *Geographica*, 1877 (tradition d'Eratosthène de Cyrène, né vers 290-285 av. J.-C), éd. et trad, en angl. par H. L. Jones, Coll. Loeb n°40, t. VIII, Londres, Heinemann, 1949.

Pline l'Ancien, *Histoire naturelle* (vers 70 ap. J.-C), livre VI, 38 à 144, éd. Jahn, Leipzig, Teubner, 1898; éd. partielle (46 à 106) et trad, en franc, par J. André et J. Filliozat, Paris, Les Belles-Lettres, 1980 (d'après: la *Correspondance* d'Alexandre et les œuvres perdues de Clitarque, d'Onésicrite, de Néarque et d'Eratosthène). Résumé par Solin, *Collectanea*, 9, 17-21.

Arrien de Nicomédie, *Anabasis Alexandri*, books I-IV (vers 140-150 ap. J.-C), texte de l'éd. Roos et Wirth, Teubner, 1967, trad, angl., introduction, notes et XV appendices de P.A. Brunt, Cambridge (Massachussets) et Londres, W. Heine mann, The Loeb Classical Library, 1976; *Anabasis Alexandri*, books V-VII. et *Indica* (d'après Néarkhos), éd. et trad, anglaise du même P. A. Brunt, Londres (même éditeur, même collection), 1983.

A. B. Bosworth, *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*, I, Commentary on books I-III, Oxford. 1980.

Arrien, *l'Inde*, éd. Chantraine, Paris, Les Belles Lettres, 1927.

Arrien, *Histoire d'Alexandre. L'Anabase d'Alexandre le Grand*, traduit du grec par Pierre Savinel, Éd. de Minuit, Collection «Arguments», Paris, 1984.

Itinerarium Alexandri, ouvrage anonyme (vers 340 ap. J.-C), éd. commentée d'H. J. Hausmann, Dissertation, Cologne, 1970 (en partie d'après Arrien). Édition plus accessible à la suite des *Scriptores Rerum Alexandri Magni* et du Pseudo-Callisthénès (codices A, B, C + Julius Valerius) par C Müller, Paris, coll. Didot, 1846, pp. 155-167.

g) Римская традиция

Pseudo-Alexandre, *Lettres*, notamment à Aristote, au roi Darius, au roi Poros et avec la réponse de Poros, le testament d'Alexandre (recueils fabriqués au IIIe et au IIe siècle av. J.-C): cf. Reinhold Merkelbach. *Die Quellen des griechischen Alexander-romans*, Zetemata, vol. 9, München, 1954, et la préface plus les notes de l'éd. P. H. Thomas de *YÉpitomè de Metz*, cité ci-dessus. Les *Lettres des Satrapes*, citées par ATHÉNÉE, *Banquet des sophistes*. IX, 393 et XI, 784.

Pseudo-Aristote, «Récits merveilleux» (de l'époque hellénistique), *De Mirabilibus auscultationibus*, translatio

Bartholomaei de Messana, et Anonyma Basileensis, éd. G. Cornelia — J. Livius-Arnold, thèse de lettres, Amsterdam, 1978.

Pseudo-Callisthénès, *Roman d'Alexandre* (paraot avoir été rédigé en langue grecque, en Egypte, sous l'empereur Alexandre Sévère, 222–235 ap. J.-C). Nous le connaissons surtout traduit et adapté en latin par Julius Valerius Polemius (vers 338–340) sous le titre *Res Gestae Alexandri Macedonis*, éd. B. Kuebler, Leipzig, Teubner, 1888, texte qui devait inspirer les divers auteurs du «Roman d'Alexandre» au Moyen Age. Les versions byzantines (peut-être du IXe siècle) se lisent, en grec, dans les éditions W. Kroll, *Historia Alexandri Magni* (1926) et H. Van Thiel, *Leben und Taten Alexanders von Makedonien* (1974). On possède plusieurs versions orientales, assez éloignées de l'original grec: arménienne (éd. Raabe, 1896), éthiopienne (éd. W. Budge, 1889), hébraïque (éd. J. Ben Gorion, 1896), syrienne (éd. V Ryssel, 1893). Traduction en français du *Roman d'Alexandre* par G. Bounoure et Bl. Serret, Paris, Les Belles Lettres, 1992, et par Aline Tallet-Bonvalot, Paris, G. F. — Flammarion, 1994.

Nonnos de Panopolis, *Dionysiaka* (vers 460–470 ap. J.-C), chants XIII–XL (campagnes de Dionysos de la Phrygie jusqu'à l'Inde et séjour à Tyr). éd. R. Keydell t. I et II Berlin 1959.

СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АЛЕКСАНДРУ

Johann Gustav Droysen, *Geschichte Alexanders des Grossen*. Gotha, 1833: 2e éd. refondue, 1877; traduction en français par A. Bouché-Leclercq, Paris, E. Leroux, 1883, puis par Jacques Benoist-Méchin, Paris, Grasset, 1935 et février 1982.

Helmut Berve, *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*, I.B.: Darstellung; II B.:

Prosopographie, München, C. H. Beck, 1926.

Georges Radet, *Alexandre le Grand*, Paris, L'Artisan du Livre, 1931 et 1950.

Ulrich E. Wilcken, *Alexander der Grosse*. Leipzig, 1931; traduction en français de Robert Bouvier, Paris, Payot, Bibliothèque historique, 1933; en anglais avec une introduction de E. N. Borza, New York, 1962.

Charles-Alexander Robinson, *Alexander the Great, the meeting of East and West in World Govenment and Brotherhood*, New York, Dutton and Co, 1949.

Idem, *The History of Alexander the Great*. 2 vol., Providence, 1953-1963.

William Woodthorpe Tarn, *Alexander the Great*, 1er vol., Cambridge, University Press, 1950-1951; rééd. du I, Boston, 1956.

Paul Cloché, *Alexandre le Grand et les essais de fusion entre l'Occident gréco-macédonien et l'Orient*, Neuchâtel, Messeiller, 1953.

Idem, *Alexandre Le Grand*, P.U.F, 1954.

Amir Mehdi Badi', *Les Grecs et les Barbares*. L'autre face de l'histoire, Paris, Lausanne, Payot, 1963, spécialement pp. 19-21, 74-75 et 106.

Péter Bamm, *Alexander oder die Verwandlung der Welt*, Zurich (Droemer), 1965; en français: *Alexandre le Grand. Pouvoir et destin*, Paris-Bruxelles, Éd. Séquoia, Elsevier, 1969.

Péter Green, *Alexander the Great*, Londres, Weidenfeld and Nicholson, 1970.

Theodoros Sarantis, *Ho Mégas Alexandros: apo tèn historia heôs ton thrylo*, 2 vol., Athènes, 1970.

Konrad Kraft, *Der «rationale» Alexander*, éd. Helga Gesche, Frankfurter Althistorische Studien, 5, Kallmunz Opf. M. Lassleben, 1971.

Robin Lane Fox, *Alexander the Great*, Londres, Allen Lane, 1973.

Fritz Schachermeyr, *Alexander der Grosse: das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*, Vienne, Oesterr. Akad. der Wissenschaften, Philos. Klasse, t. 285, 1973.

Panagiotis Kanellopoulos, Athina Kalogeropoulou, Alexandras Despoto-poulos, Louiza Loukopoulou, *Megas Alexandros, 336—323p. Kh.*, Historia tou Hellènikou Ethnous, t. IV, pp. 2—235, Athènes, Ekdotikè Athènôn A.E., 1973.

Pierre Briant, André Bernard, Pierre Leriche, *Alexandre le Grand dégagé de l'histoire conventionnelle*. Les Dossiers de l'archéologie, n°5, juillet — août 1974, pp. 5—114, Paris, Impr. Edicis, 1974.

Pierre Briant, *Alexandre le Grand*. Presses Universitaires de France, coll. «Que sais-je?» n°622, Paris, 1974; 2e éd. mise à jour, 1977, M. A. Levi, *Alessandro Magno*, Milan, Rusconi, 1977.

Paul Goukowsky, *Alexandre et la Conquête de l'Orient (336-323)*, dans E. Will, *Le Monde grec et l'Orient*, Paris, P.U.F., Peuples et Civilisations, t. II, livre II, 1975.

Idem, *Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336-270 av. J. -G)*, 1. *Les origines politiques*, Nancy, Université II. Annales de l'Est, Mémoires, 60, 1978, pp. 9 à 71 et notes, et pp. 167-224 (XXVIII appendices).

Alexandre et Dionysos, *ibid.*, T. 2, 1981, pp. 3—83. XII appendices, pp. 86—140, notes critiques, pp. 143-198.

Entretiens sur l'Antiquité classique, *Alexandre le Grand. Images et Réalité*. Fondation Hardt, Entretiens du 25 août au 30 août 1975, n°XXII, Vandœuvres-Genève, 1976. Compte rendu par P. Goukowsky: *R.E.G.*, 1977. pp. 124-130.

B. Gafourof et D. Tsiboukidis, *Alexander Makedonskie i Vostok*, Moscou, Éd. Naouka, 1980; traduction en grec moderne par G. Stergiou, Athènes, éd. Papadima, 1982, 736 p., illustrations et cartes.

N. G. L. HAMMOND, *Alexander the Great. King, Commander and Statesman*, Londres, Chatto & Windus, 1981.

**Биографии и исследования, вышедшие после
Второй мировой войны**

W. W. Tarn, *Alexander the Great*, t. II: The Sources and Studies, Cambridge, 1948.

F Hampl, *La Nouvelle Clio*, VI 1954, pp. 91-136.

Lionel Pearson, *The lost Histories of Alexander the Great*, Londres, Blackwell, 1960.

C. A. Robinson, *The History of Alexander the Great*, t. II, Providence, 1963 (fragments et séquences).

E. Badian, «Alexander the Great, 1948-1967», *The Classical World*, t. 65, 1971, pp. 37-56 et 77-83.

J. Seibert. *Alexander der Grosse, Erträge der Forschung*, Bd. 10, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972 (état des questions a cette date).

Paul Goukowsky, Compte rendu du précédent ouvrage, avec compléments, *R.E.G.*, 1974, pp. 425-428.

Idem, Compte rendu des *Entretiens sur l'Antiquité classique*, t. XXII, Genève (1976) «Alexandre le Grand, Image et réalité», *R.E.G.* 1977, pp. 124-130.

Idem, «Recherches récentes sur Alexandre le Grand (1978-1982)», *R.E.G.* 1983, pp. 225-241.

Mario Attilio Levi, *Introduzione ad Alessandro Magno*. Milan, La Goliarda, 1977.

N. G. L. Hammond, *Three Historians of Alexander the Great*, Cambridge, Cambridge University Press, 1983.

Paul Pédech, *Historiens Compagnons d'Alexandre*, Paris, Les Belles Lettres, 1984.

Краткая библиография на русском языке

Лрриан Флавий. Поход Александра. М., 1993.

Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М, 1980.

Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. М., 1993.

Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. М., 1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1987.

Шифман И. Ш. Александр Македонский. Л., 1988.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

(Все даты до нашей эры)

356 г., октябрь (?) — Рождение Александра в Эгах (?) в Македонии.

336 г., август (?) — Убийство Филиппа II, его отца.

335 г. — Походы на Дунай, в Иллирию, Беотию.

334 г., май — Победа при Гранике.

333 г., ноябрь — Победа при Иссе.

332 г., февраль — август — Осада Тира.

331 г., 20 января — Основание Александрии в Египте.

Февраль — Посещение Оазиса Сива, святилища Амона.

330 г., 1 октября — Победа при Гавгамелах.

25 апреля — Пожар дворца в Персеполе.

330 г., июль — Смерть царя Персии Дария III Кодомана.

Июль — декабрь — Кампании в Гиркании, Арие, Арахосии.

329-328 гг. — Кампании в Бактрии и Согдиане.

327-325 гг. — Кампании в Индии.

326 г., 25 июня — Победа при Гидаспе (Джеламе), близ Джалалпура.

325 г., сентябрь — ноябрь — Переход через пустыни Гедросии и Мака.

324 г., март — Брак в Сузах. Бегство Гарпала.

Август — Бунт солдат в Сузах. Примирение в Описе.

10 ноября — Смерть Гефестиона, второго лица в империи, в Экбатанах.

323 г., 10 июня — Смерть Александра в Вавилоне (дата подтверждается табличкой 322 «Вавилонских ежедневников»).

Иллюстрации

Юный Александр. I в. до н. э. Мрамор. Париж, Лувр.

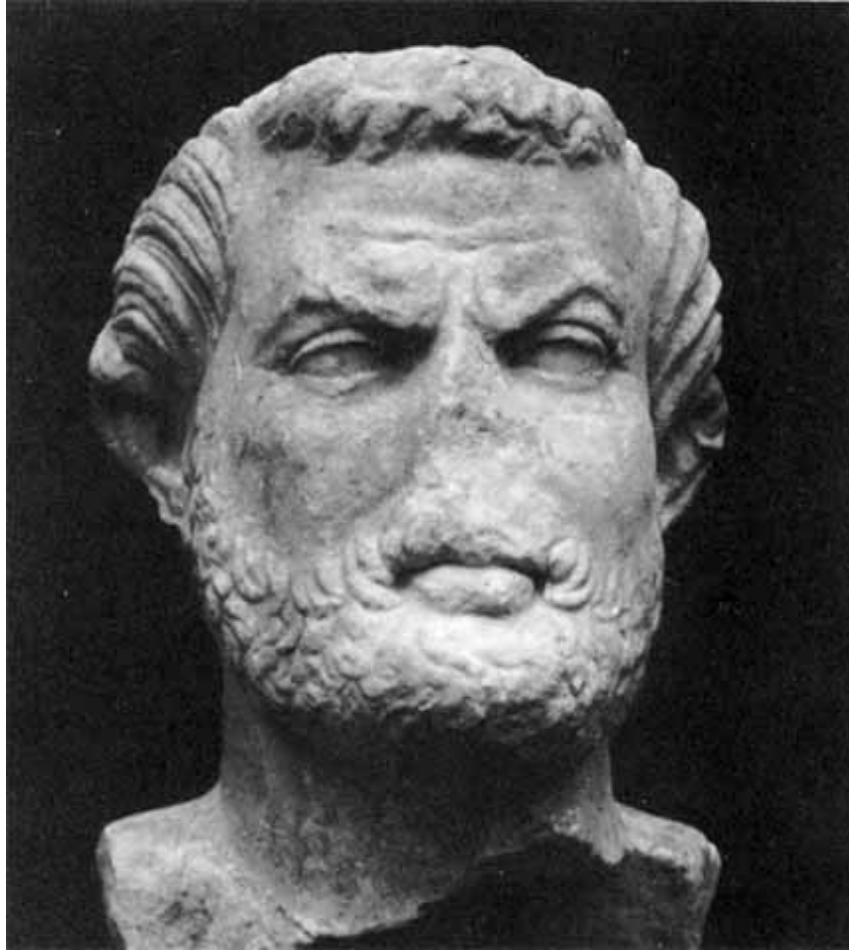
Олимпиада, мать Александра. *Золотой медальон.*
III в. до н. э.

Филипп II, отец Александра. *Костяной миниатюрный*
портрет IV в. до н. э.

Пелла. Мозаичные полы в царском дворце.

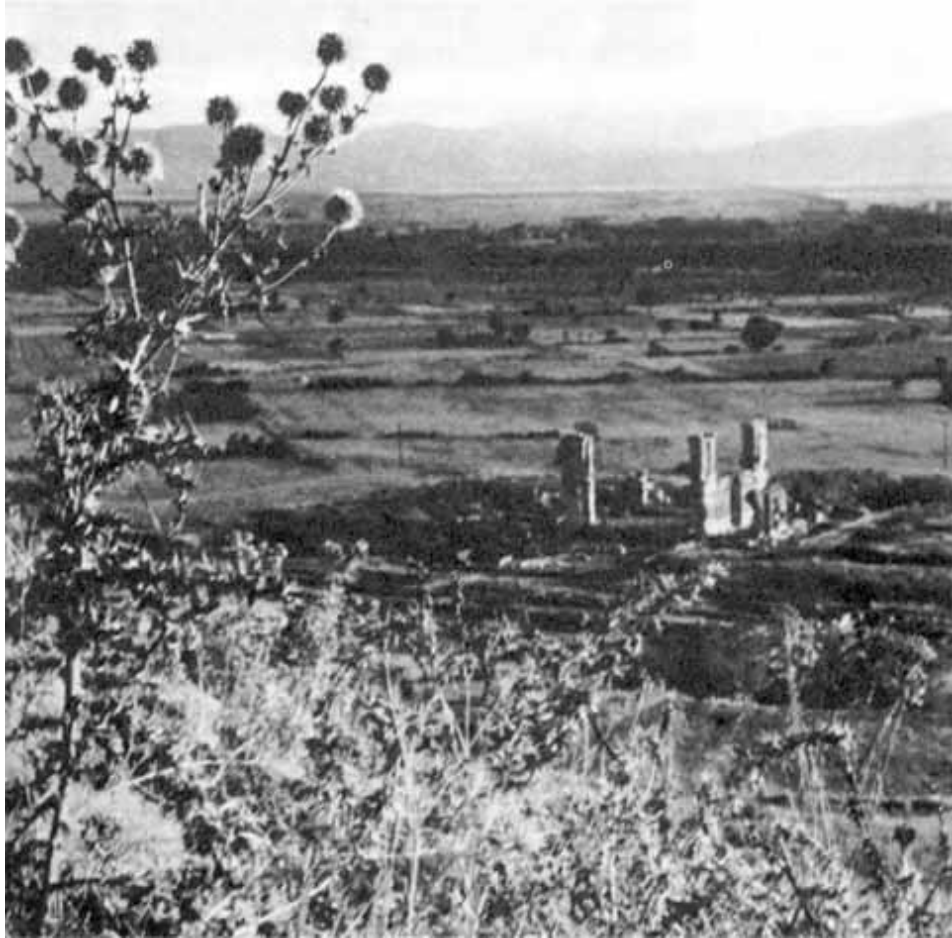
Филипп II. *Мрамор.*

Македония. Озеро Охрид.

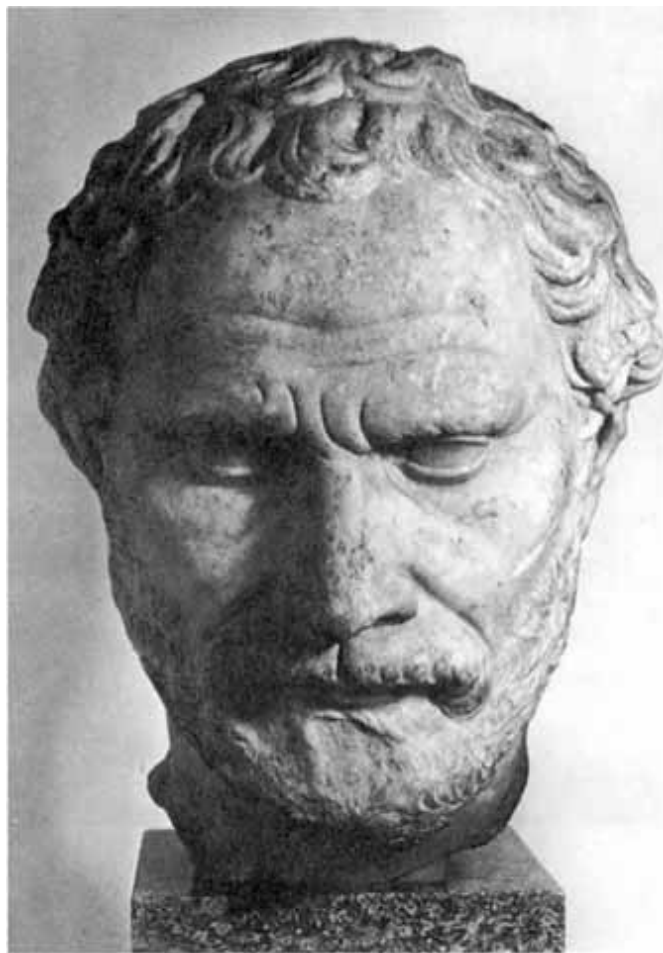
Филипп II на коне. *Серебряная монета.*

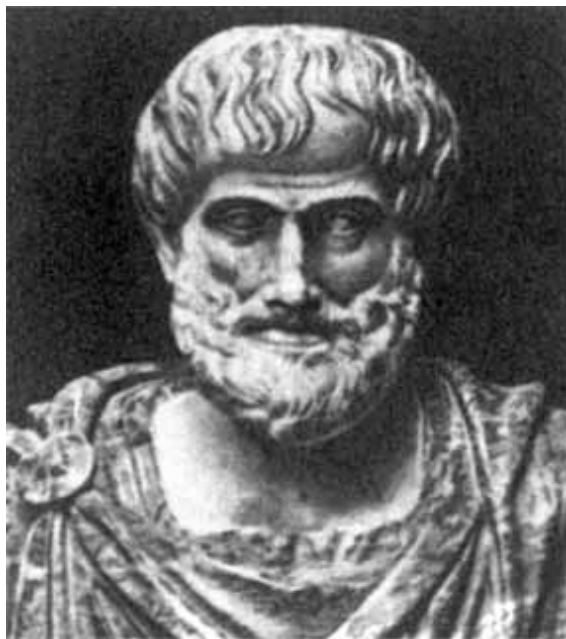
Фракия. Вид на руины города Филиппы, основанного Филиппом II.

Афинский Акрополь. *Аэрофотосъемка.*

Демосфен. *Мрамор.*

Аристотель. *Мрамор. Рим, Национальный музей.*

Эрот. Лисипп. IV в. до н. э. Санкт-Петербург, Эрмитаж.

Дионис на гепарде. *Мозаика из гальки. Пелла.*

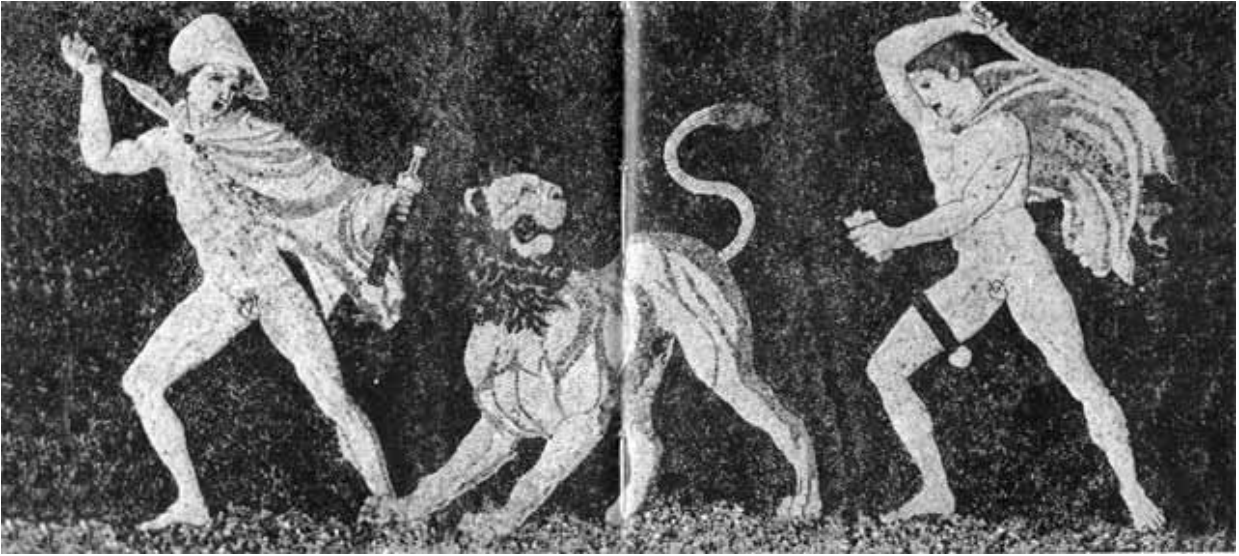
Мемориальный мраморный лев на месте Херонейской битвы.

Ахилл перевязывает рану Патроклу. *Роспись на греческой вазе.*

Александр укрощает Буцефала. *Бронзовая статуэтка.*

Александр и Кратер на львиной охоте. *Мозаика из гальки. Пелла.*

Александр Великий. *Герма из Азары.*

Голова ахеменидского князя из Персеполя.
Возможно, изображение Ксеркса, сына Дария Великого.
Ляпис-лазурь.

Дарий Великий. Бехистун. *Деталь скального рельефа.*

Дарий Великий на львиной охоте. *Оттиск цилиндрической печати.*

Серебряные монеты, отчеканенные персидскими сатрапами. *Слева — с изображением Тиссаферна, справа*

— с изображением Фарнабаза.

Персеполь. *Аэрофотосъемка.*

Персеполь. Капитель с изображением грифа.

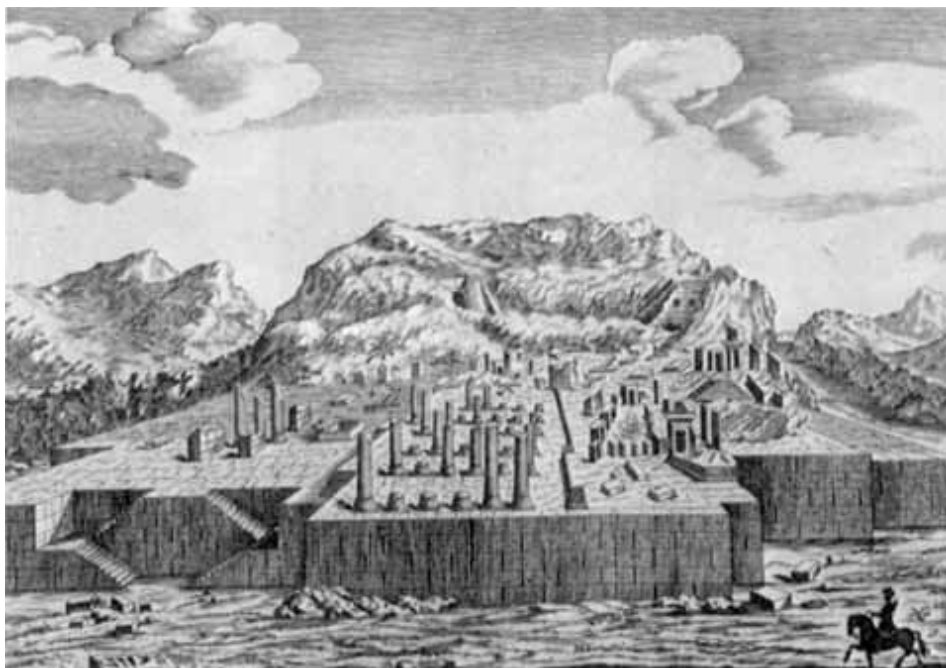
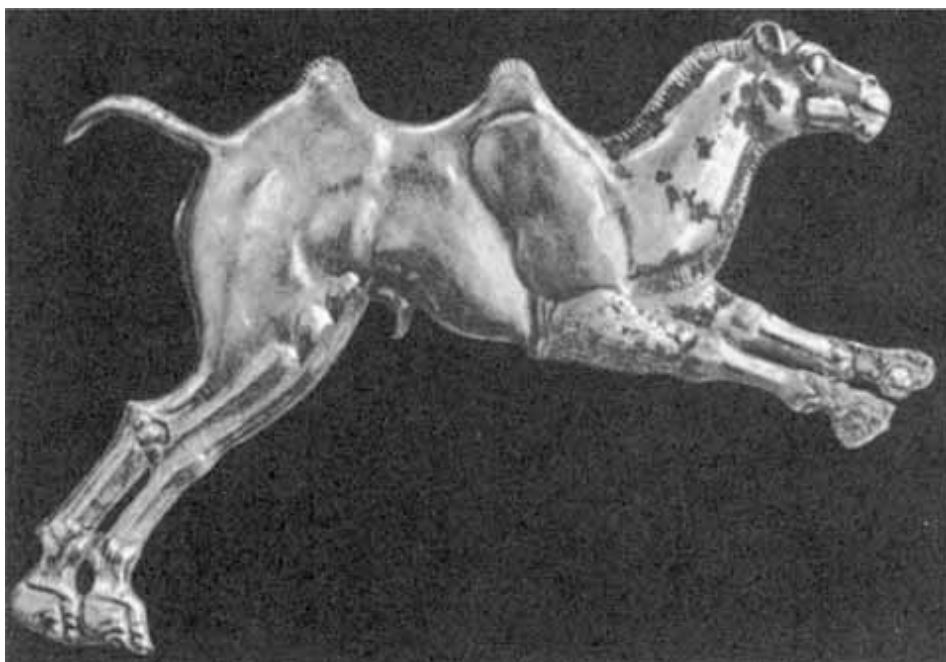

Рисунок с изображением руин Персеполя, сделанный в XVII веке.

Золотое изображение бактрийского верблюда.

Персеполь. Сирийские данники.

Чаша, браслет и ваза из подношений.

Дарий Великий. *Изображение на греческой вазе.*

Александр в сражении на своем коне Буцефале.

Александр Великий в львином шлеме.

Битва при Иссе. Александр. Мозаика из Помпей.
Фрагмент.

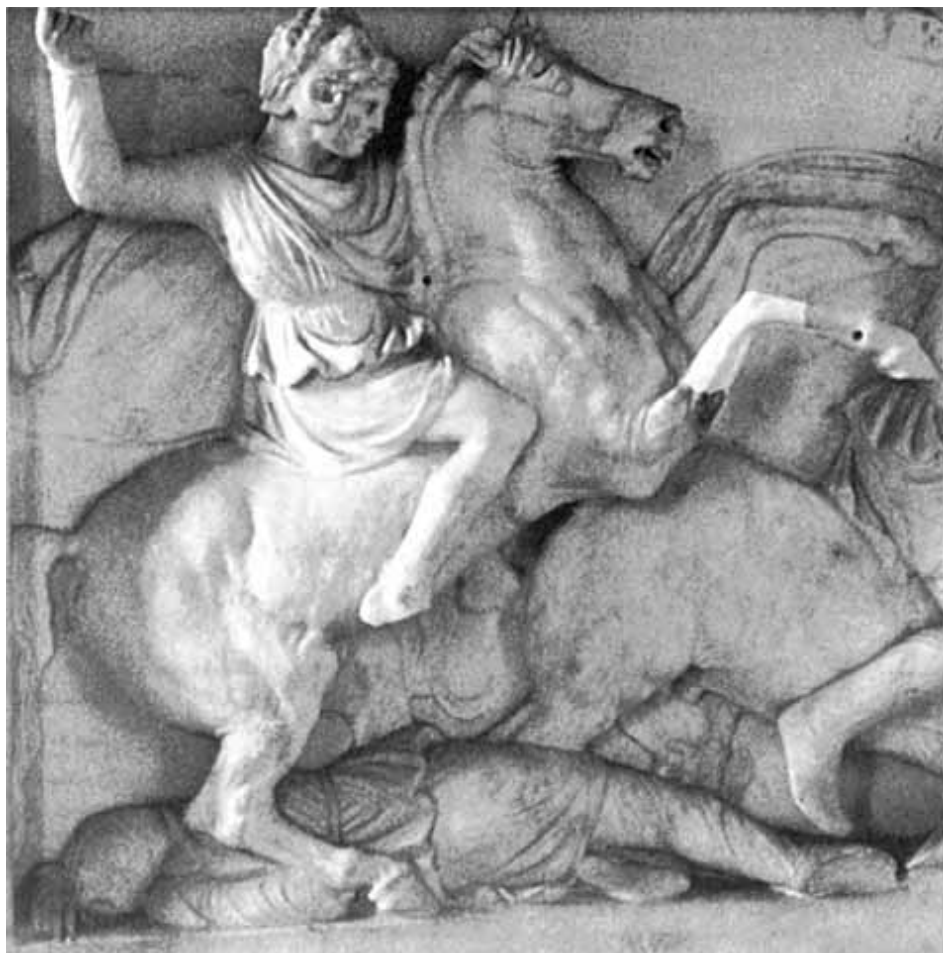
Битва при Иссе. Дарий III. Мозаика из Помпей.
Фрагмент.

Поединок между греком и персом. *Фрагмент рельефа так называемого саркофага Александра.*

Граник. Место первой битвы Александра с персами.

Александр Великий в сражении. *Фрагмент рельефа так называемого саркофага Александра.*

Мраморная статуя Кибелы-Артемиды. *Эфес.*

Ливанский кедр.

Мраморный лев. *Дидима.*

Мемфис. Пальмовая роща и священное озеро.

Александр приносит жертву Аммону-Мину. Рельеф на внешней стене святилища храма Аммона в Луксоре.

Александрия. Остров, на котором стоял Фаросский маяк.

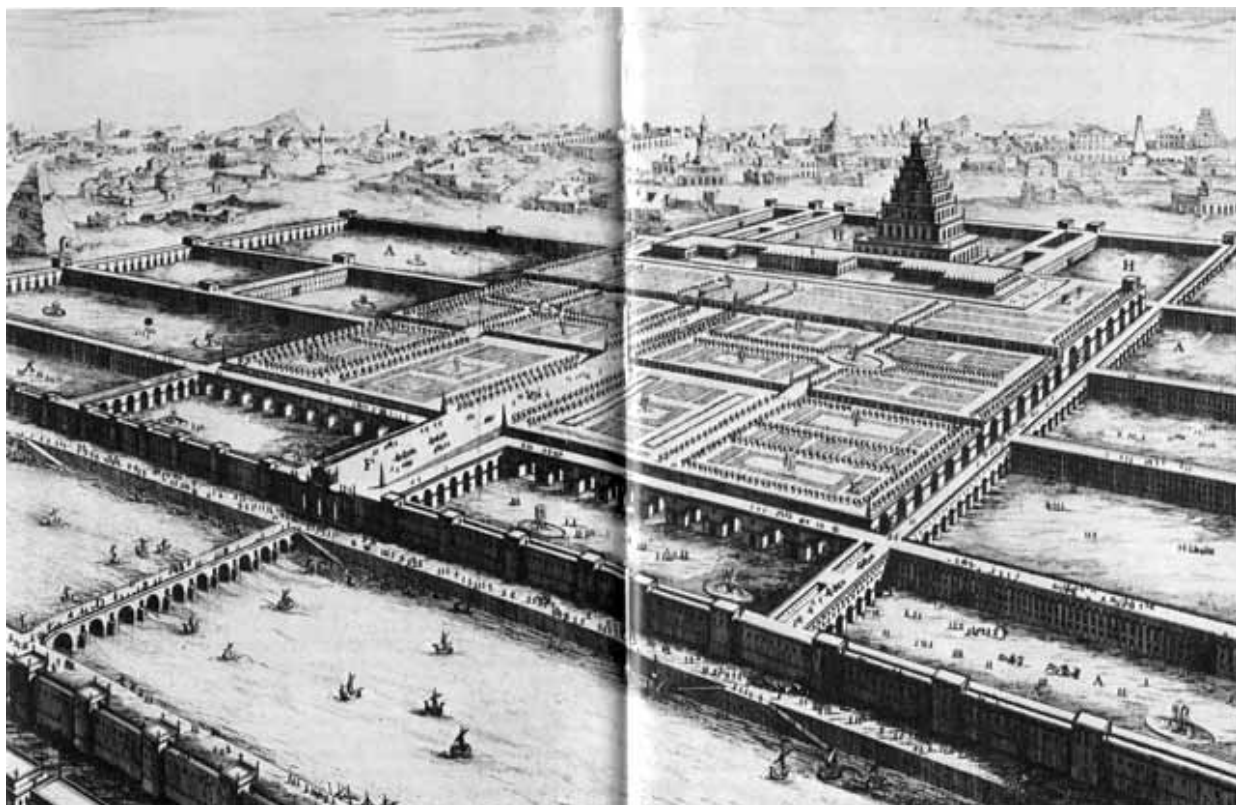
Александрия. Современный вид.

Птолемей I Сотер. *Мрамор.*

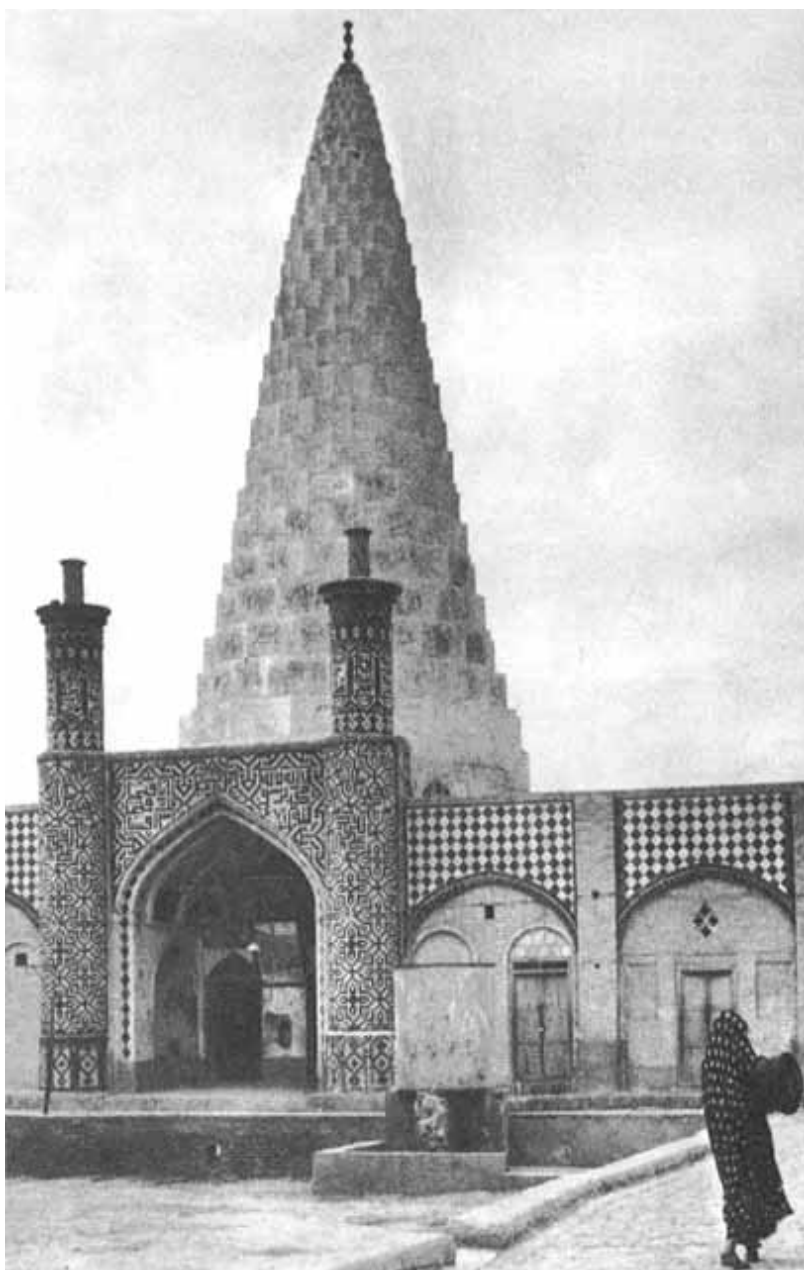
Оазис Сива. Руины храма Зевса-Аммона.

Вавилон. Реконструкция Фишера фон Эрлаха.

Персеполь. Процессия данников.

Сузы. Гробница пророка Даниила.

Македонский солдат на боевом слоне. *Ранне-эллинистическое серебряное блюдо.*

Герат. Александрия Эсхата, «Крайняя». На заднем плане — предгорье Гиндукуша.

Проход к Гиндукушскому перевалу.

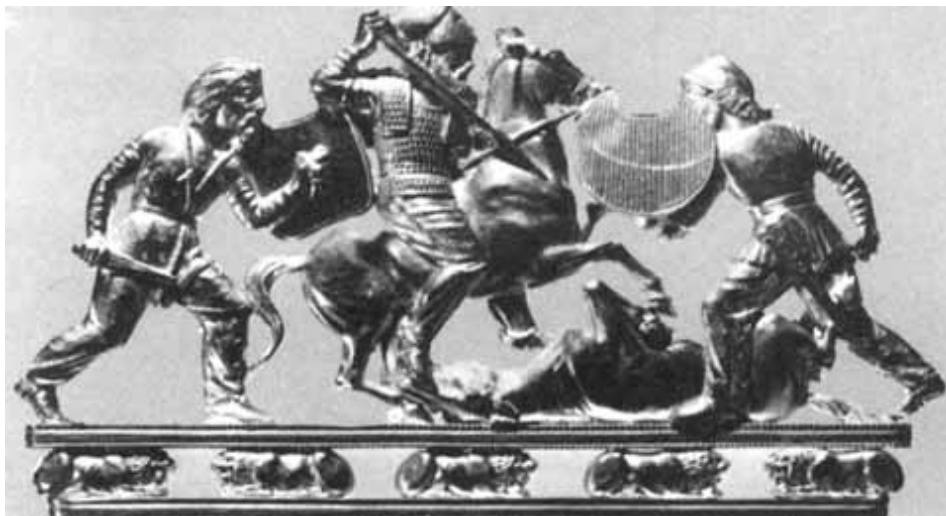
Буддийская ступа у Равалпинди, которая считается могилой Буцефала.

Александр верхом на коне атакует царя Пору.
Изображение на монете.

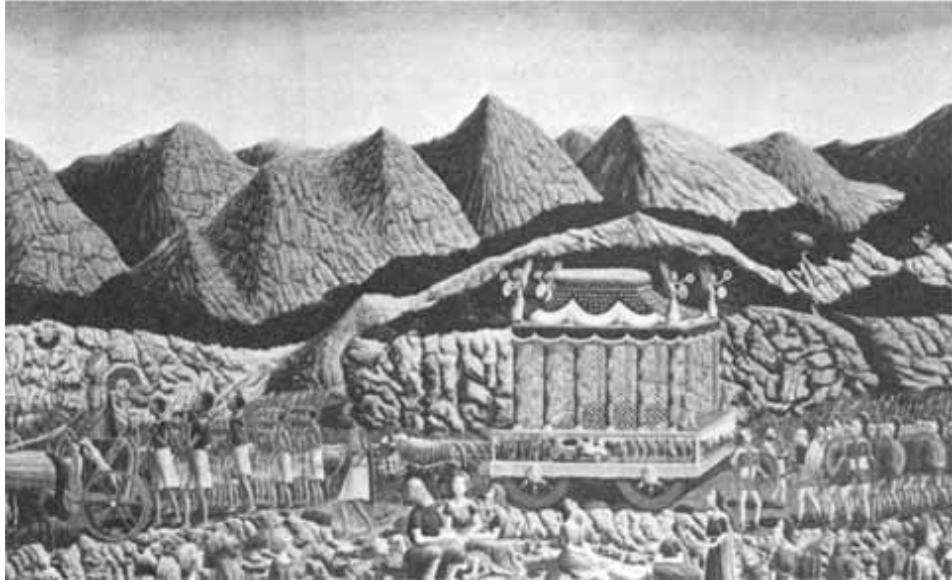
Голова скифа.

Скифские воины в бою. *Орнамент на золотом гребне.*

Александр Великий с телом Дария. *Персидская миниатюра XVI в.*

Реконструкция катафалка, на котором перевозили тело Александра Великого из Вавилона в Египет.

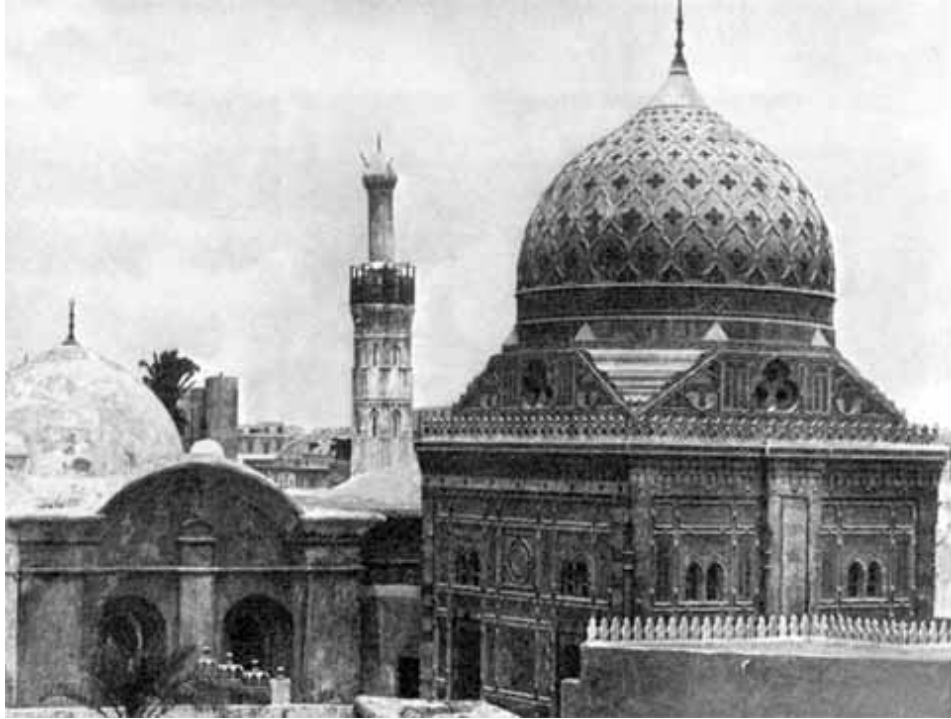
Римский светильник с изображением надгробных памятников Александра Великого и царицы Клеопатры:
1. Мавзолей Клеопатры. 2. Храм, посвященный Александру. 3. Мавзолей Александра.

Оплакивание Александра Великого. *Персидско-монгольская миниатюра XIV в.*

Два грифа уносят Александра Великого на небо.
Мозаика XII в. из собора в Отранто (Италия).

Мечеть, посвященная пророку Даниилу, под которой, возможно, находится гробница Александра Великого.

notes

СНОСКИ

Речь идет о Тихе, греческом божестве случая, отождествлявшемся с римской Фортуной. С эпитетом ἀγαθή (благая, добрая) она становилась богиней удачи. Например, ἀγαθὴ τύχη (в дат. пад.) было написано на щите Демосфена, с которым он шел в бой при Херонее в 338 г. (см.: *Плутарх «Демосфен», 20, 3*). — *Прим. пер.*

В конце XIX в. немецкие историки разработали концепцию двух традиций истории Александра: с одной стороны, надежной, основанной на воспоминаниях участников похода Птолемея и Аристобула, которую использовал впоследствии Арриан, а с другой — так называемой «Вульгаты», то есть «Народной версии» (от лат. *vulgus* — «народ»), которая была широко распространена, но малодостоверна, изобиловала нагромождением фантастических деталей и подробностей. Именно к «Вульгате» восходят наиболее известные истории похода Александра, относящиеся к римской эпохе: XVII книга «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, «История Александра Македонского» Курция Руфа и сделанная Юстином «Эпитома» («Извлечение») из «Всеобщей истории» Помпея Трога, а также в значительной мере биография Александра, принадлежащая Плутарху. «Вульгата» имела широчайшее распространение и оказала мощное влияние на мировую литературу, как западную, так и восточную, поскольку именно на ней основан сложившийся еще в эпоху эллинизма и получивший затем распространение «Роман об Александре», версии которого существовали едва ли не на всех имевших тогда письменность языках, причем многие из них дошли до нас. В Средние века «Роман об Александре» уступал по популярности только Библии. См.: *Бертельс К. Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М; Л., 1948; *Грабарь-Пассек М.* Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М, 1966. С. 172–183; *Александрья.* Минск, 1962; *Александрия.* Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965; *Истрин В. М.*

История сербской Александрии в русской литературе.
Вып. I. Одесса, 1909. — *Прим. пер.*

Имеется в виду обряд признания ребенка отцом: отец поднимал положенного на пол младенца и обносил его вокруг домашнего очага. Весь очистительный обряд назывался «амфидромией» и происходил на 5-й или 7-й день после родов. См.: *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 155. — *Прим. пер.*

Латинские слова *rex* и *regere* (править) —
однокоренные. — *Прим. пер.*

Слова, которые вкладывает в уста Александра Плутарх («Александр», 11, 6), обозначают поворотный момент в его биографии: «Когда я был у трибаллов и иллирийцев, Демосфен обзывал меня мальчишкой. Оказавшись в Фессалии, я сделался уже юношей. Теперь я хочу показаться под стенами Афин уже мужем». Так и герой «Одиссеи» (IX, 116-566) назывался «Никем» в стране одноглазых Киклопов; но после своего подвига он стал кем-то, а именно Одиссеем. — *Прим. авт.*

Намек на XIV и XVII песни «Одиссеи», в которых Одиссей, прибыв на родную Итаку под видом нищего уроженца Крита, дважды рассказывает вымышленную (но вполне правдоподобную) историю своего пленения во время набега на Египет. — *Прим. пер.*

Croissant fertile — принятое в исторической литературе название области Западной Азии, дугой охватывающей узкую полосу Восточного Средиземноморья (Израиль, Ливан), которая расширяется в Сирии, а далее направляется на юго-восток (равнины Тигра и Евфрата в Ираке), достигая Персидского залива. — *Прим. пер.*

Имеются в виду обстоятельства появления Диониса на свет: Зевс выхватил младенца из утробы погибшей Семелы и зашил себе в бедро, чтобы доносить. Μηρός означает по-гречески «бедро». — *Прим. пер.*

Обычно сезон дождей продолжается в Пенджабе с середины июня по середину сентября, и реки, в которых и так уже начался паводок от таяния снегов, окончательно выходят из берегов в середине июля. — *Прим. авт.*

В книге Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 160 указана дата 4 ноября (для широты 34°). Впрочем, Непарху все же пришлось отплыть прежде, чем установилась благоприятная погода. Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 281-282 пишет: «В действительности македонскому флоту пришлось выйти из гавани значительно раньше, чем это первоначально предполагалось. Подданные бежавшего из Паталы раджи напали на оставшихся македонян и захватили дельту Инда. Поэтому кораблям пришлось выйти в море уже в конце сентября и ожидать начала северо-восточных муссонов в гавани, расположенной западнее района восстания» (со ссылкой на *Арриана* «Индика» 21, 1 и *Страбона* XV, 2, 5). Ср. также *Aman. Der Alexanderzug. Indische Geschichte*. Berlin, 1985. S. 945, Anm. 55. — *Прим. пер.*

Называвшихся так потому, что они были вооружены копьями, украшенными золотыми шарами в форме яблока. — *Прим. пер.*

«Парадисами» (греч. παράδεισος от авестийского pairidaeza, «огороженное место») греки называли парки с заведенной в них дичью, которые устраивали персидские цари и вельможи. — *Прим. пер.*

В древности Персидский залив простирался дальше на северо-запад, и Карун не был притоком Шатт-эль-Араба (слившихся Тигра и Евфрата), а впадал в Персидский залив. — *Прим. пер.*

Арриан (VII, 14, 8) указывает сумму в 10 тысяч талантов как стоимость погребального костра (пурá), осторожный *Плутарх* («Александр», 72, 5) говорит об этой сумме как ассигнованной «на похороны, погребальный курган и его художественное оформление». Впрочем, словом пурá могли обозначать и сам курган. Ср. также *Aman. Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Berlin, 1985. S. 978-979, Anm. 58*, где комментаторы предполагают, что это могло быть здание, поскольку в 323 г. Пердикка его еще не закончил (*Диодор*, XVIII, 4, 2). Сам П. Фор ниже также говорит о «громадном зиккурате». — *Прим. пер.*

На Новый год у многих народов принято устраивать розыгрыши, переодевания. Так, в Древнем Риме на праздник Сатурналий (17-25 декабря) господа и рабы могли меняться ролями. — *Прим. пер.*

E. Littré. La Vérité sur la mort d'Alexandre le Grand. Ed. Pincebourde, Paris, 1865. Следует отметить, что при Александре постоянно находились врачи. Так, у малавов в 326 г. его пользовал Критобул с Коса (*Курций Руф, IX, 5, 25*) или (и) Критодем (*Арриан, VI, 11, 1*). — *Прим. авт.*

Вероятно, намек на беременность, которую древние считали равной десяти месяцам (по лунному календарю). — *Прим. пер.*

Рене Ле Сенн (1882-1854) — французский философ, занимался главным образом этикой, а также изучением характеров. — *Прим. пер.*

Мамурий Ветурий — легендарный кузнец из осков, выковавший при римском царе Нуме Помпилии (1-я пол. VII в. до н. э.) священные щиты бога Марса (ancilia), которые несли в процессиях жрецы-салии. Отлил также бронзовую статую бога Вертумна. — *Прим. пер.*

Оставляем эту огрубленно-материалистическую трактовку библейского рассказа без комментария. —
Прим. пер.

Согласно мифу руку героини Аталанты мог получить только тот, кто победит ее в беге, побежденный же должен был пасть от ее руки. Меланион выбрасывал на дорогу перед Аталантой золотые яблоки, она нагибалась за ними и потому проиграла. Его имя происходит от греч. μέλας — «черный». — *Прим. пер.*

Чемпион (champion) означает буквально «тот, кто сражается в поле». В переносном смысле слово стало значить «поборник» (какого-либо дела), а впоследствии — «чемпион» в современном значении. — *Прим. пер.*

Жак Бенуа-Мешен (1901-1983) — французский писатель и историк, автор многочисленных исторических трудов, в том числе «История германской армии», «Арабская весна», «Фейсал, король Аравии». — *Прим. пер.*

Так у автора, но принято считать, что Плутарх ссылается в данном случае на Гераклида, уроженца Понта на Черном море, ученика Платона. — *Прим. пер.*

Упоминается у Гомера («Илиада», V, 340). — *Прим. пер.*

В оригинале место испорчено, возможен пропуск. —
Прим. пер.

Имеется в виду, вероятно, Публий (или Манлий?) Гораций, который заколол собственную сестру за то, что она оплакивала своего жениха Куриация, погибшего в бою с Горациями, братьями Публия (см. *Тит Ливий*, I, 26, 3). Впрочем, параллель представляется искусственной. — *Прим. пер.*

В некоторых вариантах мифа утверждается, что этот 13-й подвиг Геракла был совершен им за семь ночей или даже за одну ночь. Старшая и младшая из дочерей Феспия родили по двойне. — *Прим. пер.*

Игра слов: Il y a des femmes comme il faut, et des femmes comme il en faut. — *Прим. пер.*

Серия озер, в которые впадает Гельманд. — *Прим. пер.*

Напоминаем, что Клит — брат кормилицы Александра Ланики, а не ее сын. — *Прим. пер.*

Так звали Диоскуров. — *Прим. пер.*

Плутарх «Демосфен», 20, 3; ср. Диодор, XVI, 87, 1. —
Прим. пер.

Букв. «Римский мир» — сложное общественно-политическое понятие, предполагавшее широкую программу покорения или замирения соседних с Римской империей народов с воцарением в результате на всей этой территории «вечного мира». Фактически Pax romana — это и есть сама Римская империя. В XIX в. говорили о Pax Britannica, а ныне, видимо, можно говорить о Pax Americana. — *Прим. пер.*

«Император» здесь в значении «полководец», каковое и сохранялось в латинском языке до конца Римской империи. «Императора» в нашем понимании обозначали слова «princeps», «Caesar», «Augustus». — *Прим. пер.*

Так именуют его Диодор и Курций, у Плутарха он зовется Лимном. — *Прим. пер.*

Название работы С. Кьеркегора (опубл. 1843 г.), взятой, в свою очередь, у апостола Павла (например, Еф. 6: 5; Евр. 12: 21). Это его излюбленное выражение часто встречается и в Ветхом Завете (например, Втор. 11: 25; Юдифь 15: 2). — *Прим. пер.*

Неспособность принимать решения. — *Прим. пер.*

Утрата речи. — *Прим. пер.*

Святилище в Дельфах принадлежало Аполлону. —
Прим. пер.

В третьей четверти II в. н. э. Однако Юстина относят и к III в. — *Прим. пер.*

Ὅμοιόι, то есть «равные по достоинству» (царю) — наименование высшей персидской знати. — *Прим. пер.*

Précieusité — течение французской культуры XVII в.; расцвет — вторая четверть XVII в.; буквально прилагательное *précieux* (ед. число) означает «драгоценный, изысканный», в переносном смысле — «галантный, жеманный». Становление течения связывают с салоном Катерины де Вивонн, маркизы де Рамбуйе (1588-1665), провозвестником прециозности явился Оноре д'Юрфе (1567-1625) со своим романом «Астрея». Мольер высмеял прециозность в комедии «Смешные жеманницы» (*Les Précieuses ridicules*, 1659 г.). — *Прим. пер.*

В индуизме — земное воплощение божества. См. подробнее: Мифологический словарь. М., 1991, с. 9-10. — *Прим. пер.*

Окончательного мнения об этом загадочном персонаже у комментаторов нет, помимо Александра говорят и о неведомом химьяритском царе Йемена. Ср.: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 78–79. — *Прим. пер.*

Ташаххуд (глагол) — произносить исповедание веры: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед — посланник Аллаха!» О Семи спящих отроках см.: Мифологический словарь. М., 1991. С. 494-495. — *Прим. пер.*

Выше говорилось, что вал был возведен столетием позже, при Селевке II. — *Прим. пер.*

Вероятно, ошибка, поскольку Андре Мальро умер 23 ноября 1976 г. — *Прим. пер.*

То есть украшенными узором из пересекающихся линий. — *Прим. пер.*

Жак Кёр (ок. 1395–1456) ведал финансами Карла VII, три года провел в тюрьме, откуда ему удалось бежать, умер в изгнании. *Жак де Бон сеньор де Самблансэ* (1445–1527) был главным банкиром Карла VIII, Людовика XII и Франциска I, стал в 1518 г. генеральным контролером финансов. Казнен в отсутствие короля его матерью Луизой Савойской по несправедливому обвинению в финансовых злоупотреблениях. *Николя Фуке* (1615–1680) ведал французскими финансами при Людовике XIV, арестован в 1661 г., остаток жизни провел в заключении. — *Прим. пер.*

Латинские слова *colonia* и *cultura* — однокоренные, происходящие от глагола *colo* — возделывать, ухаживать, почитать. — *Прим. пер.*

Керкуры упоминаются уже у Геродота (VII, 97). —
Прим. пер.

Скорее всего, ссылка неверная. Возможно, речь идет о другом месте у Страбона (XVI, 1, 11), но и оно не очень подходит. — *Прим. пер.*

Из этого названия, означающего на древнеперсидском «Волчья земля», возникло античное название области Гиркания. — *Прим. пер.*

Хотя исторический Дигенис действительно жил в VIII в. (ум. ок. 788 г.), посвященные ему эпические поэмы возникли гораздо позже — в XI–XIV вв. — *Прим. пер.*

В кн. Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 202-203, в списке греко-бактрийских царей никаких Дикаев нет. Скорее всего, это ошибка, «Дикий» (δίκαϊος, «справедливый») — не имя, а эпитет. Впрочем, вся история исчезнувшего из поля зрения античных авторов греко-бактрийского царства представляет собой сплошное белое пятно. — *Прим. пер.*

В отечественной литературе обычно говорят о существовавшем здесь греко-бактрийском царстве. — *Прим. пер.*

Античные историки нередко смешивали Танаис-Дон с Яксартом. С этим связана и упомянутая проблема Гиндукуша, который они принимали за Кавказ. См.: *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984. С. 237–240, 269, а также *Aman.* Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Berlin, 1985. S. 890–891, Anm. 122. — *Прим. пер.*

Шудры, или судры, как известно, — четвертая, низшая варна, или каста, в Индии, однако нам не удалось отыскать упоминаний того, чтобы они были особой этнической группой. Предположение о том, что они, подобно илотам в Спарте или пенестам в Фессалии, являются потомками автохтонного населения, покоренного вторгшимися сюда индо-арийцами, а уж тем более что шудры — какое-то особое племя, можно считать лишь гипотезой, и в любом случае она может быть только частью истины. Ср. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия. Наука. Религия. М., 1980. С. 27–28. В древнеиндийской мифологии шудры возникают из ног прачеловека Пуруши. Этимология слова «шудра» не выяснена. — Прим. пер.

В первых строках данного раздела автор, по нашему мнению, правильно указал в качестве приблизительной даты захода Плеяд 1 ноября. Отметим еще раз, что Страбон в указанном автором месте говорит как раз о том, что Непарху пришлось выплывать *ранее* наступления благоприятной погоды, при *восходе* Плеяд. Ср. также: *Arrian. Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Berlin, 1985. S. 1130, Anm. zu 21, 5. — Прим. пер.*

См.: *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998. — *Прим. пер.*